

**V СЕВЕРНЫЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
КОНГРЕСС**

**ТЕЗИСЫ
ДОКЛАДОВ**

**V NORTHERN
ARCHAEOLOGICAL
CONGRESS**

ABSTRACTS

GOVERNMENT
KHANTY-MANSIISK AUTONOMOUS OKRUG — UGRA
INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY URAL BRANCH OF THE RAS
PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY
AND ETHNOGRAPHY (KUNSTKAMERA) OF THE RAS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RAS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
SIBERIAN BRANCH OF THE RAS
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE OF THE RAS
SURGUT STATE UNIVERSITY
MUSEUM OF NATURE AND MAN

V NORTHERN ARCHAEOLOGICAL CONGRESS

ABSTRACTS

DECEMBER 11–14, 2019
KHANTY-MANSIYSK

EKATERINBURG • KHANTY-MANSIISK
LLC Universal Printing House "Alpha-Print"
2019

GOVERNMENT
KHANTY-MANSIISK AUTONOMOUS OKRUG — UGRA
INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY URAL BRANCH OF THE RAS
PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY
AND ETHNOGRAPHY (KUNSTKAMERA) OF THE RAS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RAS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
SIBERIAN BRANCH OF THE RAS
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE OF THE RAS
SURGUT STATE UNIVERSITY
MUSEUM OF NATURE AND MAN

V NORTHERN ARCHAEOLOGICAL CONGRESS

ABSTRACTS

DECEMBER 11–14, 2019
KHANTY-MANSIYSK

EKATERINBURG • KHANTY-MANSIISK
LLC Universal Printing House "Alpha-Print"
2019

GOVERNMENT
KHANTY-MANSIISK AUTONOMOUS OKRUG — UGRA
INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY URAL BRANCH OF THE RAS
PETER THE GREAT MUSEUM OF ANTHROPOLOGY
AND ETHNOGRAPHY (KUNSTKAMERA) OF THE RAS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE RAS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
SIBERIAN BRANCH OF THE RAS
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE OF THE RAS
SURGUT STATE UNIVERSITY
MUSEUM OF NATURE AND MAN

V NORTHERN ARCHAEOLOGICAL CONGRESS

ABSTRACTS

DECEMBER 11–14, 2019
KHANTY-MANSIYSK

EKATERINBURG • KHANTY-MANSIISK
LLC Universal Printing House "Alpha-Print"
2019

ПРАВИТЕЛЬСТВО
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УРО РАН

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МУЗЕЙ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА

V СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

11–14 ДЕКАБРЯ 2019
ХАНТЫ-МАНСИЙСК

ЕКАТЕРИНБУРГ • ХАНТЫ-МАНСИЙСК

ООО Универсальная типография "Альфа-Принт"

2019

УДК 902(470) + 902(4) + 902(7)
ББК 63.4(2) + 63.4(4) + 63.4(7)
С 28

V Северный археологический конгресс. Тезисы докладов.
11–14 декабря 2019. Ханты-Мансийск.
V Northern Archaeological Congress. Abstracts.
December 11–14, 2019. Khanty-Mansiysk.
Екатеринбург: ООО Универсальная типография "Альфа-Принт",
2019. — 488 с.

ISBN 978-5-9070809-7-3

К 100-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Ответственный редактор
д.и.н. Н. М. Чаиркина

Edited by
N. M. Chairkina

Редакционная коллегия
чл.-корр. РАН Л. А. Беляев
д.и.н. С. А. Васильев
чл.-корр. РАН А. В. Головнёв
к.и.н. О. В. Зеленцова
д.и.н. Л. Н. Корякова
чл.-корр. РАН А. И. Кривошапкин
д.и.н. В. А. Лапшин
акад. РАН Н. А. Макаров
акад. РАН В. И. Молодин
д.и.н. Л. Н. Мыльникова
д.и.н. П. Ю. Павлов
д.и.н. Е. В. Перевалова
В. Н. Широков
д.и.н. А. Ф. Шорин
чл.-корр. РАН М. В. Шуньков
к.и.н. А. В. Энговатова

Editorial Board
L. A. Belyaev
S. A. Vasiliev
A. V. Golovnev
O. V. Zelentsova
L. N. Koryakova
A. I. Krivoshapkin
V. A. Lapshin
N. A. Makarov
V. I. Molodin
L. N. Mylnikova
P. Yu. Pavlov
E. V. Perevalova
V. N. Shirokov
A. F. Shorin
M. V. Shunkov
A. V. Engovatova

Перевод
Т. В. Говорухина

Translated by
T. V. Govorukhina

**КОНГРЕСС ПРОВОДИТСЯ НА СРЕДСТВА
ПРАВИТЕЛЬСТВА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ**

**ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ МИНИСТЕРСТВА НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
В РАМКАХ СОГЛАШЕНИЯ № 075-02-2019-1509 от 14.06.2019 г.**

ISBN 978-5-9070809-7-3

© Авторы, 2019

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРА ЕВРАЗИИ В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ
И РАННЕМ ГОЛОЦЕНЕ

MAIN STAGES OF THE NORTH EURASIA
COLONIZATION IN THE PLEISTOCENE
AND THE EARLY HOLOCENE

А. А. АНОЙКИН, Г. Д. ПАВЛЕНКО, В. М. ХАРЕВИЧ, А. В. ШАЛАГИНА, С. А. ГЛАДЫШЕВ,
Г. И. МАРКОВСКИЙ, Ж. К. ТАЙМАГАМБЕТОВ

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА СЕВЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ УШБУЛАК В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ*

Стоянка Ушбулак расположена в Шиликтинской долине на северо-востоке Казахстана. Стратиграфический разрез стоянки содержит семь культуросодержащих слоев. Наиболее массовый и выразительный материал залегал в слоях 5–7. Первичное расщепление в их индустрии было направлено на получение крупных пластин. В орудийном наборе представлены скребки, ретушированные пластины, тронкированно-фасетированные и шиповидные изделия. Яркими элементами являются пластина с перехватом, изделия с подтеской, скошенное острие, пластинки с притупленным краем, орудия с черешком, нуклеус-резец, листовидный бифас. Наличие этих изделий, в сочетании с характеристиками первичного расщепления и AMS датами, позволяет отнести индустрии слоев 5–7 к начальному верхнему палеолиту. Наибольшее сходство эти материалы имеют с индустрией горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом. Ряд аналогий прослеживается также с другими ранними верхнепалеолитическими комплексами Алтая (Денисова пещера), Северного Китая (Лотоши) и Монголии (Голбор-4,-21).

Анойкин Антон Александрович – д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: anui1@yandex.ru

Павленок Галина Дмитриевна – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

Харевич Владимир Михайлович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: mihalich84@mail.ru

Шалагина Алена Владимировна – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Гладышев Сергей Анатольевич – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: gladyshev57@gmail.com

Марковский Григорий Иванович – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: markovskyyu@gmail.com

Таймагамбетов Жакен Кожаметович – д.и.н., чл.-корр. НАН РК, зам. директора, Национальный музей Республики Казахстан (Казахстан, Нур-Султан). E-mail: zhaken.taimagambetov@gmail.com

Многослойная верхнепалеолитическая стоянка Ушбулак, расположенная в Шиликтинской долине на северо-востоке Казахстана, открыта Российско-Казахстанской экспедицией в ходе разведочных работ в 2016 г. Стратиграфический разрез стоянки, общей мощностью ~7 м, включает восемь литологических слоев из которых в семи был зафиксирован археологический материал. По характеристикам найденного инвентаря слой 1 был отнесен к эпохе палеометалла, слои 2–4 – к финальному верхнему палеолиту, слои 5–7 – к начальным этапам верхнего палеолита [Shunkov et al. 2017]. Наиболее массовый и выразительный материал залегал в слоях 5–7 (~15 000 каменных артефактов). Первичное расщепление в индустриях нижних слоев характеризуется получением пластинчатых заготовок в рамках параллельного объемного бипродольного расщепления. В орудийном наборе широко представлены концевые скребки, интенсивно ретушированные пластины,

* Исследования выполнены при финансовой поддержке РФФ, грант № 19-18-00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения Homo sapiens в Азии» (рук. Е. П. Рыбин).

тронкированно-фасетированные, шиповидные изделия. Важным элементом орудийного набора является серия изделий-маркеров: пластина с перехватом, изделия с вентральной подтеской дистального края, скошенное острие, пластинки с притупленным краем, остро-конечники и скребки с черешком, нуклеус-резец, листовидный бифас. Наличие изделий этих типов, в сочетании с характеристиками первичного расщепления, а также широкое применение пикетажа для подготовки зоны расщепления позволяет отнести индустрии слоев 5–7 к начальной стадии верхнего палеолита. Это подтверждается и AMS-датами, полученными для слоя 6 — 36180 ± 730 л. н. и 41110 ± 302 л. н.

На северной границе Центральной Азии формирование верхнепалеолитических традиций началось ~50 тыс. л. н. Их самое раннее проявление зафиксировано на Алтае в Денисовой пещере, в слоях 11.1 и 11.2 Восточной галереи и в нижней части слоя 11 Центрального зала, датированных 50–45 тыс. л. н. [Деревянко и др. 2003; Douka et al. 2019].

Наиболее близкие аналогии индустрии нижних слоев Ушбулака имеют с материалами горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом (44–43 тыс. л. н.). Максимальная степень сходства между ними прослеживается по всем основным параметрам каменного производства, начиная с типов используемого сырья и характеристикам первичного расщепления, заканчивая составом орудийных наборов и наличием в них характерных изделий-маркеров [Rybin 2014].

В Северной Монголии близкие по облику комплексы, возрастом 43–35 тыс. л. н., относятся к начальному верхнему палеолиту южносибирско-монгольского типа (Толбор-4, -21 и др.) [Rybin 2014; Derevianko et al. 2007].

В качестве предкового региона, откуда около 45 тыс. л. н. происходит распространение верхнепалеолитических традиций в восточном направлении — в Монголию и Забайкалье, рассматривается территория Российского Алтая. В настоящее время предполагается несколько возможных маршрутов продвижения носителей этих индустриальных традиций, один из которых мог проходить через Монгольский Алтай и Джунгарию, вдоль северного фаса Гобийского Алтая и озерных котловин до бассейна р. Селенги [Rybin 2014].

В пределах Джунгарской котловины на северо-западе Китая в настоящее время известен только один памятник с индустрией, включающей элементы раннего верхнего палеолита — местонахождение Лотоши с поверхностным залеганием археологического материала [Derevianko et al. 2012].

Стоянка Ушбулак расположена между Российским Алтаем и Джунгарией и входит в круг многослойных стратифицированных комплексов начальной стадии верхнего палеолита южносибирско-монгольского типа. Ключевые алтайские памятники Денисова пещера и Кара-Бом находятся в 400–450 км к северу от Ушбулака, а местонахождение Лотоши в 100 км к юго-востоку. Многослойный характер стоянки Ушбулак и представительные наборы каменных изделий из нижних слоев позволяют рассматривать этот памятник как опорный объект для исследования верхнего палеолита Восточного Казахстана. Его дальнейшее изучение, детальный анализ и интерпретация археологических комплексов дадут возможность проследить основные тренды индустриального развития в верхнем палеолите региона, определить носителей верхнепалеолитических традиций и наметить пути их передвижений, как для территории Казахстана, так и для всей Центральной Азии.

Библиографический список

- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф., Малаева Е. М., Ульянов В. А., Кулик Н. А., Постнов А. В., Аноikin А. А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск, 2003.
- Derevianko A. P., Xing G., Olsen J. W., Rybin E. P. The paleolithic of Dzungaria (Xinjiang, Northwest China) based on materials from the Luotuoshi site // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2012. Vol. 4(52). P. 2–18.
- Derevianko A. P., Zenin A. N., Rybin E. P., Gladyshev S. A., Tsybankov A. A., Olsen J. W., Tseveendorj D., Gunchinsuren B. The technology of early Upper Paleolithic lithic reduction in Northern Mongolia: The Tolbor-4 site // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2007. Vol. 29. P. 16–38.
- Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C. B., Shunkov M. V., Derevianko A. P., Mafessoni F., Kozlikin M. B., Li B., Grün R., Comeskey D., Deviese T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R. G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // *Nature*. 2019. Vol. 565, № 7741. P. 640–644.
- Rybin E. P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and Central Asia // *Quaternary International*. 2014. Vol. 347. P. 39–52.
- Shunkov M., Anoin A., Taimagambetov Z., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia // *Antiquity*. 2017. Vol. 91, iss. 360. Project Gallery. P. 1–7.

A. A. ANOIKIN, G. D. PAVLENOK, V. M. KHAREVICH, A. V. SHALAGINA, S. A. GLADYSHEV,
G. I. MARKOVSKIY, Z. K. TAYMAGAMBETOV

INITIAL STAGES OF THE UPPER PALEOLITHIC IN THE NORTH OF CENTRAL ASIA: BASED ON THE MATERIALS OF USHBULAK OCCUPATION SITE IN EASTERN KAZAKHSTAN

Ushbulak occupation site was located in the Shiliktinskaya valley in the north-east of Kazakhstan. The site's stratigraphy consists of seven living floors. Levels 5–7 contained most of the varied and expressive materials. The industry used primary knapping technique for obtaining large blades. The tools set consisted of scrapers, retouched blades, the truncated-facetted and the tenon-shaped tools. A group of very interesting items included a strangled blade, tools with hewing, a tapered tip, bladelets with a blunted edge, tanged tools, burin cores, and a leaf-shaped biface. The presence of those items in combination with the primary knapping characteristics and the AMS dates indicated the Upper Paleolithic age of the levels 5–7 industry. These materials had the greatest similarity with the industry from level BP2 of the Kara-Bom occupation site. Some analogies could also be traced to the other early Upper Paleolithic complexes of the Altai (Denisova cave), Northern China (Lotoshi), and Mongolia (Tolbor-4, 21).

Anton A. Anoykin – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: anui1@yandex.ru

Galina D. Pavlenok – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

Vladimir M. Kharevich – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: mihalich84@mail.ru

Alena V. Shalagina – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Sergey A. Gladyshev – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: gladyshev57@gmail.com

Grigory I. Markovskiy – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: markovskyyy@gmail.com

Zhaken K. Taimagambetov – Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, National Museum of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan, Nur-Sultan). E-mail: zhaken.taimagambetov@gmail.com

Н. Е. БЕЛОУСОВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ В НАЧАЛЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ГОРНОГО АЛТАЯ*

В работе представлены результаты новых исследований археологических объектов начала верхнего палеолита в Горном Алтае. На основе комплексного подхода была изучена структура культурных отложений опорных стоянок Кара-Бом и Усть-Каракол-1. Новые данные о культурно-стратиграфическом членении отложений позволили провести анализ и сопоставление гомогенных каменных индустрий, реконструировать технологии обработки каменного сырья, определить облик и общий тренд развития кара-бомовской и усть-каракольской культурных традиций начала верхнего палеолита региона. Новая интерпретация хронологии и технико-типологической вариабельности индустрий стоянок Кара-Бом и Усть-Каракол-1, их сравнительный анализ с синхронными комплексами региона позволили установить, что рассматриваемые традиции являются свидетельствами преимущественно разновременных эпизодов обитания человека, а не синхронных, как полагалось ранее: кара-бомовская — более ранний, усть-каракольская — более поздний эпизод.

Белоусова Наталья Евгеньевна — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: nataliabelousovaarch@gmail.com

Горный Алтай представляет собой один из ключевых регионов в контексте изучения процессов становления верхнепалеолитических традиций на территории Северной и Центральной Азии. К числу наиболее информативных археологических объектов рассматриваемого периода в регионе относят многослойные стоянки открытого типа Кара-Бом и Усть-Каракол-1, на основе исследования которых в предыдущие годы были выделены две самостоятельные линии развития, или культурные традиции, — кара-бомовская и усть-каракольская [Деревянко, Шуньков 2004].

На современном этапе исследования была проведена ревизия археологических материалов стоянок Кара-Бом и Усть-Каракол-1, основной целью которой являлось уточнение технологических и типологических характеристик и общего тренда развития культурных традиций начала верхнего палеолита Горного Алтая (кара-бомовской и усть-каракольской традиций). В задачи исследования входило определение характера структурной организации культурных отложений начала верхнего палеолита стоянок Кара-Бом (раскоп 4) и Усть-Каракол-1 (раскоп 2), реконструкция технологий обработки каменного сырья на основе анализа индустрий этих комплексов, изучение связей индустрий с синхронными объектами региона.

Анализ каменных индустрий и их контекста базировался на планиграфическом, технологическом, сравнительно-типологическом и атрибутивном методах. Новизна результатов исследований также обеспечивалась введением в научный оборот новых данных ремонта артефактов [Славинский, Рыбин, Белоусова 2016], данных метода сырьевых единиц и трасологического анализа.

В результате исследований было установлено, что стратифицированная часть стоянки Кара-Бом включает два стратиграфически расчленяемых горизонта залегания археологического материала (культурные горизонты ВП1 и ВП2), которые маркируют последовательные

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-39-00167 «Стратегии освоения пространства стоянки Кара-Бом в начале верхнего палеолита» (рук. Н. Е. Белоусова).

этапы заселения стоянки в начале верхнего палеолита и связаны с носителями кара-бомовской культурной традиции. В рамках литологических слоев 11–8 (раскоп 2) стоянки Усть-Каракол-1 были зафиксированы свидетельства одного основного горизонта залегания археологического материала (культурный горизонт РВП1), принадлежащего к усть-каракольской традиции [Белоусова 2018].

Дифференциация коллекций каменных артефактов анализируемых комплексов с учетом выявленных культурных подразделений и при исключении инокультурных примесей позволила создать новую основу для детальных технологических реконструкций, определения вариабельности и тенденций в развитии технологий обработки каменного сырья эталонных индустрий. Было установлено, что содержание элементов пластинчато-острийной среднепалеолитической технологии в комплексе горизонта РВП1 стоянки Усть-Каракол-1 является следствием нарушения и смещения культурных отложений среднего и верхнего палеолита [Шуныков, Белоусова 2015], что в свою очередь может указывать на «чистый» верхнепалеолитический облик усть-каракольской традиции. Перечень технологических и типологических характеристик индустрий раннего этапа развития кара-бомовской традиции является значительно редуцированным в индустриях более позднего этапа, что проявилось в исчезновении отдельных стратегий и техник расщепления (расщепление комбинаторных нуклеусов, использование техники пикетажа зоны расщепления нуклеусов) и орудий-маркеров (острия с подтеской основания, тронкированно-фасетированные изделия и др.) при сохранении некоторых общих черт [Белоусова, Рыбин, Федорченко 2019].

Новая интерпретация хронологии и технико-типологической вариабельности индустрий стоянок Кара-Бом и Усть-Каракол-1, их сравнительный анализ с синхронными комплексами региона позволили установить, что рассматриваемые традиции являются свидетельствами разновременных эпизодов обитания человека, а не синхронных, как полагалось ранее: кара-бомовская — более ранний, усть-каракольская — более поздний эпизод. Результаты анализа указывают на то, что тенденции в развитии технологических традиций в начале верхнего палеолита Алтая были направлены на окончательное оформление и стабилизацию типично верхнепалеолитического метода раскалывания призматических нуклеусов при изживании элементов необъемного пластинчатого расщепления, увеличение роли продольного параллельного расщепления и микролитизацию каменного инвентаря.

Результаты проведенных исследований значительно дополняют современные представления о культурной динамике в начале верхнего палеолита в Горном Алтае и могут выступать основой для реконструкции процессов культурогенеза на территории региона на других этапах каменного века.

Библиографический список

- Белоусова Н. Е. Каменные индустрии начала верхнего палеолита Горного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2018.
- Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П., Федорченко А. Ю. Стратегии обработки каменного сырья в начале верхнего палеолита Горного Алтая (по материалам культурного горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом) // *Stratum plus: Археология и культурная антропология*. 2019. № 1. С. 225–250.
- Деревянко А. П., Шуныков М. В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2004. № 3. С. 12–40.

Славинский В. С., Рыбин Е. П., Белоусова Н. Е. Вариабельность среднепалеолитических и верхнепалеолитических технологий обработки камня на стоянке Кара-Бом, Горный Алтай (на основе применения метода ремонтажа) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 1. С. 39–50.

Шуныков М. В., Белоусова Н. Е. Среднепалеолитическая составляющая каменной индустрии из слоев 8–11 стоянки Усть-Каракол-1 (по данным планиграфического анализа) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015. Т. 21. С. 179–182.

N. E. BELOUSOVA

NEW DATA ON THE CULTURAL DYNAMICS IN THE EARLY UPPER PALEOLITHIC OF THE ALTAI MOUNTAINS

The paper presents the results of the new research projects focusing on the archaeological sites of the early Upper Paleolithic in the Altai Mountains. We performed a comprehensive study of the structure of cultural deposits of the reference occupation sites Kara-Bom and Ust-Karakol-1. New data on the cultural-stratigraphic configuration of the deposits made possible the analysis and a comparative study of the homogeneous lithic industries, the reconstruction of stone flaking techniques, and the determination of the type and the general trend of the Kara-Bom and the Ust-Karakol cultural traditions development in the early Upper Paleolithic of the region. New interpretation of the chronology, the techniques and the typological variance of the Kara-Bom and the Ust-Karakol-1 industries, their comparison with the synchronous complexes of the region led to a conclusion, that the observed traditions provided evidence of the mostly asynchronous, rather than the synchronous, as was believed earlier, episodes of human habitation: the Kara-Bom – a little earlier, and the Ust-Karakol – a later episode.

Natalia E. Belousova – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: nataliabelousovaarch@gmail.com

C. A. ВАСИЛЬЕВ

ПОЗДНЕСАРТАНСКОЕ ВРЕМЯ НА ЕНИСЕЕ: РАССЕЛЕНИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Доклад посвящен характеристике расположения на местности и хозяйственно-бытовым особенностям большой группы палеолитических памятников, расположенных в бассейне верхнего и частично среднего течения р. Енисей, и относящихся к позднеледниковью (17–10 тыс. лет). Стоянки в основном группируются в ряде «гнезд», приуроченных к контрастным ландшафтам на пересечении долин рек горными хребтами. Культурные слои памятников, связанных с отложениями низких надпойменных террас, как правило, тонкие с рассеянными по площади очагами, линзами культурных остатков, скоплениями расщепленного камня. В ряде случаев можно говорить о наличии следов легких наземных жилищ. Помимо жилых стоянок, встречаются стоянки-мастерские близ выходов сырья и охотничьи лагеря. Образ жизни позднепалеолитических обитателей Южной Сибири был близок их современникам, заселявшим север Западной Европы.

Васильев Сергей Александрович – д.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: sergevas@AV2791.spb.edu

В докладе анализируются материалы большой серии позднепалеолитических стоянок, расположенных в бассейне Верхнего и Среднего Енисея (Минусинская котловина и ее горное окружение). В хронологическом плане мы ограничимся комплексами позднесартанского времени (от 17–18 до 10 тыс. лет по некалиброванной радиоуглеродной шкале). Основная масса информации по рассматриваемым памятникам была получена в ходе деятельности крупномасштабных новостроечных экспедиций ленинградских исследователей в 1960–1980-е гг. [Абрамова 1979а; Абрамова 1979б; Абрамова и др. 1991; Астахов 1986; Васильев 1996], а также раскопок красноярских археологов на стоянке Лиственка [Акимова и др. 2005]. За последнее время много новых сведений получено в ходе изысканий в районе Дербины и в долине р. Тубы [Акимова и др. 2018; Гирия и др. 2018], работ на Абакане и в верховьях Тубы [Зубков и др. 2019; Поляков и др. 2018].

В пределах долины Енисея и его притоков памятники группируются в ряде «гнезд», как правило, приуроченным к районам с контрастным ландшафтом, стыкам физико-географических зон. Основные группы стратифицированных стоянок связаны с пересечением долины хребтами Восточного и Западного Саяна, а также участком Северо-Минусинской котловины между Батеневским и Солтонским кряжами. Наблюдается сосредоточение памятников в отложениях низких надпойменных террас и на уровнях высокого яруса. В районе Красноярска выделен особый тип стоянок, связанных с высокими скальными останцами — «быками». Многие стоянки захоронены в аллювиальных толщах террас, они отличаются тонкими культурными слоями с рассеянными по площади остатками. При этом каждый культурный слой представляет собой, по-видимому, совокупность ряда наложенных друг на друга разновременных горизонтов обитания, о чем свидетельствуют случаи наложения остатков кострищ (Кантегир). Вероятно, древние поселения являются следами сезонных обитаний групп охотников-собирателей на песчаных берегах поблизости от воды.

Большинство остатков сконцентрировано в линзах углистого, реже окрашенного охрой, культурного слоя вокруг очагов. Среди очажных комплексов наиболее сложной формой отличаются объекты с обкладкой каменными плитками стенок в виде розетки (Кокорево I, IVБ, Новоселово VI, XIII, Лиственка) или каменного ящика (Лиственка). Распространены очажные конструкции с кольцевыми плоскими каменными обкладками (Афонтова Гора III, Лиственка, Переселенческий Пункт, Майнинская, Уй II, Голубая I, Большая Слизнева). Иногда очаги сопровождаются всего двумя-тремя очажными камнями и приочажными ямками. Отметим остатки легких наземных жилищ, очертания которых четко улавливаются по наличию камней, вероятно придавливавших края перекрытия из шкур (Лиственка, Уй II). Зафиксированы также структуры без следов внешней обкладки, округло-овальной формы в плане. Иногда планиграфический анализ позволяет говорить о наличии здесь признаков искусственного ограждения (Кокорево I, Уй II, Майнинская, Нижний Иджир I). Особый вид структур представляют собой рабочие площадки — скопления расщепленного камня, отражающие следы либо полного цикла производства орудий, либо преимущественно первичного раскалывания. Интересны «клады» отборных каменных орудий (Майнинская стоянка, Притубинск I). На стоянке Ирба II вскрыты остатки «костяной площадки» — сосредоточения крупных костей, залежавших в анатомической связи.

Основная часть памятников представляет собой жилые стоянки, на которых производился полный цикл обработки камня. Совмещение стоянки и мастерской обусловлено широким использованием местного галечного сырья, добывавшегося в непосредственной близости

от места обитания на речных пляжах, выходах конгломератов и из цоколей террас. Иногда дифференциация стоянка-мастерская переносится в план специализации участков поселения, как это прослежено по материалам верхних культурных слоев Майнинской стоянки. Известны также комплексы типа жилых площадок, где процессы первичного расщепления (по крайней мере, на вскрытом раскопками участке) были ограничены (Голубая I). Вместе с тем, есть немногочисленные примеры специализированных памятников. К ним относятся стоянки-мастерские на местах выходов сырья (Куйбышево II), охотничьи лагеря (Нижний Иджир I), изолированные клады каменных и костяных изделий (Сосновое Озеро I).

Образ жизни южносибирских охотников был во многом схож с их современниками, обитавшими на севере Европы. Характер стоянок, заключенных в аллювиальных толщах низких террас, близок мадленским памятникам Парижского бассейна, в то время как связанная с покровными отложениями обширная стоянка финального палеолита Ирба II является аналогом памятников культуры федермессер (Ле Клозе).

Библиографический список

- Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979а.
 Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979б.
 Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А., Ермолова Н. М., Лисицын Н. Ф. Палеолит Енисея. Л., 1991.
 Акимова Е. В., Дроздов Н. И., Чеха В. П., Лаухин С. А., Орлова Л. А., Санько А. Ф., Шпакова Е. А. Палеолит Енисея. Лиственка. Красноярск, 2005.
 Акимова Е. В., Стасюк И. В., Харевич В. М., Лаухин С. А., Мотузко А. Н., Санько А. Ф. Палеолит Дербинского залива. Новосибирск, 2018.
 Астахов С. Н. Палеолит Тувы. Новосибирск, 1986.
 Васильев С. А. Поздний палеолит Верхнего Енисея. СПб., 1996.
 Гирия Е. Ю., Акимова Е. В., Харевич В. М., Стасюк И. В. Клад каменных орудий с позднепалеолитической стоянки Притубинск I // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 23. С. 24–43.
 Зубков В. С., Васильев С. А., Бурова Н. Д., Махлаев М. Л., Ямских Г. Ю. Поздний палеолит Верхнего Абакана (Хакасия) // Stratum Plus. 2019. № 1. С. 279–294.
 Поляков А. В., Амзараков П. Б., Васильев С. А., Рыжов Ю. В., Корнева Т. В., Сапелко Т. В., Барышников Г. Ф., Бурова Н. Д., Гирия Е. Ю., Ямских Г. Ю. Стоянка финального палеолита Ирба 2 в предгорьях Саян (предварительные итоги исследований) // Stratum Plus. 2018. № 1. С. 383–401.

S. A. VASILIEV

LATE SARTAN PERIOD IN THE YENISEI AREA: HUMAN COLONIZATION DURING THE PALEOLITHIC

The subject of the paper is the description of the geographic location and the life and economy characteristics of a large group of Paleolithic sites located in the basins of the upper and, partially, the middle reaches of the Yenisei River belonging to the Late Glacial period (17–10 thousand years). The sites were mostly grouped in a number of “concentrations” referred to the contrasting landscapes, where the river valleys were crossed by the mountain ridges. The cultural levels of the sites related to the low terraces deposits were, as a rule, quite thin, with the scattered across the area fireplaces, cultural remains lenses, and the knapped stones accumulations. In a number of cases, we could assume the presence of the traces of the light surface dwellings. In addition to the occupation sites, there were several workshop sites near the raw material outcrops and the hunters’ camps. The way of life of the late Paleolithic population of Southern Siberia was similar to that of their contemporaries in the north of Western Europe.

Sergey A. Vasiliev – Doctor of Historical Sciences, Institute of the History of Material Culture of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: sergevas@AV2791.spb.edu

А. В. ВОЛОКИТИН, Н. А. ВОЛОКИТИНА

ОСВОЕНИЕ ДОЛИНЫ Р. ИЖМА В МЕЗОЛИТЕ

В долине р. Ижма, левом самом крупном притоке Печоры, расположен единственный на европейском Северо-Востоке геoarхеологический район, где раскопаны три мезолитических памятника. Это стоянки Туруннюр 1, Лек-Леса 1 и многослойный памятник Вылыс Том 2, два нижних культурных горизонта которого относятся к мезолиту, и отражают посещения/обитания в течение небольшого промежутка времени. Перечисленные памятники расположены на протяжении 10 км и относятся к разным культурным традициям мезолита региона. Лек-Леса 1 — опорная стоянка приуральской традиции, Вылыс Том 2 отнесен к парчевской культуре (западная традиция), а в коллекции Туруннюра сочетаются черты обеих традиций. Особое значение приобретают новые мезолитические памятники, открытые в 2017–2018 гг. рядом с Вылыс Томом 2, имеющие аналогичную кремневую индустрию, но расположенные в отличие от него не на аллювиальной первой террасе, а на второй боровой террасе Ижмы.

Волокитин Александр Васильевич — к.и.н., Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Россия, Сыктывкар). E-mail: volkt54@mail.ru

Волокитина Надежда Александровна — к. культурологии, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Россия, Сыктывкар). E-mail: anjis@rambler.ru

В бассейне р. Печоры мало исследованных мезолитических памятников. В долине самой реки это только стоянки Топыд Нюр 5 и Топыд Нюр 7. На весьма интересных Адаке 2, в приустьевой части р. Уса, верхнем комплексе Бызовской стоянки, Мартюшевской 8 проведены лишь разведочные раскопочные работы. Мезолитические материалы стоянки Пижма 2 выделены типологически из слоя с находками разных эпох. Много местонахождений мезолита с большими коллекциями найдено в Большеземельской тундре, но они представлены сборами на выдувах-яреях [Волокитин 1997]. Несколько иная ситуация наблюдается на р. Ижма, левом самом крупном притоке Печоры. Хорошо раскопанные стоянки Туруннюр 1 (1964–1965 гг., В. Е. Лузгин [1972]), Лек-Леса 1 (1988–1989 гг., А. В. Волокитин [2005]), Вылыс Том 2 (2010–2017 гг., А. В. Волокитин [Волокитин, Волокитина 2016; Волокитин, Панин, Арсланов 2014]). Эти памятники расположены в окрестностях пос. Том Ижемского р-на Республики Коми, на правом берегу реки на протяжении 10–15 км, и входят в Ижма-Томский геoarхеологический микрорайон. Причем, если Лек-Леса один из опорных памятников приуральской традиции мезолита европейского Северо-Востока (ЕСВ), а Вылыс Том 2 относится к западной традиции (парчевская культура), то в материалах стоянки Туруннюр сочетаются черты двух этих традиций.

Особо отметим многослойный археологический памятник Вылыс Том 2, у которого к мезолиту относятся нижние третий и четвертый культурные горизонты. Памятник находится на мысе аллювиальной десятиметровой первой террасе реки. Культурные остатки мезолитических горизонтов расположены на глубине около 2 м, отложились во времена, когда терраса находилась на уровне формирования низкой поймы, около 8,7 тыс. ¹⁴С л. н. [Волокитин, Панин, Арсланов 2014]. Согласно анализа строения аллювиальной почвы, ¹⁴С дат, расположения очагов, технико-типологических характеристик и использованного сырья, четвертый и третий горизонты были результатами двух посещений с перерывом в десяток лет. Для исследований здесь представились уникальные для ЕСВ возможности, позволившие получить помимо серии радиоуглеродных датировок определения древесных

пород (сосна) в углистых линзах, идентификацию фаунистических остатков (бобра, лося, северного оленя, куньих, белки, птиц, шуки, карповых; определение П. А. Косинцева ИЭРиЖ УрО РАН). Есть интересные наблюдения, касающиеся использования ударно абразивных инструментов для обработки кости и рога [Волокитин, Степанова 2017].

В 2017 г. были открыты, а в 2018 г. на них проведены разведочные раскопочные работы, новые археологические памятники в окрестностях пос. Том: Очью катище, Вылыс Том 3, Улыс Том 4. Стоянки расположены на второй боровой террасе реки и имеют соответствующее боровым стоянкам залегание неглубоко от дневной поверхности в подзоле и верхах иллювиального горизонта.

Стоянка Очью катище находится в 2 км южнее памятника Вылыс Том 2. Здесь помимо значительного количества находок из кремня (191 экз.) обнаружены фаунистические остатки хорошей сохранности, что является редким исключением из обычного состояния сохранности фауны на археологических памятниках ЕСВ. Определены бобр, лось, северный олень, птицы как крупные, так и мелкие (определение П. А. Косинцева). Есть фрагменты обработанного рога, а обломок крупной трубчатой кости имеет серию нарезок. В коллекции присутствуют нуклеусы в завершающей стадии расщепления, а также резцы на сечениях пластин, резцовые ощепки, скребок, обломок скребла. Обращает на себя внимание наличие на стоянке Очью катище большого количества сечений и фрагментов очень крупных пластин. Серией представлены короткие проксимальные сегменты и сечения крупных пластин с нерегулярной краевой ретушью и мелкими резцовыми сколами. Присутствие крупных и очень крупных пластин, в том числе неправильных, имеющих нерегулярную ретушь, характерно для мезолитических горизонтов памятника Вылыс Том 2. Существенно, что на Очью катище процент предметов с вторичной обработкой очень высок (20 %). Высокая доля орудий вообще характерна для парчевских стоянок, а в коллекции четвертого культурного горизонта Вылыс Тома 2, она составляет не менее 15 %.

Стоянка Вылыс Том 3 расположена в непосредственной близости от Вылыс Тома 2. Имеет небольшую коллекцию кремневых изделий, но с характерными короткими сечениями очень крупных пластин и остаточным ядрищем. Таким образом, мы имеем одну стоянку на затапливаемой низкой пойме Вылыс Том 2, очевидно летнюю (кости рыб) и две стоянки на высоких (10–15 м) отметках поблизости, оставленные тем же населением уже в другие периоды.

Стоянка Улыс Том 4 находится в 3 км севернее памятника Вылыс Том 2 и в 10 км южнее стоянки Лек-Леса 1. Общее число находок на стоянке невелико — 38 экз. В числе находок преобладают узкие кремневые пластины и их обломки, в том числе с ретушью, есть микропластинки. В коллекции присутствуют усеченные пластинки. Весьма вероятно, что материалы данной стоянки сопоставимы с коллекцией Лек-Леса 1.

Библиографический список

- Волокитин А. В. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 91–145.
 Волокитин А. В. Мезолитический памятник Лек-Леса 1 на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М., 2005. С. 198–205.
 Волокитин А. В., Волокитина Н. А. Место каменной индустрии 3 и 4 культурных горизонтов памятника Вылыс Том 2 в мезолите Приуралья // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья: материалы всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2016. С. 86–90.

- Волокитин А. В., Панин А. В., Арсланов Х. А. Многослойный археологический памятник Вылыс Том 2 и формирование долины р. Ижмы в голоцене // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2014. № 3. С. 42–46.
- Волокитин А. В., Степанова К. Н. Ударно-абразивные орудия для обработки кости третьего культурного горизонта археологического памятника Вылыс Том 2 на р. Ижме // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. № 6. С. 201–206.
- Лузгин В. Е. Древние культуры Ижмы. М., 1972.

A. V. VOLOKITIN, N. A. VOLOKITINA

COLONIZATION OF THE IZHMA RIVER VALLEY IN THE MESOLITHIC

The Mesolithic of the Pechora valley has been better studied than that of the valley of the Izhma, its largest tributary, where the study is still ongoing. This is the only in the European north-east geo-archaeological region, where three Mesolithic sites have been excavated. These are the sites Turunnyur 1, Lek-Lesa 1, and the multi-level site Vyls Tom 2, the two lower cultural levels of which belong to the Mesolithic and contain evidence of visits / short-term occupation by humans. The aforementioned sites are located within a 10 km long stretch of the territory, and belong to different cultural traditions of the Mesolithic in the region. Lek-Lesa 1 is a reference site of the Cis-Ural tradition, Vyls Tom 2 has been defined as the Parch culture (western tradition), and the Turunnyur assemblage is a combination of both traditions. Of a particular interest were the new Mesolithic sites discovered in 2017–2018 near Vyls Tom 2. They had a similar flint industry, however, they were located, unlike the former site, not on the first alluvial terrace, but on a second sandy terrace of the Izhma.

Alexander V. Volokitin – Candidate of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktyvkar). E-mail: volkt54@mail.ru

Nadezhda A. Volokitina – Candidate of Cultural Studies, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktyvkar). E-mail: anjis@rambler.ru

Д. В. ГЕРАСИМОВ, С. В. БЕЛЬСКИЙ, Е. М. КОЛПАКОВ, К. МАННЕРМАА, А. В. АЛИЕВ

НОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА «ВОСТОЧНОГО ПУТИ» ЗАСЕЛЕНИЯ ФЕННОСКАНДИИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Состав инвентаря открытых за последнее десятилетие в Финляндии археологических объектов, датированных около 9000 лет до н. э., свидетельствует в пользу концепции существования, в том числе, восточного пути заселения Фенноскандии. Новые свидетельства получены недавно в результате датирования памятников северо-западного Прионежья. На территории Ленинградской обл. неоднократно выявлялись археологические предметы, типологически относящиеся к финальному палеолиту – раннему мезолиту. Новые находки были сделаны в 2018 г. в Южном Приладожье. Типология инвентаря, геоморфологическая ситуация местонахождений и данные палеозоологии позволяют связать их с этапом первоначального освоения региона после отхода ледника. Таким образом, «восточный путь» заселения Фенноскандии обретает новые свидетельства. Накопление случайно выявленных археологических объектов рассматриваемого периода позволяет в перспективе разработать модель их ландшафтно-геоморфологической приуроченности для целенаправленного поиска.

Герасимов Дмитрий Владимирович – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: dger@kunstkamera.ru

Бельский Станислав Викторович – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: stbel@kunstkamera.ru

Колпаков Евгений Михайлович – к.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: eugenkolp@yandex.ru

Маннермаа Кристиина – PhD, Хельсинкский Университет (Финляндия, Хельсинки). E-mail: kristiina.mannermaa@helsinki.fi

Алиев Александр Владимирович – Санкт-Петербургский государственный институт культуры (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: krygovorot95@yandex.ru

За последнее десятилетие в Восточной Фенноскандии выявлен ряд археологических объектов, датируемых около и даже древнее 9000 лет до н. э. (11 000 л. н.). Это подтверждает высказывавшиеся ранее предположения о возможности проникновения человеческих коллективов на эти территории уже в пребореальный период по климатической шкале, в стадию Иольдиевого моря в истории Балтики. Наиболее ранние находки происходят с территории центральной и северо-западной Финляндии [Pesonen et al. 2014]. Типолого-технологический анализ каменного инвентаря из получившего широкую известность памятника Суйала (середина IX тыс. до н. э.) в северо-западной части Финляндии показал высокую степень сходства с материалами раннемезолитических памятников Вологодской области [Косорукова 2000; Rankamaa, Kankaanpää 2008]. Недавно были опубликованы результаты датирования комплексов из северо-западного Прионежья [Tarasov 2018], показавшие весьма ранний возраст Кемских стоянок, и прежде считавшихся на основании высотной хронологии и типологии одними из самых ранних в регионе. Благодаря этим находкам давно обсуждавшаяся гипотеза «восточного пути» заселения Фенноскандии в раннем голоцене обретает все большую основательность. В этой связи большой интерес представляют находки, сделанные в 2017–2018 гг. в Южном Приладожье (Ленинградская обл.).

Благодаря внимательности и эрудированности студента СПбГИК, участника поискового отряда «Имени Е. Ковалёва» А. В. Алиева был сохранен и представлен специалистам артефакт, обнаруженный в ходе поисковых работ на месте ожесточенных сражений Великой Отечественной войны на подступах к Ленинграду. Артефакт представляет собой призматический одноплощадочный нуклеус для снятия пластин из сильно патинированного мелового кремня.

Предмет достаточно уникальный для региона в целом, и типологически может быть отнесен к раннему мезолиту. Он был найден в верхнем течении р. Назия у подошвы обрывающегося в болото флювиогляциального образования (кама), край которого нарушен разрабатываемым карьером. Высота холма составляет около 10 м, основание расположено на отметке 60 м над ур. м. В 1943 г. на этом участке проходила Мгинская наступательная операция Красной армии. Многочисленные бомбежки и артобстрелы в значительной степени изменили ландшафт местности. В ходе обследования прилегающей к месту находки территории, проведенного в 2018 г. Е. М. Колпаковым, Д. В. Герасимовым и А. В. Алиевым, других древних артефактов и признаков культурного слоя выявлено не было. Геоморфологическая ситуация, в которой была сделана находка, и существующие палеогеографические представления позволяют предположить возможность существования здесь стоянки в пребореальное время.

Другая находка сделана на остатках древней дюны у палеоруслу реки Сясь (Юго-восточное Приладожье), прорезающей флювиогляциальную дельту. Здесь при раскопках

ритуально-погребального комплекса раннего средневековья, на распахивавшемся долгое время поле, были выявлены скопления и материковые ямы, содержавшие большое количество кальцинированных костей крупных животных. Кроме того, в ассоциации с ними, были обнаружены несколько десятков кремневых артефактов. Среди них фрагменты микропластин, в том числе с ретушью, остаточные нуклеусы, отщепы с ретушью, скребки. Кремень карбоновый, по цвету и структуре напоминает материалы с территории Вологодской обл. Предварительный анализ фаунистических остатков, проведенный К. Маннермаа, показал присутствие костей лося и северного оленя, что может свидетельствовать о пребореальном – бореальном возрасте памятника. Образцы переданы для радиоуглеродного датирования.

Выявленные археологические объекты могут являться новыми свидетельствами проникновения с востока первых человеческих коллективов на территорию, освободившуюся после отступления Скандинавского ледника. Ранее Южное Приладожье не рассматривалось как территория, перспективная для поиска раннеголоценовых археологических памятников. Теперь появляется перспектива разработки моделей ландшафтной приуроченности подобных объектов для их целенаправленных поисков.

Библиографический список

- Pesonen P. A. P., Hertell E. J., Simpson L., Mannermaa K., Manninen M. A., Rostedt T., Taipale N., Tallavaara M. Postglacial pioneer settlement in the Lake Sarvinki area, eastern Finland // *Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. British Archaeological Reports S2599*. Oxford, 2014. P. 176–192.
- Косорукова Н. В. Мезолитические памятники в бассейне Шексны (хронология памятников и характеристика развития каменной индустрии) // *Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. С. 91–98.*
- Rankamaa T., Kankaanpää J. Eastern arrivals in post-glacial Lapland: The Sujala site 10 000 cal BP // *Antiquity*. 2008. № 82 (318). P. 884–899.
- Tarasov A. Filling a gap in the migration route? Initial peopling of Lake Onega in the light of new radiocarbon datings // *Norwegian Archaeological Review*. 2018. Vol. 51, iss. 1–2. P. 178–189.

D. V. GERASIMOV, S. V. BELSKY, E. M. KOLPAKOV, K. MANNERMAA, A. V. ALIEV

NEW EVIDENCE OF THE EXISTENCE OF THE “EASTERN ROUTE” OF COLONIZATION OF FENNOSCANDIA IN THE LENINGRAD PROVINCE

The assemblages from the archaeological sites dated about 9,000 BC, discovered over the past decade in Finland, provide evidence in favor of the existence, alongside with the other routes, of the eastern route of colonization of Fennoscandia. New evidence was obtained recently as a result of dating the sites of the north-west Onega region. Archaeological items, which typologically belonged to the final Paleolithic – early Mesolithic, have been frequently found in the territory of the Leningrad Province. New discoveries were made in 2018 in the South Ladoga region. The assemblage’s typology, the geomorphological situation of the site locations, and the paleozoological data suggested their association with the period of the initial colonization of the region after deglaciation. Thus, the existence of the “eastern route” of colonization of Fennoscandia was supported with new evidence. The accumulation of the accidentally discovered archaeological sites of the period may allow building a model of their landscape and geomorphological position for the purposes of future more targeted study.

Dmitry V. Gerasimov — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: dger@kunstkamera.ru

Stanislav V. Belsky — Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: stbel@kunstkamera.ru

Evgeny M. Kolpakov — Candidate of Historical Sciences, Institute of the History of Material Culture of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: eugenkolp@yandex.ru

Kristiina Mannermaa — PhD, University of Helsinki (Finland, Helsinki). E-mail: kristiina.mannermaa@helsinki.fi

Alexander V. Aliev — Saint Petersburg State Institute of Culture (Russia, Saint Petersburg).
E-mail: krygovorot95@yandex.ru

Н. И. ДРОЗДОВ, В. И. МАКУЛОВ, Д. Н. ДРОЗДОВ

ОСВОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ КРАСНОЯРСКОГО СЕВЕРА В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Освоение человеком Красноярского севера началось в каменном веке. До настоящего времени здесь не раскопано ни одного памятника эпохи палеолита. Но имеются отдельные находки, сделанные в разных местах региона. Самая северная находка сделана на острове Фаддея в Северном ледовитом океане и представлена костями мамонтовой фауны и несколькими оббитыми камнями, напоминающими каменные орудия так называемого «полярного палеолита». На одной из стоянок Таймыра найден чоппер. Скопление колотых костей мамонта, нуклеусы на гальках и сколы обнаружены в д. Бахта на Енисее. Несколько артефактов, технико-типологически отнесенных к палеолитическим, найдены на р. П. Тунгуска. Мезолитические стоянки найдены на Таймыре, одна из которых Тагенар VI датирована концом V тыс. до н. э. Неолитические стоянки многочисленны на р. П. Тунгуска и на Таймыре. Материалы П. Тунгуски имеют аналогии с материалами ранне-позднего неолита Ангары и Прибайкалья. Материалы памятников Таймыра имеют как своеобразие, так и аналогии с материалами ранне-позднего неолита южных районов края и Якутии, что позволяет выделить ряд археологических культур каменного века.

Дроздов Николай Иванович — д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН; Международный инновационный университет (Россия, Красноярск). E-mail: klapss80@mail.ru

Макулов Владимир Иванович — Международный инновационный университет (Россия, Красноярск). E-mail: klapss80@mail.ru

Дроздов Денис Николаевич — Международный инновационный университет (Россия, Красноярск). E-mail: klapss80@mail.ru

История освоения человеком северных территорий Красноярского края от р. П. Тунгуски до северного побережья Таймыра и островов Северного Ледовитого океана является неотъемлемой частью общемировой истории. Яркость историческим процессам придают особые природно-географические условия и экстремальный климат. Человек пришел сюда за стадами ледниковой фауны вслед за уходящим ледником, освоил эту территорию и адаптировался к жизни в неблагоприятной среде. Произошло это в каменном веке, свидетельством чего являются археологические памятники.

Однако основная часть региона в археологическом отношении остается белым пятном, а наиболее обследованными являются полуостров Таймыр, береговые зоны рек П. Тунгуски, Н. Тунгуски и Енисей.

Вопрос о заселении Красноярского севера в эпоху палеолита до сих пор остается открытым. Стратифицированные палеолитические памятники пока не обнаружены, имеются только отдельные находки артефактов, которые типологически отнесены к палеолитическим. За исключением многослойного населения Усть-Кова на севере реки Ангары.

В 1945 г. на о. Фаддея в Северном Ледовитом океане А. П. Окладниковым и В. Д. Запорожской были обнаружены: трубчатая кость крупного животного, обломки зуба мамонта, а рядом с ними и в других частях острова найдены несколько оббитых камней, напоминающих каменные орудия так называемого «полярного палеолита» Скандинавии и Кольского полуострова [Окладников 1951, с. 76–80]. В окрестностях п. Хатанга были обнаружены четыре стоянки эпохи неолита, бронзового и раннего железного веков [Окладников 1947, с. 38–45]. Полученные материалы показали наличие культурного взаимодействия древнего населения Восточного Таймыра и северных районов Якутии, показали перспективность исследований Таймыра и островов Северного Ледовитого океана.

Чоппер из кремнистого сланца, типологически аналогичный чопперам палеолитических стоянок Среднего Енисея, найден Л. П. Хлобыстиным на Таймыре в устье р. Половинки [1998, с. 25].

В 2000 г. авторами статьи в п. Бахта в обнажениях второй надпойменной террасы Енисея, высотой 20–28 м, на глубине 10 м от поверхности обнаружено скопление колотых костей животного со следами обработки и фрагменты черепа. По определению палеонтолога Н. Д. Оводова, они принадлежат мамонту. В нижней части террасы вскрываются галечники и валунник енисейской русловой фации, образуя террасовидный уступ, относительной высотой до 10 м и шириной до 30 м. Колотые кости животных и крупные кости мамонта обнаружены на поверхности галечника у подошвы песчаных отложений. Ранее здесь найдены несколько галечных нуклеусов и сколов. Материал предварительно датирован поздним палеолитом.

Несколько артефактов на гальках, найденные авторами статьи на стоянках среднего течения П. Тунгуски в 1990-е гг., технико-типологически аналогичны инвентарю стоянок Среднего Енисея.

Мезолитические памятники в пределах рассматриваемого региона обнаружены лишь на Таймыре в 1967–1981 гг. Заполярной экспедицией под руководством Л. П. Хлобыстина [1998, с. 38–54]. Среди более 200 памятников, обнаруженных экспедицией, около десяти мезолитические. Как правило они располагаются в устьевых участках небольших рек на песчаных гривах высоких береговых террас, которые не заливались в паводки, хорошо продуваемые и прогреваемые. Такие места были наиболее посещаемые и отмечаются скопления стоянок. Особо выделяется стоянка Тагенар VI — наиболее древняя и точно датированная, расположенная на берегу одноименной реки. Материал культурного слоя представлен в основном каменным инвентарем. Наиболее массовый — призматические пластинки и изделия из них: ножи, вкладыши, резцы, скребки, обработанные миниатюрной единичной ретушью. В коллекции имеется 3 призматических нуклеуса. Радиоуглеродные даты культурного слоя стоянки датируют ее концом V тыс. до н. э. [Хлобыстин 1998, с. 40].

Наиболее многочисленны и широко распространенные на территории региона являются стоянки эпохи неолита. Особо выделяется долина П. Тунгуски, где обнаружены около 150 местонахождений и территория Таймыра, где обнаружено более 200 местонахождений. Стоянки в долине П. Тунгуски расположены группами на незначительном расстоянии друг от друга, порой до 20 км и более. Они приурочены к приустьевым участкам притоков, возвышенным местам, порогам и шиверам. Выделяются местонахождения открытого типа, дислоцированные на песчано-галечных косах и пологих паберегах, с поверхностным залеганием артефактов. Наиболее многочисленным является каменный инвентарь,

который выделяется крупными размерами: нуклеусы различных типов, преформы, пластины, топоры, тесла, скребки и скобели, наконечники стрел и копий и др. Сырье местное: роговики, кремль, трапшовые, яшмовидные и глинисто-кремнистые породы. Изделия из керамики единичны. Материал имеет многочисленные аналогии с материалами неолитических памятников от раннего до позднего неолита Ангары и Прибайкалья. На стоянках в устье реки П. Тунгуска раскопан материал имеющий аналогии со стоянками Приобья и Среднего Енисея.

Материалы памятников раннего-позднего неолита Таймыра имеют как своеобразие, так и многочисленные аналогии с материалами более южных районов края и Якутии, что позволило Л. П. Хлобыстину выделить ряд археологических культур [1998, с. 55–82].

Библиографический список

- Окладников А. П. Древние поселения в долине р. Хатанги // КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 38–45.
 Окладников А. П. Каменные орудия с острова Фаддея («Арктический палеолит» у берегов Таймыра) // Краткие сообщения о докладах института истории материальной культуры. М.; Л., 1951. Т. 39. С. 76–80.
 Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Азии. СПб., 1998.

N. I. DROZDOV, V. I. MAKULOV, D. N. DROZDOV

HUMAN COLONIZATION OF THE KRASNOYARSK NORTH DURING THE STONE AGE

Human colonization of the Krasnoyarsk north started already in the Stone Age. Not a single Paleolithic archaeological site has been excavated there so far. However, there are incidental finds from different parts of the region. The northernmost find was made on Faddei island in the Arctic Ocean. It contains the mammoth fauna bones and some trimmed stones resembling the stone tools of the so-called "Arctic Paleolithic". A chopper was found in one of the Taimyr sites. Accumulation of fragmented mammoth bones, cores on pebbles, and spalls were discovered in Bakhta village on the Yenisei. Several artifacts, which were technologically and typologically referred to the Paleolithic, were discovered on the Podkamennaya Tunguska River. The Mesolithic sites were found on the Taimyr Peninsula, one of which, Tagenar VI was dated to the end of the 5th millennium BC. The Neolithic sites were quite numerous on the P. Tunguska and the Taimyr Peninsula. The P. Tunguska materials displayed similarities with the materials of the early-late Neolithic of the Angara and the Baikal regions. The Taimyr sites materials had both the unique features and the similarities to the materials of the early-late Neolithic of the southern areas of the region and Yakutia, which made it possible to distinguish a number of archaeological cultures of the Stone Age period.

Nikolai I. Drozdov – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS; International Innovative University (Russia, Krasnoyarsk). E-mail: klapss80@mail.ru

Vladimir I. Makulov – International Innovative University (Russia, Krasnoyarsk). E-mail: klapss80@mail.ru

Denis N. Drozdov – International Innovative University (Russia, Krasnoyarsk). E-mail: klapss80@mail.ru

А. П. ДЕРЕВЯНКО, А. В. КАНДЫБА, С. А. ГЛАДЫШЕВ

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ АНКХЕ И ПРОБЛЕМА БИФАСИАЛЬНЫХ ИНДУСТРИЙ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ*

Появление в Юго-Восточной Азии бифасиальной индустрии, в свете нахождения за последние 70 лет в Юго-Восточной Азии многих палеолитических местонахождений, позволяет по-новому подходить к решению важных проблем раннего палеолита на этой территории. Важное значение имеет открытие в Центральном Вьетнаме в районе г. Анкхе раннепалеолитических местонахождений с бифасиально обработанными изделиями. С 2015 г. во Вьетнаме ведутся раскопки раннепалеолитических стоянок с галечно-отщепной индустрией, в которых обнаружены хорошо оформленные бифасиальные изделия типа ручных рубил. По тектитам, обнаруженным вместе с каменными орудиями, залегающими *in situ*, на основании метода $40\text{K}/38\text{Ar}$ были получены две даты: 806 ± 22 и 782 ± 20 тыс. л. н. Изучение этих местонахождений не только расширило наши знания о специфике индустрий гомининов на рубеже раннего-среднего плейстоцена, но и подтвердило автохтонное возникновение двусторонней обработки каменных орудий на этой территории.

Деревянко Анатолий Пантелеевич — академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

Кандыба Александр Викторович — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: arhkandyba@gmail.com

Гладышев Сергей Анатольевич — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: paleomongolia@yandex.ru

Одним из наиболее значимых достижений отечественной археологии является обнаружение археологического материала раннепалеолитического облика с двусторонне обработанными орудиями (бифасами) в районе г. Анкхе провинции Залай в центральной части Вьетнама. Географически данная территория относится к среднему течению реки Ба, протекающей по южным склонам Аннамского нагорья, представляющие собой ступенчатые пенепленизированные кристаллические и базальтовые плоскогорья. С 2015 г. по настоящее время совместной экспедицией проводились планомерные стационарные раскопки этих местонахождений [Деревянко и др. 2016; Деревянко и др. 2017; Деревянко и др. 2018]. За четыре года в районе г. Анкхе было зафиксировано двадцать три раннепалеолитических местонахождений с бифасами, сосредоточенных в 8 пунктах: Года, Роктынг, Рокзао, Рокхуонг, Роклен, Рокнеп, Нуйдат и Рокганг.

Все палеолитические стоянки выявлены по находкам галечных орудий на современной или сильно дефлированной поверхности, а затем в контрольных шурфах обнаружены артефакты в литологическом горизонте. Стационарные полевые исследования в 2015–2019 гг. проводились в двух пунктах: Роктынг и Года. Наиболее массовый и выразительный материал, с точки зрения характеристики технико-типологического комплекса раннепалеолитической индустрии с бифасами, удалось получить при исследовании группы стоянок в пункте Роктынг. Стоянки расположены на возвышенном холмистом плато, прорезанном сетью речных водотоков, текущих в основном с запада на восток. Рельеф подвергся сильному влиянию денудационных процессов. Скальное основание сложено базальтами, кислыми туфами, гранитами. Осадочные отложения — аллювиальными озерными и речными

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 18-59-92001 ВАОН_А «Основные проблемы палеолита Вьетнама в контексте изучения каменного века Индокитая» (рук. А. В. Кандыба).

осадками и делювиальными шлейфами. Рыхлые отложения формировались в основном в финале раннего и среднем плейстоцене. Длительное время цоколь до формирования рыхлых пород подвергался денудации, и в результате этих процессов сформировалась сравнительно мощная кора выветривания.

Всего за четыре года исследования в районе г. Анкхе раннепалеолитических местонахождений с бифасами получено около 3 000 каменных изделий, из которых 2 672 экз. происходят из культуросодержащих горизонтов, остальные артефакты собраны на поверхности. Весь этот археологический материал относится к раннему палеолиту и образует единую гомогенную индустрию, в которой отчетливо прослеживается однообразие в первичном расщеплении, в подготовке и оформлении маркерных изделий. Особое место в этой индустрии занимают двусторонне обработанные изделия типа бифасов и типа пик. Возраст данной индустрии определен аргоновым методом в Институте геологии рудных местонахождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН в Москве в ходе изучения тектитов, обломков разрушенного космического тела, обнаруженных в литологическом слое вместе с артефактами. Полученные датировки (806 ± 22 тыс. л. н. IGEM 15962 и 782 ± 20 тыс. л. н. IGEM 15963) позволяют отнести данный комплекс к финалу раннего плейстоцена, и дополнить картину расселения древних популяций на территории Юго-Восточной Азии. Раннепалеолитических стоянок с хорошей стратиграфической позицией на данной территории открыто немного. Наиболее древние стоянки имеют возраст немногим более 1 млн лет. В раннем палеолите выделено несколько разновременных индустрий: тампанская, аньятская, патжитанская и др., но все они представляют собой подъемные комплексы. Существенную технико-типологическую близость, а также схожесть стратиграфической позиции стоянок и синхронный возраст, также определенный по тектитам, демонстрирует культура Байсэ, обнаруженная в Юго-Западном Китае [Се Гуанмао 2003]. Открытие раннепалеолитической индустрии во Вьетнаме, относящейся к финалу раннего плейстоцена, имеет большое значение для решения целого ряда фундаментальных проблем в изучении каменного века Юго-Восточной Азии, в первую очередь, первоначальное расселение и развитие первых гоминоидов в Евразии.

Библиографический список

- Деревянко А. П., Цыбанков А. А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А. В., Гладышев С. А., Чеха А. М., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Предварительные итоги раскопок местонахождений Роктынг 1 и Роктынг 4 во Вьетнаме // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. 22. С. 63–67.
- Деревянко А. П., Гладышев С. А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А. В., Чеха А. М., Цыбанков А. А., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Раскопки стоянки раннего палеолита с бифасиальной индустрией Роктынг 4 во Вьетнаме в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2017. Т. 23. С. 79–83.
- Деревянко А. П., Кандыба А. В., Нгуен Кхак Шу, Гладышев С. А., Нгуен За Дой, Лебедев В. А., Чеха А. М., Рыбалко А. Г., Харевич В. М., Цыбанков А. А. Открытие бифасиальной индустрии во Вьетнаме // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 46(3). С. 3–21.
- Се Гуанмао, Ли Цян, Хуан Цишань. Палеолитическая индустрия Байсэ. Пекин, 2003. (на кит.яз.). (Xie Guang-mao, Li Qiang, Huang Qi-shan. Baise jushiqi).

A. P. DEREVIANKO, A. V. KANDYBA, S. A. GLADYSHEV

XUAN KHE EARLY PALEOLITHIC STONE INDUSTRY AND THE PROBLEM OF SOUTHEAST ASIA BIFACIAL INDUSTRIES

In the light of the discovery during the past 70 years of many Paleolithic sites in the south-east Asia, the emergence of a bifacial industry in that region suggested a new approach to the study of many important problems of the Early Paleolithic in that territory. The discovery of the early Paleolithic occupation sites with the bifacially retouched tools in central Vietnam, not far from Xuan khe city, was of a particular importance. Since 2015, the archaeologists have been studying in Vietnam the early Paleolithic occupation sites with the pebble-flake industry, where they discovered several well-fashioned bifacial tools of a handaxe type. Two dates have been obtained with the use of $^{40}\text{K}/^{38}\text{Ar}$ method for in situ tektites deposited in the same level as the stone tools: 806 ± 22 and 782 ± 20 thousand y. a. The study of those sites in addition to expanding our of knowledge about the specifics of the Homininae's industries at the turn of the early-middle Pleistocene, also confirmed the hypothesis of the emergence of the bifacial technique in that territory.

Anatoly P. Derevianko – Academician of the RAS, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: derev@archaeology.nsc.ru

Alexander V. Kandyba – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: arhkandyba@gmail.com

Sergey A. Gladyshev – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: paleomongolia@yandex.ru

М. Б. КОЗЛИКИН

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ: НОВЫЕ ДАННЫЕ*

Геохронология нижней части отложений Денисовой пещеры, основанная на данных литологии, биостратиграфии и результатах абсолютного датирования, позволяет признать ее древнейшей в Сибири стратифицированной стоянкой среднего палеолита. Результаты исследований археологических материалов из нижней части плейстоценовой толщи восточной галереи существенно дополнили имеющиеся представления о ранней стадии среднего палеолита региона. Каменная индустрия из этой части разреза, возрастом 217–173 тыс. л. н., характеризуется радиальным раскалыванием, различными типами зубчатых, выемчатых, шиповидных орудий и скребел. Выявлены культурно-идентифицирующие изделия-маркеры, такие, как сколы с вентральной обивкой продольных краев и с удаленной ударной площадкой. Установлено, что в центральном зале пещеры этому культурно-хронологическому этапу соответствуют коллекции из слоев 21 и 20.

Козликин Максим Борисович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: kmb777@yandex.ru

Древнейший этап проникновения палеолитического человека на территорию Алтая отражают архаичные галечные орудия из отложений стоянки Карамы возрастом 600–800 тыс. лет [Деревянко и др. 2005]. Следующий эпизод появления в регионе древних популяций

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-39-00073 «Ранний этап среднего палеолита Алтая в свете новейших исследований» (рук. М. Б. Козликин).

с принципиально иной индустрией характеризуют материалы ранней стадии среднего палеолита из нижней части плейстоценовой толщи Денисовой пещеры. До недавнего времени древнейшие комплексы стоянки были представлены немногочисленной коллекцией каменных артефактов из слоев 22 и 21 в центральном зале пещеры [Деревянко и др. 2003]. В ходе комплексных археологических работ последнего десятилетия изучены отложения в основании разреза восточной галереи пещеры, где наиболее древние археологические материалы обнаружены в слоях 15 и 14.

Геохронология плейстоценовой толщи в восточной галерее опирается на данные био-стратиграфии и результаты абсолютного датирования [Jacobs et al. 2019], согласно которым, отложения слоев 15 и 14 накапливались в благоприятной природно-климатической обстановке ширтинского времени (МИС 7).

Коллекция каменных артефактов из этих слоев насчитывает более 35 тыс. экз. Первичное расщепление здесь в целом характеризуется использованием радиальных нуклеусов, отмечены отдельные экземпляры плоскостных параллельных ядрищ. Индустрия сколов, представленная отщепами, в полной мере соответствует набору ядрищ. Большинство отщепов укороченные или короткие, с гладкой или с естественной площадкой без подправки карниза. Огранка дорсальной поверхности сколов преимущественно продольная однонаправленная или ортогональная.

В качестве заготовок для орудий в данном комплексе использовались крупные, реже средние отщепы, а также фрагменты крупных сколов. Ретушь, как правило, дорсальная, краевая, крутая или полукрутая, чешуйчатая, крупнофасеточная, средне- или сильно-модифицирующая.

Основу орудийного набора составляют различные типы зубчатых, выемчатых, шиповидных орудий, реже скребел. Отдельного внимания заслуживает устойчивая и многочисленная серия изделий, представляющих собой крупные массивные отщепы с интенсивной обработкой обоих продольных краев крупными вентральными снятиями. Такие снятия (фактически обивка) покрывают значительную часть вентральной поверхности заготовки и формируют край с редкими, но крупными зубцами.

Другим специфическим типом изделий в индустрии являются крупные сколы с удаленной остаточной ударной площадкой вместе с ударным бугорком при помощи серии (реже одного) крупных вентральных снятий. Изделия такого типа, как и сколы с вентральной обивкой продольных краев, ранее рассматривались в контексте нуклеидных форм по аналогии с техникой комбева. Однако полное отсутствие орудий на мелких сколах все же подвергает сомнению целесообразность такого расщепления для получения заготовок.

Согласно новым геохронологическим данным и основным технико-типологическим показателям каменной индустрии, наиболее близкое культурно-хронологическое соответствие с комплексом ранней стадии среднего палеолита из слоев 15 и 14 восточной галереи имеют материалы из слоев 21 и 20 центрального зала пещеры [Деревянко и др. 2003; Jacobs et al. 2019]. Индустрия из этих слоев характеризуется использованием бессистемных и радиальных, реже параллельных ядрищ. Основу индустрии сколов составляют укороченные отщепы с гладкой или естественной остаточной ударной площадкой без подправки карниза и с неопределимой огранкой или гладкой дорсальной стороной. Немногочисленные изделия с вторичной обработкой представлены зубчато-выемчатыми формами, скреблами и шиповидными орудиями.

Более древние археологические материалы зафиксированы в центральном зале в верхней части слоя 22, который накапливался в период МИС 8 [Jacobs et al. 2019]. Небольшая серия ядрищ из этого слоя представлена плоскостными параллельными, леваллуазскими (для отщепов), радиальными и бессистемными нуклеусами. Большинство среди сколов составляют средние и крупные отщепы с гладкой остаточной ударной площадкой и продольной однонаправленной огранкой или гладкой дорсальной стороной. В наборе типологически значимых орудий преобладают скребла, зубчатые, выемчатые и шиповидные орудия.

Отложения средней части плейстоценовой толщи восточной галереи (слои 13–11.3) и центрального зала (слои 19–12) накапливались на протяжении МИС 6–4 [Деревянко и др. 2003; Jacobs et al. 2019]. На предвходовой площадке пещеры находки этого времени зафиксированы в слоях 10 и 9. В наборах ядрищ из этих слоев распространены плоскостные параллельные и радиальные нуклеусы. Небольшой серией представлены леваллуазские ядрища для получения отщепов и пластин, подпризматические нуклеусы. В индустрии сколов здесь, по сравнению с предшествующим комплексом ранней стадии среднего палеолита, увеличивается доля удлинённых отщепов, появляются регулярные пластины. В орудийном наборе, на фоне преобладания различных типов скребел, сохраняется хорошо выраженный зубчато-выемчатый компонент, присутствуют сколы с вентральной обивкой продольных краев и с удаленной остаточной ударной площадкой. В небольшом количестве представлены леваллуазские острья. Появляются изделия верхнепалеолитической группы, включающие такие категории, как скребки, резцы, долотовидные орудия и тронкированные сколы.

Библиографический список

- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф., Малаева Е. М., Ульянов В. А., Кулик Н. А., Постнов А. В., Анойкин А. А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск, 2003.
- Деревянко А. П., Шуньков М. В., Болиховская Н. С., Зыкин В. С., Зыкина В. С., Кулик Н. А., Ульянов В. А., Чиркин К. А. Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае. Новосибирск, 2005.
- Jacobs Z., Li B., Shunkov M. V., Kozlikin M. B., Bolikhovskaya N. S., Agadjanian A. K., Uliyanov V. A., Vasiliev S. K., O’Gorman K., Derevianko A. P., Roberts R. G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in Southern Siberia // *Nature*. 2019. Vol. 565, № 7741. P. 594–599.

M. B. KOZLIKIN

THE OLDEST PALEOLITHIC COMPLEXES OF THE DENISOVA CAVE: NEW DATA

The geochronology of the lower part of the Denisova cave based on the lithology, biostratigraphy data, and the absolute dating results gives reasons to consider it the oldest stratified occupation site of the middle Paleolithic in Siberia. The results of the archaeological materials study from the lower part of the Pleistocene formation of the eastern gallery have significantly improved the current understanding of the early stages of the middle Paleolithic in the region. Lithic industry of this part of the excavation aged 217–173 thousand y. a. was characterized with the radial knapping, various types of denticulated, notched and tenon-shaped tools, and side scrapers. The study also allowed describing the culture-identifying tools-markers, such as flakes with the ventral trimming of the lateral edge, and the removed striking platform. It was established that this cultural and chronological stage corresponded to the assemblages from levels 21 and 20 in the central cave chamber.

Maxim B. Kozlikin – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: kmb777@yandex.ru

Ю. В. КУЗЬМИНОВА

ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ ФАУНА КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА У ЗАПАДНОЙ НИШИ КУПОЛЬНОГО ЗАЛА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Капова пещера (Шульган-Таш) — расположена на Южном Урале, на правом берегу р. Белая. Позднепалеолитический слой в Каповой пещере впервые открыт экспедицией В. Е. Щелинского в зале Знаков в 1982–1991 гг. С 2009 г. Южно-Уральской археологической экспедицией МГУ проводятся исследования в Западной нише Купольного зала, где к настоящему времени открыты 9 горизонтов посещения позднеплейстоценового времени. Фаунистические остатки, обнаруженные в этих горизонтах посещения, являются ценным источником информации по уточнению сезонности функционирования памятника, особенностям системы накопления культурных остатков, бытовым и культовым практикам верхнего палеолита в Каповой пещере.

Кузьмина Юлия Владимировна — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва). E-mail: juliakuzminovamos@gmail.com

Капова пещера, расположенная на правом берегу р. Белой на Южном Урале, на территории Государственного природного заповедника «Шульган-Таш», представляет собой верхнепалеолитическое святилище с настенными изображениями. Первые рисунки в пещере были обнаружены А. В. Рюминым в 1959 г. Начало археологическому изучению памятника положил О. Н. Бадер, который работал здесь в 1960–1978 гг. [Бадер 1965]. В дальнейшем археологические исследования на памятнике проводились экспедициями под руководством В. Е. Щелинского, Т. И. Щербаковой, В. Г. Котова [Щелинский 1997]. С 2009 г. на памятнике работает Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ под руководством В. С. Житенёва.

Время посещения Каповой пещеры в верхнем палеолите относится к промежутку от 16010 ± 100 (KN-5023) до 13930 ± 300 л.н. (ГИН-4853) или от 19500 до 16000 л. н. кал. [Житенёв и др. 2015; Житенёв 2018].

Одним из пунктов распространения позднеплейстоценовых материалов является участок у Западной ниши Купольного зала. Западная ниша представляет собой углубление (3,5 м) в стене с настенными изображениями. В ходе работ Южно-Уральской археологической экспедиции в 2009–2016 гг. на площади раскопа у ниши, помимо слоев голоценового времени, было выявлено 9 горизонтов посещения со следами деятельности человека позднеплейстоценового времени. Среди многочисленных находок на площади раскопа встречаются крупинки и мазки красного пигмента, обработанные и необработанные фрагменты кальцитовых натёков, речной гальки, фрагменты известняка и бурого железняка, фрагмент пластинки из зауральской яшмы, кремневые пластинки и их фрагменты, два фрагмента костей сурка с орнаментом, микрофаунистические остатки (в т. ч. кости и чешуя рыб), украшение из раковины, несколько необработанных раковин и др. [Житенёв 2018]. Раковины моллюсков, обнаруженные в 5 горизонте посещения, принадлежат к виду брюхоногого моллюска *Theodoxus astrachanicus* и имеют Прикаспийское происхождение, что на данный момент позволяет говорить о наличии связей между Каповой пещерой и Прикаспийским регионом.

Анималистический художественный ансамбль Каповой пещеры включает в себя изображения мамонтов, лошадей, бизона, носорога, рыбы, зооантропоморфа (антропоморфа

с головой мамонта(?) и двугорбого верблюда. Сопоставление палеозоологических данных из раскопок с настенными рисунками показывает взаимосвязь фаунистических остатков в слоях Каповой пещеры и ее изобразительного комплекса. В результате раскопок В. Е. Щелинского в зале Знаков был обнаружен фрагмент бивня мамонта и нож, сделанный из кости крупного травоядного [Житенёв 2014]. В прирезке к раскопу у Западной ниши экспедиция В. Г. Котова нашла фрагмент нижней челюсти бизона. В зале Хаоса был обнаружен позднеплейстоценовый фрагмент кости лошади. Остатки рыбных костей и чешуи встречаются на разных пунктах распространения культурных остатков позднепалеолитического времени.

Библиографический список

- Бадер О. Н. Каповая пещера. М., 1965.
Житенёв В. С. Настенные изображения животных и охотничья добыча на памятниках верхнего палеолита Южного Урала // Тр. ист. фак-та Санкт-Петерб. ун-та. Проблемы археологии эпохи камня. К 70-летию В. И. Беляевой. СПб., 2014. Т. 18. С. 310–319.
Житенёв В. С., Пахунов А. С., Маргарян А., Солдатова Т. Е. Радиоуглеродные даты верхнепалеолитических слоев Каповой пещеры (Южный Урал) // РА. 2015. № 4. С. 5–15.
Житенёв В. С. Капова пещера — палеолитическое подземное святилище. М., 2018.
Щелинский В. Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала: материалы междунар. конф. Уфа, 1997. С. 29–38.

JU. V. KUZMINOVA

LATE PLEISTOCENE FAUNA OF THE KAPOVA CAVE — THE MATERIALS OF THE EXCAVATION NEAR THE WESTERN NICHE OF THE DOME CHAMBER: PRELIMINARY REPORT

The Kapova Cave (Shulgan-Tash) is located in the South Ural on the right bank of the Belaya river. The Late Paleolithic level was initially discovered in the Kapova Cave by the expedition of V. E. Shchelinsky in the Chamber of Signs during the excavations of 1982–1991. Since 2009, the MSU South Ural archaeological expedition has been studying the Western niche of the Dome Chamber, where 9 late Palaeolithic visit horizons have been revealed so far. The faunal remains discovered in those visit horizons provided a valuable source of information for updating the knowledge of the site's functioning seasonality, the specifics of the system of the cultural remains accumulation, the domestic and the ritual Upper Paleolithic practices of the Kapova Cave.

Julia V. Kuzminova — Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow).
E-mail: juliakuzminovamos@gmail.com

С. С. МАКАРОВ, А. С. РЕЗВЫЙ

ОСВОЕНИЕ И ЗАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Геологические, палеонтологические и антропологические данные свидетельствуют о возможности заселения и освоения северной части Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене. Однако на этой территории известно лишь несколько находок предположительно палеолитического времени, и только 1 стоянка *in situ* (Комудваны). Количество палеолитических памятников объясняется малочисленностью исследований, а также методическими проблемами, осложняющими разведывательные работы (особенности тафономии, проблема возраста террас, эолиты). Можно выделить

несколько факторов, позволяющих сделать поиск палеолитических памятников более перспективным (выявление и изучение палеонтологических местонахождений, ежегодное обследование речных берегов, сбор устных сведений).

Макаров Сергей Сергеевич – Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск).

E-mail: stonernr@mail.ru

Резвый Антон Сергеевич – Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск). E-mail: croc74@mail.ru

Палеографические исследования северной части Западной Сибири свидетельствуют об отсутствии в зырянское время сплошных ледниковых покровов или подпрудных озер [Svendsen et al. 2004]. Местонахождения с останками позднеплейстоценовой фауны [Питулько 2016] и антропологическая находка на р. Ишим [Fu et al. 2014] указывают на возможность освоения этой территории человеком палеолитической эпохи.

Освоение и заселение полярных территорий Приуралья и Восточной Сибири подтверждается археологическим материалом [Павлов 2015; Питулько 2016]. Палеолитическая история северных территорий Западной Сибири иллюстрируется лишь отдельными находками, не имеющими радиоуглеродных дат и точных стратиграфических привязок [Погодин 2000; Макаров, Резвый 2018]. Северная часть Западной Сибири остается малоизученной, хотя в 2016–2017 гг. были обнаружены местонахождения подъемного материала с находками позднеплейстоценовой фауны и каменного инвентаря [Цыбанков и др. 2016; Зольников, Постнов, Рыбалко 2017]. Единственным стратифицированным памятником палеолитического возраста на рассматриваемой территории является стоянка Комудваны, обнаруженная в 2016 г. [Макаров, Резвый 2018].

Стоянка Комудваны расположена в отложениях 2-й террасы (абс. высота 19–20 м), вблизи устья р. Манья (Октябрьский район, ХМАО). Среди подъемного материала обнаружены кости мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, лошади и бизона. *In situ* обнаружено 4 отщепа (1 с ретушью утилизации), 5 осколков (1 с ретушью утилизации), фрагменты костей мамонта и фрагмент продольно рассеченного бивня. На костях обнаружены насечки, оставленные в древности, возможно каменными орудиями. Возраст костей *in situ* – 12567 ± 150 BP (SPb_2672).

Наиболее перспективным участком поиска палеолитических стоянок в регионе является правобережье р. Обь. Высокий берег правобережья ежегодно подмывается рекой, что позволяет выявлять новые местонахождения, а также изучать источники сырья каменного производства, хотя местонахождения фауны плейстоценового возраста отмечены и на левом берегу р. Обь, а единичные находки каменных артефактов, предположительно палеолитического возраста, и стоянка Луговское расположены именно в левой части речной долины Оби.

Стоянка Комудваны и стоянка Луговское приурочены к «мамонтovým кладбищам». Только на территории ХМАО известно около 30 местонахождений позднеплейстоценовой фауны, поэтому сбор информации и изучение данных местонахождений представляет большой потенциал для обнаружения следов присутствия человека палеолитического времени.

Сложность обнаружения палеолитических памятников кроется и в неоднозначности интерпретации генезиса позднечетвертичных отложений, и, прежде всего, в вычленении и датировании отложений речных террас.

Наши предположения об образе жизни и культуре первых обитателей данного региона основываются на малочисленном и разрозненном материале, который свидетельствует об их мобильности, экономной стратегии утилизации каменного сырья, об охоте на крупных млекопитающих. Пока сложно предполагать, откуда осуществлялось освоение Западно-Сибирской равнины, не понятны масштабы и интенсивность миграций, каковы были их причины, была ли охота на крупных млекопитающих характерна для первых поселенцев изначально или это приобретенный на новой территории навык. Ответы на эти вопросы позволят сделать планирование разведывательных маршрутов более целенаправленным.

Западно-Сибирская равнина палеолитического времени, вероятно, является своеобразным культурным регионом, характеризующимся высокой мобильностью и культурным многообразием проживающего населения при схожести стратегии хозяйственного поведения, продиктованной едиными природными условиями.

Библиографический список

- Зольников И. Д., Постнов А. В., Рыбалко А. Г. Палеолитические изыскания на нижней Оби в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2017. Т. 23. С. 117–119.
- Макаров С. С., Резвый А. С. Стоянка Комудваны – новый памятник палеолитической эпохи в среднеэтажной зоне Западно-Сибирской равнины // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень, 2018. Вып. 4. С. 143–149.
- Павлов П. Ю. О первоначальном заселении севера Урала // Урал. ист. вестн. 2015. № 2 (47). С. 50–60.
- Питулько В. В. Свидетельства раннего расселения человека в Арктической области Евразии: новые находки и перспективы исследований // Археология Арктики. Вып. 3. 2016. С. 91–116.
- Погодин А. А. К проблеме первоначального заселения Севера Западной Сибири // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. 1. С. 68–78.
- Цыбанков А. А., Выборнов А. В., Зольников И. Д., Колонцов С. В., Ломов П. К., Постнов А. В., Присекайло А. А., Славинский В. С., Батаргина И. А., Картозия А. А., Чертыков В. А. Археологические разведки в долине Оби в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. 22. С. 569–572.
- Fu Q., Li H., Moorjani P., Jay F., Slepchenko S. M., Bondarev A. A., Johnson P. L. F., Aximu-Petri A., Prüfer K., de Filippo C., Meyer M., Zwyns N., Salazar-García D. C., Kuzmin Y. V., Keates S. G., Kosintsev P. A., Razhev D. I., Richards M. P., Peristov N. V., Lachmann M., Douka K., Higham T. F. G., Slatkin M., Hublin J.-J., Reich D., Kelso J., Viola B., Pääbo S. Genome Sequence of a 45,000 Year Old Modern Human from Western Siberia // Nature. 2014. Vol. 514. P. 445–450.
- Svendsen J. I., Alexanderson H., Astakhov V. I., Demidov I., Dowdeswell J. A., Funder S., Gataullin V., Henriksen M., Hjort C., Houmark-Nielsen M., Hubberten H. W., Ingólfsson Ó., Jakobsson M., Kjær K. H., Larsen E., Lokrantz H., Lunkka J. P., Lyså A., Mangerud J., Matiouchkov A., Murray A., Möller P., Niessen F., Nikolskaya O., Polyak L., Saarnisto M., Siegert C., Siegert M. J., Spielhagen R. F., Stein R. Late Quaternary ice sheet history of northern Eurasia // Quaternary Science Reviews. 2004. № 3. P. 1229–1271.

S. S. MAKAROV, A. S. REZVYY

COLONIZATION OF THE NORTHERN PART OF THE WEST SIBERIAN PLAIN IN THE LATE PALEOLITHIC: PROBLEMS AND STUDY POTENTIAL

The geological, paleontological and anthropological data indicate the possibility that the Northern part of the West Siberian plain was colonized by humans already in the late Pleistocene. However, we know of only a few supposedly Paleolithic finds from that territory, and of only one in situ occupation site (Komudvany). The scarcity of the Paleolithic sites may be explained by the insufficient research, as well as the methodological problems (particularly the taphonomy, the problem of the age of the terraces, eoliths),

which make the reconnaissance work even more difficult. There are several factors, which can enhance the Paleolithic sites search potential, including the identification and study of the paleontological locations, the annual riverbanks examination, and collecting the word of mouth information.

Sergey S. Makarov – Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk). E-mail: stonernr@mail.ru

Anton S. Rezvyu – Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk). E-mail: croc74@mail.ru

П. Ю. ПАВЛОВ

УРАЛЬСКАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ХРОНОЛОГИЯ, КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Рассмотрены вопросы развития культуры позднего палеолита в Уральском регионе. Важнейшей особенностью этого периода является возникновение региональной уральской позднепалеолитической культуры, генетически связанной с палеолитом Средней и Северной Азии. В течение второй половины позднего валдая, в позднеледниковье и в раннем голоцене (19–9,5 тыс. л. н.) памятники уральской культуры распространяются вдоль всего Урала. Ареал памятников уральской культуры и их количество увеличивается к среднему и позднему этапам ее существования, что отражает возрастающую плотность населения. Пространственное и хронологическое распределение стоянок культуры, возникновение внутрирегиональных культурных связей, появление пещерных святилищ на среднем этапе ее развития свидетельствует о существовании в позднем и финальном палеолите постоянного населения в Уральском регионе.

Павлов Павел Юрьевич – д.и.н., ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Институт языка, литературы и истории (Россия, Сыктывкар). E-mail: ppavlov120@gmail.com

Специфические черты индустрий позднепалеолитических памятников Уральского региона впервые были охарактеризованы Т. И. Щербаковой [1994; 1997; 2001]. Основные технико-типологические характеристики каменного инвентаря памятников уральской позднепалеолитической культуры и хронологические этапы ее развития были выделены автором [Павлов 2007; 2008].

В развитии культуры выделены три этапа. К раннему относятся стоянки Талицкого и Широфаново II, вероятно, местонахождения Драчево и Ганичата III, расположенные в бассейне верхней Камы. В Южном Зауралье к ранней группе может относиться стоянка Троицкая I. Возраст стоянок этого этапа составляет, вероятно, 19 – 16–15 тыс. л. н. [Павлов 2012; 2015].

Стоянки второго (развитого) этапа развития культуры (16–15 – 12,5 тыс. л. н.) распространены уже по всему Уралу от Северного до Южного. Это стоянки Медвежья пещера, Усть-Койвинская пещера, пещера Котёл, Кумышанская, Гари, Сергеевка 2, грот Бобылек, пещера Кульюрттамак, пещера Байсланташ, Капова пещера и ранний комплекс Игнatieвской пещеры [Павлов 2012]. На этом этапе развития культуры сходство каменных индустрий ее памятников выражено наиболее отчетливо во всем регионе, что, очевидно, является свидетельством консолидации культуры и существовании постоянных связей между отдельными группами населения.

Стоянки позднего или финальнопалеолитического этапа (12,5–9,5 тыс. л. н.) найдены в бассейне верхней Камы, на Южном Урале и в Большеземельской тундре (гряда Чернышова).

Это стоянки Горная Талица, грот Столбовой, Усть-Пожва II–VI, Горка, Рязановский Лог, третий культурный слой грота Большой Глухой, поздний комплекс Игнatieвской пещеры и стоянка Пымва-Шор I [Павлов 2012, 2015].

На всех этапах существования уральской культуры сохраняются основные технико-типологические характеристики каменного инвентаря. Первичная обработка основана на использовании параллельных способов расщепления — объемного и плоскостного. Нуклеусы представлены призматическими, плоскими, кареноидными, коническими и торцовыми. Ведущим типом скола являются пластины с неправильной огранкой, присутствуют крупные пластины и микропластинки. В качестве заготовок приблизительно в равной пропорции использовались отщепы и пластины.

В составе орудийного набора представлены: небольшие округлые скребки на отщепах и концевые скребки на удлинённых отщепах и фрагментах пластин, в том числе и высокой формы; боковые, поперечные и угловые резцы, преимущественно на отщепах; долото-видные орудия; усеченные пластины, пластины с выемками и пластины с притупленной спинкой; шпоровидные и зубчатые формы; проколки с плечиками. В инвентаре обязательно присутствуют пластинки и микропластины с ретушью (вкладыши) и группа галечных орудий. Характерны также унифасы и скребла с прямым, выпуклым и вогнутым лезвием. Яркой отличительной чертой комплексов является присутствие в них двусторонних вкладышевых орудий.

В течение второй половины позднего валдая, в позднеледниковье и в раннем голоцене памятники уральской культуры распространяются вдоль всего Урала: от Южного до Приполярного. Ареал памятников уральской культуры и их количество увеличивается к среднему и позднему этапам ее существования, что, очевидно, отражает возрастающую плотность населения. Пространственное и хронологическое распределение стоянок культуры, возникновение внутрирегиональных культурных связей, свидетельствует о существовании во второй половине позднего валдая и позднеледниковье в Уральском регионе постоянного населения. Появление около 16 тыс. лет назад пещерных святилищ в регионе (Капова и Игнatieвская пещеры) также свидетельствует в пользу этого предположения. По мнению В. С. Житенёва, Капова пещера являлась региональным центром сбора коллективов уральской культуры для поддержания культурно-родственных связей, обряды в котором проводились в течение достаточно долгого периода [Житенёв 2017; с. 49, 53, 54].

В соседних с Уралом регионах известны позднеледниковые и финальнопалеолитические стоянки, имеющие черты сходства с памятниками уральской культуры — в Среднем Поволжье (Постников Овраг), на нижней Каме (Лобач 2, нижний слой Камского устья 2, нижний слой Долгой поляны 2, Сюкеевский взвоз, Тетюшская III и др.), на юге и севере Западной Сибири (Черноозерье II, Луговское) и, вероятно, в центре Восточноевропейской равнины (Карачарово) [Павлов 2012, с. 13].

По основным характеристикам комплексы каменного инвентаря стоянки уральской культуры близки к индустриям памятников средней поры верхнего палеолита южной Сибири с мелкопластинчатым инвентарем [Павлов 2012, с. 12]. Территориально наиболее близки к памятникам позднего палеолита Уральского региона раннесартанские стоянки этой культурно-хронологической группы, расположенные на юге Западной Сибири. Памятники с мелкопластинчатым инвентарём юга Западной Сибири имеют в свою очередь, по моему мнению, существенное сходство со стоянками выделенной К. А. Колобовой [2014; с. 21–24]

кульбулакской верхнепалеолитической культурой западного Памиро-Тянь-Шаня. Особенно сближает памятники этих культур характерная особенность техники первичного раскалывания — присутствие кареноидных нуклеусов. Подобные изделия имеются в индустриях уральской культуры на раннем (им. Талицкого, Широфаново II и Ганичата III) и среднем (Байсланташ, Сергеевка 2) этапах развития культуры. Определенное сходство прослеживается также в структуре орудийных комплексов кульбулакских и уральских памятников.

Таким образом, важнейшей особенностью позднего палеолита Уральского региона является возникновение региональной уральской позднепалеолитической культуры, генетически связанной с палеолитом Средней и Северной Азии. Население культуры сыграло, вероятно, заметную роль в освоении обширных пространств севера Восточной Европы, освободившихся от покрова материковых льдов в финальном плейстоцене и раннем голоцене.

Библиографический список

- Житенёв В. С. Капова пещера — верхнепалеолитическое пещерное святилище с настенными изображениями: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017.
- Колобова К. А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014.
- Павлов П. Ю. Поздний и финальный палеолит северо-востока Европы // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене — раннем голоцене. М., 2007. С. 73–85.
- Павлов П. Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология этнография и антропология Евразии. 2008. № 1 (33). С. 33–45.
- Павлов П. Ю. Культурные связи населения уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 1(18). С. 6–23.
- Павлов П. Ю. О первоначальном заселении севера Урала // Урал. ист. вестн. 2015. № 2 (47). С. 50–60.
- Щербакова Т. И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург, 1994.
- Щербакова Т. И. Малоизвестные пещерные комплексы Урала и вопросы археологической систематики // Пещерный палеолит Урала. Уфа, 1997. С. 15–19.
- Щербакова Т. И. Каменный инвентарь гротов Столбового и Близначева на фоне палеолитических индустрий Урала // Проблемы первобытной культуры. Уфа, 2001. С. 156–169.

P. YU. PAVLOV

THE URAL LATE PALEOLITHIC CULTURE: CHRONOLOGY, CULTURAL SPECIFICS, ORIGINS

The paper studies the problems of development of the late Paleolithic culture in the Ural region. The most important characteristic of that period was the emergence of the Ural regional late Paleolithic culture, which was genetically linked to the Paleolithic of the Middle and the Northern Asia. During the second half of the Late Valdai, the Late Glacial, and the Early Holocene (19–9.5 thousand y. a.) sites of the Ural culture spread along the whole territory of the Urals. The territory of the Ural culture expanded and their number of sites increased by the middle and the late stages of its existence, which reflected the growing density of the population. The spatial and the chronological distribution of the culture's occupation sites, the emergence of the interregional cultural contacts, the appearance of the cave sanctuaries in the middle stages of its development give evidence of the existence of the permanent population in the Ural region in the late and final Paleolithic.

Pavel Yu. Pavlov — Doctor of Historical Sciences, Federal Research Centre Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS, Institute of Language, Literature and History (Russia, Syktyvkar). E-mail: ppavlov120@gmail.com

И. Ю. ПОНКРАТОВА

ЗАСЕЛЕНИЕ КАМЧАТКИ В КОНЦЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА — СРЕДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ

С учетом новейших исследований стоянки Ушки V, известных и недавно открытых археологических памятников предложены этапы заселения Камчатки в конце плейстоцена — среднем голоцене: переходный от палеолита к неолиту период (~13300–10100 кал. л. н.), начальный (~ 8600–8400 кал. л. н.) и ранний (~ 7000–5000 кал. л. н.) неолит. В числе особенностей орудий первого периода заселения — бифасиальные наконечники стрел и дротиков с черешком; второго — микропластинчатая техника изготовления каменных изделий методом Юбецу. Для начального неолита характерны орудия на пластинах, распространение вкладышевой техники, возможно, упряжное собаководство. В раннем неолите появляется керамика, карандашевидные призматические нуклеусы, наконечники и резцы на пластинах. Прослежены возможные культурные связи с культурами Якутии, Среднего и Нижнего Амура, о. Сахалин, Японии, Кореи, Северной Америки.

Понкраторова Ирина Юрьевна — к.и.н., Северо-Восточный государственный университет (Россия, Магадан). E-mail: ponkratova1@yandex.ru

Ключевыми для понимания периодизации заселения полуострова Камчатка являются комплексы многослойных стоянок на берегу Большого Ушковского озера, где обнаружены свидетельства не менее восьми периодов обитания. Археологической экспедицией Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан) выявлены этапы заселения стоянки Ушки V в конце плейстоцена — среднем голоцене: переходный от палеолита к неолиту период (~13300–10100 кал. л. н.), начальный (~ 8600–8400 кал. л. н.) и ранний (~ 7000–5000 кал. л. н.) неолит. Их критерии, с учетом известных [Диков 1977; Пономаренко 2014; Ponkratova 2017; Пташинский 2012 и др.] и недавно открытых [Понкраторова 2018] археологических памятников, позволили предположить начальные этапы заселения полуострова, их особенности и возможные культурные связи.

Переход от палеолита к неолиту (конец плейстоцена — начало голоцена, первый период: 11330 ± 50 – 10350 ± 50 ^{14}C л. н. / 13320–12022 кал. л. н.). Характерны сезонные промысловые стоянки с наземными одно- и двухкамерными жилищами с открытыми, без каменной обкладки очагами; мастерские по изготовлению каменных орудий и украшений; погребения. Маркирующими элементами каменной индустрии считаются бифасиальные черешковые наконечники стрел и дротиков, халцедоновые резцевидные острия, миниатюрные каменные бусы и подвески. На Камчатке этот период представлен только комплексами стоянок Ушки I, V. Аналогии ему прослеживаются на юге в позднеплейстоценовых периодах переходного от палеолита к неолиту комплексах Кореи, Японии, о. Сахалина; на севере — на Аляске, в культурах алеутов, атапасков, Тукту/Пэлиса и др.

Переход от палеолита к неолиту (конец плейстоцена — начало голоцена, второй период: 10460 ± 80 – 9485 ± 275 ^{14}C л. н. до / 10131–12225 кал. л. н.). Увеличилась площадь поселений; конструкции жилищ стали более сложными (трех типов), изменился облик каменного инвентаря (маркер периода — микропластинчатая технология изготовления каменных орудий методом Юбецу). К этому времени относятся свидетельства одомашнивания собаки, тотемистической и обрядовой деятельности, представлений о загробном мире; произведения искусства в виде каменных полиэikonических изображений и граффити. На Камчатке этот период представлен культурным слоем VI стоянок Ушки I, IV, V на Большом Ушковском озере и стоянкой Анавгай II (слой 2). Аналогии периоду находим

в Якутии, на Дальнем Востоке, Сахалине, на Аляске, на Хоккайдо в Японии, в Корее. Сходство комплексов позволяет предположить, что каменная индустрия этого времени на Камчатке являлась частью обширной восточно-азиатско-американской культурной традиции. Наиболее близки комплексы Приамурья и Японии, что позволяет рассматривать данные связи в качестве генетических.

Начальный неолит (начальный голоцен, 8600–8400 кал. л. н.). По сравнению с предыдущим периодом площадь заселения Камчатки уменьшается; жилища — в виде наземных шалашей-чумов с очагами без кольцевых кладок с несколькими приочажными камнями. Инновации — в появлении орудий на пластинах (скребки, ножи) и распространения вкладышевой техники изготовления орудий. Возможно, к этому времени относится начало использования собак в упряжке. На Камчатке этот период представлен культурным слоем V стоянок Ушки I, II, V и слоем I стоянки Анавгай II. Аналоги ему находим в комплексах новопетровской культуры Западного Приамурья, о. Сахалина (ранний неолит), на о. Жохова. Сравнительный анализ позволяет предположить, что заселение Камчатки в этот период произошло с запада или юга. Не исключено, что часть населения Камчатки могла покинуть обжитые территории, спасаясь от катастрофического извержения вулкана Хангар (около 7800 кал. л. н.), и мигрировать на север, в том числе и на о. Жохова, где в охотничьем лагере обнаружены находки костей собак и фрагменты нарт.

Ранний неолит (средний голоцен, ~7000–5000 кал. л. н.). Для этого периода зафиксированы два типа стоянок: с небольшим количеством округлых жилищ с одним краткосрочным периодом заселения, малым количеством каменного инвентаря, обгоревшими костями птиц и млекопитающих в очагах без обкладки; и с долговременными жилищами округлой формы с деревянными конструкциями, разнообразным каменным инвентарем, а также площадки-мастерские, хозяйственные ямы. В это время появляется керамика; нуклеусы — карандашевидные, призматические, конические; в орудийном наборе — наконечники на пластинах, ножи с выемками для разделки рыбы; резцы на пластинах и отщепях, концевые скребки на пластинах, галечные ударные орудия, шлифованные тесла, ножи на отщепях из глинистого сланца. О тотемистических представлениях свидетельствуют находки фигурок рыбок из камня. Ранний неолит Камчатки представлен в культурном слое IV стоянок Ушки I, II, V, местонахождении Анавгай-поле, на стоянках Раздельный I, Извилистая (слой 2), Столбовая I–XII, Храпунское I (слой 2), Култук II, III, IV, Остров-1–6 (слой 2)). Ранний неолит Камчатки коррелируется с мезолитической сумнагинской культурой Якутии (IX–V тыс. до н. э.), раннеолитической сылахской; раннеолитическими комплексами громатухинской культуры Среднего Амура, мариинской культуры Нижнего Амура, на Сахалине. Возможны поиски аналогии керамики на арктических территориях Северной Америки.

Библиографический список

- Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы: (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1977.
- Понкратова И. Ю. Археологические исследования на Северо-Восточном побережье полуострова Камчатки в 2009–2011 годах // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. СПб., 2018. С. 229–236.
- Пономаренко А. К. Тарьинская культура неолита Камчатки // Тихоокеанская археология. Владивосток, 2014. Вып. 30. С. 7–230.

Пташинский А. В. Новые микропластинчатые комплексы периода финального палеолита на Камчатке // Вестник КРАУНЦ, № 1 (19). Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 48–68.

Ponkratova I. The Site Ushki V (Kamchatka) and its place in the periodization of the archaeological cultures of the Northern Far East of Russia // 22 (2) d International Symposium "The initial Human Exploration of the Continental and Insular parts of the Eurasia. Suyanggae and Ogonki". Yuzhno-Sakhalinsk, 2017. P. 67–69.

I. YU. PONKRATOVA

COLONIZATION OF KAMCHATKA IN THE LATE PLEISTOCENE — MIDDLE HOLOCENE

In view of the latest studies of Ushki V site, the data of the known and the recently discovered archaeological sites, we suggest that the colonization of Kamchatka in the late Pleistocene - middle Holocene occurred in the following stages: the transition from the Paleolithic to the Neolithic (~13300–10100 cal. y. a.), the initial (~ 8600–8400 cal. y.a.), and the early ~ 7000–5000 cal. y. a.) Neolithic. The characteristic features of the tools of the first colonization stage included the presence of bifacial arrowheads and tanged dart heads; of the second — the Yubetsu microblade technique. The initial Neolithic was characterized by blade tools, the wide use of the insert technique, and, possibly, the draught dog breeding. The early Neolithic developments included the appearance of ceramics, the pencil-shaped prismatic cores, arrowheads and burins on blades. We traced some possible contacts with the cultures of Yakutia, the Middle and the Lower Amur, Sakhalin island, Japan, Korea, and Northern America.

Irina Yu. Ponkratova — Candidate of Historical Sciences, North-Eastern State University (Russia, Magadan). E-mail: ponkratova1@yandex.ru

А. Г. РЫБАЛКО

АШЕЛЬСКИЕ ИНДУСТРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА *

Территория западного побережья Каспийского моря оставалась до недавнего времени одной из наименее изученных в палеолитическом отношении областей Кавказа. Проблема изучения палеолитических памятников на территории Прикаспия из-за специфических геологических условий является одной из сложнейших на настоящий момент. Чтобы выявить технические традиции и обеспечить полномасштабный сравнительный анализ индустрий, необходимо опираться на стратифицированные стоянки, где сохранились культуросодержащие отложения. Заполнить, в определенной мере, имеющуюся лауну в наших знаниях об ашельской эпохе в этой части Кавказа позволяют данные, полученные в последние годы при исследовании стратифицированных археологических объектов Дарвагчайского георхеологического района. Наиболее значимыми из них являются памятники Дарвагчай-Залив-1 и Дарвагчай-Залив-4, характерной чертой данных комплексов является наличие крупных бифасиально обработанных орудий (рубил).

Рыбалко Андрей Геннадьевич — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Общий анализ археологических коллекций позволяет сделать ряд выводов. Раннепалеолитические комплексы сформировались на местной полисырьевой базе. В качестве исходного сырья использовался кремний, а также окремненный известняк и песчаник в виде

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00006 А «Комплексные исследования палеолитических культур Приморского Дагестана: технологии, хронология, адаптации и культурные связи» (рук. А. Г. Рыбалко).

галек и желваков. Данные разновидности каменного сырья, являются непосредственной составляющей литологических горизонтов, в которых были обнаружены артефакты и хорошо прослеживаются в нескольких обнажениях на близлежащей территории. Все эти породы весьма разнообразны по своим поделочным свойствам, что в свою очередь в значительной мере определяло типы производимых орудий. Каменные артефакты различаются по степени сохранности поверхности — от средне окатанных изделий, составляющих основную часть коллекций, до слабо- и практически не окатанных экземпляров. Анализ планиграфии, наряду с данными стратиграфии, показывает, что артефакты претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Коллекции артефактов стоянок Дарвагчай-залив-1 и 4 демонстрируют глубокое сходство по основным технико-типологическим параметрам (техника расщепления, характерные типы орудийного инвентаря, приемы вторичной обработки), в известной мере допустимо рассматривать эти материалы как остатки нескольких стоянок существовавших на данной территории в течении определенного периода. В то же время, анализ всех аспектов каменного инвентаря свидетельствует, что в период формирования культуросодержащих слоев на данной территории обитали носители одной индустриальной традиции, базировавшиеся на местной полисырьевой базе.

Проведенный анализ археологических материалов свидетельствует, что на памятниках представлены все циклы обработки камня (от апробации сырья до изготовления орудий). Фиксирующиеся приемы первичного расщепления и вторичной обработки относятся к простейшим вариантам. Предварительная подготовка ядрищ для регулярного расщепления была минимальной, в основном использовались удобные естественные поверхности. Среди сколов преобладают массивные подпрямоугольные и широкие заготовки. Более 40 % отщепов полностью или частично сохраняют галечную корку. Огранка дорсалов, как правило, гладкая, естественная или бессистемная. Вторичная обработка в виде ретуши чаще всего была краевой и лишь в редких случаях изменяла морфологию заготовки, широко использовались оббивка и приемы получения клетонских анкошей. Среди выделенных категорий орудий преобладают скребловидные, шиповидные и выемчатые. Наиболее яркой «маркирующей» частью орудийного набора являются немногочисленные крупные галечные и бифасиально обработанные изделия, но представляющие собой предельно выразительные морфологические образцы, которые соответствуют самым строгим представлениям о типе археологической классификации [Рыбалко 2016]. Имеющиеся данные позволяют определить памятники как многократно посещаемые стоянки-мастерские, где осуществлялась деятельность, связанная с массовым изготовлением серий артефактов в том числе сложных орудийных форм.

Хронология памятников построена на основе анализа палеонтологических остатков раковин моллюсков (малакофауна). Время формирования культуросодержащих слоев соотносится с разными фазами активности Каспийского моря и согласно принятым стратиграфическим схемам, соответствует возрасту $\approx 0,45-0,3$ млн лет назад (11–9 MIS).

Появление и дальнейшее распространение ашельских индустрий, наиболее характерная черта которых — присутствие ручных рубил (бифасов), является одной из наиболее обсуждаемых тем в археологическом сообществе. Разнообразии локальных вариантов в ашельских индустриях Кавказа отмечают все исследователи, при этом значительно расходясь по принципам их выделения, хронологии, границ распространения и т. д.

Разные поделочные свойства используемого сырья привели к большой вариабельности бифасиально обработанных орудий. При этом вырабатывались наиболее оптимальные для конкретного сырья технологии и приемы изготовления.

В этом контексте поздние раннепалеолитические комплексы Юго-Восточного Дагестана, видимо, стоит рассматривать как еще один местный вариант развития каменного производства, находящийся в общекавказском ареале распространения и развития индустрий ашельского облика. Для рассматриваемого региона характерна общая для всего Большого Кавказа особенность, выражающаяся в относительной малочисленности рубил в коллекциях памятников. Бифасиально оформленные орудия представляют широкий спектр индивидуальных форм, наблюдается крайнее разнообразие в типах и приемах их отделки. Тщательно обработанны, геометрически правильные изделия немногочисленны. Преобладают так называемые частичные бифасы. Технологические особенности сырья, а также чрезвычайно разнообразные формы исходных заготовок обусловили большое многообразие морфологических форм и соответственно низкую стандартизацию указанных орудий [Рыбалко 2017]. Проведенные исследования позволили получить новый массовый материал по древнейшей истории региона, что дает возможность более наглядно представить общую картину эволюции каменных индустрий на этой территории в палеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

Библиографический список

- Рыбалко А. Г. Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. 22. С. 152–155.
- Рыбалко А. Г. Раннепалеолитические индустрии ашельского облика на территории Дагестана // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2017. Т. 16, № 5. С. 32–40.

A. G. RYBALKO

THE ACHEULEAN INDUSTRIES OF THE NORTHEAST CAUCASUS

The territory of the western coast of the Caspian Sea remained, until recently, one of the least studied regions of the Caucasus concerning the Paleolithic. The problem of the study of the Paleolithic sites in the Caspian region is currently one of the most complicated, owing to the specific geological conditions of the territory. In order to identify the technological traditions and perform a comprehensive comparative study of the industries, it is necessary to have reference stratified occupation sites with cultural layers. The data obtained in the recent years during the study of the stratified archaeological sites of the Darvagchaysky geoarchaeological region may, to a certain extent, fill the gap in our knowledge about the Acheulean period in this part of the Caucasus. The most important of them were the Darvagchay-Bay-1 and Darvagchay-Bay-4 sites, the characteristic feature of which was the presence of large retouched bifaces (handaxes).

Andrey G. Rybalko – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Е. П. РЫБИН, А. М. ХАЦЕНОВИЧ

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФИНАЛЕ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ*

Территория Монголии относится к одним из самых удаленных на восток регионов распространения «классического» среднего палеолита, характерного для западной части Евразии. Эти индустрии залегают непосредственно под комплексами начального верхнего палеолита, в случае наличия абсолютных датировок, данные комплексы датируются в пределах 40–60 тыс. л. н. Исходя из суммы признаков и аналогий для монгольских ассамбляжей, мы считаем возможным атрибутировать их в рамках южносибирского-центральноазиатского технокомплекса терминального среднего палеолита. Основой технологии расщепления является плоскостное раскалывание параллельных и радиальных нуклеусов, центростремительные и конвергентные леваллуазские нуклеусы. Здесь присутствует и начавшее зарождаться подпризматическое расщепление. Эти ассамбляжи около 45 тыс. л. н. сменяются комплексами крупных пластин начального верхнего палеолита, что позволяет предположить непродолжительный период сосуществования между ними.

Рыбин Евгений Павладьевич — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: ryber@yandex.ru

Хаценович Арина Михайловна — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: ada1985@yandex.ru

К наиболее дискуссионным проблемам изучения палеолита Монголии относится определение характера смены индустрий среднепалеолитического технокомплекса верхнепалеолитическими. В то время как точка зрения о полном замещении среднепалеолитических традиций воспринимается, как более очевидная в силу кардинально различных технологических дефиниций среднего и верхнего палеолита, существуют все же несколько технологических методов расщепления, которые могут быть прослежены как в среднем палеолите, так и в начале верхнего палеолита.

На большей части территории Монголии преобладают выраженные аридные условия, не способствующие аккумуляции рыхлых отложений. Поэтому подавляющее большинство палеолитических памятников находится в экспонированном или перемещенном состоянии. Исключение представляют собой восточная часть Гобийского Алтая, где известны две пещерных стоянки, и бассейн Селенги на севере Центральной Монголии с ее притоками — Эгийн-голом, Орхоном и Их-Тулбурийн-Голом, в природно-климатическом отношении близком Южной Сибири. В горных ландшафтах Хангайско-Хэнтэйской горной страны ситуация для сохранения седиментов является относительно благоприятной. В этом регионе известны только стоянки открытого типа.

Леваллуазская технология в Монголии представлена в двух основных регионах ее распространения. Первым, где представлена наибольшая технологическая вариабельность, и предполагается наиболее раннее ее возникновение (вероятно, начало-ранняя стадия МИС-3), является бассейн реки Селенги с ее притоками рр. Орхон, Толбор и Харганынгол в Северной и Центральной Монголии. Второй регион находится на северном фесе пустыни Гоби, который в ландшафтном и геоморфологическом отношении представляет собой естественный коридор между двумя крупными горными хребтами — Хангаем на

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-06-00591А «“Селенгинский коридор”: палеоклиматические и петрологические условия функционирования миграционного пути в восточной части Центральной Азии в среднем-верхнем палеолите» (рук. Е. П. Рыбин).

севере и Гобийском Алтае на юге, идущими в широтном направлении. Здесь, вдоль цепи палеозер были обнаружены несколько стоянок с поверхностным залеганием артефактов; стратифицированные комплексы найдены в двух пещерах и одной стоянке под открытым небом. Цепь комплексов со свидетельствами использования леваллуазской технологии тянется вплоть до современной границы с Китаем. Наиболее ранние для этого региона датировки относятся к поздней стадии начального верхнего палеолита (НВП) и относятся к поздней стадии МИС-3. В самом начале МИС-3 или в конце МИС-4 в бассейне Селенги на территории Северной и Центральной Монголии появляются комплексы терминального СП, ни поведенчески, ни популяционно не связанные с местным отщеповым средним палеолитом. На трех стоянках (Орхон-1, гор. 3, Мойлтын ам, гор. 5-4 и Харганын-гол 5 (гор. 7-6)) они находятся в стратифицированном состоянии. В то время, как возраст гор. 3 Орхона 1 остается неопределенным (предположительно, ок. 40 тыс. некал. л. н.), более надежно верхняя хронологическая граница существования среднепалеолитических индустрий может быть определена на основе дат из стоянки Харганын гол 5, имеющей возраст не менее 46–43 тыс. л. н.

Исходя из суммы признаков и аналогий для указанных монгольских ассамбляжей, мы считаем возможным атрибутировать их в рамках южносибирского-центральноазиатского технокомплекса терминального среднего палеолита (ТСП). Как правило, эти индустрии в стратиграфическом отношении залегают непосредственно под комплексами начального верхнего палеолита, в случае наличия абсолютных датировок, данные комплексы датируются в пределах 40–60 тыс. л. н. Основой технологии расщепления является плоскостное раскалывание параллельных и радиальных нуклеусов, центростремительные и конвергентные леваллуазские нуклеусы. В данном технокомплексе присутствует и начавшее зарождаться подпризматическое расщепление. Доля пластин, имеющих, как правило, укороченные пропорции, относительно невелика, господствует среднепалеолитическая техника скола, нашедшая свое отражение в заметном участии фасетированных ударных площадок. В большинстве комплексов доминируют среднепалеолитические формы орудий, представленные скреблами; выражен зубчато-выемчатый компонент.

Около 45 тыс. л. н. (некал.) на территории Северной Монголии фиксируются первые комплексы начального верхнего палеолита (НВП) (Толбор 16, Толбор 21). Если относительно поздние даты ассамбляжей ТСП подтвердятся, можно предполагать либо моментальную смену этих традиций, либо кратковременный период их сосуществования. Подпризматическая бипродольная технология расщепления, представленная уже в ассамбляжах ТСП, фиксируется в НВП в сложившемся виде; она превалирует во всех ассамбляжах. В комплексах НВП представлены все леваллуазские методы, известные в ТСП Монголии, кроме того, к ним добавляется непредставленный в ТСП яркий и специфический метод бипродольного леваллуазского расщепления, впервые фиксируемый на территории Российского Алтая. Основная разница между технокомплексами НВП и ТСП Монголии заключается в куда большей ориентированности верхнепалеолитических популяций на производство пластин; появление производства пластинок, и выраженный верхнепалеолитический характер орудийного набора. Необходимость получения результатов нового цикла датирования и уточнения стратиграфических наблюдений на ключевых памятниках остается насущной, но уже на сегодняшний момент нужно отметить, что хроностратиграфическая ситуация в Монголии очень близка той, которая может быть

отмечена для территории Российского Алтая. Как в Центральной Азии, так и в Южной Сибири происходит смена «отщеповых» ассамбляжей технокомплексом терминального среднего палеолита, для которого, в свою очередь, можно предположить либо резкую смену, либо некоторый период сосуществования с комплексами крупнопластинчатого НВП.

E. P. RYBIN, A. M. KHATSENOVICH

CULTURAL PROCESSES IN THE FINAL STAGE OF THE MIDDLE PALEOLITHIC IN MONGOLIA

The territory of Mongolia is one of the easternmost regions of the “classic” middle Paleolithic, characteristic for the western part of Eurasia. These industries are deposited directly under the initial upper Paleolithic complexes, wherever absolute dates are available, these complexes are dated within the period of 40,000–60,000 y. a. Based on the sum of attributes and analogies for the Mongolian assemblages, we consider it possible to attribute them as belonging to the South Siberian-Central Asian technological complex of the terminal middle Paleolithic. The basis of their flaking technology was the lateral knapping of the parallel and the radial cores, and the centripetal and the convergent Levallois cores. The emergent sub-prismatic knapping was also present. About 45,000 years ago, these assemblages were replaced with the large blade complexes of the initial Upper Paleolithic, which makes it possible to assume a short period of the two industries coexistence.

Evgeny P. Rybin – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: rybep@yandex.ru

Arina M. Khatsenovich – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: ada1985@yandex.ru

А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО, М. Б. КОЗЛИКИН, М. В. ШУНЬКОВ

КОСТЯНЫЕ ИГЛЫ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ*

Находки из Денисовой пещеры играют ключевую роль в изучении истоков возникновения технологии изготовления костяных игл в Северной Евразии. Согласно данным абсолютного датирования хронология бытования технологии производства костяных игл в палеолите Горного Алтая охватывает интервал 50–19 тыс. л. н. На основе данных технологического и трасологического анализов материалов Денисовой пещеры реконструированы две операционные последовательности изготовления игл с ушком – узких и тонких орудий из стенок трубчатых костей животных, а также более крупных орнаментированных игл из бивня мамонта. За пределами Горного Алтая древнейшие свидетельства использования костяных игл известны в комплексах второй половины каргинского времени. В это время технология изготовления игл представлена в сложившемся виде на обширной территории между Северным Кавказом и Восточно-Европейской равниной вплоть до Северного Китая, Забайкалья и Сибирской Арктики.

Федорченко Александр Юрьевич – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: winteralex2008@gmail.com

Козликин Максим Борисович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: kmb777@yandex.ru

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-39-00167 «Стратегии освоения пространства стоянки Кара-Бом в начале верхнего палеолита» (рук. Н. Е. Белоусова); № 18-09-00404 «Динамика каменных индустрий в среднем и верхнем палеолите Алтая по археологической летописи Денисовой пещеры» (рук. М. В. Шуньков).

Шуныков Михаил Васильевич – чл.-корр. РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: shunkov77@gmail.com

Игла с ушком является устойчивым типом орудия, изобретенным в эпоху верхнего палеолита и не изменившим свою форму и назначение до наших дней. Широкое распространение костяных игл в верхнем палеолите стало следствием развития ряда промыслов и технологий: высокопродуктивной охоты на крупных и мелких животных, обработки кости, рога и бивня, тонкой выделки шкур, пошива одежды из кожи и меха, изготовления нитей из жил и волос животных, растительных волокон. Инновационные способы пошива меховой одежды при помощи шильев, проколов и миниатюрных игл с ушком сыграли важнейшую роль в адаптации человека к экстремальным природным условиям Северной Евразии в эпоху позднего плейстоцена.

В северной части Евразии древнейшие костяные иглы найдены в Денисовой пещере на Алтае. Коллекция артефактов, связанных с технологическим контекстом производства игл, насчитывает 15 экз.: две заготовки, одно целое и 12 фрагментированных изделий. Основная часть находок происходит из комплексов начала верхнего палеолита из слоя 11 в центральном зале (6 экз.) и в южной галерее (1 экз.), слоя 11.2 в восточной галерее (1 экз.) и слоя 7 на предвходовой площадке (1 экз.) пещеры. Согласно данным биостратиграфии и литологии, результатам абсолютного датирования и технико-типологическому облику каменной индустрии, эти отложения накапливались в первой половине МИС 3. Иглы из слоя 9 в центральном зале (2 экз.) и слоев 6, 5 и 3 на предвходовой площадке (4 экз.) пещеры, которые формировались во второй половине МИС 3 – в начале МИС 2, связаны с комплексами среднего этапа верхнего палеолита.

На основе анализа материалов Денисовой пещеры реконструированы две операционные последовательности изготовления игл с ушком – относительно узких и тонких костяных изделий из стенок трубчатых костей животных, а также более крупных орнаментированных игл из бивня мамонта. Обе технологии подразумевали получение удлинённых заготовок продольным раскалыванием сырья, прорезанием или вырезанием, строгание, шлифовку, биконическое сверление и полировку. Основное различие этих технологий заключалось в использовании приема орнаментации бивневых игл – оформлении рядов из несквозных отверстий-точек. Трасологический анализ показал, что все иглы в различной степени изношены. Среди наиболее характерных причин фрагментации игл определены поперечный слом, деформация ушка или кончика в результате сильного изгиба или чрезмерного давления на орудие. Вместе с костяными шильями, проколками и игольниками палеолитические иглы из Денисовой пещеры образуют единый комплекс инструментов, применявшихся для пошива сложной одежды из кожи и меха.

Ближайшим хронологическим и территориальным аналогом иглам раннего этапа верхнего палеолита из Денисовой пещеры является находка из Страшной пещеры, датированная возрастом старше 44–43 ¹⁴С тыс. л. н. [Krivoshapkin et al. 2018]. Одна из древнейших коллекций костяных игл в Сибири происходит со стоянки Подзвонкая в Забайкалье (36,9 ¹⁴С тыс. л. н.) [Ташак 2007, с. 124, 125]. Представительная серия игл из кости и бивня мамонта выявлена на Янской стоянке в Сибирской Арктике (28,5–27 ¹⁴С тыс. л. н.) [Питулько и др. 2012, с. 51, 52]. На территории Китая древнейшие находки костяных игл известны в слое 1 Верхней пещеры Джоукоудянь, возраст которого определен в интервале

30,4–30 ¹⁴C тыс. л. н. [Li et al. 2018, с. 173]. Иглы с ранним хронологическим контекстом обнаружены на Кавказе, в материалах Мезмайской пещеры — слое 1С (36,1–33 ¹⁴C тыс. л. н.) и 1А1–1А2 (32–28 ¹⁴C тыс. л. н.) [Голованова 2017, с. 172]. В Восточной Европе наиболее ранние костяные иглы с ушком обнаружены на стоянках городцовой культуры возрастом 32,7–26,7 ¹⁴C тыс. л. н. [Синицын 2016, с. 335].

Корреляция опубликованных данных по костяным иглам начала верхнего палеолита Северной Евразии позволяет отметить морфологическую и сырьевую вариабельность этих изделий. Большинство известных игл изготовлено из стенок трубчатых костей крупных млекопитающих, реже использовался рог северного оленя или бивень мамонта. По размеру иглы обычно подразделяют на крупные (110–80 мм) и мелкие (60–40 мм). Определенное разнообразие прослеживается в форме сверленных ушек — закругленные, прямоугольные или слегка приостренные. Большинство из морфометрических различий может объясняться спецификой использования этих орудий, а также результатом их переоформления из-за производственных деформаций. Предполагается, что мелкие и средние иглы применялись для пошива одежды, обуви и головных уборов из тщательно выделанной тонкой кожи, более крупные экземпляры — для работы с материалом большей жесткости и толщины, а также при шплетении.

Результаты радиоуглеродного и OSL-датирования отложений слоя 11.1 южной галереи и слоев 11.1–11.4 центрального зала Денисовой пещеры позволяют рассматривать иглы с ушком этих комплексов в качестве наиболее ранних орудий данного типа в Северной Евразии. Уникальная бивневая игла из Денисовой пещеры находит свои аналогии лишь на двух местонахождениях верхнего палеолита изучаемого региона — стоянках Яна и Мальта. Для всех трех палеолитических комплексов характерен очень высокий уровень развития технологий обработки бивневого сырья, широкая распространённость и вариабельность технологий производства персональных украшений, включая и такие специфические типы изделий как диадемы и браслеты. Принимая во внимание более ранний возраст материалов Денисовой пещеры, можно предполагать возможность трансляции культурных и технологических инноваций с территории Горного Алтая в северо-восточном направлении в каргинское время.

Библиографический список

- Голованова Л. В. Костяные изделия в среднем и верхнем палеолите Кавказа // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 169–184.
- Питулько В. В., Павлова Е. Ю., Никольский П. А., Иванова В. В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // РАЭ. 2012. № 2. С. 33–102.
- Синицын А. А. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. СПб., 2016. С. 320–337.
- Ташак В. И. Орудия из кости и их производство в верхнем палеолите Западного Забайкалья (по материалам Подзвонкой) // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск, 2007. Вып. 5. С. 118–137.
- Krivoshapkin A., Shalagina A., Baumann M., Shnaider S., Kolobova K. Between Denisovans and Neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai Mountains // *Antiquity*. 2018. Vol. 92 (365). P. 1–7.
- Li F., Bae C. J., Ramsey C. B., Chen F., Gao X. Re-dating Zhoukoudian Upper Cave, northern China and its regional significance // *Journal of Human Evolution*. 2018. Vol. 121. P. 170–177.

A. YU. FEDORCHENKO, M. B. KOZLIKIN, M. V. SHUNKOV

BONE NEEDLES OF THE EARLY UPPER PALEOLITHIC IN NORTHERN EURASIA

The Denisova Cave finds played a key role in the study of the origins of the technology of the manufacture of bone needles in Northern Eurasia. According to absolute dating, existence of the technology of the manufacture of bone needles in the Paleolithic of the Altai Mountains covered the interval between 50–19 thousand y. a. Based on the data of the technological and the use-wear analyses of the Denisova cave materials we reconstructed two operation sequences in the manufacture of needles with an eye – the narrow and thin tools made from the walls of the animal long bones, as well as the larger ornamented ivory needles. Outside the Altai Mountains region, the oldest evidence of the use of bone needles was found in the complexes of the second half of the Kargin period. At that time, technology of the manufacture of needles was present in the already established form over the vast territory between the North Caucasus and the East European plain, up to the Northern China, the Trans Baikal region, and the Siberian Arctic.

Alexander Yu. Fedorchenko – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: winteralex2008@gmail.com

Maxim B. Kozlikin – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: kmb777@yandex.ru

Mikhail V. Shunkov – Member of the RAS, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: shunkov77@gmail.com

В. М. ХАРЕВИЧ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ В КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЯХ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕНИСЕЯ*

В верхнем палеолите Енисея принято выделять три стадии развития, каждая из которых сопровождается изменением типа заготовки. Ранний этап верхнего палеолита, приходящийся на финал каргинского – начало сартанского времени связан с преобладанием крупных пластин (памятники Дербинского залива, Малая Сья, Сабаниха). Для среднего этапа (ранний-средний сартан), характерно распространение т.н. «мелкопластинчатых» индустрий (Тарачиха, Шлёмка, 19 к. с. Лиственки и др.). Финальный этап (поздний сартан) характеризуется крупнопластинчатым и отщеповым расщеплением, сочетающимся с производством микропластин (памятники кокоревской и афонтовской культур). Сравнительный анализ этих памятников показывает, что в верхнем палеолите Енисея мы видим три комплекса индустрий базирующиеся на одной сырьевой базе и направленные на получение двух типов заготовок – крупных и мелких пластин, в рамках двух методов расщепления, технологические особенности которых обусловлены спецификой сколов-заготовок.

Харевич Владимир Михайлович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: mihalich84@mail.ru

Появление верхнепалеолитической пластинчатой традиции в бассейне Енисея происходит в финальнокаргинское-раннесартанское время. Использование в качестве заготовок крупных пластин отмечается в комплексах ранней группы индустрий Дербинского залива

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения *Homo sapiens* в Азии» (рук. Е. П. Рыбин).

(памятники Дербина IV и V, Усть-Малтат I и II, Покровка I и II) [Акимова и др. 2018], стоянок Малая Сыя и Сабаниха [Лисицын 2000]. На рубеже 20 тыс. л. н. крупнопластинчатые индустрии, сменяются т. н. индустриями «мелких пластин» (Шлёнка, Афанасьева Гора, Тарачиха, 19 к. с. Лиственки, Малтат и др.) [Лисицын 2000], которые существуют вплоть до финала верхнего палеолита. 16–14 тыс. л. н. в регионе возникает новое явление — коревская археологическая культура, индустрии которой так же базируются на использовании крупных пластин [Абрамова 1979]. В рамках развития пластинчатых комплексов Енисея наблюдается как минимум трехкратное изменение парадигмы заготовки: крупная пластина — мелкая пластина — крупная пластина.

Крупнопластинчатые индустрии финальнокаргинского-раннесартанского времени характеризуются получением пластин в рамках параллельного и субпараллельного однонаправленного объемного раскалывания. Подготовка преформ минимизирована и ограничивается созданием ударной площадки и, в ряде случаев, оформлением на латерали ядрищ ребер, служащих для формирования профиля фронта скалывания. Специфической чертой было создание под каждый скол крупной ударной площадки, способной воспринять силовой импульс, достаточный для отделения большой пластины. Это достигалось обратным редуцированием, применявшееся самостоятельно или в сочетании с редуцированием (фиксируется у 30–50 % пластин дербинской группы, Малой Сыи и Сабанихи). Использование этого приема приводило к необходимости постоянного подживления площадок, из-за чего у большей части сработанных нуклеусов имеются ступенчатые ударные площадки. В процессе расщепления выпуклость фронта скалывания поддерживалась снятием краевых, в том числе полуреберчатых сколов. При необходимости встречно направленными снятиями со вспомогательной ударной площадки удаляли заломы. Судя по наличию у значительной доли пластин вентрального карниза (70–80 %) и отсутствию таковых с выраженной точкой удара можно предполагать, что получение сколов заготовок производилось в технике прямого удара мягким отбойником [Харевич, Стасюк 2016].

В индустриях мелких пластин пренуклеус тщательно подготавливался — создавалась гладкая скошенная ударная площадка, путем снятия краевых сколов и мелких первичных пластин формировалась выпуклость фронта в плане и профиле. Основным способом подправки дуги скалывания было редуцирование, фиксируемое у 80 % пластин 19 к. с. Лиственки и Малтата. В ходе расщепления выпуклость фронта восстанавливали снятием краевых и полуреберчатых пластин. Заготовки с вентральным карнизом или микрокарнизом преобладают (70–90 %), а с точкой удара отсутствуют, что также говорит о прямой ударной технике мягким отбойником [Харевич и др. 2015].

Индустрии коревской культуры по технологии первичного расщепления очень близки комплексам финальнокаргинского-раннесартанского времени. Их отличает еще меньшая подготовка преформ, ограниченная созданием ударной площадки [Гречкина 1992; Харевич, Стасюк 2016], что связано с использованием исключительно енисейской гальки, обладающей рядом особенностей. Остальные приемы и особенности производства пластин идентичны крупнопластинчатым индустриям Дербины, Малой Сыи и Сабанихи [Харевич, Стасюк 2016].

Таким образом, технология производства пластин в верхнепалеолитических индустриях Енисея не является статичной [Лисицын 2000, с. 87]. Мы видим три комплекса индустрий, базирующихся на одном сырье и направленные на получение двух типов

заготовок — крупных и мелких пластин, в рамках двух методов расщепления. Индустрии кокоревской культуры по технологии расщепления пластин практически идентичны индустриям начальных этапов верхнего палеолита (дербинские памятники, Малая Сья и Сабаниха). Причиной этого явления служит конвергенция, обусловленная общей сырьевой базой и целевой заготовкой. При изменении целевой заготовки с крупной пластины на мелкую, происходят и изменения в технологии расщепления. Эти изменения проявляются не столько в типологии ядрищ (в 19 к. с. Лиственки и Малтата так же преобладают одноплощадочные монофронтальные формы), сколько в менее заметных элементах, связанных с техникой скола. Технологические различия между рассматриваемыми комплексами обусловлены именно направленностью на производство разных типов пластин.

Библиографический список

- Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979.
- Акимова Е. В., Стасюк И. В., Харевич В. М., Лаухин С. А., Мотузко А. Н., Санько А. Ф. Палеолит Дербинского залива. Новосибирск, 2018.
- Гречкина Т. Ю. Реконструкция техники расщепления (по результатам ремонта нуклеусов из Кокорево 1) // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск, 1992. С. 56–58.
- Лисицын Н. Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб., 2000.
- Харевич В. М., Акимова Е. В., Стасюк И. В., Томилова Е. А. Технология производства пластин в каменной индустрии культурного слоя 19 стоянки Лиственка // *Stratum plus*. 2015. № 1. С. 321–332.
- Харевич В. М., Стасюк И. В. Индустрии крупных пластин в верхнем палеолите Среднего Енисея. Технологический аспект // *Stratum plus*. 2016. № 1. С. 211–222.

V. M. KHAREVICH

RECONSTRUCTION OF THE PRIMARY FLAKING TECHNIQUE IN THE LITHIC INDUSTRIES OF THE UPPER PALEOLITHIC OF THE YENISEY REGION

The scholars traditionally distinguish three stages in the evolution of the upper Paleolithic in the Yenisei region, each of which was associated with a change in the blank type. The early stage of the Upper Paleolithic, corresponding to the final Kargin — the early Sartan periods was associated with the domination of large blades (the sites of the Derbin Bay, Malaya Syja, Sabanikha). The characteristic feature of the middle stage (the early-middle Sartan) was the wide use of the so-called “small blade” industries (Tarachikha, Shljonka, the 19th cultural level of Listvenka, etc.). The final stage (the late Sartan) was characterized by the large blade and flake knapping in combination with the microblades production (the sites of the Kokorevskaya and the Afontovskaya cultures). A comparative study of these sites demonstrated that in the Upper Paleolithic of the Yenisei region we observe three industries based on the same raw material and aimed at producing two types of blanks — large and small blades — with the use of two knapping techniques, the technological characteristics of which depended on the specifics of produced blanks.

Vladimir M. Kharevich — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: mihalich84@mail.ru

А. М. ХАЦЕНОВИЧ, Е. П. РЫБИН

**СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ
В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ***

Геометрические микролиты распространены на обширном пространстве Азиатской части Евразийского материка — от Ближнего Востока до Юго-Восточной Азии. До недавнего времени считалось, что традиции их производства не распространились за пределы западной части Центральной Азии далее на север, и территориально и хронологически ограничиваются эпита-леолитическими памятниками на территории Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, не выходящими за пределы 43-ей параллели. Новый этап исследований на территории Монголии позволил отодвинуть эту границу далее на север и зафиксировать одно из наиболее ранних свидетельств появления геометрических изделий. Как и на территории остальной евразийской ойкумены, их появление сопряжено с климатическими изменениями, которые принесли последний максимум оледенения, сменой объектов охоты и охотничьего инвентаря.

Хаценович Арина Михайловна — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: archeomongolia@gmail.com

Рыбин Евгений Павладьевич — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: ryber@yandex.ru

Становление микролитической индустрии на территории Монголии фиксируется на начальном этапе верхнего палеолита [Хаценович, Рыбин 2018]. В это время появляются нуклеусы-резцы, кареноидные, подпризматические пирамидальные, а также небольшие торцовые нуклеусы — все они были направлены на получение мелких пластинок и пластинок. Несмотря на присутствие специализированных нуклеусов, полученные сколы использовались для изготовления только одного типа изделий — пластинок с притупленным краем, единичны случаи модификации пластинок в неформальные проколки. В раннем верхнем палеолите исчезают полностью нуклеусы-резцы, но появляются укороченные подпризматические и призматические одно- и двуплощадочные ядрища для пластинок, часть которых является крайней стадией утилизации ядрищ для пластинок. Средний верхний палеолит, по времени совпадающий с последним максимумом оледенения, до сих пор является эфемерным: его удалось зафиксировать на ряде памятников в Северной Монголии — Харганын-Гол-5, Толбор-21 [Рыбин и др. 2018], однако он не обеспечен абсолютными датами. Именно в этих комплексах, а также в тех, которые на данный момент определяются как поздневерхнепалеолитические и датируются около 18–19 тыс. кал. л. н., обнаружены геометрические изделия — трапеции и сегменты, которые, в отличие от известных в Загросе и западной Центральной Азии микролитов [Shnaider et al. 2018], выполнены не на микропластинах, а на мелких пластинах.

Впервые трапеции в Северной Монголии были выделены в 2015 г. на памятнике Харганын-Гол-5 в комплексе горизонта 4 [Хаценович, Рыбин 2015]. Заготовками для них служили мелкие пластины и пластинки в равной степени. Для них характерен прямой профиль и подтреугольное поперечное сечение различной высоты, за исключением одного предмета с трапециевидным сечением. Морфометрические показатели изделий,

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-06-00591А «“Селенгинский коридор”: палеоклиматические и петрологические условия функционирования миграционного пути в восточной части Центральной Азии в среднем-верхнем палеолите» (рук. Е. П. Рыбин).

за исключением одного, наиболее крупного предмета, схожи, пропорции орудий (соотношение длины и ширины) стремятся к значению 2:1. Показатели толщины предметов варьируют незначительно, независимо от размера и типа заготовок. На продольных краях орудий фиксируется ретушь или отдельные сколы утилизации.

Способ оформления этих изделий остается под вопросом. Предполагается микрорезцовая техника получения заготовок, и наличие «срединных резцов» в ассамбляже, являющихся неизбежным побочным продуктом этой техники, вроде бы подтверждает это. Однако тот факт, что трапеции и «срединные резцы» выполнены из разного сырья, не позволяет сделать это утверждение однозначным. При всем разнообразии силицитов — кремнистых пород, использовавшихся человеком для расщепления и насчитывающих около 10 разновидностей в пределах коллекции Харганын-Гол-5 [Рыбин, Шелепаев, Хаценович 2014], для каждого из упомянутых типов изделий использовалась только одна конкретная разновидность сырья.

Аналогичные геометрические изделия — трапеции, а также сегмент, обнаружены на памятниках Толбор-21 (слой 2), Толбор-4 (горизонт 3), Толбор-16 (слой 4). Верхняя граница существования комплексов с этими предметами — 18 тыс. кал. л. н. Нижняя граница пока не известна, но, по предварительным оценкам, может относиться ко времени 30 тыс. кал. л. н.

Рассматривая круг комплексов с микролитами, наиболее ранние можно отметить на территории Южной Азии — в Индии и Шри-Ланке, здесь они датируются около 50 тыс. кал. л. н. и представлены, в более ранних ассамбляжах, пластинками с притупленным краем, а около 43 тыс. л. н. происходит окончательный переход от среднего палеолита к микролитической индустрии с широким набором орудий с притупленной спинкой [Clarkson et al. 2018]. Эпипалеолитические геометрические микролиты, происходящие с территории западной Центральной Азии, имеют самый ранний возраст около 33 тыс. кал. л. н., однако представлены треугольниками и пластинками с притупленным краем, как и на Ближнем Востоке [Kolobova, Krivoshekin, Shneider 2019]. Таким образом, ближайшим аналогом трапециям из Северной Монголии является Индия. Вероятнее всего появление геометрических изделий в Монголии произошло в результате адаптации населения к меняющимся климатическим условиям, нежели как следствие миграций культурных наборов.

Библиографический список

- Рыбин Е. П., Шелепаев Р. А., Хаценович А. М. Исследования источников каменного сырья палеолитических объектов долин рек Их-Тулбэрийн-Гол и Харганын-Гол в Северной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2014. Т. 20. С. 87–90.
- Рыбин Е. П., Павленок Г. Д., Хаценович А. М., Марченко Д. В., Гунчинсүрэн Б. Каменная технология среднего этапа верхнего палеолита Северной Монголии (культурный горизонт 2 стоянки Толбор-21): к постановке проблемы // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 24. С. 39–60.
- Хаценович А. М., Рыбин Е. П. Геометрические изделия в позднем верхнем палеолите Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2015. Т. 21. С. 161–165. Хаценович А. М., Рыбин Е. П. Мелкопластинчатые индустрии начального этапа верхнего палеолита стоянок Толборской группы и мастерской Кара-Бом // Теория и практика археологических исследований. 2018. № 3(23). С. 121–129.
- Clarkson C., Petraglia M., Harris C., Shipton C., Norman K. The South Asian microlithic: Homo sapiens dispersal or adaptive response? // Lithic technological organization and paleoenvironmental change. Cham, 2018. P. 37–62.

Kolobova K., Krivoschapkin A., Shnaider S. Early geometric microlith technology in Central Asia // Archaeological and Anthropological Sciences. 2019. Vol. 11, iss. 4. P. 1407–1419.
Shnaider S. V., Kolobova K. A., Filimonova T. G., Taylor W., Krivoschapkin A. I. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: The Tutkaulian complex // Quaternary International. 2018. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.10.001>.

A. M. KHATSENOVICH, E. P. RYBIN

NORTHERN BOUNDARY OF THE DISTRIBUTION OF THE GEOMETRIC ARTEFACTS IN THE UPPER PALEOLITHIC OF CENTRAL ASIA

The geometric microliths were spread over a vast territory of the Asian part of the continent of Eurasia — from the Near East to the South-Eastern Asia. Until recently, it was believed that the tradition of their production did not go further north beyond the western part of Central Asia, and that it was geographically and chronologically limited to the epi-Paleolithic sites of Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, within the territory below the 43rd parallel. A new stage of research in the territory of Mongolia allowed to move this boundary further north, and register one of the earliest evidences of the geometric items existence. As in the territories of the remaining Eurasian oecumene, their emergence was connected with the climate change brought about by the Last Glacial Maximum, and the related change of prey and the hunting tools.

Arina M. Khatsenovich — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: arheomongolia@gmail.com

Evgeny P. Rybin — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: rybep@yandex.ru

A. M. ЧЕХА

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ С ПОВЕРХНОСТНЫМ ЗАЛЕГАНИЕМ АРТЕФАКТОВ: МЕТОДИКА И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Большинство известных на сегодняшний день палеолитических местонахождений Казахстана и всей аридной зоны Центральной Азии представлено подъемными материалами. Преобладание здесь аридных условий в течение всего плейстоцена обусловило крайне скудное осадконакопление, в результате чего у подавляющей части палеолитических памятников этого региона нет стратифицированного культурного слоя, и их разновозрастные артефакты имеют одинаковое поверхностное залегание. Несмотря на наработанный опыт советских и российских археологов, изучение подобных археологических памятников все еще нуждается в отлаженной методике и решении таких проблем, как вопрос хронологии одновременных каменных изделий и правомерность использования критерия сохранности поверхности артефактов.

Чеха Андрей Михайлович — Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: chekhandrej@yandex.ru

К местонахождениям с поверхностным залеганием артефактов археологи относились скептически, считая данные памятники информативно неполноценными и недостаточно достоверными по сравнению со стратифицированными комплексами. Подобный подход к материалу накладывал отпечаток на характер изучения памятников с поверхностным

залеганием находок. В связи с этим исследование таких местонахождений ограничивалось частичным сбором и кратким описанием наиболее ярких изделий. Но при всех своих недостатках местонахождения с подъемными материалами являются не только дополнением к коллекциям каменных артефактов стратифицированных памятников, но и представляют собой самостоятельные, во многом уникальные объекты со сложной структурой и массовым, как правило, типологически выраженным материалом, отражающим определенные временные этапы.

И. И. Коробковым впервые в советской археологии была по достоинству оценена проблема значимости памятников с поверхностным залеганием археологического материала. В статье, посвященной данному вопросу [Коробков 1971, с. 99], он указал на необходимость более тщательного изучения памятников подобного рода с применением методики, основанной на специфических особенностях этих объектов.

При анализе многочисленных комплексов палеолита принципиально важным является определение типов памятников по роду человеческой деятельности. В палеолите аридной зоны наиболее распространенные типы местонахождений: мастерские, кратковременные и долговременные стоянки, стоянки-мастерские.

Остановимся на наиболее важных методических приемах, необходимых для изучения памятников с поверхностным залеганием артефактов.

Сбор материала. Как правило, перед сбором находок возникает ряд планиграфических проблем: определение условных границ местонахождения, выявление отдельных специализированных площадок, фиксация разновысотных участков местности и других морфологических особенностей ландшафта, характер сохранности отдельных участков местонахождения, осмотр наиболее перспективных скоплений археологического материала. Первоочередной задачей при работе на данных объектах является определение границ между отдельными пунктами и установление между ними связей и различий. Для предварительного решения данных задач производится сбор наиболее показательных в технико-типологическом плане находок. Далее, для полной характеристики археологического материала на отдельных, наиболее перспективных участках, после произведения нивелировочной съемки производится сбор всех артефактов по квадратам 1 x 1, 2 x 2 или 5 x 5 м. При фиксации артефактов, для них устанавливаются точные координаты в квадрате, определяется порядковый номер, отмечаемый на плане и на самой находке [Коробков 1971, с. 87; Петрин 1991; Деревянко и др. 1996; Деревянко и др. 2002].

Степень сохранности поверхности артефактов. Для местонахождений с поверхностным залеганием артефактов каменный инвентарь является единственным источником получения информации. Одним из основных показателей при работе с подъемными материалами является степень сохранности поверхности артефакта.

В условиях аридизации, дефляция является основным фактором постоянного воздействия на поверхность артефактов. В зависимости от степени сохранности, все подъемные материалы предлагается делить на четыре группы (в некоторых случаях допустимо и большое количество групп): а) сильнодефлированные; б) среднедефлированные; в) слабодефлированные; г) недефлированные [Деревянко и др. 2000; Деревянко и др. 2001]. К группе сильнодефлированных изделий отнесены предметы с сильно заглаженными краями и выступающими частями, границы между негативами сколов расплывчаты. Изделия со средней степенью дефляции характеризуются меньшей сглаженностью краев

и граней предмета, более отчетливо просматриваются следы мелкой отделки артефакта. Слабодефлированная группа выражена легкой заглаженностью поверхности, без особых затруднений диагностируются элементы вторичной отделки и тонкой подправки нуклеусов и сколов.

Следует отметить, что деление по степени дефляции поверхности является отдельной для каждого комплекса характеристикой подъемного материала. Это объясняется специфическими природно-климатическими условиями, ландшафтной обстановкой окружающей местности, типом сырья и др.

Так, проведенный для характеристики каменного сырья петрографический анализ изделий с палеолитического местонахождения Арал-1 (Западный Казахстан) позволил установить, насколько правомерно здесь использование этого критерия.

Каменное сырье, использованное на памятнике Арал-1, имеет наиболее близкий к кварцитам вид, однако отсутствие типичных для кварцитов структур перекристаллизации обломочного материала сохраняет за ними название кварцитовидных песчаников.

При тщательном просмотре под бинокулярной лупой всех артефактов пункта Арал-1 установлено, что очень часто на одном и том же артефакте проявлена разная степень дефляции, причем не только поверхностей с разных сторон артефакта, но иногда в пределах одной и той же сколотой плоскости. Это означает, что степень дефляции артефактов из серого кварцитовидного песчаника на местонахождении Арал-1 не может быть использована для их возрастной стратификации [Чеха, Кулик 2014, с. 69].

Обработка полученного материала. Анализ техники первичного расщепления, вторичной обработки и типологии орудий на местонахождениях с поверхностным залеганием артефактов ничем принципиальным от анализа археологических материалов стратифицированных объектов не отличается. Но, в отличие от стратифицированных комплексов, археологические материалы поверхностных местонахождений значительно чаще переоформлялись в более позднее время. Следы переоформления и повторного использования (реутилизация) наблюдаются на артефактах с разной сохранностью поверхности.

Библиографический список

- Деревянко А. П., Таймагамбетов Ж. К., Бексеитов Г., Петрин В. Т., Маркин С. В., Ефремов С. А. Исследование памятников каменного века на северо-восточном склоне хребта Каратау (Южный Казахстан) в 1996 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1996. Т. 2. С. 80–81.
- Деревянко А. П., Петрин В. Т., Цэвээндорж Д., Девяткин Е. В., Ларичев В. Е., Васильевский Р. С., Зенин А. Н., Гладышев С. А. Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. Новосибирск, 2000.
- Деревянко А. П., Петрин В. Т., Гладышев С. А., Зенин А. Н., Таймагамбетов Ж. К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). Новосибирск, 2001. Деревянко А. П., Зенин А. Н., Олсен Д., Петрин В. Т., Цэвээндорж Д. Палеолитические комплексы Кремневой долины. Новосибирск, 2002.
- Коробков И. И. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем // Палеолит и неолит СССР. Л., 1971. № 173. (МИА; Т. 6). С. 61–99.
- Петрин В. Т. К проблеме сохранности комплексов каменных изделий с территории Монголии // Методы реконструкции в археологии. Новосибирск, 1991. С. 250–269.
- Чеха А. М., Кулик Н. А. Каменное сырье палеолитических местонахождений Северного Приаралья (по материалам пункта Арал-1) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 63–72.

А. М. ЧЕКА

**PALEOLITHIC SITES WITH THE SURFACE DEPOSITION OF ARTIFACTS:
METHODOLOGY AND THE PROBLEMS OF STUDY (HISTORIOGRAPHIC ASPECT)**

Most of the currently known Paleolithic sites of Kazakhstan and the entire arid zone of Central Asia are represented by surface finds. The predominance of arid conditions in that territory throughout the Pleistocene led to extremely poor sedimentation, as a result of which the vast majority of the Paleolithic sites of this region do not have stratified cultural levels, and their artifacts of different ages belong to the same group of surface finds. Despite the significant experience accumulated by the Soviet and the Russian archaeologists, the study of this type of archaeological sites still needs the development of a well-established methodology and solving several problems, including the chronology of the asynchronous lithic finds, and the appropriateness of the use of the surface artifacts preservation criterion.

Andrei M. Cheka – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: chekhandrej@yandex.ru

А. В. ШАЛАГИНА, К. А. КОЛОБОВА, В. М. ХАРЕВИЧ, С. В. МАРКИН

**БИФАСИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ).
ДАННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ И АНАЛИЗА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СКОЛОВ***

Чагырская пещера является ключевым объектом сибирячихинской фации среднего палеолита Горного Алтая. Одной из ярких черт данной индустрии является наличие серии выразительных бифасиальных орудий (200 экз.), которые составляют 6 % от орудийного набора. На стоянке фиксируются все этапы бифасиального расщепления — от преформ до бифасиальных орудий, сопровождающихся многочисленными техническими сколами и чешуйками утончения бифасов. Анализ негативов сколов совместно с экспериментальным анализом показали, что производство двусторонних орудий производилось в рамках трех основных технологических цепочек: «короткая», «длинная» и цепочка оформления на наковальне, обусловленных характеристиками первичных заготовок. Независимо от используемой цепочки оформление двусторонних орудий производилось в рамках двух базовых приемов: плоско-выпуклого и плоско-выпуклого альтернативного, что является характерной особенностью сибирячихинского технокомплекса.

Шалагина Алена Владимировна – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Колобова Ксения Анатольевна – д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: kolobovak@yandex.ru

Харевич Владимир Михайлович – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: mihalich84@mail.ru

Маркин Сергей Васильевич – д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: markin@archaeology.nsc.ru

На сегодняшний день в среднем палеолите Горного Алтая выделяется три индустриальных варианта: денисовский, карабумовский и сибирячихинский [Деревянко, Маркин, Шуньков 2013]. Одним из ярких элементов сибирячихинского технокомплекса является наличие бифасиальных орудий. При этом наиболее многочисленная коллекция (200 экз.) происходит из ключевого памятника данного варианта — Чагырской пещеры [Деревянко и др. 2018].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-48-04107 «Происхождение восточных неандертальцев: сравнительные исследования сибирячихинской индустрии (Российский Алтай)» (рук. А. И. Кривошапкин).

Среди бифасиальных орудий Чагырской пещеры типологически выделяются двусторонне обработанные скребла и острия. Также в коллекции фиксируется серия бифасиальных орудий с обушком, которые по своей морфологии и технологии изготовления могут быть отнесены к группе обушковых ножей-скребел *Keilmesser*, характерных для восточно-европейского микрока.

На стоянке были зафиксированы все этапы бифасиального производства: преформы, сами орудия, технические сколы и чешуйки оформления бифасов. К техническим сколам оформления бифасов относятся снятия со следующими характеристиками: сильно скошенная по отношению к вентральной поверхности ударная площадка; наличие мелких негативов на участке дорсальной поверхности, приуроченной к краю ударной площадки; «распльчатый» или отсутствующий ударный бугорок; наличие вентрального карниза [Chabai, Demidenko 1998]. Такие сколы составляют около 3 % от всех сколов в индустрии. Доля чешуек оформления бифасов по отношению ко всем чешуйкам с сохранившимися ударными площадками составляет около 18 % [Деревянко и др. 2018]. К чешуйкам оформления бифасов отнесены сколы с характерными признаками и максимальной длиной или шириной, не превышающей 29,9 мм.

С помощью анализа последовательности сколов [Шалагина, Колобова, Кривошапкин 2019] нами были восстановлены две технологические цепочки оформления двусторонних орудий в Чагырской пещере: «длинная» и «короткая», применение которых обусловлено рядом факторов, связанных, в первую очередь, с характеристиками первичных заготовок.

«Короткая» технология применялась для модификации относительно тонких (до 2 см) плиток и сколов: обрабатывалось одно или два лезвия орудия, а на большей его части сохранялась желвачная корка. Более сложная «длинная» технология применялась для обработки относительно толстых галек или массивных галечных сколов. Сырье в процессе преобразования от преформы до конечного орудия проходило несколько последовательных этапов поверхностного оформления и ретуширования.

Как показал анализ, обе эти цепочки реализовывались в рамках двух базовых приемов оформления поверхности двусторонних орудий: плоско-выпуклый и плоско-выпуклый альтернативный, при которых плоская сторона служила ударной площадкой для фасоннажа выпуклой стороны.

Проведенные нами эксперименты подтвердили использование «короткой» и «длинной» цепочек оформления бифасов, а также обусловленность их использования характеристиками первичного сырья из руслового аллювия реки Чарыш. Кроме того, проведенные эксперименты позволили выделить дополнительную технологическую цепочку.

С помощью экспериментов было установлено, что в качестве заготовок для оформления двусторонних орудий могли использоваться гальки, расщепленные на наковальне. Уплотненные гальки расщеплялись на наковальне на две достаточно крупные плоско-выпуклые заготовки. Затем на каждой заготовке производилась небольшая подправка плоской стороны, затем фасоннаж выпуклой стороны и оформление ретуши.

Цепочка расщепления на наковальне оказалась наиболее эффективной применительно к местному галечнику, поскольку высококачественное сырье, из которого изготовлены бифасы (яшмоиды и халцедониты), часто представлены небольшими гальками (4–10 см) и включают в себя мелкие трещины. В связи с чем, расщепление на наковальне является наиболее эффективным методом для получения крупных заготовок пригодных для

оформления бифасов. Кроме того, в подтверждение использования данной цепочки в комплексах Чагырской пещеры было обнаружено несколько бифасиальных орудий, выполненных на заготовках с характерными признаками и наковальня.

Таким образом, проведенный анализ негативов сколов бифасиальных орудий из Чагырской пещеры совместно с экспериментальным анализом позволили обосновать выделение трех основных цепочек оформления двусторонних орудий в индустрии: «короткая», «длинная» и цепочка оформления бифасов на наковальне. Все эти три цепочки обусловлены характеристиками первичных заготовок, среди которых крупные и уплощенные гальки, немногочисленные плитки и крупные массивные сколы. Независимо от используемой цепочки оформление бифасов производилось в рамках двух базовых приемов оформления поверхности двусторонних орудий: плоско-выпуклый и плоско-выпуклый альтернативный, что является характерной особенностью сибирячихинского технокомплекса.

Библиографический список

- Деревянко А. П., Маркин С. В., Колобова К. А., Чабай В. П., Рудая Н. А., Виола Б., Бужилова А. П., Медникова М. Б., Васильев С. К., Зыкин В. С., Зыкина В. С., Зажигин В. С., Вольвах А. О., Робертс Р. Г., Якобс З., Бо Ли. Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая. Новосибирск, 2018.
- Деревянко А. П., Маркин С. В., Шуньков М. В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1 (53). С. 89–103.
- Шалагина А. В., Колобова К. А., Кривошапкин А. И. Анализ последовательности сколов (scar-pattern) как инструмент реконструкции процесса изготовления каменных артефактов // Stratum plus. 2019. № 1. С. 145–154.
- Chabai V. P., Demidenko Yu. E. The classification of flint artifacts // The Middle Paleolithic of Western Crimea 1. ERAUL no. 84. Liège, 1998. P. 31–51.

A. V. SHALAGINA, K. A. KOLOBOVA, V. M. KHAREVICH, S. V. MARKIN

BIFACIAL TECHNIQUE OF THE CHAGYR CAVE (THE NORTH-WEST ALTAI) EXPERIMENTAL AND FLAKING SEQUENCE ANALYSIS DATA

The Chagyr cave is the key site of the the Sibiryachinskaya variant of the Altai Mountains Middle Paleolithic. One of the interesting characteristics of this industry was the existence of a series of distinctive bifacial tools (200 pieces) constituting 6 % of the tools set. All stages of bifacial knapping were present in the occupation site materials – from the preforms to bifacial tools, as well as the numerous technical spalls and biface thinning chips. The study of the negative flake scars alongside with the experimental study demonstrated that the bifacial tools production involved the use of three main technological process chains: the “short”, the “long”, and the process of anvil treatment, depending on the primary blanks properties. Regardless of the used process, bifacial tools treatment involved the use of two basic techniques: the convex-plane and the alternative convex-plane, which was a characteristic feature of the Sibiryachinskaya technological complex.

Alena V. Shalagina – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Ksenia A. Kolobova – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: kolobovak@yandex.ru

Vladimir M. Kharevich – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: mihalich84@mail.ru

Sergey V. Markin – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: markin@archaeology.nsc.ru

С. В. ШНАЙДЕР, Н. Н. САЙФУЛОВЕВ, В. А. ЖУКОВ, М. НАВРУЗБЕКОВ,
С. АЛИШЕР КЫЗЫ, А. И. КРИВОШАПКИН

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА НА КРЫШЕ МИРА: К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ ДРЕВНИМ ЧЕЛОВЕКОМ ВОСТОЧНОГО ПАМИРА*

Статья посвящена изучению уникальных археологических объектов на территории высокогорий Центральной Азии (Алайской долины и Восточного Памира) и их роли в освоении человеком высокогорных территорий. Согласно результатам проведенных комплексных исследований, высокогорные районы Центральной Азии начали заселяться человеком уже в позднем плейстоцене. При этом, на Памире выделяется ряд многослойных объектов, где фиксируется два эпизода заселения древним человеком в период от 13,8 до 6,4 тыс. л. н. Представленные здесь индустрии обладают различными технико-типологическими характеристиками, между которыми не прослеживается преемственности, что, на взгляд авторов исследования, свидетельствует о том, что регион в период финального плейстоцена-раннего голоцена обжился носителями различных культурных традиций.

Шнайдер Светлана Владимировна – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Сайфулов Нуритдин Назурлович – к.и.н., Институт истории, археологии и этнографии АН РТ (Республика Таджикистан, Душанбе). E-mail: sayfulloev.nuritdin@gmail.com

Жуков Валерий Александрович – Государственный музей искусства народов Востока (Россия, Москва). E-mail: vokyzh@yandex.ru

Наврузбеков Маснав – Институт истории, археологии и этнографии АН РТ (Республика Таджикистан, Душанбе). E-mail: n-masnav83@mail.ru

Алишер кызы Салтанат – Новосибирский государственный университет (Россия, Новосибирск). E-mail: saltanat.alisher.kyzy@gmail.com

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич – д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: krivoshapkin@mail.ru

Освоение высокогорий является одной из наиболее дискутируемых и актуальных тем в современной археологии. Так, наиболее раннее заселение Тибета связывается с денисовцем, бесспорное присутствие которого отмечается около 160 тыс. л. н. на высоте 3 280 м над уровнем моря [Chen et al. 2019, с. 409–412]. Что касается расселения человека современного анатомического облика, то наиболее аргументированное ранее свидетельство его проживания на Тибете было зафиксировано на памятнике Чузанг (Chusang) и датируется около 12,6 тыс. л. н. [Meyer et al. 2017, с. 64–67]. Учитывая физико-географические условия Центральной Азии, а также ее географическую близость Тибетскому нагорью, данное направление исследований в настоящий момент может заполнить территориальную и хронологическую лакуны, а также предоставить новую информацию о путях расселения человека на обсуждаемых территориях.

Активное археологическое изучение высокогорий Центральной Азии (Восточный Памир и Алайская долина) проводилось в советское время. Согласно предложенным ранее построениям Восточный Памир мог быть заселен в период верхнего палеолита, находки этого времени представлены единичными артефактами, найденными без надежного стратиграфического контекста [Ранов, Худжагелдиев 2005, с. 51–107]. Найденное

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-78-10053 «Происхождение производящего хозяйства в горной части Центральной Азии» (рук. С. В. Шнайдер).

множество стратифицированных объектов исследователями однозначно относилось к периоду раннего голоцена, и именно этот период был признан как начальный этап заселения Восточного Памира и Алайской долины [Коробкова 1989, с. 149–174; Ранов, Каримова 2005, с. 252; Ранов 1975, с. 105].

Участниками исследовательского коллектива был проведен технико-типологический анализ материалов, полученных в советское время с Истыкской пещеры (4 000 м н. у. м.) и стоянки Ошхона (4 100 м н. у. м.). В полевых сезонах 2017–2018 гг. было проведено повторное изучение Алайской стоянки (2 800 м н. у. м.), в 2018 г. проводились зачистки в Истыкской пещере.

Материалы памятника Ошхона характеризуются преобладанием микропластинчатого расщепления и доминированием микропластин с вентральной ретушью и концевых скребков в орудийном наборе. Серия полученных радиоуглеродных датировок показала, что памятник датируется в пределах 8,6–7,2 тыс. л. н. [Ранов, Худжагелдиев 2005, с. 51–107].

На Истыкской пещере выделяется два культурных горизонта, которые относятся к каменному веку, нижний горизонт представлен мелкопластинчатым расщеплением, в орудийном наборе отмечается наличие сегментов и острий, оформленных ретушью притупления. В верхнем горизонте представлена аналогичная индустрия, что выделена на памятнике Ошхона. Что касается хронологических рамок, нижний комплекс Истыкской пещеры датируется в пределах 13,8–10 тыс. л. н., верхний горизонт — 7,6–6,4 тыс. л. н. [Ранов, Каримова 2005, с. 51–107; Shnaider et al. in press].

Комплексное изучение Алайской стоянки показало, что здесь представлен один культурный горизонт, который датируется около 12 тыс. л. н. и характеризуется пластинчатым и мелкопластинчатым расщеплением с использованием мягкого отбойника, в орудийном наборе представлены острия с ретушью притупления и концевые скребки. Данная каменная индустрия находит множество аналогий с материалами нижнего культурного горизонта Истыкской пещеры.

Суммируя все имеющиеся данные на настоящий момент по обозначенному региону и проблематике, можно сказать, что наиболее раннее и обоснованное заселение высот на Памире более 4 000 м н. у. м. фиксируется ок. 13,8 тыс. л. н. При этом также фиксируется наличие сходных черт с индустрией Алайской стоянки. Позже, (начиная с 8,6 тыс. л. н.) этот регион активно обживался носителями другой индустрии, вплоть до 6,4 тыс. л. н. Ближайшие аналогии которой усматриваются в материальных комплексах Ферганской долины [Shnaider et al. 2017]. Таким образом, на настоящем этапе исследований выделяется два этапа заселения Восточного Памира носителями двух различных каменных индустрий, вероятнее всего, не связанных между собой генетически.

Библиографический список

- Коробкова Г. Ф. Мезолит средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. 1989. С. 149–174.
 Ранов В. А. Памир и проблема заселения высокогорной Азии человеком каменного века // Страны и народы Востока. 1975. № 16. С. 179.
 Ранов В. А., Худжагелдиев Т. У. Каменный век // История Горно-Бадахшанской автономной области. 2005. Т. 1. С. 51–107.
 Ранов В. А., Каримова Г. Р. Каменный век афгано-таджикской депрессии. Душанбе, 2005.
 Chen F., Welker F., Shen C., Bailey S. E., Bergmann I., Davis S., Xia H., Wang H., Fischer R., Freidline S. E., Yu T. L., Skinner M. M., Stelzer S., Dong G., Fu Q., Dong G., Wang J., Zhang D., Hublin J. J. A late Middle Pleistocene Denisovan mandible from the Tibetan Plateau // Nature. 2019. № 569 (7756). P. 409–412.

- Meyer M. C., Aldenderfer M. S., Wang Z., Hoffmann D. L., Dahl J. A., Degering D., Haas W. R., Schlütz F. Permanent human occupation of the central Tibetan Plateau in the early Holocene // *Science*. 2017. Vol. 355. P. 64–67.
- Shnaider S. V., Kolobova K. A., Filimonova T. G., Taylor W., Krivoshapkin A. I. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: the Tutkaulian complex // *Quaternary International*. In press.
- Shnaider S. V., Viola T. B., Kolobova K. A., Fedorchenko A. Y., Krivoshapkin A. I., Alisher-Kyzy S., Krajcarz M. T., Abdykanova A. New investigations of the epipalaeolithic in Western Central Asia: Obishir-5 // *Antiquity*. 2017. № 360. P. 00213.

S. V. SCHNEIDER, N. N. SAYFULOEV, V. A. ZHUKOV, M. NAVRUZBEKOV,
S. ALISHER KYZY, A. I. KRIVOSHAPKIN

STONE AGE SITES ON THE ROOF OF THE WORLD: THE PROBLEM OF THE EASTERN PAMIRS COLONIZATION BY ANCIENT HUMANS

The subject of the article is the study of the unique archaeological sites in the highlands of Central Asia (the Altai valley and the Eastern Pamirs), and their role in the human colonization of the high-altitude territories. According to the findings of the comprehensive studies, human colonization of the high-altitude areas of Central Asia began already in the late Pleistocene. Thus, a number of multilevel sites were discovered in the Pamirs, which provided evidence of at least two episodes of ancient colonization during the period between 13.8 and 6.4 thousand y. a. Their industries had different technological and typological characteristics without any signs of possible continuity, which, in the opinion of the authors, could indicate that the region was colonized in the period of the final Pleistocene and the early Holocene by the populations representing two different cultural traditions.

Svetlana V. Schneider – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Nuritdin N. Sayfuloev – Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archeology and Ethnography of the AS of the RT (Republic of Tajikistan, Dushanbe). E-mail: sayfuloev.nuritdin@gmail.com

Valery A. Zhukov – State Museum of Art of the Peoples of the East (Russia, Moscow).
E-mail: vokyzh@yandex.ru

Masnav Navruzbekov – Institute of History, Archeology and Ethnography of the AS of the RT (Republic of Tajikistan, Dushanbe). E-mail: n-masnav83@mail.ru

Saltanat Alisher Kyzy – Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk).
E-mail: saltanat.alisher.kyzy@gmail.com

Andrey I. Krivoshapkin – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: krivoshapkin@mail.ru

J. CHLACHULA, M. YU. CHEPRASOV, T. F. OBADA, S. E. GRIGORIEV

THE MID-LAST GLACIAL HABITATS OF THE PALAEO-LITHIC PEOPLING OF THE KOLYMA BASIN, NORTH-EAST YAKUTIA

The NE Siberia is known as a region with supreme finds of mammoth fauna and the Ice Age occupation sites preserved in permafrost. The frozen grounds contribute to preservation of the most unique paleontological, palaeobotanical and organic archaeological material exposed from the primary cryolithic geological layers of the late Pleistocene riverine valleys. Investigations carried out in the upper and middle reaches of the Kolyma River basin of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2013–2018 brought new evidence on the natural habitats of the Paleolithic peopling of this region with the earliest findings ^{14}C -dated >44 000 years ago. The field data allow the reconstruction of sequenced environmental conditions for the last tens of thousand of years and the modeling of human biological and cultural adaptation to the mid-Last Glacial and the extreme Last Glacial ecosystems within modern forest-tundra.

Jiri Chlachula – Doctor of Geological and Doctor of Historical Sciences, Adam Mickiewicz University (Poland, Poznan). E-mail: paleo@amu.edu.pl

Maksim Yu. Cheprasov – Candidate of Biological Sciences, Museum of Mammoth, North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk). E-mail: nohsho@mail.ru

Theodor Foca Obada – Institute of Zoology, Academy of Sciences of Moldova (Republic of Moldova, Chisinau). E-mail: theodoroBada@gmail.com

Semyon E. Grigoriev – Candidate of Biological Sciences, Museum of Mammoth, North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk). E-mail: g_semen@mail.ru

The sub-polar regions of North Yakutia have experienced a marked increase of mean annual temperature during the last decades by up to $+3^{\circ}\text{C}$, corresponding to the present MAT -13°C along the Arctic coast (the lower Yana and Indigirka) and -15°C in the interior (the middle and upper Kolyma). The climate change brings along with the major transformations of the local ecosystems a progressing disintegration of the tens-of-thousand year-old permafrost sealing the Pleistocene biotic records [Веремеева, Глушкова 2013; Боескоров 2010; Боескоров и др. 2016; Plotnikov et al. 2016]. This process has direct implications for scientific research due to exposure of new, rich paleontological and archaeological sites released from the cryolithic grounds subjected to an intensified late spring and early summer thaw. The Kolyma River area is renown for the unique findings of mammoth fauna with an immense potential for mapping of the time-corresponding Last Ice Age habitation locations [Чепрасов].

The Quaternary geology and geoarchaeology studies in the upper and central Kolyma basin (NE Yakutia) conducted during the last years (2014–2018) produced new evidence on the regional Late Pleistocene (mid-Last Glacial) to the early Holocene palaeogeographic development, the geological contexts and the cultural manifestations of the early human occupation of this territory completing the existing palaeoenvironmental records from the Yana Basin [Pitulko et al. 2016; Chlachula et al. 2014]. The field research focused on the well-stratified alluvial sequences that provide information on the past natural (environmental and geomorphic) dynamics of the local riverine and lacustrine palaeo-ecosystems. The fossiliferous Late Pleistocene alluvial and colluvial formations are being exposed by an activated lateral erosion of the local streams due to seasonal water-level fluctuations from the melted cryogenic surface triggered by the marked summer temperature rise over the NE Siberia. The primary study objectives included

the human-habitat palaeoecology reconstruction, occupation sites geoarchaeology, and the composition and taphonomic histories of the unearthened fossil fauna complexes during the sequenced human occupation of this part of North Asia. The principal fossiliferous units encountered in the middle and upper reaches of the Kolyma River in patterned stratigraphic positions along the eroding banks represent collapsed and subsequently sealed Last Glacial grounds incorporating ancient woods of the former tundra-forest, buried top soils and trapped large as well as small fauna remains (mammoth, woolly rhinoceros, horse, bison, muskox, reindeer, bear, lion, wolf, Arctic fox, marmot, hare and ground squirrel) among other species.

The multi-proxy geomorphology and palaeoecology (sedimentary, palaeo-botany, palynology and paleontology) records from the ^{14}C -dated interstadial formations document river-valley larch-dominated tundra-forest palaeo-settings with meandering river flows, backwater channels, marshlands, thermokarst lakes. The fossil pollen records from alluvia also including alder, white willow, dwarf birch, grasses and mosses, corroborating the pollen records from the large fauna coprolites, characterize the eco-settings similar to the present ones. The numerous and well-preserved Pleistocene megafauna remains contextually sealed in the ancient sandy gravel deposits add the unique discoveries of mammoth with preserved soft tissues found at the Beryzovka River (2013) in the central Kolyma area. The unearthened fossils, producing a complete late Middle to Late Pleistocene evolutionary lineage of *Mammuthus* sp., testify to long-term climatically favorable natural habitats of the Pleistocene proboscideans in this marginal geographical territory of North Asia. The species composition together with the palaeo-botanical (arboreal and carpological) finds provide detailed evidence of the biotically most productive sub-Arctic environments radiocarbon-dated to ca. 44 000–38 000 yr BP, i. e. encompassing the early part of the mid-Last glacial interstadial interval [Чепрасов и др. 2018].

A large portion of the collected paleontological material bears traces of ancient human treatment and use with instruments interpreted as spearheads and dart points made from mammoth tusk fragments and ribs, bone and ivory awls and polishing tools. Other large animal (mammoth, rhinoceros and bison) osteology implements show punching and drilling suggesting an application for construction of simple dwellings. The unearthened bone and ivory industry with the associated lithic instruments from the principal Irilyakh-Siene Site on the Mayachny River together with other sites in the Zyrianka valley (with a worked mammoth tusk dated to $19\,270 \pm 120$ yr BP) confirm the presence of the Palaeolithic people in this area prior to as well around the Last Glacial Maximum and a vital human adaptation to periglacial conditions. The diverse and well-preserved fossil fauna, occasionally including soft tissues, as well as the contextual palaeoenvironmental proxy data add to the present perceptions on the early human adjustment in the climatically most extreme continental region of the World.

The climatically milder mid-Last Glacial interstadial (MIS 3; 55 000–24 000 yr BP) is considered as the main time interval for the Pleistocene inhabitation of the Siberian Arctic. A major warming during the early Holocene (12 000–10 000 yr BP), restructuring the local habitats, caused vanishing of the Ice Age tundra-steppe replaced by broad-leaf northern taiga. The post-glacial climate shifts, generating major biotic and hydrological transformations, had a direct impact to the prehistoric peopling with the mobile Palaeolithic tundra-steppe hunters replaced by the more sedentary Final Palaeolithic and Mesolithic settlements. The investigations in the Northeast Siberia have major relevance for elucidating the time scales and trajectories of the Palaeo-American dispersal across the former Bering Land Bridge.

Bibliography

- Chlachula J., Czerniawska J., Pestereva K., Pesterev D. Geological and environmental contexts of Pleistocene occupation of the central Yana River basin, northern Yakutia // *Eurasia in Cenozoic: Stratigraphy, Palaeoecology, Culture*. 2014. Vol. 3. P. 166–175.
- Pitulko V. V., Tikhonov A. N., Pavlova E. Y., Nikolskiy P. A., Kuper K. E., Polozhiv R. N. Early human presence in the Arctic: Evidence from 45,000-year-old mammoth remains // *Science*. 2016. Vol. 351, iss. 6270. P. 260–263.
- Plotnikov V. V., Protopopov A. V., Kolesov S. D., Klimovskiy A. I. Overview and preliminary analysis of the new finds of woolly mammoth (*Mammuthus primigenius* Blumenbach, 1799) in the Yana-Indigirka lowland, Yakutia, Russia // *Quaternary International*. 2016. Vol. 406. P. 70–85.
- Боесков Г. Г. Каталог остеологической коллекции якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов севера им. Ем. Ярославского. Якутск, 2010. Вып. 2.
- Боесков Г. Г., Ноговицын П. Р., Мащенко Е. Н., Белолобский И. Н., Степанов А. Д., Плотников В. В., Протопопов А. В., Щелчкова М. В., Плихт Й. ван дер, Соломонов Н. Г. Новые данные о млекопитающих мамонтовой фауны бассейна Средней Лены (Якутия; национальный природный парк “Ленские столбы” и прилегающие территории) // Доклады Академии наук. 2016. Т. 469, № 2. С. 190–194.
- Вереемева А. А., Глушкова Н. В. Пространственные закономерности протаивания отложений ледового комплекса в голоцене на примере тундровой зоны Колымской низменности // VIII всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». Ростов н/Д, 2013. С. 104–106.
- Чепрасов М. Ю., Хлахула И., Обада Т. Ф., Григорьев С. Е., Новгородов Г. П. Новые данные по палеолиту бассейна средней Колымы, Якутия // *Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской научной конференции*. Тюмень, 2018. Вып. 4. С. 263–267.

И. ХЛАХУЛА, М. Ю. ЧЕПРАСОВ, Т. Ф. ОБАДА, С. Е. ГРИГОРЬЕВ

СЛЕДЫ ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА В ИНТЕРГЛЯЦИАЛЕ БАСЕЙНА КОЛЫМЫ, СЕВЕРО-ВОСТОК ЯКУТИИ

Северо-Восток Сибири известен как регион с важными находками мамонтовой фауны и стоянок древних людей последнего ледникового периода, сохранных в вечной мерзлоте. Минусовые термические условия содействуют сохранению уникальных палеонтологических, палеоботанических и органических археологических материалов, краткосрочно вымытых на поверхность из первичных криолитических геологических слоев древних речных долин эпохи плейстоцена. Проведенные работы в бассейне верхнего и среднего течения реки Колыма в пределах Республики Саха (Якутия) в 2013–2018 гг. принесли новые, подтвержденные радиоуглеродными датами свидетельства обитания человека эпохи палеолита в этом регионе более чем 44 тыс. л. н. Данные полевых исследований позволяют провести реконструкцию природных условий последних десятков тысяч лет и моделирование биологической и культурной адаптации человека к экстремальным условиям последнего интергляциала и гляциала в поясах современной лесотундры.

Хлахула Иржи – Dr., Лаборатория палеоэкологии, Университет Адама Мицкевича.

E-mail: paleo@amu.edu.pl

Чепрасов Максим Юрьевич – к.б.н., Музей мамонта, Северо-Восточный федеральный университет (Россия, Якутск). E-mail: nohsho@mail.ru

Обада Теодор Фока – Институт зоологии АН Молдовы (Республика Молдова, Кишинев). E-mail: theodoroBada@gmail.com

Григорьев Семен Егорович – к.б.н., Музей мамонта, Северо-Восточный федеральный университет (Россия, Якутск). E-mail: g_semen@mail.ru

S. SÖDERLIND

MOBILITY, CONTACTS AND TRANSMISSION OF KNOWLEDGE DURING THE MESOLITHIC IN NORTHERN EUROPE

This paper, which relates to the work of an ongoing PhD-project, focuses on social aspects of Mesolithic hunter-gatherers in northern Europe. Topics such as mobility, contacts and transmission of knowledge are specifically investigated through material studies of the widely distributed *handle core concept*, which involves the production of small blades using pressure technique. The research of this concept has so far mainly focus on Scandinavia, even though the technology can be found in large parts of northern continental Europe as well as in western Russia (and beyond). By studying the concept on a larger geographical scale the social aspects of the people that implemented the concept can be better understood. Technological studies of this lithic concept, together with the establishment of a reliable chronology, will provide us with new knowledge about the Mesolithic societies in northern Europe, on several spatial and temporal scales. In the talk, I will present the ongoing work of this project, with some preliminary results and discussion.

Sandra Söderlind – PhD Candidate, Graduate School Human Development in Landscapes, Kiel University (Germany, Kiel). E-mail: ssoederlind@gshdl.uni-kiel.de

Mesolithic societies are conceptualised based on the material culture that people at that time left behind. The study of lithics provides insight into subjects such as transmission and development of knowledge, social interaction, population dynamics and mobility in different landscapes. This paper, which relates to the work of an ongoing PhD-project, focuses on furthering the understanding of these subjects through material studies of the *handle core concept*. This lithic technology is used in large parts of northern Europe (and beyond), with its most commonly known and researched establishment in southern Scandinavia during the 7th to the 5th millennium BC [e. g. Ballin 2016; Callahan 1985; Knutsson 1980; Larsson 1978; Olofsson 1995; 2003; Söderlind 2018; Sørensen 2006; 2012; Vang Petersen 1984; Øland Frandsen 2015].

By widening the geographical focus to include, not only Scandinavia, but also northern parts of continental Europe and western Russia, the variations of material culture can be understood in its larger context. In north-eastern Eurasia a lithic concept based on the same type of handle core (also known as *wedge-shaped core* or *Gobi core*) existed already during the Upper Palaeolithic [Inizan 2012, with references], and therefore, a discussion of the relation between these areas must be incorporated into the discussion as well. Through technological studies focused on regional variation, change and trends over time new understandings of the Mesolithic societies can be gained on several spatial and temporal scales.

Previous studies emphasised the technological variations of the handle core concept in different areas of Scandinavia. However, it is difficult to discuss these variations in a temporal perspective since the established chronology that relate to this technology is highly problematic [Olofsson 2003]. Problems include few dated sites, dates originating from samples detained from unconnected contexts and/or samples collected at sites containing uncertain handle core finds. In northern continental Europe, very few sites with handle core finds have been reliably dated at all. Therefore, establishing a proper chronological backdrop, using AMS-dating of high-quality samples from reliable contexts, is important in order to know how, why and when the dynamic Mesolithic societies changed over time and in different areas.

The technological comparisons together with a new chronology, based on reliably dated contexts, in northern Europe will result in a spatial and temporal overview of the Mesolithic

handle core concept. The results of these studies will be used to investigate socio-environmental interactions, change in material culture and the social responses relating to change over time.

Bibliography

- Ballin T. B. Handle-Cores from Northern Jutland and Regionality in the Danish Mesolithic – Is the Assumed East-West Split as Clear-Cut as Generally Perceived? // *Quartär*. 2016. Vol. 63. P. 157–168.
- Callahan E. Experiments with Danish Mesolithic Microblade Technology // *Journal of Danish Archaeology*. 1985. Vol. 4. P. 23–39.
- Inizan M-L. Pressure Débitage in the Old World: Forerunners, Researchers, Geopolitics – Handing on the Baton // *The Emergence of Pressure Blade Making: From Origin to Modern Experimentation*. Boston, MA, 2012. P. 11–42.
- Knutsson K. Innovation och Produktutveckling. Förändringar i Spånteknik under Boreal/Tidigatlantisk Tid i Skåne // *Kontaktstencil*. 1980. Vol. 18. P. 78–116.
- Larsson L. Ageröd I:B – Ageröd I:D. A study of Early Atlantic Settlement in Scania. Bonn, 1978.
- Olofsson A. Keeled Scrapers, Microblade Cores and Microblades: A Study on North Swedish Microblade Technology. Umeå, 1995.
- Olofsson A. Pioneer Settlement in the Mesolithic of Northern Sweden. Umeå, 2003. A dissertation for the degree of Doctor of Philosophy
- Söderlind S. A Study of the Mesolithic Handle Core Technology in Schleswig-Holstein // 2018. № 41. P. 305–316.
- Sørensen M. Rethinking the Lithic Blade Definition: Towards a Dynamic Understanding // *Skilled Production and Social Reproduction. Aspects of Traditional Stone-Tool Technologies. Preceding's of a Symposium in Uppsala*. Uppsala, 2006. P. 277–296.
- Sørensen M. The Arrival and Development of Pressure Blade Technology in Southern Scandinavia // *The Emergence of Pressure Blade Making: From Origin to Modern Experimentation*. Boston, MA, 2012. P. 237–259.
- Vang P. P. Chronological and Regional Variation in the Late Mesolithic of Eastern Denmark // *Journal of Danish Archaeology*. 1984. № 3. P. 7–18.
- Øland F. B. En Teknologisk Analyse af Håndtagsblokke i Kongemosekulturens Øresund // Copenhagen. 2015. Unpublished MA thesis. SAXO instituttet – fornhistorisk arkæologi, University Copenhagen.

C. СОДЕРЛЕНД

МОБИЛЬНОСТЬ, КОНТАКТЫ И ПЕРЕДАЧА ЗНАНИЙ В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ

Настоящая работа, являющаяся частью диссертационного проекта, рассматривает социальные аспекты мезолитических общин охотников-собирателей Северной Европы. Такие темы как мобильность, контакты и передача знаний, исследуются на примере изучения материалов широко распространенной практики изготовления ядрищ с рукояткой, предполагающей изготовление небольших пластин с использованием техники отжима. Основные исследования этой практики до настоящего времени концентрировались, в основном, в Скандинавии, при этом, такая технология встречается на обширной территории севера континентальной Европы и в западной России. Изучение применения этой практики на более широкой территории позволит лучше понять социальные аспекты жизни людей, которые ей пользовались. Изучение данной технологии обработки камня, наряду с получением достоверных датировок, позволит нам получить новые сведения о мезолитических обществах Северной Европы на нескольких пространственных и временных горизонтах. В моем докладе я собираюсь рассказать о текущей работе над проектом и представить предварительные результаты и обсуждение вопроса.

Содерленд Сандра – PhD Candidate, Кильский университет (Германия, Киль).
E-mail: ssoederlind@gshdl.uni-kiel.de

J. TAKAKURA

**RETHINKING THE CONCEPT OF MICROBLADE TECHNOLOGY
IN NORTHEAST ASIAN PREHISTORY**

The widespread of microblade technology throughout Northeast Asia has long fascinated archaeologists, by focusing on group dispersion, cultural transmission, and ecological adaptation among the prehistoric hunter-gatherers from the latter part of the Late Pleistocene to the Early Holocene. The concept of microblade technology can allow more effective comparisons of stone tool technology during before and around the LGM and better understanding of emerging microlithization phenomena. This paper reviews the definition of this term and discusses its problems which have become apparent recently. Undoubtedly, we need to have a comprehensive framework for describing and evaluating technological variables observed in the microblade assemblages of Northeast Asia based on clearer definitions.

Jun Takakura – PhD, Archaeological Research Center, Hokkaido University (Japan, Sapporo).
E-mail: jun-ta@let.hokudai.ac.jp

It is generally accepted that lithic assemblages with microblades spread extensively throughout Northeast (NE) Asia, such as Siberia, Mongolia, North China, Korea, Japan, and finally reached Beringia. The study of the microblade assemblages in NE Asia is of considerable significance for investigations of the dispersal, cultural transmission, and adaptation among the prehistoric hunter-gatherers from the latter part of the Late Pleistocene through the Pleistocene/Holocene transition and beyond. To date, many researchers have focused on techno-typological classifications, chronologies, and cultural lineages of the microblade assemblages in these regions from a chrono-cultural framework. Currently, a special attention has been paid to ecological and behavioral issues involving a role of microblade technology in order to understand adaptive strategies employed by the bearers of the microblade assemblages [Elston, Brantingham 2002].

In order to examine when and how the microblade technology appeared in NE Asia, the problem of resolution and integrity of the archaeological and radiocarbon data obtained from several sites has been repeatedly argued. Nonetheless, the definition of the terms microblade, microblade assemblage, microblade technology has not been fully considered in such debate. As discussed in this paper, these terms have been employed variously to describe a tradition, a time period, a technological procedure, and an adaptive strategy. This makes it difficult to avoid somewhat confusion when interpreting the origin, dispersion, and development of the microblade technology across a broad geographical area. Undoubtedly, we need to have a comprehensive framework for describing and evaluating technological variables observed in the microblade assemblages of NE Asia based on clearer definitions.

Some researchers have argued that the elaborate core preparation in the microblade technology, in particular observed in the productions of wedge-shaped and boat-shaped microblade cores, are one of key elements to identify the standardized microblade production systems broadly distributed and long-lived in NE Asia [Yi et al. 2015]. The elaborate core preparation may involve several reduction stages from selection of raw materials, roughing of core blanks, forming and rejuvenating of striking platforms and flaking surfaces, to finally detaching of microblades. The Yubetsu method, characterized by forming a striking platform for detaching microblades by removing spalls from the lateral edge of a bifacial blank, is one of a good illustration. It is evident that such characterizations appeared during the LGM in several regions of NE Asia.

Nevertheless, different microblade production method characterized by a simple reduction process, not involving several stages of core preparations, are mainly distributed in North China and Southwestern Japan. The pyramidal cores and the boat-shaped core variety are chiefly seen in the microblade assemblages among these regions. Standardized microblades are repeatedly detached from these small microblade cores, produced from a prism or cube-shaped blank by splitting the raw material. These microblade cores are generally characterized by a flat striking platform either trimmed or untrimmed. The dorsal and lateral edges of cores are either natural or resulting from the removal of flakes.

In North China, the microblade assemblages with the pyramidal cores and the boat-shaped core variety appeared slightly before and around the LGM, and lasted until the final stage of the Pleistocene, as indicated by several radiocarbon dates [Bar-Yosef 2015]. Such microblade assemblages appeared in Southwestern Japan immediately after the LGM. As some authors suggested [Qu et al. 2013], the appearance and spread of these microblade assemblages in North China posed a sharp contrast with the preceding lithic assemblages, in particularly the selection of fine quality and non-local raw materials (such as use of flint, chalcedony, chert, and obsidian), the proportion of diagnostic artifact types (such as microblades, end-scrapers, side-scrapers, and burins), and the production of formal tools.

Interestingly, there is a substantial variation among the microblade reduction methods related to the systematic production of the standardized microblades in NE Asia. This suggests that the elaborate core preparation in the microblade reduction processes does not necessarily represent an essential technological procedure for the systematic production of the standardized microblades. Probably, the appearance and adoption of the elaborative core preparation in the microblade reduction sequences should have different implications for technological characterizations of the microblade technology, such as a relationship between the raw material consumptions and the behavioral provisioning systems.

In contrast with the elaborate core preparation, a role of the pressure flaking for the standardized microblade production is required to re-evaluate. As suggested by several experimental studies [Ohnuma 1993; Pelegrin 2012], microblade production can be done by direct and indirect percussion, as well as by pressure flaking. Unfortunately, the use of pressure flaking for the detachment of microblades in archaeological lithic assemblages and its criteria for identification can be ambiguous.

Bibliography

- Bar-Yosef O. In search of group identity: Late Pleistocene foragers in Northern China // *Settlement, Society, and Cognition in Human Evolution: Landscape in Mind*. Cambridge, 2015. P. 214–233.
- Elston R. G., Brantingham P. J. Microlithic technology in Northern Asia: A risk-minimizing strategy of the Late Paleolithic and Early Holocene // *Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization*. Archaeological Papers of the American Anthropological Association. 2002. № 12. P. 103–116.
- Ohnuma K. Experimental studies in the determination of manners of micro-blade detachment // *Al-Rafidan*. 1993. № 14. P. 153–181.
- Pelegrin J. New experimental observations for the characterization of pressure blade production techniques // *The Emergence of Pressure Blade Making: From Origin to Modern Experimentation*. New York, 2012. P. 465–500.
- Qu T., Bar-Yosef O., Wang Y., Wu X. The Chinese Upper Paleolithic: geography, chronology, and technology // *Journal of Archaeological Research*. 2013. Vol. 21. P. 1–73.

Yi M. I., Gao X., Li F., Chen F. Y. Rethinking the origin of microblade technology: A chronological and ecological perspective // *Quaternary International*. 2015. Vol. 400. P. 130–139.

Д. ТАКАКУРА

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ МИКРОПЛАСТИНЧАТОЙ ТЕХНОЛОГИИ
В ДОИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Широкое распространение микропластинчатой технологии на всей территории северо-восточной Азии давно привлекает внимание археологов. Основное внимание уделяется расселению групп, культурному наследованию, и экологической адаптации доисторических охотников-собирателей конца позднего плейстоцена и начала голоцена. Изучение микропластинчатой технологии позволяет проводить более эффективные сопоставления технологии изготовления каменных орудий, существовавшей во время, до и после последнего ледникового максимума, и способствует более полному пониманию возникновения явления микролитизации. Настоящая работа предлагает переосмысление определения этого термина и обсуждение проблем, ставших очевидными лишь недавно. Несомненно, нам необходима система для всестороннего описания и оценки технологического разнообразия, наблюдаемого в коллекциях микропластинчатых орудий северо-восточной Азии, основанная на более четких определениях.

Такакура Джун – PhD, Центр археологических исследований, Университет Хоккайдо (Япония, Саппоро). E-mail: jun-ta@let.hokudai.ac.jp

ЕВРАЗИЙСКИЙ СЕВЕР В КОНЦЕ
КАМЕННОГО ВЕКА: АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ
И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЭПОХИ

THE EURASIAN NORTH IN THE END
OF THE STONE AGE: THE ARCHAEOLOGICAL
AND THE HISTORICAL CONTENT OF THE AGE

Н. С. БАТУЕВА

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ ПРЕДУРАЛЬЯ, ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

В статье представлены результаты исследования керамических коллекций камской культуры, амнинского и егтовского типов. Целью исследования был поиск истоков гончарной традиции населения камской культуры. Изучение посуды Предуралья проходило в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским. В результате делается вывод, что рассмотренные группы керамики имеют схожие морфологические и технологические черты. Для всех культурных типов характерны сосуды полуяйцевидной формы, орнаментированные гребенчатым штампом. В технике орнаментации преобладают шагание и оттискивание. Технологический анализ выявил наличие сходных составов формовочной массы (ФМ) с шамотом (Ш) и органическим раствором (ОР). Это может свидетельствовать о наличии общей или близкой гончарной традиции у населения, оставившего данные керамические комплексы.

Батуева Надежда Сергеевна — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь). E-mail: nadiabat@yandex.ru

Гребенчатая керамика на территории Предуралья относится к камской неолитической культуре. Вопрос формирования гончарных традиций населения камской культуры показал необходимость поиска аналогий с гончарными традициями Зауралья и Западной Сибири, где известны комплексы с гребенчатой керамикой раннего неолита.

Изучение технологии изготовления сосудов было проведено в рамках историко-культурного направления разработанного А. А. Бобринским [1978]. В данной работе упор был сделан на изучении представлений об исходном пластичном сырье (ИПС) и рецептах ФМ [Цетлин 2012, с. 68–75].

Камская культура. Микроскопическому изучению были подвергнуты фрагменты от 157 сосудов [Андреева, Батуева 2018, с. 10–20].

При анализе ИПС были определены следующие традиции: использование глины (Г) и илистой глины (ИГ), более чем в половине случаев в естественно увлажненном состоянии и незапесоченного.

К группе с несмешанным двухкомпонентным составом ФМ были отнесены сосуды с рецептами: 1) ИГ/Г + Ш — более половины сосудов и 2) ИГ/Г + ОР.

К рецептам ФМ со смешанным многокомпонентным составом мы относим следующие: 1) ИГ/Г + ОР + Ш; 2) ИГ/Г + Ш + дробленая глина (ДГ); 3) ИГ + ОР + ДГ.

Посуда изученных памятников представлена толстостенными сосудами. Чаще всего со скошенными внутрь венчиками с наплывом. Все сосуды орнаментировались гребенчатым штампом, иногда совместно с ямочной орнаментацией. При нанесении орнамента использовались приемы оттискивания, шагания или прокатывания.

На территории Зауралья и Западной Сибири для сравнения с Предуральем наибольший интерес вызывают амнинский и егтовский культурные типы керамики.

Амнинский культурный тип. Посуда с городища Амня I проанализирована И. Н. Васильевой. Техничко-технологическому анализу подверглись 15 сосудов. Исследователем отмечены следующие черты: использование в качестве ИПС глины, которую дробили

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-39-00059 «Ранние гончарные традиции населения Среднего Предуралья».

в сухом состоянии. В качестве искусственных примесей добавляли Ш и ОР. По мнению И. Н. Васильевой данные керамические традиции характерны и для Прикамья [2011, с. 118].

Керамические комплексы поселения Амня I также были проанализированы Е. Н. Дубовцевой (11 сосудов). По результатам исследования было выявлено следующее: в качестве ИПС использовалась Г в запесоченном и незапесоченном состоянии. В единичном случае встречены признаки дробления. Выявлены следующие рецепты ФМ: Г + дресва (Д), Г + Ш, Г + Д + Ш, Г + дресва + органика, Г + Ш + ОР (Дубовцева и др. 2019, с. 152).

Сосуды украшены оттисками гребенчатого штампа, редко – «шагающей гребенкой», под венчиками у половины сосудов располагается ряд глубоких ямок. Иногда оттисками гребенчатого штампа или наколами орнаментированы срез, внутренний скос венчика или ребро напльва [Стефанов, Борзунов 2008, с. 93-111]. Эту керамику характеризуют простые композиции с плотным заполнением орнаментального поля, состоящие из горизонтальных линий, поясов наклонных или вертикальных отпечатков штампа, зигзагов.

Еттовский культурный тип. Техничко-технологический анализ проводился Е. Н. Дубовцевой (10 сосудов). Он показал, что в качестве ИПС использовалась слабозапесоченная Г. Выделены следующие рецепты ФМ: Г + Ш + ОР; Г + Ш + песок; Г + Ш + Д; доминирующей добавкой является шамот, который присутствует в 100 % образцов [Дубовцева 2015, с. 209].

Керамика поселения Ет-то I характеризуется: сосудами полуяйцевидной формы, также чашечками с приостренным или округлым днищем; венчики уплощенные, с выраженным напльвом изнутри, иногда им придавалась волнистая форма. Орнамент покрывает всю поверхность, наносился гребенчатыми штампами в технике шагания и штампования, кроме того, использовались наколы и округлые ямки. Напльв с внутренней стороны венчика иногда украшался наклонными оттисками гребенчатого штампа, прочерченным зигзагом и ямочными вдавлениями [Косинская 2014, с. 33, 34].

Сравнительный анализ керамики амнинского типа и камской культуры показал, что посуда имеет много схожих черт: использование гребенчатого штампа для орнаментации, использование способов орнаментации: оттискивание и шагание, в составлении рецептов ФМ с шамотом.

К отличиям стоит отнести примеси дресвы и песка и использование в качестве ИПС исключительно глины.

Сравнительный анализ еттовской и камской керамики показал, что посуда обоих типов представлена толстостенными сосудами полуяйцевидной формы, которые имеют венчики с напльвом на внутренней стороне, орнаментация выполнена гребенчатым штампом в технике оттискивания, шагания, в редких случаях прочерчиванием. В ФМ присутствует Ш.

Из различий керамических комплексов хотелось бы отметить украшение напльвов венчиков на посуде еттовского типа, а также введение в ФМ дресвы.

Рассмотренные группы керамики имеют схожие черты – сосуды полуяйцевидной формы, орнаментация гребенчатым штампом, техники орнаментации – шагание, оттискивание. Кроме того, сходны составы ФМ с Ш и ОР. Это может свидетельствовать о наличии общей или близкой гончарной традиции у населения, оставившего данные керамические комплексы.

Библиографический список

Андреева О. В., Батуева Н. С. Соотношение гончарных традиций камской и новоильинской культур // Вестн. Науч. ассоциации студентов и аспирантов ПГГПУ. Пермь, 2018. С. 10–20.

- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
- Васильева И. Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. 2011. Вып. 26. С. 118.
- Дубовцева Е. Н. Традиции керамического производства на севере Западной Сибири // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 208–213.
- Дубовцева Е. Н., Косинская Л. Л., Пиецонка Х. Анализ вещевого комплекса и новые радиоуглеродные датировки ранне-неолитического городища Амня I // Самарский науч. вестн. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 149–158.
- Косинская Л. Л. Ранняя гребенчатая керамика в неолите Зауралья // Урал. ист. вестн. 2014. № 2. С. 30–40.
- Стефанов В. И., Борзунов В. А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 гг.) // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 93–111.
- Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012.

N. S. BATUEVA

COMPARATIVE STUDY OF THE NEOLITHIC COMB CERAMICS OF THE CIS-URALS, TRANS-URALS AND WESTERN SIBERIA

The article presents the outcomes of the study of pottery assemblages of the Kama culture, and of the Amnya and Yet-to types. The purpose of the study was a search for the origins of the pottery tradition of the Kama culture population. The study of the Cis-Urals pottery was based on the historical and cultural approach developed by A. A. Bobrinsky. The authors came to a conclusion that the discussed groups of pottery had similar morphological and technological characteristics. A characteristic attribute of all cultural types were the half-egg shaped bowls ornamented with a comb stamp. The prevailing ornamentation techniques were the stepping comb and imprints. The technological analysis demonstrated the use of similar paste compositions with grog and organics. This may indicate the existence of a common or very close pottery tradition of the population that left these ceramic complexes.

Nadezhda S. Batueva — Perm State Humanitarian-Pedagogical University (Russia, Perm).
E-mail: nadiabat@yandex.ru

V. V. БОБРОВ

ДАЛЕКИЕ АНАЛОГИИ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ ЗАУРАЛЬСКОГО СЕВЕРА

Морфология и декор керамической посуды усть-каренгской культуры (Северо-Восточное Забайкалье), выполненной в технике шагающей гребенки, близки, а в некоторых случаях идентичны керамическим комплексам неолита Зауралья, за исключением культур с плоскодонной посудой. В общем контексте развития неолита Восточной Сибири и Дальнего Востока усть-каренгская культура явление уникальное. Известно, что техника шагающей гребенки появилась на раннем этапе в очаге возникновения гончарного производства (осиповская культура, Нижний Амур — 14–10 тыс. л. н.), но не стала доминирующей в декоре посуды неолита региона. На современном этапе археологических знаний в пределах Северной Азии можно обозначить 3 региона с гребенчатым неолитом: Зауралье, Западные Саяны и Северо-Восточное Забайкалье. Проблема тождества зауральской и забайкальской керамики остается открытой.

Бобров Владимир Васильевич — д.и.н., Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН; Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово).
E-mail: klae@kemsu.ru

На современном этапе развития археологии Евразии одной из злободневных задач является изучение происхождения и распространения гончарного производства. Особую актуальность исследования в этой области приобрели в связи с открытием дальневосточного очага возникновения производства керамической посуды, древность которого соотносится с финальной стадией плейстоцена [Окладников, Медведев 1983, с. 96, 97]. Это открытие и последующие исследования ранней керамики Нижнего Амура и Приморья породили концепцию распространения керамического производства с востока на запад (по мнению одного из специалистов, вплоть до Урала). Для доказательства этой идеи призваны радиоуглеродные даты. Но согласуются ли они с археологическим содержанием неолитических культур Северной Азии, в частности, с орнаментальной традицией и морфологией керамической посуды, как важнейших диагностирующих признаков? К сожалению, аналитические работы, содержащие характеристику неолитической керамики, имеют региональную принадлежность, в которых проявляется специфика научной школы специалистов. Это затрудняет корреляцию особенно орнаментальных признаков.

Не касаясь общих тенденций развития орнаментальных традиций на территории Северной Азии в период первобытной истории [Бобров 2015], обратим внимание на такое явление как «гребенчатый неолит», представленный в комплексах к востоку от Западной Сибири только двух регионов: Западные Саяны (Республика Тыва) и бассейн р. Витим (северо-восточное Забайкалье). Саянский неолит вызывает научный интерес исключительно в связи с орнаментацией, выполненной гребенчатым штампом (преобладает), как в технике отступания, так и «шагания». Оттиски его формируют горизонтальные, вертикальные, реже диагональные пояса. Длина гребенчатого штампа 6-7 см. Посуда имеет полуяйцевидную или круглодонную форму, но ей присуще некоторое своеобразие. Вл. А. Семёнов, выделивший на территории центральных районов Западных Саян верхнеенисейскую культуру, датирует ее концом IV — началом III тыс. до н. э. [1992]. Ему же принадлежит идея о том, что с ней связан процесс возникновения неолита на территории Западных Саян [2004, с. 86]. Орнаментация верхнеенисейской керамики, а также, отчасти, ее морфология вписывается в общую тенденцию развития керамической традиции Западной Сибири в обозначенное Вл. А. Семёновым время. Особо обратим внимание на размеры орнамента, которые совпадают с гребенчатым штампом неолитических культур вплоть до Нижнего Приобья.

Усть-каренгская культура, выделенная В. М. Ветровым, характеризует неолит северных районов Забайкалья (бассейн р. Витим). Выделяя ее, он совершенно справедливо обозначил исключительность усть-каренгского керамического комплекса среди неолитических культур Забайкалья и бассейна р. Лена [Ветров 1985, с. 127, 128]. На всех этапах ее развития керамическая посуда имела достаточно стандартную форму. Она представлена сосудами яйцевидной формы с незначительно выпуклым туловом и относительно приостренным дном. В декоративном оформлении характерными чертами являются насечки по краю венчика, зона венчика с типичным поясом в виде зигзага, горизонтальные пояса шагающей гребенки по тулову вплоть до дна. Отметим тождество этого комплекса в морфологии посуды, орнаментального гребенчатого пояса и размерам орнамента западносибирским образцам, в частности, из таких северных зауральских памятников раннего неолита, как еттовский и амнинский типы, сумпаньинская культура [Косинская 2010, с. 38, 39, 42]. Абсолютные даты позволяют отнести наиболее ранние памятники неолита Севера Западной Сибири к концу VII — первой половине VI тыс. до н. э.

В дальневосточном очаге возникновения гончарного производства на самой ранней керамике зафиксирована шагающая гребенка (осиповская культура — 13300–10300 л. н.), которая эпизодически встречается на посуде последующих неолитических культур. Орнамент посуды мариинской культуры (VIII — конец VII тыс. до н. э.) характеризует отступающая гребенка [Медведев, Филатова 2014]. В традиции этого очага свойственные только ему формы посуды и орнаментальные композиции.

Приведенные аналогии зауральской неолитической керамике, в частности из Забайкалья, можно интерпретировать в аспекте конвергентной идеи [Ветров 1985, с. 129], но не исключена иная их трактовка, которую определяют два обстоятельства. Керамику неолита удаленных друг от друга регионов Сибири отличает некоторое своеобразие. Керамических комплексов с острым дном и идентичной орнаментальной композицией, как в Забайкалье, нет в пределах Восточной Сибири и Дальнего Востока. Обозначенная проблема требует дальнейшего детального исследования.

Библиографический список

- Бобров В. В. Тенденции развития орнамента и ритмы жизни (размышляя о первобытном искусстве...) // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2015. № 1 (61), т. 3. С. 6–12.
- Ветров В. М. Керамика усть-каренгской культуры на Витиме // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск, 1985. С. 123–129.
- Косинская Л. Л. Каменный век севера Западной Сибири // История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 1, кн. 1. С. 22–46.
- Медведев В. Е., Филатова И. В. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). Новосибирск, 2014.
- Окладников А. П., Медведев В. Е. Исследование многослойного поселения Гася на Нижнем Амуре // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1983. № 1. С. 93–97.
- Семёнов Вл. А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992.
- Семёнов Вл. А. К проблеме неолитизации Минусинской котловины и Тувы (верхнеенисейская неолитическая культура) // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С. 70–87.

V. V. BOBROV

DISTANT ANALOGIES TO THE NEOLITHIC POTTERY OF THE TRANS-URAL NORTH

The morphology and ornamentation of ceramic pottery of the Ust-Karenga culture (the northeast Trans-Baikal region) decorated with a stepping comb pattern were similar and, in some cases, even identical to the Neolithic ceramic complexes of the Trans-Urals, with the exception of the flat-bottom pottery cultures. Within the general context of the evolution of the Neolithic in eastern Siberia and the Far East, the Ust-Karenga culture was a unique phenomenon. It is known that the stepping comb technique developed in the center of origin of the pottery production (the Osipovskaya culture, the Lower Amur — 14–10 thousand y.a.) at an early stage of its evolution, however, it did not become dominant in the Neolithic pottery of the region. At the current state of archaeological research within the Northern Asian territory we may identify three regions with the stepping comb Neolithic: the Trans-Urals, the Western Sayan, and the North-East Trans-Baikal. The problem of identity of the Trans-Ural and the Trans-Baikal pottery remains open.

Vladimir V. Bobrov — Doctor of Historical Sciences, Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry Siberian Branch of the RAS, Institute of Human Ecology; Kemerovo State University (Russia, Kemerovo).
E-mail: klae@kemsu.ru

А. С. ВИНОГРАДОВ

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ КОЛУНГТОТЫТОР 1
В НЕФТЕЮГАНСКОМ РАЙОНЕ ХМАО — ЮГРЫ, ПРОВЕДЕННЫЕ В 2017 Г.**

В статье представлены краткие результаты археологических исследований, проведенные в 2017 г. на поселении Колунгтотытор 1, расположенном в южной части Нефтеюганского района ХМАО — Югры у северо-восточного берега одноименного озера. Исследованию подвергся северный участок поселения на площади 3 600 кв. м. В ходе разборки заполнений древних котлованов были установлены морфологические характеристики и интерьерные особенности крупного жилищного сооружения, остатков хозяйственной постройки, а также промысловых объектов (ям). Вещевой комплекс Колунгтотытора двухкомпонентен в культурно-хронологическом отношении и датирован периодами неолита и энеолита. Неолитический керамический комплекс находит довольно выразительные аналогии в быстринской орнаментальной традиции. Посуда энеолитического периода более разнообразна в орнаментальном отношении, однако, находя отдаленные аналогии в Среднем Зауралье, Притоболье и Васюганье имеет оригинальную вариативность. Примечательно обнаружение в жилище довольно внушительной серии керамических брусков, предварительно определяемых как абразивные орудия, однако вопрос об их функциональном назначении до сих пор является открытым. Каменный инвентарь, обнаруженный на поселении, в целом типичен для культур неолита и палеометалла таежной полосы зауральско-западносибирского региона. Орудийный набор, выполненный исключительно техникой шлифования, включает в себя рубящие долотовидные орудия из осадочных пород, сланцевые наконечники стрел и фрагменты ножей. В процессе исследования котлованов сооружений было отобрано 15 проб угля для проведения радиоуглеродного анализа, который впоследствии подтвердил существование поселения в двух вышеуказанных хронологических периодах. Большая часть калиброванных дат относится ко второй половине V — первой половине IV тыс. до н. э. и только единичные пробы — ко второй половине IV тыс. до н. э. и второй половине III тыс. до н. э.

Виноградов Александр Сергеевич — ООО НПО «Северная археология-1» (Россия, Нефтеюганск).
E-mail: Sanchezz1@inbox.ru

В 2017 г. экспедицией ООО «НПО «Северная археология-1» проведены исследовательские работы на поселении Колунгтотытор 1, расположенном в центре озерно-болотной страны Салымско-Юганского междуречья южной части Нефтеюганского района ХМАО — Югры.

Колунгтотытор 1 является поселенческим комплексом, приуроченным к кромке одноименного озера и состоящим из 8 сооружений (впадин), 3 из которых являются остатками жилищных построек. Раскопкам подвергнут северный участок поселения на площади 3 600 кв. м, в результате которого было исследовано самое крупное жилищное сооружение, а также четыре промыслово-хозяйственных объекта.

На современной поверхности жилище фиксировалось как глубокое западение подквадратной формы размером 8,5 x 8,3 м глубиной до 0,8 м с выраженной обваловкой по периметру. В процессе выборки заполнения жилищного котлована определены границы стен и пола, установлено, что объект был землянкой углубленной на 1–1,5 м от древней дневной поверхности. Установленная площадь прямоугольной жилой камеры составляла 70 кв. м. и была ориентирована по сторонам света. Жилище было оснащено каркасно-столбовой конструкцией, подпиравшей кровлю, что подтверждается углубленными от 0,2 до 0,7 м в «материк» столбовыми ямами. Всего в жилищной камере выявлено 46 столбовых и 16 хозяйственных ям. Кроме того, зафиксировано наличие двух выходов из жилой камеры

в виде коридорообразных тамбуров размером 2,6 x 1,6 м и глубиной до 0,8 м с западной и восточной стороны жилища. Подобные конструктивные и интерьерные особенности жилищного сооружения находят аналогии в домостроительной традиции поселения Быстрый Кульеган 66.

Данный жилищный объект, сооруженный его обитателями в эпоху неолита, использовался и в энеолитическое время, т. к. археологический материал из жилищного котлована относится к двум хронологическим периодам — V–IV и VI–III тыс. до н. э. Кроме того, прослежены следы позднего вторжения в «материк» на дне жилой камеры для сооружения другого, несколько меньшего котлована.

За пределами жилища, по его периметру на уровне древней поверхности, зафиксировано 16 внешних ям. В процессе выборки заполнения одной из них выявлено безынвентарное погребение, в котором поверх краниума фиксировалась линза охры.

Помимо жилищного котлована в пределах раскопа исследованы 3 довольно крупные хозяйственные ямы и небольшая постройка.

Вещевой комплекс Колунгтотыгтора распадается на два культурных типа. Наиболее ранний керамический комплекс представлен сосудами круглодонной и полуяйцевидной формы декорированными волнисто-прочерченным орнаментом. Зональность орнамента, как правило, горизонтальная. Территориально типологически близким аналогом анализируемому комплексу является быстринская неолитическая керамическая традиция. Другой керамический комплекс памятника разнообразнее как в орнаментальном отношении, так и в технике нанесения декора. Применялся разнообразный гребенчатый штамп и отступающие наколы, техника шагания и протаскивания. Присутствовала как горизонтальная, так и диагональная зональность орнаментальных композиций. Данный керамический комплекс находит определенные аналогии в Среднем Зауралье, Притоболье и бассейне Васюгана, но обладает оригинальной вариативностью.

Каменная индустрия является типичной для памятников эпохи камня и палеометалла западносибирского региона. Наиболее массовую категорию каменного инвентаря представляют шлифованные долотовидные орудия, выполненные из осадочных пород. Единично представлены шлифованные наконечники стрел иволлистной формы и фрагменты шлифованных ножей, выполненных из сланца.

Из жилищного котлована получена довольно внушительная серия керамических орудий — брусков параллелепипедной и биконической формы, более половины которых орнаментирована. Орнаментации подвергались две противоположные грани. У ряда изделий на дистальном участке выполнено отверстие по сырой глине, а также прослеживаются следы сработанности на боковых неорнаментированных гранях. Очевидно, что данные изделия выполняли абразивную функцию, однако вопрос о характере операций и обрабатываемом материале остается открытым. На сегодняшний день считается, что подобные изделия появились в Западной Сибири только в энеолитическую эпоху.

При проведении разборки заполнения жилищного котлована на радиоуглеродный анализ отобрано 15 проб угля. Подавляющее большинство дат укладывается в интервал конца V — первой половины IV тыс. до н. э.; 3 даты относятся ко второй половине IV тыс. до н. э. Единичный образец соответствует второй половине III тыс. до н. э.

Результаты радиоуглеродного датирования, как и археологический материал, иллюстрируют, что памятник заселялся как минимум дважды. В контексте современных

представлений период позднего неолита Западной Сибири представляется как время активного освоения таежной полосы новыми группами населения, одна из которых и стала, скорее всего, первыми обитателями селища. Второй раз оно было освоено носителями гребенчато-геометрической керамической традиции, регистрировавшей процесс заселения Сургутского Приобья в эпоху энеолита из районов Зауралья и Притоболья. Они были вынуждены приспосабливаться к новым экологическим и сырьевым условиям, что выразилось в своеобразном инвентарном наборе второго этапа освоения памятника.

A. S. VINOGRADOV

THE 2017 ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF KOLUNGTOTYTOR 1 SETTLEMENT IN THE NEFTEYUGANSK DISTRICT, KHMAO — UGRA

The paper presents a brief overview of the outcomes of the archaeological investigations performed in 2017 on Kolungtotytor 1 settlement, located in the southern part of the Nefteyugansk district of KhMAO — Ugra, at the northeastern shore of the lake of the same name. Excavations covered 3,600 sq. meters of the northern part of the settlement. In the course of removing the filling of the ancient pits, we established the morphological characteristics and the specifics of the interior of a large residential structure, the remains of a barn, as well as the hunting structures (pits). The Kolungtotytor assemblage had a two-component cultural and chronological composition and was dated to the Neolithic and the Eneolithic periods. The Neolithic pottery complex had some rather marked similarities to the Bystrino ornamental tradition. The Eneolithic pottery was more diverse in terms of ornamentation, however, despite certain analogies with the Middle Trans-Urals, the Tobol, and the Vasjugan regions, it had its own original variations. It was interesting, that inside the house we discovered a significant number of ceramic bars, which were tentatively interpreted as abrasive tools, however, the question of their functional purpose was not answered conclusively. The lithic assemblage of the settlement was, in general, typical for the Neolithic and the Early Metal cultures of the taiga zone of the Trans-Urals and the West Siberian regions. All tools without exception were made with the use of polishing technique; the assemblage included several chisel-like wood cutting tools made of sedimentary rocks, slate arrowheads and fragments of knives. In the process of excavations of the sunken structures we took 15 charcoal samples for radiocarbon dating, which later confirmed the settlement's functioning during the two aforementioned chronological periods. Most of the calibrated dates belonged to the second half of the 5th — the first half of the 4th millennium BC, and only individual samples — to the second half of the 4th millennium BC and the second half of the 3rd millennium BC.

Alexander S. Vinogradov — LLC RPA “Northern Archeology-1” (Russia, Nefteyugansk).
E-mail: Sanchezz1@inbox.ru

П. С. ГРЕБЕНЮК

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАЛЕОЭСКИМОСОВ И ПАЛЕОЭСКИМОССКОЙ ТРАДИЦИИ*

В работе предлагается комплексный взгляд на проблему происхождения палеоэскимосов и их культуры. Показывается, что генофонд палеоэскимосов складывался из двух компонентов — древнего палеосибирского, представленного геномом индивида из Дуванного Яра, и восточноазиатского (линия D2a мтДНК), вероятно близкого к тем, что обнаружены у древних индивидов из пещеры Чертовы Ворота в Приморье и представителя китойской культуры в захоронении на оз. Ножий в Забайкалье. Миграция предков палеоэскимосов на Аляску определяется в диапазоне 7500–5500 кал. л. н. Делается

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00144 «Древние приморские культуры Северного Приохотья и Камчатки в контексте освоения человеком Северной Пацифики» (рук. А. И. Лебединцев).

вывод, что основные элементы специализированной палеоэскимосской традиции арктических морских охотников фиксируются на этапе существования культур Пре-Дорсет, Индепенденс I и Саккак.

Гребенюк Павел Сергеевич — к.и.н., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН (Россия, Магадан). E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

В результате многолетних археологических исследований на обширной территории от Чукотки до Гренландии была выявлена серия археологических культур различной хронологии. В самом общем виде историю этих культур можно разделить на две традиции. Неоэскимосская традиция («традиция Туле»), получившая начальное развитие в Берингоморье с конца I тыс. до н. э., включала культуры Оквик, Древнеберингоморскую, Бирнирк, Пунук и Туле. Носители этой традиции являлись предками современных инуитов. До появления неоэскимосской традиции существовала отличная палеоэскимосская традиция (~3200 г. до н. э. — 1300 г. н. э.), к которой большинство исследователей относят комплекс Денби-Флинт, поселение древнекитобойной культуры на м. Крузенштерн, культуры Чорис, Нортон и Ипиутак на Аляске, культуры Саккак, Индепенденс, Пре-Дорсет и Дорсет в Канадской Арктике и Гренландии, а также палеоэскимосские памятники Чукотки.

Основой развития палеоэскимосских культур стала «арктическая традиция малых орудий» (AST — «Arctic small tool tradition»), в рамках которой обычно выделяют комплекс Денби-Флинт на Аляске и ранние палеоэскимосские культуры Канадской Арктики и Гренландии (Саккак, Индепенденс I, Пре-Дорсет). Происхождение традиции AST связывают с экспансией через Берингов пролив носителей древних культур крайнего Северо-Востока Азии, археологические комплексы которых обнаруживают сходства с индустрией комплекса Денби-Флинт [Powers, Richard 1990, с. 666].

Почти все палеоэскимосские образцы, секвенированные в палеогенетических исследованиях последних лет, принадлежат к гаплогруппе D2a мтДНК. Эта гаплогруппа также обнаружена у современных алеутов, чукчей, сирениковских эскимосов и индейцев на-дене, но при этом почти не фиксируется у современных инуитов. Гаплотип D2a'b, родственник D2a, был обнаружен у индивида китойской культуры возрастом ~6200 кал. л. н. в захоронении на оз. Ножий в Забайкалье, что может указывать на носителей этой традиции как на популяцию, связанную с азиатскими предками палеоэскимосов. Палеогенетический анализ останков древнего человека, найденных в отложениях местонахождения Дуванный Яр на р. Колыма (9800 кал. л. н.), выявил наличие группы G1b мтДНК и Q-NWT01 Y-ДНК, а также продемонстрировал близкое родство изучаемого генома с геномами современных коряков, ительменов, чукчей и коренных американцев.

В значительной степени древняя палеосибирская популяция («Ancient Paleosiberians»), представленная геномом индивида из Дуванного Яра, стала предковой для многих групп населения голоцена крайнего Северо-Востока Азии и Северной Америки, в том числе для палеоэскимосов. Генофонд палеоэскимосов складывался из двух компонентов — древнего палеосибирского, представленного геномом индивида из Дуванного Яра, и восточноазиатского (линия D2a мтДНК), вероятно близкого к тем, что обнаружены у древних индивидов из пещеры Чертовы Ворота в Приморье и представителя китойской культуры в захоронении на оз. Ножий в Забайкалье. По всей видимости, миграция предков палеоэскимосов на Аляску произошла в период 7500–5500 кал. л. н. и могла быть связана как с представителями

сыалахской или белькачинской культур, так и с носителями сумнагинской культуры или близких бескерамических традиций, принесшими на Аляску предковый гаплогрупп для D2a.

Археологические следы первопроходцев традиции AST в Канадской Арктике возрастом ранее 4500–4400 кал. л. н. ряд исследователей объединяет под наименованием «Начальный Пре-Дорсет» [Friesen 2016, с. 676]. На основе Начального Пре-Дорсета в Канадской Арктике и Гренландии возникли последующие палеоэскимосские культуры. Наблюдается прямая линия развития от первых памятников комплекса Денби-Флинт и Начального Пре-Дорсета до появления и развития ранних палеоэскимосских культур Пре-Дорсет (4500–2700 кал. л. н.), Индепенденс I (4500–3800 кал. л. н.) и Саккак (4500–2800 кал. л. н.). В рамках этих культур Канадской Арктики и Гренландии происходит оформление специализированной палеоэскимосской традиции, среди основных элементов которой можно выделить следующие: орудийный набор, представленный тщательно обработанными изделиями мелкого размера; миниатюрные иглы из кости для пошива одежды; использование лодок и специализированного гарпунного комплекса для морского зверобойного промысла, включающего характерные поворотные и зубчатые наконечники гарпунов; лук и стрелы для охоты на оленя и овцебыка; устройство жилища с выложенным по центру проходом и наличие прямоугольного очага; отсутствие технологий гончарного производства.

Появление палеоэскимосской традиции на крайнем Северо-Востоке Азии следует связывать с обратной миграцией в зону Берингова пролива палеоэскимосских групп Канадской Арктики и Аляски. Данные показывают, что ~3500 кал. л. н. палеоэскимосская традиция достигла Чукотки (поселение Уненен и стоянка Чертов Овраг на о. Врангеля) [Гусев 2014, с. 207]. Неоэскимосские культуры возникают в Берингоморье ~2100 кал. л. н., носители этих культур генетически отличались от палеоэскимосов, однако их материальная культура формировалась на базе предшествующего палеоэскимосского опыта, насчитывающего несколько тысячелетий.

Библиографический список

- Гусев С. В. Раскопки поселения Унэнэн на Восточной Чукотке (древнекиитобойная культура) в 2007–2014 гг. // Археология Арктики. Екатеринбург, 2014. Вып. 2. С. 205–212.
- Friesen M. Pan-Arctic Population Movements: The Early Paleo-Inuit and Thule Inuit Migrations // The Oxford Handbook of the Prehistoric Arctic. Oxford, 2016. P. 673–691.
- Powers W. R., Richard H. J. Human Biogeography and Climate Change in Siberia and Arctic North America in the Fourth and Fifth Millennia BP // Philosophical Transactions of the Royal Society of London, Series A, Mathematical and Physical Sciences. 1990. Vol. 330, № 1615. P. 665–670.

P. S. GREBENYUK

THE ORIGINS OF THE PALAEO-ESKIMOS AND THE PALAEO-ESKIMO TRADITION

The paper offers a comprehensive approach to the problem of origin of the Palaeo-Eskimos and their culture. It is demonstrated that the Palaeo-Eskimo gene pool was a product of two components – the ancient paleo-Siberian, represented by the Duvanny-Yar person, and the East-Asian (mtDNA line D2a), which was probably close to the gene found in the ancient people from Chertovy Vorota cave in Primorie, and the representative of the Kitoi culture from a burial at lake Nozhyi in the Trans-Baikal area. Migration of the Palaeo-Eskimos ancestors to Alaska occurred within the range of 7,500–5,500 cal. y. a. It is concluded that the main elements of the specialized Palaeo-Eskimo tradition of the Arctic sea hunters may be referred to the period of existence of the Pre-Dorset, Independence I, and Saqqaq cultures.

Pavel S. Grebenyuk – Candidate of Historical Sciences, North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Magadan). E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

Д. А. ГУРУЛЁВ, Л. А. МАКСИМОВИЧ, П. О. СЕНОТРУСОВА, П. В. МАНДРЫКА

КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ НЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА СТОЯНКИ ИТОМИУРА (НИЖНЕЕ ПРИАНГАРЬЕ)

Рассматриваемые материалы стоянки Итомиура позволяют обозначить некоторые черты каменных индустрий неолита и бронзового века Нижнего Приангарья (юг Средней Сибири). В культурном слое стоянки выделено 12 изолированных скоплений изделий из камня. Совместное залегание каменных изделий и керамической посуды позволило объединить их в несколько культурно-хронологических комплексов. Наиболее отчетливо выделяется комплекс, включающий «сетчатую» керамику, предварительно датированный поздним — финальным неолитом, и комплекс с «жемчужно-рубчатой» керамикой бронзового века. Для неолитического комплекса характерно использование разнообразного кремнистого сырья. В комплексе бронзового века специфику индустрии создает широкое использование фиолетово-бордовых осадочных пород, серия бифасиальных форм и изделий с оббивкой утончения. Для каменных индустрий обоих комплексов характерны разнообразные неформальные орудия и микропластинчатое расщепление, представленное различными призматическими и торцовыми нуклеусами.

Гурулёв Дмитрий Александрович — Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск).
E-mail: pepel-ls@mail.ru

Максимович Лилия Алексеевна — Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск).
E-mail: lili_856@mail.ru

Сенотрсова Полина Олеговна — к.и.н., Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск).
E-mail: polllina1987@rambler.ru

Мандрыка Павел Владимирович — к.и.н., Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск).
E-mail: pmandryka@yandex.ru

Несмотря на широкомасштабные и многолетние изучения культур охотников-собираателей неолита и бронзового века Нижнего Приангарья (юг Средней Сибири), к настоящему времени не сформированы базовая культурно-хронологическая схема и концепции развития каменных индустрий. Главной причиной этого стала малочисленность объектов закрытого типа на широко распространенных памятниках со смешанным (компрессионным) залеганием разновременных материалов в одном культурном слое. Смешанность разнородных материалов привела к формированию обобщенного образа каменной индустрии, однородной по своим технологическим чертам, бытовавшей на всем протяжении неолита и бронзового века.

В таких условиях разделение материалов разных культурно-хронологических комплексов возможно методом горизонтальной стратиграфии, при условии изучения культурного слоя на широких площадях и слабом его насыщении археологическим материалом, рассеянном или в виде скоплений от кратковременных стоянок.

Стоянка Итомиура расположена на правом берегу р. Муры (левобережный приток р. Ангары) в 36 км выше ее устья. Памятник открыт и изучался в 2011–2012 гг. археологической экспедицией Сибирского федерального университета. На стоянке выявлено два участка распространения культурного слоя. Второй, рассматриваемый в работе, дислоцируется в 50–220 м от реки на второй и третьей надпойменных террасах, разделенных слабовыраженным пологим уступом. Здесь сплошным раскопом (№ 2) изучена площадь

12 400 кв. м, где выявлен один культурный слой, залегающий на глубине 0,1–0,3 м и приуроченный к толще почвенных горизонтов поддерновой темно-серой супеси и бурого песка.

В структуре культурного слоя раскопа № 2 планиграфически выделяются 12 участков концентрации изделий из камня, обозначенных как скопления, и зоны с рассеянным залеганием находок. Каменная индустрия составляет 1 351 предметов, большая часть которых (92,2 %) залегала в скоплениях.

Основу сырьевой базы каменной индустрии составляют две группы горных пород — литифицированные тонкозернистые до скрытокристаллических осадочные породы — 42,5 %; кремни и кремнистые породы различного состава — 52,3 %. Единично представлены тонкозернистые эффузивы (0,9 %) и вторичные кварциты (0,4 %). Часть коллекции (3,9 %) не идентифицирована.

По составу каменных предметов скопления можно условно разделить на две полярные группы. В первую входят скопления 1 и 2, где отмечены одиночные орудия и отщепы небольших размеров с различной морфологией и из разнообразного сырья. Здесь же обнаружена небольшая серия сработанных нуклеусов.

Во второй группе представлены площадки, включающие преимущественно многочисленные продукты расщепления, различные не законченные изделия и сработанные нуклеусы. К ней могут относиться материалы из скоплений 3–9, различные по своей специфике. В частности, выделяются комплексы из скоплений 3 и 6, связанные с микропластинчатым расщеплением. Скопления 4, 7 и 9 могут интерпретироваться как площадки по изготовлению отдельных изделий различного облика. В материалах из скопления 5 выделяется моносырьевой комплекс дебитаж, заготовок и переоформленных рубящих орудий, незаконченных наконечников стрел. В скоплении 8 отмечено совместное нахождение продуктов расщепления, набора различных орудий, бифасиальных заготовок и сработанного микропластинчатого нуклеуса.

Затруднена интерпретация скоплений 10–12, где отмечены малочисленные не серийные находки.

Культурную идентификацию и группировку выделенных скоплений можно предположить на основании совместного залегания с керамической посудой. Культурно-хронологический комплекс эпохи неолита связан с «сетчатой» керамикой с орнаментом из прочерченных линий и пояса ямок под венчиком. На стоянке Итомиура такая керамика предварительно отнесена к позднему — финальному неолиту (вторая половина IV — первая половина III тыс. до н. э.) [Сенотрусова, Мандрыка 2018] и отмечена в скоплениях 1, 2 и, в небольшом количестве, 4. Культурно-хронологический комплекс бронзового века выделен по т. н. «жемчужно-рубчатой» керамике [Мандрыка, Сенотрусова 2014]. Керамика данного облика стоянки Итомиура типологически единообразна. На основании ¹⁴C дат она датирована II тыс. до н. э. К данному комплексу наиболее достоверно могут быть отнесены находки из скоплений 6–9, 12.

Для комплекса неолита отмечается тенденция к большему количеству и разнообразию кремнистого сырья. Для индустрии эпохи бронзы наиболее характерны изделия из фиолетово-бордовых полосчатых осадочных пород. Для обоих комплексов отмечено использование осадочных пород с однородной серо-палевой коркой и трещиноватой халцедоновой породы серо-желтой окраски. Для всех отмеченных комплексов характерно микропластинчатое расщепление, представленное различными вариантами призматических и торцовых

остаточных нуклеусов. Ядрища в большинстве случаев характеризуются ситуативной, минимальной подготовкой преформы. Орудийный набор наиболее выразителен в комплексе бронзового века, где отмечены серии различных бифасиальных форм и изделий с оббивкой утончения, возможно, являющихся заготовками так же для бифасиальных орудий. Неолитический комплекс по причине малочисленности и не серийности изделий не демонстрирует каких-либо специфических черт. Для обоих комплексов характерны различные неформальные орудия на сколах.

Библиографический список

- Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурно-хронологические комплексы палеометалла и средневековья стоянки Итомиура в Северном Приангарье // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 63–81.
- Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Неолитическая керамика стоянки Итомиура // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Иркутск, 2018. Вып. 7. В печати.

D. A. GURULEV, L. A. MAKSIMOVICH, P. O. SENOTRUSOVA, P. V. MANDRYKA

LITHIC INDUSTRIES OF THE CULTURAL AND CHRONOLOGICAL COMPLEXES OF THE NEOLITHIC AND THE BRONZE AGE OF ITOMIURA OCCUPATION SITE (LOWER ANGARA REGION)

The materials of Itomiura occupation site make it possible to outline certain characteristics of the lithic industries of the Neolithic and the Bronze Age of the Lower Angara region (the south of the middle Siberia). 12 isolated accumulations of stone tools were distinguished in the cultural level of the site. The joint deposition of the stone tools and the ceramic pottery allowed combining them into several cultural and chronological complexes. The most distinct groups were the complex including “grid” ceramics, which was preliminarily dated as the Late – Final Neolithic, and the complex with the “pearl-corded” ceramics of the Bronze Age. A characteristic feature of the Neolithic complex was the use of various types of siliceous raw material. The Bronze Age industry complex was characterized by a wide use of the purple-wine-colored soft rock, and a series of bifaces and biface thinning flakes. Lithic industries of both complexes were characterized by the presence of various informal tools and microblade knapping, which was represented with different prismatic and end-face cores.

Dmitry A. Gurulev – Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk). E-mail: pepel-ls@mail.ru

Liliya A. Maksimovich – Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk). E-mail: lili_856@mail.ru

Polina O. Senotrusova – Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk). E-mail: polllina1987@rambler.ru

Pavel V. Mandryka – Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk). E-mail: pmandryka@yandex.ru

Е. Н. ДУБОВЦЕВА

СЮЖЕТ О НЫРЯЮЩЕЙ ПТИЦЕ В НЕОЛИТЕ — ЭНЕОЛИТЕ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

На неолитических памятниках севера Западной Сибири, датируемых серединой VI — серединой V тыс. до н. э., найдены сосуды со своеобразными изображениями водоплавающих птиц. Стилистика и техника исполнения отличают эти мотивы от образов водоплавающих птиц на гребенчатой и гребенчато-ямочной керамике неолита и энеолита Зауралья и Европейской части России. Наиболее близкими по морфологии к ним являются изображения птиц на липчинских сосудах стоянки Разбойничий остров в Зауралье. Своеобразна и локализация изображений на сосуде. В верхней части емкости они обычно расположены головами вниз, а в нижней — головами вверх. Л. Л. Косинская интерпретирует подобные изображения как иллюстрацию уральского космогонического мифа «о нырянии за землей». Идентичные изображения обнаружены на энеолитической керамике поселения Горный Самотнёл (нижнее течение р. Оби). Устойчивость подобных сюжетов на протяжении двух тысяч лет служит отражением развития керамической традиции и социокультурных контактов.

Дубовцева Екатерина Николаевна — Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург).
E-mail: ket1980@yandex.ru

При раскопках поселения Быстрый Кульёган 66 в Сургутском Приобье (середина VI — первая треть V тыс. до н. э.) обнаружено три сосуда с изображениями, напоминающими водоплавающую птицу. «Иконография фигурок своеобразна: низкий равнобедренный косо заштрихованный треугольник образует туловище; одна из боковых сторон треугольника выходит за его вершину, изображая тем самым шею птицы; голову моделирует короткий отрезок, расположенный под острым углом к линии шеи. Косая штриховка, параллельная “спинке” удачно имитирует оперение» [Косинская 2001, с. 58]. Птицы располагаются горизонтальными фризами в различных частях сосуда, их головы направлены то вверх, то вниз. Фризы разделены тремя, четырьмя волнистыми линиями или незаполненными зонами. Все изображения выполнены в технике прочерчивания или отступания. Идентичные мотивы также зафиксированы на других поселениях быстринской культуры (Барсова Гора II/8, Пыхты I), а также на пос. Большая Умытъя 2 (бассейн р. Конды). Существует вариация данного изображения без головы. «Безголовые» птицы, как правило, расположены в нижней части сосуда. Такие фигуры известны и на раннеэнеолитической керамике бассейна р. Конды (Сумпанья VI, Большая Умытъя 109). Все указанные поселения, кроме последнего, имеют близкие радиоуглеродные даты, укладывающиеся в период среднего неолита (середина VI — середина V тыс. до н. э.). Посуда этих памятников идентична по ряду признаков и относится к одной керамической традиции.

Интерпретация данного мотива как изображения водоплавающих птиц у некоторых специалистов вызывает сомнение, так как их иконография довольно специфична и они сильно отличаются от образов водоплавающих птиц на гребенчатой и гребенчато-ямочной керамике неолита и энеолита Зауралья и Европейской части России [Чаиркина 2005; Жульников, Кашина 2010]. Однако существуют и совершенно иные изображения птиц. «Тулова треугольной или трапециевидной формы, заштрихованы вертикальными и наклонными линиями. Голова обозначена короткой линией. Шея оформлена одной-двумя линиями, расположенными вертикально либо под углом к тулову, лапы показаны двумя короткими отрезками» [Чаиркина 2005, с. 241]. Такие образы характерны для липчинских

сосудов стоянки Разбойничий остров. Быстринские и липчинские изображения сближает не только стилистика, но и техника исполнения; мотивы на Разбойничьем острове выполнены в отступающей технике.

Вызывает вопрос и расположение «птиц». Почему они изображены головой вниз? Л. Л. Косинская интерпретирует данные мотивы как иллюстрацию прауральского космогонического мифа «о ныряющей за землей водоплавающей птицы». Птица в верхней части сосуда обычно располагалась головой вниз (ныряние за землей), а в нижней части емкости — головой вверх (выныривание) [Косинская 2001, с. 59]. В. В. Напольских отмечает, что этот миф чрезвычайно древен и, безусловно, уже существовал в эпоху неолита [Напольских 2011, с. 215–217].

Удивительно, что сосуды с идентичным сюжетом обнаружены также на энеолитическом поселении Горный Самотнёл (3060–2920 гг. до н. э.), которое расположено в нижнем течении р. Оби. Керамический комплекс поселения как минимум двукомпонентен. Один тип посуды имеет аналогии с таежными неолитическими памятникам, в том числе быстринской культуры. Происхождение второго типа не установлено [Тупахина, Тупахин 2018, с. 47]. Среди керамики первого типа и были обнаружены сосуды с интересующим нас сюжетом. Всего найдено 4–5 фрагментов, все фигуры выполнены прочерчиванием. Контуры фигур полностью аналогичны быстринским, хотя штриховка расположена горизонтально [Тупахина 2016, с. 206, рис. 1]. Иногда фигуры изображены с двумя головами и шеями. Возможно, так передана пара птиц. Это может быть пара гусей или лебедей, как на петроглифах Восточной Европы [Жульников, Кашина 2010], или пара антагонистов мифа о ныряющей птице — утка и гагара [Напольских 2011, с. 215].

Независимо от интерпретации, устойчивость и повторяемость этого сюжета на протяжении двух тысяч лет несомненна. Анализируемые образы не были распространены на Севере Западной Сибири в период раннего неолита; на этой территории они появляются вместе с носителями традиции тонкостенной прочерченной керамики в середине VI тыс. до н. э. Данная керамическая традиция широко распространена в среднем неолите в таежной зоне (бассейн Конды, Сургутское, Нижнее Приобье, бассейн р. Аган). В позднем неолите она зафиксирована на р. Конде (пос. Большая Умыгья 109), в энеолите — на крайнем севере (пос. Горный Самотнёл-1). Более отдаленные аналогии прослеживаются и в Зауралье (стоянка Разбойничий остров). Чем вызвана такая устойчивость? Какова функция таких сосудов? Никаких свидетельств использования данной керамики в ритуалах не зафиксировано. Возможно, данная ситуация является отражением развития керамической традиции и социокультурных контактов.

Библиографический список

- Жульников А. М., Кашина Е. А. Образ птицы в искусстве неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. 2010. № 2. С. 5–17.
- Косинская Л. Л. Образ водоплавающей птицы на керамике быстринского типа // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень, 2001. С. 57–60.
- Напольских В. В. Миф о нырянии за землей в Северной Евразии и Северной Америке: двадцать лет спустя // «Не любопытства ради, а познания для...». К 75-летию Ю. Б. Симченко. М., 2011. С. 215–272.
- Тупахина О. С. Образы птиц на керамической посуде эпохи энеолита Севера Западной Сибири (по материалам поселения Горный Самотнёл-1 // Археология Арктики. Калининград, 2016. Вып. 3. С. 204–211.

V СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (ХАНТЫ-МАНСКИЙ, 11–14 ДЕКАБРЯ 2019)

Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Поселение Горный Самотнёл-1: материалы и исследования // Археология Арктики. Салехард, 2018. Вып. 5. Прил.

Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005.

E. N. DUBOVITSEVA

THE DIVING BIRD MOTIF IN THE NEOLITHIC — ENEOLITHIC OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA

Vessels with the original waterfowl images have been found in several Neolithic sites of the north of Western Siberia. The sites were dated to the middle of the 6th — the middle of the 5th millennium BC. The style and the ornamentation technique differed from the similar waterfowl images on the comb and the pit-comb ceramics of the Neolithic and the Eneolithic of the Trans-Urals and the European part of Russia. The closest to them in morphology were the bird images on the Lipchinka vessels from Razboinichy Ostrov occupation site in the Trans-Urals. The localization of the images on vessels was also unusual. In the upper part of the vessel they were, as a rule, depicted heads down, and in the lower part — with their heads up. L. L. Kosinskaya interpreted this type of images as the illustration of the Ural cosmogonic myth about the “diving for soil”. Identical images were found on the Eneolithic pottery from Gorny Samotnjol settlement (the lower reaches of the Ob river.) The persistence of these motifs over the period of two thousand years reflected the evolution of the ceramic tradition and the socio-cultural contacts.

Ekaterina N. Dubovtseva — Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: ket1980@yandex.ru

Д. Н. ЕНЬШИН

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ЛОКАЛЬНЫХ ТИПОВ КЕРАМИКИ В КОНТЕКСТЕ БОБОРЫКИНСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ (ГОРНО-ЛЕСНОЕ ЗАУРАЛЬЕ, ТАЕЖНАЯ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

В тезисах поднят вопрос интерпретации многообразия боборыкинской посуды и эпизодичности наработок в области поиска причин вариативности ее форм и декора (хронологических, контактных и пр.), результатом чего стало выделение на западной и северной периферии ее ареала обособленных типов керамики — басьяновского и сатыгинского. Их принадлежность к боборыкинской культуре неоднозначна. В основе этой проблемы лежит фрагментарность материалов и дискуссионность хронологии боборыкинских комплексов. Решение этих вопросов могут обеспечить репрезентативные материалы из хорошо стратифицированных и датированных археологических памятников. Одним из таких может стать поселение Мергенъ 6 (лесостепная зона Западной Сибири), где в синхронном раннеэнеолитическом керамическом комплексе присутствует боборыкинская и кошкинская посуда, а также сосуды с «вытяжными» и «выдавленными» валиками (сатыгинский тип?) и емкости басьяновского облика.

Еньшин Дмитрий Николаевич — Федеральный исследовательский центр «Тюменский научный центр СО РАН» (Россия, Тюмень). E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

Одной из наиболее дискуссионных проблематик в изучении неолита Урала и Западной Сибири продолжает оставаться боборыкинская культура. Ареал распространения этих комплексов протянулся широкой полосой от восточных склонов Урала (горно-лесное Зауралье) до бассейна р. Ишим (лесостепная зона Западной Сибири). В. Т. Ковалевой и С. Ю. Зыряновой проведена масштабная систематизация выявленных боборыкинских материалов, однако по ее итогам проблематично дать им четкую характеристику. Для

этой посуды характерны практически все известные для неолита региона формы и декор [Ковалева, Зырянова 2010, с. 222–231, 238–242]. Исследователи выделили локальные варианты культуры по территориальному принципу — горно-лесное и лесостепное Зауралье, Западная Сибирь. Стоит отметить, что это не объяснило многообразия боборыкинской посуды, и дискуссии вокруг выделенных на этих территориях культурных типов продолжились.

Ареал бытования традиции изготовления керамики сатыгинского типа занял пространства от южной части Северного Зауралья (восточные склоны Урала) до Кондинской низменности (таежная зона Западной Сибири) [Чаиркина, Дубовцева 2016, с. 19]. В качестве диагностирующих признаков сатыгинской посуды исследователи выделяют преобладание «закрытых» емкостей с округлым и плоским дном, скошенные внутрь, утолщенные и с карнизиками венчики, наличие валиков на внешней поверхности, декорирование большей или всей площади внешней поверхности и т. д. [Там же, с. 26]. При этом отличительной чертой данной посуды являются «вытяжные» и «выдавленные» валики, и их преобладание над «налепными» [Там же, с. 23, 26]. Исследователи считают, что стратиграфические наблюдения, радиоуглеродное датирование (датируется ранним неолитом), а также различия в технологии и декорировании керамики не позволяют включить сатыгинский тип керамики в боборыкинскую культуру. Последняя, по их мнению, бытовала несколько позже (вместе с керамикой басьяновского типа) и имела более широкий ареал [Там же, с. 19]. Вместе с тем авторы не исключают, что многообразие боборыкинской посуды (выделение локальных типов), существование сходных с ней раннеолитических комплексов (сатыгинского, амнинского, каюковского), и наличие единичных ранних дат (в Тюменском Притоболье) может свидетельствовать в пользу существования раннего боборыкинского пласта [Там же, с. 29].

Иной позиции придерживаются В. Т. Ковалева и С. Ю. Зырянова. По их мнению, сатыгинский тип был выделен в условиях не достаточной изученности боборыкинской культуры — до выявления в ее составе сосудов с валиками. В настоящее же время боборыкинская валиковая посуда известна на памятниках горно-лесной, таежной и лесостепной зоны, а выделение отдельного сатыгинского типа ошибочно [Ковалева, Зырянова 2010, с. 287].

Носители басьяновской традиции, согласно концепции коллектива исследователей во главе с А. Ф. Шориным, занимали ограниченную территорию в средней части восточных склонов Урала (Тагило-Исетское междуречье). В качестве основных отличительных признаков этой посуды отмечается преобладание орнамента двузубой (расщепленной) палочки, слабая вариативность форм и декора, отсутствие сложных сюжетных композиций, редкий геометризм и т. д. [Шорин, Вилисов, Шорина 2015, с. 7, 9, 10]. Авторы полагают, что данная традиция, скорее всего, генетически связана с боборыкинской, но ее носители, вероятно, на отдельных территориях не вступали с ней в длительные контакты, что косвенно указывает на их самостоятельность [Там же, с. 10, 14]. В. Т. Ковалева и С. Ю. Зырянова не выделяют басьяновский тип из боборыкинской культуры и отмечают — «Поселений только с керамикой басьяновского типа нам не известно» [Ковалева, Зырянова 2010, с. 289].

Таким образом, проблема интерпретации боборыкинских комплексов на обширной территории Зауралья и Западной Сибири остается актуальной. Приблизиться к ее решению могут позволить исследования стратифицированных информативных комплексов, таких, например, как поселение Мергень 6 (лесостепное Приишимье).

В результате комплексных исследований установлен раннеолитический возраст поселения (конец VII тыс. до н. э.). В керамической коллекции (520 сосудов) выделены группы боборькинских, кошкинских емкостей, а также группа с признаками смешения форм и декора. Планиграфически и стратиграфически установлено синхронное бытование данных традиций в рамках одного поселения (в одних жилищах). Кроме того, в комплексе отмечены сосуды басьяновского облика (12 емкостей), сосуды с «вытяжными» и «выдавленными» валиками (111 емкостей), а также 6 сосудов с гребенчатым орнаментом, повторяющим боборькинские и кошкинские орнаментальные мотивы.

Данные материалы подтверждают существование раннего боборькинского пласта и наглядно демонстрируют многокомпонентный состав поселенческого комплекса. Подобная ситуация выявлена на поселении Нижнее Озеро III (синхронность кошкинского, сумпаньинского, сатыгинского комплексов и сосудов с гребенчатой орнаментацией), Шайдурихинское V (синхронность боборькинской и басьяновской посуды), Ук VI (синхронность боборькинской, басьяновской и посуды с гребенчатым орнаментом) и т. д. [Ковалева, Зырянова 2010, с. 289; Чаиркина, Дубовцева 2016, с. 27, 28].

Таким образом, существование раннеолитической группы и многокомпонентность поселенческих комплексов от восточных склонов Урала до бассейна р. Ишим характеризуют боборькинскую культуру как сложную систему с многовекторным характером культурных связей, механизмы и хронологию которых еще предстоит устанавливать.

Библиографический список

- Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборькинская культура. Екатеринбург, 2010.
- Чаиркина Н. М., Дубовцева Е. Н. Керамика сатыгинского типа поселения Нижнее Озеро III // Вестн. археологии антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 19–31.
- Шорин А. Ф., Вилисов Е. В., Шорина А. А. Басьяновский археологический комплекс эпохи позднего неолита: основания выделения // РА. 2015. № 1. С. 5–18.

D. N. ENSHIN

THE PROBLEM OF THE INTERPRETATION OF SOME LOCAL TYPES OF CERAMICS IN THE CONTEXT OF THE BOBORYKINO CULTURE PHENOMENON (THE MOUNTAIN-Forest TRANS-URALS, THE TAIGA AND THE FOREST-STEPPE ZONES OF WESTERN SIBERIA)

The paper raised the question of the interpretation of the Boborykino pottery diversity and scarcity of research dedicated to the factors influencing the variety of its shapes and decoration (chronology, contacts, etc.). It resulted in the distinguishing of several isolated pottery types – the Basjyanovskaya and the Satyinskaya – in the Western and Northern peripheries of its territory. Their attribution to the Boborykino culture is controversial. The root of the problem is the fragmented nature of the materials and the questionable chronology of the Boborykino complexes. The availability of representative materials from the well stratified and dated archaeological sites may help solving this problem. One possible candidate is Megren 6 settlement (the forest-steppe zone of Western Siberia), where the synchronous early Neolithic pottery complex contained both the Boborykino and the Koshkino pottery, as well as the vessels with the “ulled” and the “extruded” rollers (Satyino type?), and the Basjyanovo appearance vessels.

Dmitry N. Enshin – Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen). E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

М. В. ИВАНИЩЕВА

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИОНЕЖЬЯ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ СЕВЕРА ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ

В настоящее время превалирует стадильная схема развития орнаментальных стилей в ранне-неолитических древностях лесной полосы Европейской части России — от неорнаментированной/накольчатой к более поздней гребенчатой орнаментальной традиции. Среди серий дат, принятых как хронологический репер для неолита лесной полосы около 7000 л. н., имеются более глубокие/древние определения, как для накольчатых / неорнаментированных фрагментов, так и сосудов с гребенчатым стилем орнаментации. Новые глубокие радиоуглеродные определения для керамических комплексов зауральских / западносибирских памятников позволяют рассматривать данные «отклонения» не как погрешность метода или неточность интерпретации полевых материалов, а видеть в них отражение самых ранних «потоков» неолитизации, следы которых растворились в последующих волнах расселения на «перекрестках миров». Техничко-технологический анализ керамических комплексов памятников на Тудозере и Кемозере в Вытегорском районе Вологодской области позволяет выделить в числе наиболее ранних гребенчатую орнаментальную традицию в Юго-Восточном Прионежье, связанную с зауральским гончарством.

Иванищева Марина Викторовна — начальник, Восточно-Прионежская археологическая экспедиция (Россия, Вологда). E-mail: marin-ivanishhev@yandex.ru

Территория Юго-Восточного Прионежья приурочена к водоразделу между локальными бассейнами Онежского и Белого озер и глобальными бассейнами Балтики, Волги, Прибеломорья. На этой территории в границах Вытегорского района Вологодской области А. М. Иванищевым выделены памятники типа Тудозеро-V, где слои с гребенчатой керамикой подстилают слои с керамикой сперрингс. На многослойном поселении Тудозеро-V (мезолит — средневековье) на юго-восточном берегу Онежского озера коллекция посуды включает фрагменты не менее чем от 290 сосудов. Посуда вся округлодонная или с оттянутым конусовидным дном, иногда с выраженным шиповидным завершением. Ранняя керамика орнаментирована гребенчатыми штампами (более 50 %) и имитирующими «гребенку» естественными орнаментами по всей поверхности сосуда [Иванищева, Иванищев 2004, с. 60–69]. Статистический анализ и стратиграфические наблюдения фиксируют изменения в форме и формовке сосудов от раннего этапа к позднему, на котором увеличивается число сосудов с позвонковым орнаментом, стандартной становится полуяйцевидная форма сосудов с характерными прямо-срезанными скошенными внутрь утолщенными (с наплавом изнутри) венчиками, появляется прочерченная и отступающая орнаментация. Нижний слой с керамикой по углю из очагов датируется 6600 ± 20 (ЛЕ-6700), верхний — 6075 ± 20 (ЛЕ-6699). Для нестратифицированного участка слоя с ранне-неолитической керамикой по углю из очагов получены даты 6110 ± 100 (ГИН-7662), 6230 ± 120 (ГИН-7663), 6250 ± 50 (ГИН-8050) и с основания слоя 7240 ± 60 (ГА-2354). Даты по нагару на керамике: с гребенчатым орнаментом — 6660 ± 32 (AAR-17174) и с позвонковым орнаментом — 6241 ± 30 (AAR-17173) подтверждают стратиграфические наблюдения. Различия в технологии изготовления этих групп керамики, в том числе в составе формовочных масс, отражают, скорее, не различные культурные традиции, а растянувшийся во времени процесс сложения культурного единства.

Поселение Кемское-III расположено на берегу озера, связанного р. Кемой с бассейном верхней Волги. Стратиграфически выделены два ранне-неолитических слоя. Материалы

раннего комплекса представлены фрагментами керамики от 7 сосудов с гребенчатым орнаментом. В числе естественных орнаментов, имитирующих гребенку, при моделировании выявлены такие инструменты как иглы морского ежа и раковины брахиопод [Иванищев, Иванищева 2000, с. 298, 299, рис. 2, 3]. Комплекс керамики вышележащего рыже-желтого песка представлен фрагментами от 34 сосудов с позвонковым, прочерченным и отступающим орнаментом с поясками глубоких конических ямок, близок керамике развитого этапа культуры сперрингс.

Определение формовочной массы 5 фрагментов керамики с поселения Тудозеро V выполнено в лаборатории «История керамики» ИА РАН (Москва) Ю. Б. Цетлиным. Петрографический анализ 18 фрагментов с памятников Юго-Восточного Прионежья выполнен М. А. Кульковой в лаборатории РГПУ им. Герцена (Санкт-Петербург).

В ранней группе керамики Юго-Восточного Прионежья выделяются две технологические традиции составления формовочных масс из глин, обогащенных водной органикой: с дрсевой и/или песком и с дрсевой, песком, шамотом и органикой. В определенных фрагментах Ю. Б. Цетлиным выделена в качестве примеси органическая добавка, либо органический раствор. Анализ керамики поселений высвечивает «гибридность» ранних комплексов и определенную сформированность вышележащего, близкого керамике культуры сперрингс, в результате чего могут быть обозначены подходы к решению актуального вопроса о генезисе культуры сперрингс в целом и на территории Юго-Восточного Прионежья, в частности.

Ранненеолитическая гребенчатая керамика Юго-Восточного Прионежья является наиболее ранней среди известной к настоящему времени в этом регионе. По морфологическим признакам: округлодонность посуды, структура орнамента (плотные оттиски) и техника (штамповка) нанесения орнамента, формовка (на позднем этапе венчики с напльвом изнутри); а так же общности технологических приемов: отбор в качестве ИПС глин, использование в составах ФМ дресвы/песка и органического раствора, добавки шамота и сухой глиняной смеси находят аналогии в материалах камской АК [Васильева, Выборнов 2012, с. 34, 40, 44, 47] и зауральской ранненеолитической керамике [Косинская 2014, с. 36–38]. Орнаментация посуды естественными орнаментами так же указывает на юго-восточный — восточный вектор распространения этой орнаментальной традиции на севере лесной полосы. Значительное использование естественных орнаментов является традицией в культурах неолита — энеолита южного Предуралья и Зауралья [Калинина, Гаджиева (Устинова), 1993, с. 84–87, рис. 1].

Ранняя тудозерская дата сопоставима с датами для комплекса керамики с гребенчатой орнаментацией егтовского типа (около 7200/7500 л. н.), в том числе и с городища Амня 1 в Зауралье [Косинская 2014, с. 31, 34]. Это позволяет предполагать в керамике памятников типа Тудозеро-V отражение древнейшего на севере лесной полосы восточного вектора заимствования/влияния — зауральского гончарства. Урало-сибирское происхождение керамики сперрингс предполагалось и Н. Н. Гуриной при обосновании выделения ранне-неолитической культуры в Карелии [1961, с. 62, 63].

Библиографический список

- Васильева И. Н., Выборнов А. А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Тр. Камской археол.-этногр. экспед. Пермь, 2012. Вып. 8. С. 33–50.
Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. 1961. (МИА. № 87).

- Иванищев А. М., Иванищева М. В. Поселение раннего неолита на Кемском озере // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4, т. 1. С. 297–305.
- Иванищева М. В., Иванищев А. М. Хронология памятников раннего неолита южного Прионежья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). СПб., 2004. С. 60–69.
- Калинина И. В., Гаджиева (Устинова) Е. А. Архаические орнаменты для керамики // Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 10. С. 83–94.
- Косинская Л. Л. Ранняя гребенчатая керамика в неолите Зауралья // Урал. ист. вестн. 2014. № 2 (43). С. 30–40.

M. V. IVANISHCHEVA

EARLY NEOLITHIC CERAMICS OF THE SOUTHEAST ONEGA REGION IN THE LIGHT OF THE PROBLEM OF NEOLITHIZATION OF THE NORTH OF THE FOREST ZONE

Currently the stadial approach to ornamentation styles development is prevailing in the research of the Early Neolithic antiquities of the forest zone of the European part of Russia - from the undecorated / stroke ceramics to the later comb ornamentation tradition. Among the series of dates taken as a chronological reference for the Neolithic forest zone of around 7,000 y. a., there are some deeper/older definitions both for the stroke/undecorated sherds, and for the vessels with a comb ornamentation style. New deep radiocarbon definitions for the ceramic complexes of the Trans-Ural / West Siberian sites suggested that these "deviations" could be not simply a procedural error or a result of inaccuracy of the field materials interpretation, but rather a reflection of the earliest Neolithization "flows", the traces of which disappeared under the subsequent waves of the population dispersal at the "crossroads of the worlds". The applied technique and the technological analysis of the ceramic complexes of Tuzozero and Kemozero sites in the Vytegor'ski district allowed distinguishing, as one of the earliest types, the comb ornament tradition in the southeast Onega region associated with the Trans-Ural pottery.

Marina V. Ivanishcheva – East-Prionezhskaya Archaeological Expedition (Russia, Vologda).
E-mail: marin-ivanishchev@yandex.ru

И. В. КАЛИНИНА

ОРНАМЕНТ «ШАГАЮЩАЯ ГРЕБЕНКА» (МОРФОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА)

Орнамент «шагающая гребенка» широко представлен на керамике неолитических-энеолитических культур, генетически и территориально друг с другом не связанных. Для выявления специфики орнаментации «шагающей гребенкой» необходимо уяснить соотношение морфологии, технологии и семантики этой орнаментальной традиции. На основании экспериментального моделирования и трасологического анализа керамики с разновременных археологических памятников определены способы орнаментации «шагающей гребенкой». Семантические варианты «шагающей гребенки» сводятся к защитной функции. Слитностью в древнейших технологиях навыков и семантики обусловлена устойчивость на протяжении тысячелетий орнаментальной традиции «шагающей гребенки». Функцию графического символа «шагающая гребенка» обретает в энеолитических орнаментальных традициях. Дальнейшее развитие семантика «шагающей гребенки» получает в условиях становления производящего хозяйства и развития текстильного производства.

Калинина Ирина Всеволодовна – д. культурологии, Государственный Эрмитаж (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: irkalinina@yandex.ru

Орнамент «шагающая гребенка» широко представлен на керамике неолитических и энеолитических памятников Уральского региона, но отсутствует на керамике неолитических культур, примыкающих к ареалу камского неолита с запада. Сходство не только морфологическое, но и технологическое, тем не менее, наблюдается в орнаментации «шагающей гребенкой» между камской и хартунской керамикой в Судане, столь удаленной территориально от Урала [Калинина 2015, с. 219–233]. Вопрос генезиса и развития этой орнаментальной традиции заслуживает внимания.

Самая ранняя керамика, орнаментированная «шагающей гребенкой», в настоящее время известная и доступная изучению, была обнаружена на Витимском плоскогорье в седьмом горизонте ряда местонахождений Усть-Каренга VI, XII, XIV, XVI в устье р. Каренги, правого притока Витима. Согласно автору раскопок, «возраст горизонта 7 определяется пределами 11–12 тыс. л. н.», что «...согласуется с абсолютными и относительными датировками ниже и выше расположенных отложений» [Ветров 2006, с. 173]. В. М. Ветровым был поставлен остающийся до сих пор открытым вопрос о корнях керамического производства и специфике орнаментации усть-каренгских сосудов.

Для выявления специфики орнаментальной традиции «шагающей гребенки» необходимо уяснить соотношение морфологии, технологии и семантики этого орнамента. Во-первых, установить морфологические особенности и типологические изменения, происходящие в орнаментации керамики с разновременных археологических памятников, относящихся к палеолиту/мезолиту/раннему неолиту — позднему неолиту/энеолиту/ранней бронзе, которые отражают конкретные эпизоды в развитии «шагающей гребенки». Во-вторых, на основании экспериментального моделирования и трасологического анализа определить возможные способы орнаментации керамики «шагающей гребенкой». В-третьих, обращаясь к генезису этого мотива, попытаться выяснить возможные различия в семантике «шагающей гребенки».

Морфологические варианты «шагающей гребенки», выявленные на основании экспериментального моделирования техники орнаментации и трасологического анализа, зависят от формы рабочего края зубчатого орнамента — прямого или округлого, а также от способа орнаментации: постановки орудия относительно поверхности сосуда и кинематики движения. Индивидуальные особенности в формах отпечатков «шагающей гребенки», было установлено, продиктованы положением кисти руки при нанесении орнамента и распределением давления на штамп. Формирование технологической традиции «шагающей гребенки», как выяснилось при экспериментальном моделировании, возможно только в условиях наличия пластичных, позволяющие крутой замес, глин. В этом, очевидно, находит объяснение, относительно «точечное» местонахождение древних памятников с этой орнаментальной традицией, несмотря на ее широкое распространение.

На древнейшей усть-каренгской керамике представлены уже две разновидности «шагающей гребенки» — технический декор и орнамент, предопределяющие развитию семантики орнамента. «Шагающая гребенка» в качестве технического декора взаимосвязана с обработкой поверхностей сосудов: она служит уплотнению стенок, препятствует растрескиванию сосудов при сушке, то есть, в семантическом смысле 'защищает' сосуды.

Семантику орнамента «шагающей гребенки» на керамике катакомбной культуры эпохи бронзы В. И. Кузин-Лосев рассматривал с точки зрения мировоззренческой значимости в архаике текстильного производства. В мотиве «шагающая гребенка» он видел

изобразительный знак, передающий зигзагообразные движения на ткацком станке [Кузин-Лосев 2005, с. 157]. В дополнение этой гипотезе мною было высказано предположение, что семантика «шагающей гребенки» в генезисе связана с семантикой остроугольного зигзага [Калинина 2017, с. 70–78]. В традиционных культурах остроугольный зигзаг, изображающий ‘зубы зверя’, по семантике, ‘защищающий’ знак, ‘граница’. Первичная семантика этого знака и «шагающей гребенки» восходит, полагаю, к производственной функции используемых с верхнего палеолита швов-зигзагов, которые соединяли, закрывали брешь, выполняя тем самым функцию ‘защиты’.

Все семантические варианты «шагающей гребенки» сводятся к защитной функции. Функция ‘защиты’, ‘оберега’ в архаике отводилась шкуре зверя. Судя по изобразительным памятникам, орнамент «шагающая гребенка» служил приемом передачи шерсти, волос шкуры зверя, отражая зооморфное (тотемическое) в своей основе мировоззрение [Калинина 2002, с. 241–247]. Защитную функцию ‘шкур’, ‘покрова’ выполняли в древности и всякого рода плетенки. На камской гребенчатой керамике «шагающая гребенка» представляет орнаментальный мотив «плетенок» – характерных для камского неолита композиций [Калинина 1974, с. 176], которые наносились на сосуды зубчатыми орнаментами путем штампования, прокатывания по дуге рабочего края, либо «шагания».

Устойчивость орнаментальной традиции «шагающей гребенки» обусловлена слитностью в ручных древнейших технологиях навыков и семантики. В энеолитических орнаментальных традициях «шагающая гребенка» обретает функцию графического символа. Дальнейшее развитие семантика «шагающей гребенки» получает в условиях становления производящего хозяйства и развития текстильного производства.

Библиографический список

- Ветров В. М. Проблемы сходства в технике изготовления и орнаментации сосудов ранних керамических комплексов Северной Евразии // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 173–176.
- Калинина И. В. Орнаментация керамики волго-камского неолита // Советская археология. 1974. № 4. С. 170–179.
- Калинина И. В. Морфология декора неолитических сосудов и стилистические особенности деревянной зоо-антропоморфной скульптуры // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 241–247.
- Калинина И. В. Антропология движения и археологическая традиция // Тверской археологический сборник. Тверь, 2015. Вып. 10, Т. 1. С. 219–233.
- Калинина И. В. О сходстве орнаментации керамики в разных культурных традициях // Культурные коммуникации в архаике: формы проявления и синтез. СПб., 2017. С. 70–78.
- Кузин-Лосев В. И. Область смыслов, знаков, символов катакомбной культурно-исторической общности // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк, 2005. Т. 2. С. 153–196.

I. V. KALININA

“STEPPING COMB” ORNAMENT (MORPHOLOGY, TECHNOLOGY, SEMANTICS)

The “stepping comb” ornament is quite common on the pottery of the Neolithic and Eneolithic cultures, which were neither genetically, nor territorially related. In order to understand the specifics of the “stepping comb” ornament it is necessary to clarify the correlation between the morphology, technology, and semantics of this ornamental tradition. On the basis of the experimental modeling and the use-wear analysis of the asynchronous archaeological sites’ pottery, the techniques of the vessels’ decoration with

a “stepping comb” ornament were established. The semantic versions of the “stepping comb” ornament may be reduced to a protective function. The merger in the oldest technologies of the techniques and the semantics determined the thousands years long sustainability of the “stepping comb” ornamental tradition. Only in the Eneolithic, ornamental traditions the “stepping comb” acquired the functions of a graphic symbol. Further development of the “stepping comb” semantics began under the conditions of the evolution of the producing economy and the textile production.

Irina V. Kalinina – Doctor of Cultural Studies, The State Hermitage Museum (Russia, Saint Petersburg).
E-mail: irkalinina@yandex.ru

А. М. КИСЕЛЕВА

ПОСЕЛЕНИЕ МАЯК 2 НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ — НОВЫЕ ДАННЫЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ*

Поселение неолита — эпохи раннего металла Маяк 2 располагается на северном побережье Кольского полуострова. Благодаря большой исследованной площади, хорошей сохранности органики, многочисленной коллекции артефактов, а также наличию разновременных жилых и хозяйственных объектов памятник является уникальным для территории Северной Фенноскандии. На основе опубликованных радиоуглеродных анализов памятник датируется интервалом 4730–1430 cal BC. Этим датам соответствует обнаруженная на поселении керамика (типы сяр I, ловозеро, вардой), типы каменных наконечников стрел и некоторых категорий костяных орудий. Керамика типа щельмой указывает на продолжительность функционирования поселения до первых веков нашей эры. Анализ распределения находок и неопубликованных материалов (полевые дневники, отчеты, планы) позволяет уточнить и значительно дополнить ранее предложенную интерпретацию и датировку объектов. Так, 7 из 14 объектов интерпретируются как остатки жилищ эпохи раннего металла.

Киселева Алевтина Михайловна — Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: aliakiseleva@mail.ru

Поселение неолита — эпохи раннего металла Маяк 2 располагается в северной части Кольского полуострова на побережье Дроздовской губы Нокуевского залива Баренцева моря. Памятник был исследован с 1979 по 1984 гг. Кольской археологической экспедицией ЛОИА под руководством Н. Н. Гуриной.

В общей сложности на поселении было вскрыто 1 032 кв. м. Культурный слой разбирался условными горизонтами мощностью 0,15–0,18 м по квадратам 2 × 2 м. В основном культурный слой исчерпывался двумя или тремя горизонтами разборки, но в центральной части количество горизонтов доходило до четырех [Гурина 1997, с. 56]. На основании опубликованных радиоуглеродных дат (по древесному углю и нагару на керамике) поселение датируется в интервале 4730–1430 cal BC [Гурина 1997, с. 138; Мурашкин, Карпелан 2013].

Согласно Н. Н. Гуриной, на поселении выделяется 12 жилых и хозяйственных объектов. Из них 4 относятся к эпохе неолита [Гурина 1997, с. 60], а остальные — к эпохе раннего металла. Неолитические материалы были найдены в 4 горизонте в центральной части поселения и в 1–2 горизонте в южной части. К сожалению, в публикации было уделено мало внимания интерпретации и датировке изученных объектов и распределению находок.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-31-01070 «Костяной и роговой инвентарь позднего неолита — раннего железного века Северной Фенноскандии: динамика развития» (рук. А. И. Мурашкин).

Изученные полевые дневники, отчеты, описи и планы поселения содержат много неопубликованной информации, позволяющей уточнить и значительно дополнить выводы автора раскопок.

Были сведены в единый план все чертежи с расположением камней и находок. Уточнены границы очагов, ям, каменных выкладок и раковинных куч. Выявлено два новых объекта (XIII и XIV). Некоторые каменные выкладки (объекты IV, IX–XIV) можно интерпретировать как остатки жилых построек. Аналогии данным объектам имеются на памятниках Северной Норвегии (поселения Иверсфьорд, Шлетнес, Грессбакен НВ, Ниельв НВ) [Helskog 1983; Renouf 1989; Simonsen 1961].

Выявленные скопления фаунистических остатков, каменного дебитажа (кварц и сланец), развалы керамических сосудов зачастую совпадают с контурами объектов и свидетельствуют об их функции как жилищ или мест скопления отходов (раковинные кучи).

Фиксируется несколько участков концентрации отщепов кремня, фрагментов и изделий из мыльного камня. Судя по находкам на других памятниках, широкое использование мыльного камня связано с эпохой раннего металла [Гурина 1997, с. 74]. На поселении Маяк 2 подавляющее большинство находок из данного материала, включая литейную форму для кельта, жировые лампы (тигли?), навершия булав, схематические имитации топоров/молотов, скульптурные изображения обнаружено в горизонтах 1–2, в которых залежали материалы конца неолита — начала эпохи раннего металла. В центральной части поселения в контурах и непосредственной близости от объекта XI отмечается большое количество фрагментов мыльного камня (необработанных и на разной стадии обработки) [Там же, с. 88], что дает дополнительные основания для более узкой датировки объекта (жилища).

Наибольшее количество кремневых отщепов зафиксировано рядом с объектами I, II, XI, XII и с одним из скоплений неолитической керамики. Первые два объекта по типам керамики также датируются эпохой неолита.

В результате анализа керамики было выделено более 60 условных сосудов, относящихся к нескольким типам. Среди них: сяр I (неолит), ловозеро, вардой (эпоха раннего металла) и щельмой (ранний железный век). Данные типы находят прямые аналогии на территории Северной Финляндии и Северной Норвегии. Анализ распределения керамических фрагментов позволяет сделать вывод о периодах функционирования разных участков поселения и выявленных объектов. Четыре объекта (I–III, XII) в юго-западной части поселения датируются эпохой неолита. Остальные 10 объектов, среди которых 7 жилищ, датируются эпохой раннего металла. Керамика типа щельмой указывает на продолжительность функционирования поселения до первых веков нашей эры, однако объектов, датирующихся этим периодом, не выявлено.

Библиографический список

- Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
 Мурашкин А. И., Карпелан К. Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. СПб., 2013. С. 200–207.
 Helskog E. The Iversfjord Locality. A Study of Behavioural Patterning during the Late Stone Age of Finnmark, North Norway. Tromsø, 1983. Vol. 19.
 Renouf M. A. P. Prehistoric hunter-fishers of Varangerfjord, Northeastern Norway. BAR. International Series, № 487. 1989.
 Simonsen P. Varanger-Funnene II. Fund og udgravninger på fjordens sydkyst. Tromsø, 1961. Vol. 7, hefte 2.

A. M. KISELEVA

MAYAK 2 SETTLEMENT ON THE KOLA PENINSULA — NEW DATA AND INTERPRETATION

The Neolithic — early Metal Age settlement Mayak 2 was located on the northern coast of the Kola peninsula. Owing to a large excavated area, good preservation of the organic materials, a significant assemblage of artifacts, as well as the availability of the asynchronous dwelling and economy structures, the site has become unique for the territory of Northern Fennoscandia. According to the published radiocarbon data, the site was functioning within the interval of 4,730–1,430 cal BC. The pottery, discovered at the settlement (the types Syar I, Lovozero, Vardoï), and the types of stone arrowheads and some categories of bone tools also matched those dates. The Shchelmoy type pottery suggested the long period of the settlement's functioning, until the first centuries AD. The analysis of the distribution of the finds and the unpublished materials (field notes, reports, plans) allowed updating and improving significantly the proposed earlier interpretation and dating of the objects. Thus, 7 out of 14 objects may be interpreted as the remains of the Early Metal Age houses.

Alevtina M. Kiseleva — Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg).

E-mail: aliakiseleva@mail.ru

Е. М. КОЛПАКОВ, В. Я. ШУМКИН, А. И. МУРАШКИН

КОЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: НАУЧНЫЕ ИТОГИ ЗА 90 ЛЕТ

История Кольской археологической экспедиции восходит к 1928 г. За 90 лет работы экспедиции открыто более 600 памятников археологии, датирующихся от раннего мезолита до XVIII в. В их составе 1 029 жилищ. Известно 10 каменных лабиринтов. Открыто 4 памятника наскального искусства (Чальмн-Варрэ, Пяйва, Майка, Канозеро). Приход раннемезолитического населения не позднее середины IX тыс. до н. э. с территории Северной Норвегии сейчас можно считать доказанным (культура Komsa). Под вопросом пока остается волна заселения с южного или юго-восточного направления. Керамика типа Сяряйзниеми 1 появляется на Кольском полуострове в V тыс. до н. э. При этом сохраняется преемственность в каменном инвентаре. В III–II тыс. до н. э. уже существует культура (gressbakken) морских охотников и рыбаков. К середине II тыс. до н. э. культура гресбакен прекращает свое существование по неясным причинам. В I тыс. до н. э. на территории Норвегии и Швеции появляются памятники, относимые к саамской культуре. Однако на территории России такие памятники пока не найдены, а подвергшиеся раскопкам датируются началом II тыс. н. э.

Колпаков Евгений Михайлович — к.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: eugenkolp@yandex.ru

Шумкин Владимир Яковлевич — к.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: shumkinv@yandex.ru

Мурашкин Антон Игоревич — Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: a.murashkin@spbu.ru

История Кольской археологической экспедиции (ГАИМК АН СССР, ЛОИА АН СССР, ИИМК РАН) восходит к 1928 г. — к палеоэтнологической партии антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции АН СССР под руководством А. В. Шмидта, которая провела раскопки могильника бронзового века на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря [Шмидт 1930; Murashkin et al. 2016]. К тому времени об археологии Кольского полуострова имелись лишь скудные сведения, собранные учеными Российской

империи, посетившими полуостров (К. М. Бэр, А. И. Кельсиев, К. П. Рева, С. Н. Дурьлин, Т. J. Itkonen). Прежде всего, они относились к каменным лабиринтам. В 1930-е гг. под руководством Б. Ф. Землякова обнаружены стоянки «арктического палеолита» (мезолита) [1940]. Планомерные исследования на Мурмане начались с 1946 г. [Гурина 1997; Шумкин 1986].

За 90 лет работы экспедиции открыто более 600 памятников археологии, датирующихся от раннего мезолита до XVIII в. В их составе 1 029 жилищ. Известно 10 каменных лабиринтов [Колпаков 2016]. Открыто 4 памятника наскального искусства (Чальмн-Варрэ, Пяйва, Майка, Канозеро) [Колпаков, Шумкин 2012; Колпаков, Шумкин, Мурашкин 2018].

Постепенно вырисовывается картина первоначального заселения Кольского полуострова по окончании последнего оледенения и дальнейшего развития населения до исторических времен [Гусев, Шумкин 2011]. Приход раннемезолитического населения не позднее середина IX тыс. до н. э. с территории Северной Норвегии сейчас можно считать доказанным. Под вопросом пока остается волна заселения с южного или юго-восточного направления, но, вероятнее всего, и она будет доказана. Инициальное заселение проходило, в основном, по побережью незамерзающего Баренцева моря, как и заселение Норвегии по побережью Норвежского моря (культура Komsa). Основой жизнеобеспечения были морские ресурсы. Практически не вызывает сомнений наличие в мезолите средств, пригодных для каботажного плавания в Норвежском и Баренцевом морях. Открыты немногочисленные небольшие углубленные прямоугольные жилища размером 3 × 3 м.

Керамика появляется на Кольском полуострове в V тыс. до н. э. и относится к типу Сярайзниеми 1, распространенному на севере Карелии, Финляндии и Норвегии. При этом сохраняется преемственность в каменном инвентаре. Был ли заметный приток населения в Заполярье с юга и юга-востока, пока не ясно. В III–II тыс. до н. э. уже существует яркая культура (gressbakken) морских охотников и рыболовов, общая для всего побережья Норвежского и Баренцева морей. Размеры поселений доходят до 3–4 десятков построек. Обычными становятся конструктивно сложные углубленные до 1 м жилища с площадью основной камеры около 40 кв. м [Kolpakov, Shumkin, Murashkin 2016]. Основой жизнеобеспечения была охота на гренландского тюленя и китообразных, а также рыболовство [Колпаков 2018]. Артефакты из меди и бронзы единичны, но многие орудия из кости и рога сделаны металлическим инструментом. Есть и признаки местного бронзолитейного производства из привозного металла.

К середине II тыс. до н. э. культура гресбакен прекращает свое существование по неясным причинам. Количество памятников резко сокращается. Исчезают и долговременные приморские поселения. В I тыс. до н. э. на территории Норвегии и Швеции появляются памятники, относимые к саамской культуре. Однако на территории России такие памятники пока не найдены, а подвергшиеся раскопкам датируются началом II тыс. н. э.

Библиографический список

- Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
 Гусев С. В., Шумкин В. Я. Инициальное заселение Евразийской Арктики: время, пути, общие и особенные черты // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Великий Новгород. 2011. Т. 1. С. 133–134.
 Земляков Б. Ф. Арктический палеолит на севере СССР // СА. 1940. Вып. 5. С. 107–143.
 Колпаков Е. М. Новые данные о каменных лабиринтах Кольского полуострова // Археология сакральных мест России. Соловки, 2016. С. 104–109.

V СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (ХАНТЫ-МАНСИЙСК, 11–14 ДЕКАБРЯ 2019)

- Колпаков Е. М. Морская охота в археологии Северной Фенноскандии // Археология Арктики. Салехард, 2018. Вып. 5. С. 63–74.
- Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. Rock Carvings of Kanozero. СПб., 2012.
- Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Мурашкин А. И. Петроглифы Чальмн-Варрэ. Čalmn-Varré petroglyphs. СПб., 2018.
- Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Материалы комиссии экспедиционных исследований. 1930. Вып. 23. С. 119–169.
- Шумкин В. Я. Мезолит Кольского полуострова // СА. 1986. № 2. С. 15–33.
- Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya., Murashkin A. I. Early Metal Age Dwellings in Eastern Lapland: Investigations of the Kola Archaeological Expedition (ИМЭС) in 2004–2014 // New Sites, New Methods. The Finnish Antiquarian Society. Helsinki, 2016. Iskos 21. P. 175–184.
- Murashkin A. I., Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya., Khartanovich V. I., Moiseyev V. G. Kola Oleneostrovskiy Grave Field: A Unique Burial Site in the European Arctic // New Sites, New Methods. The Finnish Antiquarian Society. Helsinki, 2016. Iskos 21. P. 187–199.

E. M. KOLPAKOV, V. YA. SHUMKIN, A. I. MURASHKIN

KOLA EXPEDITION: 90 YEARS OF RESEARCH

The history of the Kola archaeological expedition goes back to 1928. Over the 90 years of the work of the expedition, more than 600 archaeological sites dating from the early Mesolithic to the 18th century have been discovered. They included 1,029 dwellings. There are data about 10 stone labyrinths. 4 rock art sites were studied (Chalmn-Varre, Pyaiva, Maika, Kanozero). The arrival of the early Mesolithic population not later than in the middle of the 9th millennium BC from the territory of northern Norway may already be considered confirmed (the Komsa culture). One of the still open questions is the colonization wave arriving from the southern, or the southeast direction. The Sarayzniemi 1 type pottery appeared on the Kola Peninsula in the 5th millennium BC. At the same time, the continuity in the stone tools production was maintained. In the 3rd- 2nd millenniums BC, the sea hunters' and fishermen's Gressbakken culture already existed. By the middle of the 2nd millennium BC the Gressbakken culture had, for reasons unknown, disappeared. The sites referred to the Sami culture appeared in the territory of Norway and Sweden in the 1st millennium BC. However, in the territory of Russia, no such sites have been found yet, and the ones that were excavated were dated to the beginning of the 2nd millennium AD.

Evgeny M. Kolpakov – Candidate of Historical Sciences, Institute for the History of Material Culture of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: eugenkolp@yandex.ru

Vladimir Ya. Shumkin – Candidate of Historical Sciences, Institute for the History of Material Culture of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: shumkinv@yandex.ru

Anton I. Murashkin – Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg). E-mail: a.murashkin@spbu.ru

М. В. КОНОВАЛЕНКО, Ю. В. БАЛУЕВА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСА БОЛЬШОЙ САЛЫМ 4)

В работе дается характеристика материалов семи погребений эпохи энеолита, выполненных по обряду кремации на стороне и ингумации. Сопроводительный инвентарь представлен 12 керамическими сосудами, уникальной глиняной фигуркой соболя/куницы, изделиями из камня.

Коноваленко Марина Владимировна – ООО НПО «Северная археология-1» (Россия, Нефтеюганск). E-mail: KonovalenkoMarinaV@yandex.ru

Балуева Юлия Валерьевна – ООО НПО «Северная археология-1» (Россия, Нефтеюганск). E-mail: balueva000@rambler.ru

Археологический комплекс Большой Салым 4 расположен в правобережье среднего течения р. Большой Салым (ХМАО — Югра, в 6 км к востоку от пос. Салым). Он включает мезолитическое поселение, энеолитические погребения и группы ям-ловушек раннего железного века и средневековья. В 2014–2015 гг. на территории комплекса проведены археологические раскопки площадью 5 374 кв. м [Сериков, Балуева 2018].

В 2014 г. исследовано шесть захоронений. Они находились в 4–6 м от края надпойменной террасы, ориентированы по линии северо-восток — юго-запад. Могильные ямы на поверхности не прослеживались, на верхних уровнях фиксировались в виде вытянутых аморфных пятен подзола, на нижних — в виде охристых линз подпрямоугольной формы в раннем мезолитическом слое. Погребения образуют плотный ряд, вытянутый параллельно краю берега. Длина могильных ям варьирует от 1,2 до 2,2 м, ширина — от 0,6 до 0,96 м, глубина от современной поверхности — от 0,4 до 0,85 м.

Во всех захоронениях обнаружены костные останки.*

Погребение 1 повреждено корнями дерева, в линзе темно-малиновой охры обнаружены кремированные останки, в том числе коронки нескольких зубов, принадлежащие ребенку в возрасте около 3-х лет. В погребении найдены обломок шлифованного топора и венчик миниатюрного сосуда открытой формы, орнаментированный плоским инструментом в технике накалывания.

Погребение 2 выделяется среди остальных составом и количеством инвентаря, оно немного смещено к юго-востоку относительно других захоронений. Кремированные останки принадлежат взрослому индивиду в возрасте 25–30 лет. В центре могильной ямы в слое охристого песка обнаружены две компактные группы предметов. В северо-восточной части залегали обломок наконечника копья и фрагменты абразива, в юго-западной — 9 каменных наконечников стрел, 2 фрагмента глиняной фигурки соболя/куницы и 2 небольшие кварцевые гальки. Обломок наконечника имел реконструируемую длину порядка 20 см. Наконечники стрел трех типов: листовидные и рыбковидные (по 4 экз.), треугольной формы с глубокой выемкой в основании (1 экз.). Восемь наконечников стрел и наконечник копья выполнены из серо-зеленоватой кремнистой породы, один из кварца. Уникальной находкой является глиняная фигурка хищного зверька — соболя/куницы, она была преднамеренно сломана пополам в древности. Длина фигурки 5 см. Зверек изображен с выгнутой спиной, удлинённой мордой, короткими ушками и намеченными лапками, хвост отломан. С погребением 2 можно соотнести фрагментированный сосуд закрытой формы, орнаментированный оттисками тонкого штампа.

Погребение 3 — двухъярусное коллективное захоронение взрослых мужчины и женщины, ребенка 2–4 лет. На верхнем ярусе в мощном слое охры обнаружены фрагменты трех сосудов и компактно расположенные развалы четырех сосудов. На нижнем ярусе среди кремированных останков взрослых индивидов обнаружен целый сосуд, орнаментированный в нижней трети концентрическими линиями, выполненными наколами и прочерчиванием, подвеска каплевидной формы из зернистой красно-коричневой породы и скребок из кремнистого сланца.

Погребение 4 содержало кремированные останки мужчины в возрасте 21–35 лет. Инвентарь залегал в пятне охры в центральной части могилы, состоял из каменного

* Антропологические определения выполнены А. В. Зубовой (ИАЭТ СО РАН).

шлифованного тесла, расколотого абразивного бруска и миниатюрного остродонного керамического сосуда без орнамента.

Погребение 5 — двухъярусное захоронение взрослого индивида. На верхнем ярусе обнаружен развал сосуда закрытой формы с плоским дном, по всей поверхности орнаментированного оттисками гладкого штампа, образующими сетчатый орнамент. Нижний ярус маркирован мощным слоем охристого песка, в котором найден шлифованный топор из зеленокаменной породы.

Погребение 6 выполнено по обряду ингумации, обнаружены только эмалевые чехлы коронок зубов нижней челюсти, принадлежащие мужчине в возрасте 20–25 лет. Головой погребенный ориентирован на северо-восток.

В 2015 г. изучено одно погребение, располагавшееся в 50 м к северу от захоронений, исследованных ранее. Погребение взрослого индивида 20–25 лет выполнено по обряду ингумации, ориентировано в направлении север — юг. На дне могильной ямы в линзе охристого песка обнаружены остатки эмалевых чехлов коронок зубов верхней и нижней челюсти, сопроводительный инвентарь — острие на пластине из кварцита, которое найдено в вертикальном положении у головы погребенного.

В заполнении двух погребений (3 и 4) взято 4 пробы для радиоуглеродного датирования. Два образца (SPb-1574 и SPb-1580) показали практически идентичную дату: 4542 ± 70 BP (95,4 % probability: 3382 (87,5 %) 3020 BC) и 4540 ± 70 BP (95,4 % probability: 3382 (87,9 %) 3018 BC). Остальные образцы оказались более ранними. Вероятно, это объясняется тем, что могилы были «врезаны» в мезолитический слой. Захоронения можно отнести к последней трети IV тыс. до н. э. (период энеолита). Инвентарь соответствует данной эпохе.

Исследованный могильник демонстрирует следующие черты погребального обряда: во всех случаях отмечено использование охры; в пяти случаях захоронение умерших производилось по обряду кремации на стороне, в одном — по обряду ингумации; три из шести могил ярусные; пять погребений одиночные, одно — коллективное; насыщенность погребального инвентаря в могилах различна, одна безынвентарная; погребальный инвентарь представлен фрагментами от 12 сосудов и изделиями из камня, отмечен факт умышленной порчи или слома предметов; помимо кремированных останков человека в двух захоронениях обнаружены кости животных.

Отдельные черты погребального обряда и инвентарь захоронений находят аналогии в материалах энеолитических могильников Западной Сибири: Барсовский II, Старые Покачи 5.1, Самусьский [Чемякин 2008; Носкова, Карачаров 2008; Косарев 1974]. Полученные данные содержат ряд уникальных материалов, позволяющих расширить представления о погребальном обряде эпохи палеометалла таежной зоны Западной Сибири.

Библиографический список

- Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
- Носкова Л. В., Карачаров К. Г. Энеолитический могильник Старые Покачи 5.1 на реке Аган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 146–169.
- Сериков Ю. Б., Балуева Ю. В., Коноваленко М. В. Каменный инвентарь нового мезолитического поселения на севере Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. Вып. 4. С. 5–19.
- Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008.

M. V. KONOVALENKO, J. V. BALUEVA

**NEW DATA ON THE FUNERAL PRACTICES OF THE EARLY METAL AGE IN THE SURGUT OB REGION
(BASED ON THE MATERIALS OF BOLSHOY SALYM 4 COMPLEX)**

The paper provides the characterization of the materials of seven Eneolithic burials made in accordance with the ritual of cremation aside from the burial and inhumation. The accompanying grave goods were represented with 12 ceramic vessels, a unique clay sable/marten figurine, and stone tools.

Marina V. Konovalenko – LLC RPA “Northern Archeology-1” (Russia, Nefteyugansk).

E-mail: KonovalenkoMarinaV@yandex.ru

Julia V. Balueva – LLC RPA “Northern Archeology-1” (Russia, Nefteyugansk). E-mail: balueva000@rambler.ru

Л. Л. КОСИНСКАЯ

**ПОСТМЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ МИКРОПЛАСТИНЧАТЫХ ИНДУСТРИЙ
ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Микропластинчатые индустрии – комплексы каменного инвентаря со значительной долей мелких пластин и микропластинок, получаемых из кремнистых пород техникой ручного отжима, – господствуют в регионе на протяжении мезолитической эпохи. Они сохраняются почти без изменений в раннем неолите лесного Зауралья, позже уступая место пластинчато-отщеповым комплексам с укрупненными пластинами и цельными наконечниками стрел. В северных таежных районах с начала неолита получают распространение кварцево-сланцевые индустрии, но небольшую долю инвентаря составляют микропластинки. Они встречаются в таежных энеолитических комплексах, а на одном из поселений эпохи бронзы микропластинки и орудия из них сочетаются с двусторонне ретушированными вкладышами и наконечниками стрел восточносибирского облика. Длительное сохранение микропластинчатой технологии предположительно объясняется стойкими традициями оснащения охотничьего вооружения в таежных обществах.

Косинская Любовь Львовна – к.и.н., Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург).

E-mail: ver2142@yandex.ru

Под микропластинчатыми индустриями понимают комплексы каменного инвентаря со значительной долей мелких пластин и микропластинок, получаемых техникой ручного отжима и служивших основным типом заготовок для орудий, в т. ч. вкладышевых. На Урале и в Западной Сибири они зарождаются в конце палеолита и господствуют на протяжении мезолита, будучи ориентированы на кремнистое сырье.

Наиболее четко специфика микропластинчатой индустрии региона сформулирована Ю. Б. Сериковым по отношению к среднезауральской мезолитической культуре. Для нее характерны торцевые, призматические и конические нуклеусы, высокая степень микролитизации пластин, прямоугольные сечения, относительно невысокая роль вторичной обработки (краевая ретушь, резцовый скол) [Сериков 2000, с. 98–112]. Сходный характер, хотя и с определенными особенностями, имеет инвентарь мезолитических памятников Кондинской низменности, Среднего Приобья.

В неолите облик каменных индустрий постепенно видоизменяется. В лесном Зауралье сохраняется пластинчатое расщепление, пластины укрупняются, возрастает роль их вторичной

обработки, а также доля и разнообразие орудий на отщепах. В северных таежных районах развиваются кварцево-сланцевые индустрии, почти полностью вытесняющие пластины [Косинская 2010]. В связи с этим определенным интересом представляет судьба техники микропластинчатого расщепления, тесно связанной с бытованием вкладышевых орудий.

Ранненеолитические памятники Среднего Зауралья с керамикой кошкинского, кокшаровско-юринского, козловского типов свидетельствуют о сохранении значительной роли технологии производства микропластин [Кернер 1991, с. 59–63; Вилисов 2006, с. 98–101]. Анализ материалов стоянки Береговая II показал практически полную идентичность каменного инвентаря ранненеолитических отложений (с преобладанием керамики кошкинского типа) с позднемезолитическим. Совпадают типы нуклеусов, размеры пластин, доля микропластинок от общего числа пластин и пластин со вторичной обработкой. На чуть более поздней торфяниковой стоянке Варга 2 с керамикой кошкинского и кокшаровско-юринского типов проявляется тенденция укрупнения пластин, сокращения доли микропластинок. Появляются нуклеусы с уплощенным фронтом скалывания для снятия укрупненных пластин [Варга 2 2007, с. 64–83].

В боборыкинской культуре, относимой большинством исследователей к позднему неолиту, И. В. Горащук выделяет две группы памятников: одна — с микролитовидным типом расщепления, с геометрическими микролитами и скошенными остриями, вторая — с более крупными пластинами, без микролитов, но с цельными наконечниками стрел. Третью группу образуют памятники с инвентарем переходного типа. Изменение технологии пластинчатого расщепления свидетельствует, в том числе, о принципиальной смене приемов изготовления наконечников стрел [Горащук 2012]. К памятникам третьей группы следует добавить поселение Второй поселок I с керамикой басьяновского типа [Вилисов 2012].

В таежной зоне также обнаруживаются признаки сохранения микропластинчатых индустрий в раннем неолите: на стоянке Черная 3 (жилище 1а) [Косинская, Дубовцева, Юдина 2011, с. 212–215] и городище Амня I [Морозов, Стефанов 1993, с. 161–163]. Микропластинчатые комплексы обоих памятников, вероятно, связаны с традицией ранней плоскодонной керамики с прочерчено-накольчатой орнаментацией. Поздние неолитические поселения Сургутского Приобья с кварцево-сланцевым инвентарем отмечены лишь единичными микропластинками и соответствующими нуклеусами.

В энеолитических памятниках таежной зоны встречаются в небольшом числе мелкие пластинки из разнообразного сырья, часть из них могла служить вкладышами [История Ямала 2010, с. 53; Носкова, Карачаров 2008, с. 162, 163]. Микропластинчатый кремневый комплекс зафиксирован на памятнике эпохи бронзы Пякуто-I с гребенчато-ямочной керамикой, в сочетании с двусторонне обработанными вкладышами и наконечниками стрел, часть орудий находит аналогии в ымыяхтахской культуре Таймыра и в памятниках сейминско-турбинского круга [История Ямала 2010, с. 58, 59].

Микропластинчатое расщепление — особая, весьма жесткая технология камнеобработки. Судя по стабильности технико-морфологических характеристик микропластин и нуклеусов в разных культурах региона на протяжении длительного времени, она мало зависела от локальных особенностей сырья или технических приемов. Вероятно, длительное ее сохранение в постмезолитическое время обязано стойкости аборигенных традиций оснащения охотничьего вооружения в таежных районах.

Библиографический список

- Варга 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного исследования). Екатеринбург, 2007.
- Вилисов Е. В. Микролитический комплекс святылища Кокшаровский холм // Урал. ист. вестн. 2006. № 14. С. 177–196.
- Вилисов Е. В. Басьяновский вариант боборыкинской культуры (по материалам памятника Второй поселок I) // Человек и север: Антропология, археология, экология. Тюмень, 2012. Вып. 2. С. 98–101.
- Горашук И. В. Каменные орудия боборыкинской культуры // Человек и север: Антропология, археология, экология. Тюмень, 2012. Вып. 2. С. 103–104.
- История Ямала: в 2 т. Екатеринбург, 2010. Т. 1, кн. 1.
- Кернер В. Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 46–67.
- Косинская Л. Л. Сырьевая стратегия и камнеобработка как аспекты культурной адаптации (по материалам неолитических памятников севера Западной Сибири) // Урал. ист. вестн. 2010. № 2 (27). С. 13–24.
- Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Неолитические комплексы селища Черная 3 // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 199–217.
- Морозов В. М., Стефанов В. И. Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ. Екатеринбург, 1993. Вып. 21. С. 143–170.
- Носкова Л. В., Карачаров К. Г. Энеолитический могильник Старые Покачи 5.1 на реке Аган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 146–169.
- Серигов Ю.Б. Палеолит и мезолит. Нижний Тагил, 2000.

L. L. KOSINSKAYA

POST-MESOLITHIC DEVELOPMENT OF MICROBLADE INDUSTRIES IN THE FOREST TRANS-URALS AND WESTERN SIBERIA

The microblade industries — the stone tools complexes with a significant amount of small blades and microblades obtained from the siliceous rocks with the hand pressure technique, were dominant in the region throughout the Mesolithic period. They occurred practically without changes in the early Neolithic of the Trans-Urals, later giving place to the blade-flake complexes with larger blades and intact arrowheads. In the northern taiga regions from the beginning of the Neolithic the quartz-slate industries were widespread, however, the microblades still made a small share of the inventory. They occurred in the taiga Eneolithic complexes, and in one of the Bronze Age settlements microblades and the tools on them coexisted with the bifacially retouched inserts and arrowheads of the east Siberian appearance. The long-time survival of the microblade technology may, presumably, be associated with the stable traditions of the hunting gear manufacturing in the taiga societies.

Lyubov L. Kosinskaya — Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: ver2142@yandex.ru

Н. В. КОСОРУКОВА, В. А. ЛУКИНЦЕВА, М. А. КУЛЬКОВА, Д. О. ГИМРАНОВ, Т. С. ГРИНИНА

ДАННЫЕ О РЫБОЛОВСТВЕ В ЭПОХУ КАМЕННОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ*

Данные о рыболовстве в эпоху каменного века в бассейне озера Воже получены в результате исследования торфяниковых памятников. К эпохе мезолита относятся стоянки Погостище 14–15, к эпохе финального мезолита — раннего неолита — стоянка Караваиха 4, к эпохе энеолита — свайное поселение на р. Модлоне. Рыболовный инвентарь представлен изделиями из кости, камня и дерева. Изделия из кости составляют гарпуны и зубчатые острия разных типов, рыболовные крючки, палочки или стержни с нарезками у обоих концов, инструменты для плетения сетей. Изделия из камня — небольшие грузила из сланцевых галек с нарезками и крупные с отверстием в середине. Изделия из дерева и коры — поплавки для сетей, плетеные корзины. На стоянке Караваиха 4 выявлены и датированы радиоуглеродным методом рыболовные конструкции из деревянных столбов, забор-мат из длинных реек, скопления остатков мостков и переходов. Определение видов рыб выявило некоторую разницу между эпохами мезолита — раннего неолита и энеолита.

Косорукова Наталья Валентиновна — к.и.н., Череповецкий государственный университет; Череповецкое музейное объединение (Россия, Череповец). E-mail: natalikcher@mail.ru

Лукинцева Валерия Алексеевна — Череповецкий государственный университет (Россия, Череповец). E-mail: marskot7@mail.ru

Кулькова Марианна Алексеевна — к.г.-м.н., Российский государственный педагогический университет (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: kulkova@mail.ru

Гимранов Дмитрий Олегович — Институт экологии растений и животных УрО РАН; Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург). E-mail: djulfa250@rambler.ru

Григина Татьяна Станиславовна — Череповецкий государственный университет (Россия, Череповец). E-mail: tatianka.kos@mail.ru

Озеро Воже находится на севере Вологодской области, относится к бассейну Белого моря, регион вокруг него представляет огромную низину с большим количеством рек с медленным течением и озер. Природные условия способствовали формированию здесь торфяниковых памятников, сохранивших свидетельства рыболовства в эпоху каменного века. Рыболовный инвентарь представлен изделиями из кости, камня, коры и дерева.

К эпохе мезолита относятся памятники Погостище 14–15 на р. Модлоне. Изделия из кости включают рыболовные крючки, палочки с нарезками, гарпуны и зубчатые острия, инструменты для плетения сетей, проколки и шилья. Рыболовные крючки составляют 4 экз.: 2 целых крючка на Погостище 14 оформлены при помощи сверлины, с прямым стержнем и бородкой на острие, у двух обломков с Погостище 15 сверлина не прослеживается. Палочки с нарезками у обоих концов составляют 2 экз. Подобные изделия интерпретируют как стержни составных рыболовных крючков [Брюсов 1953, с. 36, 38; Ошибкина 1978, с. 120, 218], грузики [Жилин 2001, с. 121, 122] или жерлицы [Загорска 1991, с. 49]. Инструменты для плетения сетей, проколки и шилья составляют 3 экз. на Погостище 14 и 9 экз. на Погостище 15. Зубчатые острия или гарпуны составляют 10 экз. на Погостище 15, в т. ч. 3 целых зубчатых острия, остальные — обломки; среди них выделено три типа, преобладают однорядные редкозубчатые. Изделия из камня — грузила двух типов. На Погостище 14 найдено 7 небольших грузил из сланцевых галек с нарезками, небольшое

* Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РФФИ, грант № 18-49-350009 р_а «Рыболовный промысел в эпоху каменного века в бассейне озера Воже» (рук. Н. В. Косорукова).

грузило из кремня со следами обмотки и крупное грузило из обломка сланца со следами обмотки. На Погостище 15 встречены единичные массивные грузила со следами от привязывания. Изделия из коры представлены единичными поплавками для сетей или их фрагментами. На Погостище 14–15 найдено более 2 тысяч костей рыб. Палеозоологический анализ показал, что абсолютно преобладают кости щуки; единично представлены такие виды, как окунь, лещ, налим, линь, карповые.

К эпохе финального мезолита — раннего неолита относится памятник Каравайха 4 на р. Еломе. Изделия из кости включают те же категории рыболовного инвентаря. Зубчатые острия и гарпуны составляют 22 экз., в т. ч. 10 целых (5 зубчатых острий и 5 гарпунов) и 12 обломков. Данные орудия разнообразны по оформлению и размерам. Выделено 5 типов, разделенных на подтипы и варианты. Преобладают однорядные орудия с разреженными зубцами, также встречены частозубчатые, однозубчатые и один двухрядный гарпун. Рыболовные крючки составляют 12 экз., они похожи по способу изготовления, различаются по внешнему виду. Нижняя часть крючка оформлена при помощи сверлины, на острие у всех целых крючков имеется бородка, на верхнем конце — г-образный выступ или нарезки для привязывания. Костяные стержни или «палочки» с нарезками на обоих концах составляют 15 экз. Инструменты для плетения сетей, проколки и шилья наиболее многочисленны и составляют 29 экз. Изделия из камня — единичные массивные грузила. Поплавки из сосновой коры составляют 36 экз. Деревянные изделия включают две массивные колотушки с выделенной длинной и узкой рукояткой, деталь рыболовного снаряда под названием «кораблик», фрагменты плетеных корзин. Также на памятнике выявлены деревянные конструкции в виде столбов и большого количества горизонтально и наклонно лежащих нетолстых бревен, плах и т. п., располагавшиеся в древних ручьях-заливах. По-видимому, это были мосточки над ручьями-заливами и около них, с которых можно было заниматься рыболовством. На дне одной западины (от ручья-залива) выявлен свернутый забор-мат из длинных реек. Радиоуглеродные даты, полученные по рыболовным конструкциям, охватывают диапазон от 6252 до 5668 лет до н. э. Анализ дат позволяет выделить несколько этапов функционирования рыболовных сооружений, которые частично накладываются друг на друга. По-видимому, данные конструкции использовались в течение нескольких столетий и периодически подновлялись. Количество костей рыб составляет более 1 300 экз. Анализ показал абсолютное преобладание щуки, чаще встречен окунь, выявлены карповые, налим, карась, язь, линь, лещ.

К эпохе энеолита относится т.н. свайное поселение на р. Модлоне. По описанию А. Я. Брюсова, здесь имеется два культурных слоя, в нижнем находятся остатки свайного поселения [1953, с. 9–21]. К орудиям рыболовства из нижнего культурного слоя относятся 6 обломков крупных костяных гарпунов (или зубчатых острий?) с большими клювовидными зубцами или с одним зубцом, 6 костяных палочек с нарезками у обоих концов длиной до 10 см, проколки и шилья, 2 небольших обломка деревянных весел, остатки больших плетеных ловушек длиной до 1 м из прутьев и щепочек; из верхнего культурного слоя упомянут небольшой однозубчатый костяной гарпун и сланцевое грузило [Там же, с. 36–43]. Большой интерес представляет описание видов рыб, в числе которых названы щука, окунь, лещ, синец, плотва, карась, язь, елец, налим, сом, стерлядь [Там же 1953, с. 13]. Количественное соотношение видов рыб А. Я. Брюсовым не указано, но можно предположить, что в эпоху энеолита видовое разнообразие рыб увеличивается.

Библиографический список

- Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. 1953. № 20. С. 7–76.
- Жилин М. Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
- Загорска И. А. Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита – раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991. С. 39–64.
- Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.

N. V. KOSORUKOVA, V. A. LUKINTSEVA, M. A. KULKOVA, D. O. GIMRANOV, T. S. GRININA

THE DATA ABOUT THE STONE AGE FISHING IN THE VOZHE LAKE BASIN

The data about the Stone Age fishing practices in the Vozhe lake basin were obtained as a result of the peat-bog sites research. There were sites of the Mesolithic – Pogostishche 14–15, the final Mesolithic – early Neolithic – Karavaikha 4, and the Eneolithic – the pile dwelling settlement on the Modlona river. The fishing tools were represented by bone, stone, and wooden items. The bone tools assemblage consisted of the harpoons and various types of barbed items, the fishing hooks, sticks or rods with notches on both ends, and the netting tools. The stone items included the small net sinkers made from slate pebbles with grooves and a hole in the middle. There were wooden and bark items – the net floats and wicker baskets. The fishing structures made from wooden poles, a long fence-floormat made from long planks, and the accumulations of remains of trackways and gangways were identified and radiocarbon dated at Karavaikha 4 site. The determination of the fish species brought to light certain differences between the periods of the Mesolithic – early Neolithic and the Eneolithic.

Natalya V. Kosorukova – Candidate of Historical Sciences, Cherepovets State University; Cherepovets Museum Association (Russia, Cherepovets). E-mail: natalikcher@mail.ru

Valeriya A. Lukintseva – Cherepovets State University (Russia, Cherepovets). E-mail: marskot7@mail.ru

Marianna A. Kulkova – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Russian State Pedagogical University (Russia, Saint Petersburg). E-mail: kulkova@mail.ru

Dmitry O. Gimranov – Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS; Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg). E-mail: djulfa250@rambler.ru

Tatyana S. Grinina – Cherepovets State University (Russia, Cherepovets). E-mail: tatianka.kos@mail.ru

А. КРИЙСКА, К. НОРДКВИСТ, А. МАЦАНЕ

«АРКТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» В УМЕРЕННОМ ПОЯСЕ.**ОХОТНИКИ НА МОРСКОГО ЗВЕРЯ В ВОСТОЧНОЙ БАЛТИКЕ В КАМЕННОМ ВЕКЕ**

В каменном веке в Балтийском море обитало четыре вида морских млекопитающих (кольчатая нерпа, серый тюлень, гренландский тюлень и морская свинья), которые, начиная с VII тыс. до н. э., стали важным источником пищи для обитателей восточного региона Балтийского моря, на территории современных Латвии, Эстонии и Финляндии. Изначально приморская экономика сформировалась в прибрежных районах, откуда, в свою очередь, произошло заселение отдаленных от материка островов. На побережье охота на морского зверя в основном составляла лишь часть пропитания, но на островах, с появлением постоянного населения, это стало, вкупе с рыбалкой, основным источником пищи.

Крийска Айвар – PhD, Тартуский университет (Эстония, Тарту). E-mail: aivar.kriiska@ut.ee

Норджвист Керкко – PhD, Хельсинский университет (Финляндия, Хельсинки).

E-mail: kerkko.nordqvist@helsinki.fi

Мацане Айя – PhD candidate, Гетеборгский университет (Швеция, Гетеборг). E-mail: aija.macane@gu.se

Восточная Прибалтика, территория Латвии, Эстонии и Финляндии в конце палеолита и начале мезолита была населена охотниками-собираателями, привычной средой обитания для которых были берега внутренних водоемов [Kriiska et al. 2016, p. 34]. Несколько веков спустя после первого заселения произошли изменения в картине расселения. Побережье Балтийского моря в Финляндии было заселено примерно 8500 лет до н. э., а в Эстонии и Латвии более чем 1000 лет спустя [Kriiska et al. 2016, p. 29; Siiriäinen 1982, p. 18; Zagorska 2000; Kriiska 2001]. Заселение побережья стало, в свою очередь, началом для заселения отдаленных от материка островов в конце мезолита, примерно 6000–5000 лет до н. э., где вскоре сформировалось постоянное население [Kriiska 2001; Storå 2000, p. 57; Asplund 2008, p. 53–55].

Эти процессы соотносятся со временем существования Литоринового моря, фаза Балтики, которое было более соленым, чем современное, что создавало хорошие условия для увеличения всей биомассы. Это, в свою очередь, создавало благоприятные условия для формирования и роста популяций морских млекопитающих. В каменном веке в Балтийском море проживало четыре вида млекопитающих: кольчатая нерпа, серый тюлень, гренландский тюлень и морская свинья [Ukkonen, Mannermaa 2017, p. 91–99].

Человек занял новую экологическую нишу. Охота на тюленей началась на Балтийском море примерно 8000 лет до н.э. На сегодняшний день древнейшая кость тюленя, происходящая из археологического контекста, известна на Карельском перешейке России и датируется примерно 7800 лет до н. э. [Takala 2004, p. 154]. В Эстонии, по данным изотопов, охота на тюленей, возможно, началась даже чуть раньше [Lõugas et al. 1996, p. 414]. Примерно с 7000 лет до н. э. охота на тюленей стала важным источником пищи в прибрежных зонах Балтики [Siiriäinen 1982, p. 18; Kriiska 2001; Kriiska, Lõugas 2009, p. 170–173].

Материковым прибрежным зонам в каменном веке была свойственна разнообразная промысловая экономика. Практически на всех поселениях позднего мезолита и неолита, где проводились раскопки, наряду с лесными животными имеются кости морских млекопитающих, которые порой образуют даже основную часть остеологического материала [Siiriäinen 1982, p. 18, 19; Zagorska 2000; Lõugas 1997]. Тем не менее, морской промысел на побережье оставался для человека каменного века по большей части только сезонной деятельностью. Найденные кости животных, результаты исследований липидов в нагаре с керамики, показатели стабильных изотопов из человеческих костей каменного века указывают на то, что в рационе этих людей присутствуют сухопутные животные и пресноводная рыба [Lõugas et al. 1996; Lõugas 1997; Pääkkönen et al. 2016; Tõrv 2016, p. 165, 166, 177; Oras et al. 2017]. Вместе с тем, на островах мясо морских млекопитающих было важной частью питания, и это хорошо заметно как по видовому распределению найденных костей животных, так и по стабильным изотопам углерода и азота из костей островных людей каменного века, которые четко отличаются от показателей людей с побережья и из глубины материка [Lõugas et al. 1996; Storå 2000, p. 57; Tõrv 2016, p. 165, 166].

Очевидно, что на тюленей охотились разными способами, в том числе и при помощи костяных гарпунов. Из задокументированных в историческую эпоху способов охоты на

тюленя [Ylimaunu 2000; Kalits 2006, p. 98–100] к каменному веку могут восходить: охота на детенышей тюленя с помощью дубинки, заманивание самки с помощью связанного детеныша, а также засада у «дыхательных» лунок и полыней в неподвижных льдах, охота сетями.

Библиографический список

- Asplund H. Kymittä. Sites, Centrality and Long-term Settlement Change in the Kemiönsaari Region in SW Finland. Turku, 2008.
- Kalits V. Kihnlaste elatusalad XIX sajandi keskpaigast XX sajandi keskpaigani. Kihnu, 2006.
- Kriiska A. Stone Age Settlement and Economic Processes in the Estonian Coastal Area and Islands. Helsinki, 2001.
- Kriiska A., Lõugas L. Stone Age settlement sites on an environmentally sensitive coastal area along the lower reaches of the River Pärnu (south-western Estonia), as indicators of changing settlement patterns, technologies and economies // *Mesolithic Horizons*. Oxford-Oakville, 2009. P. 167–175.
- Kriiska A., Rostedt T., Jussila T. The development of Early Mesolithic social networks during the settlement of virgin lands in the eastern Baltic Sea region – Interpreted through comparison of two sites in Finland // *Comparative Perspectives on Past Colonisation, Maritime Interaction and Cultural Integration*. South Yorkshire, 2016. P. 19–40.
- Lõugas L., Lidén K., Nelson D. E. Resource utilization along the Estonian coast during the Stone Age // *Coastal Estonia. Recent Advances in Environmental and Cultural History*. Rixensart, 1996. P. 399–420.
- Lõugas L. Post-Glacial Development of Vertebrate Fauna in Estonian Water Bodies: A Palaeozoological Study. Tartu, 1997.
- Oras E., Lucquin A., Lõugas L., Tõrv M., Kriiska A., Craig O. E. The adoption of pottery by north-east European hunter-gatherers: Evidence from lipid residue analysis // *Journal of Archaeological Science*. 2017. Vol. 78. P. 112–119.
- Pääkkönen M., Bläuer A., Evershed R. P., Asplund H. Reconstructing food procurement and processing in Early Comb Ware period through organic residues in Early Comb and Jäkärälä Ware pottery // *Fennoscandia archaeologica*. 2016. Vol. 33. P. 57–75.
- Siiriäinen A. Recent studies on the Stone Age economy in Finland // *Fennoscandia Antiqua*. 1982. Vol. 1. P. 17–26.
- Storå J. Sealing and animal husbandry in the Ålandic Middle and Late Neolithic // *Fennoscandia archaeologica*. 2000. Vol. 16. P. 57–81.
- Takala H. The Ristola Site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland. Lahti, 2004.
- Tõrv M. Persistent Practices. A Multi-disciplinary Study of Hunter-gatherer Mortuary Remains from c. 6500–2600 cal. BC, Estonia. Tartu, 2016.
- Ukkonen P., Mannermaa K. Jääkauden jälkeläiset. Suomen lintujen ja nisäkkäiden varhainen historia. Helsinki, 2017.
- Ylimaunu J. Itämeren hylkeenpyyntikulttuurit ja ihminen-hylje-suhde. Helsinki, 2000.
- Zagorska I. Sea mammal hunting strategy in Eastern Baltic // *Lietuvos Archeologija*. 2000. Vol. 19. P. 275–285.

A. KRIISKA, K. NORDQVIST, A. MACANE

“ARCTIC WAY OF LIFE” IN THE TEMPERATE CLIMATE ZONE. STONE AGE SEA MAMMALS’ HUNTERS OF THE EASTERN BALTICS

During the Stone Age, four species of marine mammals (ringed seal, gray seal, harp seal, and porpoise) lived in the Baltic Sea. Starting from the 7th millennium BC, they became an important source of nutrition for the inhabitants of the eastern Baltic Sea region, i. e. modern-day Latvia, Estonia, and Finland. Initially, marine economy was formed in the coastal mainland regions only. Later, these areas formed the basis for the settlement movements inhabiting the offshore islands. On the mainland coast, hunting for marine mammals constituted only a part of the livelihood, but on the islands, with the advent of permanent population, it became, together with fishing, the main source of subsistence.

Aivar Kriiska – PhD, University of Tartu (Estonia, Tartu). E-mail: aivar.kriiska@ut.ee

Kerkko Nordqvist – PhD, University of Helsinki (Finland, Helsinki). E-mail: kerkko.nordqvist@helsinki.fi

Aija Macane – PhD candidate in archaeology, University of Gothenburg (Sweden, Gothenburg).
E-mail: aija.macane@gu.se

Д. Н. ЛОХОВ, С. П. ДУДАРЁК

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ КАМЕННЫХ СКРЕБКОВ МНОГОСЛОЙНОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ УСТЬ-ЁДАРМА II (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)*

Анализируются результаты технико-типологического анализа каменных скребков из отложений голоценового времени многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II (зона затопления Богучанской ГЭС, Северное Приангарье). По морфологическим признакам выявлено 147 скребков. Весь массив орудий распределен на группы по определенному набору признаков: характеру заготовки, метрическим показателям, степени распространения лезвия по периметру заготовки, расположению лезвия относительно оси заготовки, форме лезвия. Учитывались формы изделий, угол заострения рабочего лезвия, высота и тип ретуши, которыми оформлено лезвие, угол дуги лезвия, угол конвергенции двух лезвий. Пролонгация работы предполагает проведение планиграфического, трасологического анализов, а также серии экспериментов.

Лохов Дмитрий Николаевич – Иркутский государственный университет (Россия, Иркутск).
E-mail: bisaagan@yandex.ru

Дударёк Сергей Павлович – Иркутский государственный университет (Россия, Иркутск).
E-mail: dudareks@mail.ru

Целью работы является технико-типологический анализ скребков одного из опорных археологических местонахождений Северного Приангарья – Усть-Ёдарма II, располагавшегося на правом приустьевом участке р. Ёдармы при ее впадении в р. Ангару и ныне затопленное водами Богучанского водохранилища. Здесь, в толще субаэральных отложений деловиального генезиса, отмечено 12 уровней ископаемой культуры, содержащих археологические материалы от эпохи палеолита до времени современного бытования одноименной деревни (1980-е гг.).

В культуросодержащих горизонтах голоценового времени (0–10 уровни) выявлено 147 орудий, по морфологическим признакам отнесенных к скребкам. Задачи этой работы предполагают распределение всего массива скребков на группы, соответствующие определенному набору признаков: характеру заготовки, метрическим параметрам, степени распространения рабочего лезвия по периметру заготовки, расположению рабочего лезвия относительно оси заготовки, форме лезвия. На первом этапе работы производилась классификация скребков, главной целью которой стало выявление групп орудий, форма которых имеет устойчивые признаки и находится в зависимости от параметров заготовки.

По характеру заготовки можно выделить 2 группы скребков: 1) на пластинах и пластинчатых сколах; 2) на отщепах. Следует отметить, что у ряда скребков ввиду фрагментарности иногда трудно определить с достоверностью характер заготовки, а также

* Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 074-02-2018-334 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров».

присутствуют промежуточные формы, отнесение которых к одной из групп является субъективным. Таким образом, к первой группе относится 91 орудие (61,9 % от общего числа), ко второй — 56 единиц (38,1 %). Внутри обеих групп разделение происходило также в соответствии с размерами корпуса скребка (максимальная длина) на мелкие (до 3 см), средние (3–5 см) и крупные (более 5 см).

Скребки первой группы в зависимости от расположения рабочего лезвия можно подразделить на 4 подгруппы: на конце (I), на конце и на одном из продольных краев (II), на продольном краю (III), по большей части или по всему периметру (IV).

Подгруппа I — концевые скребки (75 экз.) — по форме лезвия может подразделяться на 4 варианта: выпуклые (1); скошенные, когда угол смещения от оси орудия более 30° (2); прямые (3); слегка вогнутые (4). Подгруппа III — боковые скребки (16 экз.) — имеет 2 варианта форм лезвий: прямое (1) и выпуклое (2). В остальных подгруппах допустимо некоторое сочетание представленных вариантов форм лезвий.

Группа скребков, подготовленных на отщепах, подразделена на две подгруппы: овальные или круглые (I) и аморфные (II), включающие в себя подтреугольные, подчетырехугольные формы. По расположению рабочего лезвия относительно центральной оси заготовки скребки разделяются на 3 варианта: на конце заготовки (1), по одному краю (2) и по всему периметру отщепа (3). По форме лезвия выделяются две вариации скребков: выпуклые (а) и прямые (б).

В анализируемый массив помимо скребков с одним лезвием вошли также комбинированные формы, имеющие два скребок-лезвия (двойные), располагающиеся, как правило, на концах пластинчатых заготовок, а также скребки, комбинированные с орудиями других категорий. Комбинированные орудия, также как и фрагментированные, были подвергнуты общей для всех скребков классификации. Они представлены, как правило, в следующих комбинациях: скребок-скобель, скребок-резец.

Учитывались следующие техно-морфологические характеристики орудий: форма скребка; метрические показатели орудия (длина, толщина, ширина, диаметр), угол заострения рабочего лезвия (очень острый — до 25°, острый или пологий — 26–50°, средний — 51–75°, крутой — 76–85°, прямой — >86°); высота и тип ретуши, которой было подготовлено или подправлено лезвие скребка; угол дуги лезвия; угол конвергенции двух лезвий.

В результате выявлено значительное число орудий с хорошо выраженными следами работы. Наиболее распространенными следами использования являются истирание (залощенность), зазубренность и выщербленность лезвия. Выделяется группа скребков с сильно смятым, ступенчатым, как бы «карнизом», лезвием. Предполагается, что такой «карниз» может образовываться в результате неоднократной подправки рабочего лезвия, когда фасетки подправки обламываются, формируя ступенчатую ретушь на кромке рабочего конца, что, в свою очередь, говорит об интенсивном изнашивании рабочего лезвия скребка [Сидоров 1973, с. 229; Александрова 2012, с. 159].

Также стоит отметить скребки со скошенным, как правило, вправо лезвием. Подобная сработанность, по мнению С. А. Семенова, происходила из-за регулярной вторичной подправки лезвия скребка в процессе работы. Это указывает на то, что скребок размещался в правой руке [1957, с. 109].

Функциональное назначение исследованной группы орудий можно будет в какой-то мере определить по результатам трасологического и планиграфического анализов, особую

роль будет играть проведение экспериментов. Не стоит забывать и тот факт, что наряду с «классическими» скребками в качестве этих инструментов могли выступать изделия и сколы, морфология которых существенно отличается от скребковой: листовидные бифасы, сработанные варианты нуклеусов, лыжевидные сколы, пластины и отщепы со следами вторичной отделки и без них. Все это требует пристального внимания к остальным категориям каменных артефактов, зафиксированных на местонахождении Усть-Ёдарма II.

Библиографический список

- Александрова О. И. Функциональный анализ скребков (по материалам верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II) // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 156–166.
Семенов С. А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л., 1957 (МИА. № 54).
Сидоров В. В. К вопросу о функциях скребков // СА. 1973. № 3. С. 228–232.

D. N. LOKHOV, S. P. DUDARYOK

AN ATTEMPT OF CLASSIFICATION OF STONE SCRAPERS FROM THE MULTILAYER SITE UST-EDARMA II (NORTH ANGARA REGION)

The paper presents the outcomes of the technical and the typological analysis of stone scrapers from the Holocene deposits of a multi-layer site Ust-Edarma II (the flooding zone of the Boguchan power plant, North Angara region). 147 scrapers were identified by their morphological attributes. The whole of the tools assemblage was divided into groups by a certain set of attributes: the blank type, the dimensions, the length of the working edge along the blank's perimeter, the position of the working edge with respect to the blank's axis, and the shape of the working edge. The factors, which were also taken into account, included the shape of the tools, the sharpening angle of the working edge, the height and the type of the working edge retouch, the angle of the working edge arc, and the two working edges convergence angle. The next stage of the project will include the performance of the spatial and use-wear analysis, as well as a series of experiments.

Dmitry N. Lokhov – Irkutsk State University (Russia, Irkutsk). E-mail: bisaagan@yandex.ru

Sergey P. Dudaryok – Irkutsk State University (Russia, Irkutsk). E-mail: dudareks@mail.ru

Е. Л. ЛЫЧАГИНА

НЕОЛИТИЗАЦИЯ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

Анализируются изменения, которые произошли в регионе при переходе от мезолита к неолиту. К ведущим элементам «неолитического пакета» относятся: появление керамики, новые способы обработки камня, появление долговременных жилищ и общеплеменных святилищ. Делается вывод, что формирование полного «неолитического пакета» заняло достаточно продолжительное время. В качестве переходной эпохи может рассматриваться поздний мезолит — ранний неолит региона. Применение методов статистического анализа показало наличие сходств между позднемезолитическими и ранненеолитическими памятниками по таким показателям, как высота расположения над уровнем водоема, площадь и мощность культурного слоя. Формирование полного «неолитического пакета», характерного для лесной зоны, относится к развитому неолиту, когда происходят серьезные изменения в обработке камня, приемах домостроительства и мировоззрении.

Лычагина Евгения Леонидовна — к.и.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь). E-mail: LychaginaE@mail.ru

Основными составляющими «неолитического пакета» в лесной полосе являются: появление посуды из глины, развитие новых способов обработки камня, распространение домов-полуземлянок, переход к оседлости за счет развития высокоинтенсивного рыболовства и охоты, изменение мировоззрения [Лычагина 2014, с. 64].

Появлением посуды из глины, маркируется ранний неолит и начальный этап процесса неолитизации. На территории Верхнего и Среднего Прикамья самая ранняя слабо- и неорнаментированная керамика датируется серединой VII тыс. до н. э. Ранняя керамика с гребенчатым орнаментом, относимая к камской культуре, датируется второй половиной VI тыс. до н. э. Такой хронологический разрыв свидетельствует о том, что процесс распространения навыков изготовления посуды из глины в среде местного позднемезолитического населения занял достаточно долгое время и, возможно, не сразу оказался востребованным у коллективов, ведущих подвижный образ жизни.

Анализ каменного инвентаря ранне-неолитических памятников выявил его двойственность: с одной стороны, сохраняется присущая для мезолита пластинчатость и микролитизация, с другой стороны, появляются шлифованные орудия и орудия с бифасиальной обработкой. Это в одинаковой степени характерно как для памятников камской культуры (Мокино, Усть-Букорок), так и волго-камской (Лёвшино, Чашкинское Озеро VIII).

При переходе к развитому неолиту фиксируется увеличение средних размеров орудий. В частности, фиксируется увеличение орудий на средних пластинах, шириной (1–1,5 см) и отщепях, размером 3–5 см. Возрастает количество орудий с двусторонней обработкой. На ряде памятников хуторского этапа камской культуры они составляют 24–31 % от всего количества орудий. Таким образом, только в развитом неолите можно говорить о широком освоении новых приемов обработки камня.

Анализ жилищ показал, что долговременные сооружения большой площади с хозяйственными ямами и очагами характерны только для хуторского и, частично, лёвшинского этапов камской культуры. Мощность культурного слоя и количество находок в них свидетельствуют об интенсивной эксплуатации таких сооружений. Таким образом, появление жилищ хуторского типа может свидетельствовать о переходе населения к оседлому образу жизни.

При проведении иерархического кластерного анализа неолитических памятников по таким показателям как высота расположения над уровнем водоема, площадь и мощность культурного слоя, ранне-неолитические памятники выделились в отдельную группу. Для них характерно высокое расположение над уровнем воды (более 10 м) и незначительная площадь (от 300 кв. м до 3 000 кв. м). В то время как памятники последующих этапов располагались значительно ближе к воде (от 2 до 8 м), а их площадь достигала 11 000 кв. м [Демаков 2018а, с. 108].

При проведении дискриминантного анализа мезолитических и неолитических памятников по тем же показателям выяснилось, что большинство ранне-неолитических памятников несет в себе мезолитические черты [Демаков 2018б, с. 31].

Анализ хозяйственных занятий населения показал наличие у них разнообразных форм охоты и рыболовства при отсутствии свидетельств появления элементов производящего хозяйства. При этом можно полагать, что роль рыболовства со временем, возрастала.

Об изменении мировоззрения свидетельствует появление межплеменных святилищ, примером которых является Камень Писанный на р. Вишера. Памятник представляет собой высокую скалу с рисунками, нанесенными красной охрой.

Из сохранившихся изображений выделяется 9 основных композиций. По мнению исследователей, эти композиции разновременные, хотя большая часть и относится к неолиту — энеолиту. Так, безусловно, ранними можно считать изображения лосей и простейших солярных знаков в виде кругов и спиралей [Мельничук, Изосимов, Чурилов 2001, с. 51].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы: начало процесса неолитизации фиксируется по появлению ранней керамики в середине VII тыс. до н. э. Одновременно с этим происходит изменение расположения мезолитических памятников. Если на развитом (огурдинском) этапе они располагались на высоких надпойменных террасах, то в позднем мезолите они перемещаются в поймы, на низкие террасы на берегах старичных озер и небольших рек, впадающих в р. Каму. Наряду с появлением жилищных сооружений площадью до 45 кв. м это свидетельствует о начале перехода к частичной оседлости и развитию таких форм хозяйственных занятий как рыболовство и охота на водоплавающую птицу. Стоит также отметить, что ранне-неолитические памятники камской культуры располагались в тех же местах, что и поздне-мезолитические. Постепенный переход к оседлому образу жизни сделал востребованным в среде местного населения такое изобретение как керамика. Однако формирование полного «неолитического пакета», характерного для лесной зоны, как и переход к оседлости, фиксируется только в развитом неолите, когда происходят серьезные изменения в обработке камня, приемах домостроительства и мировоззрении.

Библиографический список

- Лычагина Е. Л. К вопросу о правомерности выделения неолита в лесной зоне (на примере неолита Прикамья) // Российский археологический ежегодник. СПб., 2014. № 4. С. 111–121.
- Демаков Д. А. Топографические особенности памятников эпохи неолита Пермского края: попытка статистического анализа // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии: материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых. СПб., 2018а. С. 107–112.
- Демаков Д. А. Топографические особенности памятников эпохи мезолита и неолита в Верхнем и Среднем Прикамье: попытка дискриминантного анализа // XXI Урал. археол. совещ.: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара, 2018б. С. 30–32.
- Мельничук А. Ф., Изосимов Д. А., Чурилов Э. В. Новейшие исследования жертвенного места у наскальных изображений Камня Писаного на реке Вишере // XV Урал. археол. совещ.: тезисы междунар. науч. конф. Оренбург, 2001. С. 51.

E. L. LYCHAGINA

NEOLITHIZATION OF THE UPPER AND THE MIDDLE KAMA REGION. MAIN FEATURES

The changes in the region during the transition from the Mesolithic to the Neolithic are analyzed. The key elements of the “Neolithic package” included: the appearance of ceramics, the new methods of stone working, the appearance of long-term dwellings and the tribal sacred places. The author made a conclusion that the formation of the full “Neolithic package” took a sufficiently long time. The late Mesolithic – early Neolithic may be considered as a transition period in the region. The use of statistical analysis methods demonstrated the existence of similarities between the late Mesolithic and the early Neolithic sites in terms of the height of location above the water level, the area and the thickness of the cultural layer. The formation of the full “Neolithic package” characteristic for the forest zone referred to the mature Neolithic associated with the serious changes in the stone working techniques, the housebuilding practices, and the world views.

Evgenia L. Lychagina — Candidate of Historical Sciences, Perm State Humanitarian-Pedagogical University (Russia, Perm). E-mail: LychaginaE@mail.ru

А. Г. МАРОЧКИН

**О ДВУХ ПОГРЕБАЛЬНО-ОБРЯДОВЫХ ПРОВИНЦИЯХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ПЕРИОДЫ НЕОЛИТА — ЭНЕОЛИТА — РАННЕЙ БРОНЗЫ***

На материалах позднего неолита Верхнего Приобья выявлена закономерность территориальной приуроченности игрековских захоронений-кремаций к лесной зоне, а могильников автохтонного кипринско-ирбинско-новокусковского культурного массива с захоронениями по способу ингумации к лесостепным пространствам. В предполагаемой зоне их контакта на кромке леса и лесостепи зафиксированы биритуальные погребения. Выявленная для верхнеобского неолита зависимость *лес — кремация / лесостепь — ингумация* подтверждается материалами синхронных и более поздних комплексов остальных районов Западной Сибири. Для обеих обрядовых парадигм характерна трансэпохальность (неолит — энеолит — ранняя бронза) при явной ландшафтно-территориальной дифференциации. Это позволяет выделить I-ю погребально-обрядовую провинцию (преобладание практики ингумации в вытянутом положении на спине в лесостепной зоне) и II-ю погребально-обрядовую провинцию (преобладание практики кремации на стороне в таежной зоне).

Марочкин Алексей Геннадьевич — к.и.н., Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты СО РАН; Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово). E-mail: comcon@yandex.ru

1. В историографии неолита — ранней бронзы Западной Сибири соотношение захоронений по способу ингумации и кремации до недавнего времени рассматривалось преимущественно в аспекте эпохальной динамики погребального обряда. Возникновение и развитие такого подхода во многом определено опытом культурно-хронологической интерпретации ранних могильников Верхнего Приобья (полемика М. Н. Комаровой и В. Н. Чернецова, М. Ф. Косарева и В. И. Матющенко, идеи В. И. Молодина, Ю. Ф. Кирюшина, А. И. Петрова, В. А. Заха, В. В. Боброва). Возобладавшие к началу 2000-х гг. представления созвучны идее М. Ф. Косарева о «глубинных проявлениях энеолитической эпохи» в Западной Сибири [1993, с. 66], к которым была отнесена и погребальная практика кремации на стороне [Зах 2003].

На современном уровне знаний можно уверенно говорить, что в позднем неолите Верхнего Приобья (вторая половина V — начало IV тыс. до н. э.) кремация сначала отражает специфику погребальной практики пришлого северного (лесного) игрековского населения, а затем становится маркером культурных заимствований у игрековцев носителями автохтонной кипринско-ирбинско-новокусковской культурной традиции. Ареной их взаимодействия выступала зона контакта леса и лесостепи.

Выявленную для верхнеобского неолита зависимость *лес-кремация / лесостепь-ингумация* можно проверить на материалах синхронных комплексов из других районов Западной Сибири. Отдельный интерес представляет проверка этой зависимости при помощи анализа более поздних захоронений.

2. Трансэпохальность практики ингумации для лесостепного Приобья подтверждается «неолитиоидными» чертами древнейших могильников эпохи палеометалла (Почта 1 и Новоалтайск-Развилка). Неолитические признаки в обряде (помимо инвентаря) демонстрируют около трети захоронений елунинской культуры начала развитой бронзы [Кирюшин

* Работа выполнена в рамках государственного задания Кемеровского государственного университета № 33.2597.2017/ПЧ (2017–2019 гг.).

2002, с. 67–73]. Очевидно сохранение «неолитической» традиции ингумаций в вытянутом положении на спине в захоронениях каракольской культуры развитой бронзы Горного Алтая [Молодин 2006].

Схожая ситуация наблюдается западнее, в Барабинской лесостепи. Захоронения развитого неолита из этого региона (могильники Сопка 2/1, Корчуган) типологически близки бескерамическим ингумациям неолита лесостепного Приобья. Барабинские могильники периода раннего металла (Сопка 2/2, Сопка 2/3, Сопка 2/3А, Крючное, Тартас 1, Преображенка 6, Гришкина заимка) демонстрируют принципиальную идентичность преобладающих ингумаций в вытянутом положении на спине с местными неолитическими захоронениями. Устойчивость этого «неолитического» канона в Барабе и Обь-Иртышском междуречье хронологически простирается до начала андроновского времени и находит отражение в погребальных комплексах одиновской культуры ранней бронзы и кротовской культуры развитой бронзы [Молодин 2012, с. 189].

3. Поздненеолитические захоронения-кремации севера Верхнего Приобья находят близкие аналогии в ряде энеолитических могильников таежной зоны Западной Сибири (Лева VIII, погребение на городище Большая Умытья 36, Ясунское погребение, могильник Лов-санг-Хум, Барсовский II могильник) [Кокшаров 2009, с. 159, 160]. Подобная картина наблюдается и в лесных районах Тюменского Притоболья, где на грунтовых могильниках начала IV тыс. до н. э. (Большое Андреевское озеро, Бузан 3 и Чепкуль 21) зафиксированы трупосождения на стороне [Зах, Скочина, Пархимович 2006, с. 24–41].

Верхняя хронологическая граница традиционного существования практики погребальной кремации в лесной зоне Западной Сибири достоверно не известна, однако ее можно с уверенностью доводить до периода ранней — начала развитой бронзы (Степановский могильник).

4. Таким образом, начиная с неолита и до ранней бронзы включительно, в лесостепной и лесной зонах Западной Сибири получили развитие две парадигмы погребального обряда. Зафиксировать их территориально-ландшафтную дифференциацию можно выделением двух обрядовых провинций.

Первая парадигма связана с традицией грунтовых ингумаций, с доминирующим размещением костяков в вытянутом положении на спине. Маркирующие ее погребальные комплексы территориально связаны с южными лесостепными районами Западной Сибири и формируют I-ю погребально-обрядовую провинцию.

Вторая парадигма характеризуется практикой грунтовых захоронений с предварительной кремацией останков на стороне. Индикатором данной парадигмы выступают комплексы позднего неолита-энеолита и ранней бронзы лесной и таежной зоны Западной Сибири, территориально представляющие II-ю погребально-обрядовую провинцию.

Предложенные выводы согласуются с наблюдениями о генеральной тенденции тяготения к северным регионам Евразии захоронений по способу вытянуто на спине, в то время, как более южные регионы характеризуются «скорченными» ингумациями [Шорин 1999, с. 45–47]. По всей видимости, в неолите — энеолите и ранней бронзе Западной Сибири первая из рассмотренных глобальных общностей представлена погребальными комплексами лесостепной зоны и, может быть, могильниками южных районов лесной полосы.

Библиографический список

- Зах В. А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень, 2003.
- Зах В. А., Скочина С. Н., Пархимович С. Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 24–41.
- Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2009.
- Косарев М. Ф. Из древней истории Западной Сибири [эпоха палеометалла — железный век]: общая историко-культурная концепция. М., 1993. (Российский этнограф. Вып. 4.).
- Молодин В. И. Каракольская культура // Окуневский сборник: культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 273–282.
- Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск, 2012. Т. 3.
- Шорин А. Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культуригенеза. Екатеринбург, 1999.

A. G. MAROCHKIN

ON TWO FUNERAL-RITUAL PROVINCES IN WESTERN SIBERIA DURING THE NEOLITHIC — THE ENEOLITHIC — THE EARLY BRONZE AGE

Studying the materials of the late Neolithic of the Upper Ob region the author revealed a pattern demonstrating that the Igrekovsky cremation-burials were spread in the forest zone, and the burial sites of the autochthonous Kiprinsky-Irbinski-Novokuskovski cultural array with the inhumation interments — in the forest-steppe areas. The interments of the presumed zone of their contact at the edge of the forest and the forest-steppe were mostly bi-ritual. The apparent Upper Ob Neolithic correlation *forest – cremation / forest-steppe – inhumation* was confirmed by the materials of the synchronous and later complexes of the other regions of Western Siberia. Both of the funeral paradigms could be characterized as the cross-period ones (the Neolithic — the Eneolithic — the early Bronze Age), and, at the same time, demonstrating obvious landscape and territorial differentiation. This allowed distinguishing the 1st funeral rite province (the domination of the practice of inhumation in supine position in the forest-steppe zone), and the 2nd funeral rite province (the domination of the practice of cremation aside from the burial in the taiga zone).

Alexey G. Marochkin — Candidate of Historical Sciences, Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the RAS; Kemerovo State University (Russia, Kemerovo). E-mail: comcon@yandex.ru

В. Е. МЕДВЕДЕВ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА В АМУРО-УССУРИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Открыты сотни памятников, на многих проведены раскопки, изучены десятки жилищ. Выделены 5 культур неолита, от начального до позднего. Изучены 4 культовых центра. В исследованиях широко применяются междисциплинарные методы; участие принимали международные экспедиции. Основные проблемы связаны с интерпретацией и хронологией отдельных культур. В некоторых публикациях заметно омоложена малышевская культура. В них говорится о «новой задаче» установления «долгосрочной хронологии» эпох неолита — палеометалла в Нижнем Приамурье, хотя шкала хронологии создана в ИИФФ СО АН СССР / ИАЭТ СО РАН в 1970-е гг. — начале XXI в. и успешно функционирует в наши дни. В перспективе необходимо сосредоточить внимание на проблеме феномена осиповской культуры возрастом XII–IX тыс. до н. э. с древнейшей керамикой. В юго-западной части региона неизвестны пока памятники финального неолита, причины этого следует установить.

Медведев Виталий Егорович — д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

В истории исследований неолита Амуро-Уссурийского региона (Нижнего Приамурья) основополагающими являются последние три десятилетия XX и начала XXI в. Открыты сотни памятников, на многих проведены раскопки. Важнейшие — многослойное пос. Гася и пос. Остров Сучу, изучены десятки жилищ, в т.ч. оснащенные уникальнейшей для неолита системой отопления — древесно-глиняным каном и спальными ямами. Исследованные объекты обеспечены данными стратиграфии, планиграфии, радиоуглеродными датами. Изучены материалы раскопок поселений Вознесенское, Калиновка, Иннокентьевка, Петропавловка-Остров, Малышево-1, Амурский Санаторий, Госян, Казакевичево, Шереметьево-1 и др. Массовые вещественные источники — сотни тысяч артефактов из камня и терракоты, включая многочисленные целые сосуды, предметы искусства, культура [Медведев, Филатова 2014, с. 30–146]. К выделенным сначала трем культурам: малышевская (раннего и среднего этапа), кондонская (раннего и среднего) и вознесенская (позднего) [Окладников, Деревянко 1973, с. 109–121] позже добавились осиповская (начальный этап) с древнейшей керамикой (свыше 13 тыс. л. н.) и мариинская (ранний) культуры [Медведев 2005а, с. 234–235]. На ЮЗ региона выделен петропавловский культурно-хронологический тип. Открыты и изучены 4 культовых центра с ритуально-обрядовыми реалиями, свидетельствующими о контактах населения Приамурья с обитателями северо- и южно-тихоокеанских побережий. Особой яркостью наделены различные полиэконические и гибридные антропологические скульптурные изображения из камня и терракоты [Медведев 2005б, с. 43–60].

Значительное место в исследованиях занимают междисциплинарные методы [Медведев, Филатова 2017; Medvedev, Tsetlin 2013]. Важные результаты получены в ходе совместных российско-корейских работ, проведенных в начале нынешнего века ИАЭТ СО РАН и Государственным институтом культурного наследия РК [Деревянко и др. 2003].

Основные проблемы, касающиеся амурского неолитоведения, связаны с интерпретацией и хронологией некоторых культур. Суть проблем, в частности, отражена в недавней статье японского археолога М. Фукуды, участника раскопок на Амуре. Он показывает мариинскую культуру только в приустьевой зоне Амура, хотя ее памятники известны

почти по всей его нижней части. Нами выделено около 10 памятников с мариинскими материалами. В то же время, этот исследователь на основе одного памятника (Ямихта) выделяет «ямихтинскую культуру» [Фукуда 2017, с. 101, 104]. Вероятность существования указанной «культуры», а точнее единственного памятника (скорее всего, осиповского позднелокального), заслуживает отдельного обсуждения. Впрочем, дискуссией в данном случае это будет трудно назвать, поскольку по какой-то причине названным автором допущены очевидные неточности: мариинская культура поставлена в один ряд с кондонской в средний неолит, хотя первая своим содержанием не вызывает сомнений в самостоятельности, к тому же заметно старше второй, соответственно VIII–VII тыс. до н. э. и середина VII — первой половины V тыс. до н. э.

При этом мариинская культура помещена в приустьевую зону Амура, однако она, как уже сказано, охватывает почти все Нижнее Приамурье, включая Приуссурье, а «ямихтинская культура» с одним памятником почему-то определена в юго-западной части Амура, там, где расположены практически все памятники осиповской культуры. Памятник Ямихта отнесен в ранний неолит, а мариинские материалы с поселения Сучу аналогичного возраста — в средний его этап [Фукуда 2017, с. 102]. Заметно омоложенной показана мальшевская культура на основе небольших раскопок памятника Малая Гавань на СВ нижнего Амура, в то время как долговременные исследования более ранних поселений этой культуры, проведенные на ЮЗ Нижнего Приамурья [Медведев 2005а, с. 250; Медведев, Филатова 2014, с. 11], не учтены или их роль принижается.

Есть и другие несоответствия в рассматриваемой статье. В ней говорится: «Новая задача, вставшая перед авторами исследования, — установление долгосрочной, цельной хронологии эпох неолита — палеометалла в Нижнем Приамурье» [Фукуда 2017, с. 100]. Авторы — это участники российско-японской экспедиции (с российской стороны — специалисты Хабаровска, в основном из краевого музея). Совместные исследования на международном уровне, конечно, приветствуются. Но вот объявленная «новая задача» вызывает недоумение. Известно, что Шкала периода неолита и раннего металла Приамурья создана в 1970-е гг. — начале XXI в. в ИИФФ СО АН СССР / ИАЭТ СО РАН и успешно функционирует в наши дни. Участники российско-японской экспедиции по своим дополнительным материалам лишь частично скорректировали шкалу (в основном по среднему неолиту) и выделили на участках, прилегающих к Татарскому проливу, копшинскую культуру финального неолита [Фукуда 2017, с. 102].

Трудно сказать, почему не учтено или неверно интерпретировано в анализируемом издании Фукуды М., а также в некоторых других публикациях его коллег по рассматриваемой теме [см.: Шевкомуд, Кузьмин 2009, с. 21–23, 26, 27] то, что уже сделано до них. Возможно, сказалась некая изолированность специалистов совместной экспедиции.

В перспективе необходимо сосредоточить внимание на феномене осиповской культуры возрастом XII–IX тыс. до н. э. с древнейшей керамикой, уточнить ее ареал, взаимодействие с другими синхронными культурами соседних областей. Должна быть более четкой хронология среднего неолита с учетом его локальных особенностей. Почти нет данных по погребальной обрядности в новом каменном веке в регионе. Неизвестны пока в юго-западной части Нижнего Приамурья памятники финального неолита, отмеченные на его СВ. Они либо не найдены, либо процесс формирования культур за гранью позднего неолита в указанных частях ареала проходил по разному сценарию.

Библиографический список

- Деревянко А. П., Чо Ю-Чжон, Медведев В. Е., Шин Чан-Су, Хон Хён-У, Краминцев В. А., Медведева О. С., Филатова И. В. Неолитические поселения в низовьях Амура (Отчет о полевых исследованиях на острове Сучу в 1999 и 2002 гг.). Сеул, 2003. Т. I–III. (на рус. и кор. яз.).
- Медведев В. Е. Неолитические культуры Нижнего Приамурья // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Владивосток, 2005а. С. 234–267.
- Медведев В. Е. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005б. № 4 (24). С. 40–69.
- Медведев В. Е., Филатова И. В. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). Новосибирск, 2014.
- Медведев В. Е., Филатова И. В. Итоги междисциплинарных исследований каменного инвентаря из жилища Г поселения Сучу (1974 год, раскоп I) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 3 (45). С. 17–28.
- Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.
- Фукуда М. Культурная хронология Нижнего Приамурья и ямихтинская культура раннего неолита: на основе работ с другом – Шевкомудом Игорем Яковлевичем // Археология CIRCUM – PACIFIC: памяти И. Я. Шевкомуда. Владивосток, 2017. С. 100–111.
- Шевкомуд И. Я., Кузьмин Я. В. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск, 2009. С. 7–46.
- Medvedev V. E., Tsetlin Ju. B. Technological analysis of the earliest ceramics from the Amur region (13–10 thousand years BP) // Archaeology Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2013. № 2 (41). P. 94–107.

V. E. MEDVEDEV

MAIN RESULTS, PROBLEMS AND POTENTIAL FOR THE NEOLITHIC STUDIES IN THE AMUR-USSURISK REGION

Hundreds of sites have been discovered, many of them were excavated, dozens of houses were studied. 5 Neolithic cultures were identified, from the initial to the late periods. Four cultural centers were researched. The studies were performed with an extensive use of interdisciplinary methods and active participation of the international expeditions. Main problems were related to the interpretation and the chronology of individual cultures. In some publications, the Malyshevskaya culture was interpreted as a significantly younger one. They referred to a “new task” of establishing the “long-term chronology” of the periods of the Neolithic – Paleometal in the Lower Amur region, even though the chronological scale was produced by the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian branch of USSR Academy of Science / the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian branch of RAS in the 1970s and the early 21st century, and is still relevant. In future, it is necessary to focus attention on the problem of the phenomenon of the 12th–9th millennium BC Osipovskaya culture with the oldest known pottery. No final Neolithic sites have yet been discovered in the southwestern part of the region. The reasons for that have yet to be established.

Vitaly E. Medvedev – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: medvedev@archaeology.nsc.ru

В. И. МОЛОДИН, Л. Н. МЫЛЬНИКОВА, В. В. БОБРОВ, В. И. СТЕФАНОВ

КЕРАМИКА ЭПОХИ НЕОЛИТА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ТЕРМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (ДТГ)

Доклад посвящен рассмотрению результатов термического анализа керамических образцов из памятников с датировкой ранним неолитом Барабы и Нижнего Приобья. Методика ДТГ основана на количественном определении потери массы образцом на этапах дегидратации (m_1) – потеря массы на интервале температур 30–350°C и разложения гидроксидов (m_2) – потеря массы на интервале 350–600°C. Для визуализации строится график. Внимание будет акцентировано на сравнении расположения точек образцов с памятников Амня-1, Автодром-1, Усть-Тартас-1, Тартас-1 и предложена интерпретация графика.

Молодин Вячеслав Иванович – академик РАН, д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Мыльникова Людмила Николаевна – д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru

Бобров Владимир Васильевич – д.и.н., Кемеровский государственный университет, Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН (Россия, Кемерово). E-mail: bobrov@kemsu.ru

Стефанов Владимир Иванович – заведующий лабораторией, Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург)

В Восточной Азии, начиная с середины прошлого века, открыты памятники с керамикой возраста 16000–10000 л. н.: в Японии, в Китае, в Корее, в России [Деревянко, Медведев 1995; Лапшина 1995; Aikens 1995; Кузьмин и др. 1998; Памятник Косанни... 1998; Кан Чанхва 2002; Жущиховская 2002; 2004; Медведев 2003; Ёнсук 2004; Кузьмин, Нестеров 2010; Шевкомуд, Яншина 2010; Мыльникова, Нестеров 2012].

В других районах мира керамические сосуды появились позднее: конец VIII тыс. до н. э. – VI тыс. до н. э. [Жущиховская 2002; 2004]. В Северной Евразии в настоящее время также имеются керамические комплексы, которые датируются (конец VIII) VII–VI тыс. до н. э. [Косинская 2010; 2011; Косинская, Дубовцева, Юдина 2011; Молодин, Кобелева, Мыльникова 2017; Молодин и др. 2018; 2019 и др.].

Одним из методов, позволяющим фиксировать древнейшие керамические комплексы, является термический (ДТГ).

Методика основана на количественном определении потери массы на этапах дегидратации (m_1) – потеря массы на интервале температур 30–350°C и разложения гидроксидов (m_2) – потеря массы на интервале 350–600°C. [Drebushchak, Mylnikova, Drebushchak 2018; Drebushchak, Mylnikova, Molodin 2007]. Для визуализации по результатам измерений строится график.

Анализ раннеолитических комплексов Дальнего Востока показал, что на графике потери массы эта керамика четко выделяется, занимая верхний правый угол. Качество обжига «плохое» – с очень короткой временной выдержкой и низкой температурой (эти исследования подтверждены наблюдениями: фрагменты керамики памятников Косанни (Южная Корея) и Громатуха (российский Дальний Восток) размокают в воде в течение трех дней).

Анализ материалов Западной Сибири выявил их неоднозначность. Исследованная коллекция из Нижнего Приобья разделилась на две группы. Одна заняла место среди

древнейших комплексов Дальнего Востока. Вторая совпала с местом расположения образцов из Усть-Тартаса-1, Тартаса-1 и Автодрома-2. Причем, нижнеобская керамика лежит компактной группой, а барабинская из Автодрома – протянутой по одной линии. Это может говорить о различии в концентрации добавок в формовочную массу. На этом графике показаны также образцы позднего неолита из памятника Венгеро-2 (Бараба). Надо подчеркнуть, что они не составляют групп, распространены по площади на большой территории, демонстрируя разное качество и различия в составе формовочных масс.

Библиографический список

- Деревянко А. П., Медведев В. Е. Исследование поселения Гася. Новосибирск, 1995.
- Ёнсук О. Неолит острова Чжечжудо: памятники и материалы // Материалы научного семинара «Происхождение и развитие неолитической культуры острова Чжечжудо». Чжечжу, 2004. С. 33–60.
- Жущиховская И. С. Ранняя керамика Дальнего Востока и Восточной Азии (проблемы систематизации, технологии, генезиса) // Актуальные проблемы дальневосточной археологии. Владивосток, 2002. С. 109–151.
- Жущиховская И. С. Очерки истории древнейшего гончарства Дальнего востока. Владивосток, 2004.
- Кан Чанхва. Зарождение и развитие неолитической культуры в районе Чжечжудо // Археология морских контактов: сб. тр. конф. «26-ой общекорейский археологический симпозиум». Пусан, 2002. С. 9–33.
- Косинская Л. Л. Археологические культуры Ямала // История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 1, кн. 1. С. 22–47.
- Косинская Л. Л. Радиоуглеродная дата с городища Амня-1 // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 243–244.
- Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Неолитические комплексы селища Черная 3 // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 199–217.
- Кузьмин Я. В., Алкин С. В., Оно А., Саго Х., Сакаки Т., Мацумото Ш., Оримо К., Ито Ш. Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-Восточной Азии. Владивосток, 1998.
- Кузьмин Я. В., Нестеров С. П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск, 2010. Вып. 6. С. 103–110.
- Лапшина З. С. Ранняя керамика поселения Хумми // Вестн. ДВО РАН. 1995. № 6. С. 104–106.
- Медведев В. Е. Когда и как была открыта на Дальнем Востоке древнейшая керамика? // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы Междунар. конф. Новосибирск, 2003. С. 38–43.
- Молодин В. И., Кобелева Л. С., Мильникова Л. Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2017. Т. 23.
- Молодин В. И., Райнхольд С., Мильникова Л. Н., Ненахов Д. А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17. Вып. 3: Археология и этнография. С. 39–56.
- Молодин В. И., Ненахов Д. А., Мильникова Л. Н., Райнхольд С., Пархомчук Е. В., Калинин П. Н., Пархомчук В. В., Растигеев С. А. Углеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1 с использованием установки «Ускоритель масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. № 1. С. 15–22.
- Мильникова Л. Н., Нестеров С. П. Анализ ранненеолитической керамики Востока Азии (Россия, Республика Корея) // Корейская археология 21-го века. Сеул, 2012. Т. 5. С. 863–898.
- Памятник Косанни на Чечжудо. Чечжу, 1998.
- Шевкомуд И. Я., Яншина О. В. Переход от палеолита к неолиту в Приамурье: обзор основных комплексов и некоторые проблемы // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Ж. В. Андреевой. Владивосток, 2010. С. 50–72.
- Aikens C. M. First in the World: The Jomon Pottery of Early Japan // The Emergence of Pottery. Washington, D.C., 1995. P. 11–22.

V СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (ХАНТЫ-МАНСКИЙ, 11–14 ДЕКАБРЯ 2019)

Drebushchak V. A., Mylnikova L. N., Molodin V. I. Thermogravimetric investigation of ancient ceramics. Metrological analysis of sampling // Journal of Thermal Analysis and Calorimetry. 2007. Vol. 90, № 1. P. 73–79.

Drebushchak V. A., Mylnikova L. N., Drebushchak T. N. Thermoanalytical investigations of ancient ceramics: review on theory and practice // Journal of thermal analysis and calorimetry. 2018. July. Vol. 133, iss. 1. S. 135–176.

V. I. MOLODIN, L. N. MYLNIKOVA, V. V. BOBROV, V. I. STEFANOV

NEOLITHIC POTTERY THERMAL ANALYSIS (DTG)

The subject of the paper is the review of the results of the thermal analysis of ceramic samples from the sites dated as the early Neolithic of Baraba and the Lower Ob region. The DTG methodology is based on the qualitative determination of the loss of mass by a sample at the dehydration stage (m_1) – loss of mass within the temperature interval 30–350°C, and the hydroxyls decomposition (m_2) – loss of mass within the interval 350–600°C. A graph was plotted for visualization purposes. Attention will be focused on the comparison of the position of points for the samples from Amnya I, Avtodrom-1, Ust-Tartas-1, and Tartas-1, and the graph interpretation will be proposed.

Vyacheslav I. Molodin – Academician of the RAS, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Lyudmila N. Mylnikova – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru

Vladimir V. Bobrov – Doctor of Historical Sciences, Kemerovo State University; Institute of Human Ecology, Siberian Branch of the RAS (Russia, Kemerovo). E-mail: bobrov@kemsu.ru

Vladimir I. Stefanov – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg).

С. Н. ПАНИНА, Х. ПИЕЦОНКА, З. ХАРТЦ, Т. ТЕРБЕРГЕР

ЖЕРТВЕННОЕ МЕСТО С КЕРАМИКОЙ САТЫГИНСКОГО ТИПА ЭПОХИ НЕОЛИТА НА УСТЬ-ВАГИЛЬСКОМ ХОЛМЕ (СРЕДНИЙ УРАЛ, РОССИЯ)

В результате охранных раскопок 2005–2015 гг. уникального памятника Усть-Вагильский холм, существовавшего в Среднем Зауралье с раннего неолита до X–XIII вв., Свердловским областным краеведческим музеем исследовано несколько культовых площадок на холме и у его подошвы. Самая ранняя из них раскопана в основании холма на глубине 4,67 м. Это жертвенное место со скоплениями костей животных и фрагментов человеческих черепов. В процессе раскопок зафиксировано использование принесенной на памятник белой глины (изделия из необожженной глины в виде жгутов и сфероидов, длиной 15–20 см, диаметром – 3–5 см), которыми заполняли расколотые трубчатые кости животных, фрагменты черепов. Стратиграфически с жертвенным местом связана керамика сатыгинского типа, впервые описанная Л. П. Хлобыстиным в 1993 г. Серией радиоуглеродных дат по костям животных, фрагментам человеческих черепов, нагару на сосудах жертвенное место датировано ранним неолитом.

Панина Светлана Николаевна – г.н.с., Свердловский областной краеведческий музей (Россия, Екатеринбург). E-mail: snpanina@yandex.ru

Пиецонка Хэнни – Др., Кильский университет (Германия, Киль). E-mail: hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

Хартц Зонке – Государственный музейный комплекс земли Шлезвиг-Гольштейн Замка Готторп (Германия, Шлезвиг). E-mail: soenke.hartz@landesmuseen.sh

Тербергер Томас – Др., Департамент по охране культурного наследия федеральной земли Нижняя Саксония (Германия, Ганновер). E-mail: tomas.terberger@nld.niedersachsen.de

В Зауралье и Западной Сибири с XIX в. известны культовые искусственные сооружения «бугры» [Старков 1969], в современной интерпретации — «холмы». Это — святилища, возникшие в ранние периоды истории (неолит, энеолит) и функционировавшие на протяжении тысячелетий до средневековья. На них совершались обряды, связанные с жертвоприношениями (в т. ч. бескровными) в определенное время/сезон. В этих обрядах важную роль играл огонь. После завершения обрядов место его проведения перекрывалось слоем земли. Так, создавалось искусственное, наземное сооружение — холм. В Свердловской области полевые исследования проводились на трех холмах Махтыльском, Кокшаровском и Усть-Вагильском.

Усть-Вагильский холм открыт в 1887 г. археологом И. Я. Словцовым. В 1965 г. он обследован разведкой под руководством В. Ф. Старкова. В 1970 г. раскопки на холме проводил Нижне-Тагильский краеведческий музей под руководством А. И. Россадович. С 2005 г. здесь ведутся охранные раскопки СОКМ. Холм расположен в Гаринском районе Свердловской области, на левом берегу р. Тавды, в месте впадения в нее р. Вагиль. Это — насыпное сооружение в форме неправильного овала, вытянутого с запада на восток, диаметром 53 м (ВЗ), 48 м (СЮ). Высота холма в западной части 6 м, в восточной — 5,5. Вершина плоская.

Раскопками 2005–2015 гг. вскрыто 112 кв. м в восточной части холма.

Исследованы объекты: жертвенное место эпохи неолита, культовые комплексы железного века, у подошвы холма — энеолитическое погребение. Мощность культурного слоя памятника в центре холма — 4,67 м, у подошвы — 3,08 м, погребение у подошвы холма — 5,14 м.

На глубине -4,45 м вскрыто жертвенное место, на котором компактными группами, без анатомического порядка, залежали 2 скопления костей и рогов животных (лось, северный олень, собака, соболь, волк, щука) вместе с фрагментами 7 человеческих черепов. Скопления находились на расстоянии 2,20 м друг от друга в направлении СВ — ЮЗ, во внутреннем пространстве, огороженном дугообразной канавкой, заполненной мощным прокалом, углями. Вдоль канавки с обеих сторон шел ряд обугленных столбов, часть из которых была врыта наклонно. Над скоплением костей прослеживается небольшая земляная насыпь конической формы, которая была обложена деревом и подожжена, затем холмик был перекрыт берестой.

Скопления остеологических остатков лежали в слое черно-коричневой супеси с вкраплениями белой глины в виде сфероидов диаметром 3–5 см или продолговатых, круглого сечения, жгутов (длиной 15–30 см, диаметром до 5 см). В некоторых случаях эти жгуты заполняют расколотые трубчатые кости животных. Фрагменты человеческих черепов (теменные и затылочные части) также были заполнены внутри слоем белой глины. На самом холме залежей этой глины не обнаружено, ближайшее месторождение находится в 80 км от памятника.

Со скоплениями костей стратиграфически связана керамика сатыгинского типа, впервые выделенная на памятниках Сумпанья III, IV, VI [Хлобыстин 1993, с. 29–31].

Для датирования жертвенного места было отобрано 12 образцов (табл.). Образцы угля взяты из обугленных столбов № 3 (СОАН-6940) и № 4 (СОАН-6941), врытых с внешней стороны дугообразной канавки, отделяющей скопления костей № 1, 2 жертвенного места от центральной части холма. Канавка заполнена мощным прокалом, углями. Еще одна дата получена из проб сторевшего бревна, находившегося внутри сакрального пространства, на значительном удалении от скоплений костей и черепов (СОАН-6942). Из скопления костей № 2 взяты для датирования образец из рога лося со следами обрубки (Ле-8746), фрагмент

череп № 5 (AAR-24226), фрагмент черепа № 4 (AAR-24224), фрагмент нижней челюсти лося (AAR-24225) и образец нагара с фрагмента керамики сатыгинского типа, найденного в скоплении костей № 2 (AAR-14840). Образцы нагара, взяты с двух фрагментов керамики сатыгинского типа из нижних слоев раскопа рядом с жертвенным местом (AAR-14838; AATR-14839). Из скопления костей № 1 взяты образцы из фрагмента черепной крышки № 7 (12559/17-2017/11) и нижней челюсти щуки, найденной в черепе № 7, в слое белой глины (12559/17-2017/12). Дата по образцу из рога лося (Ле-8746) выходит за пределы основного диапазона, можно предположить, что использовалась пластина рога лося, извлеченная из слоев почвы, не исключена погрешность при датировке радиоуглеродным методом. Серия дат по древесному углю (СОАН-6940; СОАН-6941; СОАН-6942) имеют большую вероятность отклонений (+/- 100), что может свидетельствовать о длительности диапазона существования объекта и корректировке его плана с развитием культового комплекса. Наиболее точными являются даты по фрагментам человеческих черепов и челюсти лося (AAR-24224; AAR-24225; AAR-24226) из скопления костей № 2, полученные AMS-методом. Они укладываются в диапазон от 6350 до 6300 гг. до н. э. Серия дат по нагару на сатыгинской керамике (AAR-14838; AATR-14839; AAR-14840) древнее рассмотренного выше комплекса (резервуарный эффект?). Самыми непредсказуемыми оказались даты по образцам черепа (12559/17-2017/11) и челюсти щуки (12559/17-2017/12), полученные AMS-методом из скопления костей № 1. Если череп значительно моложе комплекса из скопления № 2, то челюсть щуки, вынутая из слоя белой глины внутри черепа, намного старше. Дата образца челюсти щуки обусловлена пресноводным резервуарным эффектом. Дата по черепу, может свидетельствовать о более позднем возникновении скопления костей № 1.

Комплексное датирование артефактов жертвенного места Усть-Вагильского холма позволили установить его ранний неолитический возраст (6400–6300 гг. до н. э.). Уточнить датировку сатыгинского типа керамики и соотнести его с жертвенным комплексом. На холме зафиксирован обряд восполнения костных фрагментов с использованием белой глины. Нам неизвестны его аналоги. В качестве гипотезы можно предположить дихотомический характер обряда (жертва + возрождение индивидуума).

Таблица

Laboratory number	14C uncal BP	CalBC (1σ – 68.3 %),	CalBC (2σ – 95,4 %),	material
ЛЕ-8746	7920±200	7080–6570	7500–6400	Elk antler
СОАН-6940	6335±95	5470–5210	5480–5050	charcoal (stake 3)
СОАН-6941	6295±125	5470–5070	5500–4900	charcoal (stake 4)
СОАН-6942	6460±100	5510–5320	5620–5220	charcoal(log)
14638	7660±37	6560–6460	6590–6450	Satygino, charred crust
14639	7583±38	6460–6420	6490–6390	Satygino, charred crust
14640	7735±40	6600–6510	6640–6480	Satygino, charred crust
AAR-24224	7480 ± 38	6420–6260	6430–6240	Human skull.4
AAR-24225	7433 ± 35	6370–6250	6400–6230	Elk mandible
AAR-24226	7504 ± 34	6440–6270	6440–6250	Human skull.5
12559/17-2017/11	6750 ± 50	5678-5628	5732-5611	Human skull.7
12559/17-2017/12	7860 ± 110	6837-6595	7047-6499	Pike mandible

Библиографический список

- Старков В. Ф. О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье // Вестник Московского государственного университета. Сер. Ист. науки. М., 1969. № 5. С. 72–77.
Хлобыстин Л. П. Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // AD POLUS. Сб. статей памяти Л. П. Хлобыстина. СПб., 1993. С. 29–37.

S. N. PANINA, H. PIEZONKA, S. HARTZ, T. TERBERGER

**RITUAL SITE WITH THE NEOLITHIC SATYGINO TYPE POTTERY
ON UST-VAGILSKY HILL (MIDDLE URAL)**

During the 2005–2015 salvage excavations of the Ust-Vagilsky ritual hill, which functioned in the Middle Trans-Ural from the early Neolithic to the 10th–13th centuries, the Sverdlovsk Regional History Museum studied several ritual platforms on the hill and at its foot. The earliest of them was excavated at the base of the hill at the depth of 4.67 m. This was a sacrificial site with two animal bones accumulations and the fragments of 7 human skulls. In the process of the excavations we registered the use of the imported white clay (the unbaked ceramic items in the form of strings and spheroid shapes 15–20 cm long, and 3–5 cm in diameter), which were used as the filling material for the tubular animal bones and the skulls fragments. Stratigraphically the sacrificial place was associated with the Satyginokaya type pottery. The sacrificial place as the early Neolithic with a series of radiocarbon dates obtained for the animal bones, human skulls, and the ceramic ware soot.

Svetlana N. Panina – Sverdlovsk Regional Museum (Russia, Ekaterinburg). E-mail: sspanina@yandex.ru

Henny Piezonka – Dr., Kiel University (Germany, Kiel). E-mail: hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

Sönke Hartz – Schleswig-Holsteinische Landesmuseen Schloß Gottorf (Germany, Schleswig).

E-mail: soenke.hartz@landesmuseen.sh

Thomas Terberger – Dr., Heritage Service of Lower Saxony (Germany, Hannover).

E-mail: tomas.terberger@nld.niedersachsen.de

T. M. ПОНОМАРЕВА, С. Ж. РАХИМЖАНОВА

ПОСЕЛЕНИЕ БАЛИНСКОЕ 73 — НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАННЕГО ГОЛОЦЕНА В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ

Представлен новый мезолитический памятник, выявленный в Сургутском Приобье — поселение Балинское 73. Согласно радиоуглеродным датировкам он относится ко второй половине VIII — середине VII тыс. до н. э. В 2015 г. раскопками исследовано 9 построек: 4 полностью и 5 частично. Постройки имеют каркасно-столбовую конструкцию, часть из них отличается оригинальной многоугольной формой котлована. Комплекс находок включает более 7 000 единиц, среди которых имеются каменные орудия, сырье и отходы расщепления.

Пономарева Татьяна Михайловна — ООО НПО «Северная археология-1» (Россия, Нефтеюганск)

E-mail: tmp-arch@yandex.ru

Рахимжанова Сауле Жангельдыевна — к.и.н., Национальный музей Республики Казахстан (Казахстан, Астана). E-mail: saule-rahim@inbox.ru

Поселение Балинское 73 расположено в Ханты-Мансийском районе ХМАО, в среднем течении правого притока р. Обь — р. Балинская, в 24,9 км к ССВ от п. Селиярово. Памятник был открыт сотрудником ООО «НПО «Северная археология» М. Ю. Барановым в 2012 г.

[2013, с. 54]. Он находится на подпрямоугольном мысу, образованном старичными руслами р. Балинской и ее левым притоком – р. Еловой. Мыс выдается на запад на 70 м, его высота над уровнем поймы составляет на разных участках от 3 до 5 м. Площадь центральной части мыса, где компактно расположена большая часть поселения, составляет 0,2 га, общая площадь памятника немногим более 0,7 га. Поверхность мыса была частично засыпана песком и сильно повреждена современной хозяйственной деятельностью: грунтовой дорогой, траншеями для захоронения леса.

В 2015 г. проведены раскопки на площади 1 016 кв. м, вскрыты 2 постройки бронзового века и 9 мезолитических сооружений: 4 полностью и 5 частично. Серия из 8 радиоуглеродных дат относит ранний комплекс ко второй половине VIII – середине VII тыс. до н. э. [Пономарева 2018, с. 151].

Постройки раннего этапа заселения мыса не фиксировались на современной поверхности. Две впадины были использованы для сооружения жилищ бронзового века, остальные находились на оси грунтовой дороги и в северной части мыса под выкидом из траншей для захоронения леса. Сооружения занимают северные, западные и центральные участки мыса и представляют собой полуземлянки глубиной до 1,0 м. Во всех постройках зафиксировано большое количество столбовых ямок в центральной части и по периметру котлована, что позволяет предположить каркасно-столбовую конструкцию построек.

По форме котлованов выделяется два типа сооружений: прямоугольные и многоугольные, форму двух не удалось установить достоверно (№ 5, 9а). Прямоугольных построек две: № 8 и № 9а. Постройка № 8 сохранилась почти полностью, ее размеры 6,45 x 5,94 м. Постройка № 9а частично разрушена при перестройках и современными разрушениями, хорошо фиксируется только один угол. Стены обеих построек ориентированы по сторонам света. Второй тип сооружений представлен постройками оригинальной конструкции (№ 1–4, 6–7). В верхней части они имеют овальную форму, в нижней – многоугольную, симметричную относительно осей. Размеры построек 6,2–7,3 x 5,7–6,6 м. Различная форма построек может указывать на изменение традиции домостроительства, а также свидетельствовать о длительности существования поселка. Нельзя также исключать версию о разном назначении построек, но ни их расположение, ни состав находок не позволяют однозначно утверждать, что форма определяется именно этим.

Следы очагов в виде слоя коричневых и розовых оттенков с включениями костной крошки в центральной части сооружений отмечены в двух постройках (№ 3, 6). Кроме того, крупный очаг располагался в постройке № 9; вероятно, он возник уже после завершения функционирования объекта в качестве жилища. Очаг насыщен кальцинированной костью, мелкими обломками камней и угольками и частично поврежден, предположительно, в период существования поселка бронзового века.

В южной и юго-восточной части мыса выявлено большое количество ямок и ям, здесь же обнаружена часть орудий.

Топография поселения аналогична памятникам бассейна р. Конды, где выявлено крупнейшее из известных на сегодня скоплений памятников мезолитического времени на севере Западной Сибири [Беспрозванный, Погодин 2006, с. 167]. Крупные размеры поселения, наличие перестроек отдельных сооружений, их расположение и частичное наложение построек позволяют также допускать длительный период существования

поселения, а ряд орудий, обнаруженных вне построек на площадке к югу, может говорить о круглогодичном характере обитания.

Коллекция находок представлена более 7 000 единиц каменного сырья, отходами производства и готовыми орудиями. Индустрия основана на использовании местного галечного сырья. Использовались твердые породы, такие как кварц, кварцит, халцедон и различные зернистые породы разного минералогического состава. Орудийный набор включает абразивы, шлифованные орудия и изделия из кварцевых и кварцитовых галек: тесла, топоры, долотовидные орудия, струги, скобели, ножи, скребла, скребки; в единичных экземплярах представлены терочник, пест-абразив, мотыга, молоток. В одной из построек обнаружена крупная шлифовальная плита (45,9 x 35,0 x 23,7 см) с желобом на рабочей части. Комплексы каменного инвентаря, подобные коллекции из раскопок поселения Балинское 73, известны как «сланцево-кварцевая индустрия»; они встречаются на памятниках севера Западной Сибири, начиная с мезолита и заканчивая бронзовым веком, и являются адаптацией к местному галечному сырью [Погодин 1999, с. 38; Косинская 2010, с. 13, 14].

Среди находок также важно отметить фрагмент изделия из глины с декором, выполненным отступающей палочкой, который обнаружен в постройке № 4 (4a).

Библиографический список

- Баранов М. Ю. Отчет о НИР. Натурное археологическое обследование на Приобском месторождении нефти в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югра Тюменской области в 2012 г. Нефтеюганск, 2013. Архив НПО СА. Ф. I. Д. 386.
- Беспрозванный Е. М., Погодин А. А. Мезолит севера Западной Сибири: итоги изучения // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 167–168.
- Косинская Л. Л. Сырьевая стратегия и камнеобработка как аспекты культурной адаптации (по материалам неолитических памятников севера Западной Сибири // Урал. ист. вестн. 2010. № 2. С. 13–24.
- Погодин А. А. Кварцевая индустрия на севере Западной Сибири // XIV Урал. археол. совещ.: тезисы докл. Челябинск, 1999. С. 37–38.
- Пономарева Т. М. Поселение Балинское 73: данные радиоуглеродного датирования и археологический контекст // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2018. Вып. 16. С. 142–153.

T. M. PONOMAREVA, S. ZH. RAKHIMZHANOVA

BALINSKOJE 73 SETTLEMENT — NEW EARLY HOLOCENE SITE IN THE MIDDLE OB REGION

The paper presents a new Mesolithic site discovered in the Surgut Ob region – Balinskoje 73 settlement. According to the radiocarbon dating, it refers to the second half of the 8th – middle of the 7th millennium BC. In 2015 nine structures were excavated: 4 – in full, and 5 – partially. The structures design was a frame-pole type, some of them had an original polygonal foundation pit shape. The finds complex included over 7,000 items, including stone tools, raw material and knapping by-products.

Tatiana M. Ponomareva – LLC RPA “Northern Archeology-1” (Russia, Nefteyugansk).

E-mail: tmp-arch@yandex.ru

Saule Zh. Rakhimzhanova – Candidate of Historical Sciences, National Museum of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan, Astana). E-mail: saule-rahim@inbox.ru

А. Ю. ТРЕЦОВА

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ Р. АГАН

Неолитические предметы и объекты обнаружены при раскопах пяти селищ: Нёх-урий 1, Нёх-урий 3.1, Нёх-урий 3.2, Нёх-урий 3.4 и Нёх-урий 9. Радиоуглеродные даты по углю позволили отнести эти комплексы к позднему неолиту. Проведен сравнительный анализ с близкими по стилю керамическими комплексами, выделены общие и особенные черты неолита долины Агана. К общим чертам отнесено: наличие в керамике примесей шамота и песка; орнаментация в отступающе-накольчатой технике, шагающей гребенкой и прочерчиванием; композиции декора; сырьевой состав и технологии производства каменного инвентаря. К особенным — слабоуглубленность построек; сочетание в керамических комплексах разных орнаментальных традиций эпохи неолита, выявленных на территории Сургутского Приобья, но в тоже время и отсутствие полного сходства с ними.

Тресцова Анна Юрьевна — Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург).

E-mail: anyuta.trescova@mail.ru

Аган — правый приток р. Оби, расположенный на северо-востоке Среднеобской низменности. Материалы неолитического времени здесь найдены при раскопках пяти селищ, расположенных на берегах ручьев, впадающих в старицу Нёхурий, в правобережье р. Аган, у г. Покачи.

Все пять памятников — Нёх-урий 1, Нёх-урий 3.1, Нёх-урий 3.2, Нёх-урий 3.4 и Нёх-урий 9 расположены компактно на расстоянии от 0,3 до 0,8 км.

На сел. Нёх-урий 3.1, Нёх-урий 3.4 и Нёх-урий 9 обнаружены остатки 5 построек. Они представляли собой слабо углубленные сооружения, в четырех случаях залежавшие на глубине не более 0,35 м, одна постройка сел. Нёх-урий 3.4 перекрыта аллювиальными наносами мощностью 1,7–2,5 м. Постройки имели подпрямоугольную или овальную форму размерами от 6,7 x 6,2 м до 12,1 x 11,8 м. В заполнении фиксировалась примесь охры и угольков. Большинство находок концентрировалось в сооружениях.

Всего на памятниках было выделено около 38 керамических сосудов открытой, реже слабо закрытой формы. Днища реконструируются в трех случаях: два — округлых, одно — приостренное с шипом. Венчики без наплывов. Срез округлый или плоский (прямой, либо скошенный внутрь или наружу). По одному разу зафиксированы волнистый край, край с «ушком» и край с карнизом с внешней стороны. Толщина стенок от 0,5 см до 1,1 см, наиболее часто встречаемая — 0,5–0,8 см. Поверхность тщательно заглажена, местами залощена. В керамическом тесте присутствуют примеси шамота и песка, изредка дресвы. О размере сосудов можно судить только по диаметру срезов (от 18 до 32 см).

Ведущими техниками орнаментации являются отступающе-накольчатая (в том числе двузубый штамп) и шагающая гребенка. Для первой характерен разреженный орнамент в виде горизонтальных волнистых или зигзагообразных линий, реже горизонтальных, вертикальных, наклонных, ломаных отрезков. Иногда линии пересекаются, образуя более сложные композиции. Для шагающей гребенки, наоборот, свойственно плотное покрытие поверхности горизонтальными рядами. Сочетание двух этих техник достоверно зафиксировано только на одном сосуде. Крайне редок прочерченный орнамент, хотя по стилю он близок к декору в отступающе-накольчатой технике. Встречаются фрагменты, декорированные пунктирными линиями и оттисками округлой палочки, а также оттисками гребенчатого штампа и наколами в виде уголка.

Срез обычно не декорирован, в трех случаях он украшен глубокими наклонными насечками. В приустьевой зоне четырех сосудов имеются цепочки округлых наколов, на одном — налепной валик.

Соотношение различных техник орнаментации на селищах неодинаково: на Нёх-урии 1 найдены отдельные фрагменты с шагающей гребенкой, с оттисками округлой палочки, угла штампа; фрагменты сосуда, украшенного горизонтальными пунктирными линиями и прочерченным зигзагом в приустьевой части. На Нёх-урии 3.1 самая массовая техника — отступающе-накольчатая; прочерчивание, наколы и оттиски гребенки редки; на Нёх-урии 3.2 преобладают сосуды с отступающе-накольчатым орнаментом, в меньшей степени с прочерченным; на Нёх-урии 3.4 встречается только отступающе-накольчатая посуда, исключение составляет одна постройка, где был найден сосуд, сочетающий — отступающе-накольчатую и шагающе-гребенчатую технику, и фрагмент с оттисками гребенчатого штампа. На Нёх-урии 9 встречаются все виды орнаментации. Несмотря на различное сочетание приемов орнаментации на каждом памятнике, в целом, их объединяет обязательное присутствие отступающе-накольчатой техники.

Каменная индустрия основывается на двух техниках обработки камня — расщепления и абразивной. Судя по большому количеству технологических отходов, камень обрабатывался на поселениях. Для орудий, изготавливаемых в технике расщепления, использовались кварц и кремнённые породы, применялась как ударная, так и контрударная техника. Заготовками для орудий служили отщепы, использование пластин в качестве заготовок редко (с 5 селищ всего 20 пластин). Для изготовления шлифованных изделий использовались зернистые магматические, сланцевые, глинисто-сланцевые, осадочные и другие породы.

С трех памятников по углю были получены радиоуглеродные даты, которые относят их время бытования к позднему неолиту:

– Нёх-урий 3.1: СОАН-6950 — 4960 ± 115 л. н., СОАН-6951 — 4700 ± 120 л. н. [Данилова 2011, с. 449], СОАН-6949 — 5020 ± 105 л. н.;

– Нёх-урий 3.4: SPb-2714 — 5779 ± 70 л. н., SPb-2712 — 4511 ± 55 л. н., SPb-2713 — 5406 ± 70 л. н.;

– Нёх-урий 9: SPb-2899 — 5497 ± 70 л. н.

Самыми близкими аналогиями рассмотренным комплексам являются памятники второй стадии барсовогорского типа [Чемякин 2008, с. 120–122] и комплексы поздней отступающе-накольчатой керамики [Там же, с. 127], в меньшей степени — памятники быстринского типа [Поселение Быстрый Кульёган 66... 2006, с. 135, 138, 139]. Их объединяет наличие в керамике примесей шамота и песка, орнаментация в отступающе-накольчатой технике, шагающей гребенкой и прочерчиванием. Близки и композиции декора сосудов. Нет заметных отличий в сырьевом составе и технологии производства каменного инвентаря.

К особенностям неолитических памятников Агана можно отнести следующее:

– слабая глубленность построек, что может быть обусловлено целенаправленным выбором для раскопок в Сургутском Приобье хорошо выраженных в рельефе объектов;

– керамические комплексы долины Агана сочетают в себе черты разных керамических типов и групп, но в тоже время, с какой-то конкретной традицией полного сходства нет. Отсутствие напльвов на венчиках, разовое сочетание отступающего накола и шагающей гребенки отличает их от посуды барсовогорского типа; степень разреженности орнамента,

V СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (ХАНТЫ-МАНСЙСК, 11–14 ДЕКАБРЯ 2019)

редкое использование прочерченной техники, толстостенность фрагментов, а также более грубый декор отличает данную посуду от памятников быстринского типа.

Библиографический список

- Данилова Е. Н. Раскопки селища Нёх-урий 3.1 в Нижневартовском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 9. Томск; Ханты-Мансийск, 2011. С. 447–458.
- Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2006.
- Чемакин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008.

A. YU. TRESTSOVA

THE COMMON AND THE SPECIFIC FEATURES OF THE NEOLITHIC SITES IN THE AGAN RIVER VALLEY

The Neolithic items and objects were discovered during the excavation of 5 settlements: Njokh-Uriy 1; Njokh-Uriy 3.1; Njokh-Uriy 3.2; Njokh-Uriy 3.4; and Njokh-Uriy 9. The radiocarbon dates for charcoal referred those complexes to the late Neolithic. We performed a comparative study with the stylistically similar complexes, identified the common and the specific features of the Agan valley Neolithic. The common features included the following: the presence in the paste of grog and sand inclusions; the indented strokes, the stepping comb and linear ornamentation; the composition of the decor; the raw material composition and the stone tools production technique. The specific features included – the shallowness of the structures; a combination within the pottery complexes of different ornamental traditions of the Neolithic identified in the territory of the Surgut Ob region, however, lacking a complete similarity with them.

Anna Yu. Trestsova – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg). E-mail: anyuta.trestsova@mail.ru

Д. С. ТУПАХИН

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ТРУДА ИЗ СЛАНЦА В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА В НИЖНЕМ ПРИОБЬЕ*

Рассмотрены технологические особенности обработки сланца. Использование относительно мягких в сравнении с кремнем, кварцем пород для изготовления орудий является маркером адаптивности населения к имеющимся условиям, отличающимся набором определенных параметров. Одно из них – отсутствие традиционных для более южных территорий пород камня, кремневых и подобных им, поддающихся пластинчатому расщеплению. Применяемые технологии обработки исходного каменного сырья отличаются двумя тенденциями. Первую тенденцию можно обозначить как применение в целом традиционных приемов (пластинчатое расщепление, ударная обработка, ретушь), применяемых к нетипичному сырью. Вторую тенденцию можно обозначить как инновационную, сформированную исходя из физических характеристик обрабатываемого в регионе сырья; наиболее яркой чертой данной тенденции можно назвать широкое применение различных техник абразивной обработки.

Тупахин Даниил Сергеевич – Научный центр изучения Арктики (Россия, Салехард).
E-mail: dantupahin@gmail.com

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-4011 «Урал и Западная Сибирь в археологической ретроспективе: важнейшие открытия, ритмы, феномены и парадоксы развития» (рук. О. Н. Корочкова).

Предметом исследования являются материалы, полученные в ходе полевых работ 2009–2014 гг., которые велись на поселении Горный Самотнел-I (раскопки О. С. Тупахинной) [Тупахина, Тупахин 2018, с. 37]. В эти комплексы входят как готовые орудия труда, в целом или утилизированном виде, так и технологические отходы в виде необработанного сырья, технологических преформ (нуклеусов, нуклевидных обломков, расщепленных на пластины конкреций), заготовок орудий труда с незавершенной обработкой, выбракованных в процессе изготовления и побочных продуктов расщепления.

Сырьевая база, использовавшаяся древними мастерами, относится к типичным для северных регионов кварцево-сланцевым индустриям [Погодин 1998, с. 38; Поселение Быстрый Кульеган... 2006, с. 20, 21]. Выбор кварца и сланца в качестве основного материала для производства каменных орудий, несомненно, связан с отсутствием источников кремня либо схожего по производственным характеристикам с кремнем камня. Сложившаяся ситуация, при которой древним человеком использовались доступные каменные ресурсы при условии дефицита более качественных материалов, относится не только к Нижнеобскому региону [Шумкин 2015, с. 189].

В данной работе мы обратили свое внимание на сланцевую часть индустрии. Для изготовления орудий использовался алевросланец в виде окатанного и перемещенного обломочного материала, галек и плиток, встречающихся в аллювиальных отложениях в пойме реки Оби. Выбор сланца в качестве материала для изготовления орудий характеризуется несколькими моментами. Во-первых, алевросланец отличается относительно приемлемой твердостью и подходит для изготовления из него орудий, для которых важен острый режущий край. Во-вторых, сланец при относительно высокой твердости вполне поддается расщеплению на пластины по легко прогнозируемой схеме расщепления. В-третьих, алевросланец, используемый древними мастерами, легко поддается обработке абразивными материалами, что, с одной стороны, упрощает финальное формообразование, и с другой, позволяет с минимальными трудозатратами подправлять заточкой затупившиеся рабочие лезвия.

Что касается технологии обработки сланцевого материала, то здесь стоит выделить два производственных цикла. Один из них относится к технике расщепления, использовавшейся в основном на этапе первоначального формообразования, — расщепление исходных сланцевых плиток и галек на тонкие пластины. Здесь применялась ударная техника. Ударная площадка в ряде случаев подготавливалась сколом, в единичном случае замечена подготовка ударной площадки при помощи абразивной обработки. Второй этап включает предварительное формообразование. На этом этапе подготовленные пластины получали дополнительную обработку. Ведущий технологический прием, использующийся на данном этапе, обработка кромок ретушью, в результате которой получалась заготовка — бифас. Можно предположить, что подобная обработка заготовок имела своей целью сокращение трудозатрат при абразивной обработке. Третий производственный цикл включал в себя абразивную обработку: финальное формообразование, шлифовку, полирование, оформление режущих кромок заточкой и так далее.

Стоит отметить, что орудийный набор изделий из сланца не отличается большим разнообразием. Наиболее типичные сланцевые орудия — сланцевые наконечники стрел, небольшое количество ножей, переоформленных из наконечников. Типичной чертой ножа такого типа является явная асимметричность профиля, в то время как собственно наконечники отличаются четкой симметрией. Что касается макроорудий, то их число

невелико и представлены они в основном рубящими орудиями для работы с деревом (теса и топоры).

Разнообразие технологических приемов, имевшихся в арсенале древних мастеров, достаточно велико: пластинчатое расщепление, ретушь, пикетаж, сверление, шлифовка, полировка, заточка.

В целом, реконструкция технологических аспектов каменной индустрии может применяться при сравнительном анализе, как отдельных археологических комплексов, так и культурно-исторических общностей. Рассматривая эволюцию камнеобработки в широких хронологических и географических рамках, можно проследить как сохраняющиеся традиции, так и новации этой важной хозяйственной отрасли.

Литература

- Погодин А. А. Кварцевая индустрия на севере Западной Сибири // XIV Урал. археол. совещ.: тезисы докл. Челябинск, 1998. С. 37–38.
- Поселение Быстрый Кульеган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья // Екатеринбург; Сургут, 2006.
- Тупахина О. С., Тупахин Д. С. Поселение эпохи энеолита Горный Самотнел-1: материалы и исследования // Археология Арктики. Салехард, 2018. Вып. 5.
- Шумкин В. Я. Влияние сырьевой базы на развитие материальной культуры населения каменного века Кольского полуострова // Методы изучения каменных артефактов: материалы междунар. конф. РФФИ. СПб., 2015. С. 189–192.

D. S. TUPAKHIN

TECHNOLOGICAL PECULIARITIES OF SLATE TOOLS PRODUCTION IN THE ENEOLITHIC OF THE LOWER OB REGION

The author studied the technological characteristics of the slate treatment. The use of the relatively soft compared to flint and quartz rocks for the making tools was a marker of the population's adaptation for the existing environment characterized with a certain set of parameters. One of them was the lack of the traditional for the more southern territories rocks, i. e. the siliceous and similar rocks suitable for blade knapping. The techniques used for the lithic raw material processing were represented by two trends. The first trend could be characterized by the use of the generally traditional techniques (blade knapping, percussion technique, retouch) for the non-traditional raw material. The second trend could be described as the innovative, driven by the physical properties of the raw material available in the region; the most interesting characteristic of this trend was a wide use of various abrasive treatment techniques.

Daniil S. Tupakhin – Scientific Center for the Study of the Arctic (Russia, Salekhard).
E-mail: dantupahin@gmail.com

Н. М. ЧАИРКИНА, С. РЕЙНХОЛЬД

**ЗИМНИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ —
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЕ ОБЪЕКТЫ**

Пути передвижения древнего населения лесной зоны Евразии были связаны и отчасти определены естественными формами рельефа, вмещающим ландшафтом. Материальные ресурсы летней мобильности — весла и фрагменты лодок обнаружены на поселениях каменного века Урала, Восточной и Западной Европы, они в целом не плохо освещены в научной литературе. Зимним средствам мобильности — саням и лыжам в зарубежной литературе посвящено большое количество работ, предложены варианты их типологии и хронологии, очерчены ареалы распространения. Внимание авторов будет акцентировано, прежде всего, на уникальных, пока единичных находках зимних средств мобильности — полозьях саней и лыж, обнаруженных в Зауралье и Севере Европейской части России, которые анализируются на фоне довольно многочисленной группы санных полозьев и лыж из торфяниковых памятников и озерных отложений Северной Европы.

Чаиркина Наталия Михайловна — д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: chair_n@mail.ru

Рейнхольд Сабина — PhD, Германский археологический институт (Германия, Берлин). E-mail: sabine.reinhold@dainst.de

Для перемещения по лесной зоне Северной Евразии требуются особые средства, позволяющие передвигаться по заболоченной местности и преодолевать труднодоступные участки леса. В степной зоне использование лошадей и гужевых повозок позволяло осваивать обширные территории, в тайге их эквивалентами в летнее время были лодки, и широкий спектр зимних транспортных средств — лыжи, снегоступы и нарты. Появление и техническое совершенствование этих устройств имело решающее значение для заселения тайги и тундровой зоны, начиная с конца последнего ледникового периода.

Остатки деревянных нарт сохранились на нескольких торфяниковых памятниках Урала, в том числе на двух памятниках Горбуновского торфяника — Стрелка и VI Разрез. Фотограмметрическая фиксация полоза нарты из VI Разреза, выполненная в 2019 г., выводит исследование этих объектов на новый уровень.

Полозья, найденные на Урале, принадлежат к большой группе деревянных нарт, обнаруженных преимущественно на торфяниковых памятниках Финляндии, Швеции и некоторых памятниках Русской Равнины и Северо-Востока России. Большая часть скандинавских находок не имеет контекста, в то время как, фрагменты нарт из России были обнаружены в ходе раскопок. Это позволяет получить интересные данные о их контексте, датировке, и связи с другими группами артефактов. Некоторые из наиболее ранних дат относятся к мезолиту, однако, по-видимому, в конце IV — начале III тыс. до н. э. появляются новые формы, улучшившие грузоподъемность и управляемость нарт.

В нашем коротком обзоре мы представим новые результаты подробной фиксации одного из полозьев саней Горбуновского торфяника, хранящегося в Нижне-Тагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал», и других предметов, относящихся к зимнему транспорту со стоянок Вис I и II из Национального музея Республики Ком. Рассмотрим их в более широком спектре аналогичных объектов в контексте обсуждения хронологии развития зимнего транспорта в Северной Евразии.

N. M. CHAIRKINA, S. REINHOLD

WINTER MOBILITY IN NORTHERN EURASIA — NEW LOOK AT OLD OBJECTS

Migration routes of the ancient population of the forest zone of Eurasia were related to, and, to a certain extent, dictated by the natural relief shapes and the encompassing landscape. The summer mobility material resources, i. e. the oars and the boat fragments were found on various Stone Age settlements of the Urals, Eastern and Western Europe. In general, they were well researched and published. A significant number of publications in foreign literature was dedicated to the winter mobility devices. The authors of such publications proposed variants of their typology and chronology, and defined their distribution territories. The authors will focus mostly on the unique, and so far rare finds of winter mobility items, the sled runners and skis, discovered in the Trans-Urals and the north of the European part of Russia, which have been studied against the background of a rather numerous group of sled runners and skis from the peat-bog sites and the lake deposits of Northern Europe.

Natalia M. Chairkina — Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: chair_n@mail.ru

Sabine Reinhold — PhD, German Archaeological Institute (Germany, Berlin).
E-mail: sabine.reinhold@dainst.de

А. Н. ЧЕХА

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА —
ПАЛЕОМЕТАЛЛА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ УСТЬЕ РЕКИ КУТАРЕЙ)**

В рамках спасательных археологических работ 2010–2011 гг. на памятниках в устье р. Кутарей (Устье Реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Гора Кутарей), связанных с возобновлением строительства БО ГЭС, получена значительная коллекция археологического материала. Он существенно дополняет источниковую базу эпохи неолита — палеометалла региона и требует осмысления и согласования с уже имеющимися данными. В работе приведены краткие результаты анализа каменного и керамического материалов слоя 2 и 3 стоянки Устье Реки Кутарей, данные планиграфического анализа в контексте проблематики изучения региона.

Чеха Анна Николаевна — Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск).
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Бассейн р. Ангара в ее нижнем и среднем течении относится к Северному Приангарью. Исследователями отмечается некоторая географическая, климатическая и орографическая обособленность региона, что создавало благоприятные условия для формирования и развития на юге Средней Сибири в раннем неолите самобытных культурных общностей без серьезного влияния извне [Бердников и др. 2017].

Культурно-хронологическая интерпретация большинства местонахождений региона осложнена следующими факторами: преимущественно стояночный характер памятников с отсутствием закрытых комплексов, слабая стратифицированность отложений на краю террас, где располагается большинство местонахождений (компрессионный характер отложений (макрослоистость)) [Деревянко и др. 2015; Бердников и др. 2017]. Благодаря тщательному мониторингу территории на памятниках в устье р. Кутарей на предмет

подъемного материала, техногенных и естественных нарушений, удалось выявить обширные участки с ненарушенной техногенными процессами стратиграфией.

В слое 3 стоянки Устье Реки Кутарей еще на этапе раскопок выделено два горизонта (далее комплексы), существенно отличающихся друг от друга, как по составу орудийного набора, так и по составу керамического комплекса. В результате планиграфического анализа для горизонта 1 слоя 3 удалось определить неолитический комплекс (соотносится с усть-бельской, посольской и сетчатой керамикой) и смешанный (керамика эпохи неолита смешана с более поздней — тонковаликовой, цэпаньской); комплекс 2 содержал только неолитическую керамику (посольского типа и сетчатую). Комплекс 1, вероятно, относится к более поздней стадии неолита. В орудийном наборе (188 экз. соотносимые с комплексом керамики неолита) большой удельный вес имеют ретушированные пластинки, наконечники стрел, листовидные и овальные бифасы (наконечники копий или дротиков), а также массивные формы и шлифованные (рубящие орудия, тесла), в то время как в индустрии комплекса 2 последние практически отсутствуют. В целом, каменный инвентарь слоя 3 обладает чертами, характерными для неолита — палеометалла региона. Стоит отметить преобладание объемного принципа расщепления, направленного на получение микропластин и пластинок. К более поздним комплексам можно отнести лишь небольшое количество орудийных форм, среди которых цапфенный топор с пришлифованным рабочим краем, наконечник цэпаньского типа, долотовидное орудие, 10 экз. заготовок листовидных бифасов, 3 экз. овальных с прямым насадом наконечников стрел. Установлено, что в слое преобладает неолитическая керамика.

На данном этапе исследований археологический комплекс слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей находит аналогии с ближайшими памятниками на р. Ангара: стоянка Усть-Кова I, Усть-Едарма II [Томилова и др. 2014], Деревня Пашина [Деревянко и др. 2015], Гора Кутарей, с территорией Енисея (поселение Унюк, пещера Еленева), а так же с материалами Якутии и Континентального Приохотья.

Под слоем 3 было обнаружено безинвентарное погребение девушки (20–25 лет). Для него получена радиоуглеродная дата 6619 ± 87 (NSKA-1863).

Слой 2 стоянки Устье Реки Кутарей менее насыщен каменными артефактами, его отличает небольшое количество массивных орудий и тесел, отсутствие скребел, небольшое количество двойных скребков, только объемное расщепление, направленное в основном на получение мелких пластинчатых снятий, среди которых преобладают сколы шириной 7–10 мм. Несмотря на то, что основу коллекции составляют изделия из роговиков (алевролитов) местного происхождения, существенно увеличилось процентное содержание артефактов из кремня (до 13 %), что может говорить о несколько иной сырьевой стратегии.

В целом, индустрия слоя 2 демонстрирует черты близкие неолитическим комплексам Северного Приангарья (Усть-Кова I, Усть-Едарма, Деревня Пашина, слой 3 стоянки Устье Реки Кутарей), для которых характерно объемное расщепление, развитая микропластинчатая индустрия, наличие в орудийном наборе пластинчатых наконечников, двусторонне обработанных диагональной параллельной стелющейся ретушью наконечников треугольной формы, тесел прямоугольной формы, топоров с ушками, скребков, резцов.

Наиболее значимой составляющей индустрии слоя 2 стоянки являются пластинчатые трех-, четырехгранные наконечники. На памятниках Северного Приангарья (Усть-Кова, Усть-Кова I, Деревня Пашина, Толокнянка-2, Устье Реки Кутарей) пластинчатые

наконечники, как правило, зафиксированы в одном слое с керамикой усть-бельского типа, сетчатой, и/или тонковаликовой керамикой, керамикой цэпаньской культуры (в следствие компрессионных процессов). На данный момент на основании ^{14}C датирования без калибровки получены следующие данные, уточняющие общую культурно-хронологическую схему керамических комплексов региона. Керамика с оттисками плетеной сетки и хайтинского типа — 6900–4100 л. н.; усть-бельского типа — 6600–4100 л. н.; близкая усть-бельской керамика аплинского типа датируется 5500–4000 л. н. [Бердников и др. 2017; Томилова и др. 2014], керамика с тонкожгутиковыми валиками — 2400–2100 л. н. [Мандрыка 2008], керамика цэпаньской культуры — 2800–2200 л. н. [Привалихин 1993].

Близкие аналогии описанной индустрии прослеживаются с раннеголоценовыми безкерамическими комплексами с черешковыми пластинчатыми наконечниками, широко распространенными на Северо-Востоке Азии (на памятниках Чукотки, Якутии, Камчатки, Верхней Колымы, Приохотья), которые рассматриваются исследователями в качестве специфической уолбинской традиции, сформировавшейся 8800–6000 л. н. Хотя пластинчатые наконечники стрел, обнаруженные на р. Лене, Индигирке, Колыме, Чукотке, Кухтуе, как правило, относят к раннему голоцену [Слободин 2014], подобные традиции могут продолжать свое существование позднее.

Библиографический список

- Бердников И. М., Роговской Е. О., Лохов Д. Н., Кузнецов А. М., Когай С. А., Липнина Е. А., Бердникова Н. Е., Савельев Н. А., Соколова Н. Б., Уланов И. В. Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины и Приангарья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры, 2017. Вып. 6. С. 220–230.
- Деревянко А. П., Цыбанков А. А., Постнов А. В., Славинский В. С., Выборнов А. В., Зольников И. Д., Деев Е. В., Присекайло А. А., Марковский Г. И., Дудко А. А. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 гг.). Тр. Богучанской археол. экспед. Новосибирск, 2015. Т. 1.
- Мандрыка П. В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале, 2008. Т. 2. С. 162–164.
- Привалихин В. И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993.
- Слободин С. Б. Уолбинская традиция пластинчатых наконечников (Северо-Восток России) // Изв. Северо-Восточного науч. центра ДВО РАН. 2014. № 2. С. 110–119.
- Томилова Е. А., Стасюк И. В., Акимова Е. В., Кукса Е. Н., Михлаева Ю. М., Горельченкова О. А., Харевич В. М., Орешников И. А. Многослойная стоянка Усть-Кова I в Северном Приангарье: итоги исследования 2008–2011 гг. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 82–89.

А. Н. СЕКНА

PROBLEMS OF THE NEOLITHIC — EARLY METAL ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES STUDY IN THE TERRITORY OF THE NORTHERN ANGARA RIVER (BASED ON THE MATERIALS OF THE KUTAREI RIVER MOUTH OCCUPATION SITE)

In the course of salvage archaeological excavations of 2010–2011 at the sites at the mouth of the Kutarei river (Kutarei river mouth, Senkin (Sinij) Kamen, Gora Kutarei) in connection with the resumed construction of the Boguchan power plant, a large archaeological material assemblage was obtained. It significantly complemented the database of sources on the Neolithic — Early metal of the region and

required further study and alignment with the already existing data. This paper sums up the first results of the study of the stone and ceramic artifacts from levels 2 and 3 of the Kutarei river mouth occupation site, the data of the spatial analysis within the context of the regional study topics.

Anna N. Chekha – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: cheha.anna@yandex.ru

А. В. ШМИДТ

ЭЛЕМЕНТЫ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В НЕОЛИТЕ-ЭНЕОЛИТЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО И ПРЕДГОРНОГО АЛТАЯ*

На территории лесостепного и предгорного Алтая известно 16 могильников эпохи неолита – энеолита, на которых изучено 95 захоронений. В основном (82 могилы) хоронили вытянуто на спине. Кисти рук покойных располагались на верхней части таза; ноги «стянуты в коленях»; голова наклонена вперед так, что подбородок упирается в грудь. Преобладает положение умерших головой в северо-восточный сектор. В большинстве случаев могильные пятна отсутствуют, однако иногда по положению скелета удается вычислить примерные размеры погребения. Одежда усопших целенаправленно изготавливалась к траурной церемонии. Рассматривая эти и другие элементы погребальной практики более детально, автор предполагает, что в интересующее нас время в регионе практиковались надмогильные перекрытия.

Шмидт Александр Викторович – к.и.н., Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск).
E-mail: tison172@mail.ru

Сейчас в регионе известно 16 могильников интересующего нас времени. Наиболее крупные: Большой Мыс/Иткуль – 18 погребений, Усть-Иша (10 могил), Тузовские Бугры-1 (21 – памятник не докопан), Солонцы-5 (9), Чумыш-Пережат (11 – памятник не докопан), Фирсово-11 (8 могил). Всего изучено 95 захоронений. Из них 8 похоронены на боку с подогнутыми ногами, единичными представлены сидячее и вертикальное погребения, в трех труположении определить не удалось. Основная масса (82 могилы на 14 памятниках) захоронена вытянуто на спине. Некоторые элементы в положении усопших исследователи рассматривают как важную деталь погребального обряда региона: кисти рук располагались на верхней части таза; ноги «стянуты в коленях» [Фрибус, Грушин 2017, с. 188]; голова наклонена вперед так, что подбородок упирается в грудь. Последняя деталь «позволяет предполагать наличие несохранившихся “подушек” под черепом» [Фрибус, Грушин 2015, с. 197]. Рассмотрим эти и другие утверждения более детально.

Значительно преобладает положение умерших головой в северо-восточный сектор – 87 из 90 погребений, где удалось определить ориентацию. Некоторые исследователи связывают ее с направлением течения ближайшей реки [Фрибус, Грушин 2017, с. 190], однако эти аргументы не выглядят убедительно. За несколько тысячелетий, прошедших с момента погребения, река неоднократно могла изменить свое русло. Сами памятники находятся

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00779 «Антропологические и археологические грани этногенеза населения юга Западной и Средней Сибири в эпохи неолита и ранней бронзы» (рук. К. Н. Солодовников).

на значительном расстоянии друг от друга и привязаны к совершенно разным водоемам. Кроме этого, между ними большой хронологический разброс. Видимо, мы имеем дело с устоявшейся традицией.

Отсутствие могильного пятна для захоронений неолита — энеолита — явление достаточно распространенное. За несколько тысячелетий талые и дождевые воды попросту вымывают черные гумусированные вкрапления из заполнения погребальной ямы, и скелеты находят в «чистом» материковом грунте [Кунгуров 1993, с. 220]. В большинстве случаев такие захоронения открывают «попутно», при исследовании более поздних комплексов. Даже при отсутствии могильного пятна, в ряде случаев удается вычислить примерные размеры погребения. Перекошенное положение скелета, либо когда одно плечо выше другого — указывает на то, что усопших хоронили в узких ямах, куда их приходилось буквально втискивать. Или, например, в двух коллективных погребениях на Фирсово-11 покойных укладывали справа налево. Причем, каждый последующий уложенный усопший частично перекрывал предыдущего, что также говорит об узости могильной ямы. В другом парном погребении зафиксирована обратная ситуация. Покойных положили далеко друг от друга, после чего женщину за плечи и ноги подтянули ближе к мужчине. В результате кости усопшей расположились слегка по дуге.

Есть основания полагать, что в некоторых могилах существовало надмогильное перекрытие. На это указывает характерное смещение костей, запрокинутый череп, что могло произойти только, если вокруг покойного находилось пустое пространство. Остатки деревянных столбиков, зафиксированные в погребениях на памятниках Раздумье-1 и Чумыш-Пережат, вероятно, являются свидетельствами таких надмогильных сооружений.

Очень сомнительно, чтобы покойных пеленали, заворачивали или зашивали в мешок. На это указывает расположение находок, которые укладывались поверх усопшего, а в ряде случаев в строго отведенные на теле места — вкладышевые кинжалы и каменные клинки размещали на поясе (Усть-Иша, Солонцы-5); ножи-бифасы на предплечье (Фирсово-11). Для похороненных на боку с подогнутыми ногами подобное завертывание или пеленание кажется вообще не реальным. Кроме этого, есть все основания полагать, что одежда усопших целенаправленно изготавливалась к траурной церемонии. Украшенная многочисленными нашивками из кости и зубов крупных животных, она была совершенно не практична к повседневной носке. Мертвых наряжали, провожая их в последний путь. Хотя не следует отрицать, что после размещения усопшего на дне могилы его могли накрывать саваном.

По мнению автора, расположение рук, когда кисти покоились на верхней части тазовых костей, обусловлено не столько погребальными традициями, сколько практическими соображениями. Вероятно, тело помещали в могилу, держа его за ноги и плечи. Чтобы руки не болтались безвольно, как плети, и не цеплялись за края могилы, их просто укладывали поверх туловища. Достаточно часто руки располагались параллельно телу. Известен случай, когда правая рука лежала «традиционно», а левая кисть и кости предплечья оказались не на, а под тазовыми костями (Фирсово-11). Есть и другие примеры.

Тоже самое можно сказать о ногах «стянутых в коленях». Достаточно часто ноги не «стянуты», а лежат совершенно свободно. По всей видимости, этой детали во время погребения не придавали значения. Думается, что на положение ног влияли другие факторы: ширина могильной ямы, степень разложения тела, погребальная одежда и т. п.

Предположение, что наклон головы вперед достигался наличием «несохранившихся подушек под черепом» — достаточно распространенное заблуждение. В действительности ей не пытались предать какое-либо особое положение за счет подкладывания подушки. Голова наклоняется вперед совершенно естественным образом в результате разложения тела и распада связок. Однако такое возможно, только если вокруг усопшего на момент погребения была пустота. Это является еще одним аргументом в пользу наличия надмогильного перекрытия, как одного из элементов погребального обряда населения неолита-энеолита на территории лесостепного и предгорного Алтая.

Библиографический список

- Кунгуров А. Л. Два погребения с могильника 1 МГК-1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Вып. 4, ч. 2. С. 220–225.
- Фрибус А. В., Грушин С. П. Культурно-хронологические комплексы могильника Чумыш-Перекал (предварительное сообщение по результатам работ 2014 г.) // Человек и Север: антропология, археология, экология. Тюмень, 2015. С. 196–199.
- Фрибус А. В., Грушин С. П. Неолитический комплекс могильника Чумыш-Перекал // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле — Белокурихе. Барнаул, 2017. Т. I. С. 188–192.

A. V. SCHMIDT

ELEMENTS OF THE FUNERAL PRACTICES IN THE NEOLITHIC — ENEOLITHIC IN THE TERRITORY OF THE FOREST-STEPPE AND THE ALTAI PIEDMONT AREA

In the territory of the forest-steppe and the piedmont Altai there are 16 known Neolithic-Eneolithic burial sites, 95 interments of which have been studied. In most of them (82 interments) the bodies were placed in supine position. The wrists of the deceased were placed on the upper part of the hips; the legs with the “knees held together”; the head bent forward so that the chin rested on the breast. The prevailing position of the deceased was with the head facing the northeast sector. In a majority of cases, there were no grave spots, however, in some occasions the appropriate dimensions of the grave could be estimated by the skeleton position. The clothes for the deceased were made on purpose for the funeral ceremony. On the basis of the more detailed study of these and other elements of the funeral practices the author presumed that during the researched period the erection of some surface structures was practiced in the region.

Alexander V. Schmidt — Candidate of Historical Sciences, Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk). E-mail: tison172@mail.ru

A. В. ШМИДТ, К. Н. СОЛОДОВНИКОВ

МЕТОДИКА И ПРАКТИКА РАБОТЫ СО «СТАРЫМИ» ПОЛЕВЫМИ ОТЧЕТАМИ*

Изучение старых полевых отчетов (середина — вторая половина XX в.) может быть сопряжено с рядом трудностей: формальное описание объектов без обращения к деталям; ч/б фото, зачастую низкого качества; глазомерные планы, составленные от руки; схематичная зарисовка объекта; место хранения отчета и находок могут разделять тысячи километров. Для преодоления этих проблем, авторы предлагают с помощью графических компьютерных программ по фотографиям

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00779 «Антропологические и археологические грани этногенеза населения юга Западной и Средней Сибири в эпохи неолита и ранней бронзы» (рук. К. Н. Солодовников).

корректировать схематические рисунки. Применяв разработанную методику к неолитическим материалам могильника Фирсово XI, авторы, спустя 25 лет установили, что в коллективном погребении у скелета № 1 левая локтевая кость была заменена правой от другого индивида. Тело № 3 еще до похорон подверглось сильному разложению.

Шмидт Александр Викторович – к.и.н., Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск).

E-mail: tison172@mail.ru

Солодовников Константин Николаевич – к.и.н., Тюменский научный центр СО РАН (Россия, Тюмень).

E-mail: solodk@list.ru

Сейчас отчет о выполненных археологических полевых работах – это полноценный научный труд, правила оформления которого напрямую подчиняются современным требованиям и достижениям технического прогресса. Такой отчет обязательно содержит географические координаты, полученные приборами глобального позиционирования; топографические инструментальные планы высокого качества; аэро- и космоснимки; качественные цветные фотографии и т. п. Нередко держатели Открытых листов включают в него определения естественно-научного профиля – антропологические, палеоботанические, палеозоологические, трасологические, радиоуглеродное датирование и т. п. Можно встретить великолепные цифровые реконструкции, включая 3D моделирование. Современная компьютерная техника позволяет подготовить научный отчет быстро и качественно, превращая его в своеобразное произведение искусства.

В прошлом (середина – вторая половина XX в.) выполнить отчет качественно, на высоком техническом уровне с привлечением высококвалифицированных специалистов, могли позволить себе только крупные научные центры. По сути, для 1950–1980-х гг. было аксиомой: качество – это дорого и долго. В основной массе старые отчеты представляют собой: текст, набранный на печатной машинке; ч/б фото, зачастую низкого качества; чертежи, выполненные от руки; графические иллюстрации. Бывало, чтобы передать цветовую гамму находок, исследователи раскрашивали свои рисунки цветными карандашами.

Сейчас машинописные и рукописные отчеты ушли в прошлое, но не исчезли. Они остались в архивах организаций, связанных с археологией. Исследователям в рамках изучения своей научной темы периодически приходится обращаться к таким отчетам.

Основные трудности:

1. Формальное описание объекта. Нередко бывает, что описание носит общий характер, без обращения к деталям. Как правило, это обусловлено отсутствием специалиста, способного дать развернутые разъяснения (антрополог, «каменщик» и т. п.).

2. Черно-белые фотографии низкого качества, небольшого формата. Профессиональный фотограф и сейчас присутствует далеко не в каждой экспедиции, а черно-белая фотография – это не цифровое фото. Пока не проявишь пленку и не напечатаешь фотографию – не узнаешь качество получившегося изображения.

3. Глазомерные планы, составленные от руки. Спустя несколько десятилетий найти по таким планам археологический объект на местности зачастую бывает практически невозможно.

4. Схематичная зарисовка объекта. Здесь особенно страдают погребения. Как и фотограф, хороший художник есть не в каждом отряде. Когда его функции начинает выполнять человек, пусть даже с художественным образованием, но не умеющий создать

археологический рисунок, на выходе мы получаем весьма условное изображение, иногда напоминающее «палка, палка, огуречик». Подобные изображения нередко встречаются в широко растиражированных публикациях. Здесь сразу встают вопросы: насколько верно зарисовано положение умершего; точно ли отображено расположение находок в схематично зарисованной могиле.

5. Место хранения отчета и находок, о которых в нем идет речь, могут разделять тысячи километров и сверить одно с другим оказывается невозможным.

Крайне сложно работать с отчетом, сочетающим в себе все вышеперечисленные проблемы. Особенно, если хочешь ввести в научный оборот интересные, ранее неопубликованные материалы. Авторы данной работы предлагают следующее решение. Используя графические компьютерные программы, схематический рисунок можно скорректировать по фотографиям. Чем их больше, тем лучше, но фото дают искажение. Тогда, используя имеющийся схематический рисунок в качестве масштаба, мы где-то растягиваем, где-то сужаем отдельные участки фотографии, достигая нужных размеров и пропорций. Ключевыми точками совпадения схематического рисунка и фотографии могут выступать концы длинных костей, отдельные находки и т. п. После того, как искажение исчезло, или сведено к минимуму, мы просто совершаем прорисовку по получившейся фотографии. При такой корректировке полевого плана особое внимание уделяется мелким деталям, которые могли просто выпасть из поля зрения исследователей в момент раскопок.

Данная методика была успешно опробована при работе с неолитическими материалами могильника Фирсово XI (исследования 1993 г.), расположенного в Верхнем Приобье. В силу обстоятельств тогда в составе экспедиции отсутствовал профессиональный фотограф, художник, не было антрополога и специалиста в области каменного века. Все это негативно отразилось на качестве проведенных работ.

Переделывая схематические планы погребений по выработанной методике, авторы обратили внимание на анатомические несоответствия в одном коллективном погребении. Так, у скелета № 3 большая берцовая кость правой ноги лежала не на своем месте, а между бедренными костями и «вверх ногами», то есть дистальным эпифизом вверх, в сторону головы, а проксимальным — вниз, к стопам. Также фотография указала, что его правая рука лежит в могиле наоборот — задняя поверхность плечевой кости обращена вверх, за счет чего изгиб в локте получился неестественным. Это позволило сделать вывод о вторичном характере захоронения. Еще до похорон тело покойного подверглось сильному разложению и на момент погребения буквально разваливалось на части.

Изучая по фотографиям положение предплечья левой руки скелета № 1, авторы обратили внимание, что лучевая кость располагается в соответствии с анатомической позицией, но локтевая находится в перевернутом состоянии, то есть «вверх ногами». Обратившись непосредственно к остеологическому материалу погребения, хранящегося в кабинете антропологии Алтайского госуниверситета, авторы дистанционно выяснили, что у скелета № 1 имеются две правых локтевых кости и ни одной левой. Соответственно, «вверх ногами» слева от корпуса рядом с лучевой костью мужчины расположена правая локтевая кость другого индивида. Кроме этого, при изучении посткраниального скелета выяснилось, что при жизни он пережил перелом правой локтевой кости со смещением. В результате сращения образовалась значительная костная мозоль, а диафизы локтевой и лучевой костей существенно изогнулись в латеральных направлениях от оси предплечья.

V СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (ХАНТЫ-МАНСКИЙ, 11–14 ДЕКАБРЯ 2019)

Последствием данного увечья руки, вероятно, была значительная утрата ее функциональных возможностей.

Перечисленные детали удалось установить спустя 25 лет после проведения раскопок по фотографиям с привлечением антропологического материала.

A. V. SCHMIDT, K. N. SOLODOVNIKOV

METHODOLOGY AND PRACTICE OF THE “OLD” FIELD REPORTS STUDY

The study of the old field reports (the middle – the second half of the 20th century) may involve certain difficulties: quite formal description of the objects without reference to details; b/w photos, quite often of poor quality; hand-made drafts on the basis of by-sight estimates; schematic drawings of the objects; the storage locations of the reports and the finds may be thousands of kilometers away from each other. In order to overcome those problems the authors suggest a method of editing the schematic drawings by photos with the use of computer graphics. Having applied the developed technique to the Neolithic materials of the Firsovo XI burial site, the authors could, after 25 years, establish that in a collective interment the left elbow bone of skeleton No. 1 was replaced with the right one, belonging to another person. Body No 3 suffered from a severe decay already prior to the burial.

Alexander V. Schmidt – Candidate of Historical Sciences, Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk). E-mail: tison172@mail.ru

Konstantin N. Solodovnikov – Candidate of Historical Sciences, Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen). E-mail: solodk@list.ru

А. Ф. ШОРИН, А. А. ШОРИНА

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ «КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ — ЮРЬИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ» КАК ИСТОЧНИК ПО НЕОЛИТУ ЗАУРАЛЬЯ

Обозначены основные направления проведенных исследований комплекса памятников археологии «Кокшаровский холм — Юрьинское поселение». Более подробно раскрыто значение его материалов для создания культурно-хронологической шкалы, особенно начального этапа неолитизации региона, связанного с населением кошкинской культуры. На материалах памятника показана возможность объективного сопоставления радиоуглеродных дат, полученных как по углю, так и ¹⁴C, извлеченного непосредственно из керамики. Эти даты обычно не противоречат друг другу.

Шорин Александр Федорович – д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: shorin_af@mail.ru

Шорина Анастасия Александровна – Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: aashor@mail.ru

Раскопки комплекса памятников археологии «Кокшаровский холм — Юрьинское поселение» проводились авторами около 20 лет. По материалам этих работ опубликовано более 60 статей. Тем самым созданы условия для подведения некоторых итогов в оценке этого памятника как источника по археолого-исторической реконструкции древнейшего прошлого региона.

Основные находки относятся к эпохе неолита, хотя в культурных слоях памятника присутствуют также поселенческие артефакты, относящиеся к эпохам энеолита (аятская культура), бронзы (коптяковская, черкасульская и бархатовская культуры), а также святилищный комплекс, оставленный в VII–VIII вв. населением батырской культуры.

Особенно информативны на памятнике артефакты неолитической эпохи.

Во-первых, именно с этим периодом связано функционирование на одной территории сразу двух типов археологических памятников: святилища Кокшаровский холм и Юрьинского поселения, в центре которого первый и был воздвигнут. Тем самым открывается возможность сопоставления артефактов, задействованных как в культовой, так и профанной (повседневной-обыденной) сфере.

Во-вторых, в культурных слоях этих взаимосвязанных памятников отложились артефакты всех культурных комплексов региона: кошкинский, козловский, полуденский, боборыкинский; причем, в рамках второго и четвертого были впервые выделены особые локальные варианты (типы керамики): кокшаровско-юрьинский и басьяновский. Тем самым, через стратиграфический, планиграфический и радиоуглеродный анализы материалов памятника созданы возможности построения объективной последовательности культурно-хронологической эволюции населения лесного и лесостепного Зауралья на протяжении всей неолитической эпохи. Эта культурно-хронологическая шкала обеспечена самым большим для региона массивом радиоуглеродных дат: 28 из них получены по ^{14}C , извлеченного непосредственно из керамики, 26 — по углю. Эта шкала, в свою очередь, позволила решить еще две задачи:

а) выстроить схему функционирования Холма и поселения как культового и хозяйственно-жилого комплекса на разных этапах его эволюции;

б) проанализировать сопряженность, а значит и объективность дат, полученных по разным основаниям. А это важная проблема методологического плана.

В-третьих, выявлены маркеры и основные векторы эволюции сакрального пространства такого своеобразного типа культовых комплексов Евразии, как так называемых «жертвенных холмов». Так как Кокшаровский холм среди немногочисленных памятников подобного типа (их около полутора десятков) изучен наиболее полно, то есть надежда, что многие наработки по нему будут востребованы коллегами; подтверждены или, наоборот, опровергнуты как ошибочные. Первые попытки в этом направлении, кстати, сделаны уже и нами:

а) выявлено общее и особенное, что свойственно наиболее полно раскопанным насыпным святилищам Кокшаровский холм и Чертова гора,

б) обоснована возможность сравнения и выявлены параллели между такими далекими по времени культовыми комплексами как Кокшаровский холм и святилища коренных народов Урала XVIII–XX столетий: ханты, манси, удмурты.

Проиллюстрируем решение еще одной из обозначенных выше проблем. Это построение культурно-хронологической шкалы эпохи неолита Среднего и Южного Зауралья в горно-лесной ее части и прилегающих территорий Зауральского пенеблена, расположенных в пределах Свердловской (южнее 59° с. ш.) и севера Челябинской обл., западной (притобольской) части юго-таежной зоны Тюменской области, лесостепных районов Челябинской и Курганской обл.

Для данной территории нам известно 154 радиоуглеродные даты, 130 из них можно связывать с одним, реже двумя, но, видимо, одновременными, неолитическими культурными

комплексами. Из этих 130 дат 52, т. е. 40 %, происходят с Кокшаровского холма. То есть, достоверность культурно-хронологической шкалы региона во многом зависит от объективности и корректности дат, полученных с этого памятника. Особенно это касается начального этапа неолитизации региона; процесса, во многом соотносимого с носителями кошкинской культурной традиции. Из 52 дат 32, т. е. больше половины, связаны с кошкинскими комплексами Кокшаровского холма. На это в свое время обратил внимание В. С. Мосин и выразил определенное опасение, являются ли столь ранние, около третьей четверти и даже середины VII тыс. до н. э., BC Cal даты объективными [Выборнов, Мосин, Епимахов 2014, с. 45, табл. 2, 24–27]. Сейчас количество дат этого хронологического интервала возросло не только по материалам Кокшаровского холма [Шорин, Шорина 2018, с. 102], но они получены также со стоянок Береговая XIII (Филин Остров) [Чаиркина, Кузьмин 2018, с. 125] и Береговая 2 торфяниковая [Жилин, Савченко 2015, с. 195]. Правда, на последнем памятнике две из трех таких ранних дат, 6252–6070 и 6244–6073 2σ BC,* получены по нагару без указания возможного резервуарного эффекта. Хотя такой же интервал, 6221–6067 2σ BC, показывает третья дата, полученная по клевцу из рога лося. Таким образом, реальный интервал бытования кошкинских комплексов может быть определен, как по материалам Кокшаровского холма, так и другим памятникам отмеченного региона Зауралья, периодом, по крайней мере, от середины — третьей четверти VII до рубежа третьей — последней четверти VI тыс. до н. э.

Кокшаровский холм может служить и иллюстрацией того, насколько даты по ¹⁴C, извлеченного непосредственно из керамики, объективность которых признается не всеми специалистами [см., напр.: Плихт, Шишлина, Зазовская 2016, с. 70–77], сопрягаются с датами, полученными по углю. Сравним данные, связанные с тремя кошкинскими объектам Холма. Значение по 2σ R Combine — 6018–5788 BC, вычисленное по 9 датам, полученным по углю из объекта 15, практически идентично дате по сосуду, связанному с этим комплексом — 6020–5732 BC. Значение по 2σ R Combine — 5707–5621 BC, вычисленное по 5 датам, полученным по углю из объекта 12, не так уж значительно отличается от даты по сосуду, связанном с этим комплексом — 5661–5360 BC. В объекте 6 две даты по углю: 6006–5742 и 5983–5673 BC близки дате пробы Б, полученной по сосуду, связанному с этим комплексом — 5908–5611 BC. Но в то же время дата по углю, 6473–6208 BC, из малого объекта 6а, археологически одновременного большому объекту 6, ближе все же не приведенным выше датам, а к дате пробы А того же сосуда — 6636–6352 BC. Здесь наглядно видно, что даты как по углю, так и даты по ¹⁴C из керамики, могут давать разные значения в рамках даже одного археологического комплекса. Объяснения этому пока нет.

Библиографический список

- Выборнов А. А., Мосин В. С., Епимахов А. В. Хронология Уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1 (57). С. 33–47.
- Жилин М. Г., Савченко С. Н., Зарецкая Н. Е. Раскопки ранненеолитических торфяниковых стоянок Варга 2 и Береговая II в Среднем Зауралье // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. СПб., 2015. С. 193–197.
- Плихт Й ван дер, Шишлина Н. И., Зазовская Э. П. Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект. М., 2016. Труды ГИМ. Вып. 203.

* Калибровка всех значений дат производилась через сайт <http://c14.arch.ox.ac.uk/oxcal.html>. Калибровочная программа: OxCal 4.3.2. Калибровочная кривая: IntCal 13 atmospheric curve.

- Чаиркина Н. М., Кузьмин Я. В. Новые радиоуглеродные даты эпохи мезолита — раннего железного века Зауралья // Урал. ист. вестн. 2018. № 2 (59). С. 124–134.
 Шорин А. Ф., Шорина А. А. Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Кокшаровского холма // Урал. ист. вестн. 2018. № 3 (60). С. 97–107.

A. F. SHORIN, A. A. SHORINA

THE COMPLEX OF ARCHAEOLOGICAL SITES “KOKSHAROVO HILL — YURJINO SETTLEMENT” AS A SOURCE OF DATA ON THE TRANS-URAL NEOLITHIC

The authors have outlined the main areas of the study performed on a complex of archaeological sites “Koksharovo Hill — Yurjino settlement”. They provided a detailed description of the importance of its materials for the building of the cultural and the chronological scale, particularly for the initial stage of the region’s Neolithization associated with the Koshkino culture population. Using the materials of the site, they demonstrated the possibility of objective comparison of radiocarbon dates obtained for charcoal, and the ¹⁴C, extracted directly from the pottery. As a rule, those dates were not conflicting.

Alexander F. Shorin — Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: shorin_af@mail.ru

Anastasia A. Shorina — Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: aashor@mail.ru

N. M. CHAIRKINA, O. V. KARDASH, H. PIEZONKA, E. N. DUBOVTSEVA, G. P. VIZGALOV

NEW RESEARCH AT THE EARLY NEOLITHIC COMPLEX SETTLEMENT OF KAYUKOVO 2, WESTERN SIBERIA

The emergence of complex enclosed sites among Stone Age hunter-gatherers in the Western Siberian taiga in the 7th–6th millennium cal BC is an outstanding phenomenon in world prehistory. One of the early complex settlements in the Western Siberian taiga is Kayukovo 2 in the Ob’-Irtys interfluvium. First discovered in 1991, excavations in the 2000s revealed a concentric internal structure with a large sunken-floor building in the centre and four surrounding smaller pit houses. The investigations were resumed in 2018 by an international Russian-German team conducting geomagnetic survey, drillings for geomorphology, and small-scale excavation in one of the house pits. The artefact collection comprises a few lithic finds, including ground tools, bone and antler tools, and ceramic fragments. The absolute chronology of the site is based on a series of radiocarbon dates, among them five AMS dates on charcoal samples from the constructive elements of house 4. The dates indicate a functioning of the site in of the 6th mill. cal BC, underlining its association with the early phase of appropriation of the taiga by Stone Age hunter-fisher-potter communities.

Natalia M. Chairkina — Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: chair_n@mail.ru

Oleg Kardash — Candidate of Historical Sciences, Surgut State University (Russia, Surgut). E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Henny Piezonka — Dr., University of Kiel (Germany, Kiel). E-mail: hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

Ekaterina N. Dubovtseva — Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: ket1980@yandex.ru

Georgi P. Vizgalov — Candidate of Historical Sciences, Surgut State University (Russia, Surgut). E-mail: vizgalovgp@mail.ru

The emergence of complex enclosed sites among Stone Age hunter-gatherers in the Western Siberian taiga in the 7th–6th millennium cal BC is an outstanding and unique phenomenon in world prehistory as it is representing one of the earliest instances of communities enclosing and fortifying their settlements worldwide. The early enclosed sites in the taiga are associated with substantial sociocultural and economic changes connected to the first intense settlement in the taiga during the Holocene. It is unclear, however, what has led to such complex hunter-gatherer life ways with new, enclosed settlement types. Given the current, still very limited knowledge on the phenomenon of complex enclosed hunter-gatherer sites of the 7th–6th millennium cal BC in Western Siberia, new fieldwork in combination with multidisciplinary analyses is necessary in order to better understand the sites within their cultural, societal and environmental setting.

One of the early complex Stone Age settlements in the Western Siberian taiga is Kayukovo 2 in the Ob'-Irtysh interfluvium. The site is located on an elongated sandy ridge on the watershed of the upper reaches of the Bol'shoj Salym river and the middle reaches of the Bol'shoj Yugan river (left tributaries of the River Ob'). Administratively, this territory is part of Nefteyugansk region of Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra in Russia. In 1991, the site was first discovered and has been named Kayukovo after the Khanty family living near this archaeological site in the Punsu yurts. Kayukovo 2 consists of an enclosed settlement site c. 35 m in diameter; an adjacent open settlement c. 50 m to the west is named Kayukovo 1. Initial excavations at Kayukovo were conducted in 2000–2004 [Ивасько 2002; Северная археология 2010]. The investigations were resumed in 2018 by an international Russian-German expedition. The team conducted geomagnetic survey, drillings for geomorphology, and small-scale excavation in one of the house pits at Kayukovo 2.

The enclosed settlement of Kayukovo 2 has a sub-circular layout with surface features indicating a concentric internal structure: A large sunken-floor building in the centre is surrounded by a ring of four smaller pit houses. The complex is encompassed by a bank; excavations also revealed a surrounding ditch. The central building and two of the smaller structures were partially excavated, revealing square house pits with burnt structural elements of walls and roofs indicating destruction by fire. During the new investigations in 2018, the excavation of house pit 4 was completed down to subsoil. A corridor connecting the dwellings and possibly encircling most of the site was identified. A western entrance to the internal platform that was marked with two fireplaces was also discovered. The buildings are interpreted as square or rectangular pithouse type dwellings with wooden carcass constructions, heated by central fireplaces.

The artefact collection comprises a few lithic finds, including ground tools, bone and antler tools, and ceramic fragments. The pottery has a specific character with flat as well as conical bases, pronounced profiles and impressed ornamentation. During the new excavations in House pit 4 in 2018, the remains of at least 18 vessels came to light, among them one with a rounded base, further fragments are associated with a corridor and the central large house pit (constructions 6, 7,) that were partly exposed in the excavation trench. Typological similarities of the ceramic complex from Kayukovo 2 exist with the material from Barsova Gora II/9b and Mikishkino 5 [Ивасько 2008] at the Middle Ob' [Чемякин 2009, с. 200–212], with pottery from certain constructions at the Early Neolithic fortified site of Amnya 1 (houses 1, 4 and parts of the defensive system; [Стефанов, Борзунов 2008, с. 93–111] and also with material from Sumpanya III [Ковалева 2008, с. 123–134] and the ritual mound of Chertova Gora [Сладкова 2008, с. 147–158] in the River Konda basin region. New finds from the Baraba steppe also show similarities concerning the overall morphology and decoration of the vessels [Молодин и др.

2018]. The absolute chronology of the site is based on a series of radiocarbon dates, among them five AMS dates on charcoal samples from the constructive elements of house 4. The dates indicate a functioning of the site in of the 6th mill. cal BC, underlining its association with the early phase of appropriation of the taiga by Stone Age hunter-fisher-potter communities.

The architectural layout of the residential complex of Kayukovo 2 appears at the moment unique among known settlements of Neolithic hunters and gatherers in Western Siberia. In 2018, however, about a hundred kilometers east in the middle reaches of the Bolshoy Yugan river, a similar and synchronous archaeological site, Kachnisap 2, was discovered, indicating that the specific site type recorded at Kayukovo might belong to a more widespread yet unexplored architectural phenomenon. On the basis of a complex of original features (planning organization of the settlement, architecture of residential buildings, as well as original ceramics, specific form of stone tools) a specific Kayukovo cultural type has been suggested [Ивасько 2008]. Further field work and multidisciplinary analytical work is needed in order to trace socio-cultural networks connecting the remote taiga regions among each other and with other areas further south, west and east. An important open question that needs to be followed up with targeted research agendas concerns the role of environmental change for the developments that lead to the emergence of complex settlements among Early Holocene Stone Age foragers in this part of the world.

Bibliography

- Ивасько Л. В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 112–122.
- Ивасько Л. В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 7–25.
- Ковалева В. Т. Поселение Сумпанья III и проблема культурно-хронологической атрибуции памятников кошкинского типа в таежной зоне Западной Сибири // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 123–134.
- Молодин В. И., Райнхольд С., Мильникова Л. Н., Ненахов Д. А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3: Археология и этнография. С. 39–56.
- Северная археология. Нефтеюганск; Екатеринбург, 2010.
- Сладкова Л. Н. Чёртова гора – неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала. 2008. Вып. 25. С. 147–158.
- Стефанов В. И., Борзунов В. А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург, 2008. С. 93–111.
- Чемякин Ю. П. Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или двадцать лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 198–213.

Н. М. ЧАИРКИНА, О. В. КАРДАШ, Х. ПИЕЦОНКА, Е. Н. ДУБОВЦЕВА, Г. П. ВИЗГАЛОВ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПОСЕЛЕНИЯ КАЮКОВО 2 В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Появление первых городищ охотников-собирателей каменного века в Западно-Сибирской тайге в VII–VI тыс. до н. э. является выдающимся явлением доисторического мира. Одним из ранних городищ в Западно-Сибирской тайге было Каюково 2 в междуречье Оби и Иртыша. Памятник открыт в 1991 г. Раскопки, проведенные в 2000-х, позволили выявить круглоплановую внутреннюю структуру с крупным заглубленным строением в центре и четырьмя более мелкими землянками по периметру. Изучение памятника было возобновлено в 2018 г. Совместной российско-германской группой

археологов была проведена геомагнитная съемка, исследование геоморфологии, и ограниченные по объему раскопки на одной из землянок. Коллекция артефактов содержит несколько каменных шлифованных орудий, орудия из кости и рога, и фрагменты керамики. Абсолютная хронология памятника основана на серии радиоуглеродных дат, включая пять AMS дат, полученных для образцов древесного угля из структурных элементов строения 4. Даты указывают на функционирование памятника в VI тыс. до н. э., что подтверждает его связь с ранним этапом освоения таежной зоны сообществами охотников-рыболовов-гончаров каменного века.

Чаиркина Наталия Михайловна – д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: chair_n@mail.ru

Кардаш Олег Викторович – к.и.н., Сургутский государственный университет (Россия, Сургут). E-mail: kov_ugansk@mail.ru

Пиецонка Хэнни – Dr., Кильский университет (Германия, Киль). E-mail: hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

Дубовцева Екатерина Николаевна – Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: ket1980@yandex.ru

Визгалов Георгий Петрович – к.и.н., Сургутский государственный университет (Россия, Сургут). E-mail: vizgalovgp@mail.ru

A. KHRAMTSOVA, E. L. KOSTYLEVA, B. KRAUSE-KYORA, J. MEADOWS, H. PIEZONKA,
M. V. DOBROVOL'SKAYA, S. V. VASILIEV, E. V. VESELOVSKAYA, A. V. UTKIN

HUNTERS, HERDERS, HEALTH: NEW BIOMOLECULAR AND PALAEOGENETIC RESEARCH ON THE LATE STONE AGE BURIALS AT SAKHTYSH, CENTRAL RUSSIA

The late 4th to 3rd mill. BC in the East European forest zone is characterized by dramatic changes mirrored in material culture, burial customs, and supra-regional contacts of local groups. These transformations are for example reflected in interactions between Volosovo culture hunter-fisher-gatherers and newcomer pastoralists from the forest and forest-steppe zone represented by the Fatyanovo and Balanovo cultural types. Presumably, the contacts had diverse character: cultural influences are visible in borrowed elements of ceramic decoration, modification of certain stone tool types, the increase of copper artefacts, and in the beginning of pastoralism. However, the spread of knowledge was possibly accompanied by violent actions, as reflected by the emergence of mass graves in the Upper Volga region with individuals who died violent deaths. Another possible interpretation of the graves involves epidemics triggered by the spread of infection. In this paper we present and discuss new archaeological, palaeopathological and palaeogenetic analyses on material from the Sakhtysh burial sites, investigating the nature of contacts between the respective forager and pastoralist societies more precisely. We will also discuss the potential of mass graves as a source for interdisciplinary reconstructions.

Anastasia Khramtsova – Graduate student, University of Kiel (Germany, Kiel). E-mail: khramtsovaanastasia@yandex.com

Elena L. Kostyleva – Candidate of Historical Sciences, Ivanovo State University (Russia, Ivanovo). E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru

Ben Krause-Kyora – Dr., University of Kiel (Germany, Kiel). E-mail: b.krause-kyora@ikmb.uni-kiel.de

John Meadows – Dr., University of Kiel; Center for Baltic and Scandinavian Archaeology (Germany, Kiel; Schleswig). E-mail: jmeadows@leibniz.uni-kiel.de

Henny Piezonka – Dr., University of Kiel (Germany, Kiel). E-mail: hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

Maria V. Dobrovol'skaya – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow). E-mail: mk_pa@mail.ru

Sergey V. Vasiliev – Doctor of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Russia, Moscow). E-mail: vasbor1@yandex.ru

Elizaveta V. Veselovskaya – Doctor of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Russia, Moscow). E-mail: e.veselovskaya@rambler.ru

Aleksander V. Utkin – Ivanovo State University (Russia, Ivanovo). E-mail: u_two55@mail.ru

Contacts between groups can be reflected in the archaeological record, for example, by indications for technological transfer, imports, changes in site types and features, and shifts in rituals or daily practices. However, the actual character of the contacts and to what extent they involved e. g. cross-community kinship relations, changes in ethnic self-perception and linguistic developments sometimes might be deduced more precisely by help of interdisciplinary analyses of anthropological material from burial sites. Change in causes of mortality as well as in the health status of a population in general may indicate influence of external factors including new interactions with other social groups. In this respect, the period of the late 4th and the first half of the 3rd mill. BC in the East European forest zone is of great interest, since it is characterized by dramatic changes mirrored in material culture, burial customs, and also long-distance contacts of local groups. These transformations were partially connected to the interactions between Volosovo culture hunter-fisher-gatherers in the forest zone and pastoralists from the forest and forest-steppe represented by Fatyanovo and Balanovo cultural types that are representing the extension of the Corded Ware horizon into the East European Plain.

Presumably, the contacts had diverse character: cultural influences can be seen in imported Fatyanovo ceramic vessels and some stone tools in the Late Volosovo cultural layers, the increase of copper artefacts, and in the beginning of pastoralism [Крайнов 1987]. However, the inter-group contacts have presumably been accompanied by violent actions, as reflected by the emergence of mass graves in the Upper Volga region with individuals who died violent deaths. The most illustrative cases derive from the burial sites which are located by the Sakhtysh lake – Sakhtysh II and Sakhtysh IIa where the Late Stone Age horizon is well represented [Костылева, Уткин 2010; Piezonka et al. 2013]: For instance, traces of violence, represented by lesions caused by stone axes, have been detected on the bones of four individuals from grave 4 at Sakhtysh II. A collective burial of nine individuals with Fatyanovo cultural affiliation who were shot by flint arrowheads of Volosovo type was excavated at Nikolo-Perevoz I. Here, the arrowheads were found between and inside vertebra and ribs. Individuals from other graves at the site died from head wounds caused by battle axes [Раушенбах 1960, с. 36].

Another possible explanation for the emergence of mass graves in this period could have been epidemics, the spread of which might have been facilitated by inter-group contacts and interaction [Уткин, Костылева 2006, с. 125, 126; Rascovan et al. 2019; Andrades Valtueña et al. 2019; Rasmussen et al. 2015]. This hypothesis is based on the simultaneous emergence of the collective burials, some of which do not provide visible traces of trauma connected to violent death of the individual buried in them. Personal adornments made of imported materials such as serpentine, rock crystal, and marmot teeth, find close parallels in the archaeological materials from the Middle Volga and the Southern Ural regions, indicating long-distance relations between these areas and the forest zone [Костылева, Уткин, Мацане 2018, с. 565–577]. Possibly, some groups of people

from the steppe or forest-steppe might have introduced pathogens from the habitat of marmot, one of disease vectors, into regions further north. Burials containing new, imported items from the South-East are exemplified in the Sakhtysh cemeteries e. g. by burial № 24 at Sakhtysh Ila, where the deceased female was buried with numerous marmot teeth, and by the collective burial 15 at Sakhtysh II, where approximately 20 individuals without visible injuries had been buried within a very short time span and were adorned with amber and serpentine personal ornaments.

In this paper we present new archaeological, palaeopathological, biomolecular and palaeogenetic results on material from the Sakhtysh cemeteries and mass graves in the Upper Volga region against the background of a new series of AMS radiocarbon dates. Based on this evidence we will discuss the nature of contacts and relations between the respective forager and pastoralist societies and investigate their effects more precisely. We will also evaluate the potential of mass graves as a source for interdisciplinary reconstructions.

Bibliography

- Andrades Valtueña A., Mittnik A., Key F. M., Haak W., Allmäe R., Belinskij A., Daubaras M., Feldman M., Jankauskas R., Janković I., Massy K., Novak M., Pfrengle S., Reinhold S., Šlaus M., Spyrou M. A., Szécsényi-Nagy A., Törv M., Hansen S., Bos K. I., Stockhammer P. W., Herbig A., Krause J. The Stone Age plague and its persistence in Eurasia // *Current Biology*. 2019. Iss. 27 (23). P. 3683–3691.
- Piezonka H., Kostyleva E., Zhilin M. G., Dobrovolskaya M., Terberger T. Flesh or fish? First results of archaeometric research on prehistoric burials from Sakhtysh Ila, Upper Volga region, Russia // *Documenta Praehistorica*. 2013. Iss. 40. P. 57–73.
- Rascovan N., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Nielsen R., Willerslev E., Desnues C., Rasmussen S. Emergence and Spread of Basal Lineages of *Yersinia pestis* during the Neolithic Decline // *Cell*. 2019. Iss. 176/1–2. P. 295–305.e10.
- Rasmussen S., Allentoft M. E., Nielsen K., Orlando L., Sikora M., Sjogren K.-G., Pedersen A. G., Schubert M., Van Dam A., Kapel C. M. O., Nielsen H. B., Brunak S., Avetisyan P., Epimakhov A., Khalyapin M. V., Gnuni A., Kriiska A., Lasak I., Metspalu M., Moiseyev V., Gromov A., Pokutta D., Saag L., Varul L., Yepiskoposyan L., Sicheritz-Ponten T., Foley R. A., Mirazon Lahr M., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Early Divergent Strains of *Yersinia Pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago // *Cell*. 2015. Iss. 163. P. 571–582
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М., 2010.
- Костылёва Е. Л., Уткин А. В., Мацане А. «Восточный след» в энеолитических захоронениях Сахтышских могильников // Тверской археологический сборник. Тверь, 2018. Вып. 11. С. 565–577.
- Крайнов Д. А. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 58–76.
- Раушенбах В. М. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз // Тр. ГИМ. М., 1960. Вып. 37. С. 28–37.
- Уткин А. В., Костылева Е. Л. «Рождение» и «гибель» волосовской культуры // Археологическое изучение Центральной России: тезисы междунар. конф., посвящ. столетию со дня рождения В. П. Левенка. Липецк, 2006. С. 124–126.

А. ХРАМЦОВА, Е. Л. КОСТЫЛЁВА, Б. КРАЗЕ-КИОРА, Д. МЕДОУС, Х. ПИЕЦОНКА,
М. В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, С. В. ВАСИЛЬЕВ, Е. В. ВЕСЕЛОВСКАЯ, А. В. УТКИН

ОХОТНИКИ, ОЛЕНЕВОДЫ, ЗДОРОВЬЕ: НОВЫЕ БИМОЛЕКУЛЯРНЫЕ И ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МАТЕРИАЛАХ МОГИЛЬНИКОВ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА ПОСЕЛЕНИЯ САХТЫШ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Период конца IV — начала III тыс. до н.э. в лесной зоне Восточной Европы характеризовался драматическими изменениями, что нашло свое отражение в материальной культуре, погребальных

обрядов, и развитии над-региональных контактов местного населения. Эти трансформации нашли отражение, например, во взаимодействии между охотниками-рыболовами-собираателями Волосовской культуры, и пришлыми скотоводами из лесной и лесостепной зон, представленными Фатьяновским и Балановским типом культур. Предположительно, контакты носили разнообразный характер: влияние прослеживается в заимствованных элементах орнамента керамики, модификации определенных типов каменных орудий, увеличении числа медных предметов, и признаках развития скотоводства. При этом распространение знаний вероятно сопровождалось насильственными действиями, что отразилось в появлении массовых захоронений, некоторые из погребенных в которых явно умерли насильственной смертью, на территории Верхнего Поволжья. Еще одним возможным объяснением появления таких захоронений может быть эпидемия, вызванная распространением инфекции. В настоящей работе мы представим обсуждение новых данных археологических, палеопатологических и палео-генетических исследований на материалах могильника Сахтыш, полученных в ходе более детального изучения природы контактов между культурами собирателей и скотоводов. Мы также обсудим потенциал использования массовых захоронений в качестве источника для междисциплинарных реконструкций.

Храмцова Анастасия – аспирант, Кильский университет (Германия, Киль).

E-mail: khramtsovaanastasia@yandex.com

Костылёва Елена Леонидовна – к.и.н., Ивановский государственный университет (Россия, Иваново).

E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru

Краузе-Киора Бен – Dr., Кильский университет (Германия, Киль).

E-mail: b.krause-kyora@ikmb.uni-kiel.de

Медоус Джон – Dr., Кильский университет; Центр Балтийской и Скандинавской археологии (Германия, Киль, Шлезвиг). E-mail: jmeadows@leibniz.uni-kiel.de

Пиецонка Хенни – Dr., Кильский университет (Германия, Киль).

E-mail: hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

Добровольская Мария Всеволодовна – д.и.н., Институт археологии РАН (Россия, Москва).

E-mail: mk_pa@mail.ru

Васильев Сергей Владимирович – д.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, Москва).

E-mail: vasbor1@yandex.ru

Веселовская Елизавета Валентиновна – д.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, Москва). E-mail: e.veselovskaya@rambler.ru

Уткин Александр Витальевич – Ивановский государственный университет (Россия, Иваново).

E-mail: u_two55@mail.ru

K. MANNERMAA

WHY DID LATE MESOLITHIC FISHERMEN BURY THEIR DEAD WITHOUT FISH OR FISHING EQUIPMENT? NEW RESULTS OF BIOANALYSES FROM YUZHNIY OLENIY OSTROV, LAKE ONEGA

Stable isotopes from human skeletons from the major cemetery at Yuzhniy Oleniy Ostrov, Lake Onega, North-Western Russia indicate a high reliance on fishing. However, fish bones were not used in making the decorations used in mortuary practices, and fishing gear was not commonly deposited in burials. Instead, only teeth from Eurasian elk, brown bears and Eurasian beavers were used to fashion the pendants deposited in the graves, either as part of the death costumes of the deceased or as a material component of the burial itself. If ornaments made from tooth pendants, and weapons and other utensils placed in graves could indicate the wealth of the deceased, as exhibited in the funeral, then fish and fishing gear did not apparently have much wealth significance for the people who used the cemetery. It seems that symbolism associated with fish and fishing has been systematically excluded in the mortuary practices of

Yuzhniy Oleniy Ostrov. In this article we consider possible reasons behind such an assumption, and study how hunting and gathering subsistence strategies are reflected in burial sites in the larger northeastern European context.

Mannermaa Kristiina – PhD, University of Helsinki (Finland, Helsinki). E-mail: kristiina.mannermaa@helsinki.fi

With 176 excavated graves dating to the Late Mesolithic, the Yuzhniy Oleniy Ostrov burial site on an island in Lake Onega is the largest Mesolithic cemetery in northeastern Europe, and one of the most important archaeological sites in Europe. Much of the find assemblage from the site is still lacking systematic analysis, despite the fact that the site was excavated more than eighty years ago. The well preserved organic materials, human remains as well as animal remains (artefacts and unmodified bones, teeth and antler) have great potential for bioarchaeological studies. Among recent efforts to better understand the chronology of the site, a program for paired dates from humans bones and associated Eurasian elk *Alces alces* teeth in graves has produced new AMS dates and carbon and nitrogen isotopic results [Schulting et al. 2018]. The results indicate that the cemetery was used only for a span of 100–200 years, c. 6200–6100 cal BC. Stable isotopes from human remains indicate a strong reliance on fish for the studied individuals. Bearing in mind the location of the cemetery on one of the richest freshwater ecosystems in the area, it is not surprising that people relied on freshwater resources in their diet.

However, the burial materials, animal remains, and ornaments, tools, weapons, and figurines found in the graves do not reflect this dependency on fishing. Based on the catalogue of the finds from the graves by Gurina [1956], and our own analysis of the finds stored in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), fish or fishing gear are weakly represented in the grave materials. Of 176 burials, 32 (18 %) are completely without grave goods. 8 % of all burials with finds have objects related to the fishing economy. For comparison, Gurina [1956] reports bone arrows or stone arrowheads in 51 burials (35 % of all burials with finds). Arrows are typically associated with the land mammal hunting economy, although, for example pikes (*Esox lucius*) can be bow or spear fished through the ice during winter, and at shallow spawning sites during the summer. Artefacts made of bird bones have been found in three burials, and unworked bird bones, some of them with cutmarks from filleting, have been found in several burials [Mannermaa et al. 2008; Mannermaa 2016].

One Late Mesolithic settlement site of the same age as the burial ground, was excavated on the western shore of Oleniy island in 2015–2017 by Anton Murashkin and colleagues [Мурашкин, Тарасов, Маннермаа 2011]. The site yielded further evidence of the activities on the island during the time of the cemetery. Bone materials found at the settlement site primarily consists of fish bones, with whitefish (*Coregonus* sp) being the most numerous (few mammalian bones were identified) [Мурашкин, Тарасов, Маннермаа 2011].

Considering the apparent reliance on fishing of the Mesolithic population using the settlement site and the cemetery, it may be seem surprising that the fishing economy is only poorly represented in graves. Burial finds highlight importance of the hunting economy, and an emphasis on elk, beaver and brown bear *Ursus arctos*. An interesting question then arises: why did these Late Mesolithic fishermen bury their dead without or with so scarce fish remains or fishing equipment?

The variation in the amount and types of burial goods and ornaments in graves has been studied as a sign of social diversification [e. g., Хлобыстина 1978; O’Shea, Zvelebil 1984]. The

presence of burials rich in ornaments has often been linked with an accumulation of wealth. For example, O'Shea & Zvelebil [1984, p. 17] associate brown bear and elk tooth pendants with an individual's economic standing (wealth): in this model, the wealthiest persons were the ones with brown bear canine pendants, followed by the ones with elk incisor pendants. This model can be challenged, and it is still unclear why certain persons buried at YOO have more finds in their graves than others, or why certain persons have elk tooth pendants, bear tooth pendants or beaver tooth pendants, while others do not have them.

Fish bones were not used in making the ornamentation used in mortuary practices, and fishing gear was not deposited in burials. If tooth pendants as a form of ornamentation, and weapons and other utensils placed in graves could indicate the wealth of the deceased as exhibited in the funeral, then fish and fishing gear did not have such significance in this role. Fish bones could well have been used for making ornaments, and figurines or sculptures, for instance, could have been designed in the form of fish [e. g., Oshibkina 2008: 54; Cristiani, Boric 2017]. It seems that the symbolism associated with fish and fishing has been systematically excluded in the mortuary practices of YOO. Investigations why this is so may well reveal broader aspects of Mesolithic cultures in the region, and provide useful comparisons to other communities as well.

Bibliography

- Cristiani E., Boric D. Personal Adornments and Personhood among the Late Mesolithic Foragers of the Danube Gorges in the Central Balkans and Beyond // *Not just for Show: The Archaeology of Beads, Beadwork, and Personal Ornaments*, Oxbow, 2017. P. 39–68.
- Mannermaa K. Good to eat and good to think? Evidence of the consumption of ospreys (*Pandion haliaetus*) and white-tailed eagles (*Haliaeetus albicilla*) in the Late Mesolithic at Yuzhny Oleniy Ostrov, NW Russia // *Mesolithic burials – Rites, symbols and social organisation of the early postglacial communities*. Halle, 2016. № 13/II. P. 781–793.
- Mannermaa K., Panteleyev A., Sablin M. Birds in Late Mesolithic burials at Yuzhny Oleniy Ostrov (Lake Onega, western Russia) – What do they tell about humans and environment? // *Fennoscandia archaeologica*. 2008. Vol. 25. P. 3–25.
- O'Shea J., Zvelebil. M. Oleneostrovski mogilnik: reconstructing the social and economic organization of prehistoric foragers in Northern Russia // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1984. Vol. 3, iss. 1. P. 1–40.
- Oshibkina S. V. Mesolithic Burial Grounds and Burial Complexes in the Forest Zone of Eastern Europe // *Anthropology and Archaeology of Eurasia*. 2008. Vol. 46 (4). P. 46–70.
- Schulting R., Higham T., Bronk Ramsey C., Tarasov P., Khartanovich V., Moisyev V., Mannermaa K., Gerasimov D., Weber A. Complex human response to the 8.2 ka BP event in Northern Europe // *Piles of Bones: палеоантропология, биоархеология, палеогенетика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию И. И. Гохмана*. СПб., 2018. P. 213.
- Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.; Л., 1956.
- Мурашкин А. Ю., Тарасов А. Ю., Маннермаа К. Проблема взаимосвязи памятников эпохи мезолита на Южном Оленьем острове Онежского озера // *Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века: тезисы конф.* СПб., 2011. С. 82–93.
- Хлобыстина М. Д. Некоторые вопросы палеосоциологической интерпретации Оленеостровского могильника // *Советская археология*. 1978. № 3. С. 47–57.

К. МАННЕРМАА

**ПОЧЕМУ РЫБОЛОВЫ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА ХОРОНИЛИ СВОИХ УМЕРШИХ БЕЗ РЫБЫ
ИЛИ РЫБОЛОВНЫХ СНАСТЕЙ? НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БИОЛОГИЧЕСКИХ АНАЛИЗОВ
МАТЕРИАЛОВ ПАМЯТНИКА ЮЖНЫЙ ОЛЕНЬИ ОСТРОВ, ОНЕЖСКОЕ ОЗЕРО**

Стабильные изотопы, полученные из тканей человеческих скелетов с крупного могильника Южный Олений Остров, Онежское озеро на северо-западе России, указывают на наличие сильной зависимости населения от рыбного промысла. Рыбьи кости не применялись для изготовления украшений в погребальных обрядах, а рыболовные снасти, как правило, не помещались в захоронения. Напротив, для изготовления подвесок, помещаемых в захоронение, использовались только зубы евразийского лося, бурых медведей и евразийских бобров, такие подвески служили либо частью костюма умерших, либо входили в состав погребального инвентаря. Если украшения, изготовленные из зубов, а также оружие и прочие орудия, помещавшиеся в могилу, могли служить признаком состоятельности умершего, то, судя по содержанию погребального инвентаря, рыба и рыболовные снасти, очевидно, не представляли большой ценности для данной группы населения. По-видимому, символизм, ассоциировавшийся с рыбой и рыбным промыслом, систематически исключался из погребальной обрядности населения Южного Оленьего Острова. В настоящей статье мы исследуем возможные причины, лежащие в основе такой гипотезы, а также в более широком плане рассматриваем отражение присваивающих стратегий охотников и собирателей в погребальной практике на территории северо-востока Европы.

Маннермаа Кристиина – PhD, Хельсинкский университет (Финляндия, Хельсинки).
E-mail: kristiina.mannermaa@helsinki.fi

АРХЕОЛОГИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ
НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ
В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

ARCHAEOLOGY OF THE WAY OF LIFE
OF THE POPULATION OF NORTHERN EURASIA
DURING THE BRONZE
AND THE EARLY STONE AGES

С. А. ГРИГОРЬЕВ

**ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РАЗВИТИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И ЕВРОПЫ**

В развитии металлургического производства имеют место точные соответствия технологий плавки руды и используемых лигатур, что обусловлено физико-химическими процессами в металлургической печи. В основе технологических изменений лежали социально-экономические процессы, которые стимулировали рост потребления металла, переход на новые типы руды, и соответственно, на новые типы сплавов. Внутренних механизмов развития металлургических технологий не существовало, и металлургия не оказывала особого воздействия на развитие общества. Лишь с переходом на медно-железные сульфиды, и соответствующим ему переходом на оловянные лигатуры, формируется широкая сеть обмена, вызванная необходимостью доставки олова из отдаленных источников. С этого времени металлургия начинает оказывать влияние на социально-экономическое развитие.

Григорьев Станислав Аркадиевич – к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Челябинск). E-mail: stgrig@mail.ru

Существуют известные закономерности развития древнего производства меди, которую можно описать как два процесса развития технологий плавки руды и легирования: 1) самородная медь – окисленные руды – сульфидные руды; 2) чистая медь – мышьяковая и сурьмяно-мышьяковая медь – оловянная бронза. Они рассматривались как независимые процессы, а развитие технологий как имманентный процесс, когда металлурги осваивали какую-то технологию, и она начинала распространяться. Однако статистическая обработка анализов металла и шлака Северной Евразии и Европы показала, что эти технологические блоки точно коррелируют друг с другом, и, при наличии отдельных отклонений, обнаруживаются связанные технологические пары: 1) плавка самородной меди и окисленных руд – чистая медь; 2) плавка окисленных руд из ультраосновных пород с мышьяковыми минералами – Cu+As сплавы; 3) плавка блеклых руд – Cu+As+Sb и Cu+Sb сплавы; 4) плавка медно-железных сульфидов – Cu+Sn сплавы. Это является общей закономерностью для Северной Евразии и Европы, и обусловлено температурными и химическими процессами в металлургической печи [Grigoriev 2017; 2018]. В силу этого данная закономерность является универсальной.

Причина этой связи проста. Плавки окисленных руд не в состоянии обеспечить большие объемы производства, так как это процесс без отделения шлака. Плавка окисленных руд из ультраосновных пород при относительно низких температурах в восстановительных условиях позволяла отделять шлак и получать мышьяковую медь. Но при последующем переходе на более распространенные и богатые, но тугоплавкие руды, рост температуры и окислительные условия вели к удалению мышьяка из металла. Схожая ситуация имела место при плавке блеклых руд. Поэтому с переходом на руды из кислых пород и на медно-железные сульфиды исчезает возможность получения Cu+As или Cu+As+Sb сплавов, и им на смену приходит оловянная бронза, которую получали на стадии металлообработки. И в принципе, оловом можно легировать металл из руды любого типа.

Но здесь мы сталкиваемся с двумя парадоксами. Эпизодически, начиная с энеолита, возникает легирование оловом или использование сульфидных руд, однако эти инновации не закрепляются в качестве технологической схемы. Отчасти это вызвано тем, что олово является редким металлом и его внедрение требует широких сетей обмена. Но эта

лигатура не получает широкого использования даже в тех районах, где есть оловянные источники. Например, в старшем РБВ Центральной Европы оловом легировали, но доминировать оно начинает позже. Равным образом в Англии в это время было известно даже металлическое олово, но и там широкое его внедрение происходит позже. И то же касается плавки руды. Известны случаи плавки сульфидов в энеолитическом контексте, но это не получает распространения.

Объясняются эти парадоксы тем, что эти технологические изменения коррелируют еще с одним процессом — ростом потребления металла. В Северной Евразии принято считать, что синташтинская культура чрезвычайно богата металлом, и можно найти описания ее городищ как специализированных металлургических центров, хотя реальная картина скудная: иллюзию создают элитные погребения. Масса синташтинского металла не сопоставима с массой металла ПБВ. На Ближнем Востоке и в Европе мы тоже видим колоссальные скачки в металлопотреблении, совпадающие со сменой типов руды и лигатур [Avilova 2008; Grigoriev 2017, p. 14, 15]. В Европе эти скачки не менее выражены, но особо примечателен один, при переходе к СБВ, когда резко возрастает количество металла. Объясняется это тем, что многие регионы оказываются втянуты в систему торговых связей. Отчасти это обусловлено необходимостью транспортировки олова, но также социальными процессами и ростом торговых связей со Средиземноморьем.

Таким образом, не существует имманентных механизмов развития древнего производства, основанного на изобретении и внедрении инноваций. Любые изобретения превращаются в устойчивую технологическую схему лишь тогда, когда они востребованы обществом.

И здесь мы видим уже ощутимую разницу при сравнении Европы и Северной Евразии. В Евразии в ПБВ доля оловянных сплавов зависит от родственности культур. В период финальной бронзы эта доля снижается с востока на запад, по мере удаления от источников олова. Резкое падение происходит в Восточной Европе, что обусловлено, как расстоянием, так и иным культурным контекстом [Grigoriev 2017, p. 29, 30]. В Европе схожая картина наблюдается в РБВ, но уже в СБВ (что синхронно ПБВ на востоке) зависимость доли оловянных сплавов от удаленности от источников олова исчезает. Это обусловлено тем, что этот регион экономически более развит, и в нем формируется развитая система глобальной торговли [Grigoriev 2018, p. 13–15]. Тем не менее, и в ПБВ Евразии происходят коренные изменения: с возникновением крупных металлургических центров в Южном Приуралье и Центральном Казахстане [Маргулан 2001; Черных 2002], формируются широкие торговые связи, и металлургия, как и в Европе, впервые начинает оказывать обратное воздействие на социально-экономические процессы.

Библиографический список

- Маргулан А. Х. Сочинения: в 14 т. Алматы, 2001. Т. 2: Сарыарка. Горное дело и металлургия в эпоху бронзы. Джекзган — древний и средневековый металлургический центр (городище Милькудук).
 Черных Е. Н. Древнейшее горно-металлургическое производство на границе Европы и Азии: Каргалинский центр // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 11 (3). С. 88–106.
 Avilova L. I. Regional models of metal production in Western Asia in the Chalcolithic, Early and Middle Bronze Ages // Trabajos de Prehistoria 2008. Vol. 65, № 1. P. 55–73.
 Grigoriev S. Social processes in Ancient Eurasia and development of types of alloys in metallurgical production // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2017. Vol. 5, № 2. P. 17–44.
 Grigoriev S. A. Social processes in ancient Europe and changes in the use of ore and alloys in metallurgical production // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2018. Vol. 6, № 2. P. 1–30.

S. A. GRIGORYEV

THE COMMON FEATURES AND THE DIFFERENCES IN THE DEVELOPMENT OF METALLURGICAL PRODUCTION IN NORTHERN EURASIA AND EUROPE

The evolution of metallurgical production was characterized by the existence of exact parallels in smelting technologies and alloying compositions, which was dictated by the physical and chemical processes within a metallurgical furnace. The technological changes were driven by the social and economic processes, which stimulated a growth of metal consumption, a transition to the new types of ore, and, hence, the appearance of new types of alloys. There were no internal mechanisms for the development of new metallurgical processes, and the metallurgy itself did not have any particular influence on the evolution of society. It was only the transition to the use of copper-iron sulfides, and the corresponding transition to the use of tin ligatures, that contributed to the formation of a wide exchange network driven by the need to deliver tin from the remote sources. From that time on metallurgy began influencing the social and the economic development.

Stanislav A. Grigoryev – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Chelyabinsk). E-mail: stgrig@mail.ru

A. B. ГУСЕВ

ТЕХНИКА ОБРАБОТКИ КОСТИ И РОГА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА — УСТЬ-ПОЛУЙ)

В последние годы при раскопках археологического памятника Усть-Полуй, расположенного в районе г. Салехарда, получена многочисленная коллекция изделий из кости и рога. Памятник относится к эпохе раннего железного века и представляет собой, по мнению авторов раскопок, древний сакральное-производственный центр. Коллекция позволяет получить представление о ранее неизвестных орудиях труда, украшениях и бытовых предметах из кости и рога северного оленя. Обилие заготовок, сломанных орудий и полуфабрикатов позволяет достоверно реконструировать технику работы с костью для отдельно взятого региона; выявить инструментарий для работы с этим органическим материалом. Разнообразие категорий и типов изделий дает источник для понимания эволюции многих форм хозяйственных орудий, от рассматриваемого периода до этнографического времени. Эти новые данные могут служить основой значимых исторических реконструкций наряду с другими видами источников.

Гусев Андрей Васильевич – Научный центр изучения Арктики (Россия, Салехард).
E-mail: gusev_av2004@mail.ru

Обработка кости и рога, наряду с камнем и деревом относится к древнейшим технологиям, освоенным человечеством. Ее развитие прошло сложный путь эволюции, в ходе которого сформировались разнообразные традиции, отражающие историческое развитие материальной культуры в разных регионах. В качестве одного из таких регионов может быть выделен Север Западной Сибири, включающий в себя природные зоны северной тайги, лесотундры, предгорий Северного и Полярного Урала. Условиями для его обособления, с одной стороны, стали своеобразный фаунистический набор, заданный природными условиями, и, соответственно, определяющий характер ресурсной базы, с другой, — диктуемые присваивающим хозяйством потребности проживающего здесь населения.

Непреодолимым препятствием на пути реконструкции знаний о древних технологиях обработки кости и рога стала исключительная редкость этой категории изделий в культурном

слое археологических памятников раннего железного века Приобья. Кость, рог и другие органические материалы: дерево, береста, кожа, ткань — имеют гораздо меньший ресурс сохранения, в отличие от сопутствующих им в культурном слое камне, глине и металлам. Обнаружение памятников с сохранившимися предметами из кости и рога, безусловно, всегда удача для западносибирской археологии. Совершенно уникальными явлениями становятся находки предметов древнего искусства, выполненные из кости и рога.

Коллекция костяных изделий Усть-Полуя состоит из двух частей. Первая, насчитывающая не менее 1 тыс. предметов — была получена В. С. Адриановым в 1935–1936 гг., вторая — около 1,3 тыс. изделий и заготовок была получена в ходе раскопок 1993–1995, 2006–2015 гг.

Основным сырьем для изготовления наиболее массовых категорий костяных предметов Усть-Полуя — наконечников стрел, некоторых типов скребков, проколов, косточек для разделения волокон и т. д. — служили пластины из центральной или краевой части диафиза трубчатых костей северного оленя. Наиболее часто употреблялись плюсневые кости задних конечностей. Другим, несколько менее востребованным видом сырья, являлись остальные трубчатые кости скелета — плечевая, берцовая, лучевая, пястная, а также лопатка и грифельные кости. Использование остальных костей зафиксировано в единичных случаях. Не встречены на Усть-Полуе какие-либо предметы, изготовленные из костей черепа, челюстей и зубов северного оленя или лося, а также других млекопитающих.

По материалам Усть-Полуя фиксируются два основных способа первичной разделки трубчатых костей: 1) посредством раскалывания каменным ударником; 2) с помощью надрубания или надрезания и последующего раскалывания заготовки. Дальнейшая обработка велась исключительно с помощью железного ножа и при необходимости дополнялась шлифовкой на каменном абразиве.

Гораздо больший по своему разнообразию набор орудий древние обитатели региона получали из рога северного оленя. Из него изготавливали наконечники стрел и гарпунов сложных форм, накладки на концевые части луков, рыболовные крючки, спицы, наконечники острог, детали доспехов (панцирные пластины, пластины наборного шлема, наручи), детали украшений костюма (элементы поясной гарнитуры, подвески), инструменты, предметы быта и домашнего обихода (рукоятки ножей, хозяйственные крюки, рукоятки шильев), орудия для обработки шкур, инструменты для обработки растительных волокон и шитья, детали упряжи, изделия полифункционального назначения, в том числе украшенные художественными изображениями.

Олений рог, в отличие от кости, материал куда более пластичный, кроме того форма сырья позволяет получать орудия достаточно крупных размеров. Установлены основные способы раскроя оленьего рога — рубка и резание. Большинство операций велось, очевидно, из свежих рогов животных, утилизируемых на площадке памятника.

Такие категории сырья как китовая кость, бивень мамонта и моржовый клык по материалам Усть-Полуя можно характеризовать как весьма редкие. По-видимому, в это время данные материалы не имели какого-либо престижного значения.

Отдельного внимания заслуживает вопрос используемого для разделки кости и рога инструментария. При раскопках были найдены железные ножи (всего 28 ед.), абсолютное большинство из которых имеют короткие и узкие лезвия. Представляется, что данный факт отражает инструментальную ориентированность таких ножей, применяемых в обработке

кости, дерева, кожи на территории древнего святилища. При раскопках на площадке памятника фиксировались отдельные случаи залегания роговой щепы и заготовок. В 2014 г. удалось хорошо проследить отдельный объект явно косторезного характера с большим количеством мелкой роговой стружки, рядом располагались и колотые трубчатые кости.

Изучение изделий и заготовок позволяют говорить о применении в некоторых случаях железных проверток с ограниченной рабочей частью (одно из таких орудий было найдено В. С. Адриановым), а также узкоспециального косторезного инструмента в виде стамески с полукруглым лезвием или штихеля. Ширина рабочей части лезвия составляла чуть более 1 мм. Судить о применении такого штихеля можно по нескольким кускам мамонтового бивня из коллекции В. С. Адрианова и уникальной роговой ложке с изображением двух пушных зверей на рукояти из наших раскопок. Декорирование изделия могло быть выполнено только таким инструментом.

Усть-полуйская коллекция кости представляет собой совершенно новый корпус источников по истории раннего железного века Нижнего Приобья. Сам же памятник, судя по полученным фактам, передает собой сложный комплекс, содержащий не только следы проведения сложных обрядов, но и этап продолжительной подготовки к ним. К сожалению, с утратой в последующие столетия многих производственных навыков, подготовительный этап, предшествующий проведению самого обряда, как не менее сложное и структурированное явление, полностью выпал из поля зрения западносибирской этнографии.

A.V. GUSEV

THE TECHNIQUE OF BONE AND ANTLER WORKING IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA (BASED ON THE MATERIALS OF THE EARLY IRON AGE UST-POLUI SITE)

In recent years, the excavations of the archaeological site Ust Polui in the vicinity of Salekhard produced a significant assemblage of bone and antler artifacts. This early Iron Age site was, according to the authors of the excavations, the ancient sacral and production center. The assemblage provided new information about the so far unknown tools, decorations and everyday items made from bone and reindeer antlers. The abundance of blanks, broken tools and preforms offered an opportunity for an accurate reconstruction of the bone working technique for a particular region, as well as identifying a set of tools used for work with this organic material. A variety of categories and types of the artifacts provided a source for the understanding of the evolution of numerous forms of production tools from the period under study to the ethnographic time. These new data may be used as the basis for the no less important historical reconstructions alongside with the other types of sources.

Andrey V. Gusev – Scientific Center for the Study of the Arctic (Russia, Salekhard).
E-mail: gusev_av2004@mail.ru

А. А. ДУДКО, Ю. А. ВАСИЛЬЕВА, Д. А. БЫЧКОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОМЫСЛОВОГО КОМПЛЕКСА КУЛУНИГЫЙ 66 (БАССЕЙН Р. БОЛЬШОЙ ЮГАН, СРЕДНЕОБСКАЯ НИЗМЕННОСТЬ)

В 2018 г. Юганским отрядом ИАЭТ СО РАН проводились полевые исследования выявленного объекта археологического наследия Кулунигый 66, расположенного на левом берегу одноименной реки, являющейся левым притоком р. Большой Юган. По результатам полевых исследований было

установлено, что зафиксированные на дневной поверхности впадины являются остатками ям-ловушек. В пользу данной интерпретации свидетельствуют их морфо-метрические характеристики и ландшафтно-топографические особенности расположения. Особенности пространственного расположения указывают на то, что промысловый комплекс Кулунигый 66 составляет единый хозяйственно-промысловый объект вместе с группой впадин Кулунигый 61.

Дудко Александр Андреевич – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: a-dudko9@mail.ru

Васильева Юлия Александровна – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: jvsl@mail.ru

Бычков Дмитрий Александрович – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: bda.nsk@yandex.ru

В присваивающем хозяйственном укладе древнего населения таежной зоны Сибири значительную часть занимала охота, в первую очередь на крупного зверя. Наиболее известным типом археологических объектов, свидетельствующим об охоте на крупного зверя, являются остатки ловчих ям. Впервые данные объекты были выделены в 1980-х гг. в бассейне р. Конды [Кокшаров 1993]. К настоящему времени известно об их широком распространении в таежной и лесотундровой зоне Западной Сибири. Аналогичные объекты также выявляются на территории Фенноскандии [Суоминен 2002]. Наиболее древнейшие из них, по результатам радиоуглеродного датирования, были отнесены к позднему мезолиту или концу бореального периода голоцена [Косинская 2009, с. 183]. В этнографических материалах описывается применение данного способа охоты на лося и оленя в междуречье рек Большой Балык и Большой Юган в конце XIX в. [Дунин-Горкавич 1904, с. 154].

Анализ опубликованных результатов исследований ловчих ям позволил сформулировать специфические черты данных объектов, которыми они отличаются от других археологических сооружений, выраженных в современном рельефе. Во-первых, данные объекты располагаются на борových гривах, на удалении нескольких сот метров от водотоков, приурочены к периферии гривы и болота [Косинская 2009] и/или к звериным тропам [Дунин-Горкавич 1904]. Во-вторых, планиграфия таких объектов внутри комплекса имеет определенную линейную структуру. В-третьих, сами впадины, сформировавшиеся в результате археологизации объекта, не имеют типичного для жилищного объекта входа/выхода.

В 2018 г. Юганским отрядом ИАЭТ СО РАН проводились исследования выявленного объекта археологического наследия «группа впадин Кулунигый 66», входящего в комплекс объектов культурного наследия «Когончины». Впадины располагаются на левом берегу реки Кулунигый, в 400–600 м от бровки террасы, на краю останца обтекания, сформировавшегося в результате смещения русла р. Большой Юган к востоку. Изучаемый объект представлял собой ряд из 7-ми впадин, вытянутый на 360 м по подножию гривы в направлении север-северо-восток – юг-юго-запад, на границе соснового леса и болота. Расстояние между впадинами составляло от 5 до 105 м. На дневной поверхности впадины имели следующие морфо-метрические характеристики:

- впадина 1 – подовальной формы размером 6,52 × 7,14 м вытянута с северо-запада на юго-восток, глубина до 0,3 м;
- впадина 2 – овальной формы размером 4,88 × 6,24 м вытянута с севера на восток, глубина до 0,3 м;

– впадина 3 – подовальной формы размером 5,32 × 5,6 м, вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток, глубина до 0,35 м;

– впадина 4 – подовальной формы с обваловкой, размером 11,31 × 13,23 м, вытянута с севера на юг, глубина до 0,35 м; размеры центральной впадины составили 3,05 × 3,32 м; ширина обваловки составила 3,9–6 м, высота – 0,2 м;

– впадина 5 – подовальной формы, размерами 4,29 × 4,43 м, вытянута с севера на юг, глубина около 0,15 м;

– впадина 6 – подовальной формы с обваловкой, размером 13,36 × 13,43 м, вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток, глубина до 0,4 м; размеры центральной впадины составили 4,27 × 4,92 м; ширина обваловки составила 4,25–4,6 м, высота – 0,2 м;

– впадина 7 – подовальной формы с обваловкой, размером 9,58 × 10,96 м, вытянута с севера на юг, глубина до 0,3 м; размеры центральной впадины составили 3,33 × 3,45 м; ширина обваловки составила 3,17–4 м, высота – 0,1 м.

В ходе разбора отложений, на глубине 1–1,5 м от уровня современной дневной поверхности, у сооружения фиксировалась четкая в плане четырехугольная форма со скругленными углами с ориентацией по линии северо-запад – юго-восток или запад – восток. Заполнение сооружений – плотный серый ожелезненный песок со светло-серыми и рыжими пятнами, насыщенный углистыми включениями. Реконструируемые по профилю формы ям чашеобразные, стенки наклонные, кроме сооружения 7 – форма колодеобразная, стенки отвесные. Размеры изученных ям на уровне дна варьируются от 1,5 × 3,0 м до 1,05 × 2,3 м, глубина от современной дневной поверхности 2,2–2,98 м. Дно ям ровное. На дне сооружений 5, 6 и 7 зафиксированы по две прокопанные канавки вдоль северо-восточной и юго-западной стенок шириной около 0,5 м, глубиной 0,1–0,3 м.

В заполнении ям предметы материальной культуры не обнаружены.

В нижней части заполнения всех сооружений зафиксированы углистые остатки деревянных конструкций. Для решения задачи по датированию изучаемых объектов были отобраны образцы угля для радиоуглеродного анализа.

По результатам полевых исследований можно заключить, что изученные археологизированные сооружения обладают всеми чертами, которые свойственны ямам-ловушкам. Их морфометрические особенности позволяют по аналогии с подобными объектами, исследованными на сопредельных территориях, отнести их к эпохе неолита – раннего металла [Косинская 2009, с. 182]. Учитывая работы экспедиции ООО НПО «Северная археология-1», выполненные в 2017 г. по исследованию группы впадин Кулунигый 61, расположенной юго-западной, можно с определенной долей уверенности утверждать, что эти два выявленных объекта археологического наследия составляют единый хозяйственно-промышленный комплекс – систему ловчих ям.

Библиографический список

- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904.
- Кокшаров С. Ф. Охотничьи ямы-ловушки на северо-западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 162–169.
- Косинская Л. Л. О некоторых параллелях в археологии севера Западной Сибири и северо-запада Европы: ловчие ямы каменного века // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы: материалы конф. СПб., 2009. С. 181–183.

Суоминен Э. Ловчие ямы в свете данных по провинции Кайнуу в Финляндии // Вестн. Карел. краевед. музея. 2002. Вып. 4. С. 114–133.

A. A. DUDKO, JU. A. VASILIEVA, D. A. BYCHKOV

**THE RESULTS OF THE STUDY OF A HARVESTING COMPLEX KULUNIGYJ 66
(THE BOLSHOY YUGAN RIVER BASIN, MIDDLE OB PLAIN)**

In 2018 a Yugansk archaeological expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian branch of the RAS performed a field study of a discovered archaeological heritage object Kulunigyj 66 located on the left bank of the river of the same name, which was a left tributary of the Bolshoy Yugan river. The field study demonstrated that the depressions registered on a daylight surface were the remains of pit-traps. The arguments in favor of this interpretation were their morphological and metric characteristics, as well as the landscape and the topographic features of the location. The spatial location parameters indicated that the harvesting complex Kulunigyj 66 belonged to the same economic and harvesting object as the group of depressions Kulunigyj 61.

Alexander A. Dudko – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: a-dudko@mail.ru

Julia A. Vasilieva – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: jvsl@mail.ru

Dmitry A. Bychkov – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: bda.nsk@yandex.ru

В. М. ДЪЯКОНОВ, К. ТАКАСЭ

**ЗАПОЛЯРНЫЕ РАЙОНЫ ЯКУТИИ В ПОСТЫМЬЯХТАХСКОЕ ВРЕМЯ
(I ТЫС. ДО Н. Э. — I ТЫС. Н. Э.)**

После окончания неолитической эпохи в восточносибирском Заполярье в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. продолжали жить потомки «ымыяхтахцев» – «сугуннахцы», освоившие бронзолитейное дело. Инвентарь сугуннахской культуры почти идентичен ымыяхтахскому, что не позволяло ранее их обособить. Лишь наличие следов самостоятельной бронзовой металлургии на постымыяхтахских стоянках и радиоуглеродные даты дали такую возможность. Памятники сугуннахской культуры бронзового века пока что выявлены в нижних течениях Индигирки и Лены, а также, по-видимому, на территориях Таймыра и Чукотки. Технологии бронзолитейного производства, скорее всего, попали к сугуннахцам через носителей усть-мильской культуры середины II–I тыс. до н. э., основной ареал которой располагается южнее Полярного круга. Лишь отдельные памятники усть-мильцев обнаружены в некоторых заполярных районах Якутии и Таймыра. Дальнейшие исследования должны показать, какие ымыяхтахские по облику комплексы Заполярья относятся к сугуннахской культуре.

Дьяконов Виктор Михайлович – к.и.н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия, Якутск). E-mail: arkh_muz@mail.ru

Такасэ Кацунори – доктор, Университет Хоккайдо (Япония, Саппоро). E-mail: takase@let.hokudai.ac.jp

К позднему этапу неолита на территории Крайнего Северо-Востока Азии относится ымыяхтахская культура, существовавшая в интервале 4350–2950 ¹⁴C л. н. (5000–2900 кал. л. н.). Эта культура занимала, помимо Якутии, ряд сопредельных регионов, включая Таймыр и

Чукотку. Если в неолите Якутии прослеживается поэтапная последовательность культур, то после окончания неолитической эпохи развитие древних культур региона проходило разными путями. Около 3400–2000 ¹⁴С л. н. (3400–2000 кал. л. н.) на территории Якутии вплоть до Полярного круга распространилась усть-мильская культура бронзового века с характерной валиковой керамикой. Керамический комплекс дополняется тиглями и льячками [Мочанов, Федосеева 2017]. Каменный и костяной инвентарь усть-мильской культуры почти не отличается от ымыяхтахского, но его разнообразие сокращается. Судя по инвентарю, «усть-мильцы» были бродячими охотниками и рыболовами тайги. Проникновение их в Заполярье фиксируется лишь несколькими стоянками в низовьях Лены (Сылах, Уолба, Кыларса II, Кестрирюнгкя (Мыс Обух), Сиктях I, IV, Далгаан, Иччилях, Берись и Чокуровка), на арктическом побережье у устьев Индигирки (Уларовская и Татьянино Озеро) и Колымы (Большое Котельничье, Ванхотвеем II, Гора II и Помазкино III), а также в Верхоянье (Батагай V) [Кашин, Калинина 1997; Михалёв, Елисеев 1992; Мочанов, Федосеева 2017; Окладников 1946; Эртюков 1990].

В заполярных районах Якутии и, возможно, на Таймыре и Чукотке, в промежутке 2950–1050 ¹⁴С л. н. (3000–1000 кал. л. н.) продолжали жить потомки «ымыяхтахцев» — «сугуннахцы», занимавшиеся бронзолитейным производством [Алексеев, Дьяконов 2009; Дьяконов, Такасэ 2018; Эверстов 2017]. Сугуннахская культура существовала около 2000 лет, что определяется ¹⁴С датами, полученными на ряде ымыяхтахских по облику памятников Заполярья: Сугуннах, Дениска-Юрюйэтэ, Белая Гора, Юрюнг Таас I–III (нижняя Индигирка), Раучувагыттын I, Кантвеем, озеро Чировое (Чукотка) [Мочанов, Федосеева 2017; Эверстов 1999]. На Таймыре следы бронзолитейного дела зафиксированы у носителей ымыяхтахской традиции с вафельной керамикой на стоянках Абылаах I, Холодная II, III, Пясины V [Хлобыстин 1998].

С. И. Эверстов, открывший стоянки Сугуннах, Дениска-Юрюйэтэ и Белая Гора на нижней Индигирке, столкнулся с проблемой разделения культурных комплексов ымыяхтаха и эпи-ымыяхтаха в восточносибирском Заполярье. Радиоуглеродная дата, полученная им по образцу дерева из жилища на стоянке Белая Гора, показала калиброванный возраст 130–540 гг. н. э., что никак не увязывалось с хронологией ымыяхтахской культуры. На стоянке Дениска-Юрюйэтэ было найдено большое количество вафельной керамики ымыяхтахского облика, разнообразный каменный и костяной инвентарь, обломки льячек, фрагмент литейной формы, сплеск-слитки, капли металла и обломок медного изделия. Уголь из кострища показал дату с калиброванным интервалом 80–510 гг. н. э. На стоянке Сугуннах, кроме множества находок из камня, кости, рога, бивня мамонта, дерева и керамики, были обнаружены обломки льячек, бронзовые сплеск-слитки, проколка, пластина неясного назначения, а также 3 обломка режущих изделий [Эверстов 1999; 2017]. С. И. Эверстов полагал, что исследованные им на Индигирке стоянки оставлены «ымыяхтахцами», но очень поздними по времени, однако в своих последних работах он присоединился к нашему мнению о существовании сугуннахской культуры [2017].

В последние годы для стоянок нижней Индигирки в Институте акселераторных анализов в Японии методом AMS по гранту проф. Кацунори Такасэ JSPS KAKENHI (15H01899) было получено около 10 новых радиоуглеродных дат. Так, для Сугуннаха получено 4 даты, показывающих калиброванные интервалы VIII–VII вв. до н. э. и I–III вв. н. э. На стоянке Дениска-Юрюйэтэ получено 2 даты диапазона X–V вв. до н. э. Для открытых нами стоянок

Юрюнг Таас I–III было получено 5 дат. Стоянка Юрюнг Таас I датирована в интервале 1130–920 гг. до н. э., Юрюнг Таас II – 890–990 и 890–1020 гг. н. э., Юрюнг Таас III – 900–770 гг. до н. э. и 420–540 гг. н. э.

Таким образом, основой для выделения отдельной сугуннахской культуры эпи-ымыяхтахта стали следы наличия бронзолитейного дела и данные радиоуглеродного датирования. Каменный инвентарь и керамика сугуннахской культуры почти не имеют отличий от ымыяхтахского инвентаря, и это не позволяло обособить данные культурные комплексы до получения целой серии новых дат, показавших, что сугуннахские стоянки существовали гораздо позже ымыяхтахских.

Ю. А. Мочанов и С. А. Федосеева считали, что обнаруженные А. П. Окладниковым на нижней Лене Бугачанское и Иччиляхское погребения с медными и бронзовыми изделиями, а также стоянка Сиктях I, на которой были найдены слиток бронзы и обломки 2 льячек, относятся к ымыяхтахской культуре [Мочанов, Федосеева 2017]. В связи с отдельным выделением сугуннахской культуры, к ней вполне возможна привязка Бугачанского и Иччиляхского погребений. Это же было высказано С. И. Эверстовым, отметившим сходство прямолинейного геометрического орнамента на костяных изделиях стоянок Сугуннах и Дениска-Юрюйэтэ и погребений Бугачан и Иччилях [2017].

Вероятно, что к сугуннахской культуре относятся и некоторые другие «ымыяхтахские» памятники Заполярья, обследованные только разведочными работами и для которых пока не получены абсолютные датировки. С. Б. Слободин считает [2017], что такое возможно для ряда стоянок не только Чукотки, где были выделены северчукотская и усть-бельская позднелеолитические культуры, но и Колымы. Дальнейшие исследования должны показать, какие ымыяхтахские по облику комплексы Арктики относятся к сугуннахской культуре.

Библиографический список

- Алексеев А. Н., Дьяконов В. М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3. С. 26–40.
- Дьяконов В. М., Такасэ К. К вопросу о хронологии ымыяхтахской и сугуннахской пережиточно-ымыяхтахской культур // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень, 2018. Вып. 4. С. 72–77.
- Кашин В. А., Калинина В. В. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. Якутск, 1997.
- Михалёв В. М., Елисеев Е. И. Археологические исследования в бассейне Верхней Яны // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск, 1992. С. 47–64.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории Якутии. Конец эпохи камня и начало эпохи раннего металла. Якутск, 2017. Т. 3.
- Окладников А. П. Ленские древности. Якутск, 1946. Вып. 2.
- Слободин С. Б. Современное состояние археологической изученности бассейна р. Колыма (к 70-летию Колымской экспедиции А. П. Окладникова) // IX Диковские Чтения. Магадан, 2017. С. 30–50.
- Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб., 1998.
- Эверстов С. И. Изображения на бересте и этническая идентификация ымыяхтахских памятников Индигирки (в свете новых археологических открытий) // Археология Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск, 1999. С. 54–64.
- Эверстов С. И. Сугуннахская археологическая культура на Индигирке (в связи с проблемой этногенеза юкагиров) // Общество. Культура. Образование: монография. Кн. 3. М., 2017. С. 133–159.
- Эртюков В. И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. М., 1990.

V. M. DYAKONOV, K. TAKASE

**TRANSPOLAR REGIONS OF YAKUTIA DURING THE POST-YMYJAKHTAKH TIME
(1ST MILLENNIUM BC — 1ST MILLENNIUM AD)**

The descendants of the “Ymyjakhtakh” – the “Sugunnakh” population who mastered the bronze casting trade continued to live in the east Siberian Transpolar region after the end of the Neolithic in the 1st millennium BC – 1st millennium AD. The goods of the Sugunnakh culture were almost identical to the goods of the Ymyjakhtakh population, which earlier made their distinction difficult. It were only the presence of the independent bronze metallurgy traces at the post-Ymyjakhtakh occupation sites, as well as the radiocarbon dates, that offered this opportunity. The Sugunnakh culture sites of the Bronze Age have been so far discovered in the lower reaches of the Indigirka and the Lena rivers, and, apparently, in the territory of the Taimyr Peninsula and Chukotka. The Bronze casting technologies were, most likely, acquired by the Sugunnakh population from the population of the Ust-Milskaya culture of the middle of the 2nd-1st millenniums BC, the main areal of which was located below the Polar circle. Only a few Ust-Milskaya sites were discovered in some transpolar districts of Yakutia and the Taimyr Peninsula. Further study should give an answer to the question, which complexes of the Ymyjakhtakh appearance of the transpolar region belonged to the Sugunnakh culture.

Victor M. Dyakonov – Candidate of Historical Sciences, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (Russia, Yakutsk). E-mail: arkh_muz@mail.ru

Katsunori Takase – Doctor, Hokkaido University (Japan, Sapporo). E-mail: takase@let.hokudai.ac.jp

О. Ю. ЗИМИНА

К ВОПРОСУ О ТИПАХ КЕРАМИКИ ИТКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

На рубеже бронзового и раннего железного веков в горнолесном Зауралье получает распространение иткульская культура, на базе которой формируется Зауральский (иткульский) очаг металлургии VII–II вв. до н. э. Традиционно иткульская культура представлена двумя типами керамики. В результате исследований начала XXI в. в лесостепной и подтаежной зоне Притоболья группа укрепленных поселений с круговой планировкой и керамическим комплексом, представленным вторым типом иткульской керамики, была выделена в восточный вариант иткульской культуры VIII–VI вв. до н. э. Ревизия основных характеристик иткульской культуры, проведенная В. А. Борзуновым, позволила ему высказать предположение о необходимости разделить иткульскую культуру на «иткульскую» и «исетскую». Из «исетской» культуры предложено выделить в самостоятельную «юртоборскую» культуру – памятники восточного варианта иткульской культуры Притоболья, что на данном этапе исследований выглядит недостаточно обоснованным.

Зимина Оксана Юрьевна – к.и.н., ФИЦ ТюмНЦ СО РАН (Россия, Тюмень). E-mail: o_winter@mail.ru

Иткульская культура выделена в горнолесном Зауралье, где на ее базе функционировал Зауральский (иткульский) очаг металлургии VII–II вв. до н. э. [Бельтикова 1977; 2005]. Культура представлена двумя типами керамики, первый из которых восходит к выделенной К. В. Сальниковым иткульской культуре [1961], второй – к исетской культуре, выделенной Е. М. Берс [1963]. Не так давно В. А. Борзунов предложил вернуться к

* Работа выполнена по Госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2017–2020 гг.: проект № АААА-А17-117050400147-2.

начальным дефинициям, вложив несколько иной смысл в содержание определений. Если первоначально разделение иткульской и исетской культур определялось территориальной приуроченностью: первые — на Южном Урале, вторые — в Среднем Зауралье, то В. А. Борзунов предлагает подразумевать под иткульской — культуру горнолесных металлургов Зауралья с керамикой первого иткульского типа, под исетской — гетерогенную культуру пришельцев и аборигенов лесного Зауралья с керамикой иткульского второго типа [2014, с. 224–229].

От исетской культуры, простирающейся до среднего и нижнего течений Исети, Пышмы и Туры, исследователь предлагает отделять поселения Нижнего Притоболья, где был выделен восточный вариант иткульской культуры VIII–VI вв. до н. э. [Зими́на, Зах 2009]. В. А. Борзунов выделяет их в отдельную юртоборскую культуру, а первый этап ее, который сейчас носит название «иткульский этап» восточного варианта иткульской культуры (VIII–VII вв. до н. э.), предлагает переименовать в «исетский» [2014, с. 224–229].

О связи притобольских и зауральских комплексов с иткульской керамикой второго типа (по Г. В. Бельтиковой) или исетской (по В. А. Борзунову) свидетельствует примесь талька или шамота с тальком в тесте керамических сосудов иткульского этапа восточного варианта иткульской культуры, однако «заталькованность» иткульских сосудов второго типа с лесостепных и подтаежных поселений Притоболья значительно ниже [Зими́на, Мыльников 2006; Зими́на, Илюшина 2016]. В процессе освоения восточных районов, из-за отсутствия источников сырья, навыки использования талька в качестве примеси постепенно были утрачены. Это послужило причиной для применения шамота при составлении формовочных масс, которое постепенно становится массовым [Илюшина 2018, с. 111]. Об утрате связей с исходной территорией свидетельствует и состав металлических изделий, который близок составу металла красноозерской культуры. В восточном иткульском металле доминируют искусственные бронзы — оловянные, оловянно-мышьяковые, мышьяковые, в то время как в иткульском металле уральских поселений — металлургически «чистая» медь [Кузьминых, Дегтярева, Тигеева 2017, с. 43–45].

В VI в. до н. э. при сохранении планировочных решений поселков (круговая планировка) и домостроительной традиции (постройки наземного типа без котлованов) в материалах Притоболья появляется керамика вак-куровского типа, сохраняющая отдельные черты сходства с орнаментацией иткульской посуды второго типа, однако и по облику, и по технологии изготовления уже более близкая к местной баитовской [Зими́на, Зах 2009; Илюшина 2018, с. 111]. В то же время, на поселениях вак-куровского этапа восточного варианта иткульской культуры присутствуют изделия (4 экз.) из чистой меди, которые могут быть связаны с уральскими производственными центрами [Кузьминых, Дегтярева, Тигеева 2017, с. 43–45].

Разделение иткульской культуры на иткульскую и исетскую, обоснование разделения комплексов с идентичной керамикой на две культуры: исетскую и юртоборскую, требуют детальной характеристики поселений и керамики исетской культуры. В отношении предлагаемой юртоборской культуры вызывает возражение ареал [Бельтикова 1977, с. 241, рис. 1]. В его границах не учтены около 10 укрепленных поселений и ряд местонахождений иткульской керамики, располагающихся вдоль рек Пышма, Исеть и Тобол, вплоть до южной границы лесостепи, и смыкающих восточную границу ареала исетской культуры и западную восточного варианта иткульской. В целом, определенные различия (организация

пространства поселений, домостроительство, некоторые элементы декора иткульской керамики второго типа, новый тип керамики и др.) и утрата связи между поселениями со вторым типом иткульской керамики («исетской») Зауралья и Притоболья, могут быть откликом на новые социокультурные и экологические условия и результатом адаптации.

Библиографический список

- Бельтикова Г. В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 119–133.
- Бельтикова Г. В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 162–186.
- Берс Е. М. Археологические памятники Свердловска и его окрестности. Свердловск, 1963.
- Борзунов В. А. Гамаюнские иткульские и «гамаюнско-иткульские» древности: История изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований. Екатеринбург, 2014. С. 212–245.
- Зими́на О. Ю., Мыльникова Л. Н. Керамика восточного варианта иткульской культуры (по материалам памятников Юртоборовского археологического микрорайона в Нижнем Притоболье) // Археол., этногр. и антропол. Евразии. 2006. № 4 (28). С. 96–114.
- Зими́на О. Ю., Зах В. А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск, 2009.
- Зими́на О. Ю., Илюшина В. В. Укрепленные поселения с круговой планировкой иткульской культуры в лесостепном Зауралье // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Курган, 2016. С. 29–39.
- Илюшина В. В. Технология изготовления керамики у населения восточного варианта иткульской культуры поселений в Андреевской озерной системе // Человек и Север: Антропология, археология, экология. Тюмень, 2018. Вып. 4. С. 107–112.
- Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д., Тигеева Е. В. Металлопроизводство красноозерской и иткульской культур Тоболо-Ишимья // Вестн. археол., антропол. и этногр. 2017. № 4. С. 33–44.
- Сальников К. В. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала // ВАУ. 1961. Вып. 1. С. 48–52.

O. YU. ZIMINA

TO THE QUESTION OF THE ITKUL CULTURE POTTERY TYPES

The Itkul culture was widely spread in the mountain-forest Trans-Urals at the turn of the Bronze and the early Iron Ages. It served as a basis for the formation of the Trans-Ural (Itkul) metallurgical center of the 7th–2nd centuries BC. Traditionally the Itkul culture was represented with two types of pottery. The early 20th century research in the forest-steppe and the sub-taiga zones of the Tobol region allowed distinguishing a group of fortified settlements with a ring-shaped layout and a ceramic complex represented by the second type Itkul pottery as the eastern version of the Itkul culture of the 8th–6th centuries BC. Based on his review of the main Itkul culture characteristics, V. A. Borzunov suggested an idea of the need to split the Itkul culture into the “Itkul” proper, and the “Iset” culture. It was further suggested to isolate the sites of the eastern version of the Itkul culture in the Tobol region from the “Iset” culture into an independent “Yurtoborskaya” culture, which at this stage of the research does not appear sufficiently justified.

Oksana Yu. Zimina – Candidate of Historical Sciences, Federal research center Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen). E-mail: o_winter@mail.ru

В. В. ИЛЮШИНА, О. Ю. ЗИМИНА

ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 6 В НИЖНЕМ ПРИИШИМЬЕ

Керамическая коллекция переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку на поселении Мергень 6 неоднородна по морфологическим признакам. В результате анализа формы и орнамента на изделиях выявлено восемь основных групп сосудов, четыре из которых соотносятся с красноозерской культурной традицией, остальные представлены иткульскими и гамаюнскими изделиями и сосудами синкретичного облика. В результате проведенного технико-технологического анализа коллекции по методике, разработанной А. А. Бобринским, выявлены традиции гончарного производства у коллектива, проживавшего в поселке, особенности сосудов, изготовленных пришлыми на территорию Приишимья группами населения, а также признаки смешения местных и мигрировавших групп.

Илюшина Виктория Владимировна – к. культурологии, ФИЦ ТюмНЦ СО РАН (Россия, Тюмень). E-mail: vika_tika@mail.ru

Зимина Оксана Юрьевна – к.и.н., ФИЦ ТюмНЦ СО РАН (Россия, Тюмень). E-mail: o_winter@mail.ru

Переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку на территории Нижнего Приишимья связан с распространением красноозерской культуры, сформировавшейся в результате смешения традиций местных сузгунских и пришлых атлымских культурных групп [Зимина, Скоробогатова 2018]. Одним из памятников, где представлен комплекс красноозерских древностей, выступает поселение Мергень 6. Результаты предварительного анализа морфологии изделий с поселения опубликованы [Зимина 2015]. В представленной работе рассматриваются вопросы технологии изготовления сосудов.

Технико-технологическому анализу, проведенному в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским [1978], подвергнуто 190 фрагментов от разных сосудов. По особенностям орнаментации и формы верхней части изделий выделены основные группы сосудов. Красноозерские комплексы в Приишимье представлены следующими группами: с «местными» чертами (группа I – сосуды с отогнутой шейкой и не крестовыми узорами) (26 экз.); с «пришлыми» чертами (группа II – сосуды с дуговидными шейками и крестовым орнаментом) (37 экз.); группа III – сосуды с отогнутыми шейками и крестовым орнаментом (10 экз.); со «смешанными» чертами (группа IV – сосуды с дуговидными шейками и не крестовыми узорами) (71 экз.). Своеобразие комплекса поселения Мергень 6 определяется наличием еще четырех групп: иткульская (группа V) (8 экз.); синкретичная иткульско-красноозерская (группа VI) (29 экз.); гамаюнская (группа VII) (2 экз.); синкретичная гамаюнско-красноозерская (группа VIII) (7 экз.).

По изученному материалу выявлено, что для изготовления сосудов гончарами использовались глины (Г) (51,6 %) и илистые глины (ИГ) (48,4 %). Оба вида сырья в качестве естественных примесей содержат различное количество песка, разнообразные железистые включения, пылевидные листочки слюды. Отличием ИГ выступает наличие отпечатков растительности без следов деформации, фрагментов косточек и чешуи рыб, реже – раковин речных моллюсков.

Соотношение выделенных групп сосудов и информации, полученной при анализе сырья, выявило, что гончарами, изготавливавшими различные по форме и орнаментации

сосуды, использовались и глины, и илестые глины. Лишь гамаюнские изделия изготовлены только из глин.

В качестве искусственных примесей использовались шамот (Ш) и органические добавки (О), единично — тальковая дресва (Т).

Сочетание различных видов ИПС и искусственных примесей в целом позволило выделить 5 рецептов составления формовочных масс: Г + Ш (1 %); Г + Ш + О (50 %); Г + Т + Ш (0,5 %); ИГ + Ш (9 %); ИГ + Ш + О (39,5 %). Корреляция выделенных групп сосудов и составов формовочных масс не выявила определенных закономерностей. Тальк отмечен в формовочной массе только гамаюнского сосуда (группа VII).

Аналізу подвергался и шамот, в составе которого в 78,4 % случаев отмечен только шамот. В изломах 20 % изделий отмечен шамот двух составов — с шамотом и с тальком. Включения шамота, в состав которых входит только тальк, зафиксирован в изломах 1,6 % сосудов.

Корреляция состава шамота и выделенных групп изделий показала: 1) шамот, содержащий только тальк, зафиксирован в сосудах групп VII–VIII; 2) шамот двух составов чаще встречается в изломах сосудов групп IV–VI, VIII. Таким образом, применение шамота в качестве искусственной примеси было устойчивым в среде гончаров, изготавливавших сосуды, соотносимые с красноозерской традицией. Примесь талька в шамоте значительной части иткульских изделий и двух гамаюнских сосудов указывает, что исходной традицией для данных групп населения было использование в качестве искусственной добавки в формовочную массу талька.

Данные о навыках конструирования и формообразования сосудов выявить не удалось.

Обработка поверхностей изделий осуществлялась способом простого заглаживания чаще всего деревянными или костяными шпателями, реже — ножом или скребком, а также с помощью лощения и уплотнения.

Обжиг сосудов осуществлялся в кострищах или очагах в условиях полувосстановительной среды чаще всего с непродолжительным действием температур каления (не ниже 650° С).

Таким образом, исследованная часть коллекции керамики поселения Мергень 6, соотносимая с красноозерской культурной традицией и включающая в себя четыре группы изделий, показывает единообразие в технологии их изготовления и сходство с другими комплексами [Зах, Зимина 2016; Илюшина, Зимина 2017]. Выявленные навыки труда у гончаров, изготавливавших иткульские сосуды, а также изделия с синкретичными признаками — иткульско- и гамаюнско-красноозерскими, демонстрируют сходство с основным комплексом керамики поселения, особенно с группой красноозерских сосудов со «смешанными» чертами.

Полученные данные о формовочных массах и составе шамота свидетельствуют, во-первых, об импортном характере одного из гамаюнских сосудов, во-вторых, для иткульской и гамаюнской гончарных традиций, вероятно, на более раннем этапе развития было характерно применение тальковой дресвы. Изменение навыков составления формовочных масс у данных групп населения обусловлено контактами с носителями красноозерской традиции, что демонстрируют результаты проведенного исследования, а также в процессе адаптации к ландшафтам Тоболо-Ишимского междуречья.

Библиографический список

- Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
- Зах В. А., Зими́на О. Ю., Илюшина В. В., Данченко Е. М., Еньшин Д. Н. Керамический комплекс финала бронзы и переходного времени к эпохе железа с Борковского городища (по результатам работ 2012–2013 гг.) // Вестн. археол., антропол. и этногр. 2016. № 4 (35). С. 34–48.
- Зими́на О. Ю. Комплексы красноозерской культуры Ишимо-Иртышья // Вестн. археол., антропол. и этногр. 2015. № 4 (31). С. 48–56.
- Зими́на О. Ю., Скоробогатова А. Ю. К вопросу о происхождении красноозерской культуры // Человек и Север: антропология, археология, экология. Тюмень, 2018. Вып. 4. С. 104–106.
- Илюшина В. В., Зими́на О. Ю. Технология изготовления керамики у населения красноозерской культуры (по материалам поселения Мерген 2 в Нижнем Приишимье) // РА. 2017. № 2. С. 88–99.

V. V. ILYUSHINA, O. YU. ZIMINA

POTTERY PRODUCTION OF THE POPULATION OF THE MERGEN 6 SETTLEMENT IN THE LOWER ISHIM REGION DURING THE TRANSITION PERIOD FROM THE BRONZE TO THE EARLY IRON AGE

The pottery assemblage of the transition period from the Bronze to the early Iron Age at Mergen 6 settlement lacked a morphologic uniformity. The analysis of the shape and ornamentation allowed distinguishing eight main groups of vessels, four of which were associated with the Krasnoozersk cultural tradition, and the rest were represented by the Itkul and the Gamayun pottery and the syncretic appearance vessels. The technical and technological analysis of the assemblage according to the methodology developed by A. A. Bobrinsky helped to identify pottery traditions practiced by the settlement's population, the specific characteristics of the vessels made by the groups of population, which migrated to the Ishim territory from other regions, as well as the signs of mixture of the local and the migrants' groups.

Victoria V. Ilyushina – Candidate of Cultural Studies, Federal research center Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen). E-mail: vika_tika@mail.ru

Oksana Yu. Zimina – Candidate of Historical Sciences, Federal research center Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen). E-mail: o_winter@mail.ru

С. Ф. КОКШАРОВ, В. Е. ЖИЛИН

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАННЕГО МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Рассматривается история изучения раннего металлопроизводства на севере Западной Сибири. Приводятся взгляды исследователей, изучавших литейное дело сибирских народов в бронзовом веке. Авторы оценивают вклад отдельных специалистов и излагают основные подходы и концепции, сложившиеся по данной проблематике в отечественной археологической литературе. Особое внимание уделено памятникам польмятского типа в бассейне р. Конды, на которых зафиксированы следы самого раннего металлопроизводства в изучаемом регионе Сибири. Отмечена роль периферийных очагов металлургии и металлообработки, функционировавших в пределах Циркумпонтийской металлургической провинции, в генезисе литейного производства на севере Западной Сибири и указано значение западных (уральских) связей, по которым поступала медь и сплавы на ее основе.

Кокшаров Сергей Федорович – д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: serg.koksharov@mail.ru

Жилин Валерий Евгеньевич – Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург). E-mail: mike.ekt.ru@mail.ru

Сложение литейного дела на Севере Западной Сибири является одной из нерешенных проблем в древней истории региона. В разные годы к теме обращались В. Н. Чернецов [1953], М. Ф. Косарев [1981], Ю. Ф. Кирюшин [1979], В. И. Молодин [1985] и другие исследователи.

По В. И. Матющенко, материалы, попадавшие в поле зрения специалистов, следовало оценивать как достаточно поздние, демонстрировавшие совершенные способы обработки металла. Прежде всего, речь шла о представительной коллекции остатков литейного производства изделий сейминско-турбинского (СТ) облика с поселения Самусь IV, которое соотносилось с эпонимной археологической культурой. В той же работе исследователь посетовал, что, к сожалению, в археологических материалах Западной Сибири не представлен самый ранний этап обработки металла [Матющенко 1974, с. 47, 49]. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что, по мнению В. И. Матющенко, самусьская культура сложилась на базе неолитической, носители которой совсем не знали металла [1974].

Со второй половины 1980-х гг. Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых приступили к разработке и верификации новой концепции, получившей определение «СТ транскультурный феномен». Коллеги объясняли широкое распространение СТ металла в Северной Евразии (в том числе на севере Западной Сибири) расселением его носителей. Диффузия новаций в металлопроизводстве позднего бронзового века (ПБВ) была представлена моделью прямой миграции ее создателей, которых предложено рассматривать в качестве культуртрегеров. Расселяясь с востока на запад — из районов Сибири в Восточную Европу, они распространяли среди отсталых народов, включая рыболовов и охотников таежного Обь-Иртышья, технологии обработки металла и само сырье (металлы) [1987; 1989 и др.]. Согласно культурологической модели, металлопродукция СТ облика являлась наиболее ранней и представляла собой так называемые исходные образцы, опираясь на которые западносибирские популяции перешли к производству своих морфологически своеобразных самусьско-кижировских (СК) изделий [1989, с. 145, 215, 259].

В настоящее время накоплены материалы, отражающие вхождение Севера Западной Сибири в бронзовый век в более раннее или досейминское время. Исследования в таежном Обь-Иртышье позволили выявить поселенческие комплексы полымьятского типа, в состав которых входят различная технологическая керамика (тигли, литейные формы, фурмы), ошлакованные фрагменты бытовой керамики и немногочисленные металлические предметы из сырья, имевшего, вероятно, уральское происхождение [Кокшаров 2012, с. 27–42]. Находки демонстрируют технологии литья заготовок в открытые формы, которые получили широкое распространение у мастеров металлургических и металлообрабатывающих очагов, функционировавших в Циркумпонтийской металлургической провинции среднего бронзового века (СБВ) [Кокшаров, Погодин 2005, с. 109, 112; Кокшаров 2015, с. 25, 26, рис. 5, 12, 17, 19; 6, 23, 26]. Примечательно, что в пределах поселений локализуются производственные площадки и даже мастерские, где велась горячая и холодная обработка металла [Кокшаров 2015, с. 16]. Досейминский возраст памятников подтверждается не только обликом технологической керамики и химическим составом металла, но и стратиграфическими ситуациями, сопутствующей бытовой посудой, имеющей параллели в досейминских (доандроновских) комплексах Западной Сибири и Урала, вещевым материалом и немногочисленными ¹⁴C датами.

С одной стороны, новые материалы заполняют лауну, отмеченную в свое время В. И. Матющенко, а с другой, дают основания для существенной корректировки концепции

СТ транскультурного феномена, поскольку население Севера Западной Сибири, несмотря на удаленность от рудных месторождений, имело представление о меди и ее сплавах уже в досейминский период бронзового века [Кокшаров 2013, с. 145, 146]. В ПБВ опыт, накопленный таежными литейщиками в предшествующее время, облегчил освоение технологий втульчатого литья и использование оловянных бронз.

Библиографический список

- Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979.
- Кокшаров С. Ф. Факты, комментарии, интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 133–149 (Рец. на кн.: Сатыга XVI: Сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург, 2011).
- Кокшаров С. Ф. Первый металл Конды // ВИАЭ. 2012. № 4 (19). С. 27–42.
- Кокшаров С. Ф. Культура населения севера Западной Сибири в бронзовом веке: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2015.
- Кокшаров С. Ф., Погодин А. А. Мастерская бронзового века на р. Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2 (22). С. 100–113.
- Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- Матющенко В. И. Этапы бронзолитейного производства в лесостепном Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 47–54.
- Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. (МИА. № 35).
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 84–105 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т.).
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

S. F. KOKSHAROV, V. E. ZHILIN

SPECIFICS OF THE EARLY METAL PRODUCTION IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA

The authors study the specifics of the early metal production in the north of Western Siberia. The paper quotes the researchers who studied the Siberian peoples' Bronze Age casting operations. The authors discuss the contribution of the individual experts and the main concepts and approaches to the study of this problem in the Russian archaeological literature. A particular attention is paid to the Polymjat type archaeological sites in the Konda basin, where traces of the earliest metal production in this region of Siberia were discovered. The study mentioned the role of the peripheral metallurgy and metal working centers functioning within the Circumpontian Metallurgical Province in the genesis of the foundry production in the north of Western Siberia, and the importance of the Western (Ural) contacts for the supply of copper and copper based alloys.

Sergey F. Koksharov – Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: serg.koksharov@mail.ru

Valery E. Zhilin – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg). E-mail: mike.ekt.ru@mail.ru

О. Н. КОРОЧКОВА

КОГНИТИВНЫЕ ВЫЗОВЫ И ОБРАЗ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНО-ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ И ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА*

Археологические данные прямо свидетельствуют о формировании адекватных ответов и своего рода прорывов на когнитивные вызовы высоких широт Евразии. В этом ряду — ранние и независимые от влияний южных обществ Старого Света опыты фортификационного строительства на Крайнем Севере Азии — в урало-сибирской тайге (VI–III тыс. до н. э.), выработка оптимальной модели хозяйства, основанного на продуктивных промыслах, что обеспечило уникальный для присваивающего мира феномен получения северными рыболовами-охотниками относительно постоянного избыточного продукта в условиях циклически меняющейся природно-климатической обстановки, а становление оленеводства означало транспортную революцию и приблизило местные общества к модели производства пищи. Сложение самостоятельных металлургических центров (коптяковско-сейминского эпохи бронзы и иткульского раннего железного века) на Среднем Урале сломало традиционные представления о неспособности населения присваивающего образа жизни к преобразовательным стратегиям, но подтвердило, что для культивирования подобных технологий необходим определенный уровень коммуникаций, транспортное сопровождение и стабильные источники получения пищи.

Корочкова Ольга Николаевна — д.и.н., Уральский федеральный университет (Россия, г. Екатеринбург).
E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru

Феномен информационных взрывов первобытности на территории горно-лесного Зауралья и Севере Западной Сибири передает уникальность этих регионов в системе культур присваивающего образа жизни. Археологические данные прямо свидетельствуют о формировании адекватных ответов и своего рода прорывов на когнитивные вызовы высоких широт Евразии. В этом ряду — ранние и независимые от влияний южных обществ Старого Света опыты фортификационного строительства на Крайнем Севере Азии — в урало-сибирской тайге (VI–III тыс. до н. э.) [Борзунов 2012], выработка оптимальной модели хозяйства, основанного на продуктивных промыслах, что обеспечило уникальный для присваивающего мира феномен получения северными рыболовами-охотниками относительно постоянного избыточного продукта в условиях циклически меняющейся природно-климатической обстановки, а становление оленеводства [Головнёв 2004, с. 72–94; Гусев, Плеханов, Федорова 2016] по своему значению можно приравнять к доместикационной революции. Оно повлекло за собой череду социальных перемен, выразившихся в демографическом росте, расширении коммуникаций, географии брачных, родственных и свойственных связей, дрейфе технологий, вещей, людей, межкультурных диалогов, которые археологически выразались в своего рода выравнивании и нивелировании культурного полотна, интегрированности в евразийскую мир-систему посредством торговых связей, стимулировавших развитие местной экономики, ориентированной на пушной промысел. Бурные процессы социального расслоения и военного напряжения нашли отражение в возобновлении фортификационных практик, формировании субкультуры элиты, о чем свидетельствует появление статусных и престижных аксессуаров и атрибутов, разнообразного оружия. Кардинальные перемены в образе жизни сопровождались

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40011 «Урал и Западная Сибирь в археологической ретроспективе: важнейшие открытия, ритмы, феномены и парадоксы развития» (рук. О. Н. Корочкова).

выработкой образного языка, культурных кодов, воплощенных в зоо- и антропоморфных образах [Федорова 2017].

Сложение самостоятельных металлургических центров (коптыковско-сейминского эпохи бронзы и иткульского раннего железного века) на Среднем Урале сломало традиционные представления о неспособности населения присваивающего образа жизни к преобразовательным стратегиям, но подтвердило, что для культивирования подобных технологий необходим определенный уровень коммуникаций, транспортное сопровождение и стабильные источники получения пищи.

Сочетание этих факторов обеспечило бурное развитие таежных и лесотундровых культур. А пищевая уязвимость горно-лесного Зауралья способствовала выработке местной модели экономического благополучия, основанного на реципрокном обмене высокотехнологичных металлических изделий, прежде всего, оружия, с поставщиками продовольствия (домашний скот). Именно эта модель лежит в основе экономического благополучия региона, начиная с XVIII в., когда он переживает горнозаводскую революцию.

Библиографический список

- Борзунов В. А. Неолитические укрепления и их прототипы таежного Приобья и Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4(19). С. 4–16.
- Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.
- Гусев Ан. В., Плеханов А. В., Федорова Н. В. Оленеводство на севере Западной Сибири: ранний железный век – средневековье // Археология Арктики. Калининград, 2016. Вып. 3. С. 228–239.
- Федорова Н. В. Зооморфный код Усть-Полуя // Археология Арктики. Вып. 4, т. 2. Екатеринбург, 2017. С. 104–126.

O. N. KOROCHKOVA

COGNITIVE CHALLENGES AND LIFESTYLE OF THE EARLY METAL POPULATION OF THE MOUNTAIN-FOREST TRANS-URALS AND TAIGA ZONE OF WESTERN SIBERIA

The archaeological data provide a direct evidence of the formation of the adequate answers and certain breakthroughs in response to the cognitive challenges faced by the population of the high latitudes of Eurasia. In this line we may mention the early and the independent from the influence of the Old World societies attempts of the construction of fortifications in the Far North of Asia in the Ural-Siberian taiga (6th– 3rd millenniums BC); the emergence of the optimal economic model based on productive harvesting, which supported the unique for the subsistence economy world phenomenon of the production by the northern hunters and fishermen of a relatively stable surplus product under the conditions of the cyclic natural and climate environment changes, while the development of reindeer herding was a revolution in transportation and brought the local societies closer to the food production model. The evolution of the independent metallurgical centers (the Koptiyakov-Seima of the Bronze Age and the Early Iron Age Itkul center) in the Middle Urals destroyed the traditional beliefs that the subsistence harvesting populations were incapable of developing the transformation strategies, at the same time supporting the theory that the cultivation of this type of technology required a certain level of communications, transportation support and the existence of stable food supply.

Olga N. Korochkova – Doctor of Historical Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru

П. А. КОСИНЦЕВ, Д. В. КИСЕЛЕВА, О. П. БАЧУРА, Н. В. ФЕДОРОВА, М. В. ЧЕРВЯКОВСКАЯ,
А. В. ГУСЕВ

**ПЕРВЫЕ ДАННЫЕ О СОДЕРЖАНИИ МИКРОЭЛЕМЕНТОВ И ИЗОТОПОВ $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$
В ГОЛОЦЕНОВЫХ ОСТАТКАХ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ
(MAMMALIA, ARTIODACTYLA, RANGIFER TARANDUS L., 1758) СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ***

Оценена концентрация микроэлементов и изотопов стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) в субфоссильных (местонахождение Усть-Полуй) и современных костях и рогах северного оленя из Субарктики Западной Сибири. Исследованы фрагменты 4 черепов с рогами, 2 фрагмента черепа с отпавшими рогами, 4 фрагмента отпавших рогов от разных особей; для сравнения использован череп с рогами современного оленя с Полярного Урала. Установлено, что в условиях многолетней мерзлоты в начальный период фоссилизации происходит существенное изменение микроэлементного состава кости и рога, степень которого зависит от характера материала (кость, рог) и микроусловий захоронения. Последнее приводит к значительной индивидуальной изменчивости концентраций микроэлементов. Для позднего голоцена Субарктики Западной Сибири по соотношению изотопов $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ выделено несколько групп северных оленей, что указывает на существование в это время нескольких маршрутов кочевания.

Косинцев Павел Андреевич — к.биол.н., Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург).
E-mail: kpa@ipae.uran.ru

Киселева Дарья Владимировна — Институт геологии и геохимии УрО РАН (Россия, Екатеринбург).
E-mail: kiseleva@igg.uran.ru

Бачура Ольга Петровна — Институт экологии растений и животных УрО РАН (Россия, Екатеринбург).
E-mail: olga@ipae.uran.ru

Федорова Наталья Викторовна — к.и.н., Научный центр изучения Арктики (Россия, Салехард).
E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

Червяковская Мария Владимировна — Институт геологии и геохимии УрО РАН (Россия, Екатеринбург).
E-mail: zaitseva.mv1991@gmail.com

Гусев Андрей Васильевич — Научный центр изучения Арктики (Россия, Салехард).
E-mail: gusev_av2004@mail.ru

Ископаемые кости являются биоархивами, которые содержат информацию о питании и миграциях животных, которым они принадлежали; о природной среде и климате, в которой обитали эти животные. Изучение изотопов стронция $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ позволяет реконструировать миграции животных. Содержание микроэлементов используется для реконструкции палеодиеты, палеоусловий окружающей среды и решения задач тафономии. Подавляющее большинство работ по изучению изотопов стронция и микроэлементов в ископаемых костях выполнено по материалам с территории Западной Европы, Америки и Африки. Для территории Северной Евразии выполнены единичные работы. Основными объектами изучения служат субфоссильные остатки массовых видов копытных, но один из наиболее массовых видов — северный олень, практически не изучен. Имеется несколько

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40011 «Урал и Западная Сибирь в археологической ретроспективе: важнейшие открытия, ритмы, феномены и парадоксы развития» (рук. О. Н. Корочкова); геохимические аналитические исследования выполнены в ЦКП УрО РАН «Геоаналитик» при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-17-10283 «Оптическая микроспектроскопия минералов-концентраторов редкоземельных и радиоактивных элементов: температурные эффекты лазероиндуцированной люминесценции и рамановского рассеяния, влияние структурного и химического беспорядка» (рук. С. Л. Вотяков).

публикаций о содержании изотопов стронция [Britton et al. 2009; 2011; Price et al. 2017].
Данных о содержании микроэлементов в его субфоссильных остатках нет.

Целью исследования было оценить концентрации микроэлементов и изотопов стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) в субфоссильных и современных костях и рогах северного оленя с территории Субарктики Западной Сибири. Для анализа взяты фрагменты 6 черепов и 4 фрагмента отпавших рогов от разных особей из святилища Усть-Полуй (66°30' с.ш., 66°38' в. д.). Усть-Полуй расположен в зоне «вечной» мерзлоты и датируется с III в. до н. э. до конца II в. н. э. [Losey et al. 2018]. Люди приводили северных оленей на Усть-Полуй и их кости накапливались в течение 500 лет в культурном слое площадью 2 208 кв.м и мощностью от 0,2 м до 2,0 м [Гусев, Федорова 2017, с. 63]. Образцы собраны со всей площади культурного слоя. Для сравнения использован череп с рогами современного оленя с Полярного Урала (67°40' с. ш. 67°50' в. д.). Для оценки различий концентрации микроэлементов и изотопов стронция в разных тканях (кость и рог), в образцах черепов с рогами проведен анализ их концентраций отдельно в кости и в основании рога. У современного образца проведен анализ содержания в кости, в основании и вершукше рога.

Методика. Пробоподготовка проведена согласно [Streletskaya, Zaytceva, Soloshenko 2017]. Измерения микроэлементного состава проведены на квадрупольном ИСП-масс-спектрометре NexION 300S (PerkinElmer). Измерения изотопного состава стронция проведены из 3 %-го азотнокислого раствора на мультиколлекторном магнито-секторном масс-спектрометре с двойной фокусировкой Neptune Plus (Thermo Fischer). Измерение изотопных отношений стронция проводили методом бреккетинга (SSB, standard-sample bracketing) по схеме «стандарт-образец-образец-стандарт» с использованием стандартного образца изотопного состава стронция NIST SRM 987.

Анализ содержания микроэлементов показал, что за короткий период времени (500 лет) в условиях лесотундровой зоны Западной Сибири в кости и роге происходит накопление микроэлементов в очень больших количествах и их концентрации могут увеличиваться до 3 порядков. Концентрация накопленных элементов зависит от типа ткани – в роге накапливается больше, чем в кости. Концентрация накопленных элементов зависит от микроусловий захоронения в слое – различия содержания в образцах из разных участков слоя может составлять два порядка.

Анализ изотопных отношений $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ из рогов и костей позволяет выяснить, в пределах одной или разных геохимических провинций обитали животных во время роста рогов и в остальное время. Анализ показал, что из Усть-Полуя 2 особи из 10 в период роста рогов по-видимому, находились в одной (или близких) геохимической провинции, а до этого длительное время обитали в другой провинции.

Проведенные исследования показали, что в условиях многолетней мерзлоты в начальный период фоссиллизации происходит существенное изменение элементного состава кости и рога, степень которого зависит от характера материала (кость, рог) и микроусловий захоронения. Последнее приводит к значительной индивидуальной изменчивости концентраций микроэлементов. В выборке из Усть-Полуя по соотношению изотопов $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ выделено две группы северных оленей, что указывает на существование в позднем голоцене в Субарктике Западной Сибири нескольких маршрутов кочевания.

Библиографический список

- Гусев А. В., Федорова Н. В. Морфология древнего сакрально-производственного центра Усть-Полуй // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017. Вып. 4. Усть-Полуй: материалы и исследования. Т. 1. С. 19–64.
- Britton K., Grimes V., Dau J., Richards M. P. Reconstructing faunal migrations using intra-tooth sampling and strontium and oxygen isotope analyses: a case study of modern caribou (*Rangifer tarandus granti*) // Journal of Archaeological Science. 2009. Vol. 36. P. 1163–1172.
- Britton K., Grimes V., Niven L., Steele T. E., McPherron S., Soressi M., Kelly T. E., Jaubert J., Hublin J.-J., Richards M. P. Strontium isotope evidence for migration in late Pleistocene *Rangifer*: Implications for Neanderthal hunting strategies at the Middle Palaeolithic site of Jonzac, France // Journal of Human Evolution. 2011. Vol. 61. P. 176–185.
- Losey R. J., Fleming L. S., Nomokonova T., Gusev A. V., Fedorova N. V., Garvie-Lok S., Bachura O. P., Kosintsev P. A., Sablin M. V. Human and Dog consumption of Fish on the Lower Ob River of Siberia: evidence for a major Freshwater Reservoir Effect at the Ust'-Polui site // Radiocarbon. 2018. Vol. 60. P. 239–260.
- Price T. D., Meiggs D., Weber M.-J., Pike-Tay A. The migration of Late Pleistocene reindeer: isotopic evidence from northern Europe // Archaeological and Anthropological Sciences. 2017. Vol. 9. P. 371–394.
- Streletskaya M., Zaytceva M., Soloshenko N. Sr and Nd chromatographic separation procedure for precise isotope ratio measurement using TIMS and MC ICP methods-MS // European winter conference on plasma spectrochemistry. Sankt Anton am Arlberg, Austria. 19–24 Feb. 2017. P. 319.

P. A. KOSINTSEV, D. V. KISELEVA, O. P. BACHURA, N. V. FEDOROVA, M. V. CHERVYAKOVSKAYA, A. V. GUSEV

FIRST DATA ON THE CONTENT OF MICROELEMENTS AND ISOTOPES $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ IN THE HOLOCENE REINDEER REMAINS (MAMMALIA, ARTIODACTYLA, *RANGIFER TARANDUS L.*, 1758) IN NORTHERN EURASIA

The subject of the study was the estimation of the microelements and strontium isotopes ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) concentration in subfossil (Ust-Polui location) and modern bones and reindeer antlers from the sub-Arctic regions of Western Siberia. The study covered fragments of 4 skulls with antlers, 2 skull fragments with detached antlers, 4 detached antler fragments from different animals; modern reindeer skull with antlers from the Polar Urals was used for comparison. It was established that under the permafrost conditions during the initial fossilization period the microelement composition of bones and antlers changed significantly, and the degree of such changes depended on the material (bone, antler) and the micro-conditions of deposition. The latter resulted in a significant individual variability in the trace elements concentrations. Several groups of reindeer were identified for the later Holocene in the sub-Arctic of Western Siberia in terms of $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ isotopes ratio, which indicated the existence at that time of several different migration routes.

Pavel A. Kosintsev – Candidate of Biological Sciences, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: kpa@ipae.uran.ru

Daria V. Kiseleva – Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: kiseleva@igg.uran.ru

Olga P. Bachura – Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: olga@ipae.uran.ru

Natalia V. Fedorova – Candidate of Historical Sciences, Scientific Center for the Study of the Arctic (Russia, Salekhard). E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

Maria V. Chervyakovskaya – Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: zaitseva.mv1991@gmail.com

Andrey V. Gusev – Scientific Center for the Study of the Arctic (Russia, Salekhard).
E-mail: gusev_av2004@mail.ru

А. И. ЛЕБЕДИНЦЕВ

ПРИМОРСКИЕ КУЛЬТУРЫ ОХОТОМОРЬЯ: ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКОЕ ВЛИЯНИЕ*

В работе рассматривается проблема эскимосско-алеутского влияния на приморские культуры Охотоморья. Токаревская культура может быть отнесена к кругу палеоэскимосских культур или связана с палеоэскоалеутской миграцией с Юго-Западной Аляски и Алеутских островов. Неэскимосские культуры Чукотки оказывали определенное влияние на приморские общности Охотоморья, выразившиеся в распространении гарпунной техники и элементов эскимосской орнаментики. Эскимосское и алеутское влияние на приморские культуры Охотоморья в I–II тыс. н. э. осуществлялось в результате культурных контактов уже опосредовано, возможно, через соседствующие древние культуры. Вероятно, существовала в прошлом и циркумохотская культурная общность, имеющая глубокие связи с сопредельными культурами азиатского побережья и островов северо-западной части Тихого океана и Северной Америки.

Лебединцев Александр Иванович — к.и.н., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (Россия, Магадан). E-mail: lebedintsev@neisri.ru

Формирование приморских культур в Северном Приохотье является довольно длительным и сложным процессом [Васильевский 1971; Лебединцев 1990]. Наиболее древней является токаревская культура эпохи палеометалла, существовавшая в период VIII в. до н. э. — V в. н. э. В формировании токаревской культуры наряду с северным (чукотско-камчатским приморским) и южным (приамурским континентальным) компонентами, вероятно, участвовали поздненеолитические культуры Колымы. Появление гарпунного комплекса в токаревской культуре можно связывать с влиянием палеоэскимосских культур, что подтверждается дорсетскими типами наконечников у токаревателей. Аналогии зубчатым наконечникам гарпунов имеются в материалах стоянок на Юго-Западной Аляске и Алеутских островах. Черты сходства токаревского орнамента обнаруживаются в орнаментальном творчестве эскимосов древнеберингоморского времени, а также в орнаментальном творчестве эскимосов и алеутов по этнографическим данным. Вполне возможно, что токареватели вместе с гарпунной технологией могли воспринять отдельные мотивы эскимосского орнамента. По-видимому, резьба по камню у токаревателей тоже появилась под эскимосским влиянием. К палеоэскимосским традициям можно также отнести отсутствие пластинчатой техники, наличие мелких изделий из халцедона (миниатюрных наконечников стрел, скребков овальной формы, вкладышей, мелких ножей листовидной формы), наконечников с боковыми выемками, использование очагов прямоугольной формы из вертикально поставленных камней. Появление высокотехнологичной культуры морских охотников, отсутствие данных о ее постепенном формировании, вероятно, свидетельствует не только о влиянии палеоэскимосской традиции, а также о миграции палеоэскимосских популяций в Северное Приохотье. Вполне возможно, что какое-то палеоэскимосское население небольшими группами могло достигнуть севера Камчатки и участвовать в этногенезе токаревателей. Очередное похолодание в середине I тыс. до н. э. на Аляске могло вызвать переселение части морских зверобоев в другие, более благоприятные районы, расположенные южнее. Генетический анализ антропологического образца с токаревской стоянки Ольская показал

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00144 «Древние приморские культуры Северного Приохотья и Камчатки в контексте освоения человеком Северной Пацифики» (рук. А. И. Лебединцев).

наличие гаплагруппы D2a1 мтДНК. Древний «токаревец» оказался близким родственником индивида палеоэскимосской культуры Саккак из Западной Гренландии (гаплогруппа D2a1 мтДНК, возраст примерно 4 000 кал. л. н.).

На основе токаревской культуры в I тыс. н. э. формируется древнекорякская культура. Постепенно древнекорякская культура распространяется к западу в сторону Камчатки. На побережье Пенжинской губы стоянки древнекорякской культуры существовали с середины I тыс. н. э. Большинство корякских поселений Западной Камчатки относится к атарганской стадии. Исследователи отмечают значительное сходство между древнекорякской и алеутскими культурами, что отразилось в каменном и костяном инвентаре. Определенное культурное влияние на древнекорякскую культуру, особенно на ее восточную зону, оказывалось со стороны Американской Арктики (культура Туле). В материалах древнекорякской культуры фиксируются пунукские элементы. Эскимосские элементы прослеживаются в этнографической культуре палеоазиатов, которые подтверждают наличие глубокого языкового и культурного влияния эскимосов на культуру и язык коряков [Вдовин 1961]. Эскимосское и алеутское влияние на приморские культуры Северного Приохотья осуществлялось в результате культурных контактов уже опосредовано, возможно, через древние культуры Северной Камчатки.

На Западной и Северной Камчатке существовала в I тыс. н. э. обширная территория распространения археологических памятников со своеобразным комплексом орудий труда [Пономаренко 2000]. В материалах этих стоянок отмечается влияние соседних культур — токаревской и древнеберингоморской. В результате пунукского влияния через Северную Камчатку у ительменов Камчатки появляются наконечники поворотных гарпунов во II тыс. н. э. На западном побережье Камчатки выделяется локальная приморская культура Теви, датируемая I тыс. н. э. Ряд элементов этой культуры характерен для древнеэскимосской и алеутской культур. Позднее уже во II тыс. н. э. в этом районе существует древнекорякская культура, в материалах которой фиксируются пунукские элементы.

От эскимосов исходят многие культурные идеи и технические решения в гарпунном комплексе приморских южных районов. Значительная часть наконечников гарпунов охотской культуры типологически связана с орудиями Охотского побережья, находит аналогии в культурных комплексах стоянок Алеутских островов, юго-западной Аляски и арктических районов Канады [Прокофьев 1986, с. 26]. Отмечаются тесные связи древнего населения Курильских островов с культурами Алеутских островов, юго-западной Аляски и Берингоморья.

По своему происхождению культуры Северного Приохотья связаны с тихоокеанской культурой общностью. Вероятно, существовала в прошлом и циркумохотская культурная общность, имеющая глубокие связи с сопредельными культурами азиатского побережья и островов северо-западной части Тихого океана и Северной Америки.

Библиографический список

- Васильевский Р. С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.
Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1961. Вып. 3. С. 27–63.
Лебединцев А. И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Л., 1990.
Пономаренко А. К. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000.

Прокофьев М. М. К вопросу о типологической классификации костяных наконечников гарпунов охотской культуры (Сахалин, Курильские острова). Южно-Сахалинск, 1986.

A. I. LEBEDINTSEV

MARITIME CULTURES OF THE SEA OF OKHOTSK COAST: THE ESKIMO-ALEUTIAN INFLUENCE

The paper deals with the problem of the Eskimo-Aleutian influence on the maritime cultures of the Sea of Okhotsk coast. The Tokarevskaya culture may either be referred to the group of the Paleo-Eskimo cultures, or treated as the product of the Paleo-Eskimo-Aleutian migrations from the south-west of Alaska and the Aleutian Islands. The non-Eskimo cultures of Chukotka had a certain influence on the coastal communities of the Sea of Okhotsk region, a reflection of which was the spread of a harpoon technique and the elements of the Eskimo ornaments. The Eskimos and the Aleuts influence on the maritime cultures of the Sea of Okhotsk coast in the 1st-2nd millenniums AD was a result of the already indirect cultural contacts via the neighboring ancient cultures. It is also possible, that in the past there existed a circumpolar cultural community that had close contacts with the neighboring cultures of the Asian coast and the islands of the northwestern part of the Pacific Ocean and North America.

Alexander I. Lebedintsev — Candidate of Historical Sciences, N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Magadan). E-mail: lebedintsev@neisri.ru

Н. П. МАКАРОВ

РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ*

Статья посвящена обобщению материалов раннего бронзового века Красноярского археологического района. Анализируются керамические комплексы поселений. Приводятся аналогии глиняной посуде в памятниках Западной и Восточной Сибири, Тувы, Минусинской котловины. Прослеживается существование двух культурных традиций. Круглодонные сосуды с орнаментацией всей поверхности тулова и донца продолжают линию развития автохтонных неолитических племен. Плоскодонные сосуды баночной формы с орнаментацией шагающей гребенки и вогнутым штампом свидетельствуют о притоке нового населения из Западной Сибири. Сделан вывод о близкой в раннем бронзовом веке линии развития в Красноярской и Канской лесостепи, испытывающей влияние соседних культурно-исторических провинций. Радиоуглеродные датировки памятников Боровое, Боровое 2, пещера Еленева, Усть-Караульская позволяют определить время существования раннего бронзового века Красноярской лесостепи концом III — началом II тыс. до н. э.

Макаров Николай Поликарпович — к.и.н., Красноярский краевой краеведческий музей (Россия, Красноярск). E-mail: mnp@kkkm.ru

Красноярская лесостепь, расположенная севернее Минусинских котловин, остается до настоящего времени слабоизученным районом. Особенно это относится к памятникам раннего бронзового века. Если в Хакасии раскопаны сотни курганов, то в окрестностях Красноярска известны лишь несколько погребений, разрушенных большей частью во время различного рода земляных работ. При этом, в большинстве погребений отсутствуют керамика и изделия из металла, что затрудняет их датировку. Тем не менее, ориентировка костяков вдоль реки, плоские перламутровые бусинки, костяные подвески в захоронениях

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00779 «Антропологические и археологические грани этногенеза населения юга Западной и Средней Сибири в эпохи неолита и ранней бронзы» (рук. К. Н. Солодовников).

Переселенческого пункта и Афонтовой горы в Красноярске позволили А. П. Окладникову синхронизировать их с раннеглазковскими погребениями Прибайкалья [1949, с. 7–13].

Основным источником для изучения бронзового века Красноярской лесостепи являются керамические комплексы поселений. Следует заметить, что поселенческие материалы плохо коррелируются с погребальными комплексами.

На многослойных стоянках Мостовое, Няша, Пещера Еленева неолитическая керамика орнаментирована различными вариантами оттисков зубчатого штампа. Ее перекрывает керамика с вогнутым шагающим штампом. Сосуды с орнаментацией гладкой и гребенчатой качалкой встречены в Западной Сибири в памятниках неолита и бронзового века. Вероятно, с миграцией западносибирского населения эта керамика попадает в Среднюю Сибирь и в Красноярскую лесостепь. Сосуды данного типа зафиксированы на стоянках Енисея: Ладейки, Базаиха, Усть-Собакино, Дружиниха, Дрокино, Боровое 2. Сосуды с вертикальными и горизонтальными строчками шагающего гладкого и гребенчатого штампа зафиксированы в горизонтах неолита и окуневской культуры на многослойной стоянке Тоора-Даш верхнего Енисея [Семенов 2018, с. 50–175]. Но вряд ли возможно южное влияние с Тувы на население Красноярской лесостепи, так как памятников афанасьевской и классической окуневской культуры в окрестностях Красноярска до сих пор не обнаружено.

Наиболее представительна керамика раннего бронзового века стоянки Боровое 2. В одном культурном слое залегают фрагменты круглодонных и плоскодонных сосудов. Они орнаментированы по всей внешней поверхности, включая дно, различными вариантами гладкого, зубчатого и овально-зубчатого штампов. Круглодонные сосуды имеют форму усеченного овалоида, плоскодонные – простой баночной формы. Наиболее близка плоскодонной посуде керамика окуневской культуры Минусинской котловины. В то же время, найденное на стоянке Боровое 2 погребение отлично от типичных окуневских захоронений. Отсутствует каменный ящик и земляная насыпь, характерные для курганов юга Красноярского края. Не обнаружены в окрестностях Красноярска и типичные окуневские каменные изваяния.

На восточные аналогии указывает керамика с техническими оттисками рубчатой лопатки, появляющаяся в глазковской культуре Прибайкалья. Подобная керамика зафиксирована под Красноярском на стоянках Караульная, Усть-Мана, Ладейки, Усть-Собакино и других памятниках. На восточное влияние указывает и распространение в Красноярском археологическом районе сосудов-дымокуров с характерными ушками для подвешивания.

В антропологическом плане население Красноярской лесостепи в неолите и раннем бронзовом веке имело смешанный характер в отношении рас первого порядка: европеоидной и монголоидной [Савенкова, Макаров 2018].

Радиоуглеродные датировки стоянок Боровое и Боровое 2 позволяют определить время существования племен раннего бронзового века Красноярской лесостепи концом III – началом II тыс. до н. э.

Таким образом, географическое положение Красноярской лесостепи на стыке Западной, Южной и Восточной Сибири определило влияние на ее древнее население этих трех культурно-исторических провинций. В то же время, керамические комплексы стоянок Красноярского района находят аналогии в посуде поселений Канско-Рыбинской лесостепи [Гимощенко, Савельев 2013], что свидетельствует о единой линии развития этих соседних территорий в раннем бронзовом веке.

Библиографический список

- Окладников А. П. Неолитические погребения на Афонтовой горе // КСИИМК. 1949. Вып. 25. С. 7–13.
- Савенкова Т. М., Макаров Н. П. Антропология и археология погребений неолита и ранней бронзы Красноярской лесостепи // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы IX междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2018. Т. 1. С. 158–162.
- Семенов Вл. А. Тоора-Даш – многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб., 2018.
- Тимощенко А. А., Савельев Н. А. Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины (современное состояние проблемы) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5. С. 19–27.

N. P. MAKAROV

EARLY BRONZE AGE IN THE KRASNOYARSK FOREST-STEPPE

The article presents a summary of the Early Bronze Age materials of the Krasnoyarsk archaeological region. The author studied the settlements' pottery complexes. The paper provided analogies with the pottery in the archaeological sites of Western and Eastern Siberia, Tuva, and the Minusinsk depression. Two cultural traditions were identified. The round bottomed vessels with ornamentation on the entire surface of the body and bottom continued the line of the autochthonous Neolithic tribes' evolution. The flat bottom cup shaped vessels with a stepping comb and concave stamp ornamentation gave evidence of the inflow of the new population from Western Siberia. The author made a conclusion about the similar early Bronze Age lines of evolution in the Krasnoyarsk and the Kansk forest-steppe under the influence of the neighboring cultural and historical provinces. The radiocarbon dates for the sites Borovoe, Borovoe 2, Eleneva cave, and Ust-Karaulnaya allowed fixing the time of the early Bronze Age existence in the Krasnoyarsk forest-steppe as the end of the 3rd – beginning of the 2nd millenniums BC.

Nikolay P. Makarov – Candidate of Historical Sciences, Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore (Russia Krasnoyarsk). E-mail: mnp@kkkm.ru

A. И. МУРАШКИН, А. А. МАЛЮТИНА

ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАЛЛА В ЭПОХУ БРОНЗЫ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ*

В памятниках позднего неолита и эпохи бронзы Кольского полуострова найдено несколько предметов, свидетельствующих о металлообработке – медные и бронзовые изделия, тигли, литейные формы. Наиболее ранняя находка – медная трубочка-пронизка из поселения Харловка 1-6 датируется 2500–2300 cal BC. Бронзовые изделия из Кольского Оленеостровского могильника датируются 1500–1100 cal BC. Более многочисленны косвенные свидетельства использования металла – технологические следы изготовления изделий из кости и рога, оставленные металлическими инструментами. Они обнаружены на предметах из Кольского Оленеостровского могильника, поселения Харловка 1-6 и Маяк 2 (датируется 4730–1430 cal BC). Интересное косвенное свидетельство – обнаруженная в погребении 16-1 КОМ рамочная рукоять с отверстиями для заклепок, в которой могло закрепляться несохранившееся металлическое лезвие.

Мурашкин Антон Игоревич – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: a.murashkin@spbu.ru

Малютина Анна Андреевна – Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: kostylanya@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-31-01070 «Костяной и роговой инвентарь позднего неолита – раннего железного века Северной Фенноскандии: динамика развития» (рук. А. И. Мурашкин).

В археологических памятниках Кольского полуострова находок, свидетельствующих о металлообработке (металлических орудий, льячек, литейных форм, шлаков и т. д.), немного. Отсутствие металлических изделий в культурных слоях памятников может объясняться несколькими причинами: разрушением в кислой среде, спецификой депонирования, методикой раскопок. В такой ситуации важную роль для характеристики эпохи имеют свидетельства косвенных источников.

К настоящему моменту в памятниках позднего неолита — эпохи бронзы Кольского полуострова найдено четыре металлических предмета — фрагмент украшения, трубочка-пронизка, небольшой кинжал, пластинка (Усть-Дроздовка 3, Харловка 1–6 и Кольский Оленеостровский могильник — далее КОМ) [Колпаков, рис. 6.48: 1; Шмидт 1930, табл. 5: 7; Murashkin et al. 2016, fig. 8: 4-5], две литейные формы из стеатита — для топора и ножа (наконечника?) (Маяк 2, Стрельна) [Гурина 1997, рис. 35: 1; Никитин, с. 4], два керамических тигля (Ловозеро I, КОМ) [Титов, рис. 16; Murashkin et al. 2016, fig. 8: 1-3] и, возможно, два тигля из стеатита (Маяк 2) [Гурина 1997, рис. 35: 13-14]. Непротиворечивая информация или изображения, упомянутых в работах Н. Н. Гуриной литейных форм топора и ножей из памятников Пялица, Маяк 2 и Востра [1982, с. 65; 1997, с. 75], в архивных материалах не обнаружена. Сами предметы в музейных хранилищах также не обнаружены.

Датировка имеющихся артефактов возможна по радиоуглеродным датам из замкнутых и полужамкнутых комплексов — погребений и жилищ. Наиболее ранняя находка — трубочка-пронизка из жилища Харловка 1–6 датируется 2500–2300 cal BC. Фрагмент украшения из жилища 2 на поселении Усть-Дроздовка 3 обнаружен в шурфе, сразу под дерном. Жилище типа гресбакен может быть датировано 2400–1600 cal BC, но датировка бронзового фрагмента затруднительна. Кинжал, пластинка и тигель из КОМ относятся к периоду 1500–1100 cal BC. Химический состав трубочки-пронизки из Харловки 1–6 — чистая медь — находит аналогии среди медных изделий энеолита / позднего неолита Карелии и Финляндии [Чистякова (Врублевская) 1991, табл. 3, 4; Ikäheimo 2014, тау. 2]. Бронзовые вещи и капля металла на тигле из КОМ и находка из Усть-Дроздовки содержат 8–16 % олова; такой химический состав характерен для бронз Южной Швеции [Ling et al. 2012, table 2; Ling et al. 2014, table 2; Murashkin et al. 2016, p. 197].

Многочисленные косвенные свидетельства распространения металла получены в ходе экспериментально-трасологического анализа изделий из кости, рога и зубов из КОМ. Задачей изучения 243 артефактов было выявление приемов их изготовления и особенностей использования. На 142 предметах оригинальная поверхность не сохранилась. В трех случаях внешняя поверхность сохранилась полностью, в 98 — частично. У некоторых изделий участки сохранившейся поверхности имеют размер менее 1 см. На 101 предмете определены следы следующих технологических операций: строгание, абразивная шлифовка, резание, рубка, сверление, полировка. В случаях незначительного размера участков сохранившейся поверхности достоверно определить каким инструментом производились такие технологические операции как строгание и резание затруднительно. Тем не менее, на 57 изделиях следы строгания и резания оставлены металлическим инструментом [Малютина, Мурашкин, Киселева 2018, с. 120, 121; Малютина, Мурашкин 2019].

Следы использования металлических орудий выявлены также на одном костяном предмете из поселения Харловка 1–6 и нескольких орудиях из поселения Маяк 2 (проанализировано около 40 артефактов из коллекции, включающей 564 изделия и 1 272 предмета

со следами обработки). Интересное косвенное свидетельство — обнаруженная в погребении 16–1 КОМ рамочная рукоять с отверстиями для заклепок, в которой могло закрепляться несохранившееся металлическое лезвие. Но, возможно, в нем закреплялась имитация — шлифованное лезвие из сланца, подобное обнаруженным в Западной Норвегии [Hinsch 1957, fig. 1: c, 7: a, b, d].

Большое количество костяных изделий со следами обработки металлическими орудиями можно рассматривать как свидетельство широкого распространения и использования бронзы в Северной Фенноскандии как минимум в середине — второй половине II тыс. до н. э.

Библиографический список

- Гурина Н. Н. Время врезанное в камень: из истории древних лапландцев. Мурманск, 1982.
- Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
- Колпаков Е. М. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о разведках в Мурманской области 2017 г. НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1.
- Малютина А. А., Мурашкин А. И., Киселева А. М. Костяной и роговой инвентарь Кольского полуострова: типология, технология, трасология // Стратегии жизнеобеспечения в каменном веке, прямые и косвенные свидетельства рыболовства и собирательства: материалы междунар. конф., посвящ. 50-летию В. М. Лозовского. СПб., 2018. С. 120–123.
- Малютина А. А., Мурашкин А. И. Кольский Оленеостровский могильник: свидетельства использования металла // Эволюция неолитических культур Восточной Европы. СПб., 2019. В печати.
- Никитин А. Л. Новые археологические находки на Терском берегу Кольского полуострова в 1969–1970 гг. Машинопись. Личный архив В. Я. Шумкина.
- Титов Ю. В. Альбом иллюстраций к отчету Кольской археологической экспедиции ИЯЛИ КарНЦ за 1971 г. Мурманский областной краеведческий музей. НФ. Д. № 1008-Арх.
- Чистякова (Врублевская) Э. Л. Прил. II. Структура медных находок с энеолитических поселений Карелии // Журавлев А. П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991. С. 182–200.
- Шмидт А. В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Тр. антропол.-этнограф. отряда Кольской экспед: материалы комиссии экспед. исслед. Л., 1930. Вып. 23. С. 119–169.
- Hinsch E. 'Saging' av skifer // *Studia Neolithica in honorem Arne Åyräpää*. 1957. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 58. P. 41–60.
- Ikäheimo J. Suomen kivikautisten kuparilöytöjen metallin alkuperästä // *Muinaistutkija* 2. 2014. P. 11–26.
- Ling J., Hjärthner-Holdar E., Grandin L., Billström K., Persson P.-O. Moving Metals or Indigenous Mining? Provenancing Scandinavian Bronze Age Artefacts by Lead Isotopes and Trace Elements // *Journal of Archaeological Science*. 2012. № 40(1). P. 291–304.
- Ling J., Stos-Gale Z., Grandin L., Billström K., Hjärthner-Holdar E., Persson P.-O. Moving Metals II: Provenancing Scandinavian Bronze Age Artefacts by Lead Isotope and Elemental Analyses // *Journal of Archaeological Science*. 2014. № 41 (1). P. 106–132.
- Murashkin A. I., Kolpakov E. M., Shumkin V. Ya., Khartanovich V. I., Moiseyev V. G. Kola Oleneostrovskiy Grave Field: A Unique Burial Site in the European Arctic // *New Sites, New Methods. Proceedings of the 14th Finnish-Russian Archaeological Symposium*. Helsinki, 2016. Is. 21. P. 185–199.

A. I. MURASHKIN, A. A. MALYUTINA

DIRECT AND INDIRECT EVIDENCE OF THE USE OF METAL DURING THE BRONZE AGE IN THE KOLA PENINSULA

The researchers discovered several items indicating the existence of metal production — the copper and bronze artifacts, crucibles, and casting molds — in the Kola peninsula Neolithic and Bronze Age archaeological sites. The earliest find, a copper hollow pendant from Kharlovka 1-6 settlement, was dated as 2500–2300 cal BC. The bronze items from the Kola Oleny Ostrov burial site were dated as 1500–1100 cal

BC. The most numerous finds were the indirect evidences of the use of metal – the technological traces of making bone and antler items left by some metal tools. They were found on items from the Kola Oleny Ostrov burial site, settlements Kharlovka 1-6 and Mayak (dated as 4730–1430 cal BC). An interesting indirect evidence found in interment 16-1 KOB was a frame handle with rivet holes, which could have been used for fixing a lost metal blade.

Anton I. Murashkin – Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg). E-mail: a.murashkin@spbu.ru

Anna A. Malyutina – Institute of the History of Material Culture of the RAS (Russia, Saint Petersburg).

E-mail: kostylanya@yandex.ru

С. Е. ПАНТЕЛЕЕВА

КЕРАМИКА ПЕТРОВСКОГО ТИПА С ПОСЕЛЕНИЙ ЮЖНОГО УРАЛА И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Подводятся итоги современного этапа исследований керамики петровского типа с поселений Южного Урала и Северного Казахстана. Количество памятников, подвергнутых раскопкам, не превышает и десятка, но часть из них вскрыта значительными площадями. Многослойный характер большинства поселений позволил определить хронологическую позицию петровской посуды относительно других керамических комплексов эпохи бронзы. В результате изучения пространственного распределения находок сделаны выводы о сокращении площади петровских поселений по сравнению с предшествующими синташтинскими. Рассмотрены технологические, морфологические и орнаментальные характеристики петровской посуды. В последние годы был предпринят ряд попыток создания внутренней типологии. Основной задачей остается введение в научный оборот новых материалов, выявление локальных и возможных хронологических различий керамических коллекций отдельных памятников.

Пантелеева Софья Евгеньевна – к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: SPanteleyeva@mail.ru

Керамика, извлекаемая из культурного слоя поселений, является важнейшим источником для изучения различных аспектов образа жизни древнего населения. В отличие от погребальной посуды, которая специально изготавливалась или намеренно отбиралась для сопровождения отдельных индивидов в потусторонний мир, бытовая керамика производилась и использовалась для ежедневных нужд целого коллектива. Анализ данной категории находок позволяет делать выводы об уровне развития гончарства, культурных взаимодействиях и трансформациях, социальной дифференциации, относительной хронологии и т. д.

Посуда петровского типа встречается на поселениях бронзового века, локализующихся на территории Южного Урала и Северного Казахстана. За последние десятилетия часть этих памятников была исследована раскопками, в некоторых случаях – крупномасштабными. Определенные результаты были достигнуты и в изучении их керамических коллекций.

Многослойный характер большинства поселений позволил определить хронологическую позицию петровской посуды относительно других керамических комплексов эпохи бронзы. Так, установлена последовательность синташтинских и петровских отложений (Устье I, Каменный Амбар), петровских и алакульских (Кулевчи III, Новоникольское I,

Петровка II), петровских и срубно-алакульских (Каменный Амбар) [Виноградов 1982; Зданович 1988; Корякова и др. 2011; Multidisciplinary investigations... 2013; Древнее Устье... 2013; Пантелеева 2018]. Кроме того, в результате изучения пространственного распределения керамики сделаны выводы о сокращении площади петровских поселений по сравнению с предшествующими синташтинскими (Устье I, Каменный Амбар), что, по-видимому, является отражением определенных социально-демографических процессов.

На материалах ряда памятников, в частности, поселений Кулевчи III и Устье I, изучены особенности технологии производства петровской посуды. Установлено, что сосуды изготавливались на формах-основах, обтянутых тканью. В качестве форм-основ использовались уже применяемые в быту изделия, о чем свидетельствуют негативные отпечатки орнамента на внутренних сторонах емкостей [Виноградов, Мухина 1985]. Рассмотрены способы формовки и обработки поверхностей сосудов, исходное сырье и искусственные добавки. Отмечено преобладание смешанных рецептов формовочных масс, включающих тальковую дресву, шамот и органические примеси [Гутков 1995; Древнее Устье... 2013]. Полученные наблюдения позволили сделать вывод о преемственности технологии изготовления синташтинской, петровской и алакульской керамики.

Значительное внимание уделено изучению морфологии и орнаментации петровской посуды. Если в первые десятилетия исследований основной акцент был сделан на поиске общих типобразующих признаков (базовые формы сосудов, орнаментальные композиции, технические приемы нанесения узоров), то в последние годы был предпринят ряд попыток создания внутренней типологии [Малютина, Зданович 2004; Древнее Устье... 2013; Пантелеева 2017]. В результате анализа разных коллекций обнаружена неоднородность петровского керамического комплекса. Ведущий тип представлен острореберными сосудами с утолщением под венчиком (так называемым «воротничком»). Важным фактом является наличие в коллекциях сосудов с синташтинскими, алакульскими и раннесрубными чертами. Это дает возможность судить не только о направлении и скорости культурных трансформаций в регионе, но и о контактах с группами, проникающими с западных территорий.

На современном этапе исследований основной задачей остается продолжение детального изучения коллекций отдельных поселений с целью выявления локальных и возможных хронологических различий. Кроме того, до сих пор не решена проблема соотношения так называемой «синташтинской» и собственно петровской керамики с памятников Северного Казахстана. Необходимы дальнейшие раскопки поселений, содержащих культурные отложения петровского времени и ввод в научный оборот новых материалов.

Библиографический список

- Виноградов Н. Б. Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 94–99.
- Виноградов Н. Б., Мухина М. А. Новые данные о технологии гончарства у населения алакульской культуры Южного Зауралья и Северного Казахстана // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 79–84.
- Гутков А. И. Технология изготовления керамики памятников синташтинского типа // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: материалы конф. Челябинск, 1995. Ч. 5, кн. 2. С. 132–135.
- Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. Челябинск, 2013.
- Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.
- Корякова Л. Н., Краузе Р., Епимахов А. В., Шарапова С. В., Пантелеева С. Е., Берсенева Н. А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И. В., Чечушков И. В. Археологическое исследование

- укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 61–74.
- Малютина Т. С., Зданович Г. Б. Керамика Аркаима: опыт типологии // РА. 2004. № 4. С. 67–82.
- Пантелеева С. Е. Керамика петровского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле–Белокурихе. Барнаул, 2017. Т. 1. С. 317–321.
- Пантелеева С. Е. О выделении петровского строительного горизонта на укрепленном поселении Каменный Амбар // XXI Урал. археол. совещ., посвящ. 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара, 2018. С. 149–151.
- Multidisciplinary investigations of the Bronze Age settlements in the Southern Transurals (Russia). Bonn, 2013.

S. E. PANTELEEVA

PETROVSKY TYPE CERAMICS FROM THE SOUTH URAL AND NORTH KAZAKHSTAN SETTLEMENTS: CURRENT RESEARCH STATUS

The author sums up the results of the current stage of the study of the Petrovsky type ceramics from the South Urals and North Kazakhstan settlements. The total number of the excavated sites is no more than a dozen, at the same time, part of them has been excavated on a significant area. The multi-level structure of the majority of the settlements provided material for fixing the chronological position of the Petrovsky pottery in relation to the other Bronze Age ceramic complexes. Based on the finds spatial distribution study, the author made a conclusion about the shrinking of the Petrovsky settlements area compared to the preceding Sintashta settlements. The paper studied the technological, morphological, and the ornamental characteristics of the Petrovsky pottery. In recent years, there were several attempts to develop its inner typology. The publication of the new materials, identification of the local and the possible chronological differences in the pottery assemblages from individual sites remain the main tasks of the research.

Sofya E. Panteleeva — Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: SPanteleyeva@mail.ru

М. Л. ПЕРЕСКОКОВ

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИКАМЬЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Выстраивается модель процессов культурогенеза в Пермском Прикамье в контексте климатических изменений, которая синхронизируется с аналогичными процессами Прикамского региона в целом. Выявляются общие закономерности культурных и миграционных процессов на позднем этапе ананьинской культуры и в процессе формирования пьяноборской, гляденовской, мазунинской, азелинской и кара-абызской культур.

Перескоков Михаил Львович — к.и.н., Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь). E-mail: pereskokoff@yandex.ru

Рассмотрение процессов, реконструируемых по археологическим данным для раннего железного века Прикамья в контексте изменения окружающей среды, дает возможность выстроить иную модель (гипотезу) развития культур [Перескоков 2018, с. 112, 113]. Ареал расселения носителей ананьинской культурно-исторической общности (АКИО) в Пермском Прикамье ограничивался широкими долинами Камы и нижнего течения

крупных притоков. В период похолодания (граница суббореального и субатлантического периодов (2500 л. н.) — средний и поздний этапы ананьинской культуры (VI–IV вв. до н. э.) — проходит существенная милитаризация, появляется значительное число укрепленных поселений (городищ). Далее следовало смягчение климата и потепление (Римский климатический оптимум), которое соответствует раннему и среднему этапам гляденовской культуры — значительному подъему скотоводства, что отразилось в обрядности гляденовских костяков, а позже привело к увеличению численности и переизбытку населения, дефициту ресурсов и, как следствие, к локальным миграциям гляденовцев — «колонизации» сопредельных территорий, отвечающих заданным критериям — широкопойменные речные долины. К IV в. были сформированы все локальные варианты гляденовской культуры [Перескоков 2018, с. 111–113]. В этот период появляются немногочисленные воинские группы степного населения (ранние комплексы Мокинского могильника), которые включаются в местную гляденовскую культурную среду. Климатический оптимум сменяется раннесредневековым климатическим пессимумом — существенным похолоданием, увеличением количества осадков, пик которого пришелся на конец IV–V в. [Аськеев, Аськеев, Галимова 2009, с. 66].

Широкая долина р. Камы, которая оставалась основным ресурсом для ведения хозяйства, стала заболачиваться. В конце IV в. начинается борьба за пригодную для выпаса скота территорию между различными гляденовскими группировками, что характеризуется появлением значительного количества городищ на территории всех локальных вариантов культуры. Во второй половине IV в. в Прикамье появляются воинские группы пришлого степного населения, связанные с культурно-хронологическим горизонтом Тураево-Кудаш [Перескоков 2018, с. 104], погребения, связанные с которым присутствуют в могильниках всех локальных вариантах гляденовской культуры. Они влились в структуру местного населения, захватив власть в воевавших между собой гляденовских группировках.

В V в. гляденовское население активно осваивает бассейн р. Сылва (где становится основой для формирования неволинской культуры), бассейны р. Обва, р. Чусовая, и территорию Верхней Камы (где становится основой для формирования ломоватовской культуры) [Перескоков 2018, с. 119]. В V в. полностью исчезают памятники на территории Тулвинско-Частинского локального варианта. К началу VI в. вся территория Среднего Прикамья вдоль р. Кама, становится непригодной для ведения хозяйства и забрасывается — ядро гляденовской культуры перестает существовать.

Реконструированные для Пермского Прикамья процессы можно синхронизировать с западными территориями АКИО и постананьинских культур, предполагая там аналогичные по своей сути процессы. Расположение памятников позднего этапа АКИО имеет четкую приуроченность к широким долинам р. Камы и р. Волги, притоков — Вятки и Белой [Чижевский 2017]. Рубеж АКИО и пьяноборской культуры характеризуется изменением расположения памятников. Пьяноборская культура занимает часть территории АКИО, остальная забрасывается. Переустройство зоны обитания, перенос поселений и могильников на другие, более удобные места (как это было и при трансформации ананьино/гляденово), запустение, связанное с процессами деградации Камской и Волжской долин, создает ощущение культурного разрыва.

Картографирование пьяноборских памятников [Красноперов 2018а, рис. 2; Красноперов 2018б, рис. 2] показывает процессы активного расселения и «колонизации» долин крупных

и мелких притоков Камы, аналогичное и синхронное раннему и среднему этапам гляден-новской культуры и климатическому оптимуму, то, что А. А. Красноперов назвал бегством: «пьяноборцы бросились враспынную» [2018б, с. 59]. Результатом «колонизации» стало значительное распространение «пьяноборцев» за рамки ареала культуры и формирование на ее основе мазунинской, азелинской и кара-абызской культур. Население повторно осваивало вновь пригодные в климатическом оптимуме долины Камы и Волги, Вятки, Ика, Белой, более мелкие притоки, продвигаясь вверх по течению, иногда сливаясь с автономно существовавшим на отдаленных от Камы территориях постананьинским населением. Данные процессы синхронизируются комплексами пришлых воинских групп III в., которые появляются в гляденском ареале с некоторым запаздыванием, по сравнению с азелин-ской и мазунинской культурами. Погребения горизонта Тураево-Кудаш, в могильниках основного ареала мазунинской и азелинской культур, являются в них наиболее поздними комплексами (поздний IV — начало V в.). Прекращение функционирования обеих культур соотносится с похолоданием и деградацией экологической обстановки. Население перемещается вверх по притокам р. Камы и по р. Волге от неблагоприятных территорий и частично сохраняется там, оставив памятники поздне/постазелинского круга (Младшее Ахмылово, Старый Изюм, Тат-Боярка, Конец и др.) и бахмутинской культуры на р. Белой (Бирск). Это соответствует процессам позднего этапа гляденской культуры, но происходит несколько раньше, что связано с запаздыванием экологических процессов на Средней и Верхней Каме. В ареале формирования постгляденских неволинской и ломоватовской культур погребения горизонта Тураево-Кудаш на могильниках являются самыми ранними.

Библиографический список

- Аськеев И. В., Аськеев О. В., Галимова Д. Н. Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит — средневековье) // Среднее Поволжье и Урал: человек и природа в древности. Казань, 2009. С. 29–113.
- Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004.
- Красноперов А. А. Азелино: движение на восток. Находки азелинских вещей к востоку от основного ареала // Археология Евразийских степей. 2018а. № 1. С. 130–177.
- Красноперов А. А. Анахронизмы среди погребального инвентаря. Пьяноборские вещи в мазунинских погребениях: процесс смены времен в Прикамье // Археология Евразийских степей. 2018б. № 1. С. 56–86.
- Перескоков М. Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века. Пермь, 2018.
- Чижевский А. А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 196–256.

M. L. PERESKOKOV

THE DYNAMICS OF THE EARLY IRON AGE ARCHAEOLOGICAL CULTURES EVOLUTION IN THE KAMA REGION WITHIN THE CLIMATE CHANGE CONTEXT

The research builds a model of the cultural genesis processes in the Perm area Kama region within the climate change context. The model is synchronized with the similar processes in the Kama region on the whole. The common cultural and migration processes patterns have been identified at the late stage of the Ananino culture, and in the process of formation of the Piany Bor, Glyadenovo, Mazunino, Azelinskaya, and the Kara-Abyz cultures.

Mikhail L. Pereskokov — Candidate of Historical Sciences, Perm State National Research University (Russia, Perm). E-mail: pereskokoff@yandex.ru

Л. Ю. ПЕТРОВА

ДАННЫЕ О ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПОСЕЛЕНИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПРИИСК II (ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)

В статье приведены данные, характеризующие производственную деятельность населения, обитавшего в эпоху бронзы на археологическом памятнике «Поселение Архангельский Прииск II». Памятник расположен в Чесменском районе Челябинской области, в пограничной зоне между степью и лесостепью. Основные этапы обитания в эпоху бронзы связаны с алакульской и межовской культурой. Полевые исследования и состав находок свидетельствуют о наличии на поселении всех отраслей экономики, характерных для эпохи бронзы региона. Важную роль в производственной деятельности в межовское время играла металлургия и металлообработка.

Петрова Лариса Юрьевна – ООО «Центр Археологических Исследований» (Россия, Челябинск).
E-mail: L-petrova@yandex.ru

Поселение Архангельский Прииск II расположено в Чесменском районе Челябинской области, в ландшафтной зоне, пограничной между современной степью и лесостепью. Полевые исследования памятника проводились автором в 2010–2013 гг. Раскопанная площадь составила 350 кв. м, количество находок — около 5,5 тыс. единиц. Изучено жилище с различными конструкциями и околоселищная территория. Мощность культурных напластований составила до 85 см, слой представлен супесью серых и коричневых оттенков. Анализ материалов показал, что можно говорить о двух основных этапах в истории поселения: алакульском и межовском. Керамика других типов немногочисленна и не является ведущей в коллекции [Петрова 2018, с. 153–155].

Полевые исследования и дальнейшая обработка материалов позволили получить данные о хозяйственной деятельности жителей древнего поселка на протяжении всего периода его существования, использовались следующие источники: характер почвы, остеологический материал, остатки жилищ и конструкций, различные категории находок и анализ их пространственного и стратиграфического распределения. В коллекции помимо обломков сосудов присутствуют каменные орудия, изделия из кости, пряслица, предметы из глины и орудия на фрагментах керамики, украшения из раковины моллюска, обмазка и фрагменты дерева. Особо следует отметить представительный комплекс находок, связанных с металлургическим производством: шлаки и ошлакованная керамика, фрагменты воздуходувных сопел, тигли, льячки, литейная форма, готовые бронзовые изделия. К сожалению, артефакты не всегда оказалось возможным связать с определенной археологической культурой. Это, в частности, касается серии каменных орудий, номенклатура которых оставалась неизменной на протяжении всего бронзового века. Полученные данные свидетельствуют о наличии в хозяйственном комплексе поселения всех основных видов деятельности, известных для эпохи бронзы региона: скотоводство, охота и рыболовство, домостроение, металлургия и металлообработка, гончарство, обработка камня и кости, ткачество и прядение.

После керамики второй по численности категорией находок являются каменные орудия, представленные разнообразными по размерам, типологическим характеристикам и функциональному назначению предметами. Для их классификации за основу была взята схема, разработанная С. Я. Зданович для материалов поселения Петровка II и Аркаим

[Зайков, Зданович 2000, с. 73–94; Зданович, Коробкова 1988, с. 60–79]. Значительная часть каменных орудий, найденных на поселении, имеет отношение к горнодобывающему и металлообработывающему производству, и лишь небольшое количество предметов можно отнести к домашним производствам [Петрова 2017, с. 161–165].

В широком спектре находок, связанных с металлургией, наиболее массовыми являются шлаки и тигли. Их обработка, классификация и анализ были проведены С. А. Григорьевым (ИИиА УрО РАН). На данном этапе изучения материалов можно утверждать, что комплекс шлаков и тиглей на памятнике связан, прежде всего, с межовским населением, обживавшим площадку в эпоху финальной бронзы. Планиграфическая раскладка находок показала, что наибольшее количество как шлаков, так и тиглей, технической керамики, а также литейная форма были найдены за пределами жилищных конструкций. Основываясь на этом наблюдении, допустимо предположить, что для металлургических операций целенаправленно эксплуатировалась территория, примыкающая к жилищу. Здесь же, помимо собственно металлургического процесса, могли осуществляться операции по обогащению руды, для чего и служили каменные орудия — песты и куранты, ступки и терочные плиты, с помощью которых руда истиралась до 1 мм, а также, возможно, и металлообработка для получения готовых изделий.

Это наблюдение, сделанное на конкретном археологическом объекте, тем не менее, является отражением глобальных исторических процессов, связанных со сменой технологий изготовления металла, произошедшей на широкой территории в эпоху поздней бронзы. На смену синташтинской металлургии пришла плавка металла при высокой температуре, при этом использовались сульфиды из кварцевых пород, выплавлять которые в жилищах было невозможно из-за испарений серы [Григорьев 2013]. Это и привело к тому, что, в отличие от синташтинской традиции, население позднего бронзового века организовывало процесс плавки в специально отведенных для этого местах — за пределами жилых помещений.

Важная роль металлургии в жизни жителей поселка межовского времени подтверждается и изучением остеологического материала: по наблюдениям Л. Л. Гайдученко, проводившим обработку костных остатков на поселении, возрастная характеристика забивавшихся в пищу животных позволяет предполагать, что животноводство не являлось основным занятием населения (данные не опубликованы). На эту роль в пределах исследуемого памятника претендует металлургическое производство.

Библиографический список

- Григорьев С. А. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. Челябинск, 2013.
- Зайков В. В., Зданович С. Я. Каменные изделия и минерально-сырьевая база каменной индустрии Аркаима // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 2000. С. 73–94.
- Зданович С. Я., Коробкова Г. Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности поселения эпохи бронзы (по данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 60–79.
- Петрова Л. Ю. Металлургический комплекс поселения поздней бронзы Архангельский Прииск II (Южный Урал) // Геоархеология и археологическая минералогия. Миасс, 2017. № 4. С. 161–165.
- Петрова Л. Ю. Новые межовские комплексы Южного Зауралья // XXI Урал. археол. совещ., посвящ. 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара, 2018. С. 153–155.

L. YU. PETROVA

DATA ON THE PRODUCTION OPERATIONS AT THE BRONZE AGE SETTLEMENT ARKHANGELSKY PRIISK II (SOUTH TRANS-URAL)

The paper provides the data characterizing the production activity of the population that lived during the Bronze Age at the archaeological site "Settlement Arkhangelsky Priisk II". The site is located in the Chesmenskiy district of the Chelyabinsk Province, in a border area between the steppe and the forest-steppe zones. The main Bronze Age stages of the settlement's functioning were associated with the Alakul and the Mezhev cultures. The field studies and the finds composition gave evidence of the existence at the settlement of all sectors of the economy that were characteristic for the Bronze Age of the region. Metallurgy and metalworking played an important role in the production activities during the Mezhev culture period.

Larisa Yu. Petrova – LLC "Center for Archaeological Research" (Russia, Chelyabinsk).
E-mail: L-petrova@yandex.ru

О. Е. ПОШЕХОНОВА, С. Н. СКОЧИНА, О. М. АНОШКО

МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВОЕНТО 11

Вводятся в научный оборот материалы поселения раннего железного века Военото 11 из слабо изученного в археологическом отношении района северной тайги – бассейна р. Пур. Исследованные остатки зимнего жилища и сооружения хозяйственного назначения дают представление о традициях домостроительства древнего коллектива. Полученный немногочисленный комплекс керамики позволяет соотнести эту группу населения с носителями гребенчато-ямочной традиции в орнаментации посуды. Установлено, что жители поселка кроме керамических использовали берестяные емкости. Орудия труда, сделанные преимущественно из кварца, что характерно для данного района в эту эпоху, использовались в основном для обработки шкур. Обитатели поселка занимались деревообработкой и изготовлением (переплавкой) изделий из сплавов цветных металлов на основе меди.

Пошехонова Ольга Евгеньевна – ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, Институт проблем освоения Севера (Россия, Тюмень). E-mail: poshehonova.olg@gmail.com

Скочина Светлана Николаевна – к.и.н., ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, Институт проблем освоения Севера (Россия, Тюмень). E-mail: sveta_skochina@mail.ru

Аношко Оксана Михайловна – к.и.н., ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, Институт проблем освоения Севера (Россия, Тюмень). E-mail: okanoshko@yandex.ru

Поселение находится в Пуровском районе ЯНАО, в северотаежной зоне, в среднем течении р. Харампур, на правой террасе, на берегу заболоченной старицы. Памятник состоял из 30 западин разных форм и размеров, две из них (№ 4 и 6) были исследованы в 2015 г. в ходе охранных раскопок. Котлован наземного сооружения 6 подпрямоугольной формы с ровным полом размерами 2,4 x 3,65 м был ориентирован по линии север-юг и незначительно углублен в материк на 0,1–0,3 м. Вход в сооружение, направленный к реке, был устроен в центре его южной стенки и представлял собой материковый пандус с узким выступом котлована длиной около 1,5 м и ступенькой. По краям котлована снаружи имелись три небольших столбовых ямки. В заполнении расчищено множество фрагментов сгоревшей деревянной конструкции постройки. В котловане, в основном в придонной

части, обнаружено несколько фрагментов керамики, находки из камня и остатки изделия из бересты с прошивкой, похожего на небольшой короб.

Слабо углубленная наземная постройка 4 размерами 4,6 x 5,2 м была подпрямоугольной формы и такой же ориентации. Вход в постройку, направленный к реке, был устроен в ее восточной стене и представлял собой материковую наклонную площадку с канавообразным углублением длиной 1,5 м. Здесь расчищены остатки сгоревшего пристроя к жилищу. Рельеф дна сооружения чашевидный, поэтому его глубина варьировала от 0,05 до 0,3 м. В его центральной, самой глубокой части, расчищен округлый очаг диаметром около 0,6 м и мощностью не более 0,12 м. В нем найдены кальцинированные кости и обломки битой посуды. У очага зафиксирована ямка, в ее заполнении обнаружены фрагменты тигля с бронзовыми выплесками, неорнаментированные фрагменты керамики и отбойник. Вдоль северной стенки котлована располагались обгоревшие нары длиной около 1,7 м, шириной 0,9 м, которые представляли собой уложенные в ряд на подсыпку, практически вплотную друг к другу, доски. Между очагом и нарами выявлена довольно крупная яма глубиной 0,4 м, содержащая плотно уложенные крупные куски угля. В верхней толще ее заполнения по диагонали, параллельно друг другу, залежали сгоревшие плашки — остатки деревянного перекрытия ямы. На дне сооружения зафиксированы многочисленные сгоревшие остатки выстилки пола из древесины и хвои (?). По периметру котлована снаружи и внутри расчищены 8 небольших столбовых ямок, в которые были вкопаны опоры деревянной конструкции сооружения. В верхней части заполнения исследованы ее сгоревшие остатки из некрупных плашек и досок. Основная часть находок обнаружена на материке и чуть выше. Отходы производства каменных изделий и сами орудия залежали преимущественно в районе нар. Основная часть фрагментов керамических сосудов находилась в центре жилища, тяготея к кострищу.

Судя по размеру сооружения 4, наличию в нем центрального мощного очага, деревянных нар и серии хозяйственных ям, можно заключить, что оно являлось зимним жилым объектом. Сооружение 6, напротив, имело хозяйственное назначение. Вряд ли обе постройки использовались долгое время, на что указывают малое количество находок и мощность культурного слоя. Датировка объектов установлена по результатам радиоуглеродного анализа четырех образцов угля — двух из жилища и двух из постройки (Ле 11393-96 — 2080 ± 45 , 1870 ± 30 , 1860 ± 35 , 2040 ± 40). Судя по ним, сооружения существовали в хронологическом промежутке I в. до н. э. — I в. н. э., который соответствует периоду раннего железного века. Археологические материалы из изученных построек идентичны, поэтому, скорее всего, они были оставлены одной группой населения.

Малочисленный и сильно фрагментированный керамический комплекс (190 ед.) насчитывает остатки как минимум 15 однотипных сосудов. Это емкости с прямыми стенками, форма дна неизвестна. Они бедно украшены наклонными оттисками гребенчатого штампа по срезу венчика, пояском сквозных ямок в бордюрной зоне, ниже — оттисками гребенчатого, единично гладкого штампа или стержня с плоским рабочим концом. Отдельные горизонтальные оттиски располагались в шахматном порядке, а вертикальные образовывали ряды. Тулово и придонная часть сосудов не орнаментировались. Керамика тонкостенная, толщина черепков не превышала 0,3–0,4 см, в тесте визуально фиксируются шамот, песок, единично дресва, а на внешней и внутренней поверхности отмечены следы интенсивного заглаживания гребенчатым штампом. На многих сосудах снаружи зафиксирован довольно

толстый слой нагара, что указывает на ее использование в приготовлении пищи. Определить культурную принадлежность керамического комплекса не представляется возможным в связи с недостаточностью данных, однако можно однозначно связать его с носителями гребенчато-ямочной традиции в орнаментации посуды. Кроме обломков сосудов в коллекции присутствует тигель с бронзовыми выплесками. Предмет, сделанный из теста с примесью большого количества песка, явно подвергся воздействию высоких температур: он пережжен и местами оплавлен, на поверхностях присутствует ошлаковка.

Коллекция артефактов из камня (65 экз.) представлена группами предметов, сырьевую основу которых составляют кварцы и сланцы, единично встречены кремень и халцедон. Необходимо отметить, что кварцевое сырье характерно для памятников раннего железного века бассейна р. Пур [Косинская 2014, с. 78]. Первую группу образует комплекс, состоящий из 8 массивных скребков размером от 3 до 5 см. Все выполнены на расколотых гальках, имеют полукруглую, округлую, овальную или подквадратную формы, рабочие края, занимающие от 1/3 до полной окружности предмета, оформлены обивкой с двух сторон, реже — с одной. Сработанность, характерная для обработки шкуры, зафиксирована на семи скребках, одно изделие использовалось в качестве скобеля по дереву. Имеются предметы со следами оббивки и забитости, а также отбойники. Остальную массу составляют отходы производства — сколы из кварца без следов вторичной обработки.

Библиографический список

Косинская Л. Л. Археологические исследования УрФУ в Пуровском районе // Археология Арктики. Екатеринбург, 2014. Вып. 2. С. 58–80.

O. E. POSHEKHONOVA, S. N. SKOCHINA, O. M. ANOSHKO

MATERIALS FROM THE EARLY IRON AGE SETTLEMENT VOENTO 11

The article is the publication of the materials of the early Iron Age Voento 11 settlement from the poorly archaeologically researched area of northern taiga, the Pur river basin. The studied remains of a winter house and economic structures contributed to the understanding of the ancient group's housebuilding traditions. The obtained scarce ceramics complex allowed associating this group with the pit-comb tradition population. It was established that the population of the settlement used, in addition to the ceramic bowls, also the birch bark containers. The tools, made predominantly of quartz, which was traditional for the region in that period, were mostly used for hide processing. The population was also engaged in woodworking and the making (remelting) of items from copper based metals alloys.

Olga E. Poshekhonova — Tyumen Scientific Centre Siberian Branch of the RAS, Institute of the problems of Northern development (Russia, Tyumen). E-mail: poshehonova.olg@gmail.com

Svetlana N. Skochina — Candidate of Historical Sciences, Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS, Institute of the problems of Northern development (Russia, Tyumen). E-mail: sveta_skochina@mail.ru

Oksana M. Anoshko — Candidate of Historical Sciences, Tyumen Scientific Centre Siberian Branch of the RAS, Institute of the problems of Northern development (Russia, Tyumen). E-mail: okanoshko@yandex.ru

Н. В. СОЛДАТКИН

**ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ:
ВАРИАНТЫ СУЩЕСТВУЮЩИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ**

В статье рассматриваются разные версии визуальных реконструкций синташтинско-петровских поселений. Их можно разделить на несколько групп. По виду: графические рисунки, натуральные реконструкции, компьютерные 3d-модели. По степени реконструируемого объема: часть жилища, участок укреплений, целое жилище, целое поселение. По стилю: изображение сложной, внушительной архитектуры, и более простые варианты реконструкций, с меньшим количеством предполагаемых элементов. Реконструкции объединяют некоторые общие черты, проявляющиеся, в частности, в изображении экстерьера жилищ. На сегодня имеются визуальные образы нескольких поселений, но большая часть всех реконструкций посвящена архитектуре Аркаима. Ее изображения, сделанные на основании идей концепции «Страны городов», выглядят преувеличенно масштабными и усложненными, особенно в образах фортификаций.

Солдаткин Николай Викторович – Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург).
E-mail: niksoldatkin@yandex.ru

Реконструкция существовавших в древности объектов, сохранившихся только в виде фрагментированных остатков, – одна из самых интересных и трудных задач археологии. Укрепленные поселения синташтинско-петровского типа – памятники, к воссозданию архитектурных образов которых обращались неоднократно. Объективная сложность и неоднозначность результатов изучения архитектуры по археологическим источникам, а также большой интерес к теме поселений определили значительное количество и разнообразие существующих на сегодня вариантов реконструкций.

Большая их часть – это графические рисунки, которые можно разделить на две группы: описательные и художественные. Описательные иллюстрации нацелены на наиболее точное отображение архитектурных образов конкретных исследованных участков. Так, для поселения Устье схематически реконструированы участки фортификации и конструкции двух соседних помещений, для поселения Каменный Амбар предложен вариант образа постройки № 5 на второй фазе ее существования [Жорякова, Кузьмина 2017, с. 98]. Есть примеры схематических обобщающих изображений нижних частей жилищ и их стандартной планировки, сделанных на основе построек внешнего круга поселения Аркаим [Зданович 1995, с. 28].

Художественные рисунки не стремятся к точному воспроизведению размеров, пропорций, деталей архитектуры. Они дополнены зарисовками объектов ландшафта, фигур людей, домашнего скота для оживления и придания реалистичности изображению, сравнительному отображению масштабов реконструируемой архитектуры [ARKAIM 2011, с. 29, 30]. С помощью сюжетности могут передаваться представления авторов о возможных вариантах использования строений. Например, на материалах поселений Синташта и Аркаим – об использовании колодцев в металлургическом процессе [Там же 2011, с. 45], использовании крыш жилых построек и участков фортификаций для размещения и передвижения людей [Генинг, Зданович, Генинг 1992, с. 39; Зданович 1995, с. 26], о сложно устроенных внутри оборонительных стен проходах [Генинг, Зданович, Генинг 1992, с. 40; ARKAIM 2011, с. 30].

Создавались и натуральные реконструкции. Это несколько вариантов макетов Аркаима, передающих как общий внешний вид всего поселения, так и более детальные образы

отдельных участков укреплений и жилищ. Для Аркаима, на материалах жилищ внешнего круга, были созданы и полноразмерные натуральные реконструкции: модель целого жилища и музеефицированный раскоп нижних частей двух соседних построек. В процессе создания полноразмерных реконструкций были экспериментально отработаны и проанализированы технологические приемы, возможно применявшиеся древними строителями.

На современном этапе для воссоздания архитектурных образов активно применяются методы компьютерной графики, создаются 3d-модели, которые могут презентоваться в формате иллюстраций или видеофайлов. Большая часть существующих 3d видео-моделей создана для научно-популярных передач, в которых реконструируется исключительно Аркаим. Его архитектура воспроизводится зачастую в самых смелых вариантах с завышенной сложностью и масштабностью строений. Основой для них выступают макет из музея «Природы и человека» заповедника «Аркаим», а также графические и описательные реконструкции, отражающие идеи об архитектуре поселения в рамках концепции «Страны городов». Кроме нескольких «аркаимских», существует 3d-модель поселения Каменный Амбар. Она в большей степени обоснована и опирается на результаты проведенных на памятнике комплексных междисциплинарных исследований архитектуры и ландшафта.

В изображениях синташтинско-петровских поселений можно отметить некоторые черты, ставшие «канонами». Они базируются на представлениях об архитектуре двух памятников: Синташты и Аркаима. При воссоздании экстерьера жилищ чаще всего используются «классические» образы построек, имеющих общие продольные грунтовые стены и плоские крыши со светодымовым отверстием [Генинг, Зданович, Генинг 1992, с. 85]. Большая часть реконструкций укреплений опирается на предположения о сложных, внушительных деревянно-земляных фортификациях с высокими и широкими стенами, башнями, потайными проходами, лабиринтами, широкими и глубокими рвами и т. д. [Там же 1992, с. 39–40; Зданович 1995, с. 25–29]. От таких образов фортификаций существенно отличается серия обобщающих эскизных рисунков 12 поселений, изображающих варианты реконструкций простых укреплений в форме небольших «дренажных» канав и грунтовых обваловок, сочетающихся с деревянными изгородями [Макурова, Петров 2017].

Итак, визуальные реконструкции синташтинско-петровских поселений отличаются по виду, стилю, степени детальности, условности обобщения, уровню обоснованности источниками, целям создания. Большая их часть посвящена Аркаиму и создана в целях популяризации самого памятника и его интерпретаций. Этим отчасти объясняется вызванное желанием заинтересовать зрителя преувеличение параметров архитектуры. Для создания более объективных визуальных образов поселений актуальна дальнейшая разработка научных реконструкций, опирающихся на широкий спектр источников: на материалы конкретных раскопанных участков, результаты дистанционных исследований, палеобиологические данные, также важно сотрудничество с архитекторами и специалистами по компьютерному моделированию.

Библиографический список

- ARCAIM. Поселение эпохи бронзы. Древнейшие индоевропейцы в степях Урала: каталог выставки. Челябинск, 2011.
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. Ч. 1.

V СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (ХАНТЫ-МАНСКИЙ, 11–14 ДЕКАБРЯ 2019)

- Зданович Г. Б. Аркаим: Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995. С. 21–42.
- Корякова Л. Н., Кузьмина С. А. Некоторые особенности архитектуры укрепленного поселения Каменный Амбар в контексте образа жизни населения Южного Зауралья начала II тыс. до н. э. // Урал. ист. вестн. 2017. № 1 (54). С. 92–102.
- Макурова М. Р., Петров Ф. Н. Аркаим – «Страна городов». Путеводитель по «бронзовому кольцу России». Челябинск, 2017.

N. V. SOLDATKIN

VISUAL IMAGES OF THE SINTASHTA-PETROVSKAYA SETTLEMENTS: VERSIONS OF THE EXISTING RECONSTRUCTIONS

The article studies various versions of the Sintashta-Petrovskaya settlements' visual reconstructions. They could be arranged in several groups. By appearance: graphic drawings, physical reconstructions, computerized 3D models. By the scope of reconstruction: part of a house, a section of fortifications, whole house, whole settlement. By style: representation of a complex, impressive architecture; or the simplified reconstruction versions with a reduced number of the assumed elements. All reconstructions have certain common characteristics, which are manifested, for instance, in the representation of the exterior of the houses. At present visual representations of several settlements are available, however, most of the reconstructions are focused on the Arkaim architecture. Its representations, based on the ideas of the "Country of Cities" concept, appear to be excessively large-scale and complicated, particularly in the part of fortifications.

Nikolay V. Soldatkin – Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: niksoldatkin@yandex.ru

C. B. СОТНИКОВА

СОСУДЫ БЕЗ ОРНАМЕНТА КАК МАРКЕР РИТУАЛЬНОГО СТАТУСА (ПО МАТЕРИАЛАМ АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА)

В алакульской культуре получила распространение достаточно своеобразная традиция, которая отчетливо прослеживается по материалам Алакульского могильника. В детские погребения помещались миниатюрные сосуды баночной формы без орнамента. Они располагались в ногах погребенного и были установлены вверх дном. Высказывается предположение, что для алакульского населения орнаментированные предметы являлись своеобразным маркером принадлежности к миру культуры, который противопоставлялся миру природы (иному миру). Орнаментированный сосуд и сосуд без орнамента соотносились как мир культуры и мир природы. Практика обращения с неорнаментированными сосудами из детских погребений Алакульского могильника, возможно, свидетельствует о том, что дети до определенного возраста считались принадлежащими не человеческому, а иному, природному миру.

Сотникова Светлана Владимировна – к.и.н., ООО «Центр археологических исследований» (Россия, Надым). E-mail: svetlanasotnik@mail.ru

В эпоху бронзы андроновская культурно-историческая общность (КИО) занимала обширные, в основном, степные пространства от Южного Урала до Енисея. В нее входили алакульская и федоровская культуры. Сходство этих культур проявляется, прежде всего, в орнаментации керамики геометрическими узорами. Однако федоровская погребальная

посуда отличается более пышной и сложной орнаментацией. М. П. Грязнов в лекциях по бронзовому веку Южной Сибири сравнивал орнаментацию посуды эпохи бронзы, в том числе и андроновской, с орнаментацией кожаной и меховой одежды некоторых коренных народов Южной Сибири и Казахстана. Он указывал на возможность перенесения орнамента с одежды на посуду [см.: Кирюшин 1995, с. 58, 59].

В алакульской культуре получила распространение достаточно своеобразная традиция детской погребальной обрядности. В детские погребения помещались миниатюрные сосуды, в основном, баночной формы без орнамента. Они располагались в ногах погребенного, а в некоторых случаях были к тому же установлены вверх дном.

Впервые такая традиция была отмечена К. В. Сальниковым на материалах эпонимного Алакульского могильника в Южном Зауралье. Всего в этом могильнике обнаружено шесть неорнаментированных сосудов, пять из них — это миниатюрные банки, из которых три установлены в ногах умерших, в положении вверх дном. В погребении 1 кургана 8 был захоронен ребенок в возрасте немного старше года, скорченно, на левом боку, головой на Ю. К западу от предполагаемого местонахождения ступней стоял вверх дном небольшой сосудик баночной формы без орнамента, наполненный красной краской. В могиле 31 кургана 13 была захоронена девочка 5–7 лет, скорченно, на левом боку, головой на Ю. В ногах поставлен вверх дном маленький сосудик баночной формы без орнамента. В могиле 32 кургана 13 костяк ребенка располагался поперек могилы в скорченном положении, на левом боку, головой на Ю. В ногах установлено два сосуда, причем оба — вверх дном, один из них — миниатюрная баночка без орнамента [Сальников 1952, с. 52, 53, 61, 62, 65. Рис. 9, 9, 12, 13]. Таким образом, во всех трех случаях, когда достоверно установлено положение неорнаментированного сосуда вверх дном в ногах костяка, погребения являлись детскими.

Отсутствие орнамента можно объяснить следующим образом. Исследователи, занимающиеся изучением орнамента на сосудах эпохи бронзы, отмечают, что в ней могли найти отражение древние представления о мире и месте в нем человека. Вполне возможным является предположение, что для алакульского населения орнаментированные предметы являлись своеобразным маркером принадлежности к миру культуры, который противопоставлялся миру природы (иному миру). Орнаментированный сосуд и сосуд без орнамента соотносились как мир культуры и мир природы, первый входил в вещный мир культуры, второй был явлением природного (иного) мира. Присутствие неорнаментированных сосудов преимущественно в детских погребениях, возможно, было обусловлено тем, что дети до определенного возраста считались принадлежащими не человеческому, а иному, природному миру и, соответственно, окружались подобными вещами. Вероятно, в древности существовала особая детская сфера сакральности. В. М. Кулемзин, рассматривая угорскую (прежде всего хантыйскую) культуру, отмечал, что, когда с символами сверхъестественного мира вступает в контакт взрослый человек, он действует посредством вещи (жертвы). Ребенок же вступает в эту связь непосредственно, так как сам он принадлежит не реальному, а потустороннему миру [Кулемзин 2003, с. 382, 383].

К этому следует добавить, что некоторые характеристики детей младшего возраста явно тяготеют к миру природы. Ребенок говорил на непонятном для взрослых языке, близком звучанию природного (дикого, иного) мира. В этой связи челканцы одно и то же слово *пагыр* — «кричать» употребляли в отношении маленьких детей и косуль. Среди стариков-карагасов существовал обычай называть маленького человека «чужак» или «ягненок».

Оставаясь в какой-то мере «природными» существами, дети, с точки зрения традиционного общества, сохраняли связь и с иным пространством [Сагалаев 1990, с. 148].

Достаточно важным представляется вывод В. М. Кулемзина о том, что особой сакрализацией был наделен мир детских вещей и детских игр. «Степень сакрализации здесь может быть сравнима с атрибутами разного рода шаманов» [Кулемзин 2003, с. 382, 383]. Так, он отмечает, что у хантов р. Вах сакрализован клюв гагары, причем в большей степени, чем сама гагара. Причина такого рода сакрализации заключается в том, что клюв гагары подвешивался к спинке детской колыбели, а в прошлом его использовали как наконечник стрелы [Кулемзин 2003, с. 383]. Материалы угорской этнографии для нас особенно важны, так как, по мнению ряда исследователей, контакты индоиранского и угорского населения уходят в глубокую древность. На основании угорских параллелей можно предположить, что сосуд без орнамента из алакульского детского погребения был сакрализован в большей степени, чем орнаментированный из взрослого, и, по существу, функционально приближался к шаманским атрибутам. Это подтверждается способами обращения с неорнаментированными сосудами из детских погребений (переворачивание вверх дном, помещение в ногах).

Библиографический список

- Кирюшин Ю. Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // «Моя избранница – наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул, 1995. С. 58–75.
Кулемзин В. М. Отдельные штрихи к портрету хантыйской культуры // Угры: материалы VI Сибир. симпоз. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003. С. 380–385.
Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990.
Сальников К. В. Курганы на озере Алакуль // МИА. 1952. № 24. С. 51–71.

S. V. SOTNIKOVA

BOWLS WITHOUT ANY ORNAMENTATION AS A RITUAL STATUS MARKER (ON THE ALAKUL BURIAL SITE MATERIALS)

An interesting tradition existed within the Alakul culture. It could be clearly traced in the materials of the Alakul burial site. The population placed miniature cup shaped vessels without ornamentation into the children's interments. The bowls were placed bottoms up at the feet of the body. It is possible that for the Alakul population the ornamented items were a kind of a marker indicating the belonging to the world of culture as opposed to the world of nature (the other world). An ornamented vessel and a vessel without any ornamentation correlated as the world of culture and the world of nature. The practice of the use of bowls without ornamentation from the children's interments of the Alakul burial site was, possibly, a reflection of the fact that children under a certain age were considered as belonging not to the world of the people, but to the other world, the world of nature.

Svetlana V. Sotnikova – Candidate of Historical Sciences, LLC “Center for Archaeological Research” (Russia, Nadym). E-mail: svetlanasotnik@mail.ru

О. С. ТУПАХИНА

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ХЭЯХИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ

Приведены результаты исследования погребальных сооружений и остатков жилища многослойного поселения Салехард-4 из Западносибирского Заполярья. По аналогии с известными керамическими комплексами эпохи поздней бронзы захоронения и жилище отнесены к хэяхинской культуре. Дана характеристика археологического и антропологического материала. Определен пол и возраст погребенного. На основании радиоуглеродных дат погребения датированы XIII в. до н. э.

Тупахина Ольга Сергеевна — к.и.н., Научный центр изучения Арктики (Россия, Салехард).
E-mail: olga-tupakhina@yandex.ru

Сложение в Западносибирском Заполярье хэяхинской культуры до настоящего времени относили к первой четверти I тыс. до н. э. [Лашук, Хлобыстин 1986, с. 43–50; Эпоха бронзы... 1987, с. 296; Косинская, Федорова 1994, с. 20]. По утверждению исследователей, в ее генезисе участвовали потомки «тазовского населения» и коллективы, оставившие памятники атлымской культуры. Предполагалось синхронное существование с последними, что позволило датировать хэяхинскую культуру по атлымской X–VIII вв. до н. э. [Эпоха бронзы... 1987, с. 296].

Памятников хэяхинской культуры известно немного, локализованы они в основном в Приуральском районе ЯНАО, на правом берегу р. Хэ-яха, левого притока р. Щучья, и на окраинах Салехарда. Керамический комплекс характеризуют находки на стоянках Хэ-яха и Корчаги IA. Этот комплекс составляют крупные открытые горшки с небольшими плоскими днищами и маленькие воронковидные плоскодонные сосудики. Сосуды орнаментированы полностью, от кромки венчика включая дно. Основным элементом орнамента являются мелкоструйчатые отпечатки линейных штампов. Такими оттисками сделаны зигзаги, горизонтальные линии, решетчатые композиции, заполнены треугольные фестоны и мозаично расположенные квадраты. Большую роль в орнаментации играют круглые ямки. Они находятся на углах зигзагов, треугольников и квадратов, образуют самостоятельные пояса. Орудия хэяхинской культуры выделены не были, не найдены жилища и погребения [Лашук, Хлобыстин 1986, с. 46, 47; Эпоха бронзы... 1987, с. 296].

Ситуация изменилась в 2017 г. благодаря работам на многослойном поселении Салехард-4. Исследованное поселение находится в черте одноименного города, в 3-х км от крайних северных домов микрорайона Ангальский мыс. Памятник располагается на высоком (до 15 м от уреза воды) мысу, образованном поворотом террасы. У подножия его располагается обширная песчано-каменистая отмель р. Полуй и впадающего в нее справа ручья. В результате произведенных работ было вскрыто 120 кв. м площади памятника, исследованы 7 условных горизонтов культурных напластований. Несмотря на то, что верхний слой памятника имеет значительные современные антропогенные разрушения, а нижние более древние слои повреждены последующими заселениями, стратиграфически выделяются слои эпохи раннего средневековья и позднего бронзового века. К эпохе поздней бронзы отнесены также остатки котлована жилища и два грунтовых погребения.

Погребение № 1 по общему контуру имеет форму лодки, ориентировано по линии СВ – ЮЗ. Размеры внешнего контура на уровне материка: длина – 2,7 м, ширина – 1,3 м. Глубина могильной ямы – 32 см. В заполнении встречаются угольные прослойки

и фрагменты угля. В верхней части, в районе предполагаемой головы, поставлен камень средних размеров, подтреугольной формы. Дно ямы неровное, ступенчатое. Костяк и инвентарь погребения не обнаружены. Глубокий контрольный перекоп также не дал результата. По углу из заполнения погребение датировано XIII в. до н. э. (Spb-2561 2868 ± 55 BP).

Погребение № 2. Могильное пятно в плане имело два контура. Внешний контур подобный форме лодки, нос которой обращен в направлении севера, фиксируется по тонкой прослойке углей. Мелкие разрозненные угольки отмечались также в заполнении погребения. По верхнему срезу борта “длина” лодки составляла — 3,6 м, максимальная ширина — 1,4 м. Внутренний контур имел прямоугольную форму с размерами 2,3 x 0,8 м в верхней части и 2,3 x 0,67 м на уровне костяка. Вероятно, умершего уложили в конструкцию меньшего размера с прямоугольным контуром, которую поместили в лодку. Очертания прямоугольного гробовища фиксируются по сверхтонкому древесному тлену от верха до дна могильной ямы, глубина которой составила около 0,9 м от древней дневной поверхности. Дно могильной ямы плоское, ровное. В верхней части, так же как и в погребении № 1, в районе предполагаемой головы или груди поставлен камень средних размеров, подтреугольной формы. Погребение датировано XIII в. до н. э. (Spb-2562 2850 ± 50 BP).

Останки человека представлены черепом и элементами посткраниального скелета. Кости располагались в анатомическом порядке, в значительной степени в сочленении друг с другом, сохранность неудовлетворительная. Тело умершего в возрасте 20–30 лет мужчины уложено в позе вытянуто на спине, головой на север, с незначительным наклоном к востоку. Ноги выпрямлены, но не сведены. Руки выпрямлены и уложены вдоль тела, предплечья пронированы.

Погребальный инвентарь представлен комплексом предметов, которыми мог пользоваться погребенный на протяжении жизни. Каменный оселок лежал поверх костного тлена крыла левой подвздошной кости, рядом с кистью левой руки. Рядом с оселком в районе крестца найден отщеп из кварцита. Возможно, эти два предмета находились в одном мешочке, зажатом в руке или висевшем на поясе. В районе колена левой ноги, в остатках органики, обнаружено каменное шлифованное тесло, которое вероятно, имело длинную деревянную рукоять. У стопы правой ноги на венчике стоял среднего размера плоскодонный сосуд открытой баночной формы, орнаментированный сочетаниями оттисков мелкоструйчатого штампа с круглыми ямками.

Жилище. Край котлована жилища полуземляночного типа зафиксирован нами при анализе стратиграфических разрезов северной и восточной стенок раскопа на одном уровне с погребениями. Котлован жилища имеет пологие стенки и глубину около 0,4 м от древней дневной поверхности. Дно отмечено несколькими прослойками черного погребенного дерна, свидетельствующими о неоднократном, возможно, сезонном заселении. Заполнение представляет собой рыхлый розово-серый песок, с большим содержанием углей и охры. Основная часть жилища с восточной стороны разрушена карьером при строительстве дороги к нефтебазе. Часть жилища с северной стороны, возможно, не пострадала.

Обнаружение в высоких широтах жилищ и погребений эпохи бронзы — большая редкость и является наиболее важным результатом настоящего исследования, а также свидетельствует о перспективности дальнейшего изучения памятника.

Библиографический список

- Косинская Л., Федорова Н. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург, 1994.
- Лашук Л. П., Хлобыстин Л. П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы. М., 1986. Вып. 185. Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Серия: Археология СССР. М., 1987.

O. S. TUPAKHINA

NEW WEST SIBERIA TRANSPOLAR HAYAKHIN CULTURE MATERIALS

The author describes the outcomes of the study of the burial structures and the remains of a house from the multilevel settlement Salekhard-4 in the West-Siberian transpolar region. By analogy with the known ceramic complexes of the late Bronze Age, the burial site and a house were referred to the Hayakhin culture. A description of the archaeological and the anthropological material is provided. The sex and the age of the buried person were established. According to the radiocarbon dating, the interments belonged to the 13th century BC.

Olga S. Tupakhina – Candidate of Historical Sciences, Scientific Center for the Study of the Arctic (Russia, Salekhard). E-mail: olga-tupakhina@yandex.ru

Н. В. ФЕДОРОВА

СТАТУСНЫЕ УКРАШЕНИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОСТЮМА: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ (СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Рассматривается факт появления и распространения статусных украшений и принадлежностей костюма у населения севера Западной Сибири, что связано с коренными преобразованиями в экономике и социуме. Впервые появление этой категории артефактов зафиксировано в комплексе древнего сакрально-производственного центра Усть-Полуй. В их число входят бляхи, поясные эполеобразные застёжки, кольца с изображением головы медведя, уложенной на передние лапы, и другие. Новые символы выражают такие идеи, как очевидную силу и агрессивность персонажей, победу над крупным хищником (медведем), принесение в жертву оленя. Окончательная унификация статусных предметов происходит к концу I тыс. н. э. Можно констатировать, что акцент в бронзолитейном искусстве смещается от культового литья в сторону осмысления роли этих предметов в формировании и поддержании социальных связей в коллективах.

Федорова Наталья Викторовна – к.и.н., Научный центр изучения Арктики (Россия, Салехард). E-mail: Mvk-fedorova@mail.ru

Статусные украшения и принадлежности костюма — это знаки (символы), позволяющие обозначить место их носителей в социальной структуре местного социума. «Интенсификация экономики и растущее распространение знаний при расширяющихся возможностях обмена могли послужить реальным фундаментом для принятия новой идеологии и связанной с ней иконографии. Они были новыми интеллектуальными формами отражения социальных структур, толчком к развитию которых послужили решающие изменения...» [Райнхольд 2018, с. 71].

Несмотря на то, что хозяйственная и связанная с ней социальная модернизация в обществе конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э., т. е. во втором периоде кулайской эпохи

отмечается всеми авторами, изучающими эту общность, пока ни один исследователь как-бы не замечал отражения этих модернизаций в изобразительной сфере, т. е. появления такого специфического вида искусства, как статусный набор.

Впервые зафиксировано появление этой категории в комплексе древнего сакрально-производственного центра Усть-Полуй. Для других памятников Приобья термин никогда не применялся, несмотря на то, что на памятниках Барсовой Горы и, особенно, в Верхнеобских могильниках статусные предметы присутствуют и даже в массе, только авторы публикаций называют их по разному: от «специфических» до «культовых» [Ширин 2003, с. 133; Чемякин 2008, с. 82].

В комплексе Усть-Полуя нами было зафиксировано появление особой категории украшений и принадлежностей костюма. В их число входят бляхи, эполетообразные застёжки, кольца с изображением медведя с головой, уложенной на передние лапы [Федорова 2017, рис. 12], бляхи в виде дневных и ночных хищных птиц с распахнутыми крыльями и петелькой на обороте, что доказывает их прикрепление на одежду [Федорова 2017, рис. 5, 3–6, 7, 1–6]. Там же появились парадные, а не функциональные, доспехи [Гусев 2017, с. 27–39, рис. 29–31] и особые предметы вооружения — рукоятки ножей с изображениями головы оленя или фигуры пушного зверя. Эти факты прокламируют выделение специфической группы людей, скорее всего, воинской прослойки в обществе.

Отмечу три идеи, которые выражают новые усть-полуйские символы. Во-первых, это очевидная агрессивность и сила персонажей — хищная птица с распахнутыми крыльями и открытым клювом; медведь, стоящий на задних лапах с открытой пастью; пушные звери в «геральдической» позе. Во-вторых, победа над крупным хищником, в данном случае — медведем, запечатленная в знаке «медведь, с головой, уложенной на передние лапы». В-третьих, обозначение принесения в жертву (голова оленя) и ее принятия некими «заместителями» божеств или духов: клюющая голову оленя хищная птица, грызущий ее же пушной зверь.

В самом конце раннего железного века — начале средневековья ситуация со статусными предметами почти не меняется. Добавляется широкое распространение прямоугольных блях с изображениями медведя, лежащего головой между лапами: они известны от могильника Релка [Чиндина 1977, рис. 35, 1–2] до находок в районах ХМАО — Югры, западных склонов Урала и северного Прииртышья [Могильников 1987, с. 326, табл. 78, 53, 61], а также объемных подвесок в виде фигур медведей, позже зайцев, водоплавающих птиц и других животных. В эпоху средневековья к концу I тыс. н. э. происходит окончательная унификация всего набора, включая детали вооружения — бронзовые рукоятки ножей, бронзовые накладки на ножны. Символ «медведь с головой уложенный между передними лапами» теперь располагается на пряжках пояса и браслетах.

Таким образом, мы можем с уверенностью говорить, что акцент в изобразительном (бронзолитейном) искусстве нижеобского населения от времени около рубежа эр и до конца средневековья смещается от так называемого культового литья начала раннего железного века в сторону осмысления роли этих предметов в формировании и поддержании социальных связей в коллективах, которые их использовали.

Библиографический список

Гусев Ан. В. Коллекция изделий из кости и рога по материалам раскопок 1993–1995, 2006–2015 гг. // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017. Вып. 4, т. 2. С. 4–103.

- Могильников В. А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. М., 1987. С. 163–235.
- Райнхольд С. В новый мир — изображения человека и отражение социальных архетипов в Западной Евразии после неолита // Урал. ист. вестн. 2018. № 1 (58). С. 62–73.
- Федорова Н. В. Зооморфный код Усть-Полюя // Археология Арктики. Екатеринбург, 2017. Вып. 4, т. 2. С. 104–126.
- Чемякин Ю. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск, 2008.
- Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977.
- Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры. Новокузнецк, 2003.

N. V. FEDOROVA

STATUS DECORATIONS AND COSTUME ACCESSORIES: HISTORY OF EVOLUTION (THE NORTH OF WESTERN SIBERIA)

The author studies the fact of the appearance and the distribution of status decorations and costume accessories among the population of the north of Western Siberia, which was a result of significant changes in the economy and the society structure. The first evidences of this category of artifacts were found in the ancient sacral and production complex Ust-Polui. The group included the plaques, the epaulet-type belt buckles, rings with the image of a bear head placed on the front paws, etc. The ideas expressed by the new symbols included an obvious strength and aggressiveness of the personages, a victory over a large predator (a bear), and a sacrificial offering of a deer. The final unification of the status items occurred by the end of the 1st millennium AD. It may be stated that the accent in the bronze casting art shifted from the religious casting towards the understanding of the role of those items in the formation and the maintaining of social ties within a group.

Natalia V. Fedorova — Candidate of Historical Sciences, Scientific Center for the Study of the Arctic (Russia, Salekhard). E-mail: Mvk-fedorova@mail.ru

С. И. ЦЕМБАЛЮК, А. В. КИСАГУЛОВ, А. Е. НЕКРАСОВ

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДИЩА МАРАЙ 1

Рассматриваются остеологические комплексы городища Марай 1, полученные в ходе раскопок 2010 и 2013 гг. Выделено три остеологические коллекции, связанных с разными периодами обитания древнего населения на территории поселка. Ранний этап эксплуатации памятника связан с жизнедеятельностью краснозерской культуры переходного от бронзы к железу времени (IX — начала VIII вв. до н. э.). Остеологическая коллекция этого времени представлена 1 945 костями, из них определимых 1 051 ед. Во второй период обитания на памятнике функционировало баитовское городище (IV–II вв. до н. э.). Остеологическая коллекция представлена 2 103 костями, определенных 1 325 ед. Территория городища использовалась и саргатским населением в III–I вв. до н. э. Саргатская яма из которой происходит серия костей, представленных отходами производства орудий из костей лося и костями мелкого рогатого скота, использовалась для утилизации отходов. Анализ видового состава остеологических комплексов двух основных периодов обитания, позволил выделить домашних и диких животных, включая птиц. Равное процентное соотношение данных видов в комплексах переходного от бронзы к железу времени свидетельствует о многоотраслевой экономике краснозерского населения поселка со значительной ролью охоты (в основном на лося) и рыболовства. В раннем железном веке на городище обитало баитовское население со скотоводческим типом хозяйства мясомолочной направленности.

Цембалюк Светлана Ивановна — к.и.н., ФИЦ ТюмНЦ СО РАН (Россия, Тюмень).

E-mail: svetac80@mail.ru

Кисагулов Антон Владимирович — Институт экологии растений и животных УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: akis9119@gmail.com

Некрасов Алексей Евгеньевич — Институт экологии растений и животных УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: nekrasov@ipae.uran.ru

Городище Марай 1 расположено в лесостепном Приишимье в Казанском районе Тюменской области. Городище мысовое, занимает выступ второй надпойменной террасы р. Ишим. Исследовалось в 2010 г. и 2013 г. В результате исследований установлено, что городище двухслойное, хорошо стратифицированное. Ранний хронологический горизонт представлен остатками поселка красноозерской культуры переходного времени от бронзового века к железному, датированного IX — началом VIII вв. до н. э. Поздний культурный слой маркирует укрепленное поселение начала раннего железного века, оставленное населением баитовской культуры. Датирован IV–II вв. до н. э. [Цембалюк 2015]. На городище зафиксирована большая поздняя яма, прорезающая баитовский слой, заполненная костями животных и фрагментами посуды саргатской культуры. Яма связана с жизнедеятельностью населения саргатской культуры, проживавшего в III–I вв. до н. э. на поселении Марай 2 [Берлина 2015], расположенного в 0,1 км к западу.

В результате исследования памятника из каждого хронологического слоя получены значительные по объему остеологические комплексы, позволяющие реконструировать хозяйственную направленность жителей поселка в двух периодах обитания — переходного времени от бронзы к железу (красноозерская культура) и раннего железного века (баитовская культура).

Материал представлен раздробленными костями животных, представляющими по большей части кухонные остатки. В результате исследования остеологических остатков определялись: видовая принадлежность, количество особей, возраст животного, соотношение отделов скелета лошади, крупного и мелкого рогатого скота, позволяющее определить наиболее употребляемые в пищу части туши.

Таксономическая принадлежность установлена для 2 579 костных остатков (54 %) из 4 782 единиц. Из них 2 392 кости принадлежат млекопитающим (92 % от всех определимых), 187 костей принадлежат птицам (8 %), из них определено 57 костей. Определение костных остатков птицы произведено до класса. Обнаружено 3 кости человека. Многочисленные кости и чешуя рыбы в статистический анализ не включены.

В слое переходного от бронзы к железу времени найдено 1 945 костных остатка, до вида определен 1 051 экземпляр (54 %). Две кости принадлежат человеку. Доля костей домашних животных, включая собаку (13 ед.), составила 50 % (522 ед.). Среди них преобладают костные остатки крупного рогатого скота (46 % от всех костей домашних видов из слоя). Кости лошади составили 39 % и мелкого рогатого скота — 13 %. Среди диких видов по количеству преобладают кости лося — 82 % от всех диких видов, 12 % составляют кости косули. Единично встречены кости зайца-беляка, лисицы, бобра, бурого медведя, куницы, барсука. В красноозерском слое обнаружено 78 костей птицы, определена 51 ед., в основном от водоплавающей дичи (различные виды уток), встречены кости боровой дичи (тетерев). Также следует отметить, что на красноозерском поселении было обнаружено

большое количество костей рыбы в жилищах, в ямах, забитых рыбьими костями и чешуей, на межжилищном пространстве и в сосудах.

В слое байтовской культуры раннего железного века обнаружено 2103 костных остатка, до вида определено 1325 костей (63 %). Одна кость принадлежит человеку. Кости домашних животных, включая собаку (33 ед.), составили 65 % (866 ед.). Из них наибольшую долю составляют кости крупного рогатого скота (48 % от всех костей домашних видов), доля костей лошади (30 %) и мелкого рогатого скота (18 %). Среди диких видов по количеству костей доминирует косуля — 65 % от костей диких видов. Доля лося невелика и составляет 17 %. Единично встречены кости благородного оленя, кабана, медведя, бобра, барсука, лисицы и зайца. Кости птиц (109 экз.) также, как и в предыдущем слое, представлены остатками водоплавающей и боровой дичи.

Остеологический набор из ямы саргатской культуры представлен в основном костными остатками лося (53 %) и мелкого рогатого скота (43 %), единично встречены кости бурого медведя (2 %) и лошади (1 %). Часть костей лося представляет собой производственные отходы от изготовления костяных орудий. Вероятнее всего, данная яма использовалась для утилизации отходов жителями поселка Марай 2.

Анализ соотношения отдела скелета крупного рогатого скота и мелкого рогатого скота позволяет говорить о том, что древнее население в оба периода обитания употребляло в пищу полностью всю тушу КРС, и наиболее мясные части МРС.

Таким образом, можно констатировать, что в результате анализа остеологических материалов в обоих хронологических горизонтах выделилось 2 группы животных — домашние виды и дикие виды, которые в свою очередь включают и кости птиц.

В красноозерском слое домашние и дикие виды занимают равные доли, что подтверждает тезис о многоотраслевой экономике [Цембалюк 2015, с. 47]. В стаде доминировал крупный рогатый скот. В хозяйстве красноозерского населения охота и, по всей видимости, рыболовство играли важную роль. В это время значение лося для промысла было велико. В раннем железном веке добыча лося резко снижается и возрастает доля косули. Доля костей домашних видов также возрастает от переходного времени к раннему железному веку (от 50 % до 65 %), а доля охоты заметно понижается (с 50 % до 35 %). Данное обстоятельство позволяет говорить о скотоводческом хозяйстве с мясомолочной направленностью у байтовского населения памятника.

Библиографический список

- Берлина С. В. Поселение Марай 2 в Приишимье // Человек и Север: антропология, археология, экология: материалы всерос. конф. Тюмень, 2015. Вып. 3. С. 89–92.
Цембалюк С. И. Хозяйство и быт населения красноозерской культуры (по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье) // РА. 2015. № 3. С. 43–54.

S. I. TSEMBALYUK, A. V. KISAGULOV, A. E. NEKRASOV

OSTEOLOGICAL COMPLEXES FROM MARAI 1 HILLFORT

The paper studies the osteological complexes of Marai 1 settlement obtained during the excavations of 2010 and 2013. The authors identified three osteological assemblages associated with the different periods of the settlement's occupation by the ancient population. The early stage of the site's functioning was associated with the existence of the Krasnoozersk culture of the transition period from the Bronze to the Iron Ages

(the 9th – early 8th centuries BC). The osteological assemblage of that period was represented with 1,945 bones, 1,051 of that number were identifiable. The second stage of the site's occupation was the period of the Baitov culture hillfort functioning (the 4th–the 2nd centuries BC). The osteological assemblage consisted of 2,103 bones with 1,325 identifiable pieces. The territory of the hillfort was also used by the Sargat population during the 3rd–the 1st centuries BC. The Sargat pit, from which a series of bones represented with production waste from making tools on elk and small cattle bones originated, was used as a waste utilization pit. The analysis of the species composition of the osteological complexes from the two main occupation periods allowed identifying the domestic and the wild animals, including some birds. Equal representation of these species in the complexes of the transition from the Bronze to the Iron Age period was an evidence of diversity of the economy practiced by the Krasnoozersk population, with a strong emphasis on hunting (mainly elk) and fishing. In the early Iron Age, the hillfort was used by the Baitov culture population with the pastoral type meat and dairy production economy.

Svetlana I. Tsembalyuk – Candidate of Historical Sciences, Tyumen Scientific Center, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen). E-mail: svetac80@mail.ru

Anton V. Kisagulov – Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: akis9119@gmail.com

Alexey E. Nekrasov – Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: nekrasov@ipae.uran.ru

Ю. П. ЧЕМЯКИН

КАЛИНКИНСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ТАЕЖНОГО ОБЬ-ИРТЫШЬЯ

В докладе характеризуется калинкинская культура раннего железного века. Около 50 поселений и городищ этой культуры открыты в Сургутском Приобье, преимущественно на правом берегу р. Оби. Ее отличают оригинальные планировка селищ, орнаментация керамики. Население калинкинской культуры было знакомо с лошастью. Культура предварительно датируется VI–IV вв. до н. э. Предполагается ее южное или юго-восточное происхождение.

Чемякин Юрий Петрович – к.и.н., Уральский государственный педагогический университет (Россия, Екатеринбург). E-mail: yury-che@yandex.ru

Оригинальность древностей, позже отнесенных к калинкинской культуре, была отмечена уральскими археологами еще в середине 1970-х гг. Термин «калинкинская культура» был предложен автором на VI Международном конгрессе финно-угроведов в 1985 г. [Чемякин 1989, с. 138]. Однако до сих пор эта культура представляется малоизвестной, о чем говорят и современные исследования [Матвеева 2015]. Для ее выделения было достаточно оснований. Несмотря на ограниченный ареал (урочища Барсова гора и Кучиминский сор в окрестностях г. Сургута, правобережье р. Оби), выявленные памятники демонстрировали своеобразие материальной культуры. Отличалась планировка поселений – преимущественно линейная, с плотным расположением наземных прямоугольных построек, до раскопок представлявших собой приподнятые площадки, окруженные обваловками и внешними ямами или канавами. Несколько объектов находились в стороне от ряда. Плотность застройки такова, что внешние ямы или канавы часто являлись общими для двух соседних построек. Площадь поселков 900–5 200 кв. м, количество построек в них от

5 до 15. Известны лесные и береговые городища, в основном подпрямоугольной формы, с незначительными оборонительными сооружениями. Сегодня открыто около 50 селищ и городищ калинкинской культуры, на 30 из них проведены раскопки.

Исследованные постройки по площади делятся на три группы: 12–20, 50–100 и 120–175 кв. м. Первую образуют две полуземлянки с небольшими очагами и три постройки без очагов. Судя по малой площади и отсутствию в большинстве из них очагов, постройки могли иметь хозяйственное назначение. Вторая группа — самая большая. В нее вошли все жилища с одним очагом (и три с двумя), раскопанные на селищах, и все жилища, изученные на городищах. Третью группу составляют жилища с двумя очагами, расположенными вдоль продольной оси, исследованные на селищах.

Преобладают сосуды чашевидной (с вертикальной или слабо отогнутой высокой шейкой и прямыми плечиками) и горшковидной формы (с короткой слабо профилированной шейкой). Котловидных форм меньше. Единичны плоскодонные емкости и четырехугольные чашечки. В орнаментации керамики большой удельный вес занимают оттиски гладкого штампа, редкие в инокультурных памятниках региона. Оригинальны композиции из вертикальных (наклонных) и чередующихся в шахматном порядке горизонтальных оттисков штампа. Своеобразие проявляется и в наличии неорнаментированных зон в основании шейки и на плечиках, и в широком применении жемчужин (глубоких ямочных вдавлений с внутренней стороны шейки) в разделительных поясах в верхней части сосудов.

Цветная металлообработка представлена однолезвийными ножами, браслетом из проволоки с заостренными концами, подпрямоугольной бляшкой. Были обнаружены и первые образцы калинкинской металлопластики, представленные личинами, зооморфной фигуркой и прямоугольными решетками [Карачаров 2004, с. 337]. Об уровне металлообработки свидетельствуют тигли, капли и бронзовый лом, найденные во многих постройках. Знакомство с железом зафиксировано лишь на одном городище в верховьях Казыма.

Глиняная пластика единична. На селище Кучиминское XXII найдена фигурка лошади [Карачаров 2004, с. 337], с поселения Моховая 83 происходят керамические шумящая подвеска и бусины, в том числе орнаментированные [Боброва, Рудковский 2008, с. 132, 133]. Каменный инвентарь на калинкинских поселениях невыразителен: терочки, молоточки, шлифовальные плиты, лощила, сделанные из крупных галек и булыжников.

Малочисленный остеологический материал отражает традиционные занятия таежного населения — охоту и рыболовство. Найдены кости зайца, бобра, куньих, рыб, в том числе щуки. Новым для характеристики хозяйства данной территории являются кости лошади, найденные на пяти памятниках. Пока нельзя сказать, было здесь собственное коневодство или лошадей закупают (меняли) в более южных районах, возможно, для ритуальных целей. Но в любом случае знакомство пришельцев с элементами скотоводства неоспоримо. Кости лошади в регионе отсутствуют как на более ранних памятниках — эпохи бронзы, так и на одновременных белоярских.

Отсутствие датирующих вещей затрудняет определение хронологических рамок калинкинской культуры. Поэтому большое значение имеют стратиграфические наблюдения. Зафиксированы случаи перекрывания белоярских объектов калинкинскими. Известны совместные находки белоярских и калинкинских материалов. Кулайские городища Барсов городок III/3, I/8 и I/22 возникли на площадках, прежде занятых калинкинскими укреплениями. Видимо, калинкинские племена появились в регионе в то время,

когда белоярское население, обитавшее здесь изначально, вступило в третью стадию своего развития. Возникшие в это время городища, вероятно, отражают сложный характер взаимоотношений населения этих двух групп. Наличие общих черт в материальной культуре белоярских и калинкинских племен, их последующая эволюция, результатом которой явилось формирование кулайских древностей, свидетельствуют о постепенной ассимиляции пришлого населения аборигенным и возникновении на этой основе новой культуры — сургутского варианта кулайской общности. Отсюда наиболее вероятной датой существования калинкинских памятников в Сургутском Приобье следует считать VI–IV вв. до н. э.

Неясно и происхождение культуры. В Сургутском Приобье она появляется в сложившемся виде. Высокий удельный вес гладкого штампа и жемчужин в орнаментации сосудов, что не характерно для предшествующей керамики в регионе, а также знакомство с лошастью позволили в свое время высказаться в пользу южного (юго-восточного) происхождения культуры [Чемякин 1989, с. 139]. Открытие новых памятников к югу от основного ареала, в бассейне Большого Югана, не противоречит этой гипотезе.

Библиографический список

- Боброва А. И., Рудковский С. И. Раскопки селища Моховая 83 — памятника раннего железного века в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2008. Вып. 6. С. 128–138.
- Карачаров К. Г. Исследования на Сайгагинском VI могильнике в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2. С. 336–337.
- Матвеева Н. П. Остяцкий Живец-II и проблема интерпретации памятников северной тайги // АВ ORIGINE. Тюмень, 2015. Вып. 7. С. 36–57.
- Чемякин Ю. П. Сургутское Приобье во II–I тысячелетиях до н. э. // Материалы VI Междунар. конгр. финно-угроведов. М., 1989. Т. 1. С. 137–139.

YU. P. CHEMYAKIN

KALINKINSKAYA EARLY IRON AGE CULTURE OF THE TAIGA OB-IRTYSH REGION

The paper provides a description of the Kalinkinskaya early Iron Age culture. About 50 settlements and hillforts of this culture have been discovered in the Surgut Ob region, mostly on the right bank of the Ob river. Its distinguishing features were the settlements layout and the ornamentation of pottery. The Kalinkinskaya culture population was familiar with horses. The culture was tentatively dated as the 6th–4th centuries BC. It is assumed that the culture had a southern or southeastern origin.

Yuri P. Chemyakin — Candidate of Historical Sciences, Ural State Pedagogical University (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: yury-che@yandex.ru

A. KOTULA, B. JUNGKLAUS, H. PIEZONKA, T. TERBERGER

BETWEEN NORTH AND EAST — THE MESOLITHIC BURIAL SITE OF GROSS FREDENWALDE, NE-GERMANY, IN THE LIGHT OF SUPRAREGIONAL CONTACTS

The multiple burial of Groß Fredenwalde was first discovered in 1962, and new research since 2012 has yielded evidence for a unique set of Mesolithic burial traditions. Today Groß Fredenwalde is suggested to be the oldest cemetery in Germany. Most of the graves are definitely related to late hunter-gatherers (c. 6500 to 5900 calBC), but a grave of a young man dating c. 4900 calBC indicates that this individual had been living side by side with the early LBK farming communities in NE-Germany. Grave goods and ritual of the graves find parallels in Northern and Eastern burial traditions, illustrating a location at the intersection of different Mesolithic spheres. The talk will track parallels in the Northern and Eastern burial record and present first new results of research at the Groß Fredenwalde.

Andreas Kotula – M. A., Heritage Service of Lower Saxony (Germany, Hannover).

E-mail: andreas.kotula@posteo.de

Bettina Jungklaus – Dr., Anthropology office Dr. B. Jungklaus (Germany, Berlin). E-mail: B.Jungklaus@t-online.de

Henny Piezonka – Dr., University of Kiel (Germany, Kiel). E-mail: hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

Thomas Terberger – Dr, Heritage Service of Lower Saxony (Germany, Hannover).

E-mail: Thomas.Terberger@nld.niedersachsen.de

The multiple burial of Groß Fredenwalde in the Uckermark region of northeastern Germany was first discovered by accident in 1962 and interpreted as a Neolithic grave. It was only in the late 1980s, when parallels to the Mesolithic burial of Strøby Egede on Zealand, Denmark, were pointed out [Brinch Petersen 1988] and raised more attention also on the site. In 1992 C14-dates proved a Mesolithic context, and a detailed publication by B. Gramsch and U. Schoknecht in 2003 summarized the known evidence from the site, discussing Northern and Eastern parallels in the burial for the first time [Gramsch, Schoknecht 2003]. New research since 2012 has yielded evidence for a unique set of Mesolithic burial traditions, and today Groß Fredenwalde is suggested to be the oldest cemetery in Germany [Terberger et al. 2015; Jungklaus, Kotula, Terberger 2016]. Most of the graves date to the early Atlantic period and are definitely related to late hunter-gatherers (c. 6500 to 5900 calBC). The grave of a young man who was probably buried in an upright position is dated about 1000 years younger (c. 4900 calBC), indicating that this individual had been living side by side with the early LBK farming communities of the Uckermark. This remarkable burial is without any parallel in Central Europe, although there are possible parallels at Olenij Ostrov in Karelia [Terberger et al. 2015]. Up until now, at least ten individuals from the site are known, originating from at least five graves in an area only covering a few square meters on top of a morainic hill. It is expected that more graves are preserved on the site, including those covering the period of Neolithization. The well preserved human skeletons make the Groß Fredenwalde assemblage one of the most important series of Mesolithic individuals of Central Europe. There are four adult and 6 infant individuals, among them a baby burial found in 2014. They provide the opportunity to gain new insights in the late Mesolithic population and its lifeways. While ritual and grave goods from the multiple grave discovered in 1962 find close parallels in the burial of Strøby Egede in Denmark [Brinch Petersen 1988], general Northern similarities are reflected in different stone and bone artefacts from the cemetery [Gramsch, Schoknecht 2003; Terberger et al. 2015]. Eastern traits pointed out for a slotted bone dagger and the upright position of the

young man burial find analogies in Olenij Ostrov [Gramsch, Schoknecht 2003; Terberger et al. 2015], presumably placing the burial ground within a broader eastern influence sphere in the Mesolithic [Terberger et al. 2015]. In 2019 a new project financially supported by the *Deutsche Forschungsgemeinschaft* starts to further investigate the extension of the burial site. The well-preserved skeletons provide excellent conditions for isotope studies to better understand the economic and spatial context of the population, and aDNA-studies will help to characterize the Mesolithic population before and after the advent of the first farmers in the region. The talk will present the outstanding insights and potentials of research at the Groß Fredenwalde site with special emphasis on parallels in the Northern and Eastern burial record.

Bibliography

- Brinch Petersen E. Ein mesolithisches Grab mit acht Personen von Stroby Egede, Seeland. Mainz, 1988. P. 121–125. (Archäologisches Korrespondenzblatt, 18)
- Gramsch B., Schoknecht U. Groß Fredenwalde, Lkr. Uckermark — eine mittelsteinzeitliche Mehrfachbestattung in Norddeutschland. Potsdam, 2003. P. 9–38. (Veröffentlichungen des Brandenburgischen Landesmuseums für Ur- und Frühgeschichte, 34).
- Jungklaus B., Kotula A., Terberger T. New investigations on the Mesolithic burial of Groß Fredenwalde, Brandenburg — first results // Mesolithic Burials — Rites, symbols and social organisation of early postglacial communities. Staßfurt, 2016. P. 419–433. (Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle, 13/I).
- Terberger T., Kotula A., Lorenz S., Schult M., Burger J., Jungklaus B. Standing upright to all eternity — the Mesolithic burial site at Groß Fredenwalde, Brandenburg (NE Germany). Rahden/Westf., 2015. Quartär, 62. P. 133–153.

А. КОТУЛА, Б. ЮНГКЛАУС, Х. ПИЕЦОНКА, Т. ТЕРБЕРГЕР

МЕЖДУ СЕВЕРОМ И ВОСТОКОМ — МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК ГРОСС ФРЕДЕНВАЛЬДЕ (ГЕРМАНИЯ) В СВЕТЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ

Групповое захоронение Гросс Фреденвальде впервые обнаружено в 1962 г., повторные исследования, проводившиеся с 2012 г. позволили получить данные об уникальных погребальных традициях эпохи мезолита. На сегодняшний день Гросс Фреденвальде считается старейшим захоронением на территории Германии. Большая часть погребений определенно соотносится с культурами поздних охотников-собирателей (около 6500–5900 кал. л. до н. э.), при этом погребение молодого мужчины, датирующееся периодом около 4900 кал. л. до н. э., указывает на то, что этот человек жил по соседству с земледельческими общинами носителей ранней культуры линейно-ленточной керамики (ЛБК) на северо-востоке Германии. Погребальный инвентарь и обрядность находят параллели в северных и восточных погребальных традициях, что указывает на пересечение различных мезолитических культур. В докладе будут обсуждены параллели в северных и восточных погребальных традициях и представлены первые новые результаты изучения могильника Гросс Фреденвальде.

Котула Андреас — М. А., Департамент по охране культурного наследия федеральной земли Нижняя Саксония (Германия, Ганновер). E-mail: andreas.kotula@posteo.de

Юнгклаус Беттина — доктор, Антропологический офис доктора Б. Юнгклаус (Германия, Берлин). E-mail: B.Jungklaus@t-online.de

Пиецонка Хэнни — Dr., профессор, Кильский университет (Германия, Киль). E-mail: hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

Тербергер Томас — Dr., Департамент по охране культурного наследия федеральной земли Нижняя Саксония (Германия, Ганновер). E-mail: Thomas.Terberger@nld.niedersachsen.de

АРХЕОЛОГИЯ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
И НОВОГО ВРЕМЕНИ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

ARCHAEOLOGY
OF THE MIDDLE AGES
AND THE MODERN AGE
OF NORTHERN EURASIA

О. И. БЕЛОГАЙ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАРЫМСКОГО ПАМЯТНИКА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ — ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНОЕ 2

В 2017 г. специалисты Музея Природы и Человека провели раскопки на поселении Горное-2, расположенном в окрестностях г. Ханты-Мансийска. Поселение Горное 2 — разрушающийся вследствие природных факторов памятник археологии. Впервые поселение было обследовано археологом окружного музея Т. П. Воробьёвой в 1956 г. Ею был собран подъемный материал, описан и зарисован памятник, получивший название «Поселение Самаровский Сор». Но, так как результаты исследований не были оформлены в научный отчет, памятник не получил известности. В 1994 г., после разведки уральских археологов под руководством О. В. Малозёмовой, поселение было описано в отчете по итогам полевых разведочных работ. С этого времени памятник стал известен как поселение Горное-2. В ходе раскопок в 2017 г. была получена коллекция из более чем 2 000 артефактов, представленных в основном фрагментами сосудов карымской керамики IV–VI вв. н.э., а также другими изделиями из глины, камня, металла.

Белогай Оксана Ивановна — Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск).
E-mail: obelogay@umuseum.ru

Археологические памятники эпохи средневековья таежной зоны севера Западной Сибири являются важными источниками для реконструкции процессов заселения и освоения территории, этнической истории. Нижнее Прииртышье можно отнести к наименее изученным в археологическом отношении районам.

В черте г. Ханты-Мансийска (город расположен недалеко от слияния рек Оби и Иртыша) на территории природного парка «Самаровский чугас» находится пять памятников археологии, четыре из которых (три городища и одно поселение) относятся к эпохе средневековья (от IV до XIV вв.). Постоянное изучение этих памятников ведется сотрудниками отдела археологии Музея Природы и Человека с 1999 г.

Раскопки поселения Горное 2 были запланированы как с целью продолжения научного исследования памятников средневековья Нижнего Прииртышья, так и с целью проведения спасательных работ на разрушающемся памятнике.

Впервые поселение было обследовано археологом Окружного краеведческого музея Т. П. Воробьёвой в 1956 г. Ею был собран подъемный материал, описан и зарисован памятник, получивший название «Поселение Самаровский Сор». Но, так как результаты исследований не были оформлены в научный отчет, памятник не получил известности.

В июле 1994 г. разведочной группой Уральской археологической экспедиции в составе О. В. Малозёмовой и А. П. Зыкова было проведено обследование в Ханты-Мансийском районе автономного округа, обследована, в том числе восточная окраина г. Ханты-Мансийска — район впадения протоки Горная в р. Иртыш. В результате было зафиксировано два поселения: Горное 1 и Горное 2 [Малоземова 1995].

В 2004 г. Е. А. Зайцевой, сотрудником отдела археологии Музея Природы и Человека, были проведены рекогносцировочные раскопки, уточнена хронология поселения на основании керамического комплекса — IV–VI вв., зафиксирован факт разрушения культурного слоя на поселении Горное 2 в результате природно-климатических явлений — осыпания края террасы.

Поселение Горное 2 расположено в северо-восточной части г. Ханты-Мансийска, на мысу, образованном прот. Горной (впадает в р. Иртыш) и логом, затопляемым в летнее время. Площадь 1 710 кв. м. До начала раскопок какие-либо археологические объекты на площади поселения визуально не определялись, за исключением поздней полуземлянки, построенной во второй половине XX в.

Стратиграфия раскопанной части поселения указывает на то, что оно, вероятно, было однослойным. Из объектов удалось зафиксировать неглубокую траншею (остатки рва?) в юго-восточной, близкой к осыпи, части памятника. В слое также отмечены участки с кусками обгоревшего дерева, без четкой привязки к объектам.

В ходе раскопок в 2017 г. была получена коллекция из более 2 000 артефактов, представленных в основном фрагментами сосудов карымской керамики IV–VI вв., а также другими изделиями.

Каменный инвентарь представлен скребком (1), наковальнями (5) и двумя сколами со шлифованных плиток. В качестве орудий использовались изделия из галек кварцевых пород, обладающих шероховатой и гладкой поверхностью, не требующие специальной обработки. Технология расщепления базировалась на ударной технике скола и пикетажа. Большинство орудий составляют комбинированные изделия на массивных кварцевых гальках, условно названные «наковальня-терочник». Трасологические исследования каменного и керамического инвентаря выполнены С. Н. Скориной (Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень).

Артефакты из металла единичны и представляют собой неопределяемые фрагменты изделий из железа.

Технологическая керамика представлена немногочисленными фрагментами тиглей. Два фрагмента керамики (сосудов?) использовались в качестве скребков для обработки шкуры.

Глиняная посуда представлена четырьмя типами, выделенными на основании техники изготовления и орнаментации [Борзунов, Чемякин 2012, с. 188–194]: гребенчатая, фигурно-штампованная, желобчато-валиковая и ямочно-насечковая / ямочно-жемчужная.

Для реконструкции ландшафтно-климатических условий функционирования поселения были взяты пробы почвы. Палинологические исследования выполнены Н. Е. Рябогиной (Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень). Состав палиноспектров показал абсолютное доминирование спор папоротников во всех пробах. Другие таксоны — береза, сосна, кедр, ель, пихта, иван-чай, астровые, маревые и др., встречаются единично и их доля не превышает 1 %. Такие данные не позволяют использовать их для реконструкции, однако локальные условия, при которых, как правило, разрастаются папоротники, вероятно, соответствовали тенистым влажным хвойным или смешанным лесам.

В целях уточнения датировки памятника были взяты образцы угля. Радиоуглеродное датирование выполнено в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург. Три образца показали следующие даты: 567 ± 25 ; 802 ± 25 ; 820 ± 25 ВР. Последние две даты выходят за верхнюю границу датировки карымского этапа, датируемого IV–VI вв. н. э.

Библиографический список

Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники таежного Приобья: основные характеристики // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск, 2012. Вып. 10. С. 155–261.

Малоземова О. В. Отчет об археологической разведке в Ханты-Мансийском и Сургутском районах ХМАО Тюменской области, проведенной летом 1994 г. Екатеринбург, 1995. Архив ПНИИАЛ УрГУ. Ф. II-534/1994.

O. I. BELOGAY

THE OUTCOMES OF THE STUDY OF THE KARYM SITE IN THE TERRITORY OF THE LOWER IRTYSH REGION — GORNOE 2 SETTLEMENT

In 2017, the team of the Museum of Nature and Man excavated a settlement site Gornoe 2 not far from Khanty-Mansiysk. Gornoe 2 settlement is an archaeological site in danger of destruction under the effect of natural erosion processes. The settlement was originally studied by a regional museum archaeologist T. P. Vorobjeva in 1956. She collected the scatter material, made a description and drawings of the site, which was given a name "Samarovsky Bor settlement". However, since the results of the study were not published in the form of an academic report, the site remained largely unknown. In 1993, after the surveying of the area by the Ural archaeologists under the supervision of O. V. Malozemova, the settlement was described in the expedition's field study report. Since then the site became known as Gornoe 2 settlement. In the course of 2017 excavations, we obtained an assemblage of over 2,000 artifacts represented mostly by the 4th–6th centuries Karym pottery sherds, as well as other ceramic, stone and metal items.

Oksana I. Belogay — Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk). E-mail: obelogay@umuseum.ru

Л. А. БЕЛЯЕВ

ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ СВЕТА: АРХЕОЛОГИЯ РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ XVI — НАЧАЛА XX В.

Задача доклада — вписать археологические исследования, обозначающие русское присутствие, в глобальную картину мира Нового времени. Объекты XVI–XIX вв. лишь в последние 20 лет признаны фундаментальной наукой. Но эти древности широко представлены в русских городах, они образуют основу национальной археологии и обозначают особенности русского пространства, пути его формирования, участие Московской Руси и Российской империи в географическом открытии Земли. Археологические предметы и основные виды памятников, служившие опорой для освоения пространства, уже образовали устойчивые группы. Среди них остроги Сибири, монастыри Русского Севера, южные засечные черты и линии крепостей. Крайние точки коренным образом отличны по характеру участия в освоении мира: арктические побережья и острова; прибрежные зоны Тихого океана и Кавказские побережья. Область археологии русского присутствия включает и паломнические маршруты (Херсонес, Константинополь, Афон, Сиро-Палестинский регион).

Беляев Леонид Андреевич — чл.-корр. РАН, Институт археологии РАН (Россия, Москва).
E-mail: labeliaev@bk.ru

В докладе ставится проблема сложения исторической археологии в России как работы по проявлению и фиксации следов русского присутствия. Это достаточно новый угол зрения на материалы поздней и «актуальной» (современной) археологии. Направления, связанные с памятниками XVI–XIX вв. (а именно в это время мы можем говорить об археологии русского присутствия) лишь в последние два десятилетия признаны фундаментальной наукой. Однако они быстро формируются и распространяются вширь, поскольку именно древности этого типа наилучшим образом представлены в городах России. Методами

археологии мы можем: обозначить особенности «русского пространства» и пути его формирования, а также участие Московской Руси и Российской империи в географических открытиях XVI–XIX вв. Также возможно выделить основные типы памятников и виды «русского присутствия» в северо-восточной Евразии и за ее пределами. Археологически выявленные предметы и основные виды памятников, служившие опорой для освоения пространства, уже образовали устойчивые группы, среди которых остроги Сибири (в их числе известные: Албазинский, Умревинский; будущие крупные города — Томск и др.; небольшие недолго существовавшие памятники); монастыри Русского Севера (крупнейшие крепости и малые объекты в отдаленных зонах Карелии и Белого моря); южные засечные черты и линии крепостей (особенно в Нижнем Подонье и Приазовье). Крайними точками, коренным образом отличными по характеру участия в освоении мира, оказываются арктические побережья и острова, прибрежные зоны Тихого и Атлантического океанов, Кавказское побережье Каспия. Наряду с этим, в область археологии русского присутствия попадают паломнические маршруты, включающие в сферу «русской географии» Сиро-Палестинский регион. В докладе будет поставлена задача вписать археологические исследования, направленные на обозначение русского присутствия, в глобальную картину мира Нового и Новейшего времени.

L. A. BELYAEV

THE FOUR CORNERS OF THE EARTH: ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN PRESENCE IN THE 16TH — EARLY 20TH CENTURIES

The purpose of the presentation is the mapping of the archaeological research of the Russian presence in various territories in the global picture of the Modern Time. The 16th–19th century objects have been recognized by the fundamental research only within the past twenty years. However, those antiquities were widely represented in the Russian cities, they formed the basis of the national archeology and marked the areal of the Russian space, the ways of its formation, the involvement of the Moscow Russ and the Russian Empire in the geographic discoveries process. At present, we already have several established groups of the archaeological items and the major types of archaeological sites, which formed the basis for the colonization of new territories. They include the stockade towns, the monasteries of the Russian North, the southern defense structures and lines. The extreme points radically differed in terms of their participation in the colonization process: the Arctic coasts and islands; the coastal zones of the Pacific Ocean and the Caucasian coasts. The scope of the Russian presence archeology also covers the pilgrimage routes (Chersonese, Constantinople, Mount Athos, the Syro-Palestinian region).

Leonid A. Belyaev — Member of the RAS, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow).
E-mail: labeliaev@bk.ru

А. И. БОБРОВА, Е. В. БАРСУКОВ

ПЕРСТНИ В КУЛЬТУРЕ АБОРИГЕНОВ ТОМСКО-НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ

Перстень — одна из массовых категорий инвентаря в погребениях XVI–XVII вв. Западносибирского региона. Они обнаружены в разновозрастных и разнополых погребениях. В Томско-Нарымском Приобье коллекция насчитывает около 200 экземпляров. Анализ археологического контекста и поиск этнографических параллелей, позволяют констатировать поливариативность использования

перстней, начиная от прямого ношения в качестве украшения рук, и заканчивая вплетением в косы или ношением в виде подвески. Персти являются уникальным историческим источником, продуктом взаимодействия русского импорта и спроса-потребности местного таежного населения.

Боброва Анна Ивановна — к.и.н., Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова (Россия, Томск). E-mail: a_bobrova@bk.ru

Барсуков Евгений Владимирович — Томский государственный университет (Россия, Томск). E-mail: barsukovevg@mail.ru

Своеобразной особенностью погребального обряда населения Томско-Нарымского Приобья является отправление покойного с прижизненными украшениями. Одной из статусных категорий инвентаря XVI–XVII вв. были перстни. В нашем регионе их обнаружено около 200.

На поселениях перстни не известны, что указывает на их тесную связь с человеком: это была личная вещь, ею дорожили и в последний путь перстень сопровождал своего владельца. Перстни находят в области кистей рук, на фалангах пальцев. Они обнаружены в разновозрастных и разнополых группах. Как и у хантов, в Томско-Нарымском регионе преобладала традиция ношения перстней на правой руке [Росляков 1895–1896, с. 3].

Находят перстни не только на руках — встречаются они в области груди, вместе с другими предметами, куда, вероятно, были положены в мешочке (?).

В погребениях детей, подростков и женщин присутствуют перстни вместе с накладками, пуговицами около головы, что свидетельствует об использовании их в качестве подвесок к косам (Чернильщикровский могильник — 3 перстня, продетые в косу) [Кузнецов 1890, с. 130–139]. Подобная ситуация отмечена в Кыштовском могильнике: В. И. Молодин считает возможным связывать два перстня около черепа погребенной с украшением прически хантыйских женщин [Молодин 1979, с. 90], когда «волосы обматывались в виде жгутов шерстяными нитками, жгуты же по всей длине украшались кольцами, цепочками и бляшками» [Прыткова 1953, с. 142]. Украшение кос перстнями отмечено у кузнецких татар в XVIII в.: «Проф. Миллер, — пишет И. Гмелин — распорядился, чтобы ему доставили в тот же вечер женщин и девиц из верх-томских татар. Как я узнал от него, у одной из женщин свисало впереди 4 косы, которые были украшены по всей их длине раковинами из фарфора; на кончиках этих кос висели перстни с печатками, какие продаются в русских лавках» [Гмелин 1994, с. 140–170]. Находки перстней в Чернильщикровском могильнике указывают на то, что такая традиция существовала и у населения Томского Приобья.

Локализация перстней в области груди в детских погребениях, вероятно, свидетельствует о прижизненном их ношении в виде подвески: судя по количественным данным — это было одно из популярных украшений. Возможно, размер шинки не подходил для употребления перстня по назначению детьми и подростками, поэтому перстни использовали как подвеску.

В Западную Сибирь перстни массово проникают в конце XVI в. и, по сложившимся представлениям, являются продуктом русского импорта. Наиболее популярны были щитковые перстни с гравировкой. Декор на щитках перстней разнообразен. Выделены три группы: орнитоморфные изображения (они преобладают); с антропо- и зооморфными сюжетами (часто помещавшимися на щитке вместе); с так называемым «геометрическим»

орнаментом (с символами, похожими на гербовые композиции, растительные мотивы, нарезки из прямых линий и уголков).

Наличие декора на перстнях обусловило появление гипотезы о том, что его можно интерпретировать как тамгу [Гриневиц 1947, с. 5–51]. Она была высказана в середине XX в. по аналогии с перстнями-печатами с изображениями родового герба или инициалов. Анализируя позднесредневековые перстни Чулыма, А. П. Дульзон скептически отнесся к этой гипотезе. Совпадение орнаментальных мотивов перстней на географически удаленных объектах, по его мнению, говорит об их неместном происхождении. Факт обнаружения в одной могиле разных перстней, с разным орнаментом также свидетельствовал в пользу этого. Сравнение изображений на перстнях с тамгами урало-сибирских народов не выявило, по мнению А. П. Дульзона, убедительных аналогий. В тоже время, он не отрицал некоторые стилистические и тематические совпадения, но считал их случайными [Дульзон 1953, с. 158]. Именно такие совпадения объясняют популярность перстней в изучаемый период.

Большинство перстней действительно относится к русскому импорту, но сюжеты на них были хорошо знакомы и созвучны образу жизни населения Сибири. А. П. Дульзон отмечал, что местный колорит изображений на щитковых перстнях объясняется вкусами и спросом потребителей — аборигенного населения, что и учитывали русские купцы [1953, с. 159]. С этой позиции популярность данного вида украшений представляется естественной: ведь смысловое их значение было понятным потребителю. Перстни приобретались не случайным образом, некоторые из них могли подбирать по орнаменту, близкому тамге или знамени. В этом случае они выступали в роли оберега и, в то же время, символа принадлежности к своему роду.

Анализ декора на перстнях Томско-Нарымского региона позволяет предполагать, что на одном из них, возможно, была помещена тамга — это перстень из Козюлинского могильника (курган 52 п. 1). Перстень выделяется небрежной манерой исполнения, асимметричностью шинки и щитка. В отличие от остальных образцов, орнамент выполнен рельефно, возможно, после отливки производилась дополнительно гравировка. Рентгенофлюоресцентный анализ металла указывает на его отличие от исследованных перстней козюлинской коллекции [Боброва, Барсуков, Тишкин 2018, с. 55–64]. Щиток этого перстня относится к кругу «геометрических». На щитке был знак, аналогии которому присутствуют у населения Барабинской лесостепи [Симченко 1965, с. 65]. Поскольку местные тюркоязычные группы активно взаимодействовали с барабинскими татарами, возможно, эта находка является дополнительным подтверждением контактов.

Таким образом, перстни-можно рассматривать как уникальный исторический источник, продукт русского импорта, активированный спросом местного таежного населения, которое использовало перстни как украшение пальцев рук, так и вплетало в косы или носило в виде подвески.

Библиографический список

- Боброва А. И., Барсуков Е. В., Тишкин А. А. Определение состава металла щитковых перстней из погребальных комплексов XVII–XVIII вв. Томско-Нарымского Приобья // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2018. № 4 (24). С. 55–64.
- Гмелин Иоган Георг. Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 г. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1994. С. 140–170.

- Гриневич К. Э. Археологические исследования урочища Басандайка близ г. Томска // Басандайка: сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947. С. 5–51.
- Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чульма и проблема происхождения чулымских татар // Учен. зап. Томск. гос. пед. ин-та. Томск, 1953. Т. 10. С. 127–334.
- Кузнецов С. К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях города Томска, произведенных летом 1889 г. // Изв. Импер. Томск. ун-та. Томск, 1890. Кн. 2. С. 130–139.
- Молодин В. И. Кыштовский могильник. Новосибирск. 1979.
- Прыткова Н. Ф. Одежда хантов // Сб. МАЭ. М., 1953. Т. 15. С. 123–234.
- Росляков И. П. Похоронные обряды остяков // Ежегод. Тобол. Губерн. музея. Тобольск, 1895–1896. Вып. 5. С. 3.
- Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII в. М., 1965.

A. I. BOBROVA, E. V. BARSUKOV

FINGER RINGS IN THE ABORIGINAL CULTURE OF THE TOMSK-NARYM OB REGION

A finger ring is one of the most common grave goods item in the 16th–17th century interments of the West Siberian region. They were found in interments of the people of different age and gender. The assemblage of the Tomsk-Narym Ob region has over 200 rings. The analysis of the archaeological context and the search for the ethnographic parallels demonstrated many variants of the use of finger rings, from the wear of rings as hand decorations to their weaving into the braids or wearing them as pendants. The finger rings are a unique historical source, a product of the combination of the Russian import and the demand-needs of the local taiga population.

Anna I. Bobrova – Candidate of Historical Sciences, Tomsk Regional Museum of Local Lore named after M. B. Shatilova (Russia, Tomsk). E-mail: a_bobrova@bk.ru

Evgeniy V. Barsukov – Tomsk State University (Russia, Tomsk). E-mail: barsukovevg@mail.ru

B. A. БУРОВ

РАСКОПКИ КЕЛИЙ АРХИМАНДРИТА КОНЦА XVII В. СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Археологическое исследование келий — одно из направлений в археологии русских православных монастырей. Соловецкий монастырь наиболее полно сохранил структуру жилой застройки XVI–XVII вв. Однако внутри кельи были полностью перестроены на рубеже XVIII–XIX вв. Раскопки в Настоятельском корпусе установили первоначальный план и размеры келий № 1 и № 2 архимандрита, а также технологию их строительства. Обе кельи возвели в 1689–1691 гг. как единый комплекс. Ниже уровня пола имелось подполье глубиной 1,3–1,5 м, которое в XVII–XIX вв. засыпали мусором. Здесь сохранились нетронутые нижние части древних кирпичных стен поверх валунной кладки. Установлено, что на первом этапе строительства по всему периметру будущего здания возвели основание стены из валунов. Затем внутри всего огороженного прямоугольного пространства плотно уложили один–два яруса камней и засыпали их сверху песком с обломками кирпичей. На эту подушку поставили три других — поперечных валунных основания стен. Наконец, поверх созданной единой валунной обрешетки возвели кирпичные стены первого этажа. Они образовали четыре помещения: переднюю келью и передние сени кельи № 1 и переднюю келью и передние сени кельи № 2.

Буров Владимир Андронович — к.и.н., Институт археологии РАН (Россия, Москва).
E-mail: burovvan@rambler.ru

Археологическое исследование келий — одно из направлений в археологии русских православных монастырей. В Соловецком монастыре наиболее полно сохранилась каменная келейная застройка XVI–XVII вв. Книга переписная келий 1641–1674 гг. описывает 50 каменных и 10 деревянных зданий жилого и хозяйственного назначения с единой нумерацией по периметру центрального монастырского двора [Книга переписная...]. На рубеже XVIII–XIX столетий изолированные, не сообщавшиеся друг с другом кельи были объединены в отдельные корпуса со сквозной коридорной системой. Две кельи, называвшиеся сначала игуменскими, а потом «архимандричьими» и находившиеся к северу от Святых ворот, оказались в составе Настоятельского корпуса. Археологически изучено подпольное пространство отдельных помещений глубиной от 1,3 до 1,7 м.

Ориентироваться в планировочной структуре соловецких келий позволил проведенный анализ описей келейной застройки и графического материала [Буров 2011]. Келья № 1 включала четыре помещения: Соборные сени (они же передние) — в них проходил собор монастырских старцев, переднюю келью, где проживал настоятель, сени задние — лестничная клетка для выхода во внутренний дворик к дровяникам и для прохода в заднюю келью, задняя келья белая. Келья № 2 также из четырех помещений предназначалась для братии и келейника — заведующего хозяйством архимандрита. Археологическое исследование проводилось в 2011–2013 гг. по заданию ЦНРПИМ (архитектор А. Е. Жданов) только в двух передних кельях и двух передних сенях. Это исследование ответило на ряд важных вопросов.

1. Было доказано, что перестройка деревянных архимандричьих келий в каменные состоялась в самом начале правления архимандрита Фирса, в 1689–1691 гг. Шурф, заложенный на стыке келий № 2 и № 3, показал, что фундамент кельи № 2 по времени более поздний. Его валуны налегают на валунное основание соседней северной кельи № 3, возведенной в 1658 г. А внутри кельи № 2 в примыкании к келье № 3 была раскопана разобранная стена, приставленная к стене соседней кельи.

2. Кельи архимандрита № 1, 2 возвели одновременно, как единый комплекс. На первом этапе строительства по всему периметру будущего здания из валунов выложили основание стены. Затем внутри всего огороженного прямоугольного пространства плотно уложили один-два яруса камней и засыпали их сверху песком с обломками кирпичей. На эту подушку поставили три поперечных валунных основания стен. Наконец, поверх созданной единой валунной обрешетки возвели кирпичные стены первого этажа. Они образовали четыре помещения: переднюю келью и передние сени кельи № 1 и переднюю келью и передние сени кельи № 2.

3. Соловецкий кирпич конца XVII в. оказался ломким. Строители заполнили многочисленным браком подпольное пространство келий. Такая ситуация возникла после «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.) в связи со сменой монашеской братии и утратой технологии кирпичного производства.

4. Установлены размеры помещений. Для кельи № 1 — 26,0 кв. м (передние сени), 30,0 кв. м (передняя келья). Для кельи № 2 — 21,1 кв. м (передние сени), 37,3 кв. м (передняя келья).

5. В келье архимандрита конструкция пола прослежена только для первой четверти XIX в. По данным дендрохронологии, это 1821 г., доски стелили поверх трехъярусной конструкции из бревен, концы которых были вставлены в специальные гнезда в стенах и обернуты берестой.

6. Печь в келье № 1 имела валунный фундамент. Основание печи в келье № 2 келейника было сложено из кирпича. Все печи размещались в передних кельях при входе в углу.

Раскопки подпольного пространства келий, доступного только археологам, позволяют получить о них совершенно новую информацию по устройству монастырских зданий и дополнить материалы архитекторов-реставраторов [Савицкая 1980, с. 43–129].

Библиографический список

Буров В. А. История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков. Архангельск, 2011. Книга переписная келий старца казначея Саввы и будильщика Боголепа при игумене Маркелле. 1641–1674 гг. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 455.

Савицкая О. Д. Архитектура Соловецкого монастыря // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 43–129.

V. A. BUROV

EXCAVATIONS OF THE LATE 17TH CENTURY ARCHIMANDRITE'S CELLS IN THE SOLOVETSKY MONASTERY

The archaeological study of the cells is one of the special areas in the Russian Orthodox monasteries archeology. The structure of the 16th–17th centuries residential buildings in the Solovetsky monastery has remained almost intact. However, the interiors of the cells have undergone a serious reconstruction at the turn of the 18th–19th centuries. Excavations in the Priory Building revealed the original layout and the dimensions of the archimandrite's cells No 1 and No 2, as well as the technology of their construction. Both cells were built in 1689–1691 as a single complex. Below the floor level, there was a 1.3–1.5 m deep cellar, which was filled with litter in the 17th–19th centuries. In the cellar area, the lower parts of the ancient brick walls built over the boulder foundation remained intact. It was established that at the first stage of the construction a boulder wall foundation was built along the whole length of the future building's perimeter. Then one or two tiers of stones were tightly laid inside the entire enclosed rectangular space and covered with sand and bricks fragments. The three other transverse boulder wall bases were placed on this cushion. Finally, on top of the solid boulder carcass flooring the brick walls of the ground floor were erected. They formed the four rooms — the front cell and the front entrance hall of cell No 1, and the front cell and the front entrance hall of cell No 2.

Vladimir A. Burov — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow).
E-mail: burovvan@rambler.ru

П. Г. ГАЙДУКОВ, О. М. ОЛЕЙНИКОВ

НОВЫЕ НАХОДКИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ТОВАРНЫХ СВИНЦОВЫХ ПЛОМБ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

В 2017 г. Новгородская археологическая экспедиция ИА РАН проводила исследования на месте строительства жилого дома на ул. Обороны, д. 2 в Великом Новгороде. Здесь впервые найден и исследован древнейший грунтовый могильник времени первого столетия существования Новгорода. По комплексу вещей и конструкции погребальных сооружений он находит прямые аналогии в материалах раскопок в Киеве, Чернигове, Пскове. В конце XI в. на месте могильника возникли усадьбы, выгороженные частоколами. Данное поселение, расположенное на некотором удалении от городских кварталов, было связано с торговой или таможенной деятельностью. Кроме бытовых вещей здесь обнаружена внушительная сфрагистическая коллекция из 46 древнерусских и византийских печатей и пломб конца XI–XII в. В XIII в. произошло запустение этой части города. Начиная с конца XIV в. на изучаемой территории возобновляется усадебная застройка.

Гайдуков Петр Григорьевич — чл.-корр. РАН, Институт археологии РАН (Россия, Москва).

E-mail: russianchange@yandex.ru

Олейников Олег Михайлович — к.и.н., Институт археологии РАН (Россия, Москва).

E-mail: oleynikov1960@yandex.ru

Западноевропейские товарные свинцовые пломбы — важный, но недостаточно изученный археологический источник по внешней торговле Русского государства XIV–XVII вв.

В XIV–XV вв. торговля Руси со странами Западной Европы шла по Балтийскому пути, и центральное место в этом процессе занимал Новгород. Преимущественно через него при посредничестве ганзейских купцов происходил обмен русских товаров на западноевропейские, которые уже из Новгорода поступали на рынки Северо-Западной, Северо-Восточной и Центральной Руси. В конце XV в. особое значение приобрела сухопутная торговля. С середины XVI в. устанавливается новый торговый путь через Белое море. В XVII в. внешняя торговля Русского государства значительно возросла. Основной поток западноевропейских товаров шел морским путем через Архангельск [Хорошкевич 1963, с. 170; Гайдуков, Эммерик 2000, с. 213].

Ассортимент западных товаров, ввозившихся на Русь, постоянно расширялся, но торговля тканями из Фландрии, Германии, Франции и Англии оставалась одной из важнейших категорий импорта.

На протяжении XIV–XV вв. основными ввозимыми сукнами были фламандские, которые благодаря своей мягкости, тонкости и красивой окраске, пользовались на Руси большим спросом. Главными центрами сукноделия во Фландрии были Гент, Брюгге, Ипр, Турнэ, Сент-Омер, Аррас, Дуэ, Лилль, Поперинге, Коммин, Вервик, Варнетон. Большой популярностью в Новгороде и Центральной Руси пользовалось одно из самых дорогих сортов сукна — ипрское [Хорошкевич 1963, с. 175, 176].

Ткани опечатывались свинцовыми пломбами, которые гарантировали целостность и качество товара (длину, ширину, вес), сорт ткани и позволяли идентифицировать производителя. Пломбы предназначались для одноразового использования. Археологические материалы показывают, что большинство из них утилизировалось во фрагментированном виде или с явными следами вскрытия.

На сукно могли прикреплять несколько пломб. Одни из них (знаки ткача, красильщика и т. п.) накладывались на ткань по завершению отдельных операций, входящих в единый технологический процесс. Другие прикреплялись после таможенного досмотра товара, предназначенного на экспорт. Судя по письменным свидетельствам, в XIII в. во всех центрах суконной промышленности Западной Европы, ориентированных на экспорт, осмотр и пломбировка сукна были обязательны [Kaiser 2002, s. 377, 380, 389].

Конструкция большинства пломб, крепившихся на ткань, принципиально отличается от древнерусских вислых печатей, привешивавшихся на шнурах к документам [Гайдуков, Степанов, Трояновский 2007, с. 172]. Средневековый способ закрепления пломбы на ткани сохранился до наших дней и используется в торговле для крепления магнитной клипсы.

К настоящему времени зарегистрировано около 500 западноевропейских пломб XIV–XVII вв., обнаруженных на территории Восточной Европы и Западной Сибири. Большинство находок (около 300 экз.) происходит из Новгорода.

В 2008–2018 гг. Новгородской экспедицией ИА РАН на нескольких раскопах в Новгороде обнаружено около 150 западноевропейских товарных пломб. Большинство находок (более

120 экз.) сконцентрировано на Торговой стороне. Подавляющее число пломб (81 экз.) происходит с раскопа Рогатицкий-3, расположенного неподалеку от Немецкого двора [Гайдуков и др. 2015]. Этот иноземный двор — резиденция ганзейских купцов, существовал в Новгороде с конца XII до конца XVII в. [Рыбина 2001, с. 168, 173, 222].

Локальное скопление товарных пломб в комплексе с синхронными по времени статусными находками, позволяет говорить, что на одной из усадеб Рогатицкого-3 раскопа в XIII–XV вв. проживали зажиточные люди, имевшие отношение к торговле и властным городским структурам.

В Новгороде ипрские сукна в письменных документах впервые упоминаются в 1327 г. [Хорошкевич 1963, с. 178]. 1348 г. датируется постановление, по которому немецкие купцы не должны были привозить в Россию сукно, не опечатанное свинцовыми печатями [Аристов 1866, с. 213, прим. 666]. Археологические материалы значительно удревняют эти даты. Наиболее ранние товарные пломбы обнаружены на Рогатицком-3 раскопе в слоях конца XII–XIII в. (1+4 экз.). В слоях XIV в. обнаружено 46, а в слоях XV в. — 15 пломб. Еще по одной пломбе залегало в перекопе XV–XVI вв. и в слоях XIX в. Наибольшая концентрация этих находок (43 экз.) приходится на слои последней четверти XIV — первой четверти XV в. Из 81 пломбы удалось атрибутировать 31 находку. Это города Фландрии и северной Франции: Турне (14), Ипр (5), Сент-Омер (5), Поперинге (4), Аррас? (1) и Тинен? (1). Еще одна пломба под вопросом отнесена к городу Ниса в Силезии.

Библиографический список

- Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.
- Гайдуков П. Г., Эммерик Х. Западноевропейская товарная свинцовая пломба с изображением святого Вольфганга из Новгорода // ННЗ. Новгород, 2000. Вып. 14. С. 213–218.
- Гайдуков П. Г., Степанов А. В., Трояновский С. В. Сфрагистические и нумизматические находки из раскопок новгородского Великого моста в 2005–2006 гг. // ННЗ. Новгород, 2007. Вып. 21. С. 165–178.
- Гайдуков П. Г., Кудрявцев А. А., Олейников О. М., Степанов М. А., Языков С. В. Исследования в южной части Плотницкого конца Великого Новгорода в 2014 г. (Раскоп Рогатицкий-2) // ННЗ. 2015. Вып. 29. С. 66–77.
- Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. М., 2001.
- Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963.
- Kaiser R. Mittelalterliche Tuchplomben — Überreste, Sammelobjekte und technick-, textil- und wirtschaftsgeschichtliche Quellen // *Inqurens subtilia diversa*. Dietrich Lohrmann zum 65. Geburtstag. Aachen, 2002. S. 375–389.

P. G. GAYDUKOV, O. M. OLEJNIKOV

NEW FINDS OF THE WEST EUROPEAN COMMODITY LEAD SEALS IN VELIKY NOVGOROD

In 2017, the Novgorod archaeological expedition of IA RAS conducted research at the construction site of an apartment building at 2, Oborony St., in Veliky Novgorod. The expedition excavated and studied the oldest of the so far known earth burial sites of the period of the first hundred years of the existence of Novgorod. The grave goods complex and the grave structures design had direct analogies in the materials of the previous excavations in Kiev, Chernigov, and Pskov. In the end of the 11th century, several fenced residential estates were built in place of the cemetery. This settlement located at some distance from the city quarters was associated with trade or the customs service. In addition to the ordinary household items, we found a significant sphragistic assemblage of 46 ancient Russian and Byzantine stamps and seals of the end of the 11th–12th centuries. In the 13th century, this part of the city was abandoned. The new residential construction in the territory was renewed in the end of the 14th century.

Petr G. Gaydukov – Member of the RAS, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow).

E-mail: russianchange@yandex.ru

Oleg M. Oleynikov – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow).

E-mail: olejnikov1960@yandex.ru

Ю. Н. ГАРКУША

ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ ГОРОДИЩА УСТЬ-ВОЙКАРСКОЕ: НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2012–2016 ГГ.)

Городище Усть-Войкарское (север Нижнего Приобья) относится к категории археологических поселенческих памятников, культурные слои которого содержат многолетнюю мерзлоту. Этот фактор обусловил хорошую сохранность деревянной архитектуры, что позволило использовать для датирования строительных объектов метод дендрохронологии. Первый опыт применения метода был реализован на материалах, полученных в 2003–2008 гг. Предмет представленного исследования – коллекция дендрообразцов строительной древесины из 16 построек, исследованных в 2012–2016 гг. Самая ранняя группа строений, по результатам дендроанализа, отнесена к 1460–1470-м гг. Часть из них была сооружена с применением приемов, характерных для срубного строительства. Уточнен период активной строительной деятельности на позднем этапе истории поселения: 1730–1740-е гг.

Гаркуша Юрий Николаевич – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, г. Новосибирск)

E-mail: garkusha@archaeology.nsc.ru

Археологическое изучение городища Усть-Войкарского, многослойного памятника коренного населения Нижнего Приобья, имеет практически десятилетнюю историю, укладывающуюся в два этапа. Силами сотрудников ИИиА УрО РАН, а в последствии под эгидой ОМВК им. И. С. Шемановского, были проведены исследования в 2003–2008 гг. [Брусницына 2005; Федорова 2006]; 2012–2016 гг. на памятнике работали сотрудники ИАЭТ СО РАН [Новиков, Гаркуша 2017].

Памятник находится на западе Шурышкарского р-она (ЯНАО), на левобережье р. Горная Обь. Согласно принятому ландшафтному районированию региона, памятник приурочен к северотаежному подтипу таежного ландшафта [Атлас... 2004]. Сочетание природных условий и специфической структуры культурных отложений на городище обусловили формирование в последних обширных мерзлых образований. Этот фактор обеспечил сохранность предметов из органических материалов. В полной мере это сказалось на состоянии деревянной архитектуры, представленной руинами строений различной конструкции и назначения, образующих архитектурно-планировочные комплексы. В таких условиях естественным образом встал вопрос о задействовании в исследовании дендрохронологического анализа.

Дендрохронологическое исследование по материалам 1-го этапа было выполнено М. А. Гурской (ИЭРиЖ УрО РАН). По полученным данным ранний комплекс домостроений относится к рубежу XIII–XIV вв.; появление наиболее поздней (и наиболее представительной) группы жилых строений относится к середине – 2-й трети XVII в. [Гурская 2008, с. 218]. Некоторая строительная активность населения была также установлена и для отдельных периодов XIX в.

Археологические работы 2-го этапа были локализованы на западной половине верхней площадки холма, с которым и ассоциируется «городище», увеличивая в северном и южном направлениях участок, исследованный в 2003–2005 гг. Восточная часть возвышенности остается не охваченной раскопками. На новых площадях было выявлено 16 жилых строений, относящихся к различным строительным горизонтам. По своим планиграфическим характеристикам они представлены двумя группами — малогабаритные (длина стен до 3-х м) и крупногабаритные (длина стен около 6-7 м) постройки. По типам конструкции — это срубы, рубленные «в обло», и каркасно-столбовые с вертикальным стеновым набором. Эти постройки представлены в обеих группах.

По итогам 2-го этапа была сформирована коллекция из 418 дендрообразцов, отобранных практически от всех строений. По результатам анализа породового состава древесины около 60 % образцов принадлежит ели, около 30 % — лиственнице сибирской, а около 10 % — сосне сибирской. Перекрестный анализ индивидуальных серий прироста показал, что в целом древесно-кольцевые хронологии разных древесных пород согласуются между собой. На основе лиственничных образцов была сформирована относительная древесно-кольцевая хронология протяженностью более 400 лет. Для ее календарной привязки были использованы длительные лиственничные мастер-хронологии Polar Ural и Yamal, доступные в International Tree Ring Data Bank (ITRDB). Датированная таким образом «войкарская» хронология, вкупе с упомянутыми мастер-хронологиями, использовалась далее для календарной привязки индивидуальных серий по отдельным постройкам. Использование нескольких шкал позволило более уверенно аргументировать корректность установленной даты для образцов, имеющих относительно невысокие статистические показатели перекрестного датирования.

Одним из результатов датирования явилось выявление ряда срубных построек, относящихся к 1460-м гг., выстроенных с использованием приема «в обло». Обращает внимание, что все ранние срубы относятся к группе малогабаритных строений. В то время как в строительстве крупногабаритных жилых домов, с учетом данных дендроанализа по 1-му этапу, срубные технологии активно применяются начиная с 1640-х гг. XVII в. Таким образом, переход к срубному строительству в группе малогабаритной застройки произошел гораздо раньше, чем у крупногабаритных строений. У последних срубные и каркасно-столбовые жилые строения сосуществуют, как минимум, до начала XVIII в. Во всяком случае, имеющиеся материалы показывают, что полностью доминирующей срубная застройка становится к 1740-м гг.

К последней трети XVII в. практически исчезает малогабаритная застройка. Наиболее позднее сооружение из данной группы выявлено по материалам 2-го этапа. Время его строительства приходится на конец 1680-х — начало 1690-х гг.

Материалы 2-го этапа позволили впервые выявить группу наиболее поздних на поселении жилищ, представленных крупногабаритной застройкой. Время строительства этих объектов относится к периоду с конца 1730-х до конца 1740-х гг. С большой вероятностью застройка середины XVIII в. завершает фазу активной строительной истории поселения. Известен один пример жилого строения, расположенного на верхней площадке холма, время сооружения которого можно отнести к началу XIX в. [Федорова 2006, с. 16]. Тем самым вырисовывается хронологическая лакуна между капитальной застройкой середины XVIII в. и начала XIX в. Вероятно, строительная деятельность, маркированная появлением столь позднего строения, уже не была напрямую связана с историей «городища».

Библиографический список

- Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа. Омск, 2004.
- Бруснищина А. Г. Войкарский городок в XV–XIX вв. (по результатам раскопок 2003 и 2004 гг.) // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Екатеринбург; Салехард, 2005. С. 22–32.
- Гурская М. А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. Екатеринбург; Челябинск, 2008. С. 212–231.
- Новиков А. В., Гаркуша Ю. Н. Предварительные результаты исследований городища Усть-Войкарское-1 (Приполярная зона Западной Сибири) в 2012–2016 годах // Вестн. РФФИ. 2017. № 3. С. 141–149.
- Федорова Н. В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестн. Салехард, 2006. Вып. 4. С. 11–17.

YU. N. GARKUSHA

**DENDROCHRONOLOGY OF UST-VOIKAR HILLFORT:
NEW DATA (BASED ON THE MATERIALS OF THE 2012–2016 STUDY)**

The Ust-Voikar hillfort (the north of the Lower Ob region) belongs to the category of settlement archaeological sites, the cultural levels of which contain the long-standing permafrost. This factor contributed to the good preservation of the wooden architecture, making it possible to date the structures using the dendrochronological method. The first application of the method was implemented on the materials obtained in 2003–2008. The subject of this study was the collection of dendrological samples of construction timber from the sixteen buildings investigated in 2012–2016. The earliest group of the buildings was dendrologically dated as the 60s–70s of the 15th century. Part of them were built with the use of the techniques characteristic for the log cabin construction. The updated period of active construction at the late stages of the settlement functioning was defined as the 30s–40s of the 18th century.

Yuri N. Garkusha – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: garkusha@archaeology.nsc.ru

С. П. ГРУШИН, А. В. ФРИБУС, С. А. ВАСЮТИН, В. О. САЙБЕРТ, Е. В. ТРУСОВА, С. С. ОНИЩЕНКО

КОНСКАЯ УПРЯЖЬ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ*

В составе разновременного памятника Чумыш-Перекал в западном Присалаирье особый интерес представляют раннесредневековые грунтовые захоронения, демонстрирующие наиболее раннее для этого региона взаимодействие самодийского населения с представителями тюркского кочевого мира. В погребальной обрядности влияние тюркских традиций отчетливо фиксируется в попытках воспроизвести сопроводительные захоронения лошадей, поэтому значительная часть «кочевнических» артефактов представлена предметами конской упряжи (удила, псалии, стремяна, подпружные пряжки и др.). Все эти предметы имеют аналогии в погребениях тюрков VI–VII вв. Петельчатое стремя, подножка которого имела ребро жесткости, указывает на то, что предметный комплекс могилы № 25 не может датироваться ранее последних десятилетий VI–VII в. С учетом определенного «запаздывания» в распространении вещей тюркского облика, могилы с сопроводительными захоронениями коней могут датироваться второй половиной VII – началом VIII вв.

* Работа осуществлена в рамках государственного задания Кемеровского государственного университета (рук. В. В. Бобров, сроки выполнения 2017–2019 гг.) от Министерства науки и высшего образования РФ, проект № 33.2597.2017/ПЧ.

Грушин Сергей Петрович – д.и.н., Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул).

E-mail: gsp142@mail.ru

Фрибус Алексей Викторович – к.и.н., Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово).

E-mail: fribus@list.ru

Васютин Сергей Александрович – д.и.н., Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово). E-mail: vasutin2012@list.ru

Сайберт Виолетта Олеговна – Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул).

E-mail: vita77792@mail.ru

Трусова Елена Викторовна – Институт экологии человека, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН (Россия, Кемерово). E-mail: trusova.lena@inbox.ru

Онищенко Сергей Степанович – к.и.н., Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово). E-mail: onis65@mail.ru

Погребально-поминальный памятник Чумыш-Пережат расположен в лесостепной части бассейна Верхней Оби на территории современного Залесовского района Алтайского края (Западное Присалаирье). Некрополь находится на коренной высокой надпойменной правобережной террасе р. Чумыш, притока Оби. На площади некрополя выявлены разновременные грунтовые захоронения, относящиеся к эпохам неолита, бронзы, раннего железа и раннего средневековья [Фрибус и др. 2018, с. 43–47].

Раннесредневековые захоронения могильника Чумыш-Пережат представляют собой ингумации мужчин, женщин и детей в грунтовых ямах. На данный момент исследовано 16 таких захоронений. В погребальном обряде и инвентаре этих могил находят отражение как самодийские традиции, так и влияние тюркских канонов [Фрибус и др. 2018, с. 45, 47]. Элементы тюркской обрядности и подражания ей, а также артефакты из тюркского кочевнического комплекса были представлены в могилах с сопроводительными захоронениями коней (№ 25, № 28, № 33, № 34) и в могиле № 15 (погребение «пешего мужчины-воина»). Предметы конской упряжи включали удила и псалии, блок для чумбура, стремени, подпружные пряжки.

Лучше всего сохранившиеся удила из могилы № 25 имели по одному внешнему кольцу и двудырчатые стержневые роговые псалии. Подобные однокольчатые удила представлены в раннетюркских погребениях кудыргинского типа (VI–VII вв.) могильника Кудыргэ [Гаврилова 1965, с. 22, 23, 24, табл. VII, 1; VIII, 8; X, 9; XII, 14; XIV, 11 и др.]. В отдельных случаях вместе с удилами сохранились двудырчатые роговые псалии [Гаврилова 1965, с. 80, табл. VII, 1] или только сами псалии без удил [Кубарев 2005, с. 120, рис. 34, 13]. Однокольчатые удила с псалиями разных типов широко использовались и в VIII в. Однако сочетание таких удил с двудырчатыми роговыми псалиями указывает на то, что на Чумыш, вероятно с запозданием, попали удила более ранних для средневековья форм.

Наиболее близкая аналогия роговому блоку для чумбура из могилы № 25 некрополя Чумыш-Пережат была найдена в кургане № 22 могильника Кудыргэ, который датирован VI–VII вв. [Гаврилова 1965, с. 27, табл. XXIII, 3]. Обычно подобные предметы (Г. В. Кубарев относит их к застежкам для пут [2005, с. 137]) имеют наконечник или носик [Гаврилова 1965, XXII, 11; 3, с. 123–125, рис. 16; 50, 1–15; Кубарев 2005, с. 136, рис. 39, 1–6] и рассматриваются в более широких хронологических рамках.

В могилах № 25 и № 28 было найдено по одному петельчатому (восьмеркообразному) стремени. Экземпляр стремени в могиле № 25 имел плохую сохранность (форму подножки

зафиксировать не удалось). Петельчатое стремя в могиле № 28 имело закругленную подножку с выраженной нервюрой (ребро жесткости). Наиболее ранней датой появления таких стремян можно считать вторую половину VI – середину VII вв. [Серегин 2013, с. 196–197]. Г. В. Кубарев относит подобные стремяна к VII–VIII вв. [2005, с. 132, 133].

Подпругная пряжка из могилы № 15 была использована не по прямому назначению – она служила застежкой берестяной сумочки, располагавшейся в районе пояса погребенного. Пряжка имеет достаточно распространенную форму – подпрямоугольная (с небольшой трапецией), с округло-восьмеркообразной (поперечные округлые прорезы, соединенные продольной прорезью) прорезью и язычком. В памятниках Горного Алтая VII–VIII вв. близкие формы имели подпругные пряжки из кургана № 9 могильника Кудыргэ (поперечные прорезы имели более овальные формы), и кургана № 10 могильника Балык-Соок I [Гаврилова 1965, с. 24, табл. XV, 13; Кубарев 2005, с. 307, табл. 125, 19 и др.].

Необычную форму имеет подпругная пряжка из могилы № 25. В плане читается трапециевидная форма, но в середине длинных контуров присутствуют вырезы, поперечные прорезы имели овальные формы, а продольная прорезь практически незаметна, поскольку ее ширина совпадает с шириной язычка. Учитывая эти индивидуальные черты, данную подпругную пряжку можно отнести к ранним типам VI–VII вв.

В заключении необходимо отметить, что предметы конской упряжи попадали на Чумыш не на самых ранних этапах своего бытования в кочевнической среде. Стоит учитывать эффект «запаздывания» по сравнению с достаточно быстрым распространением инноваций в степном мире. Одновременно отметим, что могильник Чумыш-Переат, расположенный в лесостепной части Верхнего Приобья, по целому ряду признаков функционировал задолго до массового распространения погребений с тюркской обрядностью и предметами кочевнического комплекса во второй половине VIII–IX вв. Предметы конской упряжи позволяют датировать могилы с сопроводительными захоронениями коней некрополя Чумыш-Переат второй половиной VII – началом VIII вв.

Наличие в могилах № 25 и № 28 только одного стремени не является какой-то исключительной ситуацией. Так, в тюркских захоронениях Горного Алтая, исследованных Г. В. Кубаревым, из 19 курганов, в которых были обнаружены стремяна, в 7 курганах было найдено только 1 стремя [Кубарев 2005, с. 197, табл. 15, 3; 249, табл. 67, 6; 253, табл. 71, 7; 270, табл. 88, 3; 292, табл. 110, 5; 318, табл. 136, 1; 319, табл. 137, 1]. В тоже время нельзя не учитывать мнения Н. Н. Серегина о том, что присутствие в ранних памятниках тюрков одного стремени «обусловлено сохранением практики использования стремян в качестве подножки... для посадки на лошадь» [2013, с. 196, 197]. Можно предположить, что одно стремя могло также служить опорным элементом во время скачки и стрельбы из лука. В изученных на настоящий момент раннесредневековых могилах некрополя Чумыш-Переат не обнаружены такие виды вооружения как копыя или палаши. Воины этого небольшого социума были в основном лучниками. Поэтому острой необходимости в использовании двух стремян у них не было.

Библиографический список

- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
 Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005.
 Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990.

Серегин Н. Н. Появление и первоначальное распространение петельчатых стремян (хронологический и этнокультурный аспекты) // Известия Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. 2013. № 4/1 (80). С. 194–198.

Фрибус А. В., Грушин С. П., Сайберт В. О., Трусова Е. В. Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Пережат в Западном Присалаирье // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2. С. 42–47.

S. P. GRUSHIN, A. V. FRIBUS, S. A. VASYUTIN, V. O. CYBERT, E. V. TRUSOVA, S. S. ONISHCHENKO

HORSE HARNESS FROM THE MEDIEVAL INTERMENTS OF CHUMYSH-PEREKAT BURIAL GROUND

The most interesting parts of the asynchronous archaeological site Chumysh-Perekat in the Western Salair region were the early Middle Age earth burials demonstrating the earliest for the region contacts between the Samody population and the representatives of the Turkic nomadic tribes. The influence of the Turkic traditions in the funeral practices was most apparent in the attempts to reproduce the accompanying horses burials, thus a significant part of the “nomadic” artifacts was represented with the horse harness items (bridle-bits, psalia, stirrups, belly band clasps, etc.) All these items had analogies in the Turks’ interments of the 6th–7th centuries. The loop-shaped stirrup, the step of which had a stiffener indicated that the grave goods of interment No 25 could not have been earlier than the last decades of the 6th–7th centuries. Bearing in mind a certain “delay” in the spread of the Turkic appearance items, the graves with the accompanying burials of horses could be dated as the second half of the 7th – early 8th centuries.

Sergey P. Grushin – Doctor of Historical Sciences, Altai State University (Russia, Barnaul).

E-mail: gsp142@mail.ru

Alexey V. Fribus – Candidate of Historical Sciences, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo).

E-mail: fribus@list.ru

Sergey A. Vasyutin – Doctor of Historical Sciences, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo).

E-mail: vasutin2012@list.ru

Violetta O. Cybert – Altai State University (Russia, Barnaul). E-mail: vita77792@mail.ru

Elena V. Trusova – Institute of Human Ecology, Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the RAS (Russia, Kemerovo). E-mail: trusova.lena@inbox.ru

Sergey S. Onishchenko – Candidate of Historical Sciences, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo).

E-mail: onis65@mail.ru

АЛ. В. ГУСЕВ

МЕДНЫЕ ПЛАСТИНЫ ИЗ СТЕНОК КОТЛОВ В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА XII–XIII ВВ. У ПОСЕЛКА ЗЕЛЕНЬ ЯР, НИЖНЕЕ ПРИОБЬЕ)*

В работе анализируется погребальный обряд населения севера Западной Сибири в эпоху средневековья на примере могильника XII–XIII вв. н. э., входящего в археологический комплекс Зеленый Яр. Автор систематизирует основные признаки погребального обряда позднего могильника и акцентирует особое внимание на одном важном его атрибуте – применении медных котлов, либо медных пластин в погребально-поминальном комплексе. В работе обобщаются результаты полевых исследований, систематизируются погребения, где встречались целые медные котлы, либо его элементы, а так же подвергаются рассмотрению вопросы их смыслового назначения в погребальном обряде.

Гусев Александр Васильевич – Научный центр изучения Арктики (Россия, Салехард).

E-mail: Gusev962@mail.ru

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40011 «Урал и Западная Сибирь в археологической ретроспективе: важнейшие открытия, ритмы, феномены и парадоксы развития» (рук. О. Н. Корочкова).

Общая характеристика погребений. Все могилы грунтовые, совершены в неглубоких (от 20 до 60 см от древней поверхности), узких ямах. Для могильника XII–XIII вв. прослежены внутримогильные конструкции четырех типов. Первый — захоронение в деревянной лодке. Второй — захоронение в берестяном чехле, сшитом в виде лодки. Третий — погребения в закрытых деревянных колодах-саркофагах, имитирующих форму лодки. И, наконец, четвертый — захоронения в берестяном коробе [Гусев 2015, с. 292]. Все погребенные одеты и обернуты в меховые одежды или покровы.

Погребенные укладывались на спину, руки вдоль туловища; кисти, там, где удалось зафиксировать, сложены внизу живота либо заводились под таз. В большинстве могил было зафиксировано связывание погребенных в области плеч, локтей, талии и ног в области колен. Дважды были зафиксированы коллективные захоронения.

По расположению на площади могильника, вероятно, можно говорить о том, что погребения располагались группами.

Важными элементами погребального обряда являются:

1. Размещение медных пластинок в области лица погребенного и под его ступнями. При этом форма и даже размер пластин не играют роли — важен факт наличия в этих местах меди.

2. Редкая деталь погребального обряда — наличие в ногах погребенных своеобразных конусов, свернутых из стенки медного котла (встречено в двух погребениях).

Детские погребения, в целом, выполнены по тому же обряду. Тела были захоронены в деревянные колоды, имитирующие лодки, наблюдались следы ременных перевязок, медные скобы, большое количество медных пластин и растительные перевязки поверх саркофагов.

Применение медных котлов, либо их элементов в погребальном обряде позднего могильника Зеленый Яр

Хорошо сохранившиеся цельные медные котлы за все годы исследований могильников у пос. Зеленый Яр встречены только дважды. Медные котлы начали интенсивно завозиться за Урал в XII в. н. э., что привело к постепенному исчезновению керамики. Находки целых котлов на памятниках — большая редкость, т. к. их (по мере разрушения) использовали для изготовления мелких предметов. Датировка целого котла может быть определена в пределах XII–XIII вв. н. э. Оба целых котла располагались рядом с погребениями (в изголовье), перевернутыми вверх дном. У одного котла дно сохранилось частично. Был ли он сломан намерено во время захоронения, или это результат естественного разрушения, судить сложно. У второго котла днище целое, без повреждений.

Употребления вырезанных из стенок котлов пластин в погребальном обряде является ярким признаком, характерным для могильника XII–XIII вв. Из 88 исследованных захоронений в 55 встречены медные пластины. В настоящее время нам известно два способа применения медных пластин от котла. Первое — в качестве лицевых масок и, второе — пластин, закрывающих тело покойного. Лицевые маски встречены в трех погребениях (мужском, женском и детском), они были вырезаны из медного котла и положены на лицо погребенных, где зафиксированы с берестой и мехом. Важно отметить, что использование в погребальной обрядности масок из ткани или меха с нашитыми на нее бусинами или монетами традиционно для самодийцев и угров. Вероятно, этот обычай восходит к глубокой древности и суть его в сокрытии лица покойного, который находится на границе мира живых и мертвых.

Второй способ применения медных пластин от котла в могильнике Зеленый Яр зафиксирован в большинстве исследованных погребений и являлся своего рода завершающим этапом подготовки покойного к захоронению. Эта практика характерна, как для взрослых, так и для детских погребений. Тело покойного оборачивали металлическими пластинами-обручами, окрашенными ремнями, веревками из растительных волокон. Все эти изделия вероятно можно считать взаимодополняемыми и взаимозаменяемыми. Обычно медные пластины сосредоточены в определенных областях тела (плечи-грудь, локтевые суставы, прижатые к бедрам кисти рук, колени, стопы), что позволяло зафиксировать позу умершего (вытянуто на спине). В то же время, широкие обручи и сковывающий ноги покойного конус можно интерпретировать как металлическую «лодку». Возможно, население, оставившее могильник, применяло медные пластины от котлов в погребальном обряде по двум причинам. С одной стороны, котел считался символом достатка и благополучия, с другой, как и всякий металл, он исполнял «охранную» функцию.

Таким образом, можно констатировать, что применение медных котлов и их фрагментов в могильнике Зеленый Яр являлось неотъемлемой частью погребального обряда [Гусев 2018, с. 64]. С одной стороны, это связано с массовым распространением медных котлов с XII в. н. э. на данной территории, а с другой, — с системой представлений о загробной жизни. Вероятно, аборигены Нижней Оби считали, что котел будет необходим в процессе трансформации из прижизненного в посмертное состояние.

Библиографический список

- Гусев Ал. В. Погребальный обряд средневекового населения севера Западной Сибири (по материалам могильников у пос. Зеленый Яр) // IV Северный археологический конгресс: материалы. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2015. С. 291–293.
- Гусев Ал. В. Котлы и топоры в погребальном обряде населения Нижнего Приобья (Средневековье и Новое время) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: материалы всерос. науч. конф. Тюмень, 2018. Вып. 4. С. 63–65.

AL. V. GUSEV

COPPER PLATES FROM POT WALLS WITHIN THE SYSTEM OF THE IDEAS OF AFTERLIFE (BASED ON THE MATERIALS OF THE 12TH–13TH CENTURY BURIAL SITE NEAR ZELENY YAR VILLAGE, THE LOWER OB REGION)

The paper studies the funeral rituals of the population of the north of western Siberia during the Middle Age period on the example of the 12th–13th centuries AD burial site forming a part of Zeleny Yar archaeological complex. The author systematized main attributes of the funeral ritual characteristic for the region, concentrating on one of its important attributes – the use of copper pots, or copper plates in the burial-and-memorial complex. The paper summed up the results of the field study, systematized the interments containing either whole copper pots, or their elements, and discussed the issues of their functional meaning as part of the burial ritual.

Alexander V. Gusev – Scientific Center for the Study of the Arctic (Russia, Salekhard).
E-mail: Gusev962@mail.ru

В. Л. ДЕРЖАВИН

НОРВЕЖСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ СВАЛЬБАРДА/ШПИЦБЕРГЕНА

В 2020 г. исполняется 100-летняя годовщина со дня подписания Парижской конференции, по решению которой архипелаг отошел к Норвегии. В конце XIX в., когда страна переживала небывалый подъем национального самосознания и собиралась порвать со шведской унией, зародилась идея о достижении викингами Исландии, считавшимися предками норвежцев, Свальбарда, под которым подразумевался Шпицберген. Ее автором был норвежский историк Г. Сторм, опубликовавший исландские саги. Позже эта версия была использована как один из стержневых аргументов при установлении суверенитета Норвегии над архипелагом, чтобы доказать приоритет его открытия скандинавами перед другими европейскими странами и, в первую очередь, Россией. А вопросы, связанные с дендрохронологическими датировками поморских становищ, полученными в лаборатории Института археологии АН СССР/РАН, важны для норвежских исследователей тем, что в случае их опровержения, отпадает версия «русского следа» в добаренцев период.

Державин Виктор Леонидович – к.и.н., Институт археологии РАН (Россия, Москва).
E-mail: derzh@yandex.ru

100 лет назад был заключен Парижский договор, согласно которому над Шпицбергенем был установлен суверенитет Норвежского королевства. При этом подписавшие документ страны имели полное право заниматься экономической и научной деятельностью на архипелаге наравне с Норвегией. СССР присоединился к договору только в 1935 г. А сам архипелаг объявлялся демилитаризованной территорией.

В 1925 г. Шпицберген был переименован стортингом Норвегии в Свальбард, что якобы подтверждалось сведениями исландских саг, доказывающих исторические права на архипелаг со стороны молодого скандинавского государства. Норвегия вышла из Шведской унии в 1905 г. Свальбардская версия открытия архипелага викингами в 1194 г. получила широкую поддержку в норвежском обществе в конце XIX – начале XX вв., сыграв одну из ключевых ролей в принятии решений Парижской конференции.

Наиболее полно история Свальбарда/Шпицбергена изложена норвежским историком Туром Арловым в его фундаментальной монографии, изданной в Осло в 1996 и 2003 гг. и недавно переведенной на русский язык [2016]. Основные дискуссии касаются двух проблем: 1) открытие архипелага предками норвежцев викингами в конце XII в. и 2) появление поморов на Шпицбергене в «добаренцев» период (до 1596 г.). Обе имеют политическую окраску.

Идея открытия архипелага викингами зародилась в последней четверти XIX в., когда Норвегия собиралась выйти из унии со Швецией. В этот период своей истории страна переживала небывалый подъем национального сознания.

Т. Арлов в своей работе излагает все четыре версии открытия архипелага:

1. Наиболее популярная точка зрения в норвежском обществе – «Свальбардская». Историк считает, что первым в первой трети XIX в. после посещения архипелага ее высказал норвежский геолог Б. Кейльхау [1831, s. 225, 226]. Но исследователь написал лишь о том, что викинги, возможно, знали о существовании Шпицбергена и Свальбарда, и он не ставил между ними знака равенства, т. е. в его понимании это были разные полярные области. Против этой версии наиболее последовательно выступали датские исследователи, размещавшие Свальбард в восточной Гренландии. Да и норвежские ученые осознают

уязвимость «свальбардской» версии (У. Ристе, Р. Берг, Т. Хелтгрин), которая порой также ставится ими под сомнение, в том числе Т. Арловым.

2. Самая распространенная — открытие Шпицбергена голландской экспедицией В. Баренца в 1596 г., когда архипелаг впервые был нанесен на карту.

3. Открытие Шпицбергена (Груманта) поморами до открытия его Баренцем. Эту версию активно отстаивали русские историки еще до революции. В наше время на археологическом материале ее старался обосновать В. Ф. Старков, руководивший много лет Шпицбергенской экспедицией Института археологии РАН. Основным его аргумент заключался в результатах полученных датировок дендрохронологическим методом, которые позволяют отнести, время появления поморов на архипелаге не позже середины XVI в. [Старков 1998, с. 47, 48]. Норвежские археологи идею В. Ф. Старкова подвергли острой критике. Главные их доводы сводились к тому, что в европейских и русских исторических документах не встречаются такие географические понятия как Шпицберген или Грумант. Первое упоминание о поморах в письменных источниках зафиксировано лишь в 1697 г. [Conway 1906, s. 225, 226]. Размах китобойного европейского промысла на архипелаге пришелся на XVII в., но в судовых журналах англичан и голландцев почему-то нет упоминаний о русских, которых они должны были непременно встретить на архипелаге или, хотя бы, отметить следы их пребывания. Притом, что на Шпицбергене известны поморские становища и китобойные станции, расположенные в непосредственной близости друг от друга.

Норвежцы и их единомышленники — польские археологи, исследовавшие поморские становища в заливе Хорнсунн в 1980-е гг., не ставят под сомнение достоверность дендрохронологических датировок, полученных в лаборатории Института археологии АН СССР, но интерпретируют их иначе [Hultgreen 2005, s. 79; Chochorowski 1999, s. 93–101]. Ранние образцы древесины, по их мнению, могли попасть в жилищно-хозяйственные комплексы позже — во время ремонта промыслового дома, для которого мог использоваться плавник. Например, на поморском становище Мосватнетт-2 (остров Серкапп) жилая постройка датируется 1648 г., а примыкавшая к ней баня — 1588 г.

4. Четвертая гипотеза — «первобытная» и ее придерживались некоторые скандинавские археологи. Для ее обоснования послужили найденные в прошлом столетии в Ис-фьорде кремневые сколы, похожие на орудия каменного века. Тогда и возникла занимательная идея о переселении людей эпохи мезолита на архипелаг из района Печоры по льду Баренцева моря. Но, как оказалось, эти находки не имели рукотворного происхождения.

Профессиональные археологические раскопки, начавшиеся на Шпицбергене с середины прошлого столетия, не выявили следов человека каменного века или викингов. Все исследованные памятники представляли собой культурно-исторические объекты, связанные с поморской культурой или западноевропейским китобойным промыслом. Если первые, по мнению норвежских ученых, датировались XVIII в., то вторые — XVII в. А это значит, что русские промышленники появились на архипелаге не только позже мифических викингов, но и европейских китобоев. Политический контекст этой проблемы вполне очевиден.

Практически все версии, кроме «свальбардской», ставят под сомнение «исторические права» Норвегии на архипелаг. Из письменных источников достоверно известно, что первая норвежская промысловая экспедиция на Шпицберген была отправлена в 1797 г. из Хаммерфеста, причем проводниками скандинавов тогда были поморы.

Именно поэтому не выясненные окончательно вопросы, касающиеся приоритета открытия архипелага представителями какой-либо страны, вплоть до 1920 г. давали основание считать эту территорию ничейной землей («terra nullius»). А решения Парижской конференции в историческом плане были лишь косвенно увязаны с малоубедительной «свальбардской» идеей [Державин 2016].

Библиографический список

- Арлов Т. Б. История архипелага Шпицберген. М., 2016.
 Державин В. Л. Свальбард в картографии Гренландии XVI–XVIII вв. // РА. 2016. № 4. С. 151–161.
 Keilhau B. Reise i Øst-og Vest Finnmarken samt til Beeren-Einland og Spitsbergen i årene 1827 og 1829. Christiania, 1831.
 Conway M. No Man's Land. Cambridge, 1906.
 Старков В. Ф. Очерки истории освоения Арктики. Шпицберген. М., 1998. Т. 1.
 Chochorowski J. Problems of the dendrochronology of Russian hunting stations of Spitsbergen. Krakow, 1999.
 Hultgreen T. The chronology of the Russian hunting stations on Svalbard: A reconsideration // Acta Borealia. 2005. Vol. 22. P. 79–91.

V. L. DERZHAVIN

A NORWEGIAN VIEW OF THE HISTORY OF SVALBARD/SPITSBERGEN

2020 will mark the 100th anniversary of the signing of the Treaty of Spitsbergen at the Paris conference, by which the archipelago was ceded to Norway. The idea of the Iceland Vikings, who were considered the ancestors of the modern Norwegians, reaching Svalbard, i. e. Spitsbergen, originated in the end of the 19th century, when the country was experiencing an unprecedented national identity surge and intended to break away from the Swedish Union. Its author was a Norwegian historian G. Storm, who published the Sagas of Icelanders. Later on, this version was used as one of the key arguments in the process of recognition of Norway's sovereignty over the archipelago as a proof of the Scandinavian priority in its discovery over the other Europeans and, in the first place, the Russian. The issues of the dendrochronological dates obtained by the Laboratory of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences USSR/Russia for the Pomor whalers' camps are important for the Norwegian researchers, because their disproof could help eliminate the version of the "Russian trace" in the pre-Barents period.

Viktor L. Derzhavin — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow).
 E-mail: derzh@yandex.ru

Д. Н. ЕНЬШИН, С. Н. СКОЧИНА, В. М. КОСТОМАРОВ

ДРЕВНИЕ ОХОТНИКИ И РЫБОЛОВЫ ГЫДАНСКОЙ АРКТИКИ

В тезисах представлены результаты исследования самого северного археологического памятника Гыданского полуострова — стоянки Халщынейсаля 1. В полевом сезоне 2018 г. археологический объект был полностью исследован раскопками. Получен представительный керамический, производственный и фаунистический комплекс находок эпохи средневековья (тиутейсалинский тип керамики). Характер археологического объекта (периодически посещаемая стоянка?), состав палеозоологической коллекции (северный олень, песец, волк, белый медведь, гагара, гусь, налим, осетр) и орудийного набора (орудия обработки шкур и т. д.) позволяют отнести древнее население, оставившее следы пребывания на побережье Обской губы к мобильным арктическим охотникам и рыбакам.

Еньшин Дмитрий Николаевич — ФИЦ ТюмНЦ СО РАН (Россия, Тюмень).

E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

Скочина Светлана Николаевна — к.и.н., ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, Институт проблем освоения Севера (Россия, Тюмень). E-mail: sveta_skochina@mail.ru

Костомаров Владимир Михайлович — к.и.н., ФИЦ ТюмНЦ СО РАН (Россия, Тюмень).

E-mail: vkostomarov@yandex.ru

Стоянка Халщынейсаля 1 расположена на западном побережье Гыданского полуострова в районе одноименного мыса Халщынейсаля. Останец, на котором размещался археологический объект, возвышается над окружающей поймой Обской губы на 10 м, располагается между береговой линией залива и озером, связанным с ним небольшой протокой.

Площадь распространения находок в разрушающемся слое поверхности останца составила около 1 000 кв. м, при этом непосредственно культурный слой и находки в виде скоплений керамики, каменных орудий и костей животных зафиксированы на площадке мысовидного выступа останца, обращенного к заливу. Ее площадь — около 30 кв. м, при этом, необходимо отметить, что культурные отложения представляли собой рыжую прокаленную супесь, насыщенную органикой и углистыми прослойками. В этом слое находки залегали в положении «in situ». Признаков стационарных жилищных сооружений выявлено не было.

Керамический комплекс представлен довольно выразительной коллекцией сосудов (более 30 ед.) типично тиутейсалинского облика. Комплекс отличается монолитностью как в орнаментальном, так и морфологическом и технологическом плане. Сосуды преимущественно слабопрофилированной горшечной формы. Имеющиеся придонные части, свидетельствуют в пользу плоскодонности. Вместе с тем, в коллекции присутствуют несколько миниатюрных изящных доньшек на поддоне. У большинства венчиков в верхней части, под краем, фиксируется утолщение в виде валика приостренной или округлой формы. Черепки плотные. Формовочная масса насыщена дресвой с вкраплениями слюды. Поверхности сосудов имеют следы обработки как с внешней, так и с внутренней стороны. Как правило, с внутренней стороны присутствуют следы заглаживания стержнем с неровным рабочим краем. С внешней стороны фиксируются следы лощения.

Орнамент плотно наносился лишь в зоне венчика, по валику и в придонной части, ниже, по шейке и тулову, он разрежен либо отсутствует. В качестве орнамента использовался гребенчатый штамп в тонком и ромбовидном варианте, а для нанесения глубоких ямочных вдавлений — стержень с округлым или ромбическим рабочим краем.

Основными элементами орнаментации служили наклонные оттиски короткого гребенчатого штампа, наклонные оттиски ромбического гребенчатого штампа, горизонтальная прямая или волнистая линии, образованные оттисками гребенчатого штампа, ямочные вдавления ромбической или округлой формы.

Орудийный комплекс составлен изделиями из камня (20 экз.), кости, рога и металла. Преобладают каменные орудия, функционально относящиеся к кожевенному делу (скребки по шкурам — 10 экз.). В коллекции присутствуют терочники (3 экз.)? на которых растирали и измельчали органические и не органические материалы. Остальной комплекс состоит из галек, расколотых плиток с незначительными следами использования (оббивка и сколы). Костяной и роговой инвентарь (5 экз.) представлен обломками изделий не

известного назначения. Исключение составляет молотовидное орудие на отростке рога, интерпретируемое исследователями как молот для разбивки швов [Плеханов 2014, с. 53], и долотовидное изделие на ребре. Также в комплексе присутствуют обломки двух железных ножей и фрагмент бронзового изделия аморфной формы, на котором имеются контуры двух отверстий диаметром около 0,5 см.

В палеозоологической коллекции преобладают кости взрослой особи северного оленя (*Rangifer tarandus*), присутствуют кости песца (*Vulpes lagopus*, 6 особей), гагары (*Gavia sp.*), гуся (*Anser sp.*), налима (*Lota lota*) и осетра (*Acipinser sp.*). Примечательно, что северный олень и песец представлены костями практически всех отделов скелета, птица — диафизами трубчатых костей, рыба — костями черепа. Кроме того, был зафиксирован фрагмент эпистрофея белого медведя (*Ursus maritimus*) и эпистрофеей молодой особи волка (*Canis lupus*). Большая часть костей имеет следы воздействия человека (резка, рубка).

Таким образом, комплекс выявленных признаков (место расположения стоянки — на высоком месте, в системе озеро-протока-залив, отсутствие признаков стационарных построек, представительная коллекция артефактов, в том числе орудий домашних производств, довольно разнообразный видовой состав объектов промысла и т. д.) позволяет предполагать характер археологического объекта как периодически посещаемой стоянки небольшой группы охотников и рыболовов (сезонная?). Что касается сезона ее функционирования, то предварительно его можно определить как летне-осенний (все кости объектов промысла принадлежат взрослым особям, за исключением одного щенка песца).

Тиутейсалинские древности наиболее хорошо известны по материалам археологических памятников полуострова Ямал и датируются в пределах V–VIII вв. н. э. [Плеханов 2013, с. 159]. Полученные при исследовании гыданской стоянки Халцынейсалья 1 данные полностью совпадают с ямальскими на уровне геоморфологии, керамического комплекса, орудийного набора и состава объектов промысла.

Библиографический список

- Плеханов А. В. Ямальская Арктика в эпоху средневековья: памятники в зоне типичной тундры // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всерос. науч. археол. конф. Екатеринбург; Сургут, 2013. С. 157–166.
- Плеханов А. В. Ярте VI — средневековое «городище» на р. Юрибей (п-ов Ямал). Каталог коллекции. Екатеринбург, 2014.

D. N. ENSHIN, S. N. SKOCHINA, V. M. KOSTOMAROV

ANCIENT HUNTERS AND FISHERMEN OF THE GYDAN ARCTIC

The abstract presents the outcomes of the study of the northernmost archaeological site of the Gydan peninsular — Khaltysneisalya 1 occupation site. The archaeological object was completely studied with excavations during the field season of 2018. A representative pottery, production, and faunal complex of the Middle Age period finds (the Tiuteisalinski type ceramics) was obtained. The nature of the archaeological object (periodically visited camp?), the composition of the paleo-zoological assemblages (reindeer, polar fox, wolf, polar bear, loon, goose, burbot, sturgeon), and the tools set (skin dressing tools, etc.) suggested that the ancient population that left traces of occupation at the Ob bay coast belonged to the mobile Arctic hunters and fishermen.

V СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (ХАНТЫ-МАНСИЙСК, 11–14 ДЕКАБРЯ 2019)

Dmitry N. Enshin – Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen). E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

Svetlana N. Skochina – Candidate of Historical Sciences, Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS, Institute of the problems of Northern development (Russia, Tyumen). E-mail: sveta_skochina@mail.ru

Vladimir M. Kostomarov – Candidate of Historical Sciences, Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the RAS (Russia, Tyumen). E-mail: vkostomarov@yandex.ru

Н. М. ЗИНЯКОВ, О. Е. ПОШЕХОНОВА

ТЕХНОЛОГИЯ КУЗНЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДМЕТОВ ШАМАНСКОГО КОСТЮМА ИЗ МОГИЛЬНИКА КИККИ-АККИ

Статья посвящена исследованию шаманских атрибутов из черного металла, обнаруженных в двух могилах XVIII в. североселькупского могильника Кикки-Акки (Красноселькупский район, верховья р. Таз). Изученные поковки олицетворяют образы и представления, являвшиеся основой шаманской идеологии. Использование археологических, металлографических и этнографических источников позволило реконструировать процесс производства и выявить его особенности. Установлено, что основным материалом выступали неравномерно науглероженная сталь и мягкое железо, редко встречается высокоуглеродистая сталь, которые тазовские кузнецы, скорее всего, получали от русских. Основой технологии являлась свободная ручнаяковка в горячем состоянии. Результаты исследований подтверждают этнографические наблюдения о том, что железные предметы для шаманов ковались профессиональными кузнецами.

Зиняков Николай Максимович – д.и.н., Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово) E-mail: NMZINYAKOV@rambler.ru

Пошехонова Ольга Евгеньевна – ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, Институт проблем освоения Севера (Россия, Тюмень). E-mail: poshehonova.olg@gmail.com

По проблеме сибирского шаманизма существует довольно обширная литература, представленная, прежде всего, трудами этнографов. В последние годы все больший интерес к проблеме проявляют российские археологи. Однако технология кузнечного производства металлических изделий шаманского костюма не являлась ранее объектом специального исследования.

В ходе раскопок могильника Кикки-Акки были получены уникальные данные, характеризующие материальную и духовную культуру северных селькупов XVIII–XIX вв. Среди изученных особо выделяются два захоронения (№ 4 и № 6), содержащие многочисленные атрибуты шаманского костюма. Оба погребения датируются второй половиной XVIII в. Возраст могилы № 4 установлен по радиоуглероду (СОАН-9032, 220 ± 50 , UBA-28168, 219 ± 30), могилы № 6 – по планиграфии и вещественному комплексу.

Погребение № 4 представляет собой парное захоронение двух мужчин, умерших в возрасте 30–40 и 25–35 лет. Между захороненными, ближе к индивиду 1, в районе ног расчищены остатки сложенной квадратом шаманской парки из оленьего и лосиного меха. Судя по расположению находок, именно этот мужчина был шаманом. Рядом с черепом обнаружены лежащие «кучей» вещи от шаманского костюма, всего 54 предмета, из них 36 железных. Четыре орнитоморфных подвески: две «гагары», одна некая водоплавающая

птица и орнитоморфная пластина с двумя «головами». Они могли крепиться как на нагруднике, так и на спине шаманской парки [Прокофьева 1949, с. 353–365]. Три пластинчатые подвески с вытянутыми изогнутыми концами, стилизованными под змеевидную «голову», соответствуют подвескам, нашиваемым на низ рукавов шаманской парки, которые изображают кости предплечья [Прокофьева 1949, с. 365]. Так же найдены: три стержня от бубна, девятнадцать железных шумящих трубчатых подвесок, четыре крупные железные пластины, изображающие рога оленя. Примерно такие же изделия прикреплены на спине североселькупской шаманской парки, хранящейся в коллекции МАЭ [Прокофьева 1949, с. 361].

Железные предметы обнаружены также в погребении № 6, где был захоронен мужчина старше пятидесяти лет в шаманском костюме. Многочисленные железные изделия крепились на разных частях костюма: 17 железных трубчатых подвесок и 4 изогнутых пластины с петлями были нашиты на парку. На пимах, в области костей голени, располагалось четыре экземпляра так называемых костей шамана, имитирующих большие и малые берцовые кости. На костях стоп располагались изображения «медвежьих лап», в виде фаланг, увенчанных острыми изогнутыми когтями [Прокофьева 1949, с. 367].

Ассортимент кузнечной продукции насчитывает 13–15 наименований. Изученные поковки олицетворяют образы и представления, являвшиеся основой шаманской идеологии. Преобладающим материалом в кузнечном производстве выступала неравномерно науглероженная сталь. Концентрация углерода в стали, чаще всего, колебалась от 0,1 до 0,4 %, реже — 0,4–0,6 %. Из такой стали отковано около двух третей продукции из погребения № 4 и, примерно столько же, из погребения 6. Очень редко использовалась высокоуглеродистая сталь. Наряду со сталью кузнецы иногда употребляли мягкое железо (16 %). В единичных случаях отмечено применение пакетированных заготовок. Есть основание считать, что железо и сталь тазовские кузнецы получали от русского населения.

Основой технологии производства рассмотренных предметов являлась свободная ручнаяковка железа и стали в горячем состоянии, с помощью которой заготовке придавали необходимую форму. Известно, что технологический процесс ручнойковки состоит из нескольких операций, выполняемых в определенной последовательности: вытяжка, осадка, гибка, рубка, разрубка, пробивка отверстий, скручивание, кузнечная сварка, выглаживание. Для железа и каждого сорта стали существует свой интервал температур начала и концаковки. В среднем, температура началаковки должна быть 1100–1300°, конца — 800–900°. Нарушение указанного температурного режима привело бы к серьезным дефектам. Селькупские кузнецы большей частью соблюдали температурные рамки свободнойковки, изредка допуская лишь незначительный перегрев металла.

Кузнецы владели комплексом технологических навыков и производственного оборудования. Обращает на себя внимание, что все изделия выкованы грубо. Сделано это намеренно. Чего не скажешь в отношении других поковок, например, наконечников стрел, копий, так называемых палм (однолезвийных наконечников) и т. п., найденных в захоронениях могильника. Известно, что при описании частей шаманской одежды селькупы не говорили: «это перья», «это солнце», «это луна», а употребляли выражения: «подобно перьям», «подобно солнцу» и т. д. [Прокофьева 1949, с. 358]. В соответствии с этими представлениями, селькупские кузнецы ковали изображения, не соответствовавшие реальному облику зверя, птицы, пресмыкающихся, подчеркивая условность воплощаемых в металле принадлежавших им признаков.

Данные металлографических исследований подтверждаются этнографическими материалами, что профессиональные кузнецы ковали железные предметы для шаманов. Г. Н. Прокофьев и Е. Д. Прокофьева, работавшие в середине XX в. с селькупскими шаманами, родившимися в конце XIX в., отмечали, что ковку железных подвесок осуществляли два кузнеца — представители двух групп селькупов — группы Орла и группы Кедровки. При этом шаман давал кузнецам указания по поводу необходимого количества и форм подвесок и изображений [Прокофьева 1981, с. 56]. После смерти шамана часть подвесок хранилась в его семье и передавалась по наследству новому шаману, что обеспечивало преемственность в технологии производства металлических деталей шаманского костюма.

Библиографический список

- Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 335–375.
 Прокофьева Е. Д. Материалы по шаманству у селькупов // Проблемы истории и общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981. С. 42–68.

N. M. ZINYAKOV, O. E. POSHEKHONOVA

THE FORGING TECHNIQUES USED FOR THE MAKING OF A SHAMAN'S COSTUME ELEMENTS FROM THE KIKKI-AKKI BURIAL GROUND

The paper presents the study of the shaman's attributes made from a ferrous metal, discovered in two 17th century graves of the north Selkup burial ground Kikki-Akki (the Krasnoselsky district, the upper reaches of the Taz river). The studied forged items represented the images and beliefs forming the basis of a shamanistic ideology. The use of the archaeological, metallographic and ethnographic sources allowed reconstructing the production process and understanding its specific characteristics. It was established that the main materials were the non-uniformly carburized steel and ductile iron, occasionally the high-carbon steel, which the Taz blacksmiths apparently received from the Russians. The basis of the technology was the hot smith forging. The study results confirmed the ethnographic data evidencing that the shaman's attributes were smith forged by the professional blacksmiths.

Nikolai M. Zinyakov — Doctor of Historical Sciences, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo). E-mail: NMZINYAKOV@rambler.ru

Olga E. Poshekhonova — Tyumen Scientific Centre Siberian Branch of the RAS, Institute of the problems of Northern development (Russia, Tyumen). E-mail: poshehonova.olg@gmail.com

Н. Г. КОМОВА

ЭЛЕМЕНТЫ НАБОРНЫХ ПОЯСОВ (XIV–XV ВВ.) ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ ХМАО — ЮГРЫ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются поясные накладки (25 экз.) XIV–XV вв. из археологических памятников бассейна р. Оби. Разработана классификация накладок, включающая несколько групп в зависимости от орнаментального оформления щитка, формы накладок. Анализируется информация, полученная в ходе рассмотрения данной категории украшений.

Комова Наталья Геннадьевна — Центр охраны культурного наследия (Россия, Ханты-Мансийск). E-mail: Sail2008@yandex.ru

В статье рассматривается один из элементов декора пояса — накладки, обнаруженные в погребениях XIV–XV вв. в бассейне р. Обь и ее притоков (р. Тым, р. Томь / р. Басандайка).

Большинство наладок крепились на поясе при помощи петель, изготовленных из серебряной проволоки круглого сечения и припаянных к тыльной стороне накладок. Часть накладок, вследствие утраты петель, имеют отверстия.

Все предметы металлические, выполнены из серебра, позолоченные. Изготовлены методом теснения по матрице. Раздел выделяется по форме накладки и оформлению щитка, вид — по орнаментальному сюжету, подвид — по особенностям орнамента.

Раздел 1. Накладки пятиугольной формы с параллельными боковыми сторонами (18 экз.). Изделия пятиугольной формы, широкие; лицевая сторона рельефная, бортики по периметру отогнуты вниз. Край щитка оформлен гладким ободком, повторяющим контур щитка. У некоторых изделий присутствует фестончатый край. Декор на щитке вдавлен, фон углублен, на части накладок фиксируются места чернения — изделия могильника Сайгатинского-3. Накладки раздела 1 в зависимости от основного орнамента щитка разделяются на виды 1–3.

Вид 1 (16 экз.) — с *зооморфными* изображениями.

Подвид 1 (13 экз.) — на щитке изображено одиночное зооморфное изображение представителя семейства кошачьих (?), стоящее в профиль. Левая передняя конечность поднята, хвост пропущен под бедром правой задней конечности. Этот вариант накладок самый распространенный, в коллекции имеется три варианта данного изображения. Фон части накладок, в местах свободных от рельефного изображения, обработан фигурным чеканом (6 экз.). Изделия подвида 1 обнаружены в погребениях 8 (3 экз.), 40 (1 экз.), 42 (2 экз.), 44 (1 экз.) Сайгатинского-3 могильника, погребении 44 Сайгатинского-4 могильника (4 экз.), погребении 23 могильника Бедеровский Бор-3 (1 экз.), в парном погребении 2 кургана 24 Басандайского могильника (1 экз.) [Зыков и др. 2004, с. 13, 28–30; Терехова 1987, с. 16, 17; Березовская, с. 11; Басандайка 1947, с. 45, 46].

Подвид 2 (3 экз.) — на щитке накладок изображено двойное / зеркальное зооморфное изображение представителей семейства кошачьих (?). Звери расположены параллельно по продольной оси щитка. Тела персонажей переданы в профиль, головы обращены друг к другу. Хвосты пропущены меж бедрами зверей и, переплетаясь меж собой в виде S-видного завитка, соединяются в центре композиции. Накладки могильника Сайгатинского-5 дополнительно обработаны фигурным чеканом по лицевой поверхности (и фон, и рельефное изображение). Изделия подвида 2 происходят из погребения 8 Сайгатинского-3 могильника (1 экз.) и погребения 5 Сайгатинского-5 могильника (2 экз.) [Зыков и др. 2004, с. 13; Карачаров 1997, с. 18, 19].

Вид 2 (1 экз.) — с *растительным* декором.

Подвид 1 (1 экз.) — в центральной части орнаментальной композиции изображен цветок (?). Верхняя часть растения представлена в виде двух лепестков, несросшихся, отогнутых вниз, и берущих начало из круга / завязи (?) в центре стебля. Ниже завязи (?) обозначены два сросшихся чашелистика (?), загнутых вверх. В нижней части стебля располагаются листья растения, несросшиеся и отогнутые вниз. Эта накладка обнаружена в погребении 23 могильника Бедеровский Бор-3 [Березовская, с. 11].

Вид 3 (1 экз.) — с *геометрическими* изображениями.

Подвид 1 (1 экз.) — в центральной части композиции изображен прямой крест, обрамленный по краям изогнутыми геометрическими фигурами неправильной формы. В верхней части щитка присутствуют два зеркальных зооморфных / орнитоморфных изображения. Ввиду плохой сохранности данной части накладки, идентифицировать образы проблематично. Изделие происходит из погребения 5 Сайгатинского-5 могильника [Карачаров 1997, с. 18, 19].

Раздел 2. Накладки сердцевидной формы (7 экз.). Изделия широкие; лицевая сторона рельефная, бортики по периметру отогнуты вниз. Край щитка оформлен гладким ободком, повторяющим контур щитка. Нижняя часть изделия украшена фестоном. Декор на щитке вдавлен, фон углублен.

Вид 1 (7 экз.) — с орнитоморфными изображениями.

Подвид 1 (7 экз.) — по центру щитка изображено дерево (?) / растение, вершину которого венчают три лепестка. В нижней части стебля расположены два несросшихся, загнутых вверх, листа. По бокам от стебля / ствола расположены две птицы семейства (голубиных?), держащиеся ногами за стебель / ствол. Накладки этого подвида обнаружены в погребении 44 Сайгатинского-4 могильника (2 экз.) и погребении 23 могильника Бедеровский Бор-3 (5 экз.) [Терехова 1987, с. 16, 17; Березовская, с. 11].

Стиль исполнения накладок роднит последние с украшениями других категорий (подвески в форме рыб), обнаруженных в археологических памятниках Севера Западной Сибири [Серебро древней Югры... 2012, с. 72–75, 92–94; Зыков, Кокшаров 2002, с. 68; Семенова 2001]. Композиционные решения и сюжеты аналогичны орнаментации памятников археологии и истории средневековой Руси [Асташова 2007, с. 141; Бочаров 1984, с. 51–53].

Библиографический список

- Асташова Н. И. Обоймица ножа из раскопок Смоленска // КСИА. М., 2007. Вып. 221. С. 138–145.
- Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947.
- Березовская Н. В. Отчет о работах на грунтовом могильнике Бедеровский Бор III летом 1992 г. Архив МАЭС ТГУ. Д. 1116. Л. 1–20.
- Бочаров Г. Н. Художественный металл Древней Руси X — начало XIII вв. М., 1984.
- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Поселенческо-погребальный комплекс конца XV–XVI в. из Нижнего Приобья // РА. 2002. № 2. С. 67–80.
- Зыков А. П., Карачаров К. Г., Стефанова Н. К., Федорова Н. В. Сайгатинский-3 могильник: комплекс XII–XIV вв. Рукопись. Екатеринбург, 2004. Архив БУ ХМАО-Югры «Музей Природы и Человека». Дело без номера.
- Карачаров К. Г. Отчет о научно-исследовательской работе. Археологические исследования погребальных комплексов в урочище Сайгадино в 1996 г. (раскопки могильника Сайгатинский-5 и обследование могильника Сайгатинский-6). Сургут, 1997. Архив АУ «Центр охраны культурного наследия». Д. 776. Инв. № 1181.
- Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.
- Серебро древней Югры: Каталог. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2012.
- Терехова Л. М. Отчет о раскопках в районе пос. Сайгадино Сургутского района Тюменской области в полевом сезоне 1986 г. Свердловск, 1987. Архив кафедры археологии УрФУ. Т. 2. Ф. II. Д. 429А.

N. G. KOMOVA

**COMPOSITE BELTS' ELEMENTS (THE 14TH–15TH CENTURIES)
FROM THE KHMAO — URGAL AND THE TOMSK REGION INTERMENTS**

The author studied the belt plates (25 pieces) of the 14th–15th centuries from the archaeological sites of the Ob river basin. The result of the study was a classification of the plates, including several groups, categorized by the ornamental pattern of the panel and the plates' shape. The paper offers an analysis of the information obtained in the course of the study of this group of decorative elements.

Natalya G. Komova — Center for the Protection of Cultural Heritage (Russia, Khanty-Mansiysk).
E-mail: Sail2008@yandex.ru

Н. Б. КРЫЛАСОВА

МАСТЕРСКАЯ МЕДНИКА НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ ГОРОДИЩЕ В ПЕРМСКОМ КРАЕ

В 2018 г. на Рождественском городище в Пермском крае частично изучена мастерская медника конца XI–XII вв. На городище изучены многочисленные мастерские, но достоверных фактов наличия медницкого дела не имелось. Анализ медной посуды из Волго-Камья, произведенный К. А. Руденко, позволил гипотетически выделить региональные центры ее производства, в том числе пермский, но конкретные места изготовления оставались не известными. В мастерской медника на Рождественском городище собрана выразительная серия медных заклепок на всех стадиях изготовления, позволяющая детально реконструировать процесс их производства. Очевидно, что мастер специализировался на ремонте медной посуды, но бесспорных фактов, подтверждающих производство посуды в мастерской, пока нет. Но здесь фиксируются все стадии производства, начиная от литья медных заготовок,ковки пластин, раскроя деталей и других признаков, что позволяет это предполагать.

Крыласова Наталья Борисовна — д.и.н., Пермский ФИЦ УрО РАН (Россия, Пермь).
E-mail: n.krylasova@mail.ru

В эпоху средневековья на обширных пространствах Восточной Европы и в Западной Сибири наряду с другими видами утвари присутствует металлическая посуда и, в частности, медные котлы, использование которых начало существенно нарастать с XI в.

К. А. Руденко на основе анализа металлической посуды VIII–XIV вв. из Поволжья и Прикамья, пришел к выводу, что в конце XI–XII вв. наряду с болгарским сложились местные региональные центры производства медной посуды. Среди них автор выделяет и пермский центр, характеризующийся преобладанием цилиндрических котлов с уплощенным дном, достаточно высоких пропорций, очень близких «болгарским» котлам, но указывает, что места их производства не выявлены [Руденко 2000, с. 59].

В 2018 г. при исследовании Рождественского городища в Пермском крае на раскопе VIII площадью 288 кв. м, заложенном в восточной части площадки городища неподалеку от вала, открыта часть мастерской медника, предварительно датирующаяся XI–XII вв. В ее пределах обнаружены многочисленные артефакты, связанные с производственной деятельностью — шлаки, выплески меди и медных сплавов, металлические капли, многочисленные медные пластины (ок. 500 экз.), являющиеся полуфабрикатами и отходами производства, ремесленные инструменты (кузнечный молоток, зубила, бородки) и пр.

Постройка, в которой располагалась мастерская, не отличается ни по параметрам, ни по конструктивным особенностям от жилищ, характерных для Рождественского городища. Не исключено, что под мастерскую была выделена часть жилого дома, где обитал мастер с семьей. Судя по обилию болгарской посуды в пределах постройки, он мог быть выходцем из Волжской Булгарии.

В окрестностях Рождественского городища нет выходов медистых песчаников. В качестве сырья медник, очевидно, использовал черную медь, поступавшую из районов рудных месторождений, и проводил ее рафинирование, о чем, в частности, свидетельствуют обломки как минимум двух металлургических печей с поверхностями, покрытыми стекловидным шлаком. Одна из них была глинобитная, а вторая сложена из толстых стенок преимущественно гончарной болгарской посуды, плотно примыкающих друг к другу и скрепленных толстым слоем шлака.

Технология изготовления медных котлов достаточно хорошо изучена, в том числе, экспериментально [Кузьминых, Семькин 2006, с. 271]. На первом этапе производилась горячая кузнечнаяковка отлитых листовых заготовок. Среди предметов из рассматриваемой мастерской выделяются литые заготовки в виде застывших выплесков меди на плоскую поверхность, а также фрагменты литых листов со следами проковки с краю, возможно, — обрезки, оставшиеся после выкройки кованных пластин.

В мастерской собрана представительная серия деталей котлов и отходов их производства — литая бронзовая дужка для подвешивания котла над огнем, фрагменты ушек, которые соотносятся с котелками типа М-4 (по К. А. Руденко), бытовавшими с XII в., обрезки котлов и их заготовок. Обращают на себя внимание обрезки пластин, на которых имеется нарезка зубцов, среди которых есть не только обрезки изделий с фрагментами швов, но и пластинки с нарезанными зубцами, которые не подвергались дальнейшей обработке. Вероятно, детали будущих котлов выкраивались со значительным припуском, и после их чернового соединения излишки отрезались.

Обрезки либо выбрасывались, о чем свидетельствует насыщенность ими культурного слоя в пределах мастерской, или собирались для последующей переработки. В одной из ям, частично разобранных в пределах мастерской, выявлены остатки деревянного ящика, где содержались металлические отходы (обрезки пластин, капли, выплески металла и пр.), мощность этого скопления составляла 25–30 см. Очевидно, металл собирали для последующей переработки.

В пределах этого скопления и в других частях мастерской собрано около 80 экз. медных заклепок на разных стадиях изготовления, что позволяет проследить весь цикл их производства. Сначала вырезалась ромбическая заготовка из пластины, которая сворачивалась «фунтиком» под нагревом, заведенные внахлест края проковывались. На следующем этапе формировалась шляпка из оставшегося уголка заготовки-ромба. В результате получались конические пустотелые гвоздики длиной 1–2,5 см со шляпкой овально-миндалевидной формы, на которой прослеживается тонкий след загнутого и раскованного уголка. Эти гвоздики являлись полуфабрикатами заклепок, служивших для клепки — «соединения такого типа, когда наложенные друг на друга металлические листы и детали при помощи заклепок соединяются друг с другом. Этот способ использовался как вспомогательный: для крепления деталей сосудов (ушек, ручек и т. п.) или ремонта» [Руденко 2000, с. 18]. В крепежных пластинах с помощью бороздки пробивалось отверстие, куда с лицевой стороны

помещалась заклепка, с изнаночной стороны проводилась расклепка ее конического острия. Мягкая структура пластинчатого острия позволяла расклепать его так, чтобы обеспечить наиболее плотное примыкание соединяемых пластин. Среди многочисленных пластин, найденных в мастерской, присутствует серия пластин с отверстиями, в некоторых из них сохранились заклепки описанного типа. Более крупные из этих пластин в виде прямоугольника со срезанными углами, вероятно, использовались в качестве заплат. Сравнительно небольшие пластины округлой, полуовальной, подпрямоугольной формы могли служить шайбами, обеспечивающими дополнительную надежность клепки.

Открытие на Рождественском городище мастерской медника, важно не только для познания видов и специфики ремесел, развивавшихся на территории Пермского края в эпоху средневековья, но и в целом для изучения специфики средневекового медницкого дела.

Библиографический список

- Кузьминых С. В., Семькин Ю. А. Цветная металлообработка // История Татар с древнейших времен. Казань, 2006. С. 258–271. Т. 2.
Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань, 2000.

N. B. KRYLASOVA

A COPPERSMITH'S WORKSHOP AT THE ROZHDESTVENSKY HILLFORT IN THE PERM REGION

In 2018, a coppersmith's workshop of the end of the 11th–12th centuries was partially studied at the Rozhdestvensky hillfort in the Perm region. Numerous workshops were studied at the hillfort before, however there were no reliable data confirming the presence of the copper smithies at this site. The study of the copper ware from the Volga-Kama region performed by K. A. Rudenko gave reasons for a hypothetic identification of the possible regional copper ware production centers, including the Perm region, however the specific manufacturing spots remained unknown. The coppersmith's workshop at the Rozhdestvensky hillfort contained an impressive assemblage of copper rivets at all stages of production, which allowed a detailed reconstruction of the production process. Apparently, the coppersmith specialized on the copper ware repairs, at the same time we do not yet have any clear indication of the copper ware production in that copper smithy. Nonetheless, all stages of production, beginning from copper blanks casting, plates forging, pattern cutting, etc. were present, which, alongside with some other signs allowed assuming the existence of that trade in the area.

Natalya B. Krylasova – Doctor of Historical Sciences, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the RAS (Perm, Russia). E-mail: n.krylasova@mail.ru

A. B. КУРБАТОВ

ОБУВЬ ПОМОРОВ С КЕМСКОГО ПОГОСТА (ПО РАСКОПКАМ 2017 Г.)

В последние годы активизировались археологические исследования средневековых памятников Русского Севера. Во многом они опираются на результаты архивных изысканий и раскопок О. В. Овсянникова. В этом ряду можно считать и охранные раскопки Кемского погоста 2017 г. В работе рассмотрена кожаная обувь Кемского погоста. Обувь встречена в 28-и погребениях и 6 деталей взяты как подъемный материал. Выделена обувь различных форм — поршни, сапоги, башмаки и погребальные тапки. Встреченная в погребениях Кемского погоста кожаная обувь определено относится к формам XVI в., а сопоставление этих находок с письменными источниками позволяет более уверенно ограничивать время захоронений второй половиной XVI столетия или началом XVII вв. Это — изделия поморского населения Русского Севера.

Курбатов Александр Валентинович — д.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: alkurba@rambler.ru

В последние годы активизировались археологические исследования средневековых памятников Русского Севера. Во многом они опираются на результаты архивных изысканий и раскопки О. В. Овсянникова. В этом ряду можно считать и охранные раскопки Кемского погоста 2017 г.

Кемская волость была основана царским указом 1551 г. [Ключевский 1990, с. 13, 14]. Это означало и появление административного центра — г. Кеми, обустроенного на месте уже существовавшего поселения. Документы 1540-х гг. позволяют говорить о сложении уже Кемского посада и окрестных поселений, достаточных для выделения самостоятельной волости. Поэтому первая деревянная церковь на месте будущего Успенского собора могла быть построена уже во второй четверти XVI в. и имела погост.

Известные события показывают, что деревянная Успенская церковь неоднократно горела и восстанавливалась практически на одном месте. Непосредственный предшественник нынешнего Успенского собора, с двумя приделами, был построен в середине XVII в. и сгорел в 1710 г. Новый храм был заложен в 1711 г., его Успенский придел освящен в июле 1714 г., а полностью собор достроен и заново освящен в 1717 г.

Раскопками 2017 г. было изучено 117 погребений и в 28-и были найдены остатки кожаной обуви. Всего определены 200 кожаных деталей обуви и относящиеся к ним 24 железных гвоздя и 1 прокладка из бересты.

Выделена обувь различных форм — поршни, сапоги, башмаки и погребальные тапки. Среди поршней отмечены два варианта — однодетальные и составные, сшитые из нескольких деталей.

Однодетальные поршни имеют три варианта оформления носка и прорезей для обор. В первом — боковые края имели равномерно расположенные прорезы для кожаной оборы шириной 6–7 мм. Носок и пятка, вероятно, были сшиты нитями.

Другой вариант — парные прорезы (ширина 1,2–1,5 см) для обор, перпендикулярные краю раскоек. При этом ширина кожаных обор не превышает 6–7 мм. Носок оформляли частые полуотрезные полоски кожи, в каждой из которых сделана прорезь для продергивания кожаной оборы. При стягивании полоски разворачивались на 90°, создавая декоративную полосу на подъеме. Углы носка смыкались, образуя соединение краев по оси носка, и сшивались растительной нитью швом «змейка».

Третий вариант — самый простой в исполнении и, можно сказать, небрежный в оформлении. В четырех погребениях найдены фрагменты с небольшими парными отверстиями вдоль края, через которые шнурком обуви стягивали на стопе. Эти поршни кроили из голенищ сапог.

Все варианты оформления поршней встречены в слоях и комплексах эпохи Московского царства (конец XV–XVII вв.) и представлены во многих русских городах [Курбатов 2015, с. 467–470].

Составные поршни. Характерные признаки моделей: 1) наличие отдельной детали подошвы с загнутыми вверх боковинами и сложенными углами носка, 2) подшитые отдельные детали (1 или 2) боковин и 3) особая подтреугольная вшивная деталь в носке, закрывавшая пальцы на подъеме.

«Составные поршни» были специфической обувью народов Русского Севера и Сибири [Курбатов 2007, с. 157 и сл.], что подтвердили материалы заполярной Мангазеи и Вологды [Андрианова, Фёдоров 2012, с. 82–88]. В Кемском могильнике они встречены в трех погребениях. Кроме конструктивного отличия здесь видно использование особого сырья — толстой сыромятной оленьей кожи.

Сапоги. Они найдены в 10 погребениях и хорошо сохранившиеся экземпляры показывают, что они имели достаточно высокие голенища, доходившие до колена и сшитые из двух половин. Верхний край голенищ, скошенный назад, обшивался полосой ткани или кожи шириной 1,5–2,5 см. Возле верхнего края голенища, на его задней половине, имелись два круглых отверстия диаметром 2,5–3 см, расположенные симметрично по бокам. Они служили для захвата пальцами рук верха голенища при надевании сапога [Курбатов 2012, с. 164, 165].

Другая особенность кемских сапог — выкраивание «задника» в одну деталь с задней половиной голенища, что подтверждают швы для крепления кармана задника на внутренней поверхности детали.

В целом, конструкция кемских сапог характерна для XVI в. и описана в материалах русских городов [Курбатов 2015, с. 486, 487]. Такие технические приемы пошива как низкий карман задника, овальная нашивка на него, более яркая окраска (тонировка) поверхности кожи, позволяют предполагать пошив сапог в Новгороде, где сохранялся высокий технический потенциал кожевенного ремесла.

Интересной особенностью сапог служат клейма — тисненные линии на плантарной стороне подошв, встреченные на 2-х парах сапог. Линии сделаны на мерее горячей металлической полосой шириной 1–1,5 мм, возможно обушком ножа. В погребении № 59 в передней части подошвы, по продольной оси проведена линия, не достигающая носка. С двух сторон на нее наложены две изогнутые линии, образуя в плане двояковыпуклую линзу. В погребении № 83 оттиск знака расположен под сводом стопы. Он включает три линии, две из которых расходятся в стороны по направлению к носку, а третья — лежит на продольной оси подошвы.

Башимаки. Они найдены только в одном погребении и, судя по размеру, принадлежали подростку. Конструкция включала остроносуую подошву, загнутую к пятке, головку, одну деталь парных берцов (составляли задник) и 4 кожаных каблучных флика. Не сохранились деревянная основа каблука, его кожаная обшивка и одна деталь берцов. Низкие многочастные модели обуви XVI–XVII вв., подобные кемской находке, известны в Ивангороде, Мангазее, Пустозерске, Москве, Смоленске и других городах.

Погребальные тапки. Специальная «погребальная обувь» также встречена только в одном захоронении. Она имеет прямоугольную раскройку из тонкой (1,0 мм) кожи крупного рогатого скота, с черненной поверхностью. Сшивные регулярные отверстия швов имеются только на коротких противоположных краях раскроек, соответствовавших носку и пятке обуви. В средней части длинных сторон сделаны только по одному прорезу длиной 2,5–3 см на каждой стороне; в них продевались завязки или ремешки, охватывавшие подъем стопы.

Выводы. Встреченная в погребениях Кемского погоста кожаная обувь определенно относится к формам XVI в., а сопоставление этих находок с письменными источниками позволяет более уверенно ограничивать время захоронений второй половиной XVI столетия или началом XVII вв.

Встреченные в погребениях № 59 и 83 подошвы сапог с тисненными знаками позволяют пересмотреть взгляд на традицию клеймения обуви русскими мастерами в сторону ее удревления. Ранее считалось, что клейма на обуви в русских городах появились в первой половине XVII в. Находки в Кемии позволяют пересмотреть вопрос о месте и времени первого клеймения обуви русскими мастерами. Возможно, во второй половине XVI в. это стали делать первыми сапожники в Новгороде.

Библиографический список

- Андрианова Л. С., Фёдоров А. С. Кожаная обувь из раскопок на Кремлевской площади в Вологде // Археология Севера. Череповец, 2012. Вып. 4. С. 82–91.
- Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Собрание сочинений: в 9 т. М., 1990. Т. 8. С. 5–30.
- Курбатов А. В. Этапы освоения Севера в связи с развитием кожевенного ремесла средневековой России // Археологические вести. М., 2007. № 14. С. 157–165.
- Курбатов А. В. Спорные вопросы в изучении кожевенного ремесла средневековой России // Археологические вести. СПб, 2012. № 18. С. 162–173.
- Курбатов А. В. Обувная мода в средневековой Руси // Тверской археологический сборник. Тверь, 2015. Вып. 10, т. 2. С. 467–495.

A. V. KURBATOV

THE POMORS' FOOTWEAR FROM THE KEMSKY GRAVEYARD (BASED ON THE MATERIALS OF THE 2017 EXCAVATIONS)

In recent years, there was an intensification of the archaeological study of the Middle Age sites of the Russian North. In many cases, they were based on the results of the archive research and excavations by O. V. Ovsyannikov. The 2017 salvage excavations of the Kemsy graveyard may also be referred to that category. The subject of the paper is the study of leather footwear from the Kemsy graveyard salvage excavation of 2017. Footwear was found in 28 interments, 6 more elements were represented by surface finds. Several types of footwear were identified, including porshni, high and low boots, and funeral slippers. The footwear from the Kemsy graveyard interments definitely matched the 16th century types, and the comparison of those finds with the written sources allowed narrowing down the time of the burials as the second half of the 16th or the beginning of the 17th century with greater confidence. All items were produced by the Pomor population of the Russian North.

Alexander V. Kurbatov – Doctor of Historical Sciences, Institute of the History of Material Culture of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: alkurba@rambler.ru

E. A. КУРЛАЕВ

«СЕРЕБРО ЗАКАМСКОЕ» И ЛЕТОПИСНАЯ ЮГРА

В отечественной литературе отсутствует упоминание о промышленных разработках месторождений серебра на Урале вплоть до настоящего времени. Отношение у современных историков к «серебру закамскому» было однозначным. В их понимании это была серебряная посуда восточного производства, так как такие изделия регулярно находили на территории Урала и Сибири. По нашему мнению, в древности и средневековье на Северном Урале в районе Североуральска, в том числе югрой, эксплуатировалось месторождение серебристой меди, известное как «серебро закамское». Оно было предметом войн и раздоров, но к началу русской колонизации истощилось, и было заброшено. В XVIII в. содержание серебра в медной руде признали невыгодным для извлечения, тем не менее, было доказано наличие серебра в медной руде.

Курлаев Евгений Анатольевич – к.и.н., Институт истории и археологии УРО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: kurlaev@e1.ru

В отечественной специальной литературе отсутствует упоминание о промышленных разработках месторождений серебра на Урале вплоть до настоящего времени. Вместе с тем источником получения золота и серебра могут быть руды цветных металлов. Поиски золота и особенно серебра на Урале и прилегающих территориях велись столетиями, практически с первых упоминаний о Каменном Поясе в русских летописных источниках. Русские воеводы требовали у местного народа югры пушнину, «узорочье и серебро закамское». В 1193 г., когда новгородская рать подступила к стенам югорского городка, защитники предложили новгородцам откуп: «копим сребро, и соболи и ина узорочьа, а не губите своих смерд и своей дани» [Новгородская первая летопись... 1950, с. 40]. По нашему мнению, в это время югра еще не перебралась в низовья р. Оби, а находилась в районе устья р. Вычегды. Пушнина и серебряные рудники были основными источниками дохода этого летописного народа. В других документах упоминается спор из-за серебра между Москвой и Новгородом. Так, в летописи 1332 г. есть относящаяся к московскому князю Ивану I Даниловичу Калите запись, в которой говорится: «Великий князе Иван приде из Орды и возверже гнев на Новгород, прося у них серебро закамское».

Отношение у современных историков к «серебру закамскому» было однозначным. В их понимании это была серебряная посуда восточного производства, т. к. такие изделия регулярно находили на территории Урала и Сибири. «Известно, что своих серебряных разработок на Урале не было. Безусловно, что «серебро закамское» — это те запасы, прежде всего, древнеиранской посуды и монет, которые на протяжении многих столетий копились на святилищах уральских народов» [Пономарев, Турова 2006, с. 11, 12]. Мы же считаем, что речь в летописях шла о месторождениях серебряной руды.

Народ югра упоминается в русских летописях, начиная с XI в., как данник и упорный противник Новгорода и Москвы. Споры и предположения об истории этого народа возникли еще в XV в. Проблематика югры в дореволюционной историографии обобщена в работах А. А. Дмитриева и М. П. Алексеева. Историки связывали этот летописный народ с предками вогулов (манси) и остяков (ханты), как порознь с каждым, так и вместе. Из летописей известно, что в XI в. югра находилась в Приуралье, а югричи сами с трудом добиралась до гор. В 1364 г. по походам русских, мы узнаем, что югра находится на Оби. Первые же раскопки городищ Перегребное-1 и Шеркалы-1, в месте обитания югры — в Нижнем Приобье, дали материалы XII–XIV вв., характерные для вымской и родановской археологических культур Прикамья. По нашему мнению, материалы с вышеупомянутых городищ и принадлежат летописной югре, переместившейся за Урал в XIII–XIV вв. из района Великого Устюга [Курлаев 1997, с. 102–117].

Одним из основных путей, по которому экспедиции достигали р. Печоры и далее — Уральских гор, был водный маршрут через Пезско-Цилемский волок по р. Цильме. В конце XV в. на р. Цильме, в 20 км от впадения в нее р. Космы, была найдена медная руда. В 1491 г. по приказу Ивана III сюда была организована экспедиция для поиска и разработки медной и серебряной руды. В XVII в. к месторождениям руд на р. Цильме направили не менее 6 экспедиций. Наличие на Цильме не только меди и серебра, но и золота в медной руде подтвердил геолог А. А. Чернов в начале XX в. Другой путь к Уралу пролегал по Вычегде.

В 1617 г. Строгановский крестьянин Яков Литвинов сообщил в Москву о находке меди в берегу р. Камы у д. Григоровой. Я. Литвинов назвал три известных ему района старинных выработок: «дельвали в старину медь в Григоровском выше Орла верст с 30...; дельвали в старину серебро в вогуличах..., а до туда, до вогулич 320 верст...; дельвали серебро в старину в Печерах, тысячи с полторы верст от Орла» [РГАДА. Ф. 365. 1618 г. № 1. Л. 12, 14, 15].

Всплеск интереса к поискам золота и серебра в России приходится на 1670-е гг. Всего в прилегающие к Уралу районы в XVII в. направили около 20 геологоразведочных экспедиций с участием иностранных пробирных мастеров. В 1663 г. в Чердыни организовали экспедицию на Северный Урал. От Чердыни маршрут проходил по одному из известных водных путей, выводящий на восточные склоны Северного Урала «за Поманенную гору, меж Вагран озером на болото». Найденная руда оказалась медной, из которой выходило из пуда 8 золотников серебра.*

Изыскания, начатые в районе Денежкина камня и озера Вагран в XVII в., нашли продолжение и в XVIII в. В 1723 г. в верховья реки Вишеры и в район озера Вагран, к старым копиям, ездили бергсоветник М. Михаэлис и горный офицер А. И. Порошин. Память о поисках серебряных руд сохранялась в народе: одно урочище называлось «серебряным рудником», а скала поблизости — «серебряным утесом».

В середине XVIII в. на Турьинских рудниках были обнаружены и промышленные залежи медной руды с содержанием серебра. Наличие серебра в черной меди Петропавловского завода (ныне г. Североуральск) показали пробы в Екатеринбургской лаборатории. Минимальное содержание серебра в черной меди, экономически выгодное для промышленного извлечения, — 7 золотников в пуде. В 1769 г. на р. Вагран объявили Верхне-Вагранский медный прииск, содержащий и серебро. Однако содержание серебра в меди оставалось крайне бедным: не более $2\frac{3}{4}$ золотника из пуда. В начале 1770-х гг. чистую медь в штыхах отправляли на лигатуру в Петербургский монетный двор, и один раз 2 тыс. пудов серебристой меди с содержанием серебра в 5 золотников вывезли для очистки на Кольвань.

Мы считаем доказанным существование в уральском регионе, по крайней мере, двух центров добычи полиметаллической руды в средневековье — на Цильме и в районе оз. Вагран на Северном Урале — последний мы связываем с летописным «серебром закамским». Основу руды составляла медь, а уже из нее извлекали серебро. К XVII–XVIII вв. рудники истощились, но об них еще помнили и эпизодически пытались возобновить добычу. На истощение этого источника серебра обратил внимание и Н. М. Карамзин [1998, с. 505]. Учитывая существование источника серебристой меди на Северном Урале в древности и средневековье, обращая внимание на наличие серебра в изделиях из бронзы и наоборот меди в серебре, как признака местного производства, а также изобилие серебряных изделий в средневековых культурах Приуралья.

Библиографический список

- Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1998. Кн. 2, т. 4–6.
 Курлаев Е. А. Летописная «югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ? // Урал. ист. вестн. 1997. № 4. С. 102–107.
 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
 Пономарев А., Турова Е. Серебряный след. Вятка, 2006.
 РГАДА. Ф. 365. 1618 г. № 1.

* Золотник — дометрическая мера веса (4,266 г).

E. A. KURLAEV

“TRANS-KAMA SILVER” AND THE ANNALISTIC UGRA

Until recently in the Russian literature on the subject, there was no mention of a commercial development of silver deposits in the Urals. Most historians shared a common opinion with regard to the “trans-Kama silver”. They agreed that it was an oriental origin silverware, because such items were frequently found in the territory of the Urals and Siberia. We believe that in antiquity and the Middle Ages a deposit of argentic copper, known as the “trans-Kama silver” was developed by Ugra and other population groups of the Northern Urals in the area of the modern Severouralsk. It was an object of wars and disputes, however, by the time of the Russian colonization it was depleted and abandoned. In the 18th century the silver content in the copper ore was reported too low for a commercial extraction, nonetheless the presence of silver in the copper ore was confirmed.

Evgeny A. Kurlaev – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: kurlaev@e1.ru

B. A. ЛАПШИН

СТАРАЯ ЛАДОГА И РУССКИЙ СЕВЕР

Роль Ладоги в освоении Севера обычно рассматривается в общем контексте новгородской колонизации. В докладе обосновывается самостоятельная роль Ладоги в колонизации Севера на раннем этапе – в IX–X вв. Только около середины XI в., когда Ладога превращается из самостоятельной политической единицы в пригород Новгорода, она участвует в освоения Русского Севера в общем процессе новгородской колонизации.

Лапшин Владимир Анатольевич – д.и.н., Институт истории материальной культуры РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru

Обычно роль Ладоги в освоении Севера рассматривается в общем контексте новгородской колонизации. Однако, еще А. Н. Насонов писал о том, что Ладога (сейчас с. Старая Ладога) сохраняла самостоятельность относительно Новгорода вплоть до середины XI в. [Насонов 1951, с. 73, 74] и, по-видимому, с ней связан первый этап колонизации, направленной на север [Насонов 1951, с. 93, 104]. Роль Ладоги в освоении Русского Севера в IX–XI вв. подчеркивают Т. А. Бернштам [1978, с. 20–25; 2009, с. 16] и А. Д. Мачинский [Мачинский, Мачинская 1988].

По данным скандинавских саг, относящимся к началу XI в., путники, двигавшиеся из Новгорода, проходили волховские пороги на речных судах, а в Ладоге пересаживались на корабли, предназначенные для морского плавания. Скальд Арнор упоминает о «русских снастях» на корабле Магнуса, сына Олафа (1035 г.) [Рыдзевская 1945, с. 63]. Именно ладожане, имевшие опыт плавания по Ладожскому озеру, могли положить начало традиции морского судоходства на Белом море и далее на восток [Бернштам 1978, с. 25]. При раскопках в Ладоге в слоях второй половины VIII–X в. найдены во вторичном использовании детали как больших дощатых судов с обшивкой в клинкер с помощью заклепок, так и небольших плоскодонных паромообразных судов с обшивкой в стык и лодок-однодревок [Сорокин 1997, с. 26, 27, 80–84; Сорокин, Рябинин 1997, с. 50], что еще раз свидетельствует о роли Ладоги, как перевалочного пункта между морскими и речными путями.

Есть указания на существование раннего пути из Ладоги к Белому морю. Бьярмия (Viarmia, Bjarmaland) — сказочная северная страна скандинавских источников отождествляется с бассейном Белого моря или уже — с южным побережьем Кольского полуострова или устьем Северной Двины [Джаксон 1988]. Обычно саги описывают естественный для норвежцев путь в Биармию вдоль побережья Норвегии на северо-восток. Но в «Саге о Хальвдане, сыне Эйстейна», относящейся к сагам о древних временах, при всей сказочности и условности этого рода произведений, содержатся, по-видимому, реальные сведения о существовании прямого пути из Бьярмаланда в Альдейгьюборг — Ладогу исландских саг [Рыдзевская 1945, с. 64; 1978, с. 85; Насонов 1951, с. 104; Джаксон 1988, с. 63].

Еще одно косвенное свидетельство: древнейшими церквами на Летнем и Поморском берегах Белого моря были церкви св. Климента, имени чрезвычайно редкого для Руси святого [Бернштам 1978, с. 25]. В то же время одной из первых каменных церквей в Ладоге, заложенной в 1153 г., была церковь св. Климента на Земляном городище [Старая Ладога 1948, с. 41; Равдоникас 1945, с. 34, 35; Большаков, Раппопорт 1985].

А. Н. Насонов показал, что приведенные в ПВЛ под 1114 г. рассказы старых ладожан об их дальних походах на северо-восток («суть и еще мужи старии ходили за югру и за самоедь») относятся ко временам Ярослава Мудрого и к середине XI в. Видимо, позднее инициатива полностью перешла в руки новгородцев [Насонов 1951, с. 80].

Главным стимулом проникновения все дальше и дальше на север и северо-восток была добыча ценных мехов с целью их перепродажи по речным путям — «из варяг в греки» и волжскому — в Халифат, Византию и, позднее, по Балтике — и в Западную Европу. Основным объектом обмена, привлекательным для охотников Севера, были качественные железные орудия, прежде всего ножи, изготовленные по высоким технологиям недоступным местному кустарному ремеслу. Благодаря массовому металлографическому изучению железных орудий как финно-угров Поволжья и Предуралья, так и основных центров Северной Руси [Завьялов, Розанова, Терехова 2009; 2012], стало возможным проследить распространение той или иной высокой технологии в различных культурно-исторических общностях.

В эпоху средневековья к высоким технологиям несомненно можно отнести технологию так называемого трехслойного пакета, широко распространившуюся, начиная с IX в., на территории Северной Руси [Там же 2012, с. 7]. Технология трехслойного пакета была выработана в Скандинавии в вендельскую эпоху (VI–VIII вв.), в эпоху экспансии викингов эти изделия появляются в Англии, Ирландии и Северной Руси [Там же 2012, с. 37–53]. В Ладоге технология трехслойного пакета появляется впервые на Руси и преобладает с момента возникновения поселения [Розанова 1994].

О Ладоге как торгово-ремесленном поселении и международном торжище на водных путях можно говорить с середины VIII в. [Давидан 1970; 1977; 1986; Рябинин 1985; Рябинин, Черных 1988; Черных 1989; Кирпичников, Сарабьянов 2012, с. 60]. На «Земляном городище» в Ладоге в 1975 г. была открыта мастерская, связанная с железоделательным производством, и клад кузнечных инструментов, датируемые не позднее 750-х гг. [Рябинин 1985, с. 54–60]. Наиболее близкая аналогия старолadoжскому кладу — клад со дна оз. Мьястермюр (о. Готланд). Наборы инструментов в обоих кладах сближаются не только составом и назначением входящих в них орудий, но и тождеством форм и деталей многих общих типов инструментов [Рябинин 1985, с. 64; Завьялов, Розанова, Терехова 2012, с. 49]. Зафиксированная в Ладоге во второй половине VIII — начале IX в. технология трехслойного пакета очень

быстро распространяется по территории Севера Восточной Европы, вытесняя местные традиционные технологии. Производство таких изделий требовало специальных навыков и знаний, приобретение которых было возможно только в условиях ремесленных центров [Завьялов, Розанова, Терехова 2012, с. 53]. Североевропейский вариант технологической схемы (трехслойное и пятислойное пакетирование) демонстрируют и материалы IX в. Рюрикова городища под Новгородом [Там же 2012, с. 232].

В Новгороде, как и в Ладоге, на начальном этапе — во второй половине X в. среди исследованных ножей доминирует североевропейский технологический вариант, в то время как на памятниках Новгородской земли до X в. инновация в виде технологии трехслойного пакета не фиксируется [Там же 2012, с. 248]. Исследователи отмечают, что «самые ранние изделия из Новгорода демонстрируют высокое мастерство кузнецов, хорошо разбиравшихся в свойствах черных металлов, владеющих сложным механизмом сварки горячего металла. Эти знания не могли возникнуть вдруг. Для их осмысления необходим был длительный период, вобравший опыт не одного поколения» [Завьялов, Розанова 1990, с. 158]. Из сказанного следует, что именно распространение продукции ладожских кузнецов наиболее объективно может документировать ранний (IX–X вв.) этап освоения Русского Севера.

Характер распространения сварных технологий позволяет поставить вопрос о расселении городских ремесленников по узловым торгово-ремесленным поселениям [Терехова и др. 1997, с. 294]. На Северо-Востоке, по крайней мере одно дославянское поселение — Крутик отвечает характеристикам торгово-ремесленного поселения: находки на нем свидетельствуют о высокопрофессиональном ремесле их обитателей, дальней торговле, система которой не укладывается в этнические границы [Носов 1993]. Поселение Крутик, возникшее в земле веси, на р. Шексне — ярко выраженный ремесленный поселок, заселенный кузнецами, бронзолитейщиками и костерезами. Среди кузнечной продукции господствует технология трехслойного пакета. Крутик ориентирован как на ближайшую округу так и на путь на восток, на пушную торговлю. На это указывают, с одной стороны, прикамские, а с другой — скандинавские и прибалтийско-финские импорты [Голубева, Кочкуркина 1991, с. 101–117; Захаров 2012, с. 221–239]. Поселение, датируемое концом IX — началом XI в., возникло на Сухоно-Вычегодском пути, по которому, по крайней мере с рубежа VII–VIII вв., верхнекамские вещи попадали в южную Финляндию и среднюю Швецию [Ryabinin 1986; Белавин 2000, с. 158, 159]. Один из «неволинских» поясов найден в сопке в Старой Ладоге [Петренко 1994, с. 77, 78].

О существовании на поселении Крутик металлургии и железообработки свидетельствует обнаружение горнов и глубоких ям, заполненных шлаками, находки кузнечных инструментов и заготовок ножей. Среди ножей, наряду с изделиями, выполненными в простых технологиях, традиционных для финского мира, количественно преобладают орудия, выполненные по североевропейской трехслойной технологии [Завьялов, Розанова, Терехова 2012, с. 59–63]. Л. А. Голубева допускает присутствие на поселении пришлых мастеров, выходцев из Старой Ладоге или даже Скандинавии [Голубева, Кочкуркина 1991, с. 105, 117].

Пути колонизации Русского Севера на материалах археологических памятников XI–XIII вв. подробно рассмотрены в нескольких монографиях [Макаров 1990; 1997; Макаров, Захаров, Бужилова 2001]. Металлографический анализ орудий свидетельствует о переориентации в течение XI в. кузнечного ремесла с североевропейских на восточноевропейские

технологические схемы, выработанные в древнерусских городских центрах. Если трехслойный пакет преобладает среди ножей, происходящих с памятников X–XI вв. на Шексне [Завьялов, Розанова, Терехова 2012, с. 103], то в могильниках у Волока Славенского — только 4 из 16 ножей изготовлены по технологии трехслойного пакета, при этом все 4 датируются временем не позднее середины XI в. [Завьялов, Розанова, Терехова 2012, с. 174]. В Мининском археологическом комплексе X–XIII вв. на Кубенском озере из 40 ножей только 2 (из могильника Манино II) относятся к трехслойным пакетам. Они происходят из погребений XI в. и, по-видимому, имеют скандинавское происхождение. Большинство изделий изготовлено в восточноевропейской технологии [Розанова 2008; Завьялов, Розанова, Терехова 2012, с. 157, 163].

Характерно, что по времени изменение в технологии изготовления железных орудий, находимых на археологических памятниках Севера, совпадает с превращением Ладоги около середины XI в. из самостоятельной политической единицы в пригород Новгорода. В дальнейшем Ладога участвует в освоения Русского Севера в общем процессе новгородской колонизации.

Библиографический список

- Белавин А. М. Камский торговый путь. Пермь, 2000.
- Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М., 2009.
- Бернштам Т. А. Поморья. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978.
- Большаков Л. Н., Раппопорт П. А. Раскопки церкви Климента в Старой Ладоге // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 111–116.
- Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1991.
- Давидан О. И. О времени появления токарного станка в Старой Ладоге // АСГЭ. 1970. Вып. 12. С. 81–88.
- Давидан О. И. К вопросу об организации костерезного ремесла в древней Ладоге // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 101–105.
- Давидан О. И. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII–X вв. // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 99–105.
- Джаксон Т. Н. Русский Север в древнескандинавских сагах // Культура русского Севера. Л., 1988. С. 58–67.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С. К вопросу о производственной технологии ножей в древнем Новгороде // Материалы по археологии Новгорода. М., 1990. С. 154–186.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. К проблеме этно-культурных взаимодействий. М., 2009.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012.
- Захаров С. Д. Белоозеро // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 212–239.
- Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д. Старая Ладога: первая столица Руси. СПб., 2012.
- Макаров Н. А. Население русского Севера в XI–XIII вв.: по материалам могильников восточного Прионежья. М., 1990.
- Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
- Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура русского Севера. Л., 1988. С. 44–58.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 1951.

- Носов Е. Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 59–78.
- Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994.
- Равдоникас В. И. Старая Ладога // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 30–42.
- Розанова Л. С. К вопросу о технологических приемах изготовления железных изделий из Старой Ладоги в докняжеский период // Новгородские чтения. Новгород, 1994. С. 175–179.
- Розанова Л. С. Технология изготовления предметов из железа // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М., 2008. Т. 2. С. 53–57.
- Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 51–65.
- Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978.
- Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге (Итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 27–75.
- Рябинин Е. А., Черных Н. Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 72–100.
- Сорокин П. Е. Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб., 1997.
- Сорокин П. Е., Рябинин Е. А. Некоторые судовые находки из раскопок в Старой Ладоге // Дивинец Староладожский. СПб., 1997. С. 50–54.
- Старая Ладога. Л., 1948.
- Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Очерки по истории древней металлообработки в Восточной Европе. М., 1997.
- Черных Н. Б. Хронология и стратиграфия нижних горизонтов Староладожского Земляного городища по данным дендрохронологического анализа // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989. С. 201–213.
- Ryabinin E. A. Cultural Links of finno-ugric Tribes in the Middle Ages // Traces of the Central Asian Culture in the North. Memoires de la Societe Finno-ougrienne. Helsinki, 1986. P. 213–222.

V. A. LAPSHIN

OLD LADOGA AND THE RUSSIAN NORTH

The role of Ladoga in the North development was traditionally studied within the general context of the Novgorod colonization. The paper provides arguments in favor of an independent role of Ladoga in the North colonization at an early stage, in the 9th–10th centuries. Only from the period around the middle of the 11th century, when Ladoga turned from an independent political unit into a suburban Novgorod territory, it began to participate in the Russian North development within the general Novgorod colonization process.

Vladimir A. Lapshin – Doctor of Historical Sciences, Institute of the History of Material Culture of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: vladimirlapshin51@yandex.ru

А. А. ЛУКИНЫХ, Е. С. ЩУЛЬКИН

**МНОГОСЛОЙНЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕЛИЩА ЕГИПАМЫНГЛОР 4, 6, 9
НА ВОДОРАЗДЕЛЕ РЕК БОЛЬШОЙ И МАЛЫЙ ЮГАН
(ПО МАТЕРИАЛАМ АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2015–2016 ГГ.)**

В докладе представлены результаты аварийно-спасательных исследований археологического комплекса вблизи оз. Египамынглор в Сургутском районе ХМАО — Югры. Раскопами изучены остатки жилых и хозяйственных построек, а также ям различного функционального назначения. Данные радиоуглеродного датирования, сравнительно-типологический анализ керамической посуды и археологических предметов, на исследованном раскопами участке, позволяют выделить два больших культурно-хронологических горизонта: ранний железный век и средневековье. Нижний горизонт условно может быть разделен на три периода: IV в. до н. э., I в. до н. э. — I в. и III–IV в.; а верхний — VIII в., IX–X в., XI — начало XIII в., XIII–XV в. Наиболее многочисленным и репрезентативным, по общему количеству сооружений и находок, является верхний горизонт — средневековый.

Лукиных Андрей Александрович — ООО НПО «Северная археология-1» (Россия, Нефтеюганск).
E-mail: lukinyh_andrei@list.ru

Щулькин Евгений Станиславович — ООО «Юганская Археологическая Экспедиция» (Россия, Челябинск). E-mail: schu_0988@mail.ru

В 2014 г. в ходе разведочного обследования на территории Сургутского района ХМАО — Югры на правом берегу р. Угутка был выявлен комплекс памятников: 3 одиночные ям-ловушки, 5 групп ям-ловушек и 4 селища. Объекты располагаются вдоль восточного края низкой террасы, образованной оз. Египамынглор и вытекающим из него безымянным ручьем [Виноградов, Кочегов 2016, с. 332, 338]. На момент выявления, центральную часть террасы пересекал строящийся коридор коммуникаций. Зафиксированная площадь разрушений на территории памятников составляла около 9 000 кв. м. В 2015–2016 г. под руководством А. А. Лукиных, М. С. Никулина, Н. Е. Труновой, Е. С. Щулькиной были проведены комплексные археологические раскопки группы ям-ловушек Египамынглор 3 и селищ Египамынглор 4, 6 и 9. Общая площадь раскопок составила 7 306 кв. м.

Раскопами № 1–2 исследовано более 70 % территории селища Египамынглор 4. Несмотря на то, что северная часть памятника повреждена в ходе строительства высоконапорного водовода, в раскопе № 1 удалось зафиксировать средневековые наземные и слабоуглубленные постройки, различные ямы и остатки долговременного жилища полуземляночного типа глубиной до 0,4 м (сооружения № 1, 1.1, 2, 3, 5, а также ямы 1, 2, 5, 8 и 12). В керамическом комплексе преобладают сосуды кучиминского, вожпайского и кинтусовского типов. Результаты датирования угля по ^{14}C обгоревших деревянных конструкций и центральной части очага в котловане сооружения № 1 — $972 \pm 35 \text{ BP}$, $994 \pm 25 \text{ BP}$, $865 \pm 25 \text{ BP}$ (SPb-1884, 1888, 1890). Абсолютный возраст проб в сооружении № 2 составляет $1256 \pm 35 \text{ BP}$ (SPb-1887), в сооружении № 5 — $1057 \pm 25 \text{ BP}$ (SPb-2427).

Раскопом № 2 практически полностью изучена южная и юго-восточная часть селища Египамынглор 4. Сооружения № 6, 7 и 9 составляют комплекс слабоуглубленных хозяйственных построек, связанный с металлообработкой. Вещевой инвентарь сооружения № 6 представлен обломком литейной формы, бронзовой серьгой, металлическими пряжками и др. Датировка проб угля из заполнения сооружения № 6 — $1260 \pm 35 \text{ BP}$, $1287 \pm 40 \text{ BP}$

(SPb-1880, 1885), сооружения № 7 – 1060 ± 25 BP (SPb-2428). Сооружение № 8 – слабоуглубленная (не более 0,1 м) постройка с каркасно-столбовыми элементами. На уровне пола найдены два фрагмента пастовых бусин. Образцы угля из заполнения котлована постройки датированы 949 ± 25 BP (SPb-1882).

Раскопом № 1 в южной части селища Египамынглор 6 изучено слабоуглубленное жилище подквадратной формы с очагом в центральной части и элементами каркасно-столбовых конструкций, а также три хозяйственных ямы. Основная масса керамической посуды отнесена к вожпайскому типу (археологической культуре) [Карачаров 2006, с. 136–143]. Следует отметить, что сосуды № 1 и № 4 отличаются по морфологическим признакам и орнаментации, вероятнее всего, они относятся к кучиминскому типу (третья группа керамики) [Зыков 2012, с. 82, 83]. Среди вещевого инвентаря выделяется бронзовая пряжка с зооморфным изображением. Аналогичные предметы широко известны на территории Нижнего и Среднего Приобья, большинство из них датируется IX–X в. [Семёнова 2001, с. 84, табл. 52, табл. 59].

В пределах раскопа № 1 на селище Египамынглор 9 исследовано 7 сооружений. Объекты № 8–12 не фиксировались в рельефе и были выявлены в ходе раскопок. Сооружение № 1 – руинированное наземное жилище с очагом в центральной части. Анализ керамических сосудов, обнаруженных в сооружении № 1, культурном слое и под обваловкой сооружения № 2, позволяет выделить две группы: кучиминский и кинтусовский тип. Сооружение № 8 прорезает очаг в сооружении № 1, нарушая целостность слоев последнего. По форме, размерам и характеру заполнения сооружения № 2 и № 8 очень схожи. Данные объекты, видимо, являются могильными ямами более позднего периода, о чем свидетельствуют две «лапчатых» и крестовидных подвески, зафиксированные в нижней части заполнения сооружения № 2. По многочисленным аналогиям из погребальных комплексов в Сургутском Приобье находки могут быть датированы XIII–XV в. [Зыков 2012, с. 208; Семёнова 2001, с. 61–63, табл. 43, с. 77–79, табл. 49, 59; Чемякин, Карачаров 2002, с. 63; Борзунов, Корочкова, Стефанов 2013, с. 157, 160–174]. Сооружения № 9, 10, 11 и 12, вероятнее всего, являются могильными ямами более ранних периодов. Установить возраст фрагментов деревянных конструкций оказалось возможным только для сооружения № 10 – 1985 ± 30 BP (SPb-2436).

Результаты раскопок и натурное обследование прилегающих памятников, границы которых установлены с высокой степенью условности, позволяют предположить, что выявленные в ходе разведки 2014 г. 3 одиночные ямы-ловушки, 5 групп ям-ловушек и 4 селища представляют собой единый археологический комплекс площадью около 85 000 кв. м.

Библиографический список

- Борзунов В. А., Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Аварийные исследования средневекового Сайгатинского IV могильника в 2009 г. (раскоп 5) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2013. Вып. 11. С. 142–197.
- Виноградов А. С., Кочегов Е. И. Археологические исследования на территории Вандрасско-Юганской ландшафтной провинции в Нефтеюганском и Сургутском районах ХМАО – Югры в 2014–2015 гг. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2016. Вып. 14. С. 329–344.
- Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.
- Карачаров К. Г. Вожпайская археологическая культура // Урал. ист. вестн. 2006. № 14. С. 136–149.
- Семёнова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.

V СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (ХАНТЫ-МАНСКИЙ, 11–14 ДЕКАБРЯ 2019)

Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: материалы к атласу. Екатеринбург, 2002. С. 44–65.

A. A. LUKINYH, E. S. SCHULKIN

**MULTILEVEL MIDDLE AGE SETTLEMENTS EGIPAMYNGLOR 4, 6, AND 9
AT THE WATERSHED OF THE BOLSHOY AND MALY YUGAN RIVERS
(BASED ON THE MATERIALS OF THE SALVAGE EXCAVATIONS OF 2015–2016)**

The paper presents the results of the salvage excavations of the archaeological complex near Egipamynglor lake in the Surgut district, KhMAO – Urga. The excavation studied the remains of the residential and the economic structures, as well as several pits of different functional purpose. The radiocarbon dating and the comparative-typological study of pottery and archaeological items at the excavated section of the site allowed identifying two large cultural and chronological horizons, i. e. the early Iron Age and the Middle Ages. The lower horizon could be conventionally divided into three periods: the 4th century BC, the 1st century BC – the 1st century and the 3rd–4th centuries; and the upper – the 8th century, the 9th–10th century, the 11th – the beginning of the 13th, 13th–15th centuries. The richest and the most representative in terms of the total number of structures and finds was the upper horizon, the Middle Age one.

Andrei A. Lukinyh – LLC RPA “Northern Archaeology-1” (Russia, Nefteyugansk). E-mail: lukinyh_andrei@list.ru
Evgeny S. Schulkin – LLC “Yugansk Archaeological Expedition” (Russia, Chelyabinsk).
E-mail: schu_0988@mail.ru

Д. А. МАЙСТРЕНКО

**ГЛИНОБИТНАЯ ПЕЧЬ ИЗ ПОСТРОЙКИ СО СТОЯНКИ ГЛУБОКОЕ ОЗЕРО I —
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ**

В работе рассматривается глинобитная печь из промысловой постройки (охотничья избушка) XVII–XIX вв., исследованная на стоянке Глубокое озеро I в среднем течении р. Вишера. Подобные печи известны по этнографическим данным, но описываемые в этнографии промысловые постройки коми-пермяков XVII–XIX вв. прежде не изучались археологами. Эти материалы позволяют более аргументировано связать этнографические данные промыслового быта коми-пермяков с археологическими данными. Архаичные традиции домостроительства промысловых построек позволяют проследить эволюцию очагов Прикамских жилищ I–II тыс. н. э.

Майстренко Дмитрий Алексеевич – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь). E-mail: dmitry.perm@gmail.com

В 2009 г. отрядом Камской археологической экспедиции под руководством автора было обследовано среднее течение р. Вишеры с целью поиска новых памятников археологии [Майстренко, Мельничук 2009, с. 428]. Этот район является компактной зоной проживания Язьвинской группы коми-пермяков, сохранивших язык и национальное самосознание [Чагин 1995, с. 122].

Стоянка Глубокое озеро I располагается на восточном берегу одноименного озера, в 4,5 км к северо-востоку от с. Усть-Язьва и в 0,5 км от правого берега р. Вишеры, на мысу, образованном заболоченной курьей, соединяющей старичное озеро с руслом реки. Площадка памятника представляет собой ровную боровую террасу, поросшую редким сосновым лесом.

В разведочном раскопе площадью 16 кв. м. были выявлены остатки примитивной глинобитной печи. Она находилась в возвышении высотой до 0,5 м. Покрывающие печь слои развалились вокруг печи, когда истлел ограничивавший ее сруб. На уч. Г/6 в данных слоях обнаружен развал гончарного сосуда. В середине на глубине -0,17–0,2 м находилась плита из прокаленной глины, окруженная темно-серым песком. На плите был развал гончарного сосуда. На уч. Д/6-7 зафиксировано углубление с плоским дном, заполненное темным подзолистым песком с примесью угля, вероятно бывшее полом строения. В нем были найдены глиняная плита, аналогичная описанной выше, развал керамического сосуда и точильный камень.

Под слоем лесной подстилки зафиксированы слои покрытия печи из обожженной глины. В середине под покрывающими слоями прослежен слой темного песка с керамической плитой. Ниже залегал прокаленный песок, ограниченный с обеих сторон серым песком с примесью угля и прокаленного красного песка.

Следов деревянных конструкций в профиле печи обнаружить не удалось. Это связано с особенностями местных песчаных грунтов, в которых плохо сохраняется дерево, а также с особенностями постройки печи. Размеры печи, вероятно, не превышали 1,2 x 1,2 м.

Подобные печи известны по этнографическим данным. Вплоть до середины XX в. печь в лесных избушках топилась в основном по-черному *сьёд пач* (черная печь). Место для очага *бинур* представляло собой сруб в 2-3 венца высотой 40–70 см, засыпанный землей. На *бинур* находилась либо печь каменка *горья пач*, либо глинобитная печь *вартё пач*. Глинобитная печь делалась на каркасе, представляющем собой дуги из гибких жердочек, концы которых были воткнуты в место для очага, с продольными ребрами из таких же жердочек. Каркас обмазывали глиной, при разведении огня он выгорал, а глина обжигалась. Для выхода дыма в углу за печью делалось отверстие *дымёвёлёк*, закрывавшийся деревянной крышкой или подушкой из тряпки. Размеры очага не превышали 1,4 x 1,4 м, находился он обычно в дальнем от двери углу [Конаков 1983, с. 38]. *Вёр керка* по этнографическим данным представляла собой простейший тип постройки — однораздельный четырехугольный сруб без подклети с односкатной или двускатной крышей. Такого типа жилища имеют самое широкое распространение, они используются для временного проживания или в качестве хозяйственного помещения [Белицер 1958, с. 220] размерами 3 x 3 м или 3,5 x 3,5 м. Сруб ставился прямо на землю без фундамента. Снаружи под одной с избой крышей находились сени *посводз* [Конаков 1983, с. 39].

Е. М. Черных прослеживает эволюцию глинобитных печей от очагов на глинобитных подушках-основаниях в Прикамских жилищах I тыс. н. э. с появлением глинобитных печей в постройках родановской культуры [Черных 2008, с. 82]. Традиции ведения хозяйства коми-пермяков передавались из поколения в поколение и вырабатывались на протяжении многих веков. Новшества и изменения вводились довольно редко из-за нехватки рабочей силы, недостатка ресурсов, а также удобства, практичности и простоты изготовления многих элементов. Эти причины привели к сохранению многих архаичных черт быта коми-пермяков. Таким образом, более поздние сооружения могут продемонстрировать особенности хозяйств более раннего периода, в особенности временные жилища. [Конаков 1983, с. 35].

Предметы материальной культуры представлены фрагментами гончарной керамики от 3 сосудов, обнаруженных в слоях, относящихся к печи и заполнению пола. Стоит отметить, что сосуды изготовлены грубо и имели следы ручной формовки и заглаживания.

Кроме керамики был обнаружен точильный камень со следами проточки различными металлическими предметами. Материал памятника имеет широкие границы датировок конец XVII–XIX вв. Кроме того, в сером подзолистом слое встречены 2 фрагмента лепной керамики, орнаментированные гребенчатым штампом, и пластинчатый отщеп, относящиеся к более раннему времени.

Изученный комплекс является глинобитной печью охотничьей избушки и наглядно иллюстрирует этнографические данные о промысловом быте и хозяйстве, сложившемся в северных регионах, ориентированных на охоту и рыбалку, в отличие от южных регионов, где эти занятия носили подсобный характер [Чагин 1995, с. 123]. Эти материалы позволяют более аргументировано связать этнографические данные промыслового быта коми-пермяков с археологическими данными.

Библиографический список

- Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов Коми XIX–XX вв. М., 1958.
 Конаков Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1983.
 Майстренко Д. А., Мельничук А. Ф. Обследование археологических памятников в среднем течении р. Вишеры в пределах Красновишерского района // Регионы России: экономика, культура, история: материалы междунар. науч.-практ. конф. Березники, 2009. С. 427–431.
 Чагин Г. Н. Природная среда и особенности культурно-бытовых традиций народов среднего Урала в середине XIX – начале XX в. // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995. С. 122–139.
 Черных Е. М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск, 2008.

D. A. MAISTRENKO

A COB OVEN FROM A HOUSE AT GLUBOKOE OZERO I CAMP — AN ARCHAEOLOGICAL ILLUSTRATION OF THE ETHNOGRAPHIC DATA

The paper presents a study of a cob oven from a seasonal camp structure (hunters' cabin) of the 17th–19th centuries at the Glubokoe Ozero I camp site in the middle reaches of the Vishera river. Ovens of that type have been known from the ethnographic data, however the 17th–19th century seasonal camp structures of the Komi-Permyaks described in ethnographic sources were never before studied by the archaeologists. These materials allowed providing better argumentation for connecting the ethnographic data of the Komi-Permyak hunters' life with the archaeological materials. The archaic house-building traditions observed in the seasonal camp structures allowed tracing the evolution of the Kama houses hearths of the 1st–2nd millennia AD.

Dmitry A. Maistrenko – Perm State National Research University (Russia, Perm).
 E-mail: dmitry.perm@gmail.com

Л. Д. МАКАРОВ

ОСОБЕННОСТИ СЛАВЯНО-РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО ПРИКАМЬЯ

Географические особенности Северного Прикамья и их влияние на расселение славян. Соперничество новгородцев и ростовцев за земли Русского Севера. Русская колонизация Средней Вятки, создание волостей, формирование вечевых структур Вятской земли и их особенности. Взаимодействие выходцев из Древней Руси с населением бассейна Чепцы: проблемы источниковедения. Верхнекамский регион — арена борьбы Новгорода и Северо-Восточной Руси. Признаки формирования полиэтничной государственности «Пермь Великая — Чердынь», оформление удельного княжества.

Макаров Леонид Дмитриевич — д.и.н., Удмуртский государственный университет (Россия, Ижевск).
E-mail: arch@uni.udm.ru

Северные районы Прикамья занимают подзону южной тайги, характеризующуюся господством хвойных и мелколиственных лесов, подзолистыми и болотистыми почвами, неблагоприятным климатом с низкими среднегодовыми температурами, что и позволяет отнести данную территорию к числу зон рискованного земледелия. Эти географические особенности, безусловно, сказались на процессах славяно-русской колонизации рассматриваемых земель. Первые славянские поселения XII–XIII вв. появляются в соседних регионах как к западу от Прикамья (на Унже, верхней Ветлуге), так и к северу от него (верховья Северной Двины, бассейн Вычегды). За обладание этими землями развернулось ожесточенное соперничество между новгородцами и ростовцами, сопровождавшееся вооруженными схватками и постройкой крепостей и городов на стратегически важных путях, ведущих в Прикамье. Таким образом, заселение северных прикамских территорий осуществлялось выходцами из новгородских и ростовских владений, но также через Волго-Окское междуречье и низовья Камы из более южных земель Руси.

Наиболее ранним регионом славянского заселения в Северном Прикамье стала Средняя Вятка. Судя по сведениям местных письменных источников («Сказание о вятчанех», «Повесть о стране Вятской»), в конце XII в. (1181 г.) появляются новгородские отряды, которые вместе с оказавшимися здесь славянами, финнами и местными пермскими племенами составили Никулицынскую, Котельничскую, Пижемскую и Лебяжско-Уржумскую волости. Этот древнейший период вятской истории иллюстрируется и археологическими материалами (лепная и раннекруговая керамика, украшения, предметы вооружения, технологические схемы изготовления инструментов и бытовых предметов, языческие и православные подвески).

Общинный характер вятских волостей сомнений не вызывает, также, как и вечевые традиции в управлении ими. Батыево нашествие вынудило представителей этих достаточно самостоятельных волостей на общем вече объединиться в единое государство с общей столицей. В итоге возникает народоправство с вечевой формой правления — Вятская земля с центром в г. Вятке (Хлынове). Особенности ее государственного устройства нам более или менее известны только для середины XV в.: в одной из грамот митрополита Ионы на Вятку (около 1452 г.) перечислены должностные лица — земские воеводы, а также ватаманы и подвойские. Судя по всему, такая же властная структура существовала на Вятке и в более раннее время.

Высшее положение занимали земские воеводы, известные на Руси в княжествах X — начала XIII вв. во главе земских народных ополчений, избираемые на вече и поэтому более зависимые от общины, нежели от князя. Именно они олицетворяли собой высшее руководство Вятской республики, являясь и военачальниками ополчения. Ватаманы выполняли менее ответственные командные функции, подвойские ведали судебными делами.

Обращаю внимание, что описанная структура власти отсутствовала в других вечевых республиках Руси — Новгороде и Пскове. В 1489 г. независимость Вятки была ликвидирована, она стала частью централизованного государства.

Особое место на севере Прикамья занимал бассейн р. Чепцы, в верхнем и среднем течении которой были сосредоточены памятники чепецкой культуры IX–XIII вв., содержавшие и древнерусские находки. Отдельные артефакты и заимствованные технологии свидетельствуют о вероятном проживании славян на чепецких поселениях уже в X–XI вв. В течение XII в. на Чепце наблюдается переориентация торговли на русские земли. Переход новгородского отряда с Камы на Вятку по р. Чепце в 1181 г., судя по вятским письменным источникам, сопровождался захватами аборигенных поселений, что, как будто, подтверждается археологическими наблюдениями и фольклорными данными. В конце домонгольского периода на чепецких памятниках появляется древнерусская керамика — бесспорный признак проживания здесь славяно-русского этноса, тесно связанного с пермским компонентом. Возможное зарождение элементов государственности на Чепце было прервано в результате Батыева нашествия.

Верхнее Прикамье, место расселения пермских племен, оставивших родановскую культуру, было даннической территорией Новгорода Великого в XI–XIII вв. Уже в это время сюда проникает импорт из Древней Руси, представленный славяно-финно-скандинавскими и западноевропейскими находками, выявленными на более чем 55 памятниках региона. В конце домонгольского — начале ордынского периодов фиксируется инфильтрация сюда русского и коми-зырянского населения с соответствующими предметами материальной культуры — керамикой, языческими и православными подвесками, украшениями, бытовыми вещами и вооружением, обнаруженными на 25 памятниках региона. Это стихийное переселение в летописях не отражено. Однако известен поход владими́ро-суздальского войска из «Юстьюга на верх Камы» в 1220 г. в ответ на набег волжских болгар 1219 г. на Устюг и Унжу, в ходе которого русские воины спустились до устья Камы и «взяста по ней много градков». Этот поход, по-видимому, закрепил претензии владими́ро-суздальских князей на верхнекамские владения новгородцев. Столетие спустя, в 1324 г. московский князь Юрий Данилович во главе русского объединенного войска прошел тот же путь: из Устюга «поиде... в Орду, а шел на Пермь Великую и поиде по Каме реке». Его брат Иван Калита фактически берет Верхнюю Каму под свой контроль, проведя серию соответствующих правовых действий в 1328–1333 гг. Дмитрий Иванович (Донской) окончательно закрепляет регион за Московским великим княжеством. Массовое заселение русскими этого региона началось в конце XIV — начале XV в., когда возникают первые города — Анфаловский, Соликамск, Чердынь, Искор.

Судя по источникам, в Верхнем Прикамье формируется полиэтничное раннефеодальное образование, известное как «Пермь Великая — Чердынь» — народоправство, что прямо связано с новгородскими истоками великопермской государственности. В 1451 г. вечевому устройству Перми Великой был положен конец: «...Князь великий Василей Васильевич

на Пермскую землю наместника от роду верейских князей Ермолая, ...а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню». В настоящее время славянская принадлежность великопермских князей вновь поставлена под сомнение. В 1505 г. Пермь Великая, как удельное княжество, была ликвидирована.

L. D. MAKAROV

SPECIFICS OF THE SLAVIC-RUSSIAN COLONIZATION OF THE NORTHERN KAMA REGION

Geographic characteristics of the northern Kama region and their influence on the Slavic groups settlement. The competition between the Novgorod and the Rostov population for the Russian North lands. The Russian colonization of the Middle Vyatka, the establishing of the *volost* administrations, the formation of the *veche* (popular assembly) structures in the Vyatka land and their specifics. The contacts between the descendants of the Ancient Russ population and the Chepts basin population: source study problems. The Upper Kama region – the arena for the struggle between Novgorod and the North-Eastern Russ. Signs of the formation of a polyethnic statehood “Great Perm – Cherdyn”, the establishing an appanage principality.

Leonid D. Makarov – Doctor of Historical Sciences, Udmurt State University (Russia, Izhevsk).
E-mail: arch@uni.udm.ru

К. В. МОРЯХИНА

ХРОНОЛОГИЯ БРАСЛЕТОВ ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ*

В статье представлено 8 хронологических групп браслетов, происходящих из средневековых памятников Пермского Предуралья (VII–XV вв.). В ходе исследования было рассмотрено 294 браслета. Датировка изделий была установлена с учетом даты по монетам, сопутствующего материала в закрытых комплексах, датировки по аналогиям. В результате был сделан вывод о том, что браслеты наиболее характерны для VIII–XI вв. На этот период приходится 90,8 % браслетов. В X–XI вв. данные украшения максимально разнообразны по способу декорирования, а также наряду с литыми и коваными браслетами появляются торсированные и витые. С конца XI в. браслеты редко встречаются на памятниках, особенно в могильниках, что может быть связано с изменением погребального обряда или «выходом из моды» украшения запястья. При этом браслеты по-прежнему разнообразны как по технике изготовления, так по оформлению декора.

Моряхина Кристина Викторовна – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь). E-mail: kmoryaxina@mail.ru

Разработка хронологии объектов материальной культуры – один из важнейших вопросов археологии. Датирование отдельных категорий предметов, в том числе украшений, затруднено в виду ограниченности применения методов абсолютного датирования (редкая встречаемость монет в закрытых комплексах, отсутствие возможности провести радиоуглеродное датирование), плохой сохранностью слоя в результате как человеческого, так и природного фактора.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 19-49-590004 «Культурно-хронологическая идентификация средневековых могильников Пермского Предуралья (VII–XV вв.)» (рук. Д. В. Шмуратко).

В данной статье выделены хронологические группы браслетов, встречающихся на памятниках Пермского Предуралья VII–XV вв. Датирование отдельных вариантов браслетов было проведено с учетом даты по монетам, сопутствующего материала в закрытых комплексах, датировки по аналогиям [Моряхина 2019, с. 156–168].

Всего было исследовано 294 браслета.

Группа 1 – VIII–XI вв. (90 экз.):

– дрововые овальные в сечении без дополнительных элементов (63 экз.; городище Анюшкар, могильники Агафоновский I и II, Баяновский, Деменковский, Запосельский, Каневский, Мало-Аниковский, Огурдинский, Плесинский, Пыштаинский, Редикарский, Рождественский, Степаново Плотбище, Телячий Брод, Урынский);

– дрововые овальные в сечении с уплощением на концах (19 экз.; городище Анюшкар, могильники Агафоновский II, Баяновский, Деменковский, Редикарский, Рождественский, Степаново Плотбище);

– пластинчатые кованые без дополнений браслеты (18 экз.; могильники Агафоновский I и II, Баяновский, Деменковский, Запосельский, Рождественский, Степаново Плотбище, Урынский).

Группа 2 – VIII–X вв. (39 экз.):

– пластинчатые кованые с отогнутыми концами браслеты (36 экз.; могильники Аверинский II, Баяновский, Важгортский, Деменковский, Запосельский, Каневский, Плесинский, Редикарский, Степаново Плотбище, Телячий Брод);

– пластинчатый литой с изображением медведей на концах (1 экз.; Агафоновский I могильник);

– пластинчатые, вырезанные по шаблону, с прямыми концами (2 экз.; Запосельский могильник);

Группа 3 – IX–X вв. (6 экз.): дрововые овальные в сечении с отогнутыми концами (могильники Каневский, Пыштаинский).

Группа 4 – X в. (77 экз.):

– дрововые овальные в сечении с кружковым орнаментом (14 экз.; могильники Баяновский, Запосельский, Плесинский, Рождественский, Степаново Плотбище, Телячий Брод);

– дрововые овальные в сечении с кружковым орнаментом и уплощением на концах (5 экз.; Рождественское городище, могильники Агафоновский II, Баяновский);

– дрововые восьмигранные в сечении (31 экз.; Баяновский могильник, Редикарский клад);

– витые с обкладкой на концах (2 экз.; могильники Баяновский, Загарский);

– пластинчатые кованые с расширяющимися концами (3 экз.; Рождественское городище, Рождественский могильник);

– дрововые четырехгранные в сечении (8 экз., городища Анюшкар, Саламатовское I, могильники Баяновский, Мало-Аниковский, Плесинский, Степаново Плотбище, Редикарский клад);

– пластинчатые кованые с граненым уплощением на концах (11 экз.; могильники Баяновский, Запосельский, Плесинский, Степаново Плотбище);

– дрововые овальные в сечении с раскованными концами (2 экз.; могильники Баяновский, Редикарский);

– витой со вставкой на концах (1 экз.; могильник Степаново Плотбище).

Группа 5 – X–XI вв. (55 экз.):

– дровые овалы в сечении с приостренными концами (9 экз.; городища Дойкарское, Саламатовское I, могильники Агафоновский II, Баяновский, Горт-Кушет, Рождественский, Степаново Плотбище);

– дровые линзовидные в сечении (1 экз.; Рождественский могильник);

– дровые трехгранные в сечении (4 экз.; Рождественское городище, могильник Рождественский, Огурдинский);

– пластинчатый литой без дополнений (6 экз.; Рождественское городище, могильник Рождественский, Степаново Плотбище);

– пластинчатые литые с желобками (16 экз.; Рождественское городище, Кудымкарское селище, могильники Рождественский, Мало-Аниковский, Огурдинский, Степаново Плотбище);

– пластинчатый кованый с кружковым орнаментом (1 экз.; Рождественский могильник);

– торсированные (3 экз.; Рождественский могильник, Редикарский клад);

– дровые шестигранные в сечении браслеты (8 экз.; могильники Баяновский, Рождественский, Степаново Плотбище);

– пластинчатый литой с изображением змей на концах (1 экз.; Агафоновский II могильник);

– дровые овалы в сечении с обкладкой на концах (3 экз.; могильник Степаново Плотбище);

– пластинчатые вырезанные по шаблону, с расширяющимися концами (3 экз.; Огурдинский могильник).

Группа 6 – XI–XII вв. (7 экз.):

– браслеты плетеные с раскованными концами (2 экз.; Агафоновский II могильник, местонахождение у с. Верх-Язьва);

– пластинчатые кованые с округлым расширением на концах, декорированные желобками и кружковым орнаментом (5 экз.; городища Анюшкар, Рождественское, Саламатовское I, могильники Агафоновский II, Рождественский).

Группа 7 – XI–XIII в. (15 экз.):

– браслеты пластинчатые кованые с геометрическим орнаментом (2 экз.; городища Рождественское, Саламатовское I);

– пластинчатые кованые с завернутыми в спираль концами (2 экз.; городища Рождественское, Саламатовское I);

– пластинчатые кованые с округлым расширением на концах (3 экз.; Купросское городище, Калининское селище, Рождественский могильник),

– створчатые (2 экз.; Кырдамское городище, местонахождение д. Сартакова),

– перевитые из 2–4 проволок с прямыми концами (XII–XIII вв.; 1 экз.; могильник Горт-Кушет);

– в виде стержня с обмоткой (1 экз.; городище Саламатовское I);

– пластинчатые кованые с округлым расширением на концах, украшенные зерно-сканым декором (4 экз.; Купросское городище, могильник Степаново Плотбище, Чупинский клад, один происходит из коллекции Теплоуховых, место нахождения которого неизвестно).

Группа 8 – XIII в. (5 экз.):

– браслеты пластинчатые литые с завернутыми в спираль концами, декорированные желобками (4 экз.; Саламатовское городище);

– пластинчатый литой с геометрическим орнаментом (1 экз.; селище Телячий Брод).

Таким образом, период широкого распространения браслетов в Пермском Предуралье приходится на VIII–XI вв. Пик встречаемости отмечается в X–XI вв., в это время браслеты характеризуются многообразием форм и декора. Браслеты в XII–XV вв. встречаются в единичных экземплярах, как правило, на поселенческих памятниках. Стоит отметить, что для браслетов, происходящих с памятников Пермского Предуралья, отсутствуют такие хронологические признаки, как ширина браслета, форма окончаний браслета.

Библиографический список

Моряхина К. В. Украшения рук средневекового населения Пермского Предуралья: дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2019.

K. V. MORYAKHINA

BRACELETS CHRONOLOGY BY THE MATERIALS OF THE MIDDLE AGE SITES OF THE PERM CIS-URALS

The article describes eight chronological groups of bracelets originating from the Middle Ages sites of the Perm Cis-Urals (the 7th–15th centuries). The studied assemblage consisted of 294 bracelets. All items were dated taking into account the dates on the coins from the accompanying materials in the closed complexes, as well as the dating by analogy. The author came to a conclusion that most of the bracelets were characteristic for the 8th–11th centuries. 90.8 % of all bracelets belonged to that period. In the 10th–11th centuries the methods of these jewelry items decoration were most varied, also, alongside with the cast and forged bracelets, there appeared the twisted and braided items. Beginning from the end of the 11th century the bracelets rarely occurred in archaeological sites, especially in interments, which could be related to changes in the funeral rituals, or simply the fact that the bracelets fell out of fashion. At the same time, the bracelets were still quite varied both in terms of the manufacturing techniques and the ornamentation patterns.

Kristina V. Moryakhina — Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russia).
E-mail: kmoryaxina@mail.ru

A. M. МУРЫГИН

О ВЫДЕЛЕНИИ ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

Сравнительно-типологический анализ керамической посуды эпохи железа из Субарктической и Арктической зоны северо-востока Европы позволил выделить здесь не менее двух разных традиций, на формирование которых оказали влияние археологические культуры западносибирского ареала. Очерчен круг соответствующих им археологических комплексов второй половины I тыс. до н. э. — первой половины II тыс. н. э., предположительно соответствующих этно-территориальным локальным группам, в число основных дифференцирующих признаков которых входили особенности естественно-географической среды обитания и природно-ресурсного потенциала.

Мурыгин Александр Михайлович — к.и.н., Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Россия, Сыктывкар). E-mail: alek-murygin@yandex.ru

С момента первоначального поступления археологических материалов из циркумполярного Севера Печорского Приуралья и до середины 1990-х гг., знания о древностях северных областей основывались, как правило, на сборах подъемного материала и редких раскопках в различных частях Мало- и Большеземельской тундры (Г. А. Чернов и др.). Однако за последние 30–35 лет были исследованы и частично или практически полностью введены в научный оборот как известные, так и новые археологические памятники, в том числе, эпохи железа (И. Б. Барышев, О. В. Овсянников, В. В. Питулько, А. М. Мурыгин, В. С. Стоколос, Л. П. Хлобыстин).

Несмотря на слабую и неравномерную археологическую изученность территории, увеличение объема источниковой базы позволило разграничить казавшийся более или менее однородным массив данных. Анализ, в основном, керамической посуды дал возможность выявить существование в эпоху железа в тундрах крайнего северо-востока Европы не менее двух локальных групп населения.

Первая из них известна по неукрепленным поселениям и жертвенным местам, расположенным преимущественно по берегам рек и озер в континентальной, частью в прибрежно-береговой полосе Большеземельской тундры, а также на о-ве Вайгач. Материальные остатки этих памятников идентифицируют их как принадлежащих культуре *субарктического типа* [Мурыгин 1992]. В их числе — жертвенные места на р. Море-ю (Хэйбидя-Пэдара) и, возможно, на о-ве Вайгач (Болванский нос I, II), исследованные раскопками на различной площади поселения Море-ю II, Хутьюнкое I, Коматывис I, Мыс Входной, Карпова Губа, Салиндейты 3, многочисленные разрушенные стоянки. Близкие аналогии находятся на ямальских памятниках эпохи железа.

На керамике второй половины I тыс. до н. э. — середины I тыс. н. э. (*типы Море-ю и Хутьюнкосе*) прослеживаются следующие общие признаки: 1) утолщенная шейка; 2) ямочно-гребенчато-каннелированный стиль орнаментации; 3) овальные или с заovalенными концами зубчатые оттиски; 4) многозональность в украшении шейки; 5) использование в композиции удвоенного или окаймляющего зигзага; 6) разделение узоров на шейке на две зоны; 7) нанесение узоров в стыке каннелюр, между каннелюрами и в каннелюре; 8) общий характер узоров, состоящих из наклонных, вертикальных оттисков, горизонтальных линий, зигзага.

Более поздняя керамика (*тип Коматывис*; вторая половина I н. э. — рубеж I–II тыс. н. э.), продолжающая традиции предшествующей, характеризуется следующими признаками: 1) утолщенная шейка; 2) кроме чашевидных, в числе реконструированных — горшковидные сосуды с уплощенным и митровидные с округло-приостренным дном, есть сосуды на поддонах; 3) внутренний участок шейки орнаментирован; 4) специфическим узором на шейке являются два ряда многозубых печатных или сочетание многозубых печатных и удлиненно-гладких вдавлений; 5) для орнаментации плечиков характерны горизонтальные линии гребенки, зубчатый зигзаг, арочно-ногтевой гладкий узор, округлые и сегментовидные гладкие вдавления, кругло-крестовый штамп, треугольные фестоны в конце орнаментальной зоны. На отдельных сосудах прослежены каннелюры, оттиски отступающего зубчатого (узкого прямого, широкого овального или подпрямоугольного) и фигурного штампа.

Вторая группа населения тяготела к долине Заполярной Печоры. Она представлена памятниками *новоборского типа* второй половины I — первой половины II тыс. н. э.

[Мурыгин, Кленов 2015; Мурыгин 2016]. К ним относятся: городища Новый Бор I–IV (XII–XIII вв. н. э.), Ортинское (VI – начало XI вв. н. э.), Кобылиха (вторая половина I – первая половина II тыс. н. э.), Гнилка городище VI–X вв. н. э. и святилище VI–XIII вв. н. э., поселение Денисовский Шар (XII–XIII), Коткино I (первая четверть II тыс. н. э.) и Югорская сопка (V–VII вв. н. э.). Аналогичные комплексы пока не известны в сопредельных районах таежной и тундровой зоны Европейского Северо-Востока.

Они образуют нижнепечорский ареал средневековых памятников с разновременной, но практически однотипной керамикой, наличием явных следов металлообработки и металлургии, в том числе, железоделательного производства, единичными находками древнерусской керамики в поздних материалах. Для них характерно расположение на естественно труднодоступных участках берега (Югорская сопка), наличие укреплений в виде валов и рвов (Ортино, Гнилка, Кобылиха, возможно Новый Бор I, II, IV) или обозначение жилой площадки неглубокой канавой и внутренней насыпью (Новый Бор III). К признакам основной части керамического комплекса относятся сосуды с равноутолщенной прямой или отогнутой шейкой, сосуды горшковидной формы и поддоны, грубое заглаживание стенок в виде глубоких широких расчесов; в орнаменте – вертикальные фестоны и оттиски фигурных штампов, каннелюры, многозональность в украшении венчика, тщательность нанесения узоров.

Таким образом, имеющаяся на сегодня источниковая база дает основание для выделения на территории тундровой зоны северо-востока Европы и примыкающих районов крайне северной печорской тайги не менее двух этнокультурных образований. Жизненный уклад первого из них, археологически представленного памятниками субарктического типа, был приспособлен к обитанию не только большей частью в континентальных районах Большеземельской и Ямальской тундр, но и на их прибрежно-береговых участках и островах (о. Вайгач). Население, оставившее археологические памятники новоборского типа, обитало в лесотундровом ландшафте широкой долины Нижней Печоры. Способ деятельности этих коллективов определялся в значительной степени, видимо, условиями проживания вблизи главной водной магистрали Северного Приуралья на пограничье с типичной тундрой.

Пока отсутствуют доказательства прямой связи континентально-тундровых и нижнепечорских археологических памятников эпохи железа с какой-либо из известных западносибирских культур. С другой стороны, большеземельская керамическая посуда демонстрирует общее сходство с угорским, самодийским или угро-самодийским кругом обско-печорских археологических культур, что указывает на участие последних в формировании коллективов Большеземельского Севера. Однако на данном этапе исследования, мы не можем ни отрицать, ни утверждать того, что западносибирская «вуаль» на памятниках эпохи железа припечорских тундр является результатом миграции в представительных количествах, разовым проникновением или результатом многовековой инфильтрации в автохтонную среду, слиянием с предшествующими поколениями и адаптацией к специфичной среде обитания в высоких широтах.

Библиографический список

- Мурыгин А. М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М., 1992.
Мурыгин А. М. Арктический регион крайнего северо-востока европейской части России в эпоху средневековья // Археология Арктики. Калининград, 2016. Вып. 3. С. 183–203.

Мурыгин А. М., Кленов М. В. Новые археологические исследования комплекса Новый Бор III в Печорском Заполярье // Изв. Коми НЦ УрО РАН. 2015. № 3 (23). С. 119–131.

A. M. MURYGIN

ON DISTINGUISHING THE LOCAL IRON AGE POPULATION GROUPS IN THE FAR NORTH-EAST OF EUROPE

Comparative typological analysis of the Iron Age pottery from the Subarctic and the Arctic zone of the northeast of Europe allowed distinguishing at least two different traditions, the formation of which was influenced by the archaeological cultures of the West Siberian area. We have outlined the range of the corresponding archaeological complexes of the second half of the 1st millennium BC – the first half of the 2nd millennium AD, presumably associated with the ethno-territorial local groups, the main differentiating characteristics of which included the specifics of the natural geographic environment and the natural resource potential.

Alexander M. Murygin – Candidate of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktyvkar). E-mail: alek-murygin@yandex.ru

С. Г. ПАРХИМОВИЧ

РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕРЕЗОВСКОГО ПОСАДА

В докладе освещаются результаты раскопок на участке посада Березовского городища, где были исследованы остатки 22 построек XVII – начала XX вв. Материалы раскопок содержат ценную информацию о материальной и духовной культуре населения одного из первых русских городов Северо-Западной Сибири.

Пархимович Сергей Григорьевич – ООО НПО «Северная археология-1» (Россия, Нефтеюганск). E-mail: par18@yandex.ru

В 2018 г. экспедицией НПО «Северная археология-1» (Нефтеюганск) были завершены раскопки на посаде Березовского городища, расположенного в исторической части п.г.т. Березово ХМАО. В раскопе площадью 216 кв. м., расположенном рядом со зданием музея, где толщина культурных напластований достигала 2,5 м, были исследованы остатки 22 построек, залегавшие в шести строительных ярусах. Согласно данным дендрохронологического и нумизматического анализов, ярусы отложились в интервале от середины XVII в. до 1930-г гг. Под ленточно-столбовым фундаментом амбара (?) конца XIX – начала XX вв. (верхний ярус) залегали ярусы с постройками второй половины XVII–XVIII вв. Все постройки погибли в пожарах, после которых новые возводились непосредственно на остатках сгоревших, повторяя прежнюю планировку. Такая преемственность, с одной стороны, объясняется тесной посадской застройкой, а с другой, – межполенной трансляцией строительных традиций.

Всего выявлено восемь усадеб: по две на втором–пятом строительных ярусах, две одиночные постройки на нижнем шестом ярусе.

В ходе раскопок были собраны 8885 предметов от 6102 различных изделий и коллекция палеоэкологических материалов, состоящая из 11408 костных остатков животных и 15 образцов культурного слоя с археоботаническим материалом.

Около половины коллекции артефактов составили изделия из органических материалов — дерева, кожи, шерсти, кости, растительных волокон и даже веществ животного происхождения — воска и шелкового волокна, которые сохранились достаточно хорошо, благодаря консервирующему воздействию на них навоза, насыщающего культурный слой, а также многолетней мерзлоты в нижних слоях.

Очень разнообразная по видовому составу (более 150 видов) коллекция изделий наглядно характеризует образ жизни обитателей исследованных построек, традиционную материальную культуру рядового населения одного из первых русских городов на севере Западной Сибири в XVII–XVIII вв. и некоторые стороны духовной культуры.

Значительную часть коллекции составляют собрания разнообразной посуды — керамической, деревянной и берестяной. Среди берестяных емкостей — 13 фрагментов с прорезными узорами, 10 с тиснеными и 163 сосуда с выскобленными композициями, характерными для обско-угорской орнаментальной традиции, что свидетельствует о тесных обменных контактах жителей Березова с аборигенным населением или даже о проживании отдельных представителей последнего на березовском посаде.

Обилие разнообразных орудий труда, инструментов, приспособлений и снастей характеризуют основные хозяйственные отрасли, домашние ремесла и рукоделия:

- рыболовство «документируется» десятками грузил и поплавок от сетей и неводов и рыболовных крючков;

- активные занятия охотой — 196 предметами, в числе которых стрелы, железные, костяные и деревянные наконечники стрел, детали луков, самострелов и ловушек на пушного зверя;

- домашние рукоделия и ремесла — 148 предметами, среди которых десятки швейных игл, шилья, наперстки, обувные колодки, веретена, распялки для шкурок пушных зверьков и т. п. Уникальной находкой для сибирского города середины XVII в. является берестяное лекало для выкройки перчаток.

Специфику культуры северного сибирского города отражает набор транспортных средств — весла обласов, лыжи, детали нарт и саней, детали оленьей и собачьей упряжи — всего 106 предметов.

Обширную информацию о костюмах жителей посада содержат представительные коллекции предметов одежды (619 ед.) и обуви (391 ед.). В коллекции предметов одежды преобладают фрагменты кроя из шерстяных тканей, среди прочих — вязаные и тканевые рукавицы и чулки, медные, стеклянные и костяные пуговицы, плетеные пояса и кожаные ремни. Редкими для жителей посада были дорогие одежды из китайского шелка — 9 фрагментов в слоях XVII — начала XVIII вв., среди которых особенно ценной находкой являются три фрагмента атласа с композицией из фигур оленей, выполненной золотным шитьем.

В собрании кожаной обуви широко представлены различные фасоны — повседневные и «выходные» для взрослых и детей: туфли без каблуков, туфли и сапоги на низких каблуках, сапожки на высоких наборных кожаных и деревянных резных каблуках, архаичные поршни — цельноскроенные и детальюскроенные.

Излюбленными украшениями были стеклянные бусы, медные и бронзовые перстни. Единственное серебряное украшение — мужской перстень с гравировкой на щитке.

В нумизматической коллекции (91 ед.) — 19 серебряных и медных денег и копеек конца XVI–XVII вв., отчеканенных при Иване IV Грозном и царе Алексее Михайловиче Романове,

58 монет XVIII в., 1 — XIX в. и 5 — начала XX в. Кроме них, — фальшивая монета XVII в. из олова и латунный нюрнбергский жетон XVII в.

В числе прочих находок:

— многочисленное (87 предметов) собрание деревянных резных и точеных из дерева и мамонтового бивня шахматных фигур (третья по численности коллекция шахматных фигур XVII–XVIII вв. в России после мангазейской и алазейской, из низовьев Колымы, коллекций);

— две резные деревянные фигурки домовых, аналоги которым имеются только среди фигурок XII в. из раскопок Великого Новгорода;

— значительное (14 экз.) собрание архаичных культовых деревянных резных фигурок коней — так называемых коников, известных в материалах из раскопок Великого Новгорода и Мангазеи;

— уникальной находкой является кожаный ружейный чехол с тисненым орнаментом, найденный в постройке второй половины XVII вв.;

— редчайшей находкой для русских сибирских городов является и первая на Березовском городище берестяная грамота середины XVII в. с резным текстом, что, наряду с найденными в слоях второй половины XVII в. и нач. XVIII в. кожаной орнаментированной обложки книги, двух керамических чернильниц и очиненного гусиного пера, свидетельствует о наличии на посаде грамотных людей.

Объективную информацию о хозяйстве и характере промыслов посадского населения дали результаты остеологического изучения археозоологической коллекции, согласно которой основой питания жителей посада было мясо крупного рогатого скота и северного оленя. Дополнением к рациону служили мясо свиньи, лося, зайца, птиц — гуся, утки, белой куропатки и рыба (предпочтение отдавалось осетру и щуке). Добыча пушнины в костном материале представлена неадекватно, т. к. в город поступали шкуры зверя — найдены единичные кости лисицы, песца, россомахи и бурого медведя. Широко практиковался сбор дикоросов — ягод и кедрового ореха. Из привозных продуктов отмечены овес и лесной орех — лещина.

По объему и разнообразию материалов Березовское городище сопоставимо с материалами из масштабных раскопок Мангазейского городища, существенно дополняя наши знания о материальной и духовной культуре населения первых русских городов Северо-Западной Сибири. Мангазейский культурный слой содержит информацию о начальном периоде русской колонизации края — с 1601 по 1672 гг., в то время как березовский характеризует культуру города на протяжении XVII — начала XIX вв., демонстрируя, с одной стороны, общность культурных традиций русских переселенцев, а с другой, — своеобразие адаптации к местным условиям.

S. G. PARKHIMOVICH

EXCAVATIONS IN THE TERRITORY OF BEREZOVO SUBURB

The presentation will cover the outcomes of the excavations in a residential suburb of Berezovo hillfort where the remains of 22 buildings of the 17th – early 20th centuries were studied. The materials of the excavations contained valuable information about the material and spiritual culture of the population of the first Russian towns in the North-West Siberia.

Sergey G. Parkhimovich — LLC RPA “Northern Archaeology-1” (Russia, Nefteyugansk).
E-mail: par18@yandex.ru

А. В. ПЛЕХАНОВ

ЛОКАЛИЗАЦИЯ АРЕАЛА КЕРАМИКИ ТИУТЕЙСАЛИНСКОГО ТИПА

По мере расширения географии исследований и накопления фактического материала встают вопросы об уточнении времени и месте бытования тех или иных социумов. Одним из культурных маркеров в древности и средневековье в частности является керамическая посуда. Выделенный в 1968 г. Л. П. Лашуком новый тип керамики нижнеобской археологической культуры по впервые найденным фрагментам на мысе Тиутей прочно закрепился в археологической литературе под названием тиутейсалинский. На современном этапе исследований данный тип керамики локализуется в пределах Ненецкого и Ямало-Ненецкого округа, включая в себя Большеземельскую, Ямальскую тундры, Полярный Урал, образуя при этом Трансуральскую заполярную зону в V–VII вв. н. э. Исследования последних лет показали распространение данного типа керамики и на соседнем полуострове Гыданский.

Плеханов Андрей Владимирович – Научный центр изучения Арктики (Россия, Салехард).
E-mail: andrei_plehanov@mail.ru

Первый археологический памятник на полуострове Ямал был обнаружен в 1928 г. экспедицией В. П. Евладова к северу от поселка Харасавэй, на мысу Тиутей («Моржовый») – «холм сихиртя». Мыс Тиутей весной 1929 г. обследовал В. Н. Чернецов, по обнаруженным артефактам и фрагментам посуды стоянка была датирована кон. I – нач. II тыс. н. э. [Чернецов 1957, с. 123].

На восточном побережье полуострова Ямал в 1960-х гг. Л. П. Лашуком было открыто городище у бухты Находка [Лашук 1968, с. 182, 183]. Именно он в своей работе вводит понятие тиутейсалинский тип керамики, отнесенный ранее В. Н. Чернецовым к оронтурскому этапу нижнеобской археологической культуры, существовавшей, по его мнению, не позднее VI–IX вв. [Чернецов 1957, с. 194].

Размеры сосудов варьируются от совсем маленьких до горшков 25–30 см в диаметре. Толщина стенок колеблется от 4 до 14 мм, чаще всего 7–8 мм. Орнамент, как правило, группируется в верхней трети и занимает шейку с плечиками. Края сосудов и срезы обычно украшены узором. Ниже зоны шейки можно наблюдать вертикально свисающие ленты, выполненные «отступающей» лопаточкой или фигурным штампом. Для сосудов типичны валик с поперечной насечкой гребенкой или с оттиском круглой «отступающей» лопаточки и широкий пояс по шейке, выполненный так же гребенкой или другими штампами и в том числе «змейкой». Отмечается сильно утолщенный край среза венчика. Отличительной чертой является наличие «копытного», «стреловидного», овального и овально-ромбического рубчатого штампа [Чернецов 1957, с. 194].

Аналогичный тип керамики на сегодняшний день зафиксирован в следующих археологических памятниках: Юнета-яха 13, Мутная 5, Сёяха 1, Понтей-то 1, Ярте 6, Тиртяяха 1, Торато 2, Малая Хадыта VI, Нероюн 1, Пясадэй-яха 2, Хэтосё 1, Яр-Сале 1, Халщынейсаля 1, Югорская Сопка. [Багашев, Волков 2004; Зах, Рябогина, Иванов 2005; Каган, Питулько 1993; Кардаш, Гайдакова 2017; Плеханов 2013; Скочина, Еньшин 2017; Федорова, Косинцев, Фитцхью 1998; Хлобыстин 1966].

Первые абсолютные даты памятников на полуострове Ямал были получены в ходе раскопок Л. П. Хлобыстина на стоянке Малая Хадыта VIa – 1115 ± 40 н.э. Следующая серия дат получена Н. В. Федоровой с Тиутей-Сале из заполнения 3-х жилищ и производственной

площадки: IV–VI, VI–VII, XI–XV вв. [Федорова, Косинцев, Фитцхью 1998, с. 66]. Полученные даты позволяют соотнести керамические комплексы с кон. V – кон. VII вв.

На современном этапе исследования рассмотренные материалы позволяют установить западную точку распространения тиутейсалинского типа на Городецком озере Ненецкого автономного округа Архангельской области, северную – на мысу Тиутей полуострова Ямал, восточную на озеро Торато Гыданского полуострова. Южная граница распространения керамики тиутейсалинского типа не опускается ниже широты полярного круга с концентрацией памятников в районе посёлка Яр-Сале на полуострове Ямал. За счет новых исследований стало возможным расширение ареала на северо-восточном направлении после исследования новых памятников на Гыданском полуострове.

Библиографический список

- Багашёв А. Н., Волков Е. Н. Новые материалы к археологической карте Гыданского полуострова // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2004. Вып. 5. С. 214–218.
- Зах В. А., Рябогина Н. Е., Иванов С. И. Исследования на Ямале у пос. Новый Порт // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2005. Вып. 5. С. 223–226.
- Каган М. М., Питулько В. В. Этнокультурные процессы I тыс. н. э. в трансуральском Заполярье // Ad Polus. Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 10. С. 103–109.
- Кардаш О. В., Гайдакова З. Г. Бухта Находка-2: первые результаты археологического изучения грунтового могильника VI–XIII веков на полуострове Ямал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2017. Т. 23. С. 331–335.
- Лашук Л. П. «Сиртя» – древние обитатели субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 178–193.
- Плеханов А. В. Ямальская Арктика в эпоху средневековья: памятники в зоне типичной тундры // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всерос. науч. археол. конф. Екатеринбург; Сургут, 2013. С. 157–166.
- Скочина С. Н., Еньшин Д. Н. Археологические исследования на Северо-Западном побережье Гыданского п-ова // I Междунар. конф. «Археология Арктики». Тезисы докл. Салехард; Екатеринбург, 2017. С. 40–43.
- Федорова Н. В., Косинцев П. А., Фитцхью В. В. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий северо-западного Ямала в железном веке. Екатеринбург, 1998.
- Хлобыстин Л. П. Исследования на Севере Западной Сибири // Археологические открытия 1966. М., 1967.
- Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. МИА. 1957. № 58. С. 136–245.

A. V. PLEKHANOV

THE TIUTEISALINSKI TYPE CERAMICS AREAL LOCALIZATION

The expansion of the geography of research and the accumulation of factual material pose new questions requiring the clarification of the time and place of the existence of certain societies. One of the culture markers in antiquity and the Middle Ages was pottery. The identified in 1968 by L. M. Lashuk new type of pottery of the Lower Ob archaeological culture based on the first sherds discovered at the Tiutei cape, has since been commonly referred to in the archaeological literature as the Tiuteisalinski type ceramics. At the current stage of research, this type of pottery is localized within the territory of the Nenets and the Yamal-Nenets Provinces including the Bolshezemelskaya and the Yamal tundras, and the Polar Urals, forming the Trans-Urals transpolar zone of the 5th–7th centuries AD. Recent studies demonstrated the presence of this type of pottery also at the neighboring Gydan peninsular.

Andrey V. Plekhanov – Scientific Center for the Study of the Arctic (Russia, Salekhard).
E-mail: andrei_plekhanov@mail.ru

Ю. А. ПОДОСЁНОВА, Н. Г. БРЮХОВА

НОВЫЕ НАХОДКИ СЕРЕБРЯНЫХ ЩИТКОВОСЕРЕДИННЫХ ПЛАСТИНЧАТЫХ ПЕРСТНЕЙ В МАТЕРИАЛАХ ПЛОТНИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА РОДАНОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Предлагаемая вниманию статья продолжает цикл работ, посвященных исследованию техники изготовления серебряных щитковосерединных пластинчатых перстней. В ней раскрыты особенности техники изготовления перстней из материалов Плотниковского могильника XII–XV вв. н. э. (раскопки 2015–2018 гг.). Анализ техники изготовления дал возможность определить основные формообразующие операции при производстве украшений (вырезание по шаблону, расковка металлического прута) и ведущие технические приемы декорирования изделий (основные орнаментальные элементы наносились гравировкой разными способами, дополнительное декорирование производилось с помощью нанесения позолоты и черного сплава). Изделия были выполнены из сплава с высоким содержанием серебра.

Подосёнова Юлия Александровна — к.и.н., Пермский ФИЦ УрО РАН (Россия, Пермь).

E-mail: podosenka@yandex.ru

Брюхова Наталья Геннадьевна — Пермский ФИЦ УрО РАН (Россия, Пермь).

E-mail: nat-bryukhova@yandex.ru

Щитковосерединные пластинчатые перстни из серебра, бытовали на территории Пермского Предуралья и на соседних территориях (Волжская Болгария, Республика Коми, Зауралье и Западная Сибирь) достаточно продолжительный период времени — XI–XIV вв. Эти изделия долгое время связывали с мастерскими Волжской Булгарии [Белавин 2000; Федорова 1991, с. 5–10; Савельева 2011, с. 89–97]. Но в последнее время вопрос об их происхождении был поднят снова [Руденко 2010, с. 357–360; Брюхова, Подосёнова 2015, с. 304–311; Адамов 2014, с. 44–49]. Опираясь на анализ орнаментальных мотивов, форму щитка, картографический и количественный анализ, исследователи выдвигают разные, иногда противоположные точки зрения. Однако для решения вопроса о месте изготовления данного круга изделий метод внешних аналогий недостаточен. Необходимо опираться на технические данные, которые могут характеризовать различные ювелирные центры, чтобы установить, к какому из них относится определяемое изделие. В дальнейшем при сопоставлении всех полученных данных (внешних и технических) при исследовании изделий данного круга с различных территорий мы сможем определить их происхождение.

Предлагаемая вниманию публикация продолжает цикл исследований по технике изготовления щитковосерединных перстней с чернью и позолотой, встреченных в материалах памятников Пермского Предуралья, в частности Плотниковского могильника родановской археологической культуры [Брюхова, Подосёнова 2015, с. 304–311]. Этот памятник является одним из немногих известных некрополей на территории Пермского Предуралья, относящихся к периоду позже XII в. В настоящее время памятник датируется концом XII — началом XV вв. [Крыласова, Брюхова 2017, с. 6, 7].

Серебряные щитковосерединные пластинчатые перстни являются одной из наиболее интересных категорий находок могильника. В ходе полевых археологических работ 2010–2014 гг. было обнаружено 10 перстней, технология изготовления которых исследована и опубликована [см.: Брюхова, Подосёнова 2015, с. 304–311; Крыласова, Брюхова 2017, с. 116–118]. Полевые археологические изыскания 2015–2018 гг. позволили пополнить коллекцию данного круга изделий еще на 7 экз.

Пять изделий имеют щиток квадратной или прямоугольной формы (погр. 115, 109, 155, 156, 157 (№3)), два изделия имеют щиток шестиугольной формы (погр. 154, 157 (№5)). По особенностям орнамента щитка, на основе классификации, предложенной А. А. Адамовым, выделяются следующие типы:

а) орнамент имитирует витой шнурок из двух нитей (1 экз., погр. 115, тип 15 по А. А. Адамову [2014, с. 47, рис. 1/15]);

б) с косым крестом в основе орнамента (тип 13 по А. А. Адамову [2014, с. 47, рис. 1/13]), крест покрыт насечками и позолочен (1 экз., погр. 109);

в) с косым крестом, пересекающим овал или окружность (тип 16 по А. А. Адамову [2014, с. 47, рис. 1/16], крест пересекает одну или две окружности (2 экз., погр. 155, 156);

г) с изображением сдвоенных трилистников, симметрично расположенных на плоскости щитка и разделенных пояском из линий, точек, косых насечек (1 экз., погр. 157 (№3), тип 2 по А. А. Адамову [2014, с. 47, рис. 1/2]);

д) трилистник («крин»), вписанный в круг с выступами (2 экз., погр. 154, 157 (№ 5), тип 1 по А. А. Адамову [2014, с. 47, рис. 1/1]).

Исследование химического состава металла рассматриваемых перстней (кроме изделий из погребения 157), проведенное с помощью рентгенофлуоресцентного анализа (РФА-анализатор Bruker S1) показало, что все они были изготовлены из сплава с повышенным содержанием серебра (Ag-Cu, Ag-Cu-Pb, где Ag более 90 %).

Визуальное поверхностное изучение изделий с помощью увеличительных приборов (Levenhuk DTX 500 Mobi) позволило выделить основные технические приемы изготовления изделий данного круга.

По основным формообразующим операциям выделяется две группы перстней:

а) изготовление основы украшения способом расковки металлического прута прямоугольного сечения и последующей доработки до окончательной формы,

б) изготовление основы украшения способом вырезания его контура из тонкой металлической пластины.

Нанесение орнамента на изделия осуществлялось несколькими приемами:

а) с помощью гравировки с линейным и зигзагообразным шагом (погр. 115, 155, 156);

б) с помощью гравировки с линейным и зигзагообразным шагом, процарапыванием по поверхности металла (погр. 109);

в) с помощью гравировки с зигзагообразным, прерывистым шагом (погр. 154, 157 (2 экз.)).

На отдельные элементы орнамента была нанесена позолота способом амальгамирования (погр. 109, 115, 156, 155).

На отдельных изделиях фиксируются следы чернения. Чернь была как фоновой для отдельных элементов орнамента (погр. 154, 109), так и контурной, которая накладывалась в углубления орнамента (погр. 155).

На данный момент можно говорить о том, что перстни из погр. 154 и 157 (№ 3, 5) отличаются орнаментом и технологией изготовления от остальных перстней данного могильника. Аналогии данным перстням можно найти в древностях Волжской Булгарии.

В дальнейшем сравнение всего массива серебряных щитковосерединных пластинчатых перстней, происходящих с территорий Зауралья и Западной Сибири, Волжской Болгарии, Республики Коми, Пермского Предуралья, с учетом технических особенностей позволит раскрыть вопрос о происхождении данных изделий.

Библиографический список

- Адамов А. А. Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Труды КАЭЭ. Пермь, 2014. Вып. 9. С. 44–49.
- Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000.
- Брюхова Н. Г., Подосёнова Ю. А. Перстни «болгарского» типа из материалов Плотниковского могильника родановской археологической культуры: технология изготовления // Изв. Самар. науч. центра РАН. Самара, 2015. Т. 17, № 3. С. 304–311.
- Крыласова Н. Б., Брюхова Н. Г. Плотниковский могильник // САИ. Пермь, 2017. Вып. 4. С. 116–118.
- Руденко К. А. Этнокультурные контакты народов Западной Сибири и Поволжья в X–XV вв. по находкам художественного металла // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010. С. 357–360.
- Савельева Э. А. Торгово-экономические связи Перми Вычегодской с Волжской Болгарией // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2011. Вып. 3 (7). С. 89–97.
- Федорова Н. В. Художественный металл Волжской Болгарии // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки к 70-летию отдела Востока. Л., 1991. С. 5–10.

JU. A. PODOSENOVA, N. G. BRYUKHOVA

NEW FINDS OF SILVER SIGNET FINGER RINGS IN THE MATERIALS OF PLOTNIKOVSKY BURIAL GROUND OF THE RODANOV ARCHAEOLOGICAL CULTURE: MANUFACTURING TECHNOLOGY

The paper continues the cycle of publications on the study of the silver signet finger rings manufacturing technique. It describes the specific techniques used for the manufacturing of signet finger rings from the materials of the Plotnikovsky burial ground of the 12th–15th centuries (the excavations of 2015–2018). The analysis of the manufacturing technique allowed to identify the main shaping operations in jewelry production (cutting out a pattern, and a metal rod spreading), as well as the main decoration techniques (various types of engraving of the basic ornamental elements and additional decoration by means of gold plating and black alloy application). All items were made from a high silver content alloy.

Julia A. Podosenova – Candidate of Historical Sciences, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the RAS (Russia, Perm). E-mail: podosenka@yandex.ru

Natalya G. Bryukhova – Perm Federal Research Center, Ural Branch of the RAS (Russia, Perm). E-mail: nat-bryukhova@yandex.ru

3. В. ПРУСАКОВА

К ВОПРОСУ О ВЕРХНЕЙ ДАТЕ ЖАЛЬНИЧНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДА ДРЕВНЕЙ РУСИ

В настоящей работе рассматриваются средневековые археологические памятники северо-западной территории Древней Руси. Жальничные могильники появляются на этой территории на рубеже XI–XII вв. Захоронения в них были совершены в могильных ямах с каменными кладками по обряду ингумации, есть ранние захоронения по обряду трупосожжения (XI в.). Использование этого обряда погребения прослеживается по археологическим материалам этих памятников и в последующие века – XIII–XVI вв. – первой половине XVII вв. Эти традиции продолжали существовать в первой половине XVII в. – при царе Михаиле Федоровиче и его сыне – царе Алексее Михайловиче, данный факт определяет верхнюю дату существования этих памятников.

Прусакова Зоя Васильевна – Государственный Эрмитаж (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: prusakova-herm@mail.ru

В докладе рассматриваются археологические памятники северо-западной территории Древней Руси. Рассматриваемые типы памятников относятся к периоду средневековья.

При исследовании археологических памятников этой территории одной из главных проблем является — расселение славян на территории лесной зоны Восточной Европы и взаимоотношения этих племен с исконным — дославянским населением.

Процесс формирования и консолидации древнерусской народности, взаимоотношения славянских племен с местными финно-язычными племенами, обитавшими на этой территории в древности, являются дискуссионными в исторической науке.

К славянским памятникам в лесной зоне Восточной Европы, накануне образования древнерусского государства, исследователи относят круглые курганы с погребениями по обряду трупосожжения. Ученые полагают, что они связаны со славянским населением, которое продвигалось на эту территорию с середины I тыс. н. э. из юго-западных областей Европы [Ляпушкин 1968, с. 126].

Рассматриваемые нами памятники относятся к периоду, когда родовые и племенные объединения сошли уже с исторической арены. На рубеже X–XI вв. на этой территории происходит смена обряда погребения. Это засвидетельствовано археологическими источниками и связано с крещением Руси в 988 г., с принятием христианства киевским князем Владимиром как государственной религии.

Некоторые исследователи считают, что не все курганы по обряду трупосожжения и ингумации в разных частях этой территории относятся к славянскому этносу [Ляпушкин 1968, с. 117, 118]. Эта гипотеза была подтверждена в исследованиях российских археологов [Макаров 1986, с. 68, 69]. Исследования показали, что развитие погребального обряда на этой территории происходило непрерывно с рубежа I тыс. н. э. и в последующие века. Ученые полагают, что погребальные памятники этой территории оставлены исконной группой населения — финно-угорским населением, которое обитало здесь в древности [Башенькин 1992, с. 25–29].

В эпоху средневековья на этой территории известны захоронения в жальничных могильниках [Спицын 1898, с. 152]. Ранние жальничные погребения содержат захоронения по обряду трупосожжения и ингумации. Погребения произведены в грунтовых ямах с круглой или овальной обкладкой поверху валунами; иногда они совершены с вымостками над могильной ямой. Такие каменные вымостки находят аналогии в каменных могильниках Эстонии, Северной Латвии [Селиранд 1974, с. 10]. Это дает основание предполагать, что эти памятники относятся к прибалтийско-финскому населению, обитавшему на этой территории до появления славян. Однако существует и другая гипотеза о появлении этих памятников в Северо-Западной Руси — в результате волны миграции населения с территории Польского Поморья [Седов 2000, с. 17]. Эти погребения датируются рубежом XI/XII–XIII/XIV вв.

К поздним жальничным погребениям относятся могилы, разделяющиеся по форме каменных оградок: овальные (одионочные), прямоугольные, в том числе перегородчатые. Способ погребений в них общий — ингумация. Погребения прямоугольной формы — одионочные, парные, есть захоронения нескольких костяков, могилы носят название перегородчатых. Они датируются XIV–XVI вв.

Поздние жальничные погребения овальной формы имеют иногда по несколько камней в обкладке могильной ямы или одионочные камни обкладки. Среди раскопанных

поздних жальничных погребений были найдены монеты периода царствования царя Ивана III (1462–1505) и серебряные монеты царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) новгородской и московской чеканки [Прусакова 1982, с. 55–60]. Таким образом, верхнюю дату этих погребений можно отнести к периоду денежной реформы середины 1654 г. — июнь (7) 1654 г., времени правления царя Алексея Михайловича; в этот период правительство царя Алексея Михайловича в связи с кризисом начало выпуск медных денег.

Столь долгое сохранение языческих традиций на окраинных территориях государства объясняется явлениями политического и экономического характера. В XIV в. происходило объединение русских земель, сопровождавшееся борьбой между отдельными княжествами. В конце XIV в. главная роль в этой борьбе принадлежала Московскому княжеству, вокруг которого объединились Новгородская и Псковская республики. Их земли в XVI в. были захвачены шведами. В XVI в. проходят постоянные войны как с внешними врагами, так и внутренними — с ересями. Это отражается на жизни местного населения: падает авторитет церковных священников. Языческие традиции продолжали существовать на Руси и в начале XVII в. — при первых царях династии Романовых: царе Михаиле Федоровиче и его приемнике — сыне Алексее Михайловиче. Официально положил этому конец только свод законов 1649 г., предполагавший за них суровые наказания, а также последовавшая за ним реформа патриарха Никона, приведшая к расколу русской церкви [Вернадский 1997, с. 121–124].

Верхнюю дату захоронений в жальниках по археологическим материалам следует отнести к концу 1640-х гг., к середине XVII в. — к концу правления царя Михаила Федоровича и началу царствования Алексея Михайловича (Соборное уложение 1649 г.) [Сорокин 1992, с. 82].

Многообразие типов погребальных памятников на этой территории представляет уникальный материал для изучения явлений средневековой истории — позволяет проследить здесь сохранение языческих традиций в эпоху средневековья.

Библиографический список

- Башенькин А. Н. Исследование памятников I тыс. н. э. в бассейне Мологи // Новгород и Новгородская земля. История и археология: тезисы науч. конф. Новгород. 1992. С. 25–29.
- Вернадский Г. В. История России. Московское царство. М., 1997. С. 121–124.
- Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. М., 1968. (МИА. № 152).
- Макаров Н. А. Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X–XIII вв. // СА. № 3. 1986. С. 61–71.
- Прусакова З. В. Топография могильников у д. Конезерье на оз. Врево // Северная Русь. Л., 1982. С. 55–60.
- Седов В. В. Жальники // СА. 2000. № 1. С. 7–22.
- Селиранд Ю. Я. Могильные памятники XI–XIII вв. в материковой Эстонии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Таллинн, 1974.
- Сорокин Ю. А. Алексей Михайлович // ВИ. 1992. № 4–5. 1992. С. 73–89.
- Спицын А. А. Сопки и жальники // ЗРАО. СПб., 1898. Т. 11, вып. 1–2, кн. 4. С. 142–155.

Z. V. PRUSAKOVA

TO THE QUESTION OF THE UPPER DATE OF THE USE OF ZHALNIK INTERMENTS OF THE NORTH-WEST OF THE ANCIENT RUSS

The paper studies the Middle Age archaeological sites of the north-west territory of the Ancient Russ. Zhalnik burials appeared in that territory at the turn of the 11th-12th centuries. The interments were the inhumation type burials in ground pits with stone lining, there were also some early cremation type burials (the 11th century). The use of this funeral ritual could be traced by the archaeological materials of those sites also in the later periods – the 13th-16th centuries – the first half of the 17th century. These traditions continued to exist in the first half of the 17th century – during the reign of Tsar Mikhail Fedorovich and his son, Tsar Alexei Mikhailovich. This fact fixes the upper date of the existence of this type of interments.

Zoya V. Prusakova – State Hermitage Museum (Russia, Saint Petersburg). E-mail: prusakova-herm@mail.ru

A. A. ПУШКАРЕВ

НЮРНБЕРГСКИЕ ЖЕТОНЫ ИЗ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Рассмотрены дискуссионные вопросы о функциях нюрнбергских жетонов конца XVI–XVIII вв. из русских поселений на территории Западной Сибири. На ряду с тем, что жетоны являлись ходовым товаром, предназначенным для аборигенного населения, предполагается что они могли использоваться для иных целей: в качестве инструмента счета, в виде украшений, а также заменителя денег. Во-первых, подтверждено выдвинутое более полувека назад утверждение И. Г. Спасского о том, что в Сибири жетоны не использовались для ведения счета. Во-вторых, находки в д. Сосновая Отнога продемонстрировали, что русское население использовало жетоны в качестве украшений. Аналогичным образом это могло происходить и в русских городах, так как некоторые жетоны из Мангазеи, Тобольска и Кузнецка имеют отверстия для пришивания (подвешивания). В-третьих, опровергнута идея о возможности использования нюрнбергских жетонов в качестве заменителя денег, о чем говорит незначительное количество находок жетонов в сравнении с находками монет.

Пушкарев Андрей Александрович – Томский государственный университет (Россия, Томск).
E-mail: supdron@gmail.com

Нюрнбергские жетоны являются одной из распространенных, но при этом недостаточно изученных находок на археологических памятниках XVI–XIX вв. Западной Сибири. Жетоны являются монетовидными знаками, которые впервые появились в Западной Европе в XIII в. и изначально использовались в качестве инструмента счета на специальной доске, называемой абакус (абак). Пик популярности жетонов приходится на XVI – начало XVII в., когда центром их производства становится г. Нюрнберг. Своеобразие феномена нюрнбергских жетонов заключается в том, что, зародившись на территории Западной Европы, они оказались в итоге адаптированы в культуре аборигенного населения Западной Сибири [Пушкарев 2015, с. 829].

На сегодняшний день на территории Западной Сибири выявлено 252 нюрнбергских жетона, происходящих из 36 археологических памятников и 1 этнографического святилища.

* Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Большинство жетонов обнаружено на объектах, соотнесенных с конкретным аборигенным населением: 235 экз. (93,2 % от общего числа жетонов) из 30 могильников; 1 экз. (0,4 %) из святилища; 2 экз. (0,8 %) из 2 поселений. Остальные 10 экз. (4 %) обнаружены в 3 русских городах, 4 экз. (1,6 %) — на территории русской деревни.

Находки жетонов в культурном слое русских поселений ставят вопрос о вероятности их использования при ведении счета. И. Г. Спасский, проанализировав системы счета в Западной Европе и на Руси, пришел к выводу, что, скорее всего, русские купцы и промышленники не применяли жетоны как счетные единицы по следующим причинам. Во-первых, на Руси еще с XVI в. (а, вероятно, и ранее) пользовались так называемым «счетом костями», для которого в качестве единиц употребляли плодовые косточки, например, сливовые [Спасский 1951, с. 133]. Во-вторых, все известные И. Г. Спасскому жетоны относились только к территории Сибири, куда их привозили русские промышленники для местного населения, употреблявшего их в качестве украшений. В-третьих, в Сибири «встречаются и значительно более поздние жетоны — вплоть до выпущенных в конце XVIII и в начале XIX вв., т. е. относящиеся ко времени, когда “счет на линиях” был окончательно и повсеместно давно забыт» [Спасский 1951, с. 134].

Проанализируем жетоны, из культурных слоев русских городов — Мангазеи (3 экз.), Тобольска (5 экз.) и Кузнецка (2 экз.). Из этих находок 5 экз. (Тобольск — 3 экз.; Кузнецк — 2 экз.) относятся к XVIII в., когда использование жетонов для счета («счет на линиях») не практиковалось уже ни в Европе, ни в Российской империи. И только ранние жетоны, т. е. XVII в. (Мангазея — 3 экз.; Тобольск — 2 экз.), казалось бы, могли использоваться в качестве счетных единиц. Однако этому противоречит следующее количественное соотношение: в городах, как отмечено, найдено 5 экз. (2,58 %) жетонов XVII в.; в могильниках и поселениях аборигенного населения — 189 экз. (97,42 %). Эти цифры красноречиво демонстрируют, что жетоны, даже на самом раннем этапе их ввоза на территорию Западной Сибири, предназначались не для ведения счета, а для меновой торговли.

Вполне вероятно, что у русского населения некоторые жетоны могли оставаться и использоваться в качестве украшений или сувениров. В частности, на территории русской д. Сосновая Отнога (Притобольный р-н Курганской обл.) обнаружены 4 жетона, мастера Johann Christian Reich (1758–1814). В каждом имелось по одному отверстию, предназначенному для подвешивания или пришивания [Маслюженко, Достовалов 2014, с. 251].

По архивным данным, деревня Сосновая Отнога основана в начале 1850-х гг. переселенными крестьянами из Псковской губернии. Д. Н. Маслюженко и С. Г. Достовалов полагают, что жетоны из Сосновой Отноги использовались в качестве украшений [Маслюженко, Достовалов 2014, с. 251]. Мы поддерживаем это утверждение, так как вряд ли государственные крестьяне занимались меновой торговлей с местным населением. Судя по разнице между датой основания деревни и датировками жетонов и времени, крестьяне привезли их с собой из Псковской губернии.

Рассматривая функции жетонов в среде русского населения Западной Сибири, остановимся на возможном их использовании в качестве заменителей монет — токенов. Они «чеканились частным образом купцами, предпринимателями или местными властями вследствие острой нехватки государственных денег и имели хождение наряду с обычными официальными монетами» [Кривцов 2005, с. 271]. Теоретически, в Западной Сибири начала XVII в. имелись условия для использования жетонов взамен обычных денег. В это

время Русское государство вступило в период «Смутного времени». Частая смена правителей, иностранная интервенция, войны и грабежи привели денежное хозяйство в плачевное состояние. На территории всего государства ощущалась острая нехватка монеты [Мельникова, Узденников, Шиканова 2000, с. 70–76]. Соответственно, и в Западной Сибири ситуация с оборотом монет обстоит не лучшим образом.

На практике же результаты сравнения находок монет и жетонов из русских городов Западной Сибири говорят они не использовались в качестве денег. Так, в Мангазее обнаружено 456 монет и лишь три жетона. В частности, в постройке № 2 на один найденный жетон приходится 30 монет [Визгалов, Пархимович 2008, с. 122]. В Восточной Сибири (находки на о. Фаддея) на 1 448 монет приходится всего 6 жетонов [Спасский 1951, с. 114, 130].

Видимо, жетоны изначально воспринимались купцами как расхожий товар, который при обмене с местным населением Западной Сибири значительно превосходил свою изначальную стоимость.

Библиографический список

- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазее: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008.
- Кривцов В. Д. Энциклопедический справочник для нумизматов: Аверс № 7. М., 2005.
- Маслюженко Д. Н., Достовалов С. Г. Счетные жетоны из д. Сосновая Отнога Курганского уезда Тобольской губернии // Культура русских в археологических исследованиях: в 2 т. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 250–252.
- Мельникова А. С., Узденников В. В., Шиканова И. С. Деньги в России. История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000.
- Пушкарев А. А. Нюрнбергские счетные жетоны XVI–XIX вв.: от Западной Европы до Западной Сибири // Былые Годы. 2015. Вып. 4 (38). С. 825–833.
- Спасский И. Г. Счетные жетоны // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Л.; М., 1951.

A. A. PUSHKAREV

THE TOKENS OF NUREMBERG FROM THE RUSSIAN SETTLEMENTS OF WESTERN SIBERIA

The paper studies the controversial issues concerning the functionality of the tokens of Nuremberg of the end of the 16th–18th centuries from the Russian settlements in the territory of Western Siberia. The tokens were a popular exchange commodity in trading with the aboriginal population, at the same time they could possibly be used for other purposes, e. g. as a calculation instrument, as jewelry items, and even as a substitute of money. First, the assumption made over half a century ago by I. G. Spassky, that the tokens were never used in Siberia as a calculation tool, was confirmed. Second, the finds from Sosnovaya Otnoga village demonstrated that the Russian population used the tokens as jewelry. They could have been used in a similar way in the Russian cities, since some of the tokens from Mangazeya, Tobolsk, and Kuznetsk had holes for suspension. Third, the authors have refuted the idea about the possibility of the use of the tokens of Nuremberg as a money substitute, a proof of which was an insignificant number of the token finds compared to the finds of coins.

Andrey A. Pushkarev – Tomsk State University (Russia, Tomsk). E-mail: supdron@gmail.com

П. О. СЕНОТРУСОВА

КАРЫМСКАЯ КЕРАМИКА С ЖЕЛОБЧАТО-ВАЛИКОВОЙ ОРНАМЕНТАЦИЕЙ: ВЗГЛЯД С ВОСТОКА

Среди карымской керамики выделяется группа сосудов с желобчато-валиковой орнаментацией. Такой декор не характерен для керамических традиций Нижнего Приобья. Его появление здесь исследователи связывают с проникновением в нижнеобскую тайгу населения с территории Восточной Сибири. Карымская желобчато-валиковая керамика близка тонковаликовой посуде лесной зоны Средней Сибири конца I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Наибольшее сходство прослеживается в орнаментальных мотивах, композициях, форме сосудов и самой идеи украшения емкостей рельефными элементами. На посуде обеих групп встречаются простые горизонтальные и вертикальные композиции, шевроны, широкие арки. Карымскую керамику со среднесибирскими материалами сближает наличие сосудов на поддонах, высокая слегка отогнутая шейка, вытянутая и зауженная придонная часть. Появление в Нижнем Приобье керамики с желобчато-валиковой орнаментацией можно связывать с иммиграцией в этот район группы населения из лесной зоны Приенисейской Сибири в первой трети — середине I тыс. н. э.

Сенотрусова Полина Олеговна — к.и.н., Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск).
E-mail: Polllina1987@rambler.ru

При анализе посуды карымского этапа (культуры) Нижнего Приобья было выделено три типа керамики, для одного из которых характерна желобчато-валиковая орнаментация. Эта круглодонная посуда со средней или высокой шейкой, отогнутой наружу, слабопрофилированными плечиками и туловом. Сосуды украшены налипными тонкими валиками или узкими желобками, между которыми образовывались подобия плоских валиков. Декор мог быть дополнен ямками, насечками, оттисками гребенки [Борзунов, Чемякин 2015].

Исследователи отмечали, что подобная посуда, не характерна для лесной зоны Западной Сибири, и еще в 1940-е гг. была высказана гипотеза об ее восточносибирском происхождении. По мнению В. А. Борзунова и Ю. П. Чемякина, появление этой посуды в Нижнем Приобье обусловлено миграцией населения из южных областей Восточной Сибири. Процесс этот происходил в эпоху великого переселения народов и был связан с экспансией гуннов на запад. Именно в гуннской среде происходило формирование традиции декора сосудов с валиками, хотя не исключен вариант того, что сами гунны заимствовали эту идею у населения Восточной Сибири [Борзунов, Чемякин 2015, с. 64]. Нужно подчеркнуть, что авторы не конкретизируют, из каких именно регионов юга Восточной Сибири валиковая керамика проникла в Приобье, не приведены аналогии карымских сосудов из возможных районов миграции.

Карымская желобчато-валиковая посуда наиболее близка тонковаликовой керамике лесной зоны Средней Сибири, бытовавшей здесь в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Именно здесь, еще в дохуннский период, происходит формирование этой керамической традиции. Хронологические и культурные маркеры для тонковаликовой керамики Приенисейской лесной зоны в настоящее время еще не выделены. Обозначено только несколько типов, имеющих узкую датировку, тогда как основной массив такой посуды рассматривается суммарно.

Что же собственно сближает карымскую и среднесибирскую тонковаликовую керамику? Помимо самой идеи украшения сосудов тонкими валиками, наибольшее сходство прослеживается в орнаментальных мотивах и композициях, форме сосудов.

Можно выделить несколько композиций, которые присутствуют на посуде обоих регионов. Первая из них — это горизонтальные ряды валиков (или желобков), расположенные в верхней трети сосуда, которые могут быть дополнены рядом ямок [Борзунов, Чемякин 2015, рис. 3, 1, 2, 5]. Такое расположение валиков фиксируется на тонковаликовой среднесибирской посуде раннего железного века и сохраняется вплоть до развитого средневековья [Бирюлева 2015, с. 61].

Более специфичная композиция, состоящая из горизонтальных линий и спускающихся от них вниз шевронов [Борзунов, Чемякин 2015, рис. 3, 8, 12, 15]. Наиболее ранние сосуды с такой орнаментацией из Приенисейской Сибири происходят из поселения Айканка (I–IV вв. н. э.) [Мандрыка 1997, с. 212]. Часто шевроны встречаются на посуде усть-ковинского типа, бытовавшей в Нижнем Приангарье во второй половине I тыс. н. э. [Бирюлева 2015, с. 61].

Еще одна сложная орнаментальная композиция — из вытянутых арок, со спускающимися вниз вертикальными линиями [Борзунов, Чемякин 2015, рис. 3, 4]. Аналогии ей можно найти в материалах Нижнего Приангарья, керамика этой группы датируется ранним железным веком [Бирюлева 2015, рис. 1, 2; с. 61]. Сосуд, украшенный аналогичными вытянутыми арками, но без вертикальных линий, найден в погребении № 1 могильника Пинчуга-6 (IV–VI вв. н. э.). На тонковаликовой керамике лесной зоны Приенисейской Сибири также встречаются вертикальные или наклонные валики [Борзунов, Чемякин 2015, рис. 3, 13, 16], хотя здесь эти мотивы, в отличие от карымской посуды, редки.

Кроме сходства декора карымскую керамику с материалами Приенисейской Сибири периода рубежа эр — середины I тыс. н. э. сближает наличие сосудов на поддонах, высокая слегка отогнутая шейка, часто вытянутая и зауженная придонная часть.

Появление в Нижнем Приобье керамики с желобчато-валиковой орнаментацией можно связывать с иммиграцией в этот район группы населения из лесной зоны Приенисейской Сибири в первой трети — середине I тыс. н. э. В инокультурной среде тонковаликовая керамическая традиция оказалась рецессивной, что привело к изменению способа декора (желобки вместо валиков), появлению на посуде пояса ямок, гребенчатых оттисков.

Слабая изученность таежных районов бассейна Енисея, Нижней и Подкаменной Тунгусок, а особенно Обь-Енисейского междуречья, не позволяет однозначно сказать, откуда и какими путями среднесибирское население продвигалось на запад. Археологические материалы свидетельствуют, что эта волна переселения была не единственной, в последней трети I тыс. н.э. носители тонковаликовой керамической традиции появляются и в южной тайге Западной Сибири. Нужно подчеркнуть, что постоянные культурные связи между населением нижнего Приобья и южнотаежной зоны Средней Сибири поддерживались как в раннем, так и в развитом средневековье.

Библиографический список

- Бирюлева К. В. Тонковаликовая керамика Нижнего Приангарья: проблемы и перспективы изучения // Международная полевая школа в Болгаре. Казань; Болгар, 2015. С. 58–64.
- Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымская керамика таежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1. С. 56–66.
- Мандрыка П. В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в Красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 209–217.

P. O. SENOTRUSOVA

THE KARYM POTTERY WITH GROOVE-CYLINDER ORNAMENTATION: A VIEW FROM THE EAST

One group that stands out within the Karym pottery category is a group of bowls with the groove-cylinder ornamentation. This type of decoration was not characteristic for the ceramic traditions of the Lower Ob. The researchers associated its appearance in the area with the penetration to the Lower Ob taiga of the population from the East Siberian territory. The Karym pottery with groove-cylinder ornamentation was close to the thin-cylinder pottery of the forest zone of Middle Siberia in the end of the 1st millennium BC – 1st millennium AD. The greatest similarity was noted in the ornamentation patterns, compositions, shape of the vessels, and the very idea of the vessels' decoration with the relief elements. On both groups of pottery, there were simple horizontal and vertical compositions, chevrons, and wide arcs. Other common features of the Karym pottery and the Middle Siberia materials included the presence of vessels on trays; the high, slightly deflected neck; the elongated and narrowed part near bottom. The appearance of the pottery with groove-cylinder ornamentation in the Lower Ob region could be associated with the immigration of a group of population from the forest zone of the Yenisei region Siberia during the first third – middle of the 1st millennium AD to that region.

Polina O. Senotrusova – Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk).
E-mail: Pollina1987@rambler.ru

А. Ю. СКОРОБОГАТОВА

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТИПА СУДНА И ВРЕМЕНИ ПОСТРОЙКИ КИРЬЯССКОЙ БАРКИ

Остов деревянного судна обнаружен в 1997 г на берегу протоки Кирьяс в Нижневартовском районе ХМАО. Исследовалось в 1999 и 2000 г. В 2015 г. судно было полностью исследовано археологическими методами, проведена фиксация методом фотограмметрии. Кирьясская барка извлечена и перевезена в Нижневартовск. Кирьясская барка является многосезонным самоходным судном. По своим метрическим характеристикам она ближе всего к камским солевозным судам – бархотам. По своему назначению являлась грузопассажирским судном. Срок службы данных судов не превышал десяти лет. Коллекция артефактов, собранная за годы исследования, в основном имеет широкую датировку в пределах XVII – начала XX вв. Из предметов имеющих точную хронологию обнаружены две монеты имевших хождение с 1810 по 1828 гг. Учитывая возраст монет и максимальный срок службы судна можно утверждать, что Кирьясская барка была построена в первые годы XIX в.

Скоробогатова Анна Юрьевна – ООО НПО «Северная археология – 1» (Россия, Нефтеюганск).
E-mail: annuit2@mail.ru

Остов деревянного судна был обнаружен в 1997 г. на берегу протоки Кирьяс в окрестностях д. Вата в Нижневартовском районе ХМАО. Точное место расположения судна: 46 км к западу от г. Нижневартовска, в 15,8 км к юго-западу от д. Вата, на правом берегу протоки Кирьяс, в 2,83 км от ее устья.

В 1999 и 2000 г. судно исследовалось совместной экспедицией ПНИАЛ УрГУ и Муниципального этнографического музейного комплекса г. Нижневартовска под руководством В. М. Морозова [2000; 2001]. В ходе исследования были определены внешние характеристики судна: длина – 34 м, максимальная ширина – 7 м, толщина досок обшивки: от 14–15 см (днище) до 8–9 см (борта). По вещевому комплексу судно датировано концом XVIII – первой третью XIX в.

Исследования судна продолжены в 2015 г. В ходе работ судно было полностью расчищено изнутри и снаружи. Проведена фиксация конструктивных деталей судна, собрана коллекция артефактов, создана трехмерная модель методом фотограмметрии [Скоробогатова и др. 2016]. Судно было полностью извлечено и перевезено в г. Нижневартовск для дальнейшей реставрации и экспонирования.

В данной работе мы хотели остановиться на двух вопросах: определении типа судна и времени его существования.

На начальном этапе изучения судно было названо баркой, потому что этот термин в XVIII–XIX вв. утвердился как обозначение сплавных судов для перевозки тяжелых грузов по рекам [Дубровин, Морозов 2003, с. 95]. Непосредственно барками чаще всего называли грубо построенные суда, предназначенные для сплава по рекам и использовавшие одну навигацию. Сравнивая судно с протоки Кирьяс с такими типами судов как коломенка, паузок и барка исследователи пришли к выводу, что судно больше подходит под определение паузка. Особенности конструкции судна указывают на то, что оно было несплавным, многосезонным и, возможно, имело парус. Паузками на Оби называли грузопассажирские суда для дальних плаваний. В частности их использовали для перевозки рабочих, нанятых на рыбные промыслы. Против течения такие суда двигались бичевою или на заводных якорях [Дунин-Горкавич 1995, с. 216].

В 2015 г. были обнаружены ранее не известные особенности конструкции судна. Так у левого борта сохранился фрагмент бархоута (защитного бруса), укрепленного деревянными нагелями на «скуле» борта на высоте 1,7 м от днища. Также в шпангоутах прослежены подквадратные отверстия, расположенные по центральной оси судна для крепления вертикальных опор — пиллерсов, на которых крепилось верхнее перекрытие судна: палуба или двухскатная кровля. Один сохранившийся пиллерс найден в носовой части. Он представляет собой квадратный в сечении столб размерами 2,5 × 0,15 × 0,15 м. Таким образом, можно установить глубину интрюма, равную 2,5 м или, ввиду небольших скатов палубы от центра к бортам, несколько ниже [Скоробогатова и др. 2016, с. 321, 322].

При проведении сравнения найденного судна с описанными в литературе, наше внимание привлекло описание бархота, в книге П. А. Богославского «О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном» [2014, с. 150]. В XIX в. под этим именем было известны две разновидности речных судов, том числе многолетние суда, строящиеся на Каме для перевозки соли. Вот как описываются параметры этого судна: «Корпус ладейного типа с плоским дном, плавными поворотами, переходившими в развалистые борта. Форштевень прямой с уклоном вперед, ахтерштевень вертикальный. Центральная часть закрыта двухскатным навесом. На высокой мачте прямой парус, 6–8 весел, также передвигался бичевою и заводами. Бархоты имели следующие основные характеристики: длина 27,4–45,7 м, ширина 6,9–11,4 м, глубина трюма 1,4–1,7 м.

Общее описание внешних характеристик паузка и бархота очень близко. Объединяет эти два типа судов то, что они строились достаточно тщательно, с расчетом на долгую эксплуатацию. Обводы и общая конфигурация корпуса рассчитаны на улучшения судходных качеств. Так что Кирьясскую барку можно определить как паузок или бархот — судно предназначенное для перевозки как людей, так и грузов. Однако обращают на себя внимание следующие факты: при расчистке судна остатки надстроек обнаружены только

в его носовой части. Возможно, основная часть перекрытия была разобрана до начала рейса, например, для размещения предполагаемого груза кирпичей.

Надо заметить, что срок службы подобных судов составлял 7–8 лет, редко до 10 и в совсем исключительных случаях превышал десятилетие [Богославский 2014, с. 179; Штукенберг 1835–1841, с. 340; Орловский 1836, с. 356].

Второй аспект, который требует уточнения — это время существования судна. По результатам раскопок всех лет безусловные даты имеют две монеты 1812–1828 и 1810–1825 гг. хождения. [Морозов 2001, с. 16, 17; Skorobogatova и др. 2016, с. 323]. Хронология остальных вещей имеет широкий диапазон в пределах XVII — начала XX вв.

Таким образом, учитывая максимальный срок службы подобных судов, можно утверждать, что Кирьясская барка была построена в первые годы XIX в.

Библиографический список

- Богославский П. А. О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. М., 2014.
 Дубровин Г. Е., Морозов В. М. Обское судоходство XVI–XIX вв. и судно с протоки Кирьяс // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2003. Вып. 5. С. 95–107.
 Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 1.
 Морозов В. М. Отчет по научно-исследовательской работе «Организация и изучение старинного деревянного судна». Екатеринбург, 2000. Архив ИА РАН. Инв. № 2164.
 Морозов В. М. Отчет об исследовании деревянного судна XIX в. в Нижневартовском р-не Тюменской обл. ХМАО летом 2000 г. Екатеринбург, 2001. Архив ИА РАН. Инв. № 2648.
 Орловский П. Н. Взгляд на мореходство и морская силы у всех народов в мире. СПб., 1836.
 Skorobogatova A. Yu., Pushkarëv A. A., Kухтерин С. А., Копейкин М. Л. Работы по изучению и сохранению выявленного объекта археологического наследия «Кирьясская барка» в Нижневартовском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2016. Вып. 14. С. 317–328.
 Штукенберг И. Ф. Барка // Энциклопедический лексикон: в 17 т. СПб., 1835–1841. Т. 4. С. 336–352.

A. YU. SKOROBOGATOVA

ON THE ISSUE OF DEFINING THE TYPE OF VESSEL AND THE PERIOD OF CONSTRUCTION OF THE KIRJAS BARQUE

The frame of a wooden boat was discovered in 1997 on a bank of the Kirjas channel in the Nizhnevartovski district of KhMAO. The frame was studied in 1999 and 2000. In 2015, the boat was studied with archaeological research methods and documented using the photogrammetry techniques. The Kirjas barque was removed from its location and transported to Nizhnevartovsk. The Kirjas barque was a multi-season self-propelled boat. By its metric characteristics it most of all resembled the Kama salt carriers — the barkhouts. Functionally it was a freight and passenger boat. The service life of this type of boats was not longer than ten years. An assemblage of artifacts collected over the years of study was mostly dated by a wide range — between the 17th — early 20th centuries. The items with the exact chronology included two coins of the type that was in circulation from 1810 to 1828. Taking into account the age of the coins and the maximum life of the boat it may be assumed that the Kirjas barque was built in the first years of the 19th century.

Anna Yu. Skorobogatova — LLC RPA “Northern Archeology-1” (Russia, Nefteyugansk).
E-mail: annuit2@mail.ru

Т. Н. СОБОЛЬНИКОВА, А. В. КУЗИНА

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДКИ НИЖНЕЙ КОНДЫ:
ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ***

В героических сказаниях иртышских ханты, записанных учеными и путешественниками в конце XIX — начале XX вв., содержатся сведения о городках — укрепленных крепостях, в которых проживали князья со своей семьей и военной дружиной. Имеющиеся в них описания местности и указания на конкретные топонимы позволяют рассматривать эти фольклорные произведения в качестве важных источников для картографирования и поиска средневековых памятников. В данной работе представлены итоги изучения укрепленных поселений начала II тыс., расположенных в нижнем течении р. Конды, реализуемых авторами в последние два года. На основе комплексного анализа фольклорных, письменных, картографических материалов выделены особенности в их топографии и локализации в пределах региона и относительного друг друга.

Собольникова Татьяна Николаевна — к.и.н., Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск).
E-mail: sobtn@mail.ru

Кузина Алёна Васильевна — Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск).
E-mail: alekuzina@gmail.com

В конце XIX — начале XX вв. побывавшими в Нижнем Прииртышье исследователями и путешественниками были записаны устные предания аборигенного населения (иртышские ханты), повествующие о князьях, их военных подвигах и походах. В этих источниках есть упоминания об укрепленных поселениях-крепостях («богатырских городах»), в которых проживали князья со своими семьями и дружиной. Первооткрыватель героического эпоса иртышских ханты — С. К. Патканов, на основе детального анализа собранных им фольклорных источников, относит время функционирования «городков» к XIII–XVI вв., «когда северная часть Тобольской губернии еще не испытала на себе нашествия Татар, которые, как известно, здесь появились раньше Русских» [Патканов 1891, с. 5]. Им же была предпринята первая попытка картографирования: «...мне удалось в бытность мою в Тобольском округе насчитать не менее 63 [городков]... [они] обозначены на карте, представленной в Имп. русск. Арх. Комиссию» [Патканов 1891, с. 13].

Особенностью фольклора иртышских ханты является, помимо описания самих городков, наличие пространственных данных. А именно: указания на локализацию относительно гидрологических объектов (реки, озера); описания элементов местного ландшафта (мыс, гора, изгиб реки); топонимы. Все это позволяет использовать фольклорные источники, наряду с письменными, для картографирования и поиска средневековых памятников.

Опыт проведения такого рода исследований в современный период успешно был реализован уральскими археологами, обнаружившими в Нижнем Приобье городок *Эмдер* [Зыков, Кокшаров 2001, с. 6, 7]. Кроме него исследовались еще два городка: *Тяпар-вош* (близ п. Цингалы), *Харда-вош* (на Средней Конде) [Зах 2001, с. 141; Кокшаров 2011, с. 74]. В настоящей работе представлены итоги изучения средневековых укрепленных поселений в нижнем течении р. Конды, проводимых авторами в последние два года.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства ХМАО — Югры в рамках научного проекта № 18-49-860008 «Комплексные исследования пространственной организации древних и традиционных поселений в таежной зоне Западной Сибири на примере Нижней Конды» (рук. Т. Н. Собольникова).

Итак, в ходе анализа фольклорных источников, в низовьях р. Конды были выявлены сведения о примерной локализации 7 городков. Одним из наиболее крупных был *Карытоспат-урдат-вош*. Косвенно об этом свидетельствует то, что упоминания о нем содержатся в нескольких былинах и в материалах разных исследователей. В 2018 г. авторам удалось обнаружить этот городок (городище Алёшкин Мыс) [Собольникова, Кузина 2018, с. 759–763].

На сегодняшний день в границах Нижней Конды выявлено 8 укрепленных поселений, датируемых началом II тыс. Два из них известны по письменным источникам конца XIX – начала XX вв. (вблизи юрт Красноярских и Пугольских), два были обнаружены в 1980-х гг. (городища Болчары II и Кама I), остальные – в 2017–2018 гг. авторами публикации (городище Ягатка 3, поселения Мордъега 1, Большая Сага 38 и Большая Сага 39). В процессе картографического анализа расположения этих объектов (включая городки, известные по фольклорным источникам), выделены определенные закономерности в их локализации и топографии.

Во-первых, вдоль р. Конды городки располагаются достаточно равномерно. Расстояние между ними в среднем составляет 10–15 км. Эти показатели могут отражать примерные размеры территорий отдельных военно-племенных объединений (княжеств) Нижней Конды. Помимо городищ, здесь выявлены неукрепленные поселения этого времени: как небольшие (1–2 постройки), так и целые «поселки». Для достоверной реконструкции реальной картины необходимо проведение археологических раскопок на памятниках первой половины II тыс.

Во-вторых, по берегам р. Конды укрепленные поселения распределены примерно одинаково: 7 – на правом, 8 – на левом. Между этими группами есть различия в топографии. Правобережные городки тяготеют к устьям и низовьям малых рек/протоков, расстояние от них до р. Конды варьирует в пределах 0,6–1,8 км. Для левобережных – характерна большая удаленность от русла магистральной реки. Согласно фольклорным источникам – самые отдаленные городки находились вблизи юрт Нюрковых (около 30 км) и юрт Шумиловых (около 10 км). Эта особенность в локализации городков обусловлена естественно-географическими условиями, а именно, тем – что левый берег Конды ниже. Не исключено, что тенденция переноса городков вглубь от основного водотока имеет и хронологическую обусловленность. Указание на это есть в финале «Былины про богатырей города Эмдера» (в варианте С. Шульгина). В источнике говорится, что после поражения города *Карытоспата*, жители его «поселились впоследствии в трех верстах от юрт Шумиловских, на низком болоте, основав там новый город» [Шульгин, с. 16]. Аналогичные сведения приводятся С. К. Паткановым [1891, с. 74].

Наблюдается также большое сходство средневековых нижнекондинских городков в плане их ландшафтного расположения. Можно констатировать, что чаще всего княжеские городки были приурочены к мысам или изолированным останцам высоких береговых террас. Также отметим, что в выборе места для возведения городков явно прослеживается стремление к использованию естественных преград (высокие мысы с крутыми склонами, крутые излучины, болотные массивы и др.).

Библиографический список

Зах В. А. Цингалинское святилище // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. С. 139–141.

- Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.
- Кокшаров С. Ф. Археологические памятники первой половины II тысячелетия в бассейне р. Конда // Материалы науч.-практ. конф. «Идель — Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Междунар. конгр. средневековой археол. евразийский степей. Казань, 2011. С. 73–80.
- Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.
- Собольникова Т. Н., Кузина А. В. Легендарные «городки» Нижней Конды: источники по их локализации и археологический поиск (по материалам экспедиции 2018 г.) // Вестн. угрюведения. 2018. Т. 8, № 4. С. 755–766.
- Шульгин С. Кондинский край // Научный архив ТТИАМЗ. Д. 75.

T. N. SOBOLNIKOVA, A. V. KUZINA

**MIDDLE AGE FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE LOWER KONDA:
THE FOLKLORE SOURCES AND THE ARCHAEOLOGICAL SEARCH**

The heroic tales of the Irtysh Khanty, recorded by the researchers and travelers in the late 19th – early 20th centuries contained information about the fortified settlements – hillforts, which were the residences of the local princes with their families and military teams. The descriptions of the environment and the direct references to specific placenames allowed treating those folklore tales as the important sources for mapping and further search for the Middle Age archaeological sites. This paper presents the outcomes of the study of the fortified settlements of the beginning of the second millennium located in the lower reaches of the Konda river, implemented by the authors over the past two years. Based on a comprehensive analysis of the folklore, written sources, and cartographic materials we identified the specific features in their topography and localization within the territory of the region and in relation to each other.

Tatyana N. Sobolnikova – Candidate of Historical Sciences, Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk). E-mail: sobtn@mail.ru

Alena V. Kuzina – Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk). E-mail: alekuzina@gmail.com

К. Н. ТИХОМИРОВ

**НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА
НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. ТАРА В XVI–XVIII ВВ.**

На материалах раскопок могильников XVI–XVIII вв., расположенных в едином историко-культурном регионе, в южнотаежной зоне Западной Сибири на р. Тара (правый приток р. Иртыш) в Омской и Новосибирской областях, выделяются специфические черты погребальных ритуалов проживавшего здесь населения (сдвигание тела к одной из стенки могилы, смещение костей к позвоночнику с левой или правой стороны, устройство ровика вокруг могилы, стандартное сопровождение определенным набором инвентаря умерших мужчин (наконечники стрел, топоры, ножи, кресала) и женщин (украшения, сумочки для рукоделия, зеркала)). Они показывают не только общие черты, но и вариативность погребального обряда в западной и восточной части региона на практически синхронных комплексах у населения близкого в историко-культурном отношении и позволяют лучше понять формирование и динамику их погребальных ритуалов.

Тихомиров Константин Николаевич – к.и.н., Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения, Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Омск). E-mail: ktikhomirov@gmail.com

Одним из наиболее изученных регионов Среднего Прииртышья, в котором проживали предки сибирских татар, являются районы среднего и нижнего течения р. Тара в Омской и Новосибирской областях. Считается, что здесь, начиная с XVII в., проживали тарские (в Омской области) и барабинские (в Новосибирской области) татары. На этой территории исследовано несколько могильников этого времени, но изданы лишь четыре — Окунево IV, Бергамак II, Кыштовка II и Крючное 6. В наши дни были опубликованы раскопки, проведенные 2000–2017 гг. на могильниках Усть-Тамак LXX и Сеитово IV [Тихомиров 2016] и частично, — Чеплярово 27 и Черталы I [Герасимов, Корусенко 2014]. Этим было создано мощное основание для исследования погребальных традиций, и, хотя они были проанализированы в ряде работ [Корусенко 2003; Матющенко, Полеводов 1994; Молодин 1979; Молодин и др. 2012; Тихомиров 2016], но касались лишь данных конкретных памятников, общий же анализ не проведен. В настоящее время остро стоит вопрос выявления специфических черт погребальных традиций, анализа их особенностей на указанной территории, которые помогли выяснить некоторые вопросы культурогенеза населения этого региона.

Все могильники этого региона имеют как общие черты, так и значительные отличия. Часть из них четко концентрируются в западной или восточной частях указанного региона.

1. Глубина могильных ям взрослых погребений составляет от 0,3–0,35 до 0,9 м; детских — 0,05–0,20 м, [Корусенко 2003, с. 27]. Лишь на могильнике Крючное 6 (восток ареала) глубина всех ям составляет 0,05–15 см [Молодин и др. 2012].

2. Обжигание ям, площадок и ровиков присутствует в западной части (Сеитово IV, Усть-Тара LXX, Окунево VII Бергамак II), но отсутствует на могильниках в восточной (Кыштовка II и Крючное 6).

3. Устройство ровиков вокруг ямы. Эта традиция прослежена на могильниках Сеитово IV, Усть-Тара LXX, Бергамак II. Нет сведений о них на могильниках Крючное 6 и Кыштовка II.

4. Сопровождение погребения развалами керамических сосудов (крупных частей). На могильниках «западной части ареала» они располагались вне могильной ямы: в ровиках (Сеитово IV и Бергамак II [Тихомиров 2006, с. 257, 258]), насыпях и на материке рядом с ямой (Бергамак II и Окунево VII). На комплексах Кыштовка II и Крючное 6 они находились в могилах. В то же время медные котлы и там и там находились в могилах.

Имеются особые черты на большинстве комплексов, которые выделяют эту группу памятников, сближая отдельные могильники между собой. К ним относятся такие признаки: расположение на правом берегу р. Тара (исключение — Окунево VII), близко от реки; погребения расположены под овальными насыпями, под которыми присутствует одно захоронение; внутри насыпи и могильной ямы присутствуют деревянные конструкции; погребение по обряду трупоположение вытянуто на спине; помещение в могилу сопроводительного инвентаря.

Кроме того, можно выделить дополнительные признаки:

1. Сдвигание тела умершего к одной из стенок могильной ямы.
2. Закономерность в наборе инвентаря в могильных ямах (в мужских погребениях — наконечники стрел, железные ножи и топоры и др.; в женских — украшения (серьги, перстни браслеты), ножи и сумочки для рукоделия с принадлежностями).
3. Наличие в насыпях, над могилами и в их заполнении, остатков деревянных конструкций.

На основе анализа признаков погребального обряда можно сделать некоторые предварительные выводы о том, что наряду с общими для могильников южнотаежной зоны Западной Сибири признаками погребального обряда, в анализируемых памятниках выделяются особенности, характерные только для рассматриваемого региона. Анализ этих особенностей позволяет выделить различия между могильниками в западной и восточной частях региона и судить о культурогенезе населения этих территорий. Однако более уверенные выводы можно делать лишь после подробных дальнейших исследований.

Библиографический список

- Герасимов Ю. В., Корусенко М. А. Погребальный комплекс Черталы: раскопки 2014 года и некоторые результаты изучения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2014. Т. 20. С. 146–148.
- Корусенко М. А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. Опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск, 2003. (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума Т. 7.)
- Матющенко В. И., Полеводов А. В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994.
- Молодин В. И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979.
- Молодин В. И., Новиков А. В., Поздняков Д. В., Соловьёв А. И. Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара). Новосибирск, 2012.
- Тихомиров К. Н. Керамика на могильнике Бергамак II (по материалам раскопок 1999 года) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск, 2006. С. 257–260.
- Тихомиров К. Н. Визуальный анализ кладбищ тюркоязычного населения Среднего Прииртышья и археологические материалы из могильников XVI–XVIII веков в низовьях р. Тары // Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ. Омск, 2016. Т. 14. С. 66–147.

K. N. TIKHOMIROV

SOME SPECIFIC FEATURES OF THE FUNERAL RITUALS OF THE POPULATION OF THE MIDDLE AND THE LOWER TARA REGIONS IN THE 16TH–18TH CENTURIES

Based on the materials of the excavated burial sites of the 16th–18th centuries located in a common historical and cultural region of the south taiga zone of Western Siberia on the Tara river (right tributary of the Irtysh river) in the Omsk and the Novosibirsk regions, the author identified the specific features of the funeral rituals characteristic for the population of that territory (position of the body closer to one of the grave walls, displacement of the bones towards the spine from the left or the right side, a shallow ditch around the grave, the standard set of grave goods in the male (arrowheads, axes, knives, steels) and female (jewelry, bags for needlework, mirrors) interments. They demonstrated both the common features and the variability of the funeral ritual in the western and the eastern parts of the region in the practically synchronous complexes of the historically and culturally close groups of population, and allowed better understanding of the origination and evolution of their funeral practices.

Konstantin N. Tikhomirov – Candidate of Historical Sciences, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Studies, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Omsk). E-mail: ktikhomirov@gmail.com

А. В. ФРИБУС, С. П. ГРУШИН

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КОМПЛЕКСА МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ В ЗАПАДНОМ ПРИСАЛАИРЬЕ*

В статье рассматриваются раннесредневековые материалы грунтового могильника Чумыш-Перекал, расположенного в западных предгорьях Салаирского кряжа. Здесь исследовано 16 погребений одинцовской культуры, которые датируются рубежом VI–VII – VIII вв. н. э. Погребальный обряд и предметный комплекс демонстрируют симбиоз кочевнической, лесостепной и таежной традиций. К «кочевническим элементам» можно отнести наличие мужских погребений с конем (значительно отличающихся от тюркских канонов), конскую упряжь, отдельные типы украшений. Местная традиция отражена в погребальном обряде некоторых мужских, а также большинства женских и детских могил. Предметный комплекс представлен керамикой, предметами вооружения, отдельными характерными типами украшений. Кроме того, в одной из могил обнаружен комплекс вещей, связанных с северным влиянием, здесь найдена типичная бляха с изображением «медведя в сакральной позе» – самая южная находка такого рода на юге Западной Сибири.

Фрибус Алексей Викторович – к.и.н., Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово). E-mail: fribus@list.ru

Грушин Сергей Петрович – д.и.н., Алтайский государственный университет (Россия, Барнаул). E-mail: gsp142@mail.ru

Проблемы взаимодействия лесостепного и таежного населения юга Западной Сибири с номадами, появление в культуре этих групп кочевнических элементов, процессы ранней тюркизации – все эти вопросы остаются достаточно дискуссионными, несмотря на многолетние исследования и солидную историографию. Новые данные, полученные в ходе исследования небольшого комплекса раннесредневековых погребений на могильнике Чумыш-Перекал на границе Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины, позволяют по-новому взглянуть на некоторые аспекты обозначенных проблем.

Грунтовой могильник Чумыш-Перекал расположен в западных предгорьях Салаирского кряжа, на правом берегу р. Чумыш (бассейн Оби), на северо-востоке Алтайского края. Могильник разновременный, включает комплексы позднего неолита, средней и поздней бронзы (андроновская, ирменская культура), скифского времени, эпохи раннего Средневековья [Фрибус, Грушин 2015; Фрибус и др. 2018]. К последней относится 16 погребений одинцовской культуры (рубеж VI–VII – VIII вв. н. э.).

Анализ материалов средневекового комплекса позволил выявить несколько компонентов, принявших участие в его формировании. Условно они обозначены нами как северный (таежный), местный, лесостепной (одинцовский) и южный «кочевнический».

К «кочевническим» (южным) элементам прежде всего относится обряд погребения в сопровождении коня, зафиксированный в 4 могилах. Вероятно, его появление в Западном Присалаирье связано с тюркским влиянием, однако все захоронения далеки от классических канонов (захоронение с конем или шкурой коня). В одном случае (могила 25) конь был уложен рядом с погребенным в нетипичной позе. В двух случаях (могилы 28, 34) рядом с погребенным были помещены расчлененные части туши. В могиле 33 кости коня были

* Работа осуществлена в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ, проект № 33.2597.2017/ПЧ (КемГУ, 2017–2019).

компактно уложены в прямоугольную яму рядом с погребением. В вещевом комплексе к «южным» элементам можно отнести предметы конского снаряжения, некоторые типы украшений, возможно, некоторые элементы поясной гарнитуры.

К местному, лесостепному компоненту, можно отнести большую часть керамики. Она представлена разнотипными круглодонными сосудами, украшенными оттисками мелкозубой гребенки и жемчужником. В целом, она вписывается в стандарты верхнеобской посуды, хотя и обладает значительным своеобразием [Троицкая, Новиков 1998]. Керамические сосуды присутствуют практически во всех женских и детских погребениях, а также в могилах, принадлежащих «пешим мужчинам-воинам». Отметим, что в 4 мужских погребениях в сопровождении коней, сосуды отсутствовали. К этому компоненту также относятся некоторые характерные типы украшений — детали головного украшения, бобовидные и орнитоморфная подвески, лапчатые серьги, серповидная подвеска-лунница и др. Аналогичные предметы известны на памятниках Барнаульского, Новосибирского и Томского Приобья, в Кузнецкой котловине [Грязнов 1956; Троицкая, Новиков 1998; Бобров 2002 и др.].

К еще более северным, лесным территориям, тяготеет серия предметов из погребения № 30. Здесь найдены массивные бронзовые височные подвески, подвески-«ворворки», а также прямоугольная бронзовая бляха с изображением «трех медведей в сакральной позе». Подобные бляхи широко распространены в лесных и лесостепных районах Евразии от Прикамья до Красноярского края [Чемякин 2009]. Предмет с Чумыша — вероятно, самая южная находка такого рода на юге Западной Сибири, ближайšie аналогии происходят из могильника Красный Яр в 300 км к северу в Новосибирском Приобье [Троицкая, Дураков 1995, рис. 3].

Таким образом, на границе лесостепи и Салаирской тайги произошло слияние местных традиций с традициями юга и севера. Какая-то часть мужского населения, возможно, была вовлечена в орбиту военно-политических событий на северной периферии Второго Тюркского каганата, что нашло отражение в погребальной обрядности и в появлении вещей кочевнического облика. С другой стороны, большая часть женских и детских погребений сохраняет местную специфику. При этом, в коллективе, возможно, присутствовали инкорпоранты, связанные с угорским миром, на что указывают находки таких специфических предметов, как бляха с изображением медведей «в жертвенной позе».

Библиографический список

- Бобров В. В. Атрибуты шаманского костюма из клада у с. Лебеди (Кузнецкая котловина) // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002. С. 206–212.
- Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956.
- Троицкая Т. Н., Дураков И. А. Еще раз о культуре медведя // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул, 1995. С. 97–107.
- Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998.
- Фрибус А. В., Грушин С. П. Культурно-хронологические комплексы грунтового могильника Чумыш-Пережат (предварительное сообщение по результатам работ 2014 г.) // Человек и север: антропология, археология, экология: материалы всерос. конф. Тюмень, 2015. С. 196–199.
- Фрибус А. В., Грушин С. П., Сайберт В. О., Трусова Е. В. Проблемы хронологии древних и средневековых комплексов могильника Чумыш-Пережат в Западном Присалаирье // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2018. Вып. 2. С. 42–47.
- Чемякин Ю. П. Возможные истоки и время бытования металлопластики с изображением медведя «в жертвенной позе» // ТАС. Тверь, 2009, Вып. 7. С. 428–440.

A. V. FRIBUS, S. P. GRUSHIN

THE SPECIFICS OF THE FORMATION OF THE EARLY MIDDLE AGE COMPLEX OF THE CHUMYSH-PEREKAT BURIAL GROUND IN THE WESTERN SALAIR REGION

The article studies the early Middle Age materials of the earth burial site Chumysh-Perekat located in the western piedmonts of the Salair mountain range. The study covered 16 interments of the Odintsovo culture dated to the turn of the 6th-7th – 8th centuries AD. The funeral rites and the grave goods complex demonstrated a symbiosis of the nomadic, forest-steppe, and the taiga traditions. The “nomadic elements” could include the male interments with horses (which differed significantly from the Turkic canons), the horse harness, and certain types of jewelry. The local tradition was represented in the funeral rites of some male, as well as the majority of the female and the children’s interments. The grave goods were represented by the pottery, weaponry, some characteristic types of jewelry. In addition, in one of the graves we found a complex of items associated with the northern influence, including a typical plaque with an image of “bears in a sacral attitude”, it was the southernmost find of this type in the south of Siberia.

Aleksey V. Fribus – Candidate of Historical Sciences, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo).
E-mail: fribus@list.ru

Sergey P. Grushin – Doctor of Historical Sciences, Altai State University (Russia, Barnaul).
E-mail: gsp142@mail.ru

Ю. С. ХУДЯКОВ, А. Ю. БОРИСЕНКО

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАЗАХОВ И СИБИРСКИХ ТАТАР С НАРОДАМИ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье анализируются исторические сведения, содержащиеся в сочинениях некоторых европейских авторов, в которых упоминаются исторические события, свидетельствующие об отношениях сибирских татар с казахами и угорскими народами, хантами и манси, обитавшими в таежных районах Западной Сибири в период присоединения сибирских земель к Российскому государству. В течение предшествующего исторического периода эти угорские народы находились в вассальной зависимости от правителей Сибирского Татарского ханства. После нескольких поражений от военных отрядов русских казаков угорские князья начали платить дань Московскому царю. В течение исследуемого исторического периода угорские князья стали платить дань российским властям. Представители казахской знати оказывали поддержку правителям из знатных татарских родов Сибирского Татарского ханства.

Худяков Юлий Сергеевич – д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск).
E-mail: khudjakov@mail.ru

Борисенко Алиса Юльевна – к.и.н., Новосибирский государственный университет (Россия, Новосибирск). E-mail: aborisenko2@mail.ru

В период присоединения Западной Сибири к Московскому царству правящая элита сибирских татар подчиняла таежные угорские племена.

В это время поддержку сибирским ханам оказывали представители казахской знати. Некоторые сведения о взаимоотношениях сибирских татар с угорскими этносами и казахами содержатся в записках европейцев о Сибири конца XVII – начала XVIII в.

Отдельные сведения об угорских этносах Западной Сибири содержатся в сочинении одного европейского офицера, приехавшего в Сибирь в составе группы Г. фон Эгерата для обучения войск «нового строя» в середине XVII в. В нем говорится, что вогулы (манси) имеют луки, упомянуты остяки (ханты) [Алексеев 1941, с. 360, 361]. По его словам, борьбу за восстановление Сибирского ханства возглавлял татарский «царевич». Его поддержали татары [Там же, с. 347–349]. В сочинении другого офицера из этой группы, А. Доббина, говорится о вогулах, у которых были луки, об остяках и сибирских татарах [Там же, с. 392, 393].

Сведения о походе русских казаков по р. Иртышу и покорении сибирских таежных племен есть у Н. К. Витсена [Зиннер 1968, с. 22, 23].

В сочинении европейского коммерсанта и дипломата Э. И. Идеса, проехавшего по Сибири во главе российского посольства в конце XVII в., есть сведения о вогулах, сибирских татарах и казахах. Он проявил интерес к культуре «вогульских татар» — манси. Во время пребывания в Тюмени Э. И. Идес обратил внимание на то, что местное население испытывало «большой страх» перед кочевниками «казахской орды». По его словам, кочевники «соединились и произвели набег на Сибирь». Войска заставили кочевников отступить с большими потерями. Он обратил внимание на остяков (хантов), основным оружием которых являются луки и стрелы. Они имеют также оружие «наподобие большого ножа», который «прикрепляют к рогатине примерно в сажень длиной» — пальмы. Дань с остяков собирал и передавал российским властям местный князь [Идес, Бранд 1967, с. 71, 79–89, 101–102].

В записках шведа Вебера, бывшего в плену в Сибири, упоминаются остяки, названные «невежественными язычниками и идолопоклонниками». По его словам, барабинцы «племя калмыцкое». Оружие у них, «как у всех татар, — лук и стрелы» [Зиннер 1968, с. 93, 94].

В описании путешествия Д. Г. Мессершмидта говорится, что на барабинцев нападали казахи и угоняли их в степи. Он обратил внимание на обычай сибирских татар устанавливать копьё с флажком у жилища умершего человека [Messerschmidt 1962, s. 57, 58].

В составе этой экспедиции часть путешествия по Сибири совершил пленный шведский офицер Ф. И. Табберт, получивший после возвращения из плена фамилию Страленберг. Он отметил, что сибирские народы, живущие рассеянно в лесах, остаются язычниками [Зиннер 1968, с. 121, 134].

Важные материалы о сибирских татарах и угорских народах были собраны участником Великой Северной экспедиции Г. Ф. Миллером.

В истории Сибири исследователь упомянул об отношениях сибирских татар с угорскими народами, о борьбе за власть в Сибирском ханстве между родами Тайбугидов и Шейбанидов, и об участии казахской элиты. Он отметил, что отдельные авторы путали енисейских кыргызов с «киргиз-кайсаками» [Миллер 1999, с. 307]. О «Кучуме, сыне Муртазы» говорится, что он пришел к власти при помощи Казахской орды.

Утверждается, что Кучум пришел из Казахских степей. Он взял город Искер и «принудил Сейдяка бежать в Бухару» [Там же, с. 192]. Г. Ф. Миллер призвал отнестись с осторожностью к сведениям о подчинении ханом Кучумом остяков и вогулов в нижнем течении Иртыша и Оби. Он утверждал, что остяки, жившие по р. Иртышу, подчинились татарам и платили им дань. Первые попытки подчинения вогулов были предприняты еще в XV в. [Там же, с. 194, 197, 199]. В 1573 г. татарский царевич Махметкул «побил много остяков», которые платили ясак русским властям. Во время похода отряда Ермака в Сибирь князя

вогулов и остяков участвовали в военных действиях в войсках хана Кучума. После поражения сибирских татар на Чувашском мысу город Искер был занят отрядом казаков. После этого к Ермаку явился остяцкий князец Бояр, который привез меха и «много съестных припасов» [Там же, с. 207, 229]. Однако другой остяцкий князь Нимнян со своим отрядом оказал упорное сопротивление русским казакам. Он собрал две тысячи остяков и вогулов и упорно оборонялся, пока часть его отряда не разбежалась. В 1583 г. Ермак предпринял поход по Оби и Иртышу, где взял несколько городков, получил добычу и заставил остяков платить ясак. После этого он предпринял поход для покорения вогулов и подчинил несколько князей [Там же, с. 229, 238, 245–247]. Однако Ермаку пришлось обратиться к царю Ивану IV с просьбой принять под свою власть сибирские земли. Несмотря на некоторые опасения, царь согласился принять эти земли. В дальнейшем он обращался к Кучуму с предложением вернуться на ханский престол при условии уплаты ясака, но тот не согласился. В 1585 г. в Сибирь был послан русский отряд воеводы И. Мансурова. Они соорудили городок близ устья р. Иртыша. Их окружили остяки. Они привезли с собой идола — «белогорского шайтана». Однако он был разбит метким выстрелом из пушки, после чего остяки разбежались [Там же, с. 261, 262]. Ослаблением Кучума воспользовался претендент на ханский престол Сейдяк из рода Тайбугидов. Его поддержали татарский мурза Карача и казахский султан Ураз-Мухаммед. С их помощью Сейдяк занял бывшую сибирскую столицу Искер. Русскими был сооружен Тобольский острог, важная российская крепость в Сибири. В 1588 г. Сейдяк и его союзники были пленены в Тобольске и отосланы в Москву [Там же, с. 269–271].

Кучум попытался переселить сибирских татар в степи, подальше от российских владений. При этом он убил «много людей и наградил большое количество всякого добра» [Там же, с. 272]. Воеводы послали за ним войска. Они нанесли поражение отряду Кучума. После ряда поражений, бегства и гибели, новым сибирским ханом стал его старший сын Алей (Али). Часть сибирских служилых татар перешла на службу к российским властям. Отряды служилых татар стали охранять границы российских владений в Западной Сибири и участвовали в походах против сторонников Сибирского ханства.

В дальнейшем, вогулы и остяки должны были платить ясак российским властям. В XVII в. среди вогулов ходили слухи о «московской смуте», что вызвало восстание. Нападения на Сургутский острог совершали остяки [Миллер 2000, с. 21, 25–27, 41, 43].

Сочинения европейцев дополняют русские источники по истории народов Западной Сибири в период ее присоединения к Российскому государству.

Библиографический список

- Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941.
- Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.
- Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2.
- Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Berlin, 1962. Th. 1.

JU. S. KHUDYAKOV, A. YU. BORISENKO

THE KAZAKHS AND THE SIBERIAN TATARS CONTACTS WITH THE PEOPLES OF THE TAIGA ZONE OF WESTERN SIBERIA

The paper studies the historical data presented in the writings of some European authors referring to the historical events that gave evidence of the contacts between the Siberian Tatars, the Kazakhs and the Ugric peoples, the Khanty and the Mansi, who lived in the taiga regions of Western Siberia during the period of the Russian colonization of Siberia. During the previous historical period, these Ugric peoples were in vassalage of the Siberian Tatar Khanate rulers. After suffering several defeats from military detachments of the Russian Cossacks, the Ugric princes began to pay tribute to the Tsar of Moscow. During the historical period under study, the Ugric princes were paying tribute to the Russian authorities. The representatives of the Kazakh nobility provided support to the rulers from the noble Tatar families of the Siberian Tatar Khanate.

Julius S. Khudiyakov – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: khudjakov@mail.ru

Alisa Yu. Borisenko – Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk). E-mail: aborisenko2@mail.ru

М. М. ШАХНОВИЧ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОРСКИЕ ВОЛОКИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ

В 2016–2017 гг. проведено полевое обследование мест на Мурманском побережье Баренцева моря с топонимом «Волоковой». Исследованные участки следует определить как «волока местного значения». Они выполняли частные задачи облегчения сообщения между соседствующими микрорайонами морского побережья. Здесь производилась переноска, перетаскивание грузов, возможно, и небольших лодок (п-ва Святой Нос, Средний). Наши работы подтвердили тезис о невозможности прямолинейной трактовки данных топонимии и необходимости проверки их археологическими исследованиями.

Шахнович Марк Михайлович – к.и.н., Национальный музей Республики Карелия (Россия, Петрозаводск). E-mail: marksuk62@mail.ru

Волоки – это неотъемлемая часть континентальной сети озерно-речных путей сообщения. Связанная с ними тематика традиционно относится к средневековому периоду археологии европейских территорий РФ. Рассмотрим определенный тип волоков – «море – море». На побережье Русской Арктики известны только две крупные морские волоковые системы – через полуострова Ямал и Канин Нос, активно использовавшиеся в конце XVI – первой половине XVII в.

На Мурманском берегу Русской Лапландии известны четыре морских залива при узких перешейках полуостровов с названием «Волоковая»: на п-ове Святой Нос, в устье Кольского залива и с двух сторон п-ва Средний. В 2016–2017 гг. предприняты полевые выезды для предварительного обследования этих мест. Это первая попытка их археологической локализации.

Выявление предполагаемых трасс волоков, при отсутствии конкретных исторических описаний, может основываться на оптимальном подходе, учитывающем совокупность практических причин их существования именно в данном месте – благоприятный рельеф

и целесообразность. Первоначально в рельефе местности определялся наименее физически малозатратный, кратчайший путь с грузом по перешейку из одного морского залива в другой — это понижения болотистых участков и скальные распадки с озерами. Намеченный маршрут проходилась пешком, с поиском четких наземных признаков специализированной антропогенной деятельности, которые можно предварительно связать с процессом перемещения судов или грузов: канавы, колеи, эскарпированные или выровненные съезды и подъемы, остатки гатей, желобов, воротов и т. п. Благодаря минимальному нарастанию почвенного слоя на гравийно-песчаных террасах арктического морского побережья, остатки древних сооружений, начиная с эпохи мезолита, связанные с проведением землекопных работ, хорошо наблюдаются в микрорельефе.

П-ов Святой Нос — условная географическая граница Баренцева и Белого морей. Он узкий (в основании — 3,7 км), выдается в море на 14 км, по длинной оси ориентирован — северо-запад — юго-восток. Берега скалистые, обрывистые, максимальная высота — 180 м. В морской акватории к северу от полуострова существует редкое гидроявление — сулой — беспорядочное сильное волнение при встрече противоположных течений двух морей. Для маломерных, с низкими бортами поморских судов Средневековья попадание в него воды часто приводило к катастрофическим последствиям. С полуостровом связано известное поморское предание из жития прп. Варлаама Керетского — о заклании им в данном месте морских червей, которые разрушали морские суда. В определенный период волок через п-ов Святой Нос имел жизненное значение для прибрежного мореплавания.

В 3,5 км к юго-востоку от крайней точки Святоносского п-ва обследованы два возможных маршрута через перешеек: от губы Лопское Становище (западный берег полуострова) до губы Волоковая и губы Становая на восточном берегу. Оптимальным признан путь до губы Волоковой, составляющий 1,4 км с юга на север по единственному понижению рельефа в сейсморазме. Он проходит по двум небольшим озерам и ровной, с твердым торфяниковым покровом, низине между скальными массивами и прибрежным песчаным площадкам. Изначально озера были одним водоемом (длиной около 1 км).

Губа Б. Волоковая находится в восточной части выхода из Кольского залива. Обследованы два варианта возможных маршрутов волоков из губы Б. Волоковая в заливы М. Волоковая (2,7 км) и в Зеленецкая Западная (2,8 км). Никаких признаков «волоковых путей» обнаружить не удалось. Из-за сложности маршрута (значительные перепады высот) и незначительности сокращения пути по морю (вдоль берега полуострова расстояние по воде между заливами — 11 и 14 км) предположим, что эти маршруты не использовались для перетаскивания судов. Скорее всего, по ним происходило перемещение грузов во время функционирования сезонных становищ.

П-ва Средний и Рыбачий находятся в 90 км к северо-западу от г. Мурманск, около российско-норвежской границы. Это единственное место на Мурманском побережье, где название «волок» упоминается в писцовых документах конца XVI в. и есть описание акта перетаскивания поморского морского судна в конце XV в. В этом районе есть два перспективных перешейка с южной и северо-восточной стороны п-ва Средний: между п-вами Рыбачий и Средний (губа Большая Волоковая) и между п-вом Средний и материком (губа Малая Волоковая). В данном случае смысловое значение названий «Малая» и «Большая» — это описательные характеристики не величины заливов, а определение их исторической взаимосвязанности — «основной» и «вспомогательный».

Участок в западной части перешейка между п-вами Средний и Рыбачий наиболее удобен для перетаскивания легких плавсредств. Он малопротяженный (2 км), невысокий, большая его часть — это сильно обводненная ложбина с мощным торфяным покровом и текущий по ней небольшой ручей. В Средневековье, когда уровень моря был выше на 2 м и заболоченные участки были менее значительными по площади, его ширина составляла около 1,7 км.

Перешеек между п-ов Средний с материком — это ровная низина длиной 5,5 км, где располагаются пять озер, соединенные с морем каменистыми речками. Современная суммарная протяженность пути по озерам — 2,2 км, а с учетом меньшей заторфованности берегов 500 лет назад — 2,7 км. Реки, во время постоянных дождей, полноводные, с широким, извилистыми руслами, глубоко врезанными в грунт на песчаных участках. Бичевник по берегу реки отсутствует. Этот участок берега подробно описан путешественниками XIX в., которые упоминают, что в историческое время он пересекался пешком, с пересадкой в новые лодки.

Кажущаяся ясность исходной семантики гидронима «волок» как места, где перетаскивали плавсредства, не отражает реального состояния применительно к Мурманскому берегу. Исследованные участки с характерными топонимами следует определить как «малые волока» / «волока местного значения». Они использовались не как часть большого межрегионального пути вдоль берега Баренцева моря, а выполняли частные задачи облегчения сообщения для местного населения и промысловиков между соседствующими микрорайонами. Здесь производилась переноска, перетаскивание («волочение») грузов, возможно, нечасто и небольших лодок (п-ва Святой Нос и Средний). Они не имели стратегического значения, как речные волоки в центральных областях России, контроль над которым становился важной политической задачей.

В широком культурно-историческом контексте волока на Мурмане можно отнести к объектам промысловой инфраструктуры рыболовецких коллективов «лопи, двинян и корелян и поморских волостей люди». Их эксплуатация была актуальна при активном применении маломерных лодок типа «река — море».

Термин «волоки» условен и не должен восприниматься однозначно как место для перетаскивания судов. При конкретной работе его следует рассматривать только как устоявшийся топоним, требующий осторожного применения в реконструкциях и обширного комментирования. Наши работы снова подтвердили тезис о невозможности прямой трактовки данных топонимии и необходимости проверки их в ходе полевых археологических исследований.

M. M. SHAKHNOVICH

MIDDLE AGE SEA PORTAGES AT THE RUSSIAN LAPLAND COAST

In 2016–2017, we performed a field study of the Barents Sea Murmansk Coast locations containing the word 'volok' (portage) in their place names. The studied sections should be defined as the "local scale portages". They served a specific purpose of providing better communication between the neighboring regions of the seacoast. They were used for carrying, hauling of cargo, and, possibly, of small boats (peninsulas Svyatoy Nos, Sredny). Our work has once more confirmed a thesis of the inadvisability of using straightforward interpretations of the toponymy data and the need of their verification with the archaeological studies.

Mark M. Shakhnovich — Candidate of Historical Sciences, National Museum of the Republic of Karelia (Russia, Petrozavodsk). E-mail: marksuk62@mail.ru

C. BÁLINT, E. SOÓS

STUDY OF A MIGRATION PERIOD SETTLEMENT FROM NORTHERN HUNGARY, IN RELATION TO THE CHERNYAKHOV CULTURE OF EASTERN EUROPE

At the beginning of the 5th century AD, in parallel to the decline of the previously dense Roman Period settlement network in the Barbarian territories of the Carpathian basin, new technological and typological characteristics appeared among the settlement finds, most of which show connections with the Sântana de Mureş-Chernyakhov culture. Continuity can be observed in some areas, however, in these regions the new cultural influences lead to the formation of a specific material culture. A new Hun Period site was excavated in NE-Hungary, at the foothills of the Bükk mts. in 2017. The settlement, similarly to other Post-Chernyakhov sites of the region lacks antecedents and is an indicator of the political-economic changes of the 5th century AD of Europe due to the Hunnic invasions. Changes in the material culture are not only visible on a chronological but on a microregional scale too, as there are observable differences between contemporary sites found within the NE Carpathian Basin.

Csaba Bálint – MA, István Dobó Castle Museum (Hungary, Eger). E-mail: bcs890321@gmail.com

Eszter Soós – PhD, University of Pécs (Hungary, Pécs). E-mail: soos.eszter@pte.hu

The northeast part of the Carpathian Basin was densely populated in the late Roman Age. East of the Rivers Hernád and Torysa, in Transcarpathia all the way to the limes of the former Roman Dacia the settlements of the Przeworsk culture, mostly identified with Vandals, can be found. We can count with Sarmatian sites in the lowland areas of the Upper Tisza Region. The settlement finds from the territories of the North Hungarian Range between the Rivers Danube and Sajó are related with the Quadi material culture from the present day western Slovakia [Soós-Tankó 2018, p. 282].

The inhabitants of the Roman Age settlements making a living mainly from agriculture and livestock farming had multi-level connections. Most of the everyday utensils have been manufactured locally in the settlements in a self-sufficient way, while certain types of the artefacts were purchased from workshops providing regional markets. In addition to the regional trade and exchange networks, long-distance connections can be traced on the basis of Roman and Barbarian imported items [Istvánovits-Kulcsár 2003, p. 232–238].

Radical changes began in the second half of 4th century AD which rearranged the former cultural and economic conditions throughout the Carpathian Basin. A new social and economic system was formed in the 5th century AD that differed from the social structure of the previous late Roman Age. Small grave groups or lonely burials were spread all over the Carpathian Basin as remains of a new social system.

The dense settlement network declined, most settlements from late Roman Age date to the turn of the 4th-5th or the beginning of the 5th century AD. In this period new technological and typological characteristics appeared among the settlement finds, most of which show connections with the Sântana de Mureş-Chernyakhov culture. Continuity can be observed in some areas, however, in these regions the new cultural influences brought forth the formation of a specific material culture. However, newcomers had also settled in the Upper Tisza Region: so far, the so-called Post-Chernyakhov horizon can primarily be identified in Hungary based on cemeteries [Tejral 2000, p. 5, 6].

A new Hun Period site, Andornaktálya – Kis-Rét-dűlő, was excavated in NE-Hungary, at the southern foothills of the Bükk mountains, close to the Eger stream during late spring and early summer of 2017. The farmstead like settlement, similarly to other Post-Chernyakhov sites of the region is lacking antecedents and is an indicator of the political-economic changes of the 5th century AD of Europe due to the Hunnic invasions. Changes in the material culture and settlement features are not only visible on a chronological scale but on a microregional scale too, as there are observable differences between contemporary sites found within the Northeastern Carpathian Basin.

One of the most significant features where the temporal changes are appear, is the ceramic assemblage. During the 5th century AD the wheel-turned cookware made out of grainy material is often supplemented by fine pottery ware that is unlike the late Roman period Barbarian wares of the previous times. Example of these fineware are biconical bowls and the Murga-type, often decorated, smooth surfaced jugs. A new type of dwelling appearing in the Hun Period is the so called *Eckpfostenhaus*, semi-subterranean buildings, where postholes are situated in the corners of the houses [Soós et al. 2017, p. 18]. This kind of structural innovation is also connected to the Hun Period changes and was found at the site of Andornaktálya.

Regional differences between sites are observable for example in strategies of storing food. While in Andornaktálya – Kis-Rét-dűlő a significant number of storage pits and storage vessels were found, on the contemporary site of Onga – Teknő-lapos, situated close to the eastern side of the Bükk mountains there was an absence of these features and storing food was done with the help of structures with above ground platforms [Soós 2014, p. 188, 189]. Distinction can also be made between the sites situated in the NE Carpathian Basin when observing the ceramic assemblage. The variation of forms and types are most probably due to the disappearance of the late Roman pottery workshop centres, which leads to local communities supplying themselves with utensils. Another factor contributing to the variation of material culture is the appearance of groups with different origin and socio-economic background [Soós et al. 2017, p. 16, 17].

The settlement of Andornaktálya – Kis-Rét-dűlő belongs to a territory and timeframe, that was mostly unknown to the research of the Migration Period up to recent years. Careful study of it's material and comparison to other regional sites dated to this period will hopefully show a clearer picture of the political, social and economic changes of the so-called Post-Chernyakhov horizon and the later Gepidic Period in the 6th century as well.

Bibliography

- Istvánovits E., Kulcsár V. Some traces of Sarmatian–Germanic contacts in the Great Hungarian Plain // Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Neumünster, 2003. P. 227–238.
- Soós E. Kr. u. 5. Századi telepészlet a Hernád mentén. Parts of a 5th c. A.D. settlement by the Hernád river, Hungary // A Herman Ottó Múzeum Évkönyve. 2014. Vol. 53 P. 183–211.
- Soós E., Bárány A., Köhler K., Pusztai T. Settlement and graves from Hernádvécse (NE-Hungary) in the 5th century AD: relation of living space and burial place in the Hun Period. Kr. u. 5. századi telep és temetkezések Hernádvécséről: adatok a lakóhely és a temetkezések kapcsolatához a hun korban // A Herman Ottó Múzeum Évkönyve LVI. (2017) 2018. P. 49–98.
- Soós E., Tankó K. Late Roman Period Quad settlement in Pásztó-Csontfalva // Celto – Gallo – Roman Studies of the MTA-ELTE Research Group for Interdisciplinary Archaeology. Budapest, 2018. P. 281–301.
- Tejral J. The Problem of the Primary Acculturation at the Beginning of the Migration Period // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódz, 2000. P. 5–31.

Ч. БАЛИНТ, Э. СООС

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРАЛЛЕЛЕЙ МЕЖДУ ПОСЕЛЕНИЕМ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ НА СЕВЕРЕ ВЕНГРИИ И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРОЙ**

В начале V в. н. э. на фоне упадка ранее плотной сети поселений римского периода на «варварских» территориях Карпатской котловины, среди поселенческих археологических находок начинают появляться новые технологические и типологические характеристики, большая часть из которых указывает на связи с Сынтана-де-Муреш — черняховской культурой. На некоторых территориях прослеживается определенная преемственность, однако в этих регионах новые культурные влияния привели к формированию особой материальной культуры. В 2017 г. были проведены раскопки нового памятника эпохи гуннского вторжения в предгорьях Бюкк на СВ Венгрии. Поселение, подобно другим пост-черняховским памятникам региона, не имеет аналогий в предшествующих периодах, и служит индикатором политико-экономических изменений, происходивших в Европе в V в. н. э. в результате вторжения гуннов. Изменения в материальной культуре прослеживаются не только на хронологическом, но также и на микрорегиональном уровне, на что указывают видимые различия между одновременными памятниками в пределах СВ Карпатской котловины.

Балинт Чаба — МА, Крепостной музей Иштвана Добо (Венгрия, Эгер). E-mail: bcs890321@gmail.com

Соос Эстер — PhD, Печский университет (Венгрия, Печ). E-mail: soos.eszter@pte.hu

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

MULTIDISCIPLINARY RESEARCH METHODS
IN ARCHAEOLOGY
OF NORTHERN EURASIA

И. В. АБРАМОВ

РЫБОЛОВНЫЕ ЗАПОРЫ НИЖНЕЙ КОНДЫ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД*

В Кондинской низменности Западной Сибири сохранилась практика запорного рыболовства — элемент традиционного хозяйства. Проведено картографирование заповров по спутниковым снимкам, данные верифицированы и дополнены в ходе этнографической работы в Болчаровском сельском поселении. Определено влияние природных, экономических факторов на размещение заповров в XX в., прослежена эволюция промысла, отмечен этап внедрения модернизированных ловушек — кондинских котцов. На основе установленных пространственных связей и с учетом местных промысловых схем определена перспектива археологических поисков древних поселений в местах размещения заповров.

Абрамов Илья Викторович — Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург).
E-mail: ilya_abramov@list.ru

Западно-Сибирская равнина — один самых заболоченных и обводненных регионов мира. Внутри нее выделяются особо пониженные участки, такие как Кондинская низменность, 70 % площади которой занимают реки, озера и болота. Длительное половодье, заозеренность бассейнов и регулярный замор создали условия для нагула и миграций рыбы. Рыболовная специализация жителей Конды была в известном смысле предопределена. Запирание пойменных соров и малых рек вплоть до начала XX в. было одним из основных способов рыболовства аборигенов. О незнакомстве с неводом (сетями) остяков Сургутского уезда в начале XX в. писал А. А. Дунин-Горкавич: «...а рыба добывается исключительно мордами, при помощи сплошных заграждений мелких речек» [1904, с. 248].

Основоположником изучения запорного лова в Приобье был финский этнограф У. Т. Сирелиус, который совершил две длительные экспедиции на рубеже XIX–XX вв. [1906]. Большой интерес представляют его дневники [Сирелиус 2001]. Кондинские заповры в начале XX в. описывали М. Г. Корсунский, Л. Р. Шульц и Б. Н. Городков [Кондинский край... 2006]. В течение XX в. заповры фиксировались этнографами как элемент культуры жизнеобеспечения, но кондинские устройства остались вне описаний, став предметом исследований ихтиологов [Петкевич 1972, с. 238–243]. Доисторических заповров в Западной Сибири до сих не обнаружено, несмотря на успех подобных поисков в Европе.

После Великой Отечественной войны в Среднем Приобье появились зверофермы и рыбозаводы, которые в больших объемах стали потреблять мелкую рыбу. Для вылова мелкого частика более всего подходили заповры, что привело к их усовершенствованию и появлению в 1940-х гг. понятия *кондинский котец* и профессии рыбака-котцевики. Котец — вариант запорной ловушки, представляющий собой сегмент реки до 200 м длиной, перекрытый с двух сторон заповрами. Рамы с решетчатым жалом держатся на вбитых в дно сваях 5–6 метровой высоты, поверх которых прокладывают мостки. Если водоток более 5 м шириной, с большим расходом воды весной, то выбирают излучину, которую срезают каналом и запирают на время промысла. Основной лов производится в декабре-январе, когда рыба массово покидает озера из-за недостатка кислорода и заходит в прилегающие

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-49-860008 p_a «Комплексные исследования пространственной организации древних и традиционных поселений в таежной зоне Западной Сибири на примере Нижней Конды» (рук. Т. Н. Соболевникова).

реки. Проход рыбы в котец регулируется сомуттом — сходящим на конус плетеным лазом. Котец настроен как на подъемную, так и на покатную рыбу, добывают в среднем 10–20 т товарной рыбы (с мелочью до 50–60 т), рыбопродуктивность зависит от кормовой базы водоема, режима проточности и заморности. Обустройство кондинского котца требует 7–10 кубометров пиломатериала, не считая расходов на промысловый стан, состоящий из избы, площадки для заморозки рыбы, навеса и склада. В 1960-е гг. на 500–550 котцов кондинского типа приходилось 8,6 % всей добываемой в Тюменской области рыбы [Петкевич 1972, с. 8]. Стационарные котцы на малых реках стали основным способом использования запоров, в то время как распространенные ранее сезонные запоры на русле Конды были запрещены.

В результате картографирования запоров по спутниковым снимкам и последующего опроса рыбаков Болчаровского сельского поселения (с. Болчары, с. Алтай, д. Кама) установлено положение 111 запоров на нижней Конде, относящихся в основном к последней четверти XX в. Это был период максимального распространения котцов, в 2010-х гг. с ростом общего уровня благосостояния, но также — топливных расходов и бюрократических издержек, их число сократилось. Сегодня котцы остались только на тех малых реках (13–15), где рыба конвертируется в осязаемый денежный доход.

Установлена закономерность размещения запоров на истоке из верховых или проточных озер в пределах 600 м — такое положение наиболее эффективно для устройства котца. Ландшафтный фактор является устойчивым во времени, его влияние можно рассматривать ретроспективно и учитывать при прогнозировании археологических поисков. Запоры в низовьях притоков также ставились, но из-за нестабильности уровня Конды из года в год, эта практика была непостоянной. Запирание озерных систем было более эффективным, но трудоемким, требующим проведения мелиоративных работ, так что места устройства больших запоров требовали оседлости общины. Данные переписи 1926 г., демонстрируют, что несколько поселений хантов в низовьях Конды стояли на истоках из озерных систем (д. Нюркой, д. Шумилово), что говорит о главенствующей роли запоров в жизнеобеспечении. Котцы (рыболовные станы) в тех местах сохраняются до настоящего времени.

Близость истоков к устью (30–40 км по прямой) нижнекондинских притоков делала перспективной схему чередования ресурсов верховых/низовых ландшафтных зон и водоемов. С учетом периодичности многоводных лет на Конде, исключая привычные/добычливые способы лова в пойме, освоение с помощью запоров периферийных водоемов со стабильными гидроусловиями, гарантировало улов. Поселения у запоров при такой стратегии были сезонными (зимними), в то время как летнее жилище располагалось на Конде. На такую схему природопользования указывают этнографические и археологические данные, в частности выявленная высокая плотность древних поселений в низовьях притоков нижней Конды [Собольникова, Кузина, Мухьярова 2017].

Библиографический список

- Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904.
- Кондинский край XVI — начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях. Екатеринбург, 2006.
- Петкевич А. Н. Орудия промышленного рыболовства Урала и Сибири: справ. Новосибирск, 1972.
- Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск, 2001.

Собольникова Т. Н., Кузина А. В., Мухьярова А. Р. Археологические исследования в нижнем течении р. Конда: итоги полевого сезона 2017 г. // Вестн. угроведения. 2017. Т. 7, № 4. С. 144–157.
Sirelius U. T. Uber die Sperrfischerei bei den finnisch-ugrischen Volkern. Helsingfors, 1906.

I. V. ABRAMOV

FISHING LOCKS OF THE LOWER KONDA: INTERDISCIPLINARY APPROACH

The dam fishing is still practiced in the Konda lowland in Western Siberia as an element of the traditional economy. We have performed mapping of the locks using the satellite-based photos, the data were verified and updated in the course of the ethnographic field study in Bolcharovskoe village. The study estimated the effect of the natural and the economic factors on placement of locks in the 20th century, traced the evolution of this practice, and identified a stage of the modernized traps introduction — the Konda *kotsy* (fenced traps). Using the established spatial relations, and taking into account the local fishing organization patterns, we have estimated the potential for the archaeological search for the ancient settlements at the location of the locks.

Илья В. Абрамов — Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: ilya_abramov@list.ru

А. Л. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, Е. И. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ, С. Н. СЕДОВ, Г. П. ВИЗГАЛОВ, Е. Г. ЕРШОВА,
С. Ф. ТАТАУРОВ, С. Г. ПАРХИМОВИЧ, А. А. ЮРТАЕВ

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ СЕВЕРА

Комплексом методов почвоведения, микроморфологии, палинологии исследованы культурные слои Севера Западной Сибири. Условия севера являются благоприятными для накопления органических остатков, в связи с чем формируются мощные органические слои, которые здесь большую часть года находятся в мерзлом состоянии, а на глубине более 1 м — в условиях постоянной мерзлоты. По сохранности органического вещества (ОВ) они сходны с мокрыми слоями таких городов, как Великий Новгород, и содержат значительно больше ОВ, чем минеральные слои, — до 80 %, представленного щепой и остатками навоза. Высоко в них и содержание фосфора, кальция, и ряда микроэлементов. Причем высокое содержание меди, цинка, свинца, мышьяка обычно связывается с металлургией и другими производствами. По данным микроморфологии, обнаруживается высокое содержание обломков кости, керамики, диагностических признаков навоза и других компонентов, связанных с деятельностью человека.

Александровский Александр Леонтьевич — д.г.н., Институт географии РАН (Россия, Москва).
E-mail: alexandrovskiy@mail.ru

Александровская Елена Ивановна — к.г.н., Институт географии РАН (Россия, Москва).
E-mail: antroposfera@rambler.ru

Седов Сергей Николаевич — к.б.н., Институт геологии национального автономного университета Мексика (Мексика, Мехико). E-mail: serg_sedov@yahoo.com

Визгалов Георгий Петрович — к.и.н., Сургутский государственный университет (Россия, Сургут).
E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Ершова Екатерина Георгиевна — к.б.н., Московский государственный университет (Россия, Москва).
E-mail: ekaterinagershova@mail.ru

Татауров Сергей Филиппович — к.и.н., Омский государственный университет (Россия, Омск).
E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Пархимович Сергей Григорьевич – НПО «Северная археология-1» (Россия, Нефтеюганск).

E-mail: par@yandex.ru

Юртаев Андрей Александрович – к.г.н., Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень).

E-mail: yurtaevgeo@yandex.ru

Культурные слои (КС) разнообразны. Выделяются «сухие» минеральные и «мокрые» органические слои, а также органоминеральные и другие варианты КС, занимающие промежуточное положение между минеральными и органическими [Александровский 2018].

Для характеристики свойств КС, процессов их формирования, а также для реконструкции условий природной среды, могут быть использованы такие методы естественных наук, как фосфатный анализ, иные виды анализа почв, элементный анализ (рентген-флуоресцентный и др.), микроморфологический, пыльцевой и другие.

Березово. Северная тайга. Культурный слой 2,5 м (XVII–XX вв.) состоит в основном из органического материала (органический слой, ОС), в верхних 70 см заметна примесь обломков кирпича, извести, другого минерального материала (ОМС). Основные компоненты ОС – щепы и торфообразная масса (навоз). В основании лежит прослой навоза с малой примесью щепы.

Тара. Зона подтайги. Культурный слой XVII–XIX вв. мощностью 1–1,2 м, в ямах до 2 м. В основном ОС, в верхней части – ОМС.

Проанализированы несколько образцов из средней части культурного слоя (XVII–XVIII вв.) *Надымского городка* (лесотундра).

По данным анализов, содержание органического вещества (потеря при прокаливании) в ОС составляет 50–80 %. Также ОС отличаются от «лессообразных» и других минеральных слоев (МС), высоким содержанием фосфора, серы, меди, цинка и других элементов (табл. 1).

Рассматриваемые слои можно представить в виде эволюционного ряда, различия в котором обусловлены степенью разложения ОВ. В мокром слое в лесной зоне, в условиях влажного климата, плоского рельефа и слабого дренажа, грунтовые воды стоят высоко. В связи с этим деятельность микроорганизмов подавлена, а степень разложения ОВ минимальная (содержание ОВ 50–80 %). В условиях хорошего дренажа разложение ОВ идет сильнее, происходит гумификация грубых органических остатков (содержание ОВ 3–35 %). В условиях сухого климата на юге региона степень разложения ОВ максимальная, в результате чего в лессообразных минеральных слоях процессы минерализации ОВ ведут к почти полной его потере (содержание ОВ 1–2 %).

Таблица 1

Состав мощного культурного слоя в разных географических условиях

Типы КС	Поселение	Гумус	Потеря при прокаливании	Фосфор	Сера	Cu	Zn
		%	%	%	%	мг/кг	мг/кг
Минеральный «Лёссообразный»	Фанагория	1-2	1-3	0,2-1	0,2	30-70	60-120

Типы КС	Поселение	Гумус	Потеря при прокаливании	Фосфор	Сера	Cu	Zn
Минеральный малогумусный карбонатный	Москва	2–5	3–6	1–3	0,2	20–50	100–350
Органоминеральный гумусоаккумулятивный		7–15	12–35	1–4	1–4	30–200	200–700
Органический	Великий Новгород	10–40	50–80	2–5	4–10	50–150	200–700
	Тара	10–25	35–60	1–4	4–7	60–90	250–350
Органический мерзлый	Березово	(20)	(70)	1–4	2–9	80–120	130–270
	Надымский городок	(20)	(80)	3–17	2–4	110–300	350–550
Минеральные почвы	–	1–10	1–20	0,2	0,15	20	45

Климат севера представляет максимально благоприятные условия для накопления органических остатков, так как КС здесь большую часть года находятся в мерзлом состоянии, а на глубине более 1 м они оказываются в условиях постоянной мерзлоты. Такие слои могут быть названы мерзлыми органическими. Степень трансформации ОВ и практически всех артефактов здесь еще большая, чем в просто мокрых слоях. Это ярко проявляется в микроморфологических данных: в изобилии встречаются остатки кости, керамики, микропризнаки навоза и др. Однако здесь возможно воздействие кристаллов льда на ткани древесины и других остатков растений.

В КС Березово повышено содержание меди, цинка, мышьяка и свинца (табл. 2). Как правило, такие совместные повышения цинка, меди, мышьяка и свинца бывают при местных металлургических производствах [Александровская, Александровский 2003]. Известно, что при выплавке меди, цинк улетучивается вместе с металлургическими газами. Однако при соприкосновении с холодным воздухом он может конденсироваться и опускаться на землю. То же самое происходит и со свинцом. Кроме того, отмечается отчетливое накопление мышьяка, что может быть связано как с примесью мышьяка в металлических предметах, переплавляемых в этом месте, так и с существованием здесь кожевенных промыслов, так как в то время при выделке особых кож как депиляторы применялись минералы мышьяка.

Таблица 2

Содержание микроэлементов по данным РФА (мкг/г)*

Образец, глубина, см	Ni	Cu	Zn	As	Br	Pb
Кларк земной коры	99	30	76	2	4	13
Березово						
1. 0–50	19	62	178	17	5	122
2. 50–70	18	80	227	12	8	67

Образец, глубина, см	Ni	Cu	Zn	As	Br	Pb
3. 70–110	23	118	242	6	9	36
4. 120–150	25	80	261	9	6	34
5. 150–170	23	114	272	-	5	33
6. 180–190	16	38	132	-	17	6
7. 210–250	16	56	191	11	8	17
8. 250–251	15	53	171	4	5	15
Надымский городок						
9.	17	195	559	6	14	–
14.	13	302	396	–	5	4
Тара						
1. 5	28	66	297	12	34	61
5. 45	17	92	365	–	20	15
7. 60	14	63	253	–	36	–
9. 75	18	63	282	–	52	7
10. 85	17	59	212	–	16	8
13. 130	23	23	122	–	4	15

* П/ж шрифтом выделены повышенные концентрации элементов

В КС трех рассматриваемых поселений повышено содержание фосфора, кальция, серы и тяжелых металлов (Zn, Cu, Pb). При этом в КС Надымского городка особенно много фосфора и кальция (эти элементы входят в состав апатита кости); сильно повышено содержание меди и цинка, но в отличие от Березова и Тары свинца относительно немного.

Пыльцевой спектр прослоя навоза (Березово) представлен видами трав, лугов окружающих поселение, и не соответствует растительности самого поселения.

Библиографический список

Александровская Е. И., Александровский А. Л. Историко-географическая антропохимия. М., 2003.
Александровский А. Л. Культурный слой: генезис, география, систематика, палеоэкологическое значение // Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия. М., 2018. С. 7–16.

A. L. ALEKSANDROVSKY, E. I. ALEXANDROVSKAYA, S. N. SEDOV, G. P. VIZGALOV, E. G. ERSHOVA, S. F. TATAUROV, S. G. PARKHIMOVICH, A. A. YURTAEV

COMPREHENSIVE STUDY OF CULTURAL LAYERS OF THE NORTH

The study of the cultural layers of the north of Western Siberia was performed with the use of the combined techniques of pedology, micromorphology, and palynology. Northern environment is favorable for the accumulation of organic remains, which leads to the formation of thick organic layers that stay frozen for most part of the year, and at the depth of over 1 meter, the materials are deposited in the permafrost conditions. In terms of the preservation of the organic substance, they are similar to the wet layers of Veliky Novgorod and the like. They contain a lot more of organic substance than the mineral

layers – up to 80 %, which may be represented with wooden chips and the remains of manure. They also have a high content of phosphorus, calcium, and a number of microelements. At the same time, the high content of copper, zinc, lead, and arsenic is normally associated with metallurgy and other types of production. According to the micro-morphology data, there is a high content of bone fragments, ceramics, diagnostic attributes of manure, and other components related to human activity.

Alexander L. Aleksandrovsky – Doctor of Geographical Sciences, Institute Geography of the RAS (Russia, Moscow). E-mail: alexandrovskiy@mail.ru

Elena I. Alexandrovskaya – Candidate of Geographical Sciences, Institute Geography of the RAS (Russia, Moscow). E-mail: antroposfera@rambler.ru

Sergey N. Sedov – Candidate of Biological Sciences, Institute of Geology, National Autonomous University of Mexico (Mexico, Mexico City). E-mail: serg_sedov@yahoo.com

Georgiy P. Vizgalov – Candidate of Historical Sciences, Surgut State University (Russia, Surgut). E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Ekaterina G. Ershova – Candidate of Biological Sciences, Moscow State University (Russia, Moscow). E-mail: ekaterinagershova@mail.ru

Sergey F. Tataurov – Candidate of Historical Sciences, Omsk State University (Russia, Omsk). E-mail: tatsf2008@rambler.ru

Sergey G. Parkhimovich – LLC RPA “Northern Archeology-1” (Russia, Nefteyugansk). E-mail: par@yandex.ru

Andrey A. Yurtaev – Candidate of Geographical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen). E-mail: yurtaevgeo@yandex.ru

Д. А. БЫЧКОВ, В. П. КОЛОСОВ

ВОЗМОЖНОСТИ АТРИБУТИВНОГО ПОДХОДА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПИРОТЕХНИЧЕСКИХ УСТРОЙСТВ И СЛЕДОВ ГОРЕНИЯ

В 2015–2017 гг. проводились комплексные исследования следов горения, зафиксированных при проведении полевых археологических работ на поселенческих комплексах эпохи неолита и палеометалла в Северном Приангарье. Для статистической обработки была сформирована выборка из 220 следов горения. Посредством статистического анализа выделены типобразующие признаки: форма, мощность, слоистость заполнения, наличие артефактов в заполнении, морфометрические коэффициенты. Последующие аналитические процедуры показали, что исследуемые объекты разделяются на 4 типа. На основании полученных результатов и опыта были сформулированы перспективы применения атрибутивного подхода для изучения использования огня древним населением.

Бычков Дмитрий Александрович – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Колосов Владимир Павлович – Государственный Эрмитаж (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: tepavi@yandex.ru

В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что древний человек осваивал открытые перед ним бескрайние пространства, неся с собой огонь. Не во всех частных случаях можно установить, как именно огонь добывался или его поддерживали постоянно, не давая затухнуть. Тем не менее, остается неизменным, что освоение территорий и использование огня человеком неразрывно связаны между собой. На современном этапе развития археологии накоплено множество документированных свидетельств использования огня

в разных уголках земного шара. В 2015–2017 гг. авторами проводились комплексные исследования следов горения, которые были выявлены на поселенческих комплексах эпохи неолита и палеометалла в Северном Приангарье.

Основной целью исследования было обоснование наличия закономерностей между признаками пирогенных объектов, зафиксированных при раскопках, и природой их возникновения. Движение к поставленной цели осуществлялось в рамках атрибутивного подхода, согласно которому у исследуемого объекта есть неотделимые признаки, отражающие процесс (технологию) его происхождения (производства) [Павленок, Белоусова, Рыбин 2011, с. 35, 36]. Основным методическим инструментарием являлись методы описательной статистики и геометрическая морфометрия. Первоначальная выборка составила 220 следов горения.

В результате проведенных исследовательских мероприятий было установлено, что у изучаемых объектов выделяются такие типобразующие признаки как форма, мощность, слоистость и наличие артефактов в заполнении, угловой коэффициент соответствия, коэффициент преднамеренности. Сравнительный анализ встречаемости данных признаков позволил установить, что следы горения, в заполнении которых обнаружены артефакты, обладают мощностью более 0,09 м, многослойным заполнением, и значениями коэффициентов более 0,6 [Бычков, Волков 2018, с. 97]. Для верификации полученных данных была поставлена серия экспериментов, в одном из которых применялась магнитометрия для получения количественных параметров. В результате было установлено, что выведенные закономерности встречаемости определенных признаков не противоречат выводам, к которым пришли и другие исследователи [Bellomo Randy 1993, с. 549].

Из первоначальной выборки было выделено 168 следов горения, обладающие вышеописанными значениями признаков. Анализ морфологической варибельности показал, что выделяются 4 преобладающие формы следов горения. Внутригрупповой анализ следов горения каждой из форм показал, что они различаются по диапазонам значений вышеописанных признаков. Таким образом, было выделено 4 типа следов горения, каждый из которых отличается, прежде всего, формой, а так же рядом других параметров. Контекстный анализ выделенных типов следов горения выявил преобладание определенных типов в отдельные хронологические периоды. Экспериментальные исследования и работа с этнографическими материалами показали, что выделенные типы следов горения соотносятся с возможными вариантами пиротехнических устройств.

В результате проведенной работы было установлено, что в практике использования огня древним населением Северного Приангарья преобладали 4 варианта наземных пиротехнических устройств, следы горения которых разделяются на соответствующие 4 типа. На основании полученного исследовательского опыта были сформулированы следующие перспективы применения методов статистики для изучения свидетельств использования огня в древности. Во-первых, применение методов статистики в рамках атрибутивного подхода позволяет создать классификацию пиротехнических устройств и следов их использования на изучаемой территории. Во-вторых, введение в анализ коэффициента преднамеренности позволяет проследить динамику изменения морфометрических параметров на изучаемом отрезке исторического времени. Маркировка по признаку формы позволяет выделять периоды преобладания определенных типов следов горения. В-третьих, сопоставление динамики изменения морфометрических параметров следов

горения с реконструируемыми климатическими обстановками позволит сделать интерпретацию первого более доказательной. В отдельных случаях, природно-климатические факторы, в совокупности со сведениями о хозяйстве изучаемого древнего населения, могут объяснить преобладание тех или иных типов следов горения на археологических памятниках. В-четвертых, при определенной статистической стабильности сопоставление морфометрических параметров следов горения и пиротехнических конструкций, встречающихся на памятниках определенной культуры, позволит сформировать представление о практике использования огня у носителей этой культуры. При получении таких сведений будет возможен переход на уровень культурных обобщений.

Критическое рассмотрение методов, хода и результатов исследования приводит к закономерному выводу о следующем. Результативность применения методов статистики для изучения использования огня древним населением в определенный период времени на изучаемой территории зависит не столько от качества документирования свидетельств использования огня, физико-химических свойств вмещающих отложений и характера постседиментационных процессов, сколько от четкого понимания, что полученный результат нуждается в корреляции с экспериментальными и этнографическими данными. Поскольку любая схема, классификация или типология это результат, в том числе, субъективного сознания исследователя.

Библиографический список

- Бычков Д. А., Волков П. В. Признаки контролируемого использования огня: по материалам поселений эпохи неолита и палеометалла в Северном Приангарье // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2018. Т. 17, вып. 3: Археология и этнография. С. 92–99.
- Павленок К. К., Белоусова Н. Е., Рыбин Е. П. Атрибутивный подход к реконструкции «операционных печечек» расщепления камня // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10., вып. 3: Археология и этнография. С. 35–46.
- Bellomo Randy V. A Methodological Approach for Identifying Archaeological Evidence of Fire Resulting from Human Activities // Journal of Archaeological Science. 1993. № 20. С. 525–553.

D. A. BYCHKOV, V. P. KOLOSOV

POTENTIAL OF THE ATTRIBUTIVE APPROACH TO THE STUDY OF PYROTECHNIC DEVICES AND TRACES OF BURNING

In 2015–2017, we performed a comprehensive study of the traces of burning identified during the archaeological fieldwork at the Neolithic and Early Metal settlement complexes in the North Angara region. We have prepared a selection of 220 items with traces of burning for the statistical analysis. The analysis allowed distinguishing the type-forming attributes: shape, thickness, filling stratification, the presence of artifacts in the filling, the morphometric ratios. Further analysis demonstrated that the objects under study could be grouped into 4 types. On the basis of the obtained results and the experiments, we estimated the potential for the application of the attributive approach for the study of the use of fire by the ancient population.

Dmitry A. Bychkov – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: bda.nsk@yandex.ru

Vladimir P. Kolosov – State Hermitage Museum (Russia, Saint Petersburg). E-mail: tepavi@yandex.ru

П. В. ВОЛКОВ

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ТРЕПАНАЦИИ ЧЕРЕПОВ В ЭПОХУ БРОНЗЫ В СИБИРИ*

В ходе экспериментально-трасологических и технологических исследований следов и орудий трепанации черепов в эпоху поздней бронзы в Сибири было зафиксировано использование двух составляющих инструментария хирурга: основную и вспомогательную. Если на начальной стадии трепанации черепа, как правило, использовался универсальный нож вполне обычных, ординарных для того времени технических характеристик, то на втором этапе трепанации применялись особые, специализированные инструменты, культурную принадлежность которых легко зафиксировать. При выделении из археологических коллекций орудий, связанных с хирургической деятельностью, следует обратить особое внимание преимущественно на «вспомогательные» орудия хирургических операций. Именно такого типа орудия, весьма вариативные в своей морфологии и специфике использования, могут и должны отобразить культурную, региональную и хронологическую специфику развития хирургии.

Волков Павел Владимирович – д.и.н., Новосибирский государственный университет (Россия, Новосибирск). E-mail: volkov100@yandex.ru

Следы прижизненной трепанации черепа известны по материалам погребений на территории Евразии в период от неолита до средневековья [Медникова 2001; Чикишева и др. 2018]. В ряде ранее проведенных исследований внимание уделялось общему составу вероятно использовавшегося инструментария для проведения самых различных хирургических операций [Наглер 2012; Чикишева и др. 2014]. Оставалась неясной морфологическая и функциональная специфика использовавшихся орудий.

Изучение материалов погребений из кургана № 3 могильника Бике-III, кургана № 2 курганной группы Кызыл-Джар-IV и кургана № 3 курганной группы Кызыл-Джар-V предоставило возможность обратить внимание на особенности операции по трепанации черепов и использовавшегося при этом набора орудий хирургов эпохи бронзы.

На основе опыта экспериментальных исследований в археологии Северной и Центральной Азии [Волков 2013] было проведено трасологическое изучение следов на поверхности трепанированных черепов. Были изучены признаки специфического износа на серии экспериментальных и вероятных орудий для проведения такого рода операций. В ходе специальных исследований костной ткани прооперированных черепов была выявлена высокая концентрация молекул меди и олова. Отсутствие следов мышьяка дало основание предполагать, что использованные для трепанирования инструменты были изготовлены из оловянистой бронзы [Чикишева и др. 2014]. Сделано предположение о большой вероятности использования в качестве оперативного инструмента для резания кости при трепанации ординарных, достаточно распространенных у ранних кочевников Южной Сибири ножей. В качестве вспомогательных инструментов могли использоваться ряд орудий из бронзы, известные по материалам Минусинского краеведческого музея, имеющие морфологические и функциональные аналогии в синхронном инструментарии европейских хирургов. Совокупность описанных выше орудий можно считать вполне достаточным инструментарием хирурга, практиковавшего в конце последнего тысячелетия

* Работа выполнена в рамках госзадания № 1.5041.2017/ВУ Новосибирского государственного университета «Южная Сибирь в системе этнокультурных процессов Евразии в Древности, Средние века и Новое время: роль контактов и взаимовлияний» на 2017–2019 гг.

до н. э. [Чикишева и др. 2014]. Однако уверенно говорить о наборе использовавшихся орудий, как о специализированном, характерном для определенной культуры, инструментарию хирурга было затруднительно.

В ходе исследований зафиксировано использование двух составляющих инструментарию хирурга. Если на начальной стадии операции, при резании черепной кости использовался нож вполне обычных для того времени технических характеристик, то на втором этапе трепанации применялись и другие, особые инструменты.

Ряд оперативных действий хирурга могли совершаться с помощью инструментарию, выполненного из самого различного материала (кость, рог или даже прочное дерево). Помимо «дешевизны», в определенных случаях, «деликатность» такого рода инструментов не провоцировала бы излишнего травмирования. Сверление кости черепа можно вполне успешно, а в определенных случаях даже более эффективно, выполнить каменным наконечником инструмента. Хирургические ланцеты из железа (применяемые как скальпели) более изнаноустойчивы, пинцеты более эластичны, чем их аналоги из бронзы. А уж использование бронзового зонда, на первый взгляд, представляется уже совсем абсурдным (тут сгодился бы любой материал).

В конце последнего тысячелетия до н. э. технология производства изделий из железа была уже достаточно развита. Однако хирурги изучаемого времени, при всех своих оперативных действиях, предпочитали использовать именно бронзовый инструментарию.

Выбор такого материала для изготовления хирургических инструментов не мог быть случайным. В ходе специальных исследований [Krivoshapkin et al. 2014] были отмечены особые антисептические свойства орудий из бронзы. Осознанное, целенаправленное производство именно бронзового хирургического инструментарию можно считать одним из выдающихся достижений медицины в саргашенское время в Сибири.

Учитывая вышеизложенное, при выделении из археологических коллекций орудий, связанных с хирургической деятельностью наших предков, следует обратить особое внимание преимущественно на «вспомогательные» орудия хирургических операций. Этот инструментарию крайне вариативен в своей морфологии, специфике использования и наборе функциональных признаков утилизации. Именно этим изделиям, а не оперативным ножам, были найдены аналоги в синхронных медицинских наборах, обнаруженных на территории Европы. Именно в такого типа орудиях фиксируется культурная, региональная и хронологическая специфика развития хирургии в Северной Азии.

Библиографический список

- Волков П. В. Опыт эксперимента в археологии. СПб., 2013.
- Медникова М. Б. Трепанации у древних народов Евразии. М., 2001.
- Наглер А. О наличии медицинских инструментов у населения Евразии в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию акад. А. П. Деревянко. Новосибирск, 2012. С. 337–351.
- Чикишева Т. А., Волков П. В., Кривошапкин А. Л., Титов А. В., Курбатов В. П., Зубова А. В. Технологии древних хирургов скифского времени: прижизненные трепанации у ранних кочевников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 146–154.
- Чикишева Т. А., Кривошапкин А. Л., Поздняков Д. В., Волков П. В. Краниометрия в лечебной практике носителей археологических культур: случай прижизненной трепанации в эпоху поздней бронзы на Юге Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 46 (1). С. 133–143.

Krivoshapkin A. L., Chikisheva T. A., Zubova A. V., Kurbatov V. P., Titov A. V., Volkov P. V. Scythian Trepanations in the Gorny Altai at Hippocratic Times: Modern Expert Appraisal of Ancient Surgical Technologies // World Neurosurgery. 2014. № 82. P. 649–650.

P. V. VOLKOV

BRONZE AGE CRANIOTOMY INSTRUMENTS IN SIBERIA

In the course of the experimental, use-wear, and technological studies of traces and tools used for craniotomy during the late Bronze Age in Siberia, we distinguished two components of a surgeon's set of instruments: the main and the auxiliary. While at the initial stage of craniotomy, they used, as a rule, a universal knife with quite normal, ordinary for that time technical characteristics; at the second stage of the operation, a surgeon used specialized tools, the cultural attribution of which may be easily established. When isolating the tools related to surgery from archaeological assemblages, it is important to pay a particular attention mostly to the "auxiliary" surgical instruments. It is this group of instruments, which may be quite varied in their morphology and specific purposes, that may and should reflect the cultural, regional, and the chronological specifics of the evolution of surgery.

Pavel V. Volkov – Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk).
E-mail: volkov100@yandex.ru

П. В. ВОЛКОВ, Л. В. ЛБОВА

ПРИЕМЫ ОБРАБОТКИ БИВНЯ МАМОНТА ПРИ ИЗГОТОВЛЕНИИ МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ В КУЛЬТУРАХ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СИБИРИ*

Предложены результаты экспериментально-трасологического и технологического анализа коллекции изделий палеоискусства из бивня мамонта археологических коллекций верхнепалеолитических памятников Сибири – Усть-Кова, Мальта и Буреть. Определена последовательность обработки бивня, специфические приемы технологии при изготовлении мелкой пластики. Установлено, что основным способом первичного расщепления бивня являлось раскалывание, формирование заготовки для скульптуры определялось конечной целью – изготовлением плоских или объемных предметов. Функциональный и морфологический анализ инструментария показал, что использованные орудия не имеют отчетливых корреляции «форма-функция». Зафиксированы характерные для каждого комплекса приемы работы с бивнем, технологически отличимые от других индустрий региона.

Волков Павел Владимирович – д.и.н., Новосибирский государственный университет (Россия, Новосибирск). E-mail: volkov100@yandex.ru

Лбова Людмила Валентиновна – д.и.н., Новосибирский государственный университет (Россия, Новосибирск). E-mail: lbovapnr5@gmail.com

Методические аспекты технологии обработки бивня и рога в коллекциях верхнепалеолитических объектов на сегодня являются одной из актуальных тематик в палеолитоведении, при этом наиболее достоверны результаты, полученные с позиций формально-технологического и экспериментально-технологического анализа [Герасимов 1941; Семенов 1940; Филиппов 2005 и др.]. Использование самого разнообразного инструментария (ножи, пилы,

* Работы выполнены при поддержке РФФИ-CNRS, проект № 17-056-16-16 «Мобильное искусство эпохи камня в Сибири (генезис, технологии, культурно-хронологический контекст)» (рук. П. В. Волков) и в рамках госзадания № 1.5041.2017/ВУ Новосибирского государственного университета «Южная Сибирь в системе этнокультурных процессов Евразии в Древности, Средние века и Новое время: роль контактов и взаимовлияний» на 2017–2019 гг.

отбойники, скобели и прочее) при раскалывании, расщеплении, резании, строгании, скоблении и т. д. делают трасологический и экспериментально-технологический анализ основным способом понимания специфики и эволюции технологии работы человека с бивнем в Северной Азии. Установлено, что в качестве заготовок использовались фрагменты бивня, полученные различным путем [Волков, Лбова 2017; Хлопачев, Гирия 2010].

В Сибири изготовление произведений палеоискусства и украшений из бивня мамонта известно на нескольких позднепалеолитических памятниках: Мальта, Буреть в Прибайкалье, Усть-Кова в Нижнем Приангарье, Лиственка (19 к. с.) на Енисее и Ачинская стоянка на Чулыме, Шестаково в Западной Сибири, Янская стоянка в Арктической зоне.

Обилие изделий мелкой пластики, выполненных из бивня, определяет особый интерес к вероятному инструментарию, который мог использоваться при работе с твердыми органическими материалами (бивень, рог, кость). В настоящее время произведена корреляция результатов прежних экспериментально-трасологических и технологических исследований по реконструкции процесса производства изделий мелкой пластики из бивня [Герасимов 1941; Филлипов 2005] и полученных новых данных о использованном инструментарию [Волков, Лбова 2017] на основании микроскопического анализа коллекций изделий из камня и бивня.

В результате проведенных исследований были определены основные технологические этапы формирования скульптур: обработка исходного бивня, заготовка скульптуры с выделением основных элементов, детализация и декорирование. Для каждой стадии определен стандартный набор используемых орудий: пилы, ножи, строгальные ножи, резчики, резцы, перфораторы (провертки, развертки и сверла), скобели. Следы износа на каменных орудиях, использованных в качестве обрабатывающего бивень инструментарию, фиксируются в трасологии на уровне макро- и микропризнаков [Korobkova 1999; Волков, Лбова 2017; Семенов 1957].

Функциональный и морфологический анализ орудийного набора показал, что использованные в процессе обработки бивня орудия не имеют отчетливой корреляции «форма-функция». Установлено, что для каждого из типов изделий мелкой пластики употреблялся определенный тип заготовок бивня. С позиций технологического анализа были выделены заготовки скульптуры и предметы разной степени завершенности.

Экспериментально-технологический анализ артефактов исследуемых коллекций дал возможность для реконструкции полного цикла производства изделий из бивня мамонта: первичное расщепление, вторичная обработка и формообразование. Определен состав применявшегося для работ каменного инструментарию, состав которого не отличается большим разнообразием.

Общий анализ первичного расщепления сырья и специфические приемы обработки бивня по материалам исследованных коллекций демонстрируют различия принципиального характера.

Библиографический список

- Korobkova G. F. Narzedzia w pradziejach. Torin, 1999.
 Волков П. В. Опыт эксперимента в археологии. СПб., 2013.
 Волков П. В., Лбова Л. В. Особенности технологии обработки бивня и основной инструментарию при изготовлении предметов мобильного искусства в мальтинской коллекции // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 157–168.

- Герасимов М. М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // МИА. 1941. № 2. С. 65–85.
Семенов С. А. Изучение следов работы на каменных орудиях // КСИИМК. 1940. № 4. С. 21–26.
Семенов С. А. Первобытная техника. М.; Л., 1957.
Филлипов А. К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб., 2005.
Хлопачев Г. А., Гирия Е. Ю. Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири — приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). СПб., 2010.

P. V. VOLKOV, L. V. LBOVA

MAMMOTH TUSK PROCESSING TECHNIQUES FOR THE PRODUCTION OF PORTABLE ART OBJECTS IN THE UPPER PALEOLITHIC OF SIBERIA

The article gives a summary of the experimental, use-wear, and technological study of the ivory paleo-art assemblages from the Upper Paleolithic archaeological sites of Siberia — Ust-Kova, Malta, and Buret. The authors established the tusk processing sequences, and the specific production techniques used in the process of making portable art objects. It was confirmed that the main primary knapping technique was the tusk splitting; shaping of preforms for future sculptures depended of the final goal - the making of either flat or three-dimensional items. The functional and the morphological analyses of the tools demonstrated that the used tools lacked a clear “shape-function” correlation. The study identified the techniques of tusk processing characteristic for each complex that could be technologically distinguished from all other industries of the region.

Pavel V. Volkov — Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk).
E-mail: volkov100@yandex.ru

Lyudmila V. Lbova — Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk).
E-mail: lbovapnr5@gmail.com

Н. П. ГУЛЯЕВА

К МЕТОДИКЕ ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

В настоящее время накоплен массовый антропологический материал, позволяющий проводить реконструкции половозрастной структуры древнего населения. Существуют различные модели палеодемографических реконструкций, предложенные рядом авторов. В данной работе приведена методика построения модели реконструкции половозрастной структуры древнего общества на основе антропологического материала. Приведены ограничения применения данной модели по количеству объектов и пространственно-временной локализации. Приведена апробация на материалах окуневской культуры, опубликованных разными авторами. Зафиксирована дифференциация в порядке вымирания женщин и мужчин, с некоторыми отклонениями характерная для обоих наблюдаемых совокупностей. Объяснение разницы в порядке вымирания, по мнению автора, следует искать в особенностях хозяйственно-культурного типа и социальных отношений древних обществ.

Гуляева Наталья Павловна — к. филос. н., независимый исследователь (Россия, Дивногорск).
E-mail: carnivora@list.ru

В настоящее время накоплен антропологический материал, позволяющий проводить реконструкции половозрастной структуры древнего населения. Различные модели палеодемографических реконструкций предлагались рядом авторов [см., напр.: Алексеева,

Богатенков, Лебединская 2003; Балабанова 2009; Кислый, Каприцын 1994]. Однако далеко не всегда раскрывается методика, на основании которой можно построить такие модели и/или оценить их релевантность.

В данной работе предлагается подход, позволяющий получить приближенную модель половозрастной структуры древнего общества.

Антропологические определения дают числа умирающих в возрасте x (или d_x). При этом d_x есть разница между смежными l_x — числами доживающих до возраста x и $x+1$. Значит, с переходом от возраста x к $x+1$ число доживающих l_x будет последовательно уменьшаться на величину числа умирающих в возрасте x , т.е. $dx: l_{x+1} = l_x - d_x$.

Суммируя все d_x старше возраста x , получим совокупность доживших до этого возраста и умерших в более старших возрастах, т.е. $-l_x$. Таким образом,

$$l_x = \sum_{j=x}^{w-1} d_j \quad (1)$$

где $w-1$ — возраст, предшествующий предельному.

Аналогично считаются все последующие возрастные группы: $l_{x+1}, l_{x+2}, \dots, l_{x(w-1)}$.

Для определения количества людей в возрасте x (L_x) необходимо «отсечь» верхние этажи возрастной пирамиды: тех, кто миновал возраст x и дожил до следующих возрастов:

$$L_x = l_x - \sum_{i=x+1}^{w-1} d_i \quad (2)$$

В итоге мы получим не проекцию реального населения, а приближенную модель половозрастной структуры при стационарном населении.

Модель не отражает катастрофические явления и не является половозрастной пирамидой, характерной для конкретного момента времени, поскольку погребенные на одном памятнике в строгом смысле слова не были современниками.

Возникают два важных ограничения в применении предлагаемой модели. Массив данных должен быть:

- достаточно большим (в идеале — несколько сотен определений), иначе единичные отклонения окажут существенное влияние на общую картину;
- максимально компактным по месту — времени, иначе сглаживаются культурно-региональные особенности.

Поэтому на современном уровне источников представляется наиболее рациональным применение данной модели либо к анализу данных на уровне археологической культуры (локально-хронологического варианта), либо — к анализу отдельных погребальных памятников, давших массовый материал.

Рассмотрим применение модели на практическом материале — проанализируем половозрастной состав окуневской культуры.

Соотношение половозрастных групп взрослого населения окуневской культуры*

возрастные группы	мужчины				женщины			
	Количество умерших в данном возрасте (ix)	%	доживших до данного возраста (ix)	Доля в структуре живых, %	Количество умерших в данном возрасте (ix)	%	доживших до данного возраста (ix)	Доля в структуре живых %
15–20	10	6,8	93,2	24,4	16	10,9	89,1	28,4
20–25	29	19,7	86,4	22,6	23	15,6	78,2	24,9
25–30	13	8,8	77,6	20,3	26	17,7	60,5	19,3
30–35	13	8,8	68,7	18,0	20	13,6	46,9	15,0
35–45	41	27,9	40,8	10,7	36	24,5	22,4	7,2
45–55	25	17,0	12,9	3,4	16	10,9	11,6	3,7
Старше 55	16	10,9	2,0	0,5	10	6,8	4,8	1,5
Всего	147	100		100	147	100		100

* Составлено автором по: Беневоленская, Громов 1997; Вадецкая 1981; Вадецкая, Леонтьев, Максименков 1980; Киргинеков 1997; Ковалев 1997; Лазаретов 1997; Максименков 1981; Савинов 1981.

Графически возрастная структура мужского населения окуневской культуры представлена на рис. 1. А соотношение возрастных групп у женщин на рис. 2.

Очевидна разница в порядке вымирания женщин и мужчин. Аналогичная картина наблюдается при анализе данных по ирменской, саргатской и тагарской культурам.

Вместе с тем, при сохранении общего профиля распределения половозрастных групп, заметна некоторая разница как для мужского, так и для женского населения. По мнению автора, объяснение дифференциации в порядке вымирания следует искать в особенностях хозяйственно-культурного типа и социальных отношений древних обществ.

Библиографический список

- Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового могильника Мистихали) М., 2003.
- Балабанова М. А. Половозрастная структура и краниология погребенных в могильнике золотоордынского времени Маячный бугор // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях. СПб., 2009. С. 4–22.
- Беневоленская А. Д., Громов А. В. Морфология затылочно-теменной области черепов окуневской культуры // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 288–293.
- Вадецкая Э. Б. Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 33–62.
- Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры Л., 1980.
- Киргинеков Э. Н. Окуневский курган около у. Мохов // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 128–133.

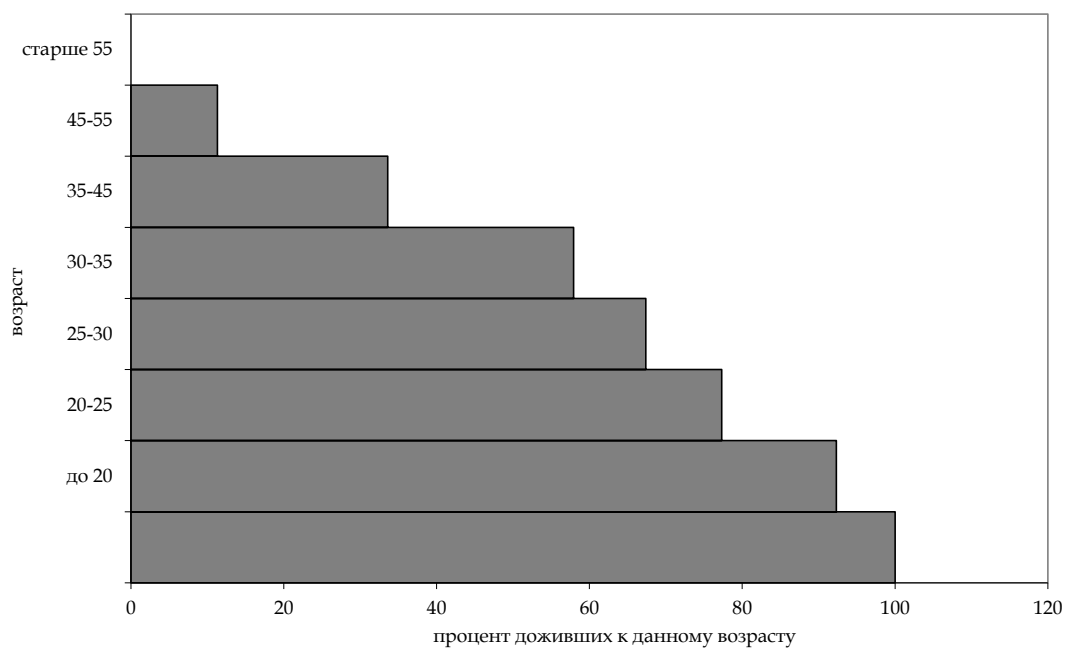

Рис. 1. Возрастная структура мужского населения окуневской культуры

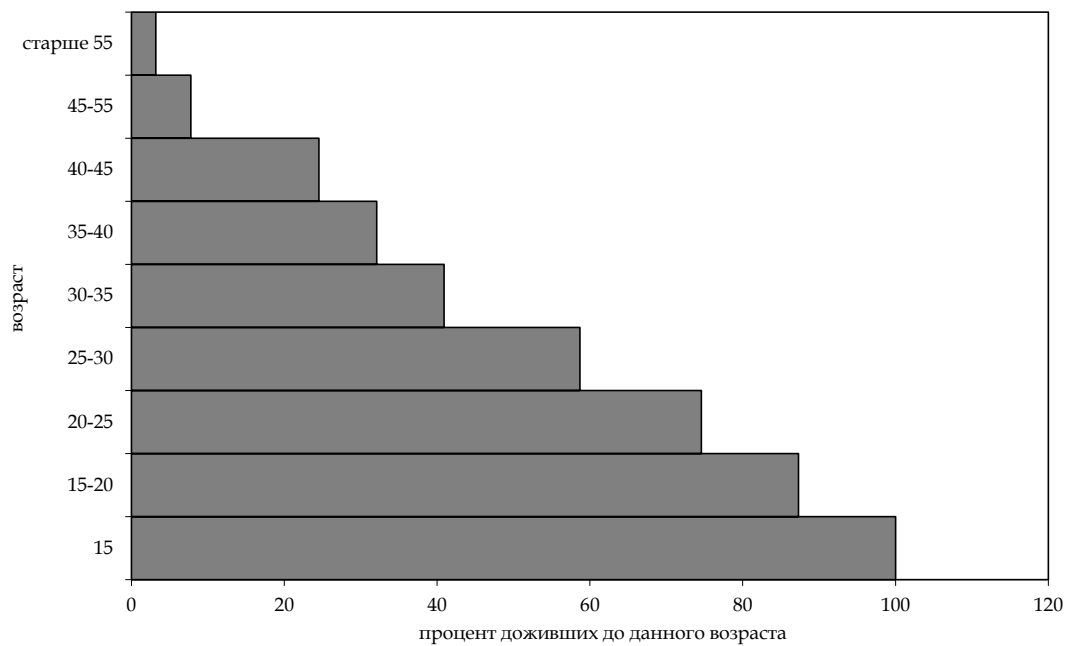

Рис. 2. Возрастная структура женского населения окуневской культуры

- Кислый А. Е., Каприцын И. И. Палеодемография: теория и методика, проблемы и решения. Запорожье, 1994.
- Ковалев А. А. Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 80–112.
- Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 19–64.
- Максименков Г. А. Могильник окуневской культуры у с. Лебяжье // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 91–110.
- Савинов Д. Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 11–117.

N. P. GULYAEVA

METHODOLOGY OF PALEO-DEMOGRAPHIC RECONSTRUCTIONS

Over the past years a significant amount of anthropological data has been accumulated, which makes possible reconstructions of the age and gender structure of the ancient population. Different authors proposed various paleo-demographic reconstruction models. In this paper, we propose a methodology for building a reconstruction model for the age and gender structure of the ancient population based on anthropological data. The application of the model has certain limitations in terms of the number of objects and their spatial and temporal localization. The paper provides the results of testing the model on the materials of the Okunevo culture published by various authors. The tests demonstrated a differentiation in the character of dying out of men and women, which, with certain deviations, was characteristic for both populations. According to the author, we should look for the explanation for the differences in the character of dying out in specifics of the economic and cultural type, and the social relations in the ancient societies.

Natalia P. Gulyaeva – Candidate of Philosophical Sciences, independent researcher (Russia, Divnogorsk).
E-mail: carnivora@list.ru

Д. А. ДЕМАКОВ

ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ ВЕРХНЕЙ КАМЫ*

Статья посвящена анализу расположения разновременных археологических памятников по отношению к руслу Камы. На основании результатов проведенного на верхней Каме палеоруслового анализа делаются выводы о хронологическом соотношении разновременных пойменных генераций и археологических памятников. Подавляющее большинство памятников (95 из 100) располагаются на коренных берегах Камы. 5 памятников связаны со второй и первой надпойменными террасами. Памятники каменного века хронологически соотносятся с 6 и 5 пойменными генерациями. Памятники эпохи РЖВ связаны со временем существования 4 пойменной генерации и расположены в отдалении от современного русла Камы. Расположение средневековых памятников было обусловлено их хозяйственной, духовной и социальной деятельностью, но было тесно связано с Камой.

Демаков Денис Александрович – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь). E-mail: demakov-denis@mail.ru

Под верхней Камой нами понимается участок реки от п. Гайны Пермского края до устья р. Вишеры. Вся пойма на данном участке подверглась палеорусловому анализу. В основе

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-46-590037 р_а «Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене» (рук. Е. Л. Лычагина).

его лежит изучение рисунка первичного рельефа поймы и 1-й надпойменной террасы (в случае их сохранности), а также их строения. Сопоставляя кривизну спрямляющихся излучин и время их спрямления, можно восстановить этапы развития русла в прошлом и осредненные положения русла в долине на этих этапах, а так же климатические и природные условия, на фоне которых происходило формирование пойменных генераций [Лычагина и др. 2015, с. 184].

В ходе работ были отобраны пробы для радиоуглеродного, палинологического и карпологического анализов. На основании результатов анализов составлена карта пойменных генераций верхней Камы от п. Гайны до д. Пятигоры и от с. Бондюг до устья р. Вишеры.

Формирование пойменных геосистем, в целом, ограничивается голоценом. В это время не происходило столь резких изменений климата и других физико-географических условий, как в позднеледниковье, но, тем не менее, следы перестроек речной сети заметны. Они выражаются в изменении размеров стариц, вплоть до изменения морфологического типа пойм, что является следствием изменения водности реки или ее гидрологического режима [Копытов 2016, с. 81, 82].

Вдоль Камы на данном участке расположено 100 разновременных археологических памятников, 4 из которых являются многослойными: 23 памятника относятся к периоду каменного века (мезолит/неолит/энеолит), 2 памятника эпохи РЖВ и 79 средневековых памятников (52 селища, 15 могильников и 12 городищ). Все они были нанесены на получившуюся карту пойменных генераций.

От п. Гайны до д. Пятигоры памятники расположены только на правом берегу и очень плотно. Причем в большинстве своем они относятся к средневековью. Далее вниз по течению памятники не известны и вновь они появляются только в окрестностях с. Бондюг. Это можно связать с тем, что Кама в начале голоцена в районе с. Касимовка уходила от современного правого берега влево, делала дугу, и вновь соединялась с современным руслом лишь в районе устья р. Пильвы. Сейчас данная территория представляет собой местность, практически не пригодную для проживания [Лычагина и др. 2017, с. 194].

Перейдем к анализу расположения памятников. Памятники каменного века соответствуют времени формирования 6 и 5 пойменных генераций (6,0–5,0 тыс. ^{14}C лет — 4,5 тыс. ^{14}C лет) [Копытов 2016, с. 135]. Они расположены как на коренных берегах так и на надпойменных террасах Камы, однако в большинстве своем находятся на значительном отдалении от современного ее русла, в основном на старичных озерах (например Казанцевские стоянки расположены на 2 надпойменной террасе).

Памятники РЖВ относятся ко времени формирования 4 пойменной генерации (3,1–3,5 тыс. ^{14}C лет). Их малочисленность можно связать с тем, что в раннем субатлантическом периоде произошло увеличение водности Камы, которое привело к массовому спрямлению крутых излучин реки предыдущего периода [Копытов 2016, с. 142]. Результатом этого процесса могло стать уничтожение ряда памятников РЖВ. Подтверждением нашей гипотезы может служить то, что известные памятники РЖВ (Вилесово I, селище и Усть-Уролка I, стоянка) расположены в отдалении от Камы, на р. Уролке, а, значит, уцелели во время спрямления излучин.

Средневековые археологические памятники соответствуют времени формирования 2 пойменной генерации. Ее возраст не превышает 1 тыс. ^{14}C лет. Русло Камы в этот период имело конфигурацию, близкую к современной [Копытов 2016, с. 143].

Памятники этого времени располагались по разному. Городища больше связаны с коренными берегами, в то время как селища привязаны к надпойменным террасам и поймам старичных озер и малых рек — притоков Камы, на которых они располагались. Например, Бондюг I, селище расположено на 1 террасе статирчного озера; Гиняновка I, селище располагается на 1 террасе р. Вильвы. Из этих малых рек и озер, вероятно, происходило снабжение водой средневековых поселений.

Памятники находятся как в непосредственной близости от Камы, так и в отдалении от нее (от 1,5 до 5 км). В таком отдалении расположено 8 памятников, причем 2 из них являются могильниками, для расположения которых наличие рядом большой реки не являлось обязательным требованием. Расположение в 3 км от русла Камы Даниловского городища можно объяснить наличием здесь удобного для обороны места.

Городища располагались в местах наиболее удобных для обороны и контроля над местностью. Селища располагались в местах наиболее пригодных для хозяйственной деятельности (земледелия и скотоводства), причем они являются настолько универсальными для этого, что вплоть до современности используются под сельскохозяйственную деятельность.

Перейдем к выводам. Большая часть археологических памятников расположена на коренных берегах Камы. Памятники каменного века хронологически соотносятся с 6 и 5 пойменными генерациями. Памятники эпохи РЖВ связаны со временем существования 4 пойменной генерации и расположены в отдалении от современного русла Камы. Расположение средневековых памятников было обусловлено их хозяйственной, духовной и социальной деятельностью, но было тесно связано с Камой.

Библиографический список

- Копытов С. В. Пространственно-временная изменчивость геосистем долины верхней Камы: дис. ... канд. геогр. наук, Пермь, 2016.
- Лычагина Е. Л., Чернов А. В., Зарецкая Н. Е., Лаптева Е. Г., Трофимова С. С. Чашкинское озеро и древний человек в голоцене // Неолитические культуры восточной Европы: хронология, палео-экология, традиции: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2015. С. 183–188.
- Лычагина Е. Л., Зарецкая Н. Е., Чернов А. В., Демаков Д. А., Митрошин Е. Н. Культуры и ландшафты Верхнего Прикамья в раннем голоцене // Самарский науч. вестн. 2017. Т. 6, № 3 (20). С. 193–197.

D. A. DEMAКOV

THE SPECIFICS OF THE ARCHAEOLOGICAL SITES LOCATION IN THE UPPER KAMA VALLEY

The paper presents a study of the location of the asynchronous archaeological sites with regard to the Kama riverbed. On the basis of the Upper Kama paleo-riverbed analysis data the author made a conclusion about the chronological correlation of the asynchronous floodplain generations and the archaeological sites. A vast majority of the sites (95 out of 100) were located on the bedrock banks of the Kama. 5 sites were referred to the second and the first terraces above floodplain. The sites of the Stone Age period were chronologically associated with the 6th and 5th floodplain generations. The early Iron Age sites were associated with the time of the existence of the 4th floodplain generation, and were located at a distance from the modern Kama riverbed. The location of the Middle Age sites was dependent on their economic, religious, and social organization, however, it was, nonetheless, closely connected to the Kama.

Denis A. Demakov — Perm State Humanitarian-Pedagogical University (Russia, Perm).
E-mail: demakov-denis@mail.ru

В. Л. ДЕРЖАВИН, В. В. ШАРИН, А. А. ГАВРИЛОВА

НОВЫЕ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИЗ РАЙОНА ЗАЛИВА БЕЛЛЬСУНН (АРХИПЕЛАГ ШПИЦБЕРГЕН)

В работе приведены результаты археологических и геоморфологических исследований в районе северной части Земли Веделя Ярлсберга (архипелаг Шпицберген). Произведено описание пяти памятников XVII–XX вв. Охарактеризованы формы рельефа, где они расположены. Обобщение полученных данных, включая археологические, позволило выполнить предварительную реконструкцию деградации ледников района с начала XX по 2015 г. Сделан прогноз положения ледников к 2030 г.

Державин Виктор Леонидович — к.и.н., Институт археологии РАН (Россия, Москва).

E-mail: derzh@yandex.ru

Шарин Владимир Викторович — к.г.н., АО «Полярная морская геологоразведочная экспедиция» (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: sharin_v@mail.ru

Гаврилова Анастасия Андреевна — Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: gavryusha.dipsi@mail.ru

Интерес к району определяется рядом причин. Одной из них является та, что в заливе располагались одни из самых северных памятников. Уже этот факт относит их к разряду уникальных. Данный район вызывает интерес и с точки зрения выявления там археологических памятников середины XVIII — первой половины XX вв., для которых характерна их приуроченность к тем или иным формам рельефа: одни расположены на площадках морских террас, другие находятся в непосредственной близости от современной береговой линии и подвержены волноприбойному воздействию. В 2017 г. геологами Полярной морской геологоразведочной экспедиции (ПМГРЭ) из Петербурга обследованы четвертичные осадки и определены геоморфологические особенности северной части Земли Веделя Ярлсберга. Особое внимание в ходе работ уделялось изучению археологических объектов:

1. Ван-Кейлен-фиорд. Становище находилось на южном берегу Ван-Кейлен-фиорда вблизи его устья. Оно располагалось между краем берегового вала и краем первой морской террасы высотой 2 м. Дом представлял собой рубленную избу, датировка которой по данным дендрохронологии 1747 г. [Старков и др. 2005, с. 39]

2. Решерш-фиорд. База русской экспедиции XVIII в. («лагерь Чичагова») находится на площадке морской террасы высотой 4 м. Площадь его составляет около 2,5 кв. км. Она включает остатки пяти деревянных построек и основания двух поморских крестов. Время функционирования «лагеря» 1764–1766 гг. Позже жилые постройки русских моряков использовали поморы, которые трансформировались в становище, просуществовавшее до первой трети XIX в. [Державин 2016, с. 44].

3. Поселок Калипсобоен расположен на южном побережье залива Белльсунн. С 1986 г. здесь проводятся гидрологические, метеорологические, геоморфологические и иные научные исследования. В геоморфологическом плане постройки расположены от уровня современного пляжа до площадки морской террасы высотой 20 м. Осуществляемые здесь наблюдения позволили установить, что в период с 1936 по 2008 г. береговая линия испытывала преимущественно отрицательное перемещение.

4. Ренардодден 1. Становище открыто в 1988 г. польской гляциологической экспедицией и было обследовано Шпицбергенской экспедицией Института археологии РАН под руководством В. Ф. Старкова с 1992 по 2003 гг.

Оно расположено на южном побережье залива Белльсунн на мысе Ренардодден в 1,8 км к северу от поселка Калипсобюен. Памятник сильно разрушен морскими процессами. Остатки постройки залегали на высоте 1,9 м над уровнем прилива и в 50 м от уреза воды. На поселении выявлены следы пожара. Культурный слой имел два горизонта. Жилище двухчастное: теплая клеть и сени. Нижний горизонт памятника датируется XVII в., верхний — XVIII в. [Старков и др. 2005, с. 39]. Помимо становища здесь зафиксированы остатки западноевропейской китобойной станции. В глубине берега простирается гребень еще одного берегового вала. Его склон, обращенный к морю, несет на себе следы активного деструктивного воздействия: он сильно размыт морскими водами. На пространстве между валами прослежено большое количество подъемного материала, среди которого выделялись фрагменты моржовых черепов. Много находок сконцентрировано у подножья размытого морем берегового вала.

Что касается голландской китобойной станции, то она представлена остатками оснований палаток и нижними горизонтами жиротопных печей, а также кострищем. Они зафиксированы на поверхности древнего берегового вала, соседнего с тем, на котором находилась русская постройка.

5. Дундербухта. Памятник открыт Шпицбергенской экспедицией ИА РАН в 1982 г и ею же обследован в 1983 г. Он находился на юго-восточном участке бухты в 400 м от устья реки и приурочен к террасе высотой 5 м, которая в этом месте пересекалась долиной, по которой протекала река. Становище состояло из двух жилых построек, в одной из которых найдены останки двух костяков. Судя по всему, первый дом был оставлен раньше второго и разобран обитателями последнего. По данным дендрохронологии поселение датируется 1647 г. [Старков и др. 2005, с. 38].

За последние столетия, прошедшие с пика малого ледникового периода (МЛП), границы распространения оледенения в исследованном районе подверглись значительным изменениям, которые, так или иначе, сказываются на рельефообразующих процессах [Шарин 2018, с. 118, 119].

Рассмотренные данные подтверждают высказанные ранее положения о том, что происходит повсеместная деградация ледников, связанная в первую очередь с ростом среднегодовой температуры.

Сопоставив имеющиеся скорости дегляциации и экспозиции ледников рассматриваемого района, можно заметить, что наибольшее таяние наблюдается на ледниках, имеющих северо-западную экспозицию (ледник Решершбреен), что связано с преобладающими направлениями ветров данной территории и наличия закрытой бухты Решерш-фиорд. Также наибольшие скорости деградации наблюдаются на ледниках южной экспозиции (Западный Торелль).

На основе полученных результатов полевых геоморфологических работ Шпицбергенской партии ПМГРЭ [Там же], археологических данных скоростей деградации ледников, и имеющейся топоосновы была составлена карта деградации оледенения острова Западный Шпицберген к 2030 г. Приведенные границы ледников имеют условный характер, при условии сохранения имеющихся на сегодняшний день скорости изменения температуры и скоростей дегляциации различных ледников.

Библиографический список

- Державин В. Л. Северо-Восточный проход и экспедиция В. Я. Чичагова. Тамбов, 2016.
- Старков В. Ф., Черносвитов П. Ю., Державин В. Л., Захаров В. Г., Звягин В. Н., Шарин В. В. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. М., 2005. Вып. 2: Поселения и погребения.
- Шарин В. В. Результаты геоморфологических исследований в районе Земли Веделя Ярлсберга (архипелаг Шпицберген) // Тезисы докл. XIV Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Комплексные исследования природы Шпицбергена и прилегающего шельфа». Апатиты, 2018. С. 118–119.

V. L. DERZHAVIN, V. V. SHARIN, A. A. GAVRILOVA

NEW GEO-ARCHAEOLOGICAL DATA FROM THE BAY OF BELLSUND REGION (SVALBARD ARCHIPELAGO)

The paper sums up the results of the archaeological and geomorphological studies in the Northern part of the Wedel Jarlsberg Land (Svalbard archipelago). A description of five 17th–20th century sites is provided. The relief forms and their location are characterized. The summing up of the obtained data, including the archaeological information, allowed performing a preliminary reconstruction of the degradation of glaciers in the area from the beginning of the 20th century to 2015. A forecast for the glaciers' position by 2030 has been done.

Viktor L. Derzhavin — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow).
E-mail: derzh@yandex.ru

Vladimir V. Sharin — Candidate of Geological Sciences, “Polar Marine Geological Survey Expedition” (Russia, Saint Petersburg). E-mail: sharin_v@mail.ru

Anastasia A. Gavrilova — Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg).
E-mail: gavryusha.dipsi@mail.ru

Н. Е. ЗАРЕЦКАЯ, Е. Л. ЛЫЧАГИНА, Д. А. ДЕМАКОВ, П. А. КОСИНЦЕВ, Е. Г. ЛАПТЕВА,
С. С. ТРОФИМОВА

КОСИНСКИЕ СТОЯНКИ В КОНТЕКСТЕ МЕЗОЛИТА ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ: ПРИРОДНАЯ СРЕДА И НОВЫЕ ДАННЫЕ*

В докладе будут представлены первые результаты комплексных археологических и палеоэкологических исследований Косинских мезолитических стоянок (бассейн р. Косы, Верхнее Прикамье). Установлено, что бытование людей на стоянках могло происходить в раннем-позднем мезолите, по берегам активизированных палеорусел р. Косы, в начале голоцена. Наряду с охотой, развивалось рыболовство, что могло быть первым шагом на пути неолитизации. При сравнении с мезолитическими стоянками Чашкинского района выявляются сходные стратегии заселения пространства, но разные способы хозяйствования.

Зарецкая Наталия Евгеньевна — к.г.-м.н., Геологический институт РАН (Россия, Москва).
E-mail: n_zaretskaya@inbox.ru

Лычагина Евгения Леонидовна — к.и.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь). E-mail: LychaginaE@mail.ru

Демаков Денис Александрович — ГКБУК «КЦОП» (Россия, Пермь). E-mail: demakov-denis@mail.ru

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-46-590037 «Ландшафты речных бассейнов и древний человек: освоение Верхней Камы в голоцене» (рук. Е. Л. Лычагина).

Косинцев Павел Андреевич — к.б.н., Институт экологии растений и животных УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: kra@ipae.uran.ru

Лаптева Елена Георгиевна — к.б.н., Институт экологии растений и животных УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: lapteva@ipae.uran.ru

Трофимова Светлана Станиславовна — к.б.н., Институт экологии растений и животных УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: svetlana.trofimova@ipae.uran.ru

Косинские стоянки (Коса I–III) расположены в Косинском районе Пермского края. Они были открыты в ходе разведки В. П. Денисова в 1962 г. [Отчет]. В том же году В. П. Денисовым на ст. Коса I были проведены раскопки на площади 376 кв. м. Каменный инвентарь стоянки отражал заключительный этап развития мезолита в Верхнем Прикамье [Денисов, Мельничук 1987, с. 24, 25].

В 2018 г. было начато комплексное изучение стоянок, включающее археологические раскопки на современном методическом уровне и палеоэкологические исследования, которые позволят реконструировать природную среду бытования человека в раннем голоцене.

Стоянка Коса I находится в 1,6 км к ССЗ от п. Кордон. Она расположена на краю 1-й надпойменной террасы р. Косы, поверхность которой возвышается над заболоченным палеоруслом не более чем на 6–7 м.

Стоянка Коса II находится в 1,9 км к ССЗ от п. Кордон. Она расположена на полого-наклонном уступе той же террасы. Поверхность стоянки возвышается над заболоченным палеоруслом не более чем на 4 м.

Стоянка Коса III расположена в 1,95 км к северу от п. Кордон на мысу древней пойменной гривы, также ассоциированной с первой террасой. Ее выровненная поверхность возвышается над заболоченным палеоруслом не более чем на 1,5–2 м.

Археологические исследования предусматривали работы по уточнению границ памятников, получению информации об их стратиграфии и материальной культуре. На территории ст. Коса I был собран подъемный материал (15 предметов — отщепы, пластины, чешуйки), аналогичный тому, который был получен в ходе раскопок В. П. Денисова [Отчет].

На ст. Коса II были заложены три шурфа. В центральном шурфе был собран остеологический материал, из восточной стенки была отобрана палинологическая колонка (находится в работе). Коллекция каменного инвентаря, найденного в шурфах, состоит из 294 предметов. Основным сырьем для изготовления орудий служил кремьен разных оттенков — 234 экз. (в основном серого, светлого и светло-серого цвета).

Ведущей категорией находок являлись чешуйки — 162 экз., затем пластины — 46 экз., отщепы и сколы (по 42 экз.). Коллекция орудий состоит из скребка, отщепа и пластин с ретушью — всего 7 экз. Среди пластин преобладают сечения, соотношение узких и средних пластин — 56,5 % / 43,5 %, что не типично для камского мезолита огурдинского типа, с его преобладанием узких пластин. Полученная коллекция близка к материалам стоянки Коса I из раскопок В. П. Денисова [Денисов, Мельничук 1987, с. 20–24]. Сходство просматривается в составе сырья, наличии большой группы отщепов, большом количестве средних пластин. Предварительно памятник может быть отнесен, по аналогии со стоянкой Коса I, к позднему мезолиту.

Анализ остеологического материала показал наличие костей крупных и средних млекопитающих (лось, северный олень, волк?) и костей рыб (судак, карповые), что позволяет

предположить постепенную трансформацию хозяйственной деятельности населения от подвижной охоты к сочетанию охоты и рыбной ловли и появлению частичной оседлости.

На ст. Коса III были заложены 2 шурфа, не давшие никакого материала. На площадке памятника был собран подъемный материал: 1 отщеп, 2 скола и 4 чешуйки. Расположение стоянки и характер каменного инвентаря (отсутствие пластин, различие в сырье со стоянками Коса I и Коса II) свидетельствуют о ее более молодом возрасте. Предварительно памятник может быть отнесен к финальному мезолиту — раннему неолиту.

Палеоэкологические исследования, включавшие геоморфологический, радиоуглеродный, палеокарпологический и палинологический анализы, проводились на территории окрестностей Косинских стоянок. Отбор образцов на три последних вида анализа проводился с помощью ручного бурения [Лаптева и др. 2017]. Геоморфологический анализ показал, что Косинские стоянки приурочены к поверхности 1-й террасы р. Косы позднелайстоценового возраста (определен ^{14}C методом по включенным в тело террасы органогенным отложениям). Ее поверхность расчленена палеоруслу, которые были активны во время формирования этой террасы, но, по-видимому, подновлялись и в позднеледниковое время, и в раннем голоцене, до начала формирования поймы реки. Стоянки Коса I и II расположены на берегу подобного палеорусла. Коса I находится ниже по течению, в его приустьевой части. По подошве заполнения палеорусла с глубины 3,9 м была получена дата 9350 ± 50 (ГИН-15880), показывающая, что русло было активным в раннем голоцене, синхронно раннему мезолиту. По заполнению палеорусла у стоянки Коса II с глубины 2,3 м была получена дата 7075 ± 40 (ГИН-15881), показывающая, что русло здесь функционировало в более позднее время, синхронное финальному мезолиту.

Стоянка Коса III расположена на поверхности древней гривы, осложняющей поверхность террасы. По заполнению палеорусла у стоянки с глубины 2,35 м была получена дата 7100 ± 50 (ГИН-15884), также указывающая на активность русла в финальном мезолите.

Образцы на палеокарпологический и палинологический анализы находятся в работе, данные будут представлены на конгрессе.

На территории Верхнего Прикамья компактное расположение мезолитических памятников было отмечено в Чашкинском районе [Лычагина, Митрошин 2016, с. 92–99; Зарецкая и др. в печати]. Сравнительный анализ памятников показал, что в Чашкинском районе мезолитические стоянки располагались на определенном расстоянии от русла реки — на первой или второй террасе, на берегах мелких рек и ручьев, впадавших в Каму, что, возможно, было связано с переувлажненностью и заболоченностью поймы; основным занятием населения была охота, следов рыболовства не отмечено [Зарецкая и др. в печати]. В Косинском районе мы наблюдаем обживание людьми берегов активизированных палеорусел, развитие, наряду с охотой, рыболовства. Поэтому можно сделать вывод о сходных стратегиях заселения пространства (вдали от основного крупного водотока, по берегам притоков), но разных способах хозяйствования. Эта разница может иметь хронологические причины. Мы полагаем, что в позднем мезолите, в связи с развитием рыболовства происходит переход к частичной оседлости, что является первым шагом на пути неолитизации.

Библиографический список

Денисов В. П. Отчет об археологических раскопках и разведках, проведенных Косинским отрядом Верхне-Камской археологической экспедиции ПГУ и Коми-Пермяцким окружным краеведческим музеем в июне–августе 1962 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2478.

- Денисов В. П., Мельничук А. Ф. Косинская I, стоянка — памятник позднего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987. С. 19–25.
- Зарецкая Н. Е., Лычагина Е. Л., Лаптева Е. Г., Трофимова С. С., Чернов А. В. Реконструкция среды обитания древних и средневековых сообществ Среднего Предуралья // РА. В печати.
- Лаптева Е. Г., Зарецкая Н. Е., Косинцев П. А., Лычагина Е. Л., Чернов А. В. Первые данные о динамике растительности Верхнего Прикамья в среднем и позднем голоцене // Экология. 2017. № 4. С. 267–276.
- Лычагина Е. Л., Митрошин Е. Н. Предварительные итоги исследований мезолитических памятников на восточном берегу Чашкинского озера // Вестн. Перм. науч. центра. 2016. № 3. С. 92–99.

N. E. ZARETSKAYA, E. L. LYCHAGINA, D. A. DEMAКOV, P. A. KOSINTSEV, E. G. LAPTEVA,
S. S. TROFIMOVA

KOSA OCCUPATION SITES WITHIN THE UPPER KAMA MESOLITHIC CONTEXT: NATURAL ENVIRONMENT AND NEW DATA

The paper will present the first outcomes of the comprehensive archaeological and paleo-ecological study of the Kosa Mesolithic occupation sites (the Kosa river basin, the Upper Kama region). It was established that the sites could have been inhabited by the people in the early-late Mesolithic, along the banks of the active ancient riverbeds of the Kosa river, in the beginning of the Holocene. Alongside with hunting inhabitants started fishing, which could have been the first step towards Neolithization. Comparison with the Mesolithic sites of the Chashkino district indicated the existence of similar strategies for the colonization of the territory, but at the same time, different economic patterns.

Natalia E. Zaretskaya – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Geological Institute of the RAS (Russia, Moscow). E-mail: n_zaretskaya@inbox.ru

Evgenia L. Lychagina – Candidate of Historical Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Russia, Perm). E-mail: LychaginaE@mail.ru

Denis A. Demakov – Regional Center for Monuments (Russia, Perm). E-mail: demakov-denis@mail.ru

Pavel A. Kosintsev – Candidate of Biological Sciences, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: kpa@ipae.uran.ru

Elena G. Lapteva – Candidate of Biological Sciences, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: lapteva@ipae.uran.ru

Svetlana S. Trofimova – Candidate of Biological Sciences, Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: svetlana.trofimova@ipae.uran.ru

Д. В. КИСЕЛЕВА, Е. С. ШАГАЛОВ, Е. А. ПАНКРУШИНА, А. Д. РЯНСКАЯ, В. Н. ШИРОКОВ

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПИГМЕНТОВ ИЗОБРАЖЕНИЙ ИГНАТИЕВСКОЙ ПЕЩЕРЫ И ИДРИСОВСКОЙ II ПИСАНИЦЫ*

В данной работе приводятся результаты исследования элементного состава и структуры пигментов изображений Игнatieвской пещеры и Идрисовской II писаницы с использованием сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионной рентгеновской спектроскопией (СЭМ-ЭДС), рамановской микроспектроскопии и рентгенофазового анализа. Показано, что основными неорганическими компонентами пигментов являются гётит и гематит-содержащие охры и углерод, скорее всего из женой кости; органическое связующее имеет животное происхождение. Технология

* Исследование выполнено в Центре коллективного пользования УрО РАН «Геоаналитик» в рамках темы № АААА-А18-118053090045-8 государственного задания Института геологии и геохимии УрО РАН.

изготовления красителя могла включать стадию тщательного растирания неорганического сырья со связующим, а нанесение краски могло происходить послойно. Для изображений Идрисовской П писаницы характерно наличие оксалатов кальция, образовавшихся вследствие взаимодействия органических компонентов с веществом породы, которые могут выполнять стабилизирующую функцию и защищать пигменты от выветривания и надежно фиксировать краситель к субстрату.

Киселева Дарья Владимировна – к.г.-м.н., Институт геологии и геохимии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: kiseleva@igg.uran.ru

Шагалов Евгений Сергеевич – к.г.-м.н., Институт геологии и геохимии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: Shagalov@igg.uran.ru

Панкрушина Елизавета Алексеевна – Институт геологии и геохимии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: lizaveta.94@list.ru

Рянская Анастасия Дмитриевна – Институт геологии и геохимии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: tosenka2008@gmail.com

Широков Владимир Николаевич – Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: hvn-58@yandex.ru

Игнatieвская пещера находится в Катав-Ивановском районе Челябинской области, на правом берегу Сима. В ней сохранились изображения мамонта, лошади, фантастических и композитных животных, человекообразных существ и нефигуративные мотивы. Калиброванные радиоуглеродные даты углей и костей из слоя посещения древними людьми пещеры позволяют считать наиболее вероятным временем ее использования и создания рисунков интервал 18,900-15,400 л. н. [Петрин 1992; Широков, Петрин 2013].

Идрисовская П писаница расположена в Салаватском районе Башкортостана, на левом берегу Юрюзани. Рисунки зверей, антропоморфных существ и нефигуративных мотивов дислоцированы у подошвы скалы под Идрисовской пещерой. Раскопками обнаружено жертвенное место с костными останками животных и человека, фрагментами охры и кусочками гематита с древними надпилами, каменными изделиями и фрагментами глиняных сосудов трех эпох – энеолита, бронзы и железа [Широков 2009].

Анализировались фрагменты красных и черных пигментов рисунков, а также образцы стеной основы пещеры и писаницы, и фрагмент гематита из раскопа под Идрисовской П писаницей.

Микрофотографии и анализ элементного состава получены на сканирующем электронном микроскопе JEOL JSM-6390LV с энергодисперсионным спектрометром INCA Energy 450 (Oxford Instruments) при ускоряющем напряжении 20 кВ. Перед анализом образцы напылялись углеродом.

Исследования рамановского рассеяния выполнены на конфокальном рамановском спектрометре LabRAM HR800 Evolution (Horiba), оснащенным оптическим микроскопом Olympus BX-FM, дифракционной решеткой 600 штрихов/мм в диапазоне 0–2000 см⁻¹. Спектры возбуждались газовым лазером He-Ne (488 нм). Пространственное разрешение составляло до 1 мкм. Идентификация минеральных фаз проводилась с использованием базы данных KnowItAll (Bio RAD), интегрированной в программное обеспечение спектрометра и базы данных RRUFF.INFO.

Фрагменты горных пород и гематита (массой до 500 мг) измельчали вручную в яшмовой ступке и анализировали на порошковом дифрактометре Shimadzu XRD-7000 с медной

трубкой (Cu K α $\lambda=1.5406$ Å) при напряжении 40 кВ и токе 30.0 мА. Дифрактограммы записывались с шагом 1°/мин в диапазоне 20–70°. Предварительный качественный рентгенофазовый анализ проведен по основным рефлексам с использованием базы данных Powder Diffraction File-2. Для количественного полнопрофильного анализа методом Ритвелда и расчета параметров элементарной ячейки использовалась программа SiroQuant (Sietronics).

В красном пигменте рисунков в Большом Зале Игнatieвской пещеры обнаружены зерна кварца, полевого шпата, кальцита из стеновой основы, а также мелкие зерна гидрослюдистого минерала, содержащего железо или тонкую примесь гематита; в спектре фиксируются примеси фосфора, серы и хлора. Наличие гематита в пигментах подтверждено рамановской микроспектроскопией.

В черном пигменте обнаружены кристаллы магнийсодержащего кальцита с тонкой примазкой углерода. Наличие углерода в черном пигменте подтверждено рамановской микроспектроскопией. В красных пигментах углерода не зафиксировано. На микрофотографиях видны хорошо образованные кристаллы гипса размером 100–200 мкм, на них тонкая примазка гидрослюдистого материала с примесью железа, также фиксируется фосфор.

В стеновой основе Идрисовской II писаницы отмечены тонкозернистой массы кристаллы кальцита, доломит со следами выветривания (выщелачивания) по спайности и гипс. Пигментный слой толщиной около 10–20 мкм состоит из нескольких слоев (возможно, следы подновления). Очень тонкорастертый материал пигмента состоит из кремнистой, гидрослюдистой и железистой частей (гётит, гематит) с примесью фосфора и серы. Также в пигменте обнаружен минерал уэвеллит (оксалат кальция); его присутствие может быть обусловлено жизнедеятельностью микроорганизмов, обитающих на поверхности камня, реакциями органических компонентов дождевых вод или аэрозолей на границе атмосфера/порода [Russ et al. 1999]. Следует отметить, что оксалат кальция обнаружен только в пигментах Идрисовской II писаницы.

Частицы гематита в пигменте практически неразличимы, о его присутствии можно судить только по данным элементного и рамановского анализа. В составе пигментов обнаружены также мелкие зерна акцессорных минералов, которые могут быть связаны с корами выветривания и близлежащими железорудными и железо-титановыми месторождениями.

Повышенное содержание фосфора в пигментах по данным элементного анализа может быть обусловлено введением фрагментов костной золы при изготовлении красителей. Сера могла входить в состав органической связующей компоненты красителя, такого, например, как костный мозг животных [Reese et al. 1996].

По результатам исследования минерального состава пигментов изображений Игнatieвской пещеры и Идрисовской II писаницы можно сделать выводы, что основными неорганическими компонентами пигментов являются гётит и гематит, а также углерод, скорее всего из жженой кости; органическое связующее имеет животное происхождение. Технология изготовления красителя могла включать стадию тщательного растирания неорганического сырья со связующим, а нанесение краски могло происходить послойно (Идрисовская II).

Для изображений Идрисовской II писаницы характерно наличие оксалатов кальция, образовавшихся вследствие взаимодействия органических компонентов с веществом породы, которые могут выполнять стабилизирующую функцию и защищать пигменты от выветривания и надежно фиксировать краситель к субстрату [Russ et al. 1999].

Библиографический список

- Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
- Широков В. Н. Уральские писаницы. Южный Урал. Екатеринбург, 2009.
- Широков В. Н., Петрин В. Т. Искусство ледникового века. Игнatieвская и Серпиевская пещеры на Южном Урале. Екатеринбург, 2013.
- Reese R., Hyman M., Rowe M., Derr J., Davis S. Ancient DNA from Texas pictographs // Journal of Archeological Science. 1996. № 23. P. 269–277.
- Russ J., Kaluarachchi W. D., Drummond L., Edwards H. G. M. The Nature of a Whewellite-Rich Rock Crust Associated with Pictographs in Southwestern Texas // Studies in Conservation. 1999. Vol. 44, № 2. P. 91–103.

D. V. KISELEVA, E. S. SHAGALOV, E. A. PANKRUSHINA, A. D. RYANSKAYA, V. N. SHIROKOV

RESULTS OF THE ANALYTIC STUDY OF PIGMENT FROM THE IGNATJEVSKAYA CAVE AND THE IDRISOVSKAYA II ROCK DRAWING

This paper sums up the results of the study of the element composition and structure of the pigments of the Ignatjevskaya cave and the Idrisovskaya II images with the use of scanning electron microscopy with energy dispersive X-ray spectroscopy (SEM-EDS), Raman microspectroscopy, and the X-ray diffraction analysis. It was demonstrated that the main inorganic pigment components were goethite and hematite containing ochre and carbon, most likely from burnt bones; the organic binder was of animal origin. The dye manufacturing technology could involve careful grinding of the inorganic material together with the binder. It is also probable that paint was applied in several layers. A characteristic feature of the Idrisovskaya II rock drawing was the presence of calcium oxalates, a product of the contact of organic components with the rock substance, which could have performed a stabilizing function, protected the pigments from weathering, and fixed the dye firmly to a substrate.

Daria V. Kiseleva – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: kiseleva@igg.uran.ru

Evgeny S. Shagalov – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: Shagalov@igg.uran.ru

Elizaveta A. Pankrushina – Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: lizaveta.94@list.ru

Anastasia D. Ryanskaya – Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: tosenka2008@gmail.com

Vladimir N. Shirokov – Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: hvn-58@yandex.ru

Д. МАРИАШК, Н. М. ЧАИРКИНА, С. РЕЙНХОЛЬД

3-D МОДЕЛИРОВАНИЕ ТОРФЯНИКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ. НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ФИКСАЦИИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРЕЗЕНТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА)

Фиксация находок и их контекста представляет собой один из наиболее важных аспектов проведения археологических раскопок. Только точная фиксация позволяет использовать материалы раскопок в качестве исторических источников. Развитие новой цифровой техники, такой как цифровые фотокамеры, электронные тахеометры и комплексы GPS для проведения топографо-геодезических работ привело к изменению методов фиксации. Практически неограниченные возможности

цифровой фотографии позволяют увеличить количество снимков и их качество, включая детализацию и фиксацию рабочих слоев, а использование цифровых измерительных приборов повышает точность замеров ниже сантиметровой границы. Появление высокоточных фотограмметрических программ выводит процесс фиксации на новый уровень. Мы представим методологический подход и обсудим преимущества и проблемы фиксации, а также процесса последующей обработки полученного массива данных на примере исследований торфяникового памятника – VI Разрез Горбуновского торфяника.

Мариашк Дирк – Германский археологический институт (Германия, Берлин).

E-mail: dirk.mariaschk@dainst.de

Чаиркина Наталия Михайловна – д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: chair_n@mail.ru

Рейнхольд Сабина – PhD, Германский археологический институт (Германия, Берлин). E-mail: sabine.reinhold@dainst.de

Фиксация находок и их контекста представляет собой один из наиболее важных аспектов проведения археологических раскопок, в процессе проведения которых оригинальные источники разрушаются. Только точная фиксация позволяет использовать материалы раскопок в качестве исторических источников. Традиционные методы фиксации включают в себя составление чертежей в разных масштабах, описание и фотографирование.

Развитие новой цифровой техники, такой как цифровые фотокамеры, электронные тахеометры и цифровые комплексы GPS для проведения топографо-геодезических работ привело к изменению методов фиксации. Практически неограниченные возможности цифровой фотографии позволяют увеличить количество снимков и их качество, включая детализацию и фиксацию рабочих слоев, а использование цифровых измерительных приборов повышает точность замеров ниже сантиметровой границы. Более того, появление высокоточных фотограмметрических программ, таких как AgiSoft© или RealityCapture © выводит процесс фиксации на новый уровень. В настоящее время они широко используются в ходе спасательных раскопок, поскольку позволяют значительно ускорить процесс фиксации.

На VI Разрезе Горбуновского торфяника раскопки ведутся с 1920-х гг. Начиная с 2007 г., коллектив Института истории и археологии УрО РАН во главе с Н. М. Чаиркиной приступил к работе с целью локализации и датировки материалов более старых раскопок с использованием современных методов исследования. В 2017 г. группа исследователей из Еразийского отдела Германского археологического института под руководством С. К. Рейнхольд присоединилась к этой работе с внедрением современных методов фотограмметрической фиксации, в данном случае уже при проведении исследовательских раскопок. В течение двух сезонов мы задокументировали каждый горизонт с помощью серии цифровых фотографий, предназначенных для фотограмметрической реконструкции раскопанных контекстов. Для дендрохронологических измерений были отобраны образцы деревянных конструкций, а также проведены замеры всех находок с использованием электронного тахеометра. Нам посчастливилось сделать это на участке с довольно сложной деревянной конструкцией, где было обнаружено не менее 5–7 слоев горизонтальных жердей и вертикальных кольев. Фиксация каждого слоя производилась с использованием электронного тахеометра Leica© и последующей обработки данных с помощью AgiSoft©.

В результате были получены семь крупных уровней фиксации, дальнейшая обработка которых сейчас выполняется с использованием HarrisMatrixComposer© для трансформации уровней фиксации в реальные стратиграфические единицы, определяемые по их положению относительно перекрывающихся и нижележащих слоев. Во внутриплощадочную геоинформационную систему включаются дендро-датированные образцы дерева путем компиляции всех информационных уровней.

Мы представим методологический подход и обсудим преимущества и проблемы фиксации на месте в процессе раскопок (фотоаппаратура, условия освещения, углы измерения и т. д.) и процесса последующей обработки данных.

D. MARIASCHK, N. M. CHAIRKINA, S. REINHOLD

3-D MODELING OF PEAT-BOG SITES. NEW PERSPECTIVES OF PLOTTING, INTERPRETATION AND PRESENTATION (ON THE EXAMPLE OF THE GORBUNOVSKY PEAT-BOG SITES)

Plotting of the finds and their context is one of the most important aspects of archaeological excavations. It is only accurate documentation that allows using the excavation materials as the historical sources. The evolution of the new digital tools, including the digital photo cameras, the electronic tachometers and the GPS units for surveying operations brought about changes in the plotting methods. The practically unlimited possibilities of digital photography allowed increasing the number and the quality of photos, including the detalization and plotting of the work levels; and the use of digital measuring instruments increased the accuracy of measurements below the centimeter range. The appearance of high precision photogrammetric software raised the documentation process to a new level. We will present the methodological approach and discuss the advantages and problems of plotting, as well as the process of further processing of the obtained pool of data, using the materials of the Gorbunovsky peat-bog VI Razrez site as a case study.

Dirk Mariaschk – German Archaeological Institute (Germany Berlin). E-mail: dirk.mariaschk@dainst.de

Natalia M. Chairkina – Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: chair_n@mail.ru

Sabine Reinhold – PhD, German Archaeological Institute (Germany Berlin). E-mail: sabine.reinhold@dainst.de

П. С. МЕДВЕДЕВА, И. П. АЛАЕВА, М. Н. АНКУШЕВ, В. В. НОСКЕВИЧ

ГЕОМОРФОЛОГИЯ БОРТОВ КАРЬЕРА ДРЕВНЕГО РУДНИКА НОВОТЕМИРСКИЙ*

Работа освещает новые данные о геоморфологии горнопроходческих выработок на древнем руднике Новотемирском в Южном Зауралье. С помощью георадарной съемки и археологических раскопок были исследованы выработки различной структуры в коренных породах в бортах основного карьера: вертикальные шурфы и петляющий лаз. К основным факторам, повлиявшим на их строение и глубину, относятся форма залегания рудного тела и предпочтительное рудное сырье.

Медведева Полина Сергеевна – Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Челябинск). E-mail: Polenke@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-39-00056 мол_а «Древний рудник Новотемирский: развитие горного дела от бронзового к раннему железному веку в Южном Зауралье» (рук. П. С. Медведева).

Алаева Ирина Павловна — к.и.н., Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Челябинск). E-mail: Alaevaira@mail.ru

Анкушев Максим Николаевич — Институт минералогии УрО РАН (Россия, Миасс).
E-mail: ankushev_maksim@mail.ru

Носкевич Владислав Витальевич — к.ф.-м.н., Институт геофизики УрО РАН (Россия, Екатеринбург).
E-mail: ubistu@gmail.com

В Урало-Мугоджарском регионе на сегодняшний день известно более трех десятков древних медных рудников. Большинство из них на основании находок подъемных сборов, локализации в зоне синташтинских и алакульских поселений, данных радиоуглеродного датирования относят к первым векам II тыс. до н. э. [Ткачев 2011; Анкушев и др. 2018, с. 99, 100]. На сегодняшний день рудники представляют собой комплексы из одного или нескольких карьеров с пологим дном и оплывшими бортами, окруженных задернованными отвалами отработанной породы. Карьерный метод определяется как основной в данном регионе для бронзового века, обусловленный прожилково-вкрапленным характером первичных руд [Зайков и др. 2013, с. 193].

При детальном исследовании с помощью раскопок и геофизических данных строение подобных объектов оказывается более сложным, чем представляется на современной поверхности. В частности, на Ишкининском руднике известны вертикальные шурфы, происхождение которых связывается с добычей сульфидных медных руд, а возможно, и золотоносных пород [Зайков, Юминов, Ткачев 2012, с. 40, 41]. На руднике Шаншар в результате георадарной съемки в центральной части карьера также предполагается вертикальное углубление воронкообразной формы [Ткачев и др. 2013, с. 260]. В связи с этим актуальной представляется задача детализации геоморфологии древних горных выработок Урало-Мугоджарского региона и выявление причин, влияющих на технологию отработки медных рудников. Это тесно связано с вопросами уровня развития горного дела, масштабов и способов добычи руды на разных исторических этапах.

Новые подробности древних горнодобывающих технологий открылись в ходе исследования рудника Новотемирский, расположенного в Чесменском районе Челябинской области. Как и другие подобные памятники региона, при первичном обследовании рудник представлял собой овальный карьер 30 x 40 м глубиной до 2,5 м, окруженный отвалами отработанной породы серповидной формы. На месторождении в древности добывали окисленные руды: малахит, азурит, хризоколлу. К отличительным чертам памятника относятся находки сосудов раннего железного века в культурном слое наряду со свидетельствами разработки в эпоху бронзы, а также обнаружение вертикальной горной выработки, засыпанной отработанной породой [Алаева, Медведева, Анкушев 2017, с. 11].

Северная часть памятника была исследована при помощи метода георадиолокации, что позволило определить границы дна карьера, скрытые под илистыми и техногенными отложениями. Съемка проведена георадаром SIR-3000 с антенной с центральной частотой 270 МГц по трем параллельным профилям длиной 60 м с расстоянием между профилями 2 м. Дно карьера по изменению волновой картины в центральной части обнаружилось на глубине 1,5–2 м. В профиле 0, проходящем через центральную часть, в западном и восточном бортах карьера обнаружены вертикальные выработки — шурфы или шахты. Они не фиксируются на современной поверхности, расположены на глубине 1–1,5 м под отложениями и имеют ширину предположительно 0,5–1 м и глубину более 4 м.

Горнопроходческое углубление схожей морфологии было исследовано при расчистке современной грабительской ямы в южном борту карьера. В коренных породах склона карьера был сооружен петляющий лаз, отражающий форму залегания выбранного горняками рудного тела. В верхних горизонтах на уровне материка лаз имеет овальную форму шириной 1,2–1,5 м и вертикальное направление. Ниже выработка сужается до 80 см, плавно наклоняясь и приобретая горизонтальный выход шириной 1,2 м, ориентированный в западном направлении. Над выходом оставлен «навес» в виде массивного останца серпентинитов толщиной около 1 м со следами медной минерализации. Выработка забутована отработанной породой.

Исходя из полученных данных, можно предположить следующие факторы, влияющие на строение и глубину горных выработок древности. Во-первых, определяющей является форма залегания рудного тела. На Новотемирском руднике основным текстурным типом руд является прожилково-вкрапленный во вмещающих серпентинитах. Это предполагало отработку карьерным способом с большой выемкой пород и отсыпкой отвалов пустой породы. При этом наиболее богатые рудные столбы разрабатывались вертикальными горными выработками. Во-вторых, предпочтительное для определенной технологии металлургического процесса рудное сырье. В частности, ориентация на добычу окисленных руд в синташтинский период [Григорьев 2000] бронзового века Южного Зауралья делала нецелесообразным углубление карьера до уровня первичных руд. В-третьих, нельзя не учитывать эргономические потребности древних горняков в процессе добычи руды. Учет геологической характеристики, предполагаемого времени эксплуатации месторождения, а также применение неразрушающих методов исследования в совокупности с археологическими раскопками на других подобных объектах способствует пониманию технологий горного дела на ранних этапах своего развития в Урало-Мугоджарском регионе.

Библиографический список

- Алаева И. П., Медведева П. С., Анкушев М. Н. Шахта раннего железного века на древнем руднике Новотемирский // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. 2017. С. 7–13.
- Анкушев М. Н., Юминов А. М., Зайков В. В., Носкевич В. В. Медные рудники бронзового века в Южном Зауралье // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 23. С. 87–110.
- Григорьев С. А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000. С. 444–531.
- Зайков В. В., Юминов А. М., Ткачев В. В. Медные рудники, хромитсодержащие медные руды и шлаки Ишкининского археологического микрорайона (Южный Урал) // Археол. этнограф. и антроп. Евразии. 2012. № 2 (50). С. 37–46.
- Зайков В. В., Юминов А. М., Анкушев М. Н., Ткачев В. В., Носкевич В. В., Епимахов А. В. Горно-металлургические центры бронзового века в Зауралье и Мугоджарах // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1. С. 174–195.
- Ткачев В. В. Уральско-Мугоджарский горно-металлургический центр эпохи поздней бронзы // РА. 2011. № 2. С. 43–55.
- Ткачев В. В., Байтлеу Д. А., Носкевич В. В., Юминов А. М., Бебнев А. С., Вдовин А. Г., Анкушев М. Н., Жалмаганбетов Ж. М. Междисциплинарные исследования древнего рудника Шаншар на севере Мугалжарского горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы // Тр. филиала Ин-та археол. им. А. Х. Маргулана в г. Астана. Астана, 2013. Т. 2. С. 248–264.

P. S. MEDVEDEVA, I. P. ALAEVA, M. N. ANKUSHEV, V. V. NOSKEVICH

GEOMORPHOLOGY OF THE PIT WALLS OF NOVOTEMIRSKY ANCIENT MINE

The paper throws light on the new data about the geomorphology of the ancient mining structures at Novotemirsky mine in the South Ural. Different mining structures in the bedrock of the main pit walls: the vertical pits and the winding manholes were studied with georadar survey and archaeological excavations. Main factors that influenced their structure and depth were the mode of the ore body occurrence, and the preferred crude ore.

Polina S. Medvedeva – South-Ural State Humanitarian-Pedagogical University (Russia, Chelyabinsk).
E-mail: Polenke@yandex.ru

Irina P. Alaeva – Candidate of Historical Sciences, South-Ural State Humanitarian-Pedagogical University (Russia, Chelyabinsk). E-mail: Alaevaira@mail.ru

Maxim N. Ankushev – Institute of Mineralogy, Ural Branch of the RAS (Russia, Miass).
E-mail: ankushev_maksim@mail.ru

Vladislav V. Noskevich – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Institute of Geophysics, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: ubistu@gmail.com

В. С. МЫГЛАН, Г. Т. ОМУРОВА, В. В. БАРИНОВ, М. О. СИДОРОВА, З. Ю. ЖАРНИКОВ

ПЛАВНИК ИЛИ ЗАГОТОВЛЕННАЯ ДРЕВЕСИНА? ПРОБЛЕМАТИКА ДАТИРОВКИ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА*

В 2011–2012 гг. ходе полевых работ на Надымском городке была отобрана коллекция из 347 образцов для проведения датировок. Комплексный анализ коллекции образцов отобранных с деревянных элементов построек археологического памятника подтвердил наше предположение, что основным строительным материалом был плаvник. Результаты исследования позволили установить время сооружения 11-ти построек и 4-х элементов внешнего ограждения (стены, вход). Выявлено 3 периода активного строительства/перестройки (1460-е гг.; 1470-е–1480-е гг.; вторая-третья четверть XVI в.). Предложенный авторами подход, по установлению источника происхождения древесины, позволил скорректировать полученные ранее результаты по датировке Надымского городка.

Мыглан Владимир Станиславович – д.и.н., Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск). E-mail: v.myglan@gmail.com

Омурова Гульзар Торсунбекова – Центрально-Азиатский институт прикладных исследований Земли (Кыргызстан, Бишкек). E-mail: gulzar.omur@gmail.com

Баринoв Валентин Викторович – к.б.н., Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск).
E-mail: nelisgar@mail.ru

Сидорова Майя Олеговна – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск).
E-mail: mayasidorova12@gmail.com

Жарников Захар Юрьевич – к.и.н., Сибирский федеральный университет (Россия, Красноярск).
E-mail: zahari1@yandex.ru

* Исследование выполнено за счет РНФ, проект № 19-14-00028 «Экстремальные (катастрофические) засухи на юге Сибири за последнее тысячелетие» (рук. В. С. Мыглан).

На настоящий момент времени исследования археологических объектов с привлечением дендрохронологического метода были проведены для значительного количества памятников Севера Западной Сибири. Изучение культурных слоев, сохранившихся благодаря наличию мерзлоты, расширяет наши знания о материальной культуре, социальной структуре и этническом составе населения [Молодин, Парцингер, Цэвээндорж 2012]. Письменные источники в исследуемом регионе охватывают только позднее время, в результате, археологические памятники являются едва ли не единственным источником информации о поселениях севера Сибири [Мыглан, Ваганов 2005; Кардаш 2009]. Одним из таких объектов является Надымский городок – уникальный археологический памятник субарктической зоны Западной Сибири. Первые упоминания о Надымском городке до рубежа XVI–XVII вв. практически отсутствовали и охватывали последний этап, относящийся ко времени присоединения Западной Сибири к Русскому государству [Кардаш 2009]. Учитывая хорошую сохранность археологической древесины, логичным для решения вопроса календарной датировки, является привлечение дендрохронологического метода, позволяющего установить календарное время сооружения (перестройки) построек, т. е. восстановить историю функционирования памятника.

Первые дендрохронологические исследования на Надымском городке были выполнены В. М. Горячевым. В 2011–2012 гг. при дальнейших раскопках памятника, В. С. Мыгланом и Г. Т. Омуровой было отобрано 347 образцов археологической древесины. Первоначально, при анализе материала мы исходили из предположения В. М. Горячева о том, что поселенцы заготавливали строительный материал на ближайших участках пойменного леса, а затем по мере вырубки из мест, значительно удаленных от городища [Горячев 2003, с. 31]. Учитывая, что у местного населения были развиты навыки судоходства, это делает заготовку и сплав древесины достаточно простым и удобным способом. В результате, проведенная календарная датировка 78 образцов позволила установить время сооружения построек № 2 и 12 – 30-80 гг. XV в. При этом появились сомнения в корректности определения источника происхождения строительного материала [Омурова и др. 2018]. Так, анализ дендродат показал наличие существенного разброса во времени образования подкорковых колец у образцов стен построек, а маршрутные обследования выявили отсутствие хвойного леса в окрестностях Надымского городка (ближайшие деревья произрастали в 12 км западнее на левом коренном берегу или на 20 км выше по течению р. Надым). Данное обстоятельство позволило нам предположить, что для строительства построек мог широко использоваться плавник (стволы деревьев, принесенные течением реки во время сильного половодья). В результате, открытым остается вопрос определения источника происхождения строительной древесины для Надымского городка, который имеет ключевое значение для интерпретации полученных дендрохронологических дат.

Проведенный анализ коллекции образцов позволил нам определить время сооружения 11-ти построек и 4-х элементов внешнего ограждения (стены, вход) Надымского городка. Было установлено, что только в случае с постройками № 10 и № 17 можно говорить о заготовке древесины для строительства, в расположенном выше лесном массиве. Во всех остальных случаях, в качестве основного строительного материала выступал плавник. Анализ породного состава коллекции образцов показал, что в качестве материала для стен в основном применялись еловые и кедровые бревна, полубревна, а для настила пола – лиственничные и кедровые плахи. Проведенный анализ построек и наружных

стен Надымского городка позволил выделить три периода активизации строительства. Первый период пришелся на 1460-е гг. В это время шло строительство построек № 10, 11, 12, 17, 18 и СНП 6 и 7. Второй период — конец 1470-х — 1480-е гг. — связан с возведением построек № 3, 6, 7, 14 и ССЗВ, и перестройкой постройки № 10. Третий этап строительства пришелся на вторую–третью четверть XVI в., когда были сооружены постройки № 2, 19 и КЗНС, СЗВ, перестроены постройки № 10 и 14.

Результаты исследования имеют важное теоретическое значение, поскольку поднимают принципиальный вопрос об источнике происхождения материала. Его игнорирование, может привести к получению некорректных результатов при датировке археологической древесины северных памятников лесотундровой зоны.

Библиографический список

- Горячев В. М. Использование остатков древесины Надымского городища для построения длительных хронологий и реконструкций температурных условий // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 2003. Вып. 2. С. 30–33.
- Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.
- Молодин В. И., Парциндер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М., 2012.
- Мыглан В. С., Ваганов Е. А. К вопросу о датировке исторических памятников на Таймырском полуострове: дендрохронологический и исторический аспекты // Вестн. КрасГУ. 2005. № 5. С. 176–182.
- Омурова Г. Т., Баринов В. В., Кардаш О. В., Ваганов Е. А., Мыглан В. С. Реконструкция экстремальных палеоклиматических событий на севере Западной Сибири по археологической древесине (на примере Надымского городка) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2018. Т. 46, № 3. С. 32–40.

V. S. MYGLAN, G. T. OMUROVA, V. V. BARINOV, M. O. SIDOROVA, Z. YU. ZHARNIKOV

DRIFTWOOD OR HARVESTED TIMBER? THE PROBLEM OF THE NADYM HILLFORT DATING

In 2011–2012 in the course of the field works on the Nadym hillfort, we formed an assemblage of 347 samples for dating. A comprehensive study of the assemblage of samples taken from the wooden elements of the archaeological site's structures confirmed our hypothesis about the use of driftwood as the main building material. The results of the study allowed establishing the time of construction of 11 buildings and 4 external fencing elements (walls, entrance group). We have identified three periods of active construction/reconstruction (the 60s of the 15th century; the 70s–80s of the 15th century; and the second-third quarter of the 16th century). The proposed approach to establishing the source of timber origin allowed correcting and updating the earlier obtained dates for the Nadym hillfort.

Vladimir S. Myglan — Doctor of Historical Sciences, Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk).
E-mail: v.myglan@gmail.com

Gulzar T. Omurova — Central-Asian Institute for Applied Geosciences (Kyrgyzstan, Bishkek).
E-mail: gulzar.omur@gmail.com

Valentin V. Barinov — Candidate of Biological Sciences Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk).
E-mail: nelisgar@mail.ru

Maya O. Sidorova — Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: mayasidorova12@gmail.com

Zakhar Yu. Zharnikov — Candidate of Historical Sciences, Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk).
E-mail: zaxari1@yandex.ru

П. Ю. ПАВЛОВ, В. И. СИЛАЕВ, И. В. СМОЛЕВА, Д. В. КИСЕЛЁВА

**РЕКОНСТРУКЦИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ ЗАОЗЕРЬЕ
(СРЕДНИЙ УРАЛ) НА ОСНОВЕ МИНЕРАЛОГО-ГЕОХИМИЧЕСКИХ СВОЙСТВ
КОСТНЫХ ОСТАТКОВ *EQUUS CF. LATIPES V. GROMOVA***

Обсуждаются результаты комплексных минералого-геохимических исследований костей плейстоценовых лошадей со стоянки перехода от среднего к верхнему палеолиту Заозерье (Средний Урал). В ходе исследований сделаны выводы об условиях их захоронения, климате и ландшафтах холмисто-увалистой полосы западного склона Среднего Урала в конце среднего валдая. Заозерские плейстоценовые лошади обитали в условиях умеренно холодного бореального климата с продолжительной снежной зимой и относительно коротким теплым летом. Средой обитания этих животных были ландшафты травянистого редколесья. Проведенные исследования показали значительный потенциал использования минералого- и изотопно-геохимических методов при реализации меж- и мультидисциплинарных научных программ изучения памятников первобытной археологии.

Павлов Павел Юрьевич – д.и.н., ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Институт языка, литературы и истории (Россия, Сыктывкар). E-mail: ppavlov120@gmail.com

Силаев Валерий Иванович – д.г.-м.н., ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Институт геологии (Россия, Сыктывкар). E-mail: silaev@geo.komisc.ru

Смолева Ирина Владимировна – к.г.-м.н., ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Институт геологии (Россия, Сыктывкар). E-mail: smoleva@geo.komisc.ru

Киселёва Дарья Владимировна – к. г.-м. н., Институт геологии и геохимии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: podarenka@mail.ru

С середины 1980-х гг. в археологии стали применяться данные, полученные в результате физико-химических и минералого-геохимических исследований ископаемых костных остатков. К настоящему времени в этой научной области сформировалось четыре основных направления: 1) анализ химического состава и содержания некоторых микроэлементов (обычно – Sr, Ba, Pb) в костях как индикаторов палеоэкологической среды обитания животных; 2) определение химического и аминокислотного состава костного коллагена; 3) исследование изотопного состава C, O, N, H в биоapatите и костном коллагене в целях получения информации по палеоклиматам и диетам; 4) изучение механизмов взаимодействия захороненных костей с грунтовыми водами и оценка степени фоссилизации костей.

В докладе обсуждаются впервые полученные для уральского региона данные комплексных минералого- и изотопно-геохимических исследований ископаемых костей плейстоценовой лошади (*Equus caballus cf. latipes V. Gromova*), отобранных из культурного слоя стоянки Заозерье, одной из немногих стоянок Урала возрастом более 30 тыс. л. н. [Павлов 2012]. Основные черты инвентаря стоянки считаются типичным и для поздних этапов развития переходных индустрий от среднего к верхнему палеолиту Восточной и Центральной Европы, имеющих местные мустьерские корни [Svoboda, Siman 1989]. По некоторым категориям каменного инвентаря (сегментовидные изделия), использованию раковин и фоссилий в качестве украшений, стоянка Заозерье сближается с южно-европейскими стоянками перехода от среднего к верхнему и началу верхнего палеолита [Павлов 2017]. Среди фаунистических остатков (около 1 500 экз. костей животных), найденных в культурном слое стоянки Заозерье, абсолютно преобладают костные остатки широкопалой лошади (*Equus cf. latipes V. Gromova*) (определения П. А. Косинцева ИЭРЖ УрО РАН).

Объектом минералого-геохимических исследований послужили фрагмент таза, фрагмент ребра, пяточная кость и два зуба лошадей. Костные остатки характеризуются нормальной для неоплейстоцена степенью сохранности, будучи незначительно затронутыми эпигенетическим ожелезнением. При изучении костей применялись разнообразные методы минералого-геохимических исследований. Изучено внутреннее строение костных остатков, их химический и микроэлементный состав, проанализированы биогенные изотопные сигналы [Силаев и др. 2019].

В докладе представлены результаты анализа микроэлементного состава и интерпретированы биогенные изотопные сигналы.

Проведенный анализ выявил, что по характеру и степени обогащения микроэлементами можно судить об относительном возрасте исследуемых образцов костей внутри коллекции. В качестве критерия хронологической неоднородности последней может выступать отношение суммарной концентрации эпигенетических элементов-антибионтов к суммарной концентрации элементов-эссенциалов. По величине этого отношения можно предположить, что на стоянке Заозерье представлены, по меньшей мере, две хронологически различные группы костей, что также подтверждается распределением радиоуглеродных дат двумя кластерами в 35 и 39–40 тыс. л. н.

Изотопный состав углерода и кислорода в исследованных костях показал, что заозерские лошади проживали в условиях прохладного климата и пили пресную воду, которая по своим изотопным характеристикам была практически тождественной современным грунтовым водам в северных широтах европейской части России. Изотопные данные по углероду и азоту в коллагене костных остатков заозерских лошадей лежат в пределах вариаций, установленных для европейских плейстоценовых лошадей, но при этом в ряду протестированных плейстоценовых травоядных животных являются наиболее изотопно-легкими по азоту.

Стоянка располагалась на пойме или низкой террасе Чусовой вблизи заболоченного устья крупного лога, выходявшего к реке и являвшегося удобным местом водопоя стадных животных и, следовательно, была практически идеальным местом для охоты первобытного человека. Водораздельные пространства представляли лесостепь или травянистое редколесье, где на кислых почвах в изобилии произрастали луговые травы, дикорастущие злаки, а также ель, сосна и береза. В целом, палеоландшафты водораздельных плато были чрезвычайно благоприятны для стадных копытных, прежде всего, лошадей, и крупных одиночных травоядных — носорогов, что не могло не привлекать в этот район первобытного человека. Это обстоятельство позволяет высказать благоприятный прогноз на поиски новых средневалдайских памятников в бассейне верхней Камы.

Результаты проведенных исследований выявили большой потенциал использования минералого- и изотопно-геохимических методов при реализации меж- и мультидисциплинарных научных программ изучения памятников первобытной археологии. Эти методы позволяют получить данные для палеоклиматических и палеоэкологических реконструкций, дают возможность решить множество конкретных задач, в частности оценивать относительный возраст ископаемых костей, выявлять факты асинхронности их накопления на стоянках древних людей, коррелировать особенности строения и состава костей с результатами хозяйственной деятельности человека. Кроме того, минералого-геохимические исследования костных остатков плейстоценовой фауны способствуют совершенствованию знаний о формах и механизмах их фоссилизации, что необходимо для

отделения содержащейся в ископаемых костях первичной биологической информации от результатов эпигенетического изменения в разных средах захоронения.

Библиографический список

- Павлов П. Ю. Культурные связи населения уральского региона в эпоху палеолита // Вестн. Перм. ун-та. История 2012. № 1 (18). С. 6–23.
- Павлов П. Ю. Переходные индустрии северо-востока Европы и их значение для изучения особенностей перехода от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Европе // I Междунар. конф. «Археология Арктики». Тезисы докл. Екатеринбург, 2017. С. 24–27.
- Силаев В. И., Шанина С. Н., Смолева И. В., Киселёва Д. В., Чердниченко Н. В., Хазов А. Ф., Туманова Е. А., Павлов П. Ю. Опыт использования минералого-геохимических свойств костных остатков для реконструкции среды обитания на палеолитической стоянке Заозерье (Средний Урал) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2019. № 2. В печати.
- Svoboda J., Siman K. The Middle Upper Palaeolithic Transition in Southeast Central Europe // Journal of World Prehistory 1989. № 3 (3). P. 283–322.

P. YU. PAVLOV, V. I. SILAEV, I. V. SMOLEVA, D. V. KISELEVA

HABITAT RECONSTRUCTION AT A PALAEO-LITHIC OCCUPATION SITE ZAOZERJE (MIDDLE URAL) BASED ON THE MINERALOGICAL AND THE GEO-CHEMICAL PROPERTIES OF *EQUUS CF. LATIPES* V. GROMOVA BONE REMAINS

The results of the comprehensive mineralogical and geo-chemical study of the Pleistocene horses' bones from an occupation site of the transition period from the middle to the upper Paleolithic – Zaozerje (Middle Ural) are discussed in the paper. In the course of the study, we were able to make conclusions about the conditions of their burial, the climate and landscape of the sag-and-swell zone of the western slope of the Middle Ural in the end of the Middle Valdai period. The Pleistocene horses of Zaozerje lived under the conditions of the moderately cold boreal climate with long snowy winters and a relatively short warm summer. These animals' habitat consisted of the grassy sparse forest landscapes. The study revealed a significant potential for the use of the mineralogical and the isotope geo-chemical techniques for the implementation of inter- and multi-disciplinary research programs aimed at the study of the prehistoric archaeological sites.

Pavel Yu. Pavlov – Doctor of Historical Sciences, Federal Research Centre Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS, Institute of Language, Literature and History (Russia, Syktyvkar). E-mail: ppavlov120@gmail.com

Valeriy I. Silaev – Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Federal Research Centre Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS, Institute of Geology (Russia, Syktyvkar). E-mail: silaev@geo.komisc.ru

Irina V. Smoleva – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Federal Research Centre Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS, Institute of Geology (Russia, Syktyvkar). E-mail: smoleva@geo.komisc.ru

Daria V. Kiseleva – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Institute of Geology and Geochemistry, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: podarenka@mail.ru

А. Н. ПАРАНИНА, Р. В. ПАРАНИН

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ДОИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

Применение географических методов обеспечивает системный анализ объектов на локальном, региональном и глобальном уровне. Системность исследований предполагает выявление связей — генетических и функциональных. География культуры направлена на изучение всех форм надбиологической адаптации. В статье рассматривается важнейшая адаптация, связанная с освоением

географического пространства-времени. Региональная специфика природы Северной Евразии — короткий вегетационный период и малая продуктивность ландшафта, феномены полярных дней и белых ночей — объясняет наибольшую хозяйственную активность летом и приоритет ориентирования по Солнцу (солярной навигации). Проведенные исследования показывают, что объекты солярной навигации на Севере многочисленны и разнообразны, что соответствует общему правилу «объекты — уникальны, технологии — универсальны». Чем древнее технологии, тем крупнее инструменты и теснее их связь с ландшафтом. Обосновать их границы можно на основе функционального зонирования ландшафта — выделения устойчивых участков, способных выполнять информационную функцию. Решение этих задач обеспечивает комплекс теоретических положений и географических методов, предлагаемый авторами статьи.

Паранина Алина Николаевна — к.геогр.н., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: galina_paranina@mail.ru

Паранин Роман Викторович — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург). E-mail: paranin.roman@yandex.ru

В освоении любой территории первостепенное значение имеет навигация — движение и ориентирование. Роль навигации повышается в условиях среды, контрастной по своим характеристикам, динамичной в пространстве и во времени. Поскольку Арктика представляет собой территорию с экстремальными условиями жизни, а ее ландшафты не переносят высоких антропогенных нагрузок, то кочевой тип природопользования является оптимальным, а технологии ориентирования — особенно важными для выживания и развития человека.

Регион, объекты и методы. Полевые исследования проводились в районах Северо-Запада России. Применялись стандартные и специальные методы исследований, в том числе, расчеты положения Солнца и тени гномона солнечных часов-календарей для координат лабиринтов и петроглифов, сопоставление структуры объектов с динамикой ландшафтно-географических и планетарных факторов (рельефа, наклона земной оси), моделирование объектов навигации и реконструкции этапов развития технологии.

Метод расчета солнечного календаря по полуденной тени — решение уравнения, основанного на тригонометрическом тождестве ($H = \operatorname{tg} \alpha \cdot A$) [Паранина 2010]. Определяется высота и место установки гномона, полуденная тень которого за год изменяется в определенном диапазоне (например, совпадает с диаметрами внутренней и внешней дуг лабиринта или иной ритмически построенной структуры, ориентированной по географическому меридиану). Обе части уравнения дают один результат — высоту гномона и описывают соотношение угла падения солнечных лучей α и длины тени A : левая — для лета, правая — для зимы. К расстояниям, измеренным от центрального сложения до крайних дуг лабиринта (в данном примере — 1 м и 5,5 м), добавлена поправка x , позволяющая уточнить его положение:

$$\operatorname{tg} 48,47 (1 + x) = \operatorname{tg} 4,97 (5,5 + x) \quad (1)$$

Решение данного уравнения позволяет определить все основные размеры как результат вычисления поправки x к расстояниям до условно выбранного центра:

$$1,13 (1 + x) = 0,09 (5,5 + x)$$

$$1,13 + 1,13 x = 0,5 + 0,09 x$$

$$1,13 x - 0,09 x = 0,5 - 1,13$$

$$1,04 x = - 0,63$$

$$x = - 0,63 / 1,04$$

$$X = -0,61$$

Корректировка расстояний до центра основана на определении длины тени в разные сезоны (м):

$$1 + x = 1 - 0,61 = 0,39$$

$$5,5 + x = 5,5 - 0,61 = 4,89$$

Окончательное решение уравнения (1) дает высоту гномона (м):

$$1,13 \cdot 0,39 = 0,09 \cdot 4,89$$

$$0,44 = 0,44$$

Метод применим для любых объектов и регионов, наиболее эффективен в условиях освещения умеренного пояса. В северных широтах достаточно гномона небольшой высоты, к югу точность инструмента повышается с увеличением его высоты. Можно наблюдать тень предмета, стоящего в центре, или тень собственной фигуры.

Метод ориентирования по тени на восходе/заходе Солнца. Помимо полуденной тени, на доисторических объектах фиксируются восходы/заходы, позволяющие определять астрономические сезоны года. Азимуты солнцестояний и равноденствий обнаружены Ф. Равдоникасом в расположении петроглифов абстрактной формы (мыс Пери Нос, Онежское озеро). Т. М. Потемкина предположила, что такие знаки можно прорисовать, ориентируясь на дорожки света на воде и влажной скале [2016]. Более простой метод создания линий солнечной шкалы подсказывают сами изображения: посох «Беса» и шесты с веревками, закрепленные в конусах грунта. Так, тень предмета, установленного на изображение Беса, совпадет с ним только раз в году [Paranina, Paraniin 2017]. Тень легко зафиксировать веревкой или чертой, используя мел/уголь, и по этой разметке выбить рисунок, сохранив точное направление.

В лабиринтах астрономически значимые восходы/заходы обозначены точками концов спиралей и «дорожкой», перпендикулярной входу.

Результаты и обсуждение. Среди объектов Белого моря наибольшее количество информации пользователям могут дать Понойский лабиринт и объекты Б. Заяцкого острова, расположенные вблизи постоянных поселений. В лабиринтах необитаемых островов определяются дни равноденствия, а Умбинский позволяет так же отмечать начало и конец летнего периода лова семги (май–август). На Онежском озере направления фигуры «Беса» и выделенной им трещины, близки к азимуту солнцестояний, в это время в реки заходит осетр. На Беломорских петроглифах (Н. Залавруга) изображение «жреца» ориентировано по линии, удобной для определения границы зима-лето. Таким образом, в структуре инструментов отражается режим использования.

Эволюции технологий навигаций последовательно прошла этапы, в которых фиксировались: 1) положение Солнца, 2) положение тени предмета. Инструментами для определения и шкалой для фиксации этих направлений были сначала природные, позже — природнорукотворные и искусственные структуры: а) изломы горизонта и линейные элементы ландшафта (рельеф, тектонические трещины); б) рукотворные привнесения (петроглифы, обработка формы скал) и установка устойчивых к подвижкам и разрушению, выделяющихся в ландшафте объектов (крупные камни, кости животных); в) моноинструменты-гномоны, позволяющие определять части дня, сезоны года по длине и направлению полуденной тени (движению луча направленного света) — каменные, деревянные, глиняные инструменты, фигура человека или отдельные части тела и их тень, измеренная посохом,

поясом, стопами-футами и т. д.; г) моделирование суточного (осевого) движения Земли с помощью легкого предмета в чаше с водой, совершающего циклическое движение под действием силы Кориолиса. Сочетание инструментов разного уровня показывает глубину местной традиции.

Универсальными ориентирами в солярной навигации являются два направления: север — юг, определяемое ежедневно в полдень; запад — восток, определяемое по точкам восход/захода Солнца в дни равноденствий. Точность пригоризонтных наблюдений зависит от формы горизонта, который ближе всего к астрономическому на равнине и на воде. Инструменты уникальны, так как отражают широту, форму горизонта, наклон земной оси на момент их создания. На структуру объектов влияют так же жизненные циклы промысловых видов, традиция начала отсчета нового года и другие факторы.

Простейшие технологии навигации открывают новые возможности для исследования процессов географической адаптации и рациональной интерпретации первичного назначения доисторических объектов.

Библиографический список

- Паранина Г. Н. Свет в лабиринте: время, пространство, информация. СПб., 2010.
 Потемкина Т. М. Небо на скалах Онежского озера по данным археоастрономии // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2016. № 4(1). P. 19–80.
 Paranina A., Paraniin R. Primary navigation purpose of petroglyphs: reconstruction on the basis of the gnomon // *OALib Journal is an all-in-one open access journal*. 2017. № 4. August. P. 1–13.

A. N. PARANINA, R. V. PARANIN

GEOGRAPHIC METHODS FOR THE STUDY OF PREHISTORIC CULTURAL HERITAGE OBJECTS OF NORTHERN EURASIA

The use of geographic methods provides for a systemic analysis of the objects at the local, regional, and the global scale. A systemic research means the establishing of connections — both the genetic and the functional. The purpose of the geography of culture is the study of all forms of supra-biological adaptation. The article focuses on the most important form of adaptation related to the development of the geographic space-time. The regional specifics of the nature of Northern Eurasia - the short vegetation period and the low landscape productivity, the polar days and the white nights phenomena — explained the most intensive economic activity during the summer, and the priority given to the orientation by the Sun (solar navigation). The study demonstrated that the solar navigation objects in the North were quite numerous and varied, which agreed with the general rule stating that “objects were unique, and technologies — universal”. The older the technologies, the larger were the tools, and the closer their ties with the landscape. Their boundaries could be validated based on the functional zoning of landscapes — isolation of stable areas, which could be capable of fulfilling the information function. Solution of these problems rests on a set of theoretical propositions and the geographic research methods proposed by the authors.

Alina N. Paranina — Candidate of Geographical Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg). E-mail: galina_paranina@mail.ru

Roman V. Paraniin — Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg). E-mail: paraniin.roman@yandex.ru

С. РЕЙНХОЛЬД, К.-У. ХОЙССНЕР, Н. М. ЧАИРКИНА, А. ЯНУС, Д. МАРИАШК

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВЕСНЫХ ОБРАЗЦОВ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА

Дендрохронологическая датировка археологических памятников, в которых сохранились деревянные конструкции, открывает возможности для высокоточного абсолютного датирования. Авторы представят результаты первого масштабного дендрохронологического исследования древесных образцов Горбуновского торфяника. Большая часть деревянных бревен VI Разреза датируется концом III тыс. до н. э. и указывает на сравнительно короткий, в диапазоне около 150 лет, период строительства большинства исследованных сооружений. Самый молодой из установленных на настоящее время горизонтов этого памятника связан со слоем погребенной древесины пограничного горизонта, вероятно, соотносящегося с ранним средневековьем. В то время как все остальные датировки по-прежнему остаются плавающими, и датируются по неравномерному распределению на радиоуглеродной шкале, для последнего горизонта может быть получена абсолютная фиксация, посредством его привязки к существующей Северо-Уральской древесно-кольцевой кривой.

Рейнхольд Сабина — PhD, Германский археологический институт (Германия, Берлин).
E-mail: sabine.reinhold@dainst.de

Хойсснер Карл-Уве — к.и.н., Германский археологический институт (Германия, Берлин).
E-mail: karl-uwe.heussner@dainst.de

Чаиркина Наталия Михайловна — д.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: chair_n@mail.ru

Янус Александр — Германский археологический институт (Германия, Берлин). E-mail: dendro@dainst.de

Мариашк Дирк — Германский археологический институт (Германия, Берлин).
E-mail: dirk.mariaschk@dainst.de

Дендрохронологическая датировка археологических памятников, в которых сохранились деревянные конструкции, открывает возможности для высокоточного абсолютного датирования. Наилучшим результатом является получение точной абсолютной датировки по годичным кольцам, однако не менее полезными являются внутренние относительные датировки с точностью менее одного года. Локализация остатков коры и заболони позволяет установить весеннее-летний или осеннее-зимний период заготовки древесины.

В результате раскопок, проводившихся на VI Разрезе Горбуновского торфяника на протяжении последних 100 лет, было накоплено большое число деревянных объектов, включая несколько скульптурных изображений и большое количество деталей строительных конструкций. В 2007 г. коллектив ИИиА УрО РАН во главе с Н. М. Чаиркиной приступил к раскопкам этого памятника с использованием современных методов исследования. Первые радиоуглеродные датировки по строительной древесине и артефактам выявили, по меньшей мере, два горизонта деятельности — IV тыс. до н. э. (относящегося к энеолиту) и конца III — начала II тыс. до н. э. (связанного с керамикой карасьеозерского типа раннего бронзового века).

В 2017 г. группа исследователей из Евразийского отдела Германского археологического института под руководством С. К. Рейнхольд, включая специалистов в области дендрохронологии, присоединилась к этой работе. Их задача состояла в том, чтобы применить методы дендрохронологического датирования ко всем пригодным для этой цели образцам, включая исследования по менее чем столетним интервалам, которые обычно не

обрабатываются дендрохронологами, проводящими исследования в целях реконструкции климата или истории лесной растительности. Первыми образцами для изучения послужили деревянные бревна и колья из раскопов 2017–2018 гг., затем в работу были включены образцы бревен из музейных фондов.

Большая часть деревянных бревен VI Разреза датируется концом III тыс. до н. э. и указывает на сравнительно короткий, в диапазоне около 150 лет, период строительства большинства исследованных сооружений. Самый молодой из установленных на настоящее время горизонтов этого памятника связан со слоем погребенной древесины пограничного горизонта, вероятно, соотносящегося с ранним средневековьем. В то время как все остальные датировки по-прежнему остаются плавающими, и датируются по неравномерному распределению на радиоуглеродной шкале, для последнего горизонта может быть получена абсолютная фиксация, посредством его привязки к существующей Северо-Уральской древесно-кольцевой кривой.

S. REINHOLD, K.-U. HEUSSNER, N. M. CHAIRKINA, A. JANUS, D. MARIASCHK

FIRST RESULTS OF THE DENDROCHRONOLOGICAL STUDY OF WOOD SAMPLES FROM THE GORBUNOVSKY PEAT BOG

The dendrochronological dating of the archaeological sites with preserved wooden structures opens an opportunity for a precise absolute dating. The authors present the outcomes of the first large scale dendrochronological study of wood samples from the Gorbunovsky peat bog. Most of the wooden logs from the VI Razrez site were dated as the end of the 3rd millennium BC, and evidenced a relatively short, within the span of about 150 years, period of construction of most of the researched structures. The youngest of the so far established horizons of this site was associated with the buried timber level of the boundary horizon, which was, probably, associated with the early Middle Ages. While all other dates still remain floating, and are dated by the uneven radiocarbon scale distribution, it became possible to obtain an absolute date for the final horizon by means of its binding to the existing North-Ural tree-ring curve.

Sabine Reinhold – PhD, German Archaeological Institute (Germany Berlin). E-mail: sabine.reinhold@dainst.de

Karl-Uwe Heussner – German Archaeological Institute (Germany, Berlin). E-mail: karl-uwe.heussner@dainst.de

Natalia M. Chairkina – Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: chair_n@mail.ru

Alexander Janus – German Archaeological Institute (Germany, Berlin). E-mail: dendro@dainst.de

Dirk Mariaschk – Eurasia-Department, German Archaeological Institute (Germany Berlin). E-mail: dirk.mariaschk@dainst.de

T. M. САБИРОВА

ТИПЫ СПЛАВОВ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ ЧЕПЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье проанализированы типы металлических сплавов изделий чепецкой культуры. В ходе проведения измерений на РФА спектрометре было установлено преобладание латуни для производства основных типов украшений и бытовых предметов. Были проведены сравнения металлических сплавов двух городищ и примыкающих к ним могильников, а также зафиксированы сплавы находок с

могильника, удаленного от центральной части археологической культуры. Предварительный анализ показал, что иднакарские мастерские снабжали своими изделиями как прилегающие территории, так и отдаленные земли. В связи с частыми находками высокоцинковистых латуней становится актуальным вопрос об установлении путей и способов импорта медно-цинкового сплава в бассейн р. Чепцы, поскольку ближайшие месторождения цинка находятся в значительной удаленности от территории Прикамья.

Сабирова Татьяна Михайловна — к.и.н., Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (Россия, Ижевск). E-mail: sabirovatm@udman.ru

Памятники чепецкой археологической культуры конца IX – XIII вв. локализуются в среднем течении р. Чепцы. Характерной особенностью этого этносоциального образования является наличие крупных комплексов памятников с мощным городищем и окружающими его селищами и могильниками. Каждый из таких кустов имел собственные традиционные производства, среди которых археологически фиксируется цветная металлообработка [Иванов и др. 2004, с. 61, 62]. Знание рецептур сплавов, из которых изготовлены украшения, предметы быта и находки производственного характера, позволит определить горизонтальные и вертикальные взаимосвязи между металлообрабатывающими центрами чепецкой культуры, предположить местное или импортное происхождение металла. Различия в используемых легирующих добавках могут косвенно характеризовать и внутренний рынок сбыта готовых изделий каждого производственного центра.

Анализ состава металла находок проводился неразрушающим способом посредством РФА спектрометра [Русских, Сабирова 2018, с. 94, 95]. Были проведены серии исследований для нескольких поселенческих и погребальных памятников, среди которых — городище Иднакар, Кушманское городище, Кушманское III селище, Иднакарский I могильник, Кузьминский могильник Бигершай, Кушманский I могильник. Памятники имеют разную степень изученности, и выборки металлических изделий также неравнозначны. Больше всего проб (более 100) было взято с находок Кушманского городища и примыкающего к нему селища, из коллекции городища Иднакар изучен состав 34 образцов [Русских, Сабирова 2017]. Материалы могильников затронуты пока в ознакомительном режиме — определены рецептуры цветного металла до 20 образцов с каждого памятника. При подготовке выборки основными критериями были: разноплановость находок (украшения, предметы быта, производственные изделия); их сопоставимость в рамках нескольких памятников, что дает возможность получить ассортимент сплавов, используемых для производства изделий одной группы; а также сохранность находок, позволяющая провести РФА исследование.

Анализы показали, что при производстве исследованных артефактов чаще всего применяли латунь (сплав меди с цинком). Так, в материалах могильников вообще не фиксируется других сплавов, кроме медно-цинкового, который представлен двухкомпонентной латунью (CuZn), свинцовой латунью (CuZnPb) и многокомпонентной латунью, имеющей добавки свинца, олова и серебра в разных пропорциях. Материалы поселенческих памятников имеют большее разнообразие: было определено 12 рецептур сплавов, среди которых упомянутые разновидности латуни; оловянистая (CuSn), свинцовая (CuPb), оловянисто-свинцовая (CuSnPb) и многокомпонентные бронзы; технически чистые медь и олово. Однако и в поселенческих материалах латуни преобладают над другими сплавами: из них изготовлено 65 % исследованных образцов [Русских, Сабирова 2018, с. 100].

Сравнение результатов показывает, что материалы городища Иднакар и синхронного ему Иднакарского I могильника практически полностью совпадают по составу и пропорциям использованных сплавов (в обоих случаях все образцы представлены латунями, среди которых много высокоцинковистых сплавов с содержанием цинка до 20–25 %). Данные Кушманского I могильника и Кушманских городища и селища отнюдь не так однородны. Если проанализированные материалы могильника представлены латунями, то поселенческие материалы не соотносятся с ними и показывают превалирование бронз. В выборке для исследования с Кушманских поселенческих памятников, помимо стандартных украшений и принадлежностей костюма, большой упор был сделан на изделия производственного цикла – проволоки, металлические слитки, обрезки металла, а также экспериментально были проведены измерения поверхности литейного инструментария – форм для отливок. Все типы сплавов – и бронзы, и латуни – довольно однородно распределены между производственными изделиями и предметами повседневной жизни.

Такое несовпадение данных может объясняться тем, что именно иднакарские мастерские централизованно производили латунные изделия для повседневных нужд жителей как для центрального куста памятников, так и для северо-западных территорий чепецкой культуры. Место сбыта крупной кушманской мастерской, активно использующей традиционные для территории Прикамья бронзы, пока остается неустановленным. Если бронзы могут иметь местное происхождение благодаря наличию в регионе медистых песчаников и близостью уральского свинца, то активное использование латуни с большим содержанием цинка, характерным для первичного, только что произведенного металла, не участвовавшего в многочисленных переплавках, открывает вопрос о путях поступления латуни в чепецкий регион.

Библиографический список

- Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И. Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск, 2004.
- Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Цветной металл Кушманского городища Уччакар IX–XIII вв.: рентгенофлуоресцентный анализ изделий и литейного оборудования средней и внешней площадок памятника // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2017. Вып. 3. С. 90–105.
- Русских Е. Л., Сабирова Т. М. Состав цветного металла городищ чепецкой культуры (Иднакар и Уччакар) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. Ижевск, 2018. № 2 (5). С. 94–101.

T. M. SABIROVA

TYPES OF NON-FERROUS METAL ALLOYS USED FOR MAKING THE CHEPETSKAYA CULTURE ITEMS

The article studies the types of metal alloys of the Chepetskaya culture artifacts. The XRF spectrometry of the items demonstrated the predominance of brass in the metal, of which most of the jewelry types and household items were made. We compared metal alloys from two hillforts and the surrounding burials, as well as the alloys of the finds from a cemetery located at some distance from the central part of the archaeological culture area. Preliminary analysis demonstrated that the Idnakar workshops supplied both the neighboring areas, and the remote territories with their goods. Because of the frequent finds of high-zinc brasses, it becomes interesting to study the ways and the methods of the copper-zinc alloy import to the Cheptsya river basin, since the nearest zinc deposit was located at a significant distance from the territory of the Kama region.

Tatyana M. Sabirova – Candidate of Historical Sciences, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the RAS (Russia, Izhevsk). E-mail: sabirovatm@udman.ru

Ю. Б. СЕРИКОВ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ СВЕРЛЕНИЕ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ ПОЛОЙ КОСТЬЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ СВЕРЛЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ КАМЕННОГО ВЕКА УРАЛА)

На Урале каменные изделия с отверстиями большого диаметра обычно редки и индивидуальны. Практически все изделия этой группы просверлены полым костяным сверлом. Проведенные эксперименты показали необходимость фиксации сверла на каменной заготовке. Точное совмещение отверстий при встречном сверлении предполагает наличие у древних мастеров простейших измерительных инструментов. Экспериментальным путем удалось выявить, что надрезы на режущей кромке костяного сверла существенно увеличивают производительность сверления. Экспериментальное сверление полым сверлом талька, серпентинита, мрамора и нефрита позволили выявить трудозатраты при сверлении мягких и твердых пород камня. Определены детали, позволяющие увеличить скорость сверления, выявить способ сверления, а также материал сверла (камень или кость).

Сериков Юрий Борисович – д.и.н., Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в Нижнем Тагиле) (Россия, Нижний Тагил). E-mail: u.b.serikov@mail.ru

На Урале каменные изделия с отверстиями большого диаметра обычно редки и индивидуальны. Они известны во все археологические эпохи от мезолита до энеолита. Их число не превышает сотни экземпляров. Практически все изделия этой группы просверлены полым костяным сверлом [Сериков 2018, с. 56–73].

Эксперименты с полым сверлением в Ангарской экспедиции С. А. Семенова показали большую трудоемкость этого способа. На изготовление отверстия диаметром 2,4 см и глубиной 3,4 см в гальке вулканической породы было затрачено 10 часов работы [Сериков 1968, с. 62–65].

Эксперименты автора по сверлению полую костью позволили уточнить некоторые наблюдения С. А. Семенова. Проведенные эксперименты показали необходимость фиксации сверла на каменной заготовке. Прежде всего, оно необходимо при сверлении твердых минералов. В начальной стадии сверления сверло бура начинает скользить по ровной поверхности. Происходит это до тех пор, пока сверло не сможет зафиксироваться в полученном углублении. В результате входное отверстие получается «разъезженным», его диаметр заметно превышает рабочий диаметр сверла. Такая разъезженность входного отверстия хорошо фиксируется на многих сверленных артефактах. Описанная деталь позволяет легко определять отверстия, изготовленные полую костью без фиксатора даже по качественным фотографиям и рисункам просверленных изделий.

В качестве абразива служил мелкозернистый песок, смоченный водой. Без добавления воды работа идет медленнее, так как песок утрамбовывается и не поступает на режущую кромку. Экспериментальным путем удалось выявить, что производительность сверления заметно увеличивается, если на режущей кромке сверла сделать несколько (в наших опытах от 8 до 20) надрезов глубиной 2–4 мм. Надрезы существенно увеличивают скорость углубления сверла в обрабатываемый материал. Происходит это за счет увеличения количества абразива, соприкасающегося с обрабатываемым материалом. Однако при этом сверло начинает быстро стачиваться, и надрезы необходимо было постоянно подновлять.

У некоторых изученных изделий профиль сверлины имеет хорошо выраженный бико-нический характер. Создается впечатление, что отверстие с таким профилем могло быть

получено с использованием каменного сверла. Однако в результате экспериментов выяснилось, что боковые стенки костяных сверл сильно стачиваются. При встречном сверлении это приводит к образованию биконической сверлины, у которой входной диаметр почти в два раза (а иногда и больше) превышает диаметр отверстия в месте соединения сверлин.

Наши наблюдения подтверждает топор с недосверленным отверстием из числа случайных находок на территории Башкортостана. Он изготовлен из серо-желтого кварцита, твердость которого достигает 7 ед. по шкале Мооса. На одной из сторон присутствует глухое отверстие диаметром 2,8 см во входной части и 1,8 см в конечной части сверлины. Топор был просверлен на глубину 1,9 см, но по какой-то причине сверление было не завершено. Остаток высверлины в отверстии отчетливо свидетельствует, что сверление производилось полую костью. Таким образом, при сверлении твердого минерала на глубину 1,9 см диаметр сверла уменьшился на 1 см.

В экспериментах автора кусок талька (твердость 1 ед.) толщиной 2,6 см удалось просверлить за 51 минуту. На изготовление отверстия глубиной 1,3 см в плитке серпентинита (твердость до 4 ед.) было затрачено 2 часа 53 минуты. Плитка мрамора (твердость 3,5–5 ед.) толщиной 1,75 см была просверлена за 3 часа 29 минут. Сверление производилось двумя сверлами диаметром 2,5 см. Отверстие получилось биконическим, диаметр на одной стороне плитки составил 2,8 см, на противоположной — 2,9 см. Диаметр в месте соединения сверлин равнялся 2,3 см. В результате сверления образовалась высверлина длиной 1,7 см и диаметром 1,3 см.

Таким образом, проведенные эксперименты позволили выявить трудности при изготовлении отверстий большого диаметра и прояснить некоторые детали в технологии сверления. Изготовлению отверстий предшествовала большая подготовительная работа. При подготовке к сверлению каждому мастеру требовалось продумать систему жесткого крепления заготовки. Не сразу мастер приходил к мысли фиксации сверла на заготовке. Также не сразу придумали на гладкой рабочей поверхности костяного сверла сделать серию надрезов. Сверление даже такого мягкого материала как тальк на значительную глубину (до 8 см) требовало подготовить несколько сменных сверл одинакового диаметра и значительной длины (не менее 10–12 см). Для этого нужно было удалить эпифизы костей и шлифовкой придать оставшимся средним частям круглое сечение. При сверлении твердых минералов требовался крупнозернистый песок с большим содержанием зерен кварца. Об этом свидетельствуют достаточно крупные царапины на внутренней поверхности отверстий.

Больших трудозатрат требовали изделия из твердых пород камня. Экспериментальное сверление нефрита показало его большую устойчивость к абразивной обработке.

Редкость просверленных изделий показывает, что на Урале на протяжении всего каменного века не существовало отработанной технологии изготовления отверстий большого диаметра. И каждому отдельному мастеру приходилось самостоятельно изобретать технологию сверления. Суммарное время на сверление изделий из мягких минералов твердостью до 4–4,5 ед. не превышало 4–5 часов. Но разработка технологии сверления и подготовительные работы требовали времени в разы больше.

Таким образом, проведенные эксперименты позволили выяснить технологию изготовления отверстий крупного диаметра у таких редких археологических артефактов как фигурные молоты, булавы, диски.

Библиографический список

- Сериков Ю. Б. К вопросу о технике изготовления отверстий большого диаметра в каменных изделиях неолита-бронзы Урала // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 56–73.
Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

YU. B. SERIKOV

**EXPERIMENTAL DRILLING OF STONE ITEMS WITH A HOLLOW BONE
(ON THE MATERIALS OF THE DRILLED STONE AGE ITEMS OF THE URAL)**

In the Ural, the finds of items with large diameter holes are, as a rule, rare and individual. Practically all items of this group were drilled with a hollow bone borer. The experiments demonstrated that a borer had to be firmly fixed on a stone blank. The exact alignment of holes in case of counter drilling implied the use of some primitive measuring instruments by the ancient drillers. It was experimentally established that incisions on the cutting edge of a bone borer significantly increased the drilling performance. Experimental drilling of talcum, serpentinite, marble, and jade with a hollow borer allowed estimating the labor input involved in the drilling of soft and hard rocks. We were able to understand the specific techniques, which could accelerate drilling speed, establish the probable method of drilling, as well as the borer material (stone or bone).

Yuri B. Serikov – Doctor of Historical Sciences, Russian State Vocational Pedagogical University (Branch in Nizhny Tagil) (Russia, Nizhny Tagil). E-mail: u.b.serikov@mail.ru

В. И. СИЛАЕВ, Э. А. САВЕЛЬЕВА, А. Л. БЕЛИЦКАЯ, Т. Ю. ТУРКИНА, И. В. СМОЛЕВА

**РЕКОНСТРУКЦИЯ УСЛОВИЙ ПРОЖИВАНИЯ И ПАЛЕОДИЕТ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ ПО ДАННЫМ ИЗОТОПНОГО АНАЛИЗА
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ**

Впервые получены результаты изотопно-геохимического исследования антропологических материалов из могильников на территории европейского Северо-Востока России, датирующихся ранним (V–VII вв.), развитым (X–XIV вв.) и поздним (XIV–XVI вв.) средневековьем. По изотопным характеристикам костного биотита антропологический материал подразделяется на три группы. В первую группу объединяются кости людей раннего средневековья, живших в условиях относительно благоприятного климата и потреблявших разнообразную животную-белковую пищу. Вторую группу образуют останки людей средневековья, обитавших в условиях существенно более холодного климата и употреблявших, скорее всего, смешанную животную-растительную пищу. В третью группу выделяются антропологические материалы позднесредневекового Селянского могильника, материалы которого свидетельствуют о том, что люди позднего средневековья на юге Архангельской области жили в условиях неустойчивого и в целом прохладного климата и потребляли однородную по качеству белков животную пищу. Выявлены заметные различия в палеодиетах проанализированных популяций.

Силаев Валерий Иванович – д.г.-м.н., ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Институт геологии (Россия, Сыктывкар). E-mail: silaev@geo.komisc.ru

Савельева Элеонора Анатольевна – д.и.н., ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Институт языка, литературы и истории (Россия, Сыктывкар). E-mail: eleonorasav@yandex.ru

Белицкая Анастасия Леонидовна – ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Институт языка, литературы и истории (Россия, Сыктывкар). E-mail: belitskaia522@yandex.ru

Туркина Татьяна Юрьевна – ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Институт языка, литературы и истории (Россия, Сыктывкар). E-mail: turkina.tania@yandex.ru

Смолева Ирина Владимировна – к.г.-м.н., ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Институт геологии (Россия, Сыктывкар). E-mail: smoleva@geo.komisc.ru

В последние 20–25 лет в мировой археологии широко используются данные изотопных исследований биоминерального и органического вещества в ископаемых костях, волосах и мягких тканях животных и людей [Evershed 2008; Добровольская 2005]. К настоящему времени выявлена корреляция изотопного состава химических элементов (C, O, N, S, Sr, Nd, Pb) в остатках животных и людей с климатом, диетой, миграциями и биологическим возрастом. Осуществлены многочисленные экологические реконструкции климата, среды обитания, пищевых рационов, трофических цепей, патологий и болезней крупных млекопитающих, включая приматов от ископаемых человекообразных обезьян до австралопитеков, неандертальцев, людей современного физического типа, в хронологическом диапазоне от плиоцена до современности и в глобальном географическом масштабе [Ambrose, Katzenberg 2000; Clayton, Sealy, Pfeiffer 2006; Katzenberg 2000].

Нами впервые получены результаты изотопно-геохимического исследования костных человеческих останков средневекового возраста на территории европейского Северо-Востока России, извлеченных из вычегодских курганных могильников раннего средневековья (V–VII вв. н. э.) (Республика Коми); вымско-вычегодских средневековых грунтовых могильников (X–XIV вв. н. э.) (Республика Коми); Селянского грунтового могильника (Архангельская область), отнесенного к позднему средневековью. Анализу подверглись 55 образцов: фрагменты черепа, трубчатых костей конечностей, челюстей, зубов, позвонков, суставных костей, ключиц, тазобедренных костей. Несмотря на относительно плохую сохранность, в ископаемых костях обнаружено достаточное количество органического вещества. Выделенный из костей белок имеет вполне приемлемую для изотопных исследований сохранность, демонстрируя упорядоченный тренд снижения степени химической дегградации в направлении от раннесредневековых могильников к могильникам средневековья и далее позднесредневековым (средние данные, %): углерод 34.96 → 40.06 → 41.13; азот 11.27 → 13.28 → 13.93; водород 4.99 → 5.34 → 5.80; C/N_{ат} 3.87 → 3.80 → 3.67. В составе костных останков выявлены 60 микроэлементов, в том числе 14 эссенциальных (Be, Na, K, Rb, Ag, Cd, Pb, Zn, Mo, Th, Bi, S, As, Se), 18 физиологически-активных (Li, Mg, Cs, Ba, Sr, Mn, Fe, Cr, Co, Ni, Cu, Sn, Ga, Ti, V, Y, Zr, Sb) и 28 элементов-антибионтов (Tl, B, Si, Al, Ge, Sc, Nb, Ln, Hg, Au, Ru, Rh, Pd, Pt, Te). Средняя валовая концентрация микроэлементов за исключением Fe и Mn (аномальное эпигенетическое обогащение) варьируется от 1012 (классическое средневековье) до 1262 (позднее средневековье) г/т, что соответствует уровню обогащения микроэлементами ископаемых костей именно средневекового возраста.

Изотопный состав углерода, кислорода и азота определялся в ЦКП «Геонаука» Института геологии Коми НЦ УрО РАН методом проточной масс-спектрометрии. Калибровка значений изотопных коэффициентов производилась по международным стандартам NBS 18 и 19. Погрешность определений изотопных коэффициентов составляла ± 0.15 ‰. В результате проведенных исследований был определен изотопный состав углерода и кислорода в костном биоапатите, а также углерода и азота в костном коллагене. Статистические данные в последовательности от ранне- к позднесредневековым костным останкам могут

быть представлены в следующем виде (‰): $\delta^{13}\text{C}_{\text{PDB}}$ (апатит) = -15.06 ± 1.25 , -15.34 ± 1.82 , -14.40 ± 0.40 ; $\delta^{18}\text{O}_{\text{SMOW}}$ (апатит) = 17.55 ± 17.55 , 17.43 ± 0.61 ; 18.72 ± 4.71 ; $\delta^{13}\text{C}_{\text{PDB}}$ (коллаген) = -24.25 ± 1.54 , -23.62 ± 1.62 , -26.26 ± 2.65 ; $\delta^{15}\text{N}_{\text{Air}}$ (коллаген) = 10.09 ± 2.54 , 9.50 ± 0.98 , 7.22 ± 0.69 .

По изотопным характеристикам костного биотита останки в исследованных могильниках подразделяются на три группы. В первую группу объединяются кости людей раннего средневековья, живших в условиях относительного климатического оптимума, стабильно потреблявших качественную пресную воду и разнообразную животво-белковую пищу. Вторую группу образуют останки людей средневековья, обитавших в условиях существенно более холодного климата, использовавших пресную воду и употреблявших, скорее всего, смешанную животво-растительную пищу. В третью группу выделяются антропологические материалы Селянского могильника, изотопные характеристики биоапатита в которых свидетельствуют о том, что люди позднего средневековья на юге Архангельской области жили в условиях неустойчивого и в целом прохладного климата, пили воду, широко варьирующуюся от весьма пресной до солоноватой, потребляли однородную по качеству белков животвоную пищу.

Дополнительную информацию представляют данные по изотопному составу костного коллагена. Люди раннего средневековья питались животвоной пищей, при этом в значительной степени рыбной, в которой явно преобладало мясо зоофага, т. е. хищной рыбы. Диета людей средневековья по изотопным данным костного коллагена была смешанной — животво-растительной. Животвоная компонента обеспечивалась преимущественно травоядными млекопитающими, возможно, одомашненными (скотоводство?). Растительная пища по изотопному составу углерода и азота соответствовала злакам, что, вероятно, может свидетельствовать о существовании в это время на рассматриваемой территории земледелия. Антропологические материалы Селянского могильника, по изотопным характеристикам показывают однообразную рыбную диету населения, состоящую почти исключительно из рыб-фитофагов озерно-речного происхождения.

Библиографический список

- Добровольская М. В. Человек и его пища. М., 2005.
 Ambrose S., Katzenberg M. A. Biogeochemical approaches to paleodietary analysis. New York, 2000.
 Clayton F., Sealy J., Pfeiffer S. Weaning age among foragers at Matjes river rock shelter, South Africa, from stablen nitrogen and carbon isotopeanalyses // American Journal of Physical Anthropology. 2006. Vol. 129, № 2. P. 311–317.
 Evershed R. P. Organic residue analysis in archaeology: the archaeological biomarker revolution // Archaeometry. 2008. Vol. 50. P. 895–924.
 Katzenberg M. S. Stable isotope analysis: a tool for studying past diet, demography and life history // The biological anthropology of the human skeleton. Wiley; New York, 2000. P. 305–327.

V. I. SILAEV, E. A. SAVELEVA, A. L. BELITSKAYA, T. YU. TURKINA, I. V. SMOLEVA

RECONSTRUCTION OF THE LIVING CONDITIONS AND THE PALEO-DIET OF THE MIDDLE AGE POPULATION OF THE EUROPEAN NORTH-EAST OF RUSSIA BASED ON ISOTOPE ANALYSIS OF THE ANTHROPOLOGICAL MATERIALS

For the first time it became possible to perform the isotope-geochemical study of the anthropological materials from burial sites in the territory of the European North-East of Russia, dated to the early (5th–7th centuries), mature (10th–14th centuries) and late (14th–16th centuries) Middle Ages. According to the

bone biotite isotope characteristics the anthropological materials were grouped into three categories. The first group consisted of the bones of the people of the early Middle Ages, who lived under the relatively favorable climatic conditions, and consumed a variety of animal protein foods. The second group was represented with the remains of the people of the Middle Ages, who lived in a much colder climate and ate, most likely, mixed animal and vegetable food. The third group was made up of the anthropological materials of the late Middle Age Selyansky burial site, the materials of which indicated that the people of the late Middle Age period in the South of the Arkhangelsk region lived in an unstable and a generally cool climate and consumed animal food, which was homogeneous in terms of the quality of proteins. We identified noticeable differences in the paleo-diets of the studied populations.

Valeriy I. Silaev – Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Federal Research Centre Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS, Institute of Geology (Russia, Syktyvkar). E-mail: silaev@geo.komisc.ru

Eleonora A. Saveleva – Doctor of Historical Sciences, Federal Research Centre Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS Institute of Language, Literature and History (Russia, Syktyvkar). E-mail: eleonorasav@yandex.ru

Anastasia L. Belitskaya – Federal Research Centre Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS, Institute of Language, Literature and History (Russia, Syktyvkar). E-mail: belitskaia522@yandex.ru

Tatyana Yu. Turkina – Federal Research Centre Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS, Institute of Language, Literature and History (Russia, Syktyvkar). E-mail: turkina.tania@yandex.ru

Irina V. Smoleva – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Federal Research Centre Komi Scientific Centre, Ural Branch of the RAS, Institute of Geology (Russia, Syktyvkar). E-mail: smoleva@geo.komisc.ru

В. И. ХАРТАНОВИЧ

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОПУЛЯЦИОННОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРА ФЕННОСКАНДИИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА
(НОВЫЕ ДАННЫЕ К АНТРОПОЛОГИИ КОЛЬСКОГО ОЛЕНЕОСТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА)**

Анализ краниологических и одонтологических признаков дает основания для предположения о том, что в формировании состава популяции, оставившей КОМ, принимали участие как минимум два компонента. Один из них связан с территорией юга Западной Сибири, второй – с носителями ымыяхтахской культурной традиции.

Хартанович Валерий Иванович – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: vkhartan@yandex.ru

Палеоантропологическая коллекция из Оленеостровского могильника в Кольском заливе (далее КОМ) отличается уникальной для Заполярья хорошей сохранностью антропологического материала. Она формировалась на протяжении нескольких десятилетий, начиная с первой экспедиции 1928 г. под руководством А. В. Шмидта, до начала 2000-х гг. – экспедиция В. Я. Шумкина.

Описание и интерпретация первых антропологических материалов могильника растянулись на долгие годы – с 1930 г. [Синицын 1930], до начала 50-х гг. XX в. [Якимов 1953]. В. П. Якимов подчеркивает «неидентичность» древних черепов с черепами саамов, отмечает большее сходство «оленеостровцев» с ненцами, хантами, манси.

В дальнейшем, после публикации В. П. Якимова, краниологическая серия из могильника на длительное время практически выпала из научного оборота.

Работы Кольской археологической экспедиции вернули вопрос о происхождении населения, оставившего КОМ, и его влияния на современное население севера Восточной Европы в поле актуальных проблем палеоантропологии. Увеличение палеоантропологической коллекции позволило изучить происхождение, антропологический состав, и некоторые вопросы палеоэкологии популяции, оставившей захоронения в могильнике на современном методическом уровне и по разным системам признаков — краниологической, остеологической и одонтологической.

Темой нового исследования, выполненного А. В. Зубовой, В. Г. Моисеевым и автором доклада, была консолидация результатов, полученных разными специалистами. Источником для него стали как ранее опубликованные материалы из Кольского Оленеостровского могильника [Якимов 1953], так и новые, поступившие в результате экспедиционных работ Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН 2001–2004 гг. [Моисеев, Хартанович 2012; Moiseyev, Khartanovich 2012].

Изменение объема анализируемых данных, применение современных методов, изучение новых систем признаков сделало «восточную» специфику серии еще более отчетливой, чем это представлялось ранее. По данным краниологии серия из КОМ демонстрирует сходство с краниологическими сериями эпохи неолита — бронзы с территории Азии. Ближайшими — довольно широкий круг серий эпохи средней бронзы с территории Барабинской лесостепи и Алтае-Саянского нагорья (кузнецко-алтайская, одиновская, кротовская, окуневская культуры).

По частотам признаков, традиционно используемых одонтологами для межпопуляционных сравнений, ближайшее сходство оленеостровская серия демонстрирует с носителями ымыяхтахской поздненеолитической культуры Якутии. При многомерном анализе одонтологических признаков — с носителями кротовской культуры Барабинской лесостепи и окуневцами Южной Сибири, также как и по результатам краниологического анализа. И с «ымыяхтахцами», китойцами Забайкалья, носителями глазковской культуры.

Интегрированный анализ краниологических и одонтологических признаков дает основания для предположения о том, что в формировании состава популяции, оставившей КОМ, принимали участие как минимум два компонента. Один из них связан с территорией юга Западной Сибири, второй — с «ымыяхтахцами». Возможно и сохраннее «оленеостровцами» морфологических особенностей древней метапопуляции, предковой к населению западно-южносибирского и восточносибирского регионов.

Результаты антропологического анализа, современные полногеномные исследования единодушно указывают на максимальную близость «оленеостровцев» к манси — среди современного населения.

Предположение о том, что миграция носителей ымыяхтахской поздненеолитической культурной традиции связала между собой Север Восточной Сибири, Прибайкалье и побережье Баренцева моря, выдвигалось ранее на основании археологических данных [Shumkin 1990; Шумкин 1991; Хлобыстин 1998].

Это допускало возможность появления ымыяхтахской керамики на побережье Баренцева моря в результате только культурных заимствований, без перемещения носителей соответствующих традиций, или при минимальном их участии в таком процессе. Краниологические данные [Моисеев, Хартанович 2012; Moiseyev Khartanovich 2012] и результаты изучения

мтДНК [Der Sarkissian et al. 2013] выявляли несомненные связи «оленеостровцев» с населением более восточных территорий, но не «далее» урало-алтайского ареала.

Привлечение новых сравнительных краниологических материалов, одонтологических данных, учет результатов межсистемного сопоставления, позволяет расширить границу возможных популяционных связей населения, оставившего КОМ, до бассейна рек Лены, Колымы.

Библиографический список

- Моисеев В. Г., Хартанович В. И. Краниологические материалы из могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49). С. 145–154.
- Синицын С. Д. Костные остатки человека в раскопках А. В. Шмидта // Кольский сборник. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Л., 1930. Вып. 23. С. 181–183.
- Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. СПб., 1998.
- Шумкин В. Я. Этногенез саамов (археологический аспект) // Происхождение саамов. М., 1991. С. 129–149.
- Якимов В. П. Антропологическая характеристика костяков из погребений на Большом Оленьем острове (Баренцево море) // Сб. МАЭ. М.; Л., 1953. Т. 15. С. 449–485.
- Der Sarkissian C., Cooper A., Haak W., Balanovsky O., Zaporozhchenko V., Balanovska E., Brandt G., Alt K. W., Khartanovich V., Moiseyev V., Buzhilova A., Koshel S., Gronenborn D., Kolpakov E., Shumkin V. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe // PLoS Genetics. 2013. Т. 9, № 2. P. e1003296.
- Moiseyev V. G., Khartanovich V. I. Early Metal Age crania from Bolshoy Oleniy Island, Barents Sea // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2012. Vol. 40, iss. 1. P. 145–154.
- Sumkin V. J. On the ethnogenesis of the Sami: an archaeological view // Acta Boreal. 1990. Voi. 7. P. 3–20.

V. I. HARTANOVICH

FORMATION OF THE POPULATION COMPOSITION OF THE NORTH OF FENNOSCANDIA IN THE EARLY METAL AGE (NEW DATA ON THE ANTHROPOLOGY OF THE KOLA OLENY OSTROV BURIAL SITE)

The study of the craniological and the odontological characteristics gave grounds for the assumption, that at least two components took part in the formation of the composition of the population that left the Kola Oleny Ostrov burial site. One of them was associated with the territory of the south of Western Siberia, and the second – with the Ymyyakhtakh cultural tradition population.

Valery I. Hartanovich – Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: vkhartan@yandex.ru

Ю. Б. ЦЕТЛИН

К ВОПРОСУ О МНОГОЛИНЕЙНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ГОНЧАРСТВА

В докладе описывается универсальная структура гончарного производства и основные связи между ее компонентами. На этом основании делается вывод, что гончарное производство на всех этапах своей истории представляло собой сложную открытую развивающуюся систему. Успешное функционирование этой системы обеспечивалось постоянным обменом информацией, с одной стороны, между входящими в нее компонентами, а с другой стороны, с окружающей природной средой и с обществом, в рамках которого она существовала. На основе идей и разработок А. А. Бобринского

автором обобщаются известные к настоящему времени данные об эволюции отдельных сторон системы «гончарство», излагаются некоторые закономерности этого процесса на трех разных уровнях: микроэволюции, мезоэволюции и макроэволюции.

Цетлин Юрий Борисович – д.и.н., Институт археологии РАН (Россия, Москва). E-mail: yu.tsetlin@mail.ru

Одним из важнейших достижений А. А. Бобринского было выделение в истории гончарства пяти видов производств: *догончарного, протогончарного, археогончарного, неогончарного простого и неогончарного специализированного*, которые отражают общий ход эволюции данной сферы человеческой культуры. Однако в рамках этого глобального процесса им также были выявлены ряд важных закономерностей эволюции отдельных сторон этого производства.

В настоящее время линии эволюции гончарства с разной степенью детальности реконструированы для следующих его сторон:

- 1) эволюция форм сосудов,
- 3) эволюция видов основного пластичного сырья,
- 4) эволюция состава формовочных масс,
- 5) эволюция технологии конструирования сосудов,
- 6) эволюция функций гончарного круга,
- 7) эволюция приемов термической обработки сосудов,
- 8) эволюция технических устройств для термической обработки керамики,
- 9) развитие орнамента на посуде в ходе процессов смешения традиций.

Доклад базируется главным образом на обобщении и дальнейшем развитии идей А. А. Бобринского по данной теме. В нем планируется с позиций системного подхода кратко проанализировать некоторые из этих линий эволюции гончарства.

Хорошо известно, что гончарное производство (как древнее, так и современное) представляет собой сложную, особым образом организованную систему с определенной структурой, включающей три подсистемы, каждая из которых состоит из нескольких компонентов.

Подсистема 1 – Сфера производства объединяет 1) исходное сырье, 2) технологию, 3) технику и 4) готовые изделия.

Подсистема 2 – Сфера социальных отношений включает 5) связи между гончарами, 6) связи между гончарами и потребителями и 7) связи между потребителями посуды.

Подсистема 3 – Сфера духовной культуры охватывает 8) обычаи и верования в гончарстве и 9) терминологическую лексику гончаров и потребителей посуды.

Такой системный подход позволяет сформулировать некоторые свойства гончарства как особой развивающейся системы. *Первое* – это наличие связей между компонентами системы, которые образуют ее постоянную структуру. Очевидно, что связи в рамках каждой из трех подсистем более сильные, чем между компонентами, относящимися к разным подсистемам.

Второе: первые три компонента подсистемы 1 имеют устойчивую связь с окружающей природной средой, в которой осуществляется производство, а подсистемы 2 и 3 (целиком) и компонент 4 подсистемы 1 обеспечивают устойчивую связь системы гончарства с обществом, членами которого являются гончары.

Таким образом, наличие трех видов устойчивых связей (внутри системы, связей со средой и с обществом) является условием успешного функционирования всей системы

гончарного производства. Нарушение части этих связей приводит всю систему гончарства в определенной степени в *неустойчивое* состояние.

Это позволяет заключить, что система гончарства относится к виду *открытых неравновесных систем*, которая постоянно обменивается информацией внутри себя, с природной средой и с обществом. Следовательно, эта система должна обладать свойствами, характерными для сложных систем такого рода. К ним относятся способность системы к *самоорганизации, направленности изменений* во времени, чередование в развитии системы состояний *стационарности и неустойчивости, переход из одного качественного состояния в другое более высоко организованное состояние*.

Формирование системы «гончарство» происходило в разных регионах Земного шара в разное время в интервале примерно от 15 до 8 тыс. л. н.

Можно с достаточно высокой вероятностью полагать, что все 9 компонентов системы гончарства, о которых шла речь, эволюционировали во времени от менее развитого к более развитому состоянию. Соответственно, перед нами встает задача попытаться исследовать, как это развитие происходило или, по крайней мере, проследить основные моменты этого развития. Для начала попробуем выяснить, на какие данные при этом можно опираться.

Думаю, что здесь возможно говорить о трех группах данных. Во-первых, это известная сейчас хронологическая последовательность разных объектов гончарства. Во-вторых, наличие в истории гончарства объектов разной степени сложности, среди которых как правило, более простые объекты — более ранние, более сложные объекты — более поздние. В-третьих, это многочисленные этнографические данные о разных сторонах гончарного производства.

Оценивая эти группы данных, прежде всего приходится констатировать их информационную неполноту, т. е. они не содержат достаточно сведений для изучения эволюции всех компонентов и всех аспектов системы гончарства. Мы вынуждены пользоваться разрозненными и во многом отрывочными фактами разного времени, полученными из разных регионов Земного шара и на этом основании пытаться реконструировать линию эволюции некоторых сторон или объектов гончарства. Уже по одному этому такое построение будет во многом схематичным.

В настоящее время по некоторым упомянутым выше конкретным линиям эволюции гончарного производства выявлены факты постепенной самоорганизации конкретных систем во времени, факты перехода систем от более простых к более сложным состояниям, что проявляется в повышении их организованности и эффективности действия. Эти эволюционные изменения в гончарстве проявляются на трех разных уровнях. *Микроэволюция* отражает изменения, связанные с физиологией труда гончаров, *мезоэволюция* проявляется в результате процессов смешения носителей разных гончарных традиций, а *макроэволюция* является следствием развития и детализации потребностей общества в разнообразной глиняной посуде.

В заключение следует отметить, что закономерности эволюции разных сторон гончарного производства проявляются всегда в виде общих тенденций, определяющих основные линии развития. Этому не противоречит множество конкретных гончарных традиций, бытовавших в разные эпохи у разных народов, через разнообразие которых как раз и прокладывали себе путь общие тенденции и закономерности развития этой сферы человеческой культуры.

YU. B. TSETLIN

TO THE QUESTION OF MULTILINEAR NATURE OF THE EVOLUTION OF POTTERY

The paper describes a universal structure of pottery production and the main links between its components. On this basis, it is concluded that pottery at all stages of its history was a complex, open, and developing system. The successful functioning of the system was supported by the continuous exchange of information, on the one hand, between its components and, on the other, with the natural environment and the society within which it existed. On the basis of the ideas and developments suggested by A. A. Bobrinsky, the author summarized the currently available data on the evolution of certain aspects of the “pottery” system, outlined some regular patterns of this process at three different levels: microevolution, mesoevolution and macroevolution.

Yuri B. Tsetlin – Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology of the RAS (Russia, Moscow).
E-mail: yu.tsetlin@mail.ru

Н. Б. ЩЕРБАКОВ, И. А. ШУТЕЛЕВА, А. А. ГОЛЬЕВА, Т. А. ЛЕОНОВА

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ*

Определяющим признаком современных археологических исследований является мультидисциплинарный подход. Результаты его применения к памятникам одного культурно-хронологического горизонта в рамках выделенного археологического микрорайона ставят новые проблемы в изучении древнего социума. Комплексные исследования Казбуруновского археологического микрорайона позднего бронзового века Башкирского Приуралья позволили выделить ряд проблем. Казбуруновский археологический микрорайон соотносится с зоной срубно-алакульского взаимодействия, проведение радиоуглеродного датирования позволило удревнить хронологические рамки на территории Демско-Уршакского междуречья. Другими проблемами стали поиски источников ресурсов (глиниц для изготовления керамики), проблемы реконструкции палеоландшафта и антропогенного влияния на него. Изотопный анализ погребенных на Казбуруновском I курганном могильнике позволил начать восстановление палеодиеты.

Щербаков Николай Борисович – к.и.н., Башкирский государственный педагогический университет (Россия, Уфа). E-mail: sherbakov@rambler.ru

Шутелева Ия Александровна – к.и.н., Башкирский государственный педагогический университет (Россия, Уфа). E-mail: shutelevai@gmail.com

Гольева Александра Амуриевна – д.геогр.н., Институт географии РАН (Россия, Уфа).
E-mail: golyeva@yandex.ru

Леонова Татьяна Алексеевна – к.и.н., Башкирский государственный педагогический университет (Россия, Уфа). E-mail: leonotan@mail.ru

Сегодня исследование памятников археологии проводится только с применением комплекса естественнонаучных методов, что позволяет объективно и всесторонне изучить полученные археологические материалы. В отечественной археологии использование такого подхода восходит к 1950–1960-х гг. [Археология 2005, с. 1]. Применение мультидисциплинарного подхода к поселенческим и погребальным памятникам одного культурно-хронологического

* Исследование выполнено при поддержке госзадания по ГП 0148-2019-0006.

горизонта, связанных сходным ландшафтом археологического микрорайона, позволяет выявить системные характеристики древнего социума. Впервые археологический микрорайон на территории Южного Приуралья был выделен В. С. Горбуновым [Горбунов 1989, с. 30]. В процессе проведения мультидисциплинарных исследований памятников археологического микрорайона одного культурно-хронологического горизонта была решена серия ранее поставленных исследовательских задач, а вместе с тем были выделены и новые проблемы: уточнение хронологии, поиски источников ресурсов, а также реконструкция палеоландшафта с учетом антропогенного влияния на него.

Исследуемым комплексом является Казбуруновский археологический микрорайон Башкирского Приуралья, входящий в область срубно-алакульского взаимодействия периода развитого (классического) и позднего бронзового века. Рассматриваемый археологический микрорайон охватывает три курганных могильника и семь поселений, соотносимых с междуречьем рек Уршак и Белый Ключ.

В результате применения мультидисциплинарного подхода возникает первая по значению проблема хронологии. В 1960–1970-е гг. сложилась концепция хронологически последовательно сменяющихся групп населения позднего бронзового века, который был датирован периодом с XVII по X вв. до н. э. [Обыденнов, Обыденнова 1992, с. 12–18]. Со второй половины 1990-х гг. в Волго-Уральском регионе началась трансформация устоявшейся хронологии. Первые результаты радиоуглеродного датирования памятников Казбуруновского археологического микрорайона, проведенные в период с 2007 по 2017 гг. [Шутелева и др. 2017, с. 261–279] представили большой разброс дат. Была продатирована керамика Усманово-3, поселение — 4130 ± 30 (BP Beta — 352489). Также была продатирована почва, результаты датирования укладывались в промежуток от 1870 ± 60 до 5030 ± 90 (BP). Только полученные серии из 14 дат (по две-три даты с каждого погребенного в курганном комплексе) дали возможность характеризовать хронологию археологического микрорайона в периоде 1770–1630 Cal BC (1 сигма). Это позволило удревнить памятники позднего бронзового века Южного Приуралья на 300–400 лет. Можно констатировать одновременность Казбуруновских I курганов и Усмановских I–III поселений археологического микрорайона.

Второй является проблема поиска ресурсов. Ее постановка представляется наиболее интересной в ходе комплексного исследования керамики и источников ее сырья. Керамика и четыре глинища микрорайона были проанализированы петрографически и геохимически на содержание 32 элементов. Анализы показали несоответствие состава обожженной поселенческой керамики с образцами глины, находящейся на территории, примыкающей к поселениям, в том числе и наличие талька в керамическом тесте. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что керамика не была сделана на поселениях микрорайона. Источники глины расположены на значительном удалении от поселений, предположительно в Зауралье.

Третья проблема связана с древними почвами. Исследование ландшафтов поселений и курганов микрорайона выявило значительное антропогенное воздействие на формирование ландшафтов [Гольева, Шутелева, Щербаков 2018, с. 48; Golyeva et al. 2018, p. 313]. Полученные результаты позволили определить несколько последующих исследований в этом направлении. Во-первых, поиск аналогий в способах преобразования ландшафта. Во-вторых, определить способы влияния древнего населения на растительный и животный мир. И, в-третьих, по возможности произвести расчет демографического давления на ландшафт.

Четвертой проблемой является изучение палеодиеты древнего населения. Изучение вопроса «продовольственной» нагрузки на палеоландшафт археологического микрорайона является одним из новейших направлений в отечественной археологии. Исследование костных останков древнего населения позволяет определить уникальный набор изотопов, характерный для «пищевой» традиции социума археологического микрорайона. Исходя из результатов, можно предположить, что диета населения микрорайона была мясо-молочной [Shuteleva et al. 2019].

Все вышеизложенное позволяет говорить не только о новых методах археологических исследований, базирующихся на мультидисциплинарном подходе, но и о становлении новой проблематики в изучении общества позднего бронзового века, что в будущем позволит компенсировать лакуны нашего познания истории древнего социума при отсутствии диалога с ним посредством письменного текста.

Библиографический список

- Археология и естественнонаучные методы. М., 2005.
- Гольева А. А., Шутелева И. А., Щербаков Н. Б. Проблематика палеоэкологических реконструкций экспонированных культурных слоев длительного постселитебного функционирования (на примере памятников эпохи поздней бронзы Республики Башкортостан) // Поволжская Археология. 2018. № 3 (25). С. 45–57.
- Горбунов В. С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралья: уч. пособ. по спецкурсу. Куйбышев, 1989.
- Обыденнов М. Ф., Обыденнова Г. Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара, 1992.
- Шутелева И. А., Щербаков Н. Б., Гольева А. А., Луньков В. Ю., Лунькова Ю. В., Леонова Т. А., Орловская Л. Б., Радивоевич М. Результаты интердисциплинарных исследований памятников срубно-алакульского типа Башкирского Приуралья (на примере Казбуруновского археологического микрорайона) // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 261–279.
- Golyeva A., Khokhlova O., Lebedeva-Verba M., Shcherbakov N., Shuteleva I. Micromorphological and Chemical Features of Soils as Evidence of Bronze Age Ancient Anthropogenic Impact (Late Bronze Age Muradymovo Settlement, Ural Region, Russia) // Geosciences. 2018. № 8. P. 313.
- Shuteleva I., Shcherbakov N., Leonova T., Gorshkov K. Kazburun I Barrow Burial Ground: Barrow Complex of and Alakul Population of Bashkir Transurals Archeological Microdistrict: The Southern Urals Barrow Burial Ground of the Late Bronze Age: The Complex of Alakul and Srubnaya Crosscultural Actions. Preprints 2019.

N. B. SCHERBAKOV, I. A. SHUTELEVA, A. A. GOLEVA, T. A. LEONOVA

MULTIDISCIPLINARY APPROACH: SPECIFICS OF ITS APPLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE LATE BRONZE AGE OF THE SOUTHERN URALS

A basic characteristic of the modern archaeological research is the use of multidisciplinary approach. The results of its application to the sites of one cultural and chronological horizon within the boundaries of a selected archaeological district raise new questions in the study of the ancient societies. A comprehensive study of the late Bronze Age Kazburunovsky archaeological district in the Bashkir Cis-Urals allowed identifying a number of problems. The Kazburunovsky archaeological district was associated with the contact area of Srubnaya and Alakul cultures. The recently obtained radiocarbon dates allowed shifting down the chronological boundaries in the territory the Demsko-Urshakski interfluve. Other problems were the search for the sources of resources (clay for the manufacture of ceramics), the problem of the paleo-landscape reconstruction, and of the anthropogenic influence on the environment. Isotopic analysis of human bones from the Kazburunovsky I burial mound opened the possibility for a paleo-diet reconstruction.

Nikolay B. Scherbakov – Candidate of Historical Sciences, Bashkir State Pedagogical University (Russia, Ufa).
E-mail: sherbakov@rambler.ru

Iya A. Shuteleva – Candidate of Historical Sciences, Bashkir State Pedagogical University (Russia, Ufa).
E-mail: shutelevai@gmail.com

Alexandra A. Goleva – Doctor of Geographical Sciences, Institute of Geography of the RAS (Russia, Ufa).
E-mail: golyevaaa@yandex.ru

Tatyana A. Leonova – Candidate of Historical Sciences, Bashkir State Pedagogical University (Russia, Ufa).
E-mail: leonotan@mail.ru

H. PIEZONKA, V. N. ADAEV, O. E. POSHEKHONOVA, A. A. RUD'

**MIGRATION AND ITS EFFECTS ON LIFE WAYS, MATERIAL CULTURE
AND ETHNIC IDENTITY OF BOREAL HUNTER-FISHERS:
ETHNOARCHAEOLOGICAL RESEARCH AMONG THE TAZ SELKUP, SIBERIA ***

In the 17th and 18th centuries, Selkup groups have migrated north from modern Tomsk region, and on the upper courses of River Taz have preserved their nomadic ways as hunter-fishers and reindeer herders until today. The adaptation to the new environment and its effects on material and immaterial culture are of great interest from an anthropological and archaeological point of view. Russian-German ethnoarchaeological fieldwork is focusing on Early Modern to contemporary sites, shedding light on patterns of site location, subsistence economy, dwelling types, customs and rituals. In the course of the relocation, the Selkup material and spiritual culture was transformed under the influence of the neighboring groups. The combination of various strands of evidence such as archaeology, ethnology and ethnohistory reveals complex interrelations between ethnic self-perception, kinship relations, language and material culture.

Henny Piezonka – PhD, University of Kiel (Germany, Kiel). E-mail: hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

Vladimir N. Adaeв – Candidate of Historical Sciences, Tyumen Scientific Centre Siberian Branch of the RAS, Institute of the problems of Northern development (Russia, Tyumen). E-mail: whitebird4@yandex.ru

Olga E. Poshekhonova – Tyumen Scientific Centre Siberian Branch of the RAS, Institute of the problems of Northern development (Russia, Tyumen). E-mail: poshehonova.olg@gmail.com

Alexej A. Rud' – Independent researcher (Russia, Ekaterinburg). E-mail: raa@bk.ru

Western Siberian indigenous groups can provide valuable insights into contemporary forager societies of the forest zone. In this study, we focus on the Taz Selkup to investigate entanglements of environment, migration, economy and ethnicity in a diachronic perspective. The Selkup have a Samoyedic language and are divided into a southern Narym and a northern Taz-Turukhan group, the result of a migration of part of the population to the north in the 17th and 18th centuries [Аксянова, Васильев 2005; Головнёв 1995; Пелих 1972]. Environmental adaptation and long standing contacts with neighboring peoples (Kets, Khanty, Evenks, Entsy, Nenets) resulted in the modification of settlements and dwellings, transport, subsistence strategies as well as the spiritual and ritual sphere including burial rites [Адаев 2014, с. 124–132]. While there is a certain amount of literature on the Selkup in Russian [e. g., Головнёв 1995; Пелих 1972, Березовская, Волков, Тучкова 2018; Кениг 2010; Лебедев 1978; Лёзова 1991], this group has been barely recognized beyond the

* The work has been funded by the Gerda Henkel Foundation, Germany (grant no. AZ12/V/17) and by the Eurasia Department of the German Archaeological Institute.

borders of the Russian Federation [e. g. Maloney 2010]. New archaeological-ethnographical research was initiated by O. E. Poshekhonova in 2013 near the settlement of Kikki-Akki, resulting in new documentation on settlement, material and spiritual culture of the 17th–19th centuries [Пошехонова 2015]. Since 2016, this work has been continued on a larger scale within the frames of a Russian-German project [Poshekhonova et al. 2017]. Based on survey and archaeological excavation, ethnohistoric studies, oral history, observation and interviews, we are able to identify the roles of different factors at play in the adaptive and transformative processes in the wake of the migration.

Selkup subsistence economy in the south had been based on a recurring seasonal cycle of fishing and hunting [Лебедев 1978, с. 47, 48]. The colder environmental conditions in the northern taiga necessitated an adjustment of the economic approach, the most influential change being the uptake of small-scale reindeer husbandry. The Selkup bind the animals to their settlements by taking advantage of the summer insect plagues. Special smoke fires are provided within the settlements around which the reindeer can assemble. The reindeer husbandry has led also to an adjustment of the settlement structures. Southern Selkup winter dwellings were sunken-floor earth houses re-used over several seasons [Тучкова 2005, с. 335–339]. In the north, reindeer husbandry made the seasonal movements less predictable, and hence the winter houses have become less substantial in the north with ground-level floors and simple symmetrical interior arrangements [Лёзова 1991; see also Adayev, Zimina 2016]. Burial customs among the northern Selkup were rather diverse and included surface, below-ground and air burials. Nowadays grave pits are the most common type. Various structures can be erected above the grave [Adayev, Zimina 2016], some of which find parallels in Khanty burial customs further south. Grave goods placed beside the burials above ground often encompass personal belongings of the deceased person, including sledges, tents coverings, clothing etc. Small infants are usually buried in the hollowed out tree trunks, as air burials on posts, or in their cradle tied to a tree [Poshekhonova et al. 2018, p. 366].

In the new settlement areas, the Selkup newcomers met local communities of Entsya, and in a long series of small-scale fighting and also larger battles the Selkup gradually evicted them from the area [Лебедев 1978]. This history has been inscribed into the landscape by toponyms. For example, on the River Taz a place called Kkhale-machi (“Nenets forest”) is located, the site where according to oral tradition the Selkup in alliance with the Evenks fought the last battle against the Entsya, evicting them from the region (field recordings by V. Adayev and A. Rud', 2013, 2017, 2018). The formation of (individual) ethnic identity displays a continuum between Selkup self-perception and cross-ethnic kinship relations. Intermarriage relations with other groups (e. g. Evenks, Kets, Russian) lead to people perceiving themselves as Selkup who have mothers, fathers or grandparents of different communities. The Selkup identity is sometimes developed even after childhood and adolescence by returning to the taiga and adopting a mobile hunter-herder way of life within the Selkup extended family group and by the connected (re-) appropriation of the Selkup language.

Bibliography

- Adayev V. N., Zimina O. Y. Above-Ground Frame Buildings in Western Siberia: Archaeological and Ethnographic Parallels // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2016. Vol. 44/3. P. 63–71.
- Maloney A. A. Material and Linguistic Perspectives on Sel'kup Sacred Places // *Landscape and Culture in Northern Eurasia*. Walnut Creek, 2010. P. 117–132.
- Poshekhonova O. E., Berlina S. V., Piezonka H., Kirleis W., Lorenz S., Marchenko Zh. V., Rud A. A. Upper Taz Selkups. Archaeological and ethno-archaeological research perspectives // I International conference “Arctic Archaeology”, Abstracts. Salekhard; Ekaterinburg, 2017. P. 159–161.

- Poshekhonova O. E., Kisagulov A. V., Gimranov D. O., Nekrasov A. E., Afonin A. S. Transformation of Upper Taz Selkup funeral rites according to paleoecological data // *Journal of Archaeological Science*. 2018. Vol. 22. P. 132–141.
- Адаев В. Н. Селькупы Верхнего Таза: межкультурные связи и пути сообщения с населением соседних речных бассейнов в XVIII–XX вв. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2014. № 1 (24). С. 124–132.
- Аксянова Г. А., Васильев В. И. Селькупы. Общие сведения // *Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты*. М., 2005. С. 304–310.
- Березовская Н. В., Волков В. Г., Тучкова Н. А. Происхождение селькупов в свете междисциплинарного подхода (археология, генетика, лингвистика, историческая этнология) // *Вестн. Томск. гос. ун-та. История*. 2018. № 54. С. 128–138.
- Головнёв А. В. *Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров*. Екатеринбург, 1995.
- Кениг А. В. *Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов)*. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2010.
- Лебедев В. В. Роль оленеводства в хозяйственном комплексе тазовских селькупов: к проблеме становления производящего оленеводческого хозяйства // *Проблемы этнографии и этнической антропологии*. М., 1978. С. 14–25.
- Лёзова С. В. Жилище северных селькупов // *Экспериментальная археология*. 1991. Вып. 1. С. 101–107.
- Пелих Г. И. *Происхождение селькупов*. Томск, 1972.
- Пошехонова О. В. Новые данные о верхнетазовских селькупах XVII–XIX вв. // *IV Северный археологический конгресс: материалы*. Екатеринбург, 2015. С. 200–202.
- Тучкова Н. А. Селькупы. Материальная культура // *Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты*. М., 2005. С. 304–310.

Х. ПИЕНЦОНКА, В. Н. АДАЕВ, О. Е. ПОШЕХОНОВА, А. А. РУДЬ

МИГРАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБРАЗ ЖИЗНИ, МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ И ЭТНИЧЕСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ ОХОТНИКОВ-РЫБОЛОВОВ БОРЕАЛЬНОГО ПЕРИОДА: ЭТНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТАЗОВСКИХ СЕЛЬКУПОВ, СИБИРЬ

В XVII и XVIII вв. группы селькупов мигрировали на север с территории современной Томской области, и в верховьях реки Таз они сохранили свой кочевой образ жизни до настоящего времени, занимаясь охотой, рыбным промыслом и оленеводством. Вопросы адаптации к новой среде и ее воздействия на материальную и нематериальную культуру представляют большой интерес с антропологической и археологической точки зрения. Совместные российско-германские полевые исследования, охватывающие периоды от раннего Нового времени до современности, проливают свет на проблемы организации стойбищ, традиционной экономики, типов жилищ, обычаев и ритуалов. В процессе миграции материальная и духовная культура селькупов подверглась трансформации под влиянием соседних групп. Сочетание различных типов источников, таких как археология, этнология и этноистория позволяет выявить сложные взаимозависимости между этническим самовосприятием, родственными связями, языком и материальной культурой.

Пиенцонка Хэнни — Др., Кильский университет (Германия, Киль). E-mail: hpiezonka@ufg.uni-kiel.de

Адаев Владимир Николаевич — к.и.н., ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, Институт проблем освоения Севера (Россия, Тюмень). E-mail: whitebird4@yandex.ru

Пошехонова Ольга Евгеньевна — ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, Институт проблем освоения Севера (Россия, Тюмень). E-mail: poshehonova.olg@gmail.com

Рудь Алексей Анатольевич — МАУ Сургутского района ИКНПЦ «Барсова Гора» (Россия, Сургут). E-mail: raa@bk.ru

ИСКУССТВО СЕВЕРА
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ:
ОБРАЗ, ВЕЩЬ, КОНТЕКСТ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

NORTHERN ART
IN ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES:
IMAGE, ARTIFACT, CONTEXT, INTERPRETATION

А. В. ВАРЕНОВ

ДЕМОНИЧЕСКИЕ ПСЫ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ МОНГОЛИИ И ИХ КИТАЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ*

В верхней части оленных камней № 4 и № 15 из Ушкийн-Увэра выбиты сцены с хищниками, гонящимися за конем или пожирающими коня. В. В. Волков и Э. А. Новгородова называли этих зверей «кошачьими хищниками» и «барсами». Но из крупных кошек никто (кроме гепардов) не преследует свою добычу и никогда (кроме львов, вернее, львиц) не охотится группами. Преследование добычи стаями характерно для собак и других канисовых. Стилистически близкие композиции встречены в ущелье Суюйкоу и на тыльной стороне бронзового зеркала из погребения M1612 могильника Шанцуньлин (КНР). Корни традиции изображать двух похожих на собак зверей, готовых разорвать свою жертву, уходят в Китае в эпоху неолита и, по мнению автора, воспроизводят посмертные испытания души в Преисподней.

Варенов Андрей Васильевич — к.и.н., Новосибирский государственный университет (Россия, Новосибирск). E-mail: avvarenov@mail.ru

В верхней части оленного камня № 15 из Ушкийн-Увэра, что в Хубсугульском аймаке МНР, выбита сцена с двумя похожими на крупных собак пятнистыми хищниками, съедающими коня. В. В. Волков и Э. А. Новгородова, первооткрыватели памятника, описали ее как «сцену с кошачьими хищниками, съедающими коня» [Волков, Новгородова 1975, с. 81]. На оленном камне № 4 из этого же памятника изображена стая из пяти подобных зверей, преследующих лошадь. В. В. Волков и Э. А. Новгородова писали о них: «Очевидно, это стая барсов, представленная в момент охоты на бегущего перед ними коня» [1975, с. 82]. Но из крупных кошек никто (кроме гепардов) не преследует свою добычу и никогда (кроме львов, вернее, львиц) не охотится группами, предпочитая индивидуальную охоту из засады. Преследование добычи стаями характерно для собак и других канисовых.

Стилистически близкая композиция встречена в ущелье Суюйкоу (Нинся-Хуэйский автономный район КНР). Там стилизованные олени окружают сцену терзания, где два хищника, похожих на псов, приготовились вцепиться в человеческую фигурку. Д. Г. Савинов, анализирувавший рисунки хищников на оленных камнях, считал их персонажами «скорее всего, хтонического происхождения» [1994, с. 132]. Композиционно схожая с Ушкийн-Увэром и Суюйкоу сцена отлита на тыльной стороне бронзового зеркала, обнаруженного в погребении M1612 могильника Шанцуньлин в пров. Хэнань КНР [Шанцуньлин 1959, с. 27]. Она изображает двух хищных зверей, готовых растерзать (или сцепиться из-за) травоядного. Зеркало из Шанцуньлина дает более точную дату для композиций из Ушкийн-Увэра и Суюйкоу. Большинство его погребений датируется одним временем — второй половиной IX — первой половиной VIII вв. до н. э. [Комиссаров 1985, с. 9, 10].

Но корни традиции изображать двух похожих на собак зверей, готовых разорвать свою жертву, уходят в Китае гораздо глубже эпохи Чжоу. На неолитическом сосуде расписной керамики со стоянки Дадивань в уезде Циньань пров. Ганьсу нарисованы две собаки, готовые подраться из-за рыбы, лежащей между ними. Считается, что орнаментальные пояса на неолитической керамике Китая обозначали различные уровни Вселенной. Пояс с собаками и рыбой на кувшине из Дадивань ограничен сверху двумя горизонтальными

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)» (рук. С. А. Комиссаров).

линиями и может представлять Преисподнюю (нижний мир). По данным В. В. Евсюкова, в китайском неолите образ рыбы символизировал человеческую душу [1988, с. 84, 85, 89, 90]. Так что сцена на кувшине из Дадивань, скорее всего, запечатлела ее посмертные испытания в Преисподней, возможно, как залог будущего возрождения. Наскальные композиции из Сууюкоу и Ушкийн-Увэра, так же, как и изображения на зеркале из Шанцуньлина, могли иметь аналогичное значение. Данная иконографическая традиция доживает, как минимум, до IV–III вв. до н. э. На обушке трубчатой втулки боевого топора культуры Дянь из погребения 12 могильника Шичжайшань отлиты два ящера и лежащая между ними рыба [Пиццазоли 1990, с. 81, рис. 1, 6; 3, 3].

Библиографический список

- Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 78–84.
- Евсюков В. В. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао. Новосибирск, 1988.
- Комиссаров С. А. Шанцуньлин — опорный памятник конца Западного Чжоу // Дальний Восток и Центральная Азия. М., 1985. С. 3–12.
- Пиццазоли Мисеэр (Pirazzoli Michele). Дянь вэньхуа дэ няньдай вэньти [皮拉左里·米歇尔。滇文化的年代问题]. Проблема хронологии культуры Дянь // Каогу. 1990. № 1. С. 78–86. (на кит. яз.).
- Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
- Шанцуньлин Гого муди [上村嶺虢國墓地]. Могильник царства Го в Шанцуньлине. Пекин, 1959. (на кит. яз.).

A. V. VARENOV

DEMONIC DOGS OF THE MONGOLIAN STAG STONES AND THEIR CHINESE ANALOGUES

On the upper part of the stag stone No. 15 from the Ushkijn-Uver, one may see a scene, depicting two beasts of prey devouring a horse. V. V. Volkov and E. A. Novgorodova described them as “feline predators” or “snow leopards”. However, none of the real feline predators (except cheetahs) ever chase their prey, or hunt in groups (except lions). Chase of prey in packs is characteristic for dogs and other canine species. Compositionally, much the same scenes as on the stag-stone No. 15 from Ushkijn-Uver are depicted in Suyukou gorge of the Helan Mountains and on the back of a bronze mirror, found in tomb M1612 of the Shangcunling cemetery (PRC). The roots of the tradition to depict two dog-like beasts, ready to tear apart their victim go back to the Chinese Neolithic. The author argues that these scenes represent the trials of a human soul in the Underworld.

Andrey V. Varenov — Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk).
E-mail: avvarenov@mail.ru

В. Д. ВИКТОРОВА

ОБРЯДЫ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА, ПОСВЯЩЕННЫЕ ВОСХОДУ СОЛНЦА

В 2014–2015 гг. на острове Каменные палатки исследована самая древняя на Урале обсерватория эпохи мезолита — конструкция для наблюдения за восходом солнца со следами жертвоприношений возле нее.

Викторова Валентина Дометьяновна — к.и.н., Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: iia-history@mail.ru

Археoaстрономические исследования на Урале начались в 1990-е гг. с изучения круглоплановых памятников Савин 1, Слободчики, Велижаны 2 [Потемкина 2001]. На этих святилищах лесостепного Зауралья в обрядах, посвященных восходу-заходу небесных светил принимало участие население пяти культур эпохи энеолита [Потемкина 2001, рис. 6–8]. Исследователи памятников степной полосы Зауралья (Д. Г. Зданович, А. К. Кириллов, Ф. Н. Петров) отметили продолжение астрономических наблюдений в эпохи бронзы и раннего железного века и их значение для свершения всех важнейших мероприятий древнего населения.

В горно-лесном Зауралье на острове Каменные палатки (Железнодорожный район Екатеринбурга) обнаружена странная конструкция, условно названная Сейд. Она была сложена из гранитных плит и валунов в четыре яруса на высоту 1,4 м. Уже тогда возникли вопросы — кто, когда и зачем построил это сооружение?

Ответ на последний вопрос был получен, когда остров посетил директор Пулковской обсерватории А. В. Степанов с сотрудниками. Он встал на горизонтальную площадку за вертикальной западной стенкой конструкции по центру верхней плиты, развернутой на восток, и сказал, что это очень удобное место для наблюдения за восходом солнца.

Эту замечательную гипотезу подтвердили результаты раскопок памятника Сейд и их анализ с применением археоастрономического метода [Потемкина, Юревич 1998, рис. 4]. Было установлено, что древние ориентиры: линия западной стенки, направленная с юга на север, и центральная линия верхней плиты — азимутом запад — восток, не совпадают с современными пространственными векторами стран света на 3,5–3,2 градуса. С учетом древних направлений стран света были вычислены азимуты на знаковые точки восхода солнца по дуге от северо-востока (день летнего солнцестояния) — к востоку (день весеннего равноденствия), до юго-востока (день зимнего солнцестояния).

Проверкой правильности расчетов было местоположение столба (ямки № 4) — рукотворного визира в направлении восхода солнца в день зимнего солнцестояния. Дальними природными визирами азимутов восхода солнца в дни летнего солнцестояния и весеннего равноденствия могли служить вершины гор, расположенных на противоположном берегу палеозера Романовского.

Вопрос — кто и когда построил конструкцию для наблюдения за восходами небесных светил, прояснился в результате раскопок жертвенника 1 у восточного основания конструкции и площадки, расположенной к юго-востоку от нее. Жертвенник размером 2 кв. м на трех уровнях включал следы проведения огненных ритуалов и дары солнцу — каменный инвентарь трех типов, различающихся по материалу и технологии.

На уровне самого нижнего слоя были обнаружены следы огненного ритуала, расположенные по азимуту восхода солнца в дни весеннего равноденствия. Южнее размещалась прослойка белой глины. Основную часть находок составляли отщепы и чешуйки розового халцедона. В их составе находились 5 микропластин из светло-серого кремня и халцедона. Четыре микропластины залегали в верхних слоях. В темно-коричневом нижнем слое площадки найдено 108 экз. микропластин, след столба-гномона по центру, кусочки охры.

Обозначенные выше объекты и находки позволяют ответить на два первых вопроса. Конструкция для наблюдения за восхода солнца была построена населением эпохи мезолита. И лишь впоследствии, в эпоху энеолита? она использовалась с той же целью.

Для ответа на вопрос — зачем населению каменного века понадобился столь точный солнечный календарь, обратимся к мифологическим представлениям этого населения.

Специфическая черта мифологического сознания — антропоморфизм, — проявлялась в переносе реальных циклов человеческой жизни: рождение — расцвет жизненных сил — смерть — на понимание солнечных циклов, как суточных, так и годовых, определяющих смену времен года и хозяйственной деятельности. Рождение солнца соотносилось с его восходом в день весеннего равноденствия, летнее солнцестояние воспринималось как пик солнечной энергии, зимнее солнцестояние и уход солнца на запад-север, — как смерть. Но затем обязательно следовал период возрождения солнца. Этот реальный факт, приводил к обратному мифическому переносу на человека — представлению о реинкарнации, т. е. обязательном возрождении умершего.

Знание направлений стран света и солнечного календаря было необходимо древним персонажам, проводившим основные обряды. Так обряд, посвященный духу священной горы (Западной гряды острова) проводился в день летнего солнцестояния (памятник Вершина I–3). Мезолитические погребения были ориентированы с юга на север, а тотемы-медведи «возвращались» к сородичам для их защиты или помощи в проведении обрядов — с севера (памятники Сейд и Вершина I–2).

Памятник Сейд — самая древняя на Урале обсерватория.

Библиографический список

- Потемкина Т. М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001.
Потемкина Т. М., Юревич В. А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М., 1998.

V. D. VIKTOROVA

MESOLITHIC RITUALS CELEBRATING THE RISE OF THE SUN

In 2014–2015, the oldest Mesolithic observatory in the Urals — a structure for sunrise observation with the traces of sacrificial offerings nearby — was investigated on the Kamennye Palatki island.

Valentina D. Viktorova — Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: iia-history@mail.ru

С. В. ГУСЕВ

САКРАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ПОСЕЛЕНИЯ УНЕНЕН (ДРЕВНЕКИТОБОЙНАЯ КУЛЬТУРА, XV–XIII ВВ. ДО Н. Э.)

Сакральный характер места раскопок на поселении Уненен определяется наличием сакральных сооружений и многочисленных предметов сакрального назначения на площади менее 100 кв. м. Предметы сделаны из клыка моржа, китового уса, шкуры морского зверя, дерева, шерсти медведя, часто окрашенных охрой.

Гусев Сергей Валентинович — к.и.н., Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Россия, Москва). E-mail: agus_2004@mail.ru

В 1997 г. на территории современного с. Нунлигран было выявлено поселение, расположенное на южной окраине современного поселка у моря, на второй морской террасе у галечно-песчаного пляжа. С запада поселение ограничено крутым склоном горы. Площадь поселения составляет более 5,7 га [Гусев 2010].

Образование у берега моря в конце II тыс. до н. э. стационарного поселения морских охотников-зверобоев с высокоспециализированной морской экономикой связано с образованием лагуны.

Причиной прекращения жизнедеятельности на поселении стало землетрясение силой 5–7 баллов, произошедшее около 3 тыс. л. н. в районе лагуны Аччен [Гусев, Репкина, Каревская 2014] – возраст скорректирован нами на основании дат из культурного слоя, вызвавшее обвально-осыпные процессы, в результате которых огромные каменные блоки весом до 2,5 т и более мелкий каменный материал с суглинком накрыли культурный слой, что хорошо прослеживается стратиграфически. Раскопки 2007 г. принесли сенсационную находку на глубине 50–60 см от современной дневной поверхности – клык моржа с гравировкой. Клык длиной 49 см оформлен в виде нерпы – с головой и плавниками на концах. С двух сторон изображена охота на китов.

Найден широкий спектр сакральных предметов и сооружений. В кв. 502/998 выявлено сооружение из трех вертикально вкопанных пенисов моржа и зажатого между ними черепа оленя. Это сакральное место сооружено на слое погребенного дерна. Три *os penis* вкопаны концевой частью в слой погребенного дерна, обильно пропитанного жиром. Череп оленя устремлен мордой к небу. Рядом и непосредственно над этими депозитами выявлено скопление целиком сохранившихся шкур морских птиц (кайра?). На погребенном дерне вокруг сооружения выявлены наконечники стрел из кремня, оленьего рога, нож из камня. С трех сторон уложены три крупные раковины мидий. Очевидно, сооружение из трех пенисов моржа и зажатого меж ними черепа оленя в контексте с залегающими рядом с ним в одном слое выкладками черепов моржа символизирует борьбу двух стихий: моря и суши. Под сооружение была подложена шкура.

Сосуд из клыка моржа орнаментирован и наполнен охрой.

Венок, плетеный из китового уса, диаметром 15 см, высотой обруча 1,3 см, шириной обруча 0,3 см. Обруч оплетен лентой из китового уса. Ширина ленты 0,3 см.

Плетеный из китового уса предмет подчетыреугольной в сечении формы, напоминающий украшение. Размеры 7,3 x 1,8 x 1,8 см. Серия украшений, плетеных из китового уса. Среди них два фрагмента шнура, виртуозно плетеного из китового уса. Размеры экземпляра № 33: длина 14,5 см, диаметр 0,3 см. Размеры экземпляра № 55: длина усов 7,5 и 4,5 см, с дюльферным узлом.

Шаманский кожаный мешок из шкуры тюленя, с шитьем китовым усом (0,3 см в сечении) и кожаный ремешок из шкуры тюленя (0,4 см в сечении). Внутри мешка, размерами 60 x 63 см, найдены лапа нерпы (сублимированное мясо), палец медведя с когтем, кусочки мяса.

Фигурка калана(?) из китового уса с канавкой для пуска ритуальной крови.

Шаманская «кукла» из шерсти белого медведя, обмазанная вдоль тулова охрой; клык моржа с гравировкой, изображающей жилища и лес; личина из дерева с моделью татуировки, реалистично передающей антропологические черты эскоалеутов; игольник из оленьего рога с семью вложенными иглами из клыка моржа диаметром 1,5 мм с высверленными ушками (d – 0,2 мм); фигурка росомахи из дерева; зуб мамонта.

Такое скопления на небольшой площади ритуальных предметов свидетельствует о функционировании на этом участке поселения ритуального мужского дома «каджим» [Гусев, Загорулько 2017].

Раскопки поселения Уненен с 2007 г. и по 2014 г. велись ежегодно на площади более 100 кв. м. Датировки по ¹⁴C при калибровании и переводе в календарные даты определяют возраст поселения древних китобоев в диапазоне XV–XIII вв. до н. э. (24 даты по дереву и древесному углю).

Представлены поворотные наконечники гарпунов преэскимосских культур предорсет, саккак и индепенденс, изготовленные из рога оленя и клыка моржа. Из находок необходимо отметить поворотные наконечники гарпуна типа гренландской культуры индепенденс (известного ранее за пределами Гренландии только по раскопкам на Аляске и с острова Врангеля (стоянка Чертов овраг) [Giddings, Anderson 1986; Диков 1979]). Поворотные наконечники «индепенденс» существенно отличаются: у кончика вместо пропила оформлялось снятие примерно половины массива по ширине с пришлифовкой. Далее сюда накладывались концевые копьеца с рыбковидным основанием, которое было необходимо для крепления посредством обвязки по всему периметру, с канавкой по костяному телу гарпуна. Учитывая массовый характер находок «наконечников» с рыбковидным хвостом у основания на мысе Коцебу и на поселении Уненен, можно говорить о наконечниках гарпунов типа «индепенденс» как о превалирующем типе в древнекитобойной культуре.

Анализ комплекса показывает культурное и геохронологическое единство поселения Уненен, Old Whaling мыса Крузенштерн, со стоянкой Чёртов Овраг на о. Врангеля, прелактинскими памятниками к югу от Анадыря и указывают на связи с далекой Гренландией.

Библиографический список

- Гусев С. В. Древнекитобойная культура и синхронные культуры Северного Берингоморья (конец II – начало I тыс. до н. э.) // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Ж. В. Андреевой. Владивосток, 2010. С. 191–209.
- Гусев С. В., Репкина Т. Ю., Каревская И. А. Заселение побережья Восточной Чукотки: археологические и палеогеографические реконструкции // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезд. Казань, 2014. Т. V. С. 41–43.
- Гусев С. В., Загорулько А. В. Мужской дом — каджим в сакральной и хозяйственной традиции морских зверобоев Арктики и Субарктики (древнекитобойная культура, древне- и неозскимосские культуры) в середине II тыс. до н. э. — II тыс. н. э. // I Междунар. конф. «Археология Арктики». Тезисы докл. Екатеринбург, 2017. С. 88–90.
- Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.
- Giddings J. L., Anderson D. Beach Ridge Archeology of Cape Krusenstern: Eskimo and Pre-Eskimo Settlements Around Kotzebue Sound, Alaska. Washington, 1986.

S. V. GUSEV

SACRAL ITEMS OF UNENEN SETTLEMENT (OLD WHALING CULTURE, THE 15TH–13TH CENTURIES BC)

The author made a conclusion about the sacral nature of the Unenen settlement excavation site, based on the presence of sacral structures and a significant number of the sacral function objects within the area of less than 100 sq. m. The material of the sacral items was walrus tusk, whalebone, sea animals' skin, wood, and bear hair, often stained with ocher.

Sergey V. Gusev — Candidate of Historical Sciences, Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage D. S. Likhachev (Russia, Moscow). E-mail: agus_2004@mail.ru

Л. Н. ЕРМОЛЕНКО

К ВОПРОСУ О СЮЖЕТЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КОНДИНСКОЙ БЛЯХЕ*

Изображение на серебряной бляхе IX–X вв., найденной в бассейне р. Конды, А. В. Бауло и М. Г. Крамаровский толкуют как сцену насилия. М. Г. Крамаровский объясняет сюжет бляхи на основе эпизода «Сабхапарвы», в котором Духшасана пытается сорвать одежду с проигранной в кости Драупади. В настоящей статье делается попытка обосновать предположение о том, что на бляхе могла быть воспроизведена сцена добывания героем невесты. Источником сюжета мог послужить сказочный мотив завладения птичьим одеянием пери. Автор сравнивает частый линейный орнамент на платье женщины, который предшествующие исследователи интерпретируют как складки, рисунок на ткани или ее фактуру, со стилизованной передачей птичьих перьев в восточной торевишке.

Ермоленко Любовь Николаевна — д.и.н., Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово). E-mail: lyubov.ermolenko@mail.ru

Кондинская серебряная бляха, которой были посвящены две одновременно вышедшие в 2013 г. публикации — А. В. Бауло и М. Г. Крамаровского, отличается от известных произведений торевишки как необычным сюжетом, так и своеобразным внешним видом женского персонажа. Авторы одинаково датировали бляху IX–X вв., подчеркнули наличие среднеазиатских или согдийских элементов изображения наряду с другими, позволившими определить место изготовления изделия «восток Европы» (А. В. Бауло) или отнести его к торевишке урало-сибирского круга (М. Г. Крамаровский).

А. В. Бауло воздержался от толкования изображения, предположив лишь, что здесь воспроизведена сцена насилия [2013, с. 126]. М. Г. Крамаровский не только определил изображение как «сцену гендерного насилия», но и сосредоточился на объяснении сюжета, который, по его мнению, восходит к одному из эпизодов древнеиндийского эпоса «Махабхарата»: попытке Духшасаны прилюдно сорвать одежду с проигранной мужем в кости Драупади [2013, с. 131].

При этом авторы различно трактуют «хоботовидную» деталь женского образа: А. В. Бауло — как косу [2013, с. 124, 125], а М. Г. Крамаровский — как левую руку, точнее, рукав платья с сокрытой в нем левой рукой [2013, с. 130].

Объяснение М. Г. Крамаровского представляется более убедительным: дугообразный рисунок на обоих рукавах женской одежды, в общем идентичен. А. В. Бауло, однако, считает дугообразные элементы на левом рукаве (косе в его трактовке) лентами. Согласно наблюдению исследователя, ленты изображены «косыми насечками» так же, как одна (!) из бровей женщины и «полоска волос под головным убором» [2013, с. 125]. Отсюда как будто следует, что ленты имеют волосистую «текстуру», однако, по мнению А. В. Бауло, таким способом передан волосяной состав косы. Это предположение не кажется убедительным, ведь мастер, сплошь покрывший линейным «узором» платье, вполне мог наметить линии волос.

Исследователь приводит также другие доводы против того, что обсуждаемый «хоботовидный» элемент является изображением рукава, стягиваемого с руки: 1) окончание его загнуто вверх, хотя должно бы свисать; 2) в нем не прослеживается утолщение кисти руки. Рассуждая так, А. В. Бауло подходит к изображению на бляхе как к натуралистическому,

* Работа выполнена в рамках госзадания Министерства образования и науки РФ № 33.2597.2017/ПЧ.

однако в этом случае возникают вопросы: почему коса отходит от плеча, а не от основания головы или затылка, почему не показана левая рука (женщина однорукая?), почему на обеих ногах, как верно отметил М. Г. Крамаровский [2013, с. 130], прорисовано по четыре пальца?

Прежде чем предложить новое «прочтение» сюжета на кондинской бляхе, хотелось бы обратить внимание на орнаментацию одежды персонажей бляхи. Исследователи находят аналогию орнаментальному мотиву из трех кружков, украшающему мужской халат, в декоре одежды всадника на чаше с оз. Нанто [Бауло 2013, с. 125; Крамаровский 2013, с. 129]. Б. И. Маршак указал на распространенность этого мотива в среднеазиатской тюревтике IX–X вв. [Сокровища Приобья 1996, с. 117]. Однако следует заметить, что трехкружковый орнамент известен также в сасанидском серебре [Тревер, Луконин 1987, 21 (10), 30 (15), 34 (17), и др.].

Что касается рисунка на платье женского персонажа, то исследователи не находят ему аналогий в тюревтике. А. В. Бауло предположил, что многочисленные линии на платье женщины «могут обозначать складки или полосатую ткань» [2013, с. 125], а М. Г. Крамаровский — что они передают фактуру связанного «из шерстяной или бумажной пряжи» одеяния [2013, с. 130].

Между тем обнаруживается определенное сходство элементов «узора» на женском платье со стилизацией птичьего оперения на изделиях сасанидского и согдийского серебра, датирующихся VI–VIII вв. Так, на блюде с изображением ушастого орла, несущего в когтях женщину, туловище и верхняя часть крыльев птицы покрыты короткими перьями в форме удлинённых чешуек, тогда как перья нижней части крыльев и хвоста имеют вид длинных параллельных полосок. Голени обеих ног чудовищной птицы декорированы дугообразным орнаментом [Тревер, Луконин 1987, 57 (22), 58 (22); ср. 60 (24)]. На чаше со сценой терзания газели орлом короткие перья хищника имеют удлинённую листовидную форму, подобную очертаниям деталей «узора» на платье женщины под ее правой рукой [Тревер, Луконин 1987, 89 (29); ср. 95 (30), 96 (31), 97 (31); ср. 6, Abb. 55/56]. Во всех рассмотренных случаях на птичьих перьях, в отличие от элементов «декора» женского платья, детализирован стержень, однако на чаше из района Сосвинского городка, близкой по времени к кондинской бляхе, стержень перьев не обозначен [Сокровища Приобья 1996, с. 91].

Исходя из приведенных выше аналогий, можно допустить, что на женщине с кондинской бляхи изображено птичье одеяние, которое мужской персонаж пытается совлечь. В этой связи возникает ассоциация с широко распространенным сказочным мотивом завладения птичьей одеждой пери, которая после этого становится женой удальца. Трудно сказать, насколько древен этот мотив и существовала ли его вариация, близкая к реконструируемой по изображению на кондинской бляхе. В дошедших до нас сказках герой похищает одежду пери, но предполагаемая версия вполне органично вписалась бы в повествование эпического характера, где герою больше пристало завоевывать невесту. Что касается представлений о пери, то, согласно сводке А. Е. Бертельса, они зафиксированы еще в Авесте, но древнее ее [1979, с. 124, 125]. К тому же персидское слово *парӣ* широко употреблялось в персидско-таджикской литературе X–XV вв. [Бертельс 1979, с. 127].

Библиографический список

- Бауло А. В. Без лица: серебряная бляха с восточных склонов Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 123–128.
- Бертельс А. Е. Пери // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979. С. 123–128.
- Крамаровский М. Г. Новое в иконографии урало-сибирского серебра IX–X веков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 129–133.
- Сокровища Приобья. СПб., 1996.
- Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. М., 1987.
- Marschak B. Silberschatze des Orients. Metallkunst des 3.- 13. Jahrhunderts und ihre Kontinuitat. Leipzig, 1986.

L. N. ERMOLENKO

A MOTIF OF THE KONDA PLAQUE IMAGE

A. V. Baulo and M. G. Kramarovsky interpreted the image on the 9th–10th century silver plaque, found in the Konda river basin, as a scene of violence. In addition, M. G. Kramarovsky explained the plaque's motif by association with an episode from “Sabha Parva” in which Duryodhana tries to disrobe Draupadi after she was lost to him in a game of dice. The paper is an attempt to provide arguments in favor of an assumption that the plaque could depict the scene of winning a bride by the hero. The plot could be based on a fairy mythology motif of taking possession of a Peri's bird robes. The author associated the dense linear ornament on the woman's dress, which the previous researchers interpreted as the folds, a pattern or texture of the fabric, with the stylized rendering of a bird's feathers in the oriental toretics.

Lyubov N. Ermolenko – Doctor of Historical Sciences, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo).
E-mail: lyubov.ermolenko@mail.ru

H. C. ЕФРЕМОВА

**ИНВЕНТАРЬ КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСОВ КЫШТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
СИМВОЛИЗМ ИРРАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ**

Семантика любого артефакта зависит как от степени сакрализации жизни древнего общества, так и от контекста обнаружения находки. В связи с этим, уникальными для исследователей являются материалы святилищ, позволяющие по объектам материальной культуры реконструировать аспекты мировоззрения этноса. Для эпохи средневековья применение ретроспективного метода, согласно которому идентичность ландшафтно-климатических условий и сходные методы ведения хозяйства могут обусловить и аналогичные идеологические представления у древнего этноса и современного традиционного общества, представляется не только желательным, но и необходимым. Примером устойчивости ритуальной практики могут служить культовые комплексы угорских народов в их археологическом и этнографическом вариантах.

Ефремова Наталья Сергеевна – к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: ens77@mail.ru

Ритуальные объекты любой исторической эпохи являются ключевыми источниками при реконструкции идеологических представлений древних этносов. Для Западной Сибири исследование памятников культового характера имеет большое значение еще и в связи с относительной малочисленностью известных на настоящий момент объектов такого рода на данной территории.

Исследованные академиком В. И. Молодиным культовые комплексы кыштовской культуры [1990] обнаруживают определенные параллели в этнографических материалах угорского населения региона. 23 культовых комплекса расположены на могильнике Сопка-2 в Барабинской лесостепи. Большинство сооружений представляло собой обожженные подпрямоугольные деревянные конструкции из сложенных в несколько венцов плашек под курганной насыпью; в некоторых сооружениях сохранились следы перекрытий и бересты. На площади культовых комплексов располагался инвентарь, который можно разделить на ряд категорий: посуда, предметы вооружения и быта, украшения, антропоморфная скульптура.

Посуда, составляющая самую массовую долю находок, представлена археологически целыми керамическими сосудами, располагавшимися, как правило, по углам либо около стен; редко в ямках. Отличительной особенностью явилось расположение сосудов вверх дном либо на боку, вероятно, в процессе возведения конструкций их устанавливали на дерн. Не исключалась вероятность изготовления данной посуды по особой технологии, поскольку в составе теста отмечено большое количество шамота, делающего его рыхлым. Сосуды обжигались при низкой температуре (менее 500°С) и были практически непригодны для использования в бытовых целях [Новиков 1990, с. 21].

Этнографические наблюдения объясняют переворачивание сосудов как охранительной функцией, так и участием посуды в обрядах, связанных с культом мертвых. Подобная семантика приемлема и в данном случае: защита мира живых от мира мертвых с помощью использования в ритуале специальной посуды. Вероятнее предположить размещение сосудов вверх дном после того, как их содержимое было принесено в жертву в процессе совершения обряда.

Предметы вооружения на анализируемых комплексах широко представлены наконечниками стрел — 42 костяными и 31 железным. У ряда сибирских народов стрелы, помимо своего прямого назначения, используются в качестве предметов культа, иногда становясь таковыми после смерти владельца. Наконечники стрел в большом количестве зафиксированы на культовых местах манси. Кроме использования в качестве жертвы, наконечники стрел у угорских народов могли являться атрибутами антропоморфных идолов либо служить остовом для антропоморфной фигуры [Гемуев, Сагалаев 1986, с. 49, 51]. Наиболее вероятной интерпретацией в нашем случае представляется вариант дара духу умершего. Наконечники стрел отмечены в одиннадцати культовых комплексах, что может быть связано с социальной дифференциацией «владельцев» сооружений.

Особое место в инвентаре культовых комплексов занимают изделия из дерева — орнаментированные фигурные доски и блюда. Не исключено, что характерный для северных народов прямолинейный геометрический орнамент деревянных изделий мог нести не только декоративную, но и специфическую семантическую нагрузку, выполняя функцию оберега или обозначая принадлежность владельцу. Деревянная посуда широко известна у северных народов Западной Сибири. Ханты и манси замешивали тесто для лепешек и подавали вареное мясо или рыбу в овальных деревянных блюдах, переняв этот обычай у южных кочевников-скотоводов [Лукина 1985, с. 248]. Помимо бытовой, деревянная посуда в целом могла нести и определенную сакральную нагрузку. Так деревянные корытца для мяса, ложки и лопатки часто встречаются на мансийских святилищах.

В число единичных бытовых предметов входят четыре железных ножа, костяной кочедык, костяная орнаментированная проколка, орнаментальные мотивы которой сходны с

линейным орнаментом Шигирского идола. Наличие в материалах культовых комплексов изделия со специфичным северным орнаментом также может служить доказательством принадлежности памятника к угорскому кругу культур. В единственном экземпляре представлена железная витая спица с двумя нанизанными на нее шумящими кольцами, аналогии которой можно найти в подвесках северных шаманских костюмов. К украшениям можно отнести лунницевидную подвеску из белой бронзы, украшенную ложной зернью, шарообразный бубенчик с щелевидной прорезью, также, возможно, являющийся деталью шаманского облачения; стеклянную бусину и 4 серьги. Не исключено, что украшения являются «имуществом» обнаруженных в сооружениях идолов, 4 из которых антропоморфны и 1 антропоорнитоморфен. В Сибири идола — обязательный элемент культовых мест, они известны как у южных, так и у северных народов. У угров деревянные изображения духов могли храниться и дома, и в культовом амбарчике либо без него, на священном месте. Совокупность ряда факторов (местоположение культовых комплексов, их конструктивные особенности, специфика обнаруженных артефактов) позволили интерпретировать данные изображения как иттерма — «души умерших», хранившихся в деревянных сооружениях и сжигавшихся по истечении определенного срока [Пелих 1972, с. 73].

Семантическая интерпретация как отдельных артефактов, так и назначения памятника в целом является сложным и неоднозначным процессом, учитывая степень сакрализации жизни общества в древности. Лишь комплексный подход и зафиксированные этнографически вековые аспекты мировоззрения традиционных этносов позволят реконструировать духовную культуру древних обществ с максимальной степенью достоверности.

Библиографический список

- Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места (XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1986.
- Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов. Томск, 1985.
- Молодин В. И. Культовые памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии) // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 128–140.
- Новиков А. В. Технология керамического производства лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990.
- Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.

N. S. EFREMOVA

GOODS FROM THE RITUAL COMPLEXES OF THE KYSHTOV CULTURE: THE SYMBOLISM OF THE IRRATIONAL BELIEFS

The semantics of any artifact depends both on the degree of sacralization of the life of ancient society and on the context of its discovery. In this regard, the materials of the sanctuaries are a unique source for the researchers, as they allow reconstructing various aspects of an ethnic group's world views from their material culture objects. For the Middle Ages study, the use of the retrospective method, according to which the identity of landscape and climatic conditions, as well as similar economic patterns can mean also a similarity of the ideology and beliefs between the ancient population and a modern traditional society, appears not only desirable but also necessary. The ritual complexes of the Ugrian peoples in their archaeological and the ethnographic versions offer good examples of such sustainable ritual practices.

Natalya S. Efremova — Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: ens77@mail.ru

А. Ю. ЗЕЛЕНСКАЯ

**ВАРИАНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ОРНАМЕНТИКИ
НА ПРИМЕРЕ КОСТЯНЫХ ОРУДИЙ СО СТОЯНКИ УСТЬ-БЕЛАЯ (КУРГАН 15)**

Рассматриваются истоки орнаментальных мотивов на костяных орудиях, выявленных при описании неолитической коллекции Усть-Бельского могильника, курган 15 (Чукотка), а также раскрывается понятие «орнамент» с позиции формообразования его деталей. Рассмотрен вопрос о возможности «прочтения» и этнической атрибуции орнаментальных элементов. Сделаны выводы относительно состоятельности переосмысления древнего орнамента с позиции современного мышления и экстраполяции его семантики на обширные территории и разные временные отрезки. На основе сравнительного анализа выявлены связи усть-бельцев с соседними северными народами (юкагирами, чукчами, коряками, керекями, эскимосами), что может послужить основой для изучения процессов культурогенеза на территории Севера Дальнего Востока в позднем голоцене.

Зеленская Алиса Юрьевна — Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (Россия, Магадан). E-mail: zelenskaya@neisri.ru

При описании коллекции из кургана № 15 Усть-Бельского могильника (Чукотка) были выявлены костяные орудия — рукоятка резца, фрагмент зубчатого гарпуна, фрагмент наконечника, 3 посредника для наконечников стрел и «пуговица» [Зеленская 2017, с. 6]. На поверхности некоторых из этих орудий сохранились следы резного орнамента.

Три костяных посредника для наконечников стрел, два из них найдены со вставленными наконечниками [Диков 1961, с. 25]. Орнамент, нанесенный на поверхность посредников, представляет собой редкие длинные тонкие линии, параллельные длинной оси орудия. На одном из посредников имеется дополнительный декор в виде прорезанного ободка, располагающийся на одном из концов изделия. Линейные приемы обработки кости, в т. ч. украшение орудий линейными поясками, характерны для алеутов, коряков, чукчей, эскимосов и ительменов, в то время как «у юкагиров покрытие орнаментом изделия из кости встречаются очень редко» [Иванов 1963, с. 171].

В процессе описания коллекции кургана № 15 было выявлено изделие, идентифицированное нами как фрагмент костяного наконечника. Насад сломан по отверстию. На одной из плоскостей прочерчен «елочный» орнамент (наклонные шипы, по обеим сторонам прямой линии), сбоку от которого орнамент из «галочек» (шевроны). На другой стороне орнамент из т.н. «вороньих лапок» (два наклонных шипа по обеим сторонам прямой линии, образующих трезубец — характерная форма гарпунного стабилизатора у эскимосов [Bandi 1972, p. 76]).

Э. Нельсон писал, что на Восточном мысу (мыс Дежнева) он в конце XIX в. видел множество костяных наконечников стрел и копий с орнаментом из «вороньих лапок» [Nelson 1900, p. 324]. А. А. Орехов, описывая костяные наконечники лахтинской культуры, также отмечает на их поверхности «отпечаток птичьей лапки (...вероятно, ворона)» [1987, с. 132]. Орнамент из «вороньих лапок» встречается во многих культурах Севера Дальнего Востока России и Тихоокеанского Севера и связан с широко распространенным культом Ворона, который выступал в роли народного героя, демиурга и трикстера.

Анализ «елочного» орнамента в искусстве народов Севера Дальнего Востока мало освещен в научной литературе, хотя и часто встречается на предметах охотничьего и ритуального

предназначения. Например, на Северо-Западном побережье Охотского моря, в токаревской культуре I тыс. до н. э. — I тыс. н. э., «елочный» орнамент встречен на обломке зубчатого наконечника и на наконечнике гарпуна поворотного типа [Лебединцев 1990, рис. 102, 22; 149, 5]; на Чукотском полуострове, в коллекции древнеберингоморской культуры I тыс. н. э. присутствует амулет с «елочным» орнаментом [Диков 1977, табл. 129, 7] и т. д. «Елочный» орнамент присутствует во многих культурах мира, и в основном соотносится исследователями с растительными мотивами. Однако С. В. Иванов, детально проанализировавший орнаментальные традиции народов Сибири отмечал, что растительные мотивы были не свойственны народам Северо-Востока Азии и «...обязаны своим появлением контакту с пришлым русским населением» [1963, с. 210]. Л. Н. Жукова, анализируя юкагирские любовные письма «шангар-шорилэ», в котором мужская и женская фигуры изображались в виде елочки, приходит к выводу, что изображение этой елочки выступает в роли матери-прародительницы, непрерывного древа жизни [2000]. Каждый сегмент этого древа символизирует отдельную душу, и заодно дает отсылку к образу остроголового человечка, являющегося «хозяином нижнего мира» у юкагиров [Кистенев 1992, с. 73].

Елочный орнамент, интерпретируемый как «скелетальный узор» (слияние позвоночника и ребер?), схематично нанесенный на изображения животных и рыб, распространен, также, у орочей [Иванов 1954, с. 384, рис. 233], эвенков, народов Нижнего Приамурья [Гам же, с. 10, рис. 4].

Этническую принадлежность материалов с данной орнаментацией пока, из-за малочисленности материалов, определить трудно, т. к. ее элементы встречаются в культурах многих народов Севера Дальнего Востока России (юкагиров, чукчей, коряков, кереков, эскимосов), что, вероятно, свидетельствует о тесных связях между этими культурами. Таким образом, правильное «прочтение» семантического кода орнаментации усть-бельцев является важной составляющей процесса установления происхождения и развития народов Севера Дальнего Востока России.

Библиографический список

- Диков Н. Н. Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 г. // Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1961. Вып. 2. С. 21–36.
- Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1977.
- Жукова Л. Н. Берестяная почта юкагиров // Исторический, культурологический журнал «Илин», 2000. № 4 (23). URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2000-4/28.htm> (дата обращения: 05.02.2017).
- Зеленская А. Ю. Костяные изделия Усть-Бельского могильника и некоторые вопросы культурного взаимодействия в неолите на севере Дальнего Востока // Вест. археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 5–15.
- Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начало XX вв. М.; Л., 1954.
- Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). М.; Л., 1963.
- Кистенев С. П. Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск, 1992. С. 68–83.
- Лебединцев А. И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. Ленинград, 1990.
- Орехов А. А. Древняя культура Северо-Западного Берингоморья. М., 1987.
- Vandl H. G. Eskimo Prehistory. Alaska, 1972.

V СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (ХАНТЫ-МАНСКИЙ, 11–14 ДЕКАБРЯ 2019)

Nelson E. W. The Eskimo about Bering strait // Extract from the Eighteenth Annual Report of the Bureau of American Ethnology. Washington, 1900. P. 1–518.

A. YU. ZELENSKAYA

POSSIBLE INTERPRETATION OF THE NEOLITHIC ORNAMENTATION ELEMENTS — BONE TOOLS FROM UST-BELAYA BURIAL SITE (MOUND 15) CASE STUDY

The author considered the origins of the ornamental motifs on the bone tools identified in the course of describing the Neolithic assemblage of the Ust-Belaya burial site, mound 15 (Chukotka), and provided an explanation of the “ornament” concept from the positions of its elements’ morphogenesis. The possibility of “reading” and ethnic attribution of the ornamental elements is discussed. The author made a conclusion regarding the consistency of rethinking the ancient ornament from the perspectives of a modern thought, and the extrapolation of its semantics over the vast territories and different time periods. Based on the comparative analysis, the author demonstrated the existence of the Ust-Belaya population contacts with the neighboring Northern peoples (the Yukaghirs, the Chukchi, the Koryaks, the Kereks, the Eskimos), which could form a basis for studying the processes of cultural genesis in the territory of the north of the Far East in the late Holocene.

Alisa Yu. Zelenskaya — N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Magadan). E-mail: zelenskaya@neisri.ru

Л. В. ЛБОВА

КОЛОРИСТИКА В СИБИРСКИХ КУЛЬТУРАХ ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА *

Появление красок на основе природных пигментов известно в материалах археологических местонахождений раннего и среднего палеолита в Африке, Европе, Передней Азии с датами более 300 тыс. л. н. Культурные сообщества, связанные с фактами использования пигментов в Сибири, появляются около 50–40 тыс. л. н. С помощью анализа SEM-EDX был установлен многоэлементный состав материалов, который показал различия в использовании и комбинации различных натуральных ингредиентов. Композитные, искусственные пигменты и более широкая цветовая гамма, включая красный, синий и зеленый цвета, заменяют использование природных пигментов. Утилитарное использование природных пигментов, особенно охры, известно из этнографических материалов. Микроскопическое исследование и идентификация следов красок демонстрируют факт декоративного оформления поверхности украшений и скульптуры в сибирских верхнепалеолитических памятниках.

Лбова Людмила Валентиновна — д.и.н., Новосибирский государственный университет (Россия, Новосибирск). E-mail: lbovapnr5@gmail.com

Использование различных красок на основе природных пигментов в практике древнего человека имеет продолжительную историю. Наиболее ранние факты использования пигмента известны в раннем палеолите по археологическим материалам европейских и африканских комплексов. Устойчивое применение различных пигментов известно

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ-CNRS, проект № 17-056-16-16 «Мобильное искусство эпохи камня в Сибири (генезис, технологии, культурно-хронологический контекст)» (рук. П. В. Волков).

в среднем — начале верхнего палеолита по материалам южно-африканских (Бломбос, Дипклофф), переднеазиатских (Кафзех, Схул, Табун) и европейских местонахождений (Пеш-де Азиль, Шательперрон, Грот де Реню, Фумани Кейв, и др.). На ранней стадии верхнего палеолита, понимаемой как время становления культуры человека современного физического типа, использование пигментов различного цвета становится устойчивым компонентом культуры, включая культуры неандертальцев [Bar-Yosef, Vandermeersch, Bar-Yosef 2009; Texier et al. 2010; Zilhao 2001].

Ранние свидетельства использования пигментов в Сибири ассоциируется с появлением человека современного физического типа и представлены широко в комплексах с датами 35–40 — 50 тыс. л. н. [Деревянко, Рыбин 2005; Лбова, Губар 2017]. В отечественной науке первые исследования красок в палеолите связаны с работами Н. Д. Праслова на Костенковских стоянках [1992], В. Т. Петрина и О. Н. Бадера в пещерах Урала, которые имеют продолжение [Пахунов, Житенев 2015].

В международной практике в изучении пигментов используются многочисленные методы, которые успешно протестированы для определения природы, состава и происхождения сырья [Popelka-Filcoff et al. 2008; Zipkin et al. 2015]. Основным методом анализа в наших изысканиях стал метод SEM-EDX, направленный на получение элементного состава образца, его количественные и качественные характеристики [Лбова, Губар 2017].

Методика определения элементного состава пигментов и пигментсодержащих материалов различного цвета (красный, розовый, желтый, белый, синий, зеленый) была апробирована на материалах памятников верхнего палеолита (Хотык, Малая Сья, Каменка, Мальта, Усть-Кова) [Деревянко, Рыбин 2005; Лбова, Губар 2017; Лбова и др. 2018; Лбова 2018]. Результаты исследований показывают физико-химические свойства, характеристики, определение добавок для определенного цвета, технологию формирования пигмента. На основе петрографического и минералогического исследования возможно определить круг месторождений гетита/гематита, малахита, азурита [Лбова 2018].

В результате сравнительного анализа минерального состава красящих материалов удалось выработать критерии определения групп: пигментсодержащие материалы, краски, полученные в результате первичной обработки сырья (например, обжига), композитные составы, использование красок.

Для ранних комплексов начальной поры верхнего палеолита характерно использование природного сырья без обработки красителя, например гематита. Известны предметы со следами утилизации (карандаши), изделия из гематита в качестве подвесок в комплексах Денисовой Пещеры, Хотыка, Каменки. Следы красной краски отмечены на орудиях из кости и рога в коллекциях Малая Сья, Хотыка; следы краски отмечаются и в культурных слоях [Праслов 1992].

Особый интерес вызывают сюжеты, связанные с использованием красок в культурах верхнего палеолита как приема декорирования [Lbova, Volkov 2017; Лбова 2018]. Красная краска на предметах персональной орнаментации (бусинах, пуговицах, браслетах) обнаружена на изделиях из коллекций Хотыка, Мальты, Усть-Ковы, Янской стоянки. Следы красной, розовой, зеленой, синей, черной краски выявлены на антропоморфной и зооморфной скульптуре в коллекциях Мальты, Бурети, Усть-Ковы, Шестаково.

Минеральные пигменты применялись утилитарно, в ежедневной жизни в качестве антисептических материалов, добавок к пище, размягчителя кожи, в качестве мастики

(клея). Использование красок при декорировании скульптуры, создания рисунков на стенах пещер, боевой и ритуальной раскраски тела, погребения усопших имеет принципиально иное, символическое содержание.

Библиографический список

- Деревянко А. П., Рыбин Е. П. Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // *Переход от среднего к верхнему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты*. Новосибирск, 2005. С. 232–255.
- Лбова Л. В. Пигменты и пигментосодержащие материалы в Мальтинской коллекции // *Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры*. Иркутск, 2018. С. 146–154.
- Лбова Л. В., Губар Ю. С. Пигменты в палеолитических культурах Евразии (методические подходы и гипотезы) // V (XXI) Всерос. археол. съезд. Барнаул, 2017. С. 610–611.
- Лбова Л. В., Кулик Н. А., Волков П. В., Барков А. В., Ванхарен М., Марченко Д. В., Ковалев В. С. Технология обработки «экзотических» минеральных ресурсов в позднем палеолите Южной Сибири (по материалам местонахождения Малая Сья) // *Stratum plus*. 2018. № 1. С. 199–214.
- Пахунов А. С., Житенев В. С. Результаты естественнонаучных исследований скопления красочной массы: новые данные о рецептуре изготовления красок в Каповой пещере // *Stratum plus*. 2015. № 1. С. 125–135.
- Праслов Н. Д. Использование красок в палеолите // *КСИА*. 1992. Вып. 206. С. 95–100.
- Bar-Yosef Mayer D., Vandermeersch B., Bar-Yosef O. Shells and ochre in Middle Paleolithic Qafzeh Cave, Israel: indications for modern behavior // *Journal of Human Evolution*. 2009. № 56 (3). P. 307–314.
- Lbova L. V., Volkov P. V. Pigment Decoration of Paleolithic Anthropomorphic Figurines from Siberia // *Rock Art Research*. 2017. Vol. 34, № 2. P. 169–178
- Popelka-Filcoff R. S., Miksac E. J., Robertson J. D., Glascock M. D., Wallace H. Elemental analysis and characterization of ochre sources from Southern Arizona // *Journal of Archaeological Science*. 2008. № 35. P. 752–762.
- Texier P. J., Porraz G., Parkington J., Rigaud J. P., Poggenpoel C., Miller C., Tribolo C., Cartwright C., Coudenneau A., Klein R., Steele T., Verna C. A. Howiesons Poort tradition of engraving ostrich eggshell containers dated to 60,000 years ago at Diepkloof Rock Shelter, South Africa. *PNAS*, 2010.
- Zilhao J. Anatomically Archaic, Behaviorally Modern: the Last Neanderthals and their Destiny. Amsterdam, 2001.
- Zipkin A. M., Hanchar J. M., Brooks A. S., Grabowski M. W., Gomani-Chindebvu E. Ochre fingerprints: Distinguishing among Malawian mineral pigment sources with Homogenized Ochre Chip LA-ICPMS // *Archaeometry*. 2015. № 57(2). P. 297–317.

L. V. LBOVA

THE COLORS IN THE SIBERIAN CULTURES OF THE ICE AGE

The use of paints based on natural pigments was documented in the materials of the archaeological sites of the early and middle Paleolithic in Africa, Europe, and Western Asia with the dates going back more than 300,000 years ago. The cultural communities associated with the use of pigments in Siberia appeared around 50,000–40,000 years ago. Based on the SEM-EDX analysis we determined the multi-element composition of materials, which demonstrated the differences in the use and the combination of various natural ingredients. The composite, artificial pigments, and a wider range of colors, including red, blue and green, replaced the use of the natural pigments. The utilitarian use of the natural pigments, especially ochre, is known from the ethnographic materials. A microscopic examination and identification of the traces of paint demonstrated the existence of practice of the jewelry and sculpture surfaces decoration in the Siberian upper Paleolithic archaeological sites.

Lyudmila V. Lbova – Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk).
E-mail: lbovapnr5@gmail.com

Н. Г. НЕДОМОЛКИНА

АНТРОПОМОРФНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ИЗ КОСТИ С ПОСЕЛЕНИЯ ВЁКСА

Благодаря исследованиям, активно проводившимся в 1980–2000 гг., комплекс многослойных поселений Вёкса на левом берегу реки Вологды получил широкую известность и стал опорным для территории Верхней Сухоны и сопредельных территорий [Недомолкина 2000]. Многочисленные находки неутилитарного значения позволяют считать поселение Вёкса сакральным, духовным центром региона. Здесь представлены предметы в рамках искусства малых форм из кости, камня, глины, янтаря, металлов периодов неолита — раннего железного века. В данной работе будет дана подробная характеристика костяной личины, найденной на памятнике, анализ изображения, аналогии.

Недомолкина Надежда Геннадьевна — к.и.н., Вологодский государственный музей-заповедник (Россия, Вологда). E-mail: nedomolkiny_ljv@mail.ru

Антропоморфные изображения делятся собственно на скульптурки, скульптурки в масках и маски. Фигурки обнаружены на различных территориях и относятся к разным хронологическим периодам от мезолита до современности. В искусстве древнего населения лесной полосы Восточной Европы антропоморфные изображения из кости появляются в мезолите. Находки свидетельствуют о древности и о независимом происхождении изображений в различных районах Северной Евразии. Это возможно при сходном экономическом, социальном и духовном развитии носителей древних культур.

Предмет из кости с поселения Вёкса найден при сборе подъемного материала. Условия находки затрудняют его культурное и хронологическое определение. Тем не менее, такие предметы единичны, уникальны и имеют несомненный научный интерес.

Изображения человека обладают определенными особенностями: реалистичным контуром, хорошо проработанными глазницами, отсутствием или наличием глаз, особое внимание уделяется рисунку скул, носа, подбородка, рта, что может создать определенный эмоциональный настрой при восприятии образа. Мимика лиц может ассоциироваться с напряженностью / ожиданием / зовом, суровостью / подавленностью, суровостью / жесткостью [Мазуркевич 2009, с. 84].

Практически все предметы изобразительной деятельности делятся на «зрячие» и «незрячие». Большая часть «незрячих» животных и антропоморфных существ происходит из погребений, ритуальных захоронений. Этот факт позволяет предположить связь «незрячих» изображений с семантическим полем иного мира, в том числе первопредков и мира мертвых [Там же 2009, с. 85].

Вексинская находка представляет собой личину, выполненную на эпифизной части трубчатой кости. Предмет имеет форму близкую к подромбической (наибольшая ширина на уровне скул) и удлинённые пропорции. Ее размеры: 1,4x2,5x0,2 см. Поперечное сечение из-за формы заготовки имеет дугообразную форму, что позволяет охарактеризовать изделие как выпуклое. При изготовлении были применены вертикальное раскалывание кости, глубокая резьба, скобление, полировка, которая сохранилась на наиболее выступающей части предмета — носе. Возможно, изображение сохранилось не полностью, о чем свидетельствует неровность кости (слом?) в нижней части предмета, тогда как остальные края имеют окатанность. Состояние кости удовлетворительно, стабильно. В момент взятия кость была размягчена и появился сквозной разлом по линии глазниц, так как в этом

месте кость наиболее тонкая. В верхней части предмета наблюдается потемнение. Это свидетельствует о том, что личина побывала в огне. Детали антропоморфного изображения показаны в повышенном и пониженном рельефе. Выпуклость, обозначающая прямой нос, начинается с небольшой выемки на уровне глаз. Нос несколько смещен вправо, что придает всему изображению некую асимметричность, если предмет положить на ровную поверхность. Поворотом предмета эту асимметричность можно сгладить. Окончание носа прямое, горизонтальное, без каких-либо деталей. В профиль кончик носа несколько приплюснут.

Это же выемка как бы отделяет линию надбровных дуг и покато лба. Глаза, рот, скулы показаны пониженным рельефом. Контур рта четкий. Рот обозначен овальным углублением, смещенным влево относительно оси симметрии. Вокруг носа сделана выемка, с помощью которой оформлены глазницы без глаз. Они показаны схематично овальными горизонтально расположенными углублениями. Надбровные дуги (брови) соответствуют верхнему абрису глаз. По всей видимости, конусовидное оформление верхней части личины и небольшой выступ передает прическу изображенного или головной убор. Тыльная сторона, боковые грани личины тщательно обработаны. В нашем случае черты лица переданы схематично. Мастер, используя естественный изгиб кости, особое внимание уделяет носу, который выступает над остальными частями лица.

Общий абрис личины, ее дуговидность в поперечном сечении, отсутствие глаз, статичность изображения, оформление тыльной стороны позволяют трактовать личину как маску.

Изображение из кости по моделировке близко маске-личине идола из Галичского клада. Одним из важных отличий маски галичской фигурки является наличие глаз, так как маска одета на живого человека.

Первым этапом изучения предмета является определение образа, поиск аналогий. На нынешнем уровне изученности антропоморфных образов, в силу их малого количества и определенной индивидуальности, мы не можем определить конкретно изображенного персонажа. Можно допустить, что обитатели поселения могли использовать предмет в магических действиях или обрядах, связанных с почитанием предков воинов, защитников. Среди произведений мелкой пластики некоторые черты сходства можно найти в костяной личине с памятника Гася на Нижнем Амуре.

Так как личина из кости происходит из подъемного материала с поселения Вёкса, определение ее культурной принадлежности не возможно. Учитывая допустимые параллели, в том числе в металлопластике, предмет можно датировать широкими рамками раннего железного века — раннего Средневековья.

Библиографический список

- Мазуркевич А. Н. Художественное творчество древнего населения северо-запада России // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии. Тр. Гос. Эрмитажа Т. 44. СПб., 2009. С. 79–88.
- Недомолкина Н. Г. Многослойное поселение Векса // Тверской Археологический сборник. Тверь, 2000. № 4. С. 277–283.

N. G. NEDOMOLKINA

ANTHROPOMORPHIC BONE IMAGE FROM VEKSA SETTLEMENT

The active research projects of 1980–2000 made the complex of the multilayer Veksa settlements on the left bank of the Vologda river well known, since then it has become a reference site for the Upper Sukhona area and the neighboring territories [Nedomolkina 2000]. Numerous finds of the non-utilitarian nature suggested the interpretation of the Veksa settlement as a sacral, spiritual center of the region. Its assemblages contained various bone, stone, clay, amber, and metal portable art objects of the Neolithic – early Iron Age period. This paper will offer a detailed characteristic of a bone face image found at the site, the image analysis, and the possible analogies.

Nadezhda G. Nedomolkina – Candidate of Historical Sciences, Vologda State Museum-Reserve (Russia, Vologda). E-mail: nedomolkiny_ljv@mail.ru

К. А. РУДЕНКО

**«БРОДЯЧИЕ» СЮЖЕТЫ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРЕДУРАЛЬЯ И ЗАУРАЛЬЯ: ХРОНОЛОГИЯ И ИСТОКИ**

В докладе анализируются сюжеты, встречающиеся на ювелирных изделиях и торевтике Предуралья и Зауралья — изображения конного всадника, в том числе и с охотничьей птицей на одной руке, а также в окружении различных животных, птиц и небесных светил. В литературе они получили название «бляхи с сокольничим». Автор на основе анализа продукции средневековых ювелирных центров (прикамского, урало-венгерского, болгарского и древнерусского) утверждает, что эти изделия не производились в Волжской Булгарии и не имеют генетической связи с урало-венгерским центром. По его мнению, эти артефакты с черненым и золоченым рисунком изготавливались в прикамском ювелирном центре, а сюжет их заимствован из христианских изображений Св. Георгия на культовых предметах (амулеты-змеевики, нательные иконки), так и с оправ стеклянных зеркал с такими рисунками.

Руденко Константин Александрович — д.и.н., Казанский государственный институт культуры (Россия, Казань). E-mail: murziha@mail.ru

Средневековая эпоха на территории Предуралья и Зауралья характеризуется значительным развитием разнообразных ремесел, в том числе и ювелирного дела. Ювелирная продукция этой эпохи хорошо известна благодаря исследованиям А. М. Белавина, Н. В. Федоровой и др. [Белавин 2000; Федорова 2003]. Выделяются несколько центров производства ювелирных изделий X–XIV вв.: предуральский (пермский), урало-венгерский, древнерусский, болгарский. Не исключено, что в XIII–XV вв. ювелирные украшения производились на Урале и за Уралом [Зыков, Косинцев, Трепавлов 2017, с. 64], но пока здесь можно отметить лишь производство достаточно простых украшений. Для некоторых центров, например, урало-венгерского можно оперировать только артефактами из случайных сборов и старых музейных коллекций [Федорова 2003, с. 53–57], что делает невозможным их точную локализацию. Для болгарского и пермского центров до недавнего времени было трудно выделить специфические черты, отличавшие продукцию одного от другого, правда, не столько в силу реального сходства предметов этих центров, а в основном из-за традиционных

«булгароцентристских» представлений. Однако анализ болгарских находок [Руденко 2015] показал, что подавляющая часть их за пределы самой Волжской Булгарии в домонгольский период не распространялась, а в золотоордынское время и на территории Булгарского улуса производство ювелирных изделий было незначительным, а экспорт их на Урал и в Зауралье был очень невелик или вообще не практиковался.

Если касаться ассортимента продукции этих центров, то здесь также наблюдаются заметные различия. Так болгарские ювелиры в домонгольское время изготавливали плетеные из парных проволок украшения: браслеты и шейные обручи (гривны). В городской среде пользовались популярностью пластинчатые замкнутые серебряные перстни с чернением и скано-зерновые подвески. Достаточно разнообразны бронзовые и медные украшения, где применялись и другие техники изготовления украшений: штамповка, литье. Со второй половины XI в. и до второй половины XII в. широкое распространение у болгар получают украшения из железа с таушировкой. Одновременно с этим перестают изготавливаться бронзовые поясные накладки и пряжки, массово производившиеся здесь со второй половины X в. В Пермском центре с X в. преобладают витые и тордированные шейные гривны, подвески и медальоны на ремешках с медной оплеткой, булавовидные подвески с зернью и сканью, пластинчатые топориковидные привески со вставками и серебряные бусины с зернью и другие оригинальные изделия; нередка и бронзовая поясная гарнитура [Белавин 2000]. Отличаются от продукции болгарского и пермского центров изделия древнерусских ювелиров [Седова 1981]. Урало-венгерский центр функционировал в основном в IX в. и его продукция — чаши, блюда, детали и украшения конской упряжи.

Безусловно, имеются и изделия универсальных форм, например, бусинные височные подвески и серьги, принадлежность которых к тому или иному центру можно определить только по деталям. Но особенно интересны изделия, где соединились традиции (как технологические, так и сюжетные) нескольких ювелирных центров. Речь идет в первую очередь о так называемых бляхах с сокольничим, на которых изображен конный всадник в окружении птиц, различных животных и небесных светил [Белавин 2000, с. 92, рис. 40; Руденко 2015, с. 95, ил. 179]. Долгое время их считали изделиями болгарского производства и датировали в рамках X–XIV вв. Однако весомых доказательств этого нет. Поэтому больше оснований видеть в них продукцию Пермского или Зауральского центров [Федорова 2014, с. 172].

Интересен сюжет этих блях. Он настолько распространен во времени и пространстве, что может быть охарактеризован как «бродячий» [Ремпель 1987, с. 146]. Истоки его можно увидеть в изделиях сасанидского Ирана и раннеисламской тюркике. Правда с таким же успехом можно найти аналогии и в художественном металле урало-венгерского центра [Руденко 2018].

Обратим внимание, что «всаднический» сюжет в стандартной композиции на бляхах с сокольничим появляется в XI в. и бытовал до начала XV в. Наиболее выразительные и профессионально выполненные изделия с чернением и золочением изготавливались во второй половине XIII–XIV вв., но в большей степени в XIV в. Учитывая особенности изображений можно видеть в части их стилизацию христианских сюжетов о Св. Георгии, а частью — воспроизведение их в контексте местных мифологических представлений. Основа декора блях — это амулеты-змеевики, нательные иконки со Св. Георгием северорусского и вероятно московского происхождения, а также оправы от западноевропейских стеклянных зеркал с изображением копейщика в латах [Руденко 2015, с. 91–97].

Библиографический список

- Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000.
- Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В. Город Сибирь — городище Искер (историко-археологическое исследование). М., 2017.
- Ремпель Л. И. Цепь времен. Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Казань, 2015. Т. 2.
- Руденко К. А. Художественные изделия с изображением всадника Урало-Венгерского центра IX века // Археология Евразийских степей. 2018. № 6. С. 188–193.
- Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
- Федорова Н. В. Сокровища Приобья в истории западно-сибирского средневековья // Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард; СПб., 2003. С. 9–18.
- Федорова Н. В. Справа от солнца, слева от месяца: бляхи с сокольников (Предуралье и Западная Сибирь, эпоха средневековья) // Археология Арктики. Екатеринбург, 2014. Вып. 2. С. 162–174.

K. A. RUDENKO

“WANDERING” MIDDLE AGE MOTIFS IN THE CULTURAL ENVIRONMENT OF THE CIS-URALS AND TRANS-URALS: CHRONOLOGY AND ORIGINS

The paper studies the motifs occurring on the jewelry items and in the toreutics of the Cis-Ural and Trans-Ural regions, representing the image of a horse rider, including a rider with a hunting bird in one hand, as well as a rider surrounded by various animals, birds and celestial bodies. They became known in the literature as the “falconer plaques”. Based on the analysis of the products of the medieval jewelry centers (the Kama, the Ural-Hungarian, the Bulgar, and the Old Russian), the author suggested that those items were not produced in the Volga Bulgaria, nor did they have any genetic association with the Ural-Hungarian center. According to the author, these artifacts with niello and gold plating of the ornament were made in the Kama jewelry center, and the motif was borrowed from the Christian images of St. George on the religious items (disk-shaped amulets with a snake, small icon pendants), and from the frames of the glass mirrors with similar drawings.

Konstantin A. Rudenko — Doctor of Historical Sciences, Kazan State Institute of Culture (Russia, Kazan).
E-mail: murziha@mail.ru

Д. Г. САВИНОВ

О ДВУХ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ВСАДНИКОВ В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Выделяются две основные иконографические традиции передачи данного образа. Одна из них — профильные изображения вооруженного всадника — связана с влиянием центрально-азиатских хуннов. Первое появление их в западно-сибирском ареале знаменуют гравировки на бляхах из Истяцкого клада (усть-полуйская культура). Другая — изображение человека анфас с односторонней посадкой на лошади — восходит к некоторым прототипам кулайского искусства. Позднее ее представляют изображения на бронзовых пластинах от ножен фоминской культуры (III–V вв.). Та и другая продолжали существовать и в эпоху раннего средневековья. Те же изображения всадников представлены на жертвенных покрывалах, поясах и шлемах обских угров (хантов и манси). Несмотря на условность

исполнения в них отчетливо видно отражение той и другой иконографической традиции. Общее определение их (на этнографическом уровне) как изображений «Небесного всадника» (Мир-Сусне-Хума) вполне приемлемо, но для более ранних периодов не выглядит столь однозначным.

Савинов Дмитрий Глебович — д.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: lazarevskaya_n@mail.ru

Изображения всадников в древнем искусстве Западной Сибири сравнительно немногочисленны. Из числа посвященных им работ принципиальное значение имеет исследование Н. В. Федоровой, в котором делается вывод о том, что «перед нами не традиция, а несколько импульсов извне» и что «единая иконография изображения всадника в течении I тыс. н. э.» так и не сложилась [1989]. Принимая это заключение, попытаемся ответить на вопрос: каковы были иконографические варианты изображения всадника в изобразительной традиции Западной Сибири?

Изначально выстраиваются два основных иконографических решения данного образа. Первое из них — профильное изображение вооруженного всадника в характерном воинском одеянии; второе — изображение всадника анфас с односторонней посадкой на лошади, за редким исключением, без оружия. Первое является отражением влияния хуннской традиции [Савинов, 2010]. Второе (возможно более раннее?) — наследием местной кулайской металлопластики.

Образцом для выделения первых могут служить изображения собственно хуннских всадников в характерных остроконечных головных уборах, вооруженных короткими «М»-образными луками, известные в китайском искусстве эпохи Хань и в наскальных изображениях Монголии. Изображения тех же всадников, но выполненных гораздо более схематично, можно видеть в гравировках на бляхах из Истяцкого клада I–II вв. н. э. [Чернецов 1953, табл. XX, 2, 3; XXI, 1–3]. В том же ряду следует рассматривать находку двух бронзовых пластин с изображением тех же всадников, но уже очень далеко от крайнего северо-западного исходного ареала — на р. Верхней Вычегде, в с. Яркедж (Респ. Коми) [Игнатов 1994].

Другое иконографическое решение данного образа представлено на бронзовых накладках ножен фоминской культуры III–V вв. н. э. [Ширин 2003, с. 109, 110]. В верхней части на некоторых из них находятся изображения всадников анфас, с односторонней посадкой и поднятыми руками. Самые ранние изображения человека анфас, сидящего, но не на лошади, а на диком животном или птице, известны в кулайской металлопластике [Троицкая 1979; Полосьмак, Шумакова 1991].

В эпоху раннего средневековья (начиная с VI в.) образ всадника, укрепившись в местной западно-сибирской (угорской или угро-самодийской?) среде, продолжает существовать собственной жизнью. Продолжали бытовать и параллельно развиваться и два основных иконографических варианта его реализации.

Профильные изображения всадников представлены небольшой, но весьма выразительной серией: это намеренно (?) сломанные фигурки из могильника Релка [Чиндина 1977] и Елькаевского клада [Могильников 1968], а также полностью сохранившаяся фигурка из Шутовского культового места [Полосьмак, Шумакова 1991]. Большинство из них происходят с территории Среднего Приобья, главным образом, района г. Томска и датируются VII–VIII вв. Условно их можно определить как *томскую иконографическую группу*.

Изображения всадников анфас с односторонней посадкой, скорее всего, несколько более позднего времени, имеют компилятивный характер. С одной стороны, они каким-то образом восходят к фоминским образцам. С другой (окаймляющая снизу рамка; по-видимому, в более поздних образцах в виде змеи, кусающей морду лошади), отражают влияние более западного, прикамско-уральского ареала, где известны как сюжет «всадница на змее» [Голубева 1979]. В Западной Сибири они делятся на мужские — вооруженные фигуры [Молодин 1992] и женские — без оружия.

Образ «всадницы на змее» представлен отдельными находками из разных районов Западной Сибири: Барсовский могильник в районе г. Сургут, могильник Ближняя Умытъя 28 на р. Конде (Ханты-Мансийский АО), городище Усть-Иртышское на правом берегу р. Оби, случайна находка в пос. Турват-паул на р. Северная Сосьва. По местам находок большинства подобных изображений условно их можно определить как *сургутскую иконографическую группу* (IX–X вв.).

Конец I тыс. н. э. — время смешения иконографических традиций в передаче образа западно-сибирского всадника. Очевидно, что таким же образом перенимались, трансформировались и взаимно обогащались элементы его смыслового содержания, аккумуляировавшие сложившиеся ранее представления. Однако полностью этот процесс так и не завершился. Об этом свидетельствуют изображения всадников на жертвенных покрывалах, а также поясах и шлемах обских угров (хантов и манси), в которых, несмотря на условность исполнения, отчетливо видно отражение той и другой иконографических традиций.

Общепринятая интерпретация их как изображений Мир-Сусне-Хума — «человека, объезжающего землю», младшего сына создателя всего сущего Нуми-Торума и западно-сибирской персонификации иранского Митры, наверное, правильная на уровне этнографической современности, не может быть столь однозначной для всех предшествующих этапов формирования данного образа.

Библиографический список

- Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. М., 1979. САИ. Вып. Е1-59.
- Игнатов Л. А. Образцы древнего искусства из с. Ягкедж (Верхняя Вычегда) // Духовная культура: проблемы и тенденции развития: материалы науч. конф. Сыктывкар, 1994. Вып. 3. С. 10, 11.
- Могильников В. А. Елькаевская коллекция Томского университета // СА. 1968. № 1. С. 263–268.
- Молодин В. И. Древнее искусство Западной Сибири. Новосибирск, 1992.
- Полосьмак Н. В., Шумакова Е. В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск, 1991.
- Савинов Д. Г. Культурные контакты в Западносибирской части сферы влияния Хунну // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. Новосибирск, 2010. С. 163–173.
- Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.
- Федорова Н. В. Иконография всадника в художественном металле Приобья // Проблемы археологии Скифо-Сибирского мира. Кемерово, 1989. Ч. 2. С. 117–120.
- Чернецов В. М., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. М.; Л., 1953. (МИА. № 35).
- Чиндина Л. А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск, 1977.
- Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. Новокузнецк, 2003.

D. G. SAVINOV

TWO ICONOGRAPHIC TRADITIONS OF EQUESTRIANS' IMAGES IN ANCIENT ART OF WESTERN SIBERIA

The rendering of this image is represented with two main iconographic traditions. One of them, a profile image of an armed equestrian, is associated with the Central Asian Hunnu influence. Its first appearance in the West Siberian territory was registered on the engraved plaques from the Istyatsk hoard (the Ust-Polui culture). Another, a full-face image of a man riding side-saddle, goes back to some Kulai art prototypes. In later periods, similar images were found on bronze sheath plates of the Fominskaya culture (3rd–5th centuries). Both traditions continued into the early Middle Age period. The same equestrians' images were found on sacrificial blankets, belts, and helmets of the Ob Ugrians (the Khanty and the Mansi). Despite their conventionality, both iconographic traditions are easily recognizable in those images. Their common definition (at the ethnographic level) as the "Heavenly Rider" (Mir-Susne-Khum) image is quite acceptable; however, it appears not as obvious in reference to the earlier periods.

Dmitry G. Savinov – Doctor of Historical Sciences, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg).
E-mail: lazarevskaya_n@mail.ru

Т. Н. СОБОЛЬНИКОВА, Е. В. КУПРИЯНОВА

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НЯКСИМВОЛЯ: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Няксимвольская коллекция художественной металлопластики раннего железного века одна из самых массовых на сегодняшний день в Нижнем Приобье. Тем не менее, большинство изделий не имеет археологического контекста, что затрудняет понимание их семантики и функционального назначения. Новые исследования 2016–2017 гг. позволяют исправить эту ситуацию. В ходе раскопок этого уникального памятника выявлен погребально-ритуальный комплекс, в рамках которого бронзовые находки зафиксированы *in situ*. В работе дается общая характеристика антропоморфных изображений; проводятся археологические и этнографические параллели; на основе контекстного анализа делается заключение о связи их с гендерными, возрастными и, вероятно, статусными различиями.

Собольникова Татьяна Николаевна – к.и.н., Музей Природы и Человека (Россия, Ханты-Мансийск).
E-mail: sobtn@mail.ru

Куприянова Елена Владиславовна – к.и.н., Челябинский государственный университет (Россия, Челябинск). E-mail: dzdan@mail.ru

Няксимвольская художественная металлопластика в современных публикациях рассматривается либо в рамках усть-полуийского варианта кулайской КИО, либо как отдельная традиция, которой присуща неоднородность в стилистико-иконографическом плане [Чемякин 2012, с. 178; Няксимволь 2014, с. 89, 90]. Образ человека в ней занимает большое место. Однако основная масса изделий культового литья Няксимволя была получена вне культурного контекста, что снижает их информативные возможности.

В 2016–2017 гг. археологами Музея Природы и Человека (г. Ханты-Мансийск) проводились спасательные работы на участках, примыкающих с востока к городищу Няксимволь. Новые материалы позволяют пересмотреть существующие представления

об этом памятнике. В границах раскопов был выявлен погребально-ритуальный комплекс [Собольникова, Кузина 2018]. Большая часть изделий из металла обнаружена в захоронениях, в единичных случаях — вблизи кострища и на межмогильном пространстве.

Коллекция антропоморфных изображений представлена 10 изделиями из бронзы. Она очень неоднородна, как по технике изготовления (гравировка, вырезание, плоскостное литье — сплошное и ажурное), так и по стилистико-иконографическим особенностям (от условно-абстрактных до близких к реалистическим изображениям). По функциональной принадлежности все предметы (кроме одного) относятся к украшениям.

Подвески типологически представлены как серией (изготовлены из бронзовых зеркал), так и единичными изделиями. В первом случае, они представляют собой обработанные изделия в форме трапеции, на одной из сторон изображена (чаще выгравирована) — личина. Такие подвески известны в коллекциях раннего железного века Нижнего и Сургутского Приобья. Большое значение для понимания их семантики представляет тот факт, что личины присутствуют на них не всегда. К примеру, в захоронении ребенка 7-8 лет (антропологические определения сделаны О. Е. Пошехоновой по остаткам зубов) в изголовье находилась такая подвеска без рисунка. Были они и в других погребениях.

Кроме стандартных подтрапециевидных украшений, в некоторых могилах были найдены уникальные по форме подвески. Одна из них, представляет собой вырезанную из бронзового зеркала миниатюрную условно-антропоморфную фигурку. На другой представлен полиморфный персонаж, в котором сочетаются образы человека и птицы (человек в костюме?). По иконографии и стилю она сопоставима с изобразительными традициями ньяксимвольской металлопластики.

В этой же могиле, в центральной части, найдена уникальная для данной территории бронзовая ажурная плакетка (нашивка?). Иконография бляхи с двумя фигурами очень интересна. После реставрации и реконструкции изображения с недостающим фрагментом мы можем видеть две фигуры — мужскую (слева) и женскую (справа), обращенные друг к другу лицами, в профиль к зрителю. Большинство известных кулайских двойных антропоморфных изображений представляют однополые (мужские) персонажи, обращенные к зрителю анфас. Бляха с Ньяксимволя отлична и по положению фигур, и тем, что они разнополые. Сами по себе парные антропоморфные изображения в кулайской культуре являются, на наш взгляд, отражением контактов с индоевропейскими племенами, обитавшими на территории Волго-Уральских степей и лесостепей в бронзовом веке. Парные фигуры имеют непосредственное отношение к близнечной мифологии, распространенной в ранних индоевропейских религиозных системах [Куприянова 2008, с. 146–148].

Рассматривая парное изображение с Ньяксимволя, мы можем реконструировать следующую сцену: мужчина и женщина обращены друг к другу лицами. Их руки соединены на посохе, находящемся на оси симметрии между ними (символ мирового древа, с которым связаны индоевропейские мифы о разнополой паре близнецов, часто являвшихся супругами и прародителями человечества/народа). Иконография изображения подчеркивает главенство женщины, поскольку ее рука на посохе лежит поверх руки мужчины. Полностью аналогичную символику мы наблюдаем в парных погребениях в «позе объятия», распространенных в археологических культурах бронзового века сопредельных территорий, посвященных исполнению некоего обряда типа иерогамии (брака с Богиней). В подобных погребениях женщина лежит на правом боку, мужчина на левом, лицом друг к другу, и

именно женский персонаж имеет главенствующее значение, что подчеркивается богатством наряда, инвентарем, иногда позой.

Индоевропейское влияние можно увидеть также и в костюмах пары. Аналогии головному убору мужчины, обуви с подвязками, одежде можно найти в изображениях одежды ранних индоевропейских племен Евразии [Яценко 2006].

Помимо украшений в новой коллекции есть одна редуцированная фигурка мужчины в головном уборе в виде короны изготовленная в технике плоского литья. Сходное изделие уже встречалось в Няксимволе (сборы), аналогии есть в Усть-Полуе [Няксимволь 2014, с. 132]. Уникальность находки 2016 г., заключается не только в том, что ее удалось зафиксировать *in situ*. Нижняя часть фигурки была обернута тканью (шерстяной?). Этнографические параллели данному факту можно провести с традицией одевания духов, хорошо известной у обских угров.

Опираясь на анализ сопровождающего инвентаря в целом (поскольку костяки не сохранились), можно с большой долей вероятности предполагать, что антропоморфные изображения были приурочены к погребениям мужчин, обладающих значимым социальным статусом.

В заключении выражаем благодарность руководителю раскопок 2016 г. Д. А. Суркову за возможность использования неопубликованных материалов.

Библиографический список

- Куприянова Е. В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как «текст»: (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск, 2008.
Няксимволь. Томск; Ханты-Мансийск, 2014.
Собольникова Т. Н., Кузина А. В. Археологические исследования в с. Няксимволь в 2017 году // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2018. Вып. 16. С. 313–327.
Чемякин Ю. П. Усть-Полуйская или Кулайская? (о металлопластике Усть-Полуйской культуры) // Археология Арктики: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Екатеринбург, 2012. С. 176–181.
Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006.

T. N. SOBOLNIKOVA, E. V. KUPRIYANOVA

ANTHROPOMORPHIC IMAGES FROM NYAKSIMVOL: NEW SOURCES AND THE ARCHAEOLOGICAL CONTEXT

The Nyaksimvol assemblage of the early Iron Age metal portable art objects is currently one of the most numerous in the Lower Ob region. However, most items do not have any archaeological context, which makes it difficult to understand their semantics or functionality. New studies of 2016–2017 allowed improving this situation. During the excavations of this unique archaeological site, a burial and a ritual complex were discovered, within which the bronze finds were documented *in situ*. The paper provides a general description of the anthropomorphic images; the author suggested some archaeological and ethnographic parallels; and, based on the contextual analysis, made a conclusion about their connection with the gender, age and, probably, social status differences.

Tatyana N. Sobolnikova – Candidate of Historical Sciences, Museum of Nature and Man (Russia, Khanty-Mansiysk). E-mail: sobtn@mail.ru

Elena V. Kupriyanova – Candidate of Historical Sciences, Chelyabinsk State University (Russia, Chelyabinsk). E-mail: dzdand@mail.ru

О. С. СОВЕТОВА, О. О. ШИШКИНА

ПРЕДМЕТЫ С ШАХМАТНЫМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ ТАШТЫКСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, С НИМИ СВЯЗАННЫЕ*

Статья посвящена анализу загадочных предметов из таштыкских погребений Минусинской котловины (I–V вв. н. э.) с шахматным орнаментом. Рассмотрен ряд вопросов, связанных с семантикой орнамента, особенностями его цветового решения, техникой исполнения. В археологических материалах предшествующего времени на территории Минусинской котловины шахматный орнамент известен лишь по единичным экземплярам керамики эпохи бронзы. Цветовая гамма тепсейских «кубков» выполнена в желто-красных тонах. В связи с этим рассмотрен аспект цветовых предпочтений таштыкцев. Сделан вывод, что доминирующим цветом был именно красный, который встречается в погребальных масках, деревянной скульптуре, посуде, одежде. Техника, в которой выполнены таштыкские «кубки», сродни технике мозаики и аппликации, популярной у многих народов Сибири.

Советова Ольга Сергеевна — д.и.н., Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово).
E-mail: olgasovetova@yandex.ru

Шишкина Ольга Олеговна — Кемеровский государственный университет (Россия, Кемерово).
E-mail: haruki.yoko@yandex.ru

Таштыкская культура, казалось бы, достаточно хорошо изученная, остается одной из самых загадочных в кругу древних культур Сибири. В результате археологических изысканий получены разнообразные материалы, многие из которых еще до конца не осмыслены. Так, в Тепсейских склепах № 1 и 2 обнаружены любопытные орнаментированные сосуды. Два «кубка» имеют своеобразную форму — трехгранные с треугольным устьем, на двух треугольных ножках. Вся наружная поверхность покрыта шахматным узором, причем на втором предмете сохранились цвета — квадратные клетки, оклеенные полосками соломы желтого цвета, чередующиеся с гладкими клетками красного [Грязнов 1979, с. 97, 112]. Назначение этих предметов не выяснено. Загадочными остаются и предметы особой формы из склепа № 1 Сырского чаатаса, имеющие с одной стороны гладкую выпуклость, с другой — вырез, как у совка. С одного бока и на плоскостях хвоста у целиком сохранившегося предмета сохранился шахматный орнамент. На некоторые резные плакетки из Сырского чаатаса нанесен шахматный орнамент, а в одном случае сохранилась ярко-красная раскраска по резьбе. Интересен обломок одной плакетки со скошенными краями, сплошь покрытый подобным же орнаментом в виде квадратов с тремя прорезными линиями [Кызласов 1960, рис. 38, 2; 39, 3].

Эти предметы вызывают множество вопросов, включая семантику орнамента, его цветовое решение, технику исполнения. Одни квадраты были из соломки, т. е. изначально имели золотисто-желтый цвет, а другие интенсивно окрашены ярко-красной краской. Семантика орнамента вызывает трудности, поскольку он абстрагирован от реальности и однозначная его трактовка невозможна. В основе шахматного поля лежит квадрат, и вся орнаментальная зона состоит из идентичных квадратных ячеек. Нередко квадрат соотносят с космосом, считают символом земли, а также ассоциируют с преисподней, подземным миром, воплощением бинарной оппозиции «жизнь — смерть». При этом шахматный орнамент выразителен в художественном отношении. Он известен с III тыс. до н. э. и отображен

* Работа выполнена в рамках госзадания Министерства образования и науки РФ № 33.2597.2017/ПЧ

в керамике из Китая, присутствует в декоре египетского орнамента [Буткевич 2008, ил. 6], у ближайших соседей известен на седельной покрывке из Туэжты [Руденко 1960, рис. 100]. В Минусинской котловине он фиксируется слабо лишь на единичных образцах афанасьевской, окуневской и карасукской керамики [Вадецкая 1986, табл. X].

Часто шахматный орнамент, как и в нашем случае, сопряжен с погребальными материалами: кровля модели дома из трипольского погребения, своды египетских гробниц III тыс. до н. э., двускатная кровля этрусских гробниц из некрополя Тарквиний VI — начало V вв. до н. э. и др. Выразительны античные сюжеты в аттической поздней геометрии в дипилонских вазах-монументах, в которых шахматный орнамент включается в сцены оплакивания и несения к месту погребения покойника [Акимова 1988, с. 61]. Рассматриваемые примеры таштыкского шахматного орнамента, в отличие от античных росписей, выполненных в черно-белой гамме, в основном желто-красные. Сочетание красного и желтого цветов характерно и для деревянной скульптуры, обнаруженной в таштыкских склепах Тепсея, Уйбата, Ташебы, Сырского чаатаса: красной краской покрыты скульптурные фигурки лежащих баранов, оленей, коней, нередко с остатками золотой облицовки [Кызласов 1960, с. 111–112; Вадецкая 1999, с. 108].

Цветовая гамма играет важную роль в семиотике культур, поскольку цвет предавал предметам особую семантическую нагрузку. Следует обратить внимание на доминанту красного цвета, в который были окрашены маски, деревянные предметы и скульптура из таштыкских захоронений. К сожалению, далеко не всегда археологам удается выявить цветовые предпочтения из-за слабой сохранности органики, но, когда это возможно, мы видим преобладание красного цвета. К примеру, практически все таримские мумии были облачены в пурпурные одежды, у гуннов символы власти были в красно-желтых тонах.

Любопытна техника нанесения шахматного орнамента на тепсейские «кубки». Скорее всего, они были выполнены аппликацией, когда к деревянной основе приклеивались (клеем органического происхождения?) кусочки соломы. Это напоминает распространенную у народов Севера технику мозаики. Э. Б. Вадецкая отмечала, что подбор разноцветного шахматного узора был характерен для сибирского населения, в том числе самодийцев [1999, с. 107]. На меховой одежде и сумочках хантов и манси преобладали светлые и темные квадраты, расположенные в шахматном порядке, они были характерны и для берестяных и деревянных изделий, причем на них могли наносить узоры красной краской [Иванов 1963, с. 53].

Таким образом, вопросы, связанные с изучением предметов из таштыкских захоронений с шахматным орнаментом, требуют дальнейшего анализа. Несмотря на то, что такие простые формы узора могли возникнуть независимо друг от друга у самых разных народов, аналогии позволяют рассматривать таштыкские материалы на широком историческом фоне, и в целом выявлять истоки и пути развития шахматного орнамента у сибирских народов.

Библиографический список

- Акимова Л. И. К проблеме «геометрического» мифа: шахматный орнамент // Жизнь мифа в античности. М., 1988. Ч. 1. С. 60–69.
Буткевич Л. М. История орнамента. М., 2008.
Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Енисея. Л., 1986.
Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири. СПб., 1999.

- Грязнов М. П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 89–145.
- Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). М.; Л., 1963.
- Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. – V в. н. э.). М., 1960.
- Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.

O. S. SOVETOVA, O. O. SHISHKINA

ITEMS WITH CHECKERED ORNAMENT FROM THE TASHTYK BURIALS AND SOME ISSUES RELATED TO THEM

The subject of the study is the analysis of mysterious items from the Tashtyk burials of the Minusinsk depression (the 1st–5th centuries AD) with a checkered ornament. The author studied a number of issues related to the semantics of the ornament, its color scheme, and the manufacturing technique. In the archaeological materials of the previous periods in the territory of the Minusinsk depression, the checkered ornament was represented only by the individual ceramic items of the Bronze Age. The color scheme of the Tepsei “cups” was dominated by the shades of yellow and red. The author analyzed the color preferences of the Tashtyk populations. The analysis leads to a conclusion that the dominant color was red, which occurred on the funeral masks, wooden sculpture, tableware, and clothes. The technique, in which the Tashtyk “cups” were made, resembled the mosaic and the application technique, which was popular among many peoples of Siberia.

Olga S. Sovetova – Doctor of Historical Sciences, Kemerovo State University (Russia, Kemerovo).

E-mail: olgasovetova@yandex.ru

Olga O. Shishkina – Kemerovo State University (Russia, Kemerovo). E-mail: haruki.yoko@yandex.ru

А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО, Н. А. КУЛИК, Н. Е. БЕЛОУСОВА

КАМЕННЫЕ УКРАШЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ УШКОВСКИХ СТОЯНОК: ТЕХНОЛОГИИ, ФУНКЦИИ, КОНТЕКСТ*

В работе представлены результаты комплексного исследования технологии производства, функционального назначения и планиграфического контекста верхнепалеолитических украшений из мягкого поделочного камня с Ушковских стоянок в Центральной Камчатке. В результате многолетних полевых работ была получена представительная коллекция подвесок и бусин из агальматолита, талькита, хлоритолита и хлоритолитового сланца, насчитывающая свыше 1 250 изделий. Производство украшений предполагало подбор и транспортировку на стоянку поделочного сырья местного происхождения, получение заготовок, создание преформ путем шлифовки, сверление, нанесение орнамента и заключительную полировку выделанной кожей. Основная часть украшений и инструментов для их изготовления приурочены к остаткам жилищ и кострищам. Особое значение приобретают персональные украшения, обнаруженные в контексте трех погребений.

Федорченко Александр Юрьевич – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: winteralex2008@gmail.com

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00144 «Древние приморские культуры Северного Приохотья и Камчатки в контексте освоения человеком Северной Пацифики» (рук. А. И. Лебединцев).

Кулик Наталья Артемовна — к.г.-м.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: kulik@archaeology.nsc.ru

Белоусова Наталья Евгеньевна — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: consacrer@yandex.ru

Материалы археологических памятников каменного века крайнего Северо-Востока Азии являются уникальным источником для изучения стратегий отбора и транспортировки редких видов поделочного сырья, применявшихся для производства персональных украшений. Наиболее представительные для изучаемого региона коллекции украшений из поделочных пород камня зафиксированы при раскопках многослойных Ушковских стоянок в Центральной Камчатке. В процессе изучения этих объектов было выделено два культурных верхнепалеолитических компонента. Комплексы ранней ушковской палеолитической культуры отмечены в культурном слое (далее — к. с.) VII стоянок Ушки-I и -V (11650–11050 ¹⁴С л. н.). Ассамбляжи поздней ушковской культуры обнаружены в к. с. VI памятников Ушки-I, -IV и -V (10800–10040 ¹⁴С л. н.). Проведенное исследование базировалось на данных экспериментально-трасологического, технологического, петрографического и пространственного анализов артефактов. Диагностика минерального сырья изучаемых украшений проводилась под микроскопом МБС-10 и на основе рентгенофазового анализа.

Коллекция к. с. VII стоянки Ушки-I содержит свыше 1000 бусин, 20 подвесок и 3 бляшки. При изучении памятника Ушки-V в комплексе к. с. VII выявлено около 150 бусин, 32 подвески и 2 бляшки. Шлифованные бусины и микроподвески этого слоя обладают плоским профилем и одним сверленным отверстием, расположенным в центре или смещенным к одному из краев. Диаметр изделий составляет 3,5–8 мм, толщина — 1–2 мм. Для подвесок изучаемого комплекса характерна дисковидная, овальная и подпрямоугольная форма, одно отверстие, расположенное в проксимальной части. Длина данных украшений составляет 16–48 мм, ширина — 7–26 мм, толщина — 1,8–7 мм. Единичными экземплярами представлены подвески и бляшки подпрямоугольной формы с двумя или четырьмя отверстиями.

В материалах к. с. VI Ушковских стоянок выявлено 37 шлифованных украшений. В эту группу входят 20 плоских и 6 объемных подвесок симметричной овальной, округлой, подпрямоугольной или подтреугольной формы с одним отверстием, смещенным к верхней грани. Длина подвесок составляет 14,8–75,5 мм, ширина — 8,5–29 мм, толщина — 2,2–5,9 мм. В отдельную группу украшений выделено семь бляшек с двумя и более отверстиями; для трех из них характерна овальная форма, сверленные отверстия локализованы на противоположных краях и выступающем из центра носике, что придает украшениям облик своеобразных «лабреток». Отдельную группу составляют четыре объемные бусины-пронызки овальной формы с глубоким отверстием, просверленным по продольной оси этих артефактов, с двух сторон, во встречном направлении.

Технология производства каменных украшений Ушковских стоянок предполагала серию последовательных операций: подбор и доставку сырья, выбор заготовки для конкретного типа изделия, создание преформ, их перфорацию, орнаментацию насечками или нарезками, полировку. В результате проведенного петрографического анализа установлено, что для изготовления бусин и подвесок палеолитическими обитателями Ушковских стоянок использовалось преимущественное местное сырье вулканогенного и гидротермального происхождения: каолинитовый агальматолит, талькит, хлоритолит,

хлоритовый или хлоритизированный биотитовый сланец. Присутствие в окружении изучаемых памятников пород как основного и ультратонкого, так и среднего и кислого составов, определяло доступность широкого спектра поделочного минерального сырья — скрытокристаллических и очень тонкозернистых метасоматитов, которые имели низкую твердость, способствовавшую их сравнительно легкой обработке.

Анализ коллекций палеолитических комплексов стоянок Ушки-I, -IV и -V позволил выявить серию миниатюрных галечек и слабо окатанных отдельностей сырья, облик которых свидетельствует о транспортировке с берегов водотоков. На данном этапе исследования мы можем судить о двух способах получения заготовок украшений: расщепление отдельностей тонкозернистых пород средней или крупной размерности ударом отбойника и расслоение отдельностей сланцеватых пород на тонкие пластинки. Следующая стадия производства подразумевала сплошную обработку преформ бусин и подвесок с использованием абразивных инструментов из мелкозернистого туфа и песчаника. Далее в полученных преформах формировались биконические отверстия при помощи каменного сверла малого диаметра. Затем на боковые грани некоторых подвесок наносились короткие параллельные насечки. На заключительной стадии получаемые каменные украшения подвергались отделочной полировке выделанной кожей.

Трасологический анализ позволил выявить на изученных каменных украшениях признаки прижизненного износа от использования. На одной или двух уплощенных сторонах бляшек и части изученных подвесок были прослежены следы от воздействия нити или тонкого ремешка, возникавшие в результате пришивания к одежде. Концентрические борозды от сверления внутри отверстий этих украшений практически не сохранились, что указывает на их продолжительное и относительно свободное перемещение по нитке. На части изделий зафиксированы следы ремонта — с целью повторного использования в прежней функции. Бусины и большинство подвесок выступали в роли составных элементов ожерелий и амулетов.

Согласно данным пространственного анализа, все продукты производства украшений из камня к. с. VII на стоянках Ушки-I и V приурочены к остаткам жилищ и пространству вокруг очагов. Большинство готовых украшений (881 бусина, 3 подвески и 1 бляшка) было выявлено в составе одиночного погребения и отдельных скоплениях: композиции из 25 округлых подвесок и «нитка» из 14 бусин и одной подвески, элементы которых были тщательно подобраны по цвету и размеру. В контексте к. с. VI стоянок Ушки-I, -IV и -V подвески и бусины, заготовки этих изделий и орудия для их производства выявлены в составе жилых и производственно-хозяйственных комплексов, единичные подвески со следами утилизации — в контексте двух коллективных погребений.

A. YU. FEDORCHENKO, N. A. KULIK, N. E. BELOUSOVA

STONE DECORATIONS OF THE PALEOLITHIC COMPLEXES OF THE USHKI OCCUPATION SITES: TECHNOLOGIES, FUNCTIONS, CONTEXT

The paper presents the results of a comprehensive study of the production technology, the functional purpose and the planigraphic context of the Upper Paleolithic soft stone decorations from the Ushki occupation sites in Central Kamchatka. As a result of many years of field work, we accumulated a representative assemblage of pendants and beads from Chinese soapstone, talc-rich rocks, chloritolite

and chloritite shale, numbering more than 1,250 items. Production of jewelry involved the selection and transportation of the local raw material to the occupation site, the making of blanks, and the production of preforms by grinding, drilling, application of ornament and the final polishing with tanned leather. Most of the jewelry items and the tools for their making were connected with the remains of dwellings and hearths. The most interesting items were the personal decorations found within the context of three burials.

Alexander Yu. Fedorchenko – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: winteralex2008@gmail.com

Natalya A. Kulik – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: kulik@archaeology.nsc.ru

Natalia E. Belousova – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: consacrer@yandex.ru

Н. И. ШУТОВА

КОНЬ В УДМУРТСКИХ ОБРЯДАХ И ВЕРОВАНИЯХ

Доклад посвящен теме места коня в системе удмуртских верований, мифологии и культовой практики. Данные средневековой археологии и фольклорно-этнографические материалы указывают на устойчивость идей о коне как обитателе срединного мира, связанного с женским божеством плодородия, небесной сферой и хтоническим низом. Он являлся объектом жертвенных приношений божествам, духам болезней и умершим предкам. Конь служил символом счастья, достатка, благополучия, играл важную роль в обрядах поклонения горе, сохранении родового счастья. Лошади символизировали производительные силы природы и выполняли важные функции в свадебных, календарных и погребально-поминальных обрядах. Удмуртские обряды и представления демонстрируют, что влияние индоиранских мифологических образов и сюжетов о коне были переработаны в духе идей лесного финно-угорского мира.

Шутова Надежда Ивановна – д.и.н., Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Россия, Ижевск). E-mail: nad_shutova@mail.ru

В Средневековье (конец I – начало II тыс. н. э.) образ коня занимает центральное положение в прикладном искусстве финно-угорского населения Приуралья. Это указывает на изменение характера хозяйственной деятельности, перехода к пашенному земледелию и использованию лошади в качестве транспортного средства, тяглового животного, источника мясной пищи. Возрастает социальная значимость коня как атрибута и маркера материальной и социальной состоятельности, усиливается его знаковая функция в обрядовой и религиозно-мифологической сфере.

Основные образы и сюжеты средневекового искусства – отдельные коньки, биконьковые шумящие подвески, спаренные конские головки в оформлении гребней, копоушек, кочедыков, сдвоенные фигурки вздыбившихся коней с изображением мирового дерева, всадница / всадник на коне, тройные конские головы, движущиеся по ходу солнца – часто выступают в качестве женских атрибутов.

Особое место в женском костюме пермских народов (коми и удмуртов) занимают украшения со спаренными конскими головами, между которыми читается образ женского существа. Центральное положение персонажа указывает на выполнение ею посреднических

функций между разными уровнями Вселенной. Конь в прикладном искусстве средневекового населения Приуралья, Среднего Поволжья и Русского Севера выступал атрибутом архаичной Великой богини [Худяков 1933, с. 260–266; Крыласова 2001, с. 68, 69, 70, 78; Шутова 2001, с. 147–156, 172–178, 214–216; Рябинин 1981, с. 55–57]. Двойные конские головки рассматриваются как удвоение магической силы изображения, как единство семантических оппозиций: дня и ночи, добра и зла, жизни и смерти и т. д.

О ритуальной значимости коня в погребально-поминальной обрядности свидетельствуют находки конских черепов и костей конечностей в погребениях, следы конской заупокойной пищи.

По данным удмуртского фольклора и этнографии, конь легендарных богатырей обладал сверхъестественными способностями: предвидением и связью с потусторонними мирами, предупреждал об опасности, помогал преодолевать сложные ситуации. Богатыри сражались на сильных и резвых соловых, вороних и сивых лошадях, лошади пегой масти приводили их к гибели [Владыкина 1998, с. 183, 218–220]. Конь (или жеребенок) являлся объектом жертвенных даров и приношений дохристианским божествам, духам болезней и умершим предкам. *Инмару* (главный бог, бог неба) жертвовали жеребчика и кобылицу солового цвета, *Черу* (бог болезней и эпидемий) — лошадей гнедой масти. При помощи коня выбирали место для святилища: ворожец /знающий (*усто туно*) садился на молодого, еще ни разу неоседланного жеребенка без узды и повода, мчался в лес. Где жеребенок останавливался, там и следовало устроить капище. Конь чувствовал присутствие невидимых представителей «иног» мира, останавливался на «нечистых» местах. По преданиям, клады могли привидеться в виде всадника во всем белом.

На третий или десятый год после смерти человека проводили ритуал символического надления умершего мужчины конем *йыр-пыд сётон* («жертвование головы и ног»). После совершения обряда, голову и кости ног пожертвованной лошади /жеребенка развешивали на деревьях в специальном месте.

Конь служил символом счастья, достатка, благополучия, играл важную роль в обрядах поклонения горе, сохранении родового счастья. Кони выполняли важные функции в свадебных и календарных (аграрных) обрядах. Продуцирующую роль коня актуализировали во время общественных катаний парней и девушек верхом на конях на Масленицу, в праздник первой проталинки *Гуждор*, на Пасху, на Николу Вешнего, а также в конных состязаниях на празднике завершения посевной *Гырон быдтон*. Изображение коня использовали во время святочных ряжений, при гаданиях и других молодежных гуляниях. Красногорские удмурты в день свадьбы практиковали обряд введения коня в избу невесты (*вал пыртон*) со свадебными напевами.

В удмуртской мифологии конь — обитатель срединного мира, его образ амбивалентен: солнечный конь связан с небесной солнечной сферой, а его подводный двойник — хтоническим водным низом. Конь обнаруживает связь с мужской частью деревенского сообщества, его используют мужчины для перевозок, выполнения земледельческих работ, в сражениях и состязаниях. Он выступает как символ плодородной мощи в свадебной обрядности. Вместе с тем сохранились и отголоски его связи женщинами, с женским божеством плодородия: использование гребней-*йыросын* со спаренными конскими головами, *дэндорки* с изображениями коня, женские нагрудники-*кабачи* с биконьковыми узорами, образ девушки на коне как символ Весны.

Удмуртские обряды и верования, связанные с конем, указывают на воздействие архаичных индоиранских мифологических образов и сюжетов — отголоски представлений о биполярности коня, его связи с божеством плодородия и солнцем, роли всадников, использование несъедобных частей коня в погребально-поминальной обрядности и др. [Кузьмина 2002, с. 47–65], переработанных в духе идей лесного финно-угорского мира. В удмуртских религиозно-мифологических представлениях и культовой практике тесно переплелись как архаичные, универсальные черты, так и уникальные удмуртские элементы, связанные с образом коня, его местом в системе традиционного мироздания.

Библиографический список

- Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998.
 Крыласова Н. Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Приуралья. Пермь, 2001.
 Кузьмина Е. Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев: (Культурологические очерки) = Mythology and Art of the Scythians and Bactrians: (Essays on cultural history). М., 2002.
 Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л., 1981. САИ. Вып. Е1–60.
 Худяков М. Г. Культ коня в Прикамье // Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933. С. 251–279.
 Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001.

N. I. SHUTOVA

HORSE IN THE UDMURT RITUALS AND BELIEFS

The subject of this paper is the place of a horse within the Udmurt beliefs system, mythology, and the ritual practices. Both Middle Age archeology and the folklore-ethnographic data indicated the sustainability of the ideas of a horse as a middle world creature, associated with the female deity of fertility, the heavenly dome, and the chthonian bottom. It was an object of sacrificial offerings to the gods, the spirits of diseases, and the deceased ancestors. The horse was a symbol of happiness, wealth, and well-being; it played an important role in the rites of worship of the mountain, and the protection of the clan's happiness. Horses symbolized the productive forces of nature and performed important functions in the wedding, calendar and funeral rites. The Udmurt rites and performances demonstrated that the Indo-Iranian mythological images and motifs associated with horses were reviewed and adapted in accordance with the ideas and beliefs of the forest Finno-Ugric peoples.

Nadezhda I. Shutova — Doctor of Historical Sciences, Udmurt Institute of History, Language and Literature Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of the RAS (Russia, Izhevsk). E-mail: nad_shutova@mail.ru

МУЗЕЙ, КУЛЬТУРА, ЭТНИЧНОСТЬ

MUSEUM, CULTURE, ETHNICITY

А. Б. АГАРКОВА, Е. А. ЮДИНА

ОПЫТ ПОВТОРНОГО АНАЛИЗА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ИЗ МУЗЕЙНЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ 1970–1990-х гг.: НАУЧНАЯ РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИИ

С 2014 г. в Сургутском краеведческом музее проводится повторная инвентаризация фонда археологии. Она включает не только сверку и мониторинг состояния артефактов, но и их расширенное изучение, в ряде случаев с привлечением не доступных или не имевших ранее широкого применения методов анализа. Среди результатов проведенной работы: уточнение и пополнение данных о коллекциях, выявление перспективных для реставрации объектов и увеличение степени репрезентативности керамических комплексов.

Агаркова Анна Брониславовна – к. культурологии, Сургутский краеведческий музей (Россия, Сургут).
E-mail: anna-agarkova@rambler.ru

Юдина Екатерина Александровна – Сургутский краеведческий музей (Россия, Сургут)
E-mail: kveten@gmail.com

С 2014 г. сотрудниками Сургутского краеведческого музея апробируется расширенный формат инвентаризации материалов археологического фонда. Проведенная работа включала не только общую сверку и мониторинг состояния артефактов, но и их повторное изучение.

За пять лет было обработано 25 коллекций. При этом 15 из них происходят с памятников, исследовавшихся археологическими раскопками в 1970-х – начале 1990-х гг.: они составили первоначальный круг материалов, выбранных для сверки и анализа. Повышенное внимание к коллекциям, полученным более 20–30 лет назад объяснялось практическими соображениями. В свете новых требований к учету, описанию и представлению музейных предметов документационное сопровождение этих материалов нередко оказывалось недостаточным. Соответственно, на начальной стадии акцент делался на заполнении информационных лакун. Однако, в процессе обработки стали выявляться и другие, по той или иной причине не задействованные ранее данные. Постепенно в работу были включены коллекции, полученные при полевых исследованиях конца 1990-х – начала 2000-х гг. С расширением круга источников перечень потенциально доступной, актуальной для музея информации только увеличивался.

Музейная инвентаризация проводится совместно хранителем археологического фонда, археологом и реставратором. В отдельных случаях к работе привлекаются представители региональных научно-исследовательских центров (специалисты гуманитарных и научно-естественных дисциплин). Промежуточным итогом становится составление сводных характеристик каждой коллекции, а также учетных карточек на коллекционные предметы, где, кроме всего прочего, перечисляются перспективные направления дальнейшей работы с материалом. Все фиксируется и позволяет в последующем выбирать оптимальный алгоритм исследования археологических коллекций, максимально соответствующий актуальным запросам музейной публикации источников.

Поскольку 97–100 % (в единичных случаях – 80–85 %) от общего объема коллекций 1970–1990-х гг. составляют керамические комплексы, то речь в дальнейшем пойдет именно об их повторном изучении. Что представляет собой принятый формат музейной инвентаризации? Помимо формальной сверки состава коллекции он включает следующие этапы:

1. Уточнение (или возобновление) «раскладки» керамического комплекса по изделиям и объектам;

2. Мониторинг состояния артефактов. В нашем случае эта работа выполнялась совместно с реставратором;

3. Повторный морфологический и орнаментальный анализ глиняной посуды комплекса;

4. Техничко-технологический анализ керамических изделий;

5. Сопоставительный анализ коллекций, полученных в разные годы с одного или территориально близких памятников.

Во всех случаях при составлении учетных карточек на керамические изделия и посуду отмечалось наличие визуально различимых следов, соотносимых с определенными стадиями изготовления предмета, и наличие следов его первичного и вторичного использования.

В настоящее время можно говорить о следующих результатах расширенной инвентаризации коллекций, полученных в ходе раскопок в 1970–1990-х гг.

1. Уточнение данных по комплексам. У музея есть возможность сопоставлять материалы, полученные за многие годы исследований, с нескольких территориально близких памятников. Это позволяет дополнять и иногда корректировать более ранние объяснительные схемы. Повторное изучение старых коллекций становится актуальным, в том числе, из-за постепенного изменения стандартного набора методов анализа. За время работы мы сталкивались с ситуациями корректировки относительной датировки/культурной атрибуции артефактов (за счет увеличения доступных данных), с возможностью уточнения существующих вариантов интерпретации комплексов [Дубовцева и др. 2016; Юдина 2017].

2. Пополнение информации по комплексам. Во-первых, использование дополнительных методов анализа позволяет не только уточнять имеющиеся, но и получать принципиально новые данные. Во-вторых, приоритетность исследований определяется теперь музеем, а не научно-исследовательскими институтами. Это ведет к смещению фокуса интересов к коллекциям, что непосредственно связано с различными видами популяризации наследия. Например, сотрудники музея нередко обращаются к информации о способах изготовления глиняной посуды в разные эпохи. Сведения о практических навыках людей прошлого часто оказываются интересны людям современности, с опорой на эти же данные выстраиваются и тематические блоки выставок, и практические занятия по лепке.

3. Увеличение степени репрезентативности керамических комплексов. Возможность работы с материалами многолетних исследований одного памятника обычно увеличивает долю потенциально восстанавливаемых емкостей в коллекциях. В настоящее время продолжается работа по реконструкции сосудов.

Кроме того, одним из немаловажных итогов настоящей работы мы считаем выявление информационного потенциала коллекций археологического фонда музея. Подготовленная нами документация позволяет судить, какие артефакты представляют интерес в плане физической реставрации, какие объекты перспективны в плане изучения и интерпретации методами экспериментальной археологии и т. д. Переданные на хранение коллекции не воспринимаются более как нечто статичное и «отработанное». Более того, появляется осознание, что именно с этого момента начинается собственно музейное исследование древностей. Между археологией музейной и академической зачастую не проводится формальной границы, однако совместное курирование археологических материалов исследовательскими институтами и музеями представляет, на наш взгляд, пример работы

практически междисциплинарной. И, как всякое «пограничное» взаимодействие, такая работа подразумевает необходимость корректного «перевода», но вместе с тем позволяет выгодно использовать разницу подходов в рамках этих направлений.

Библиографический список

- Дубовцева Е. Н., Тонкушина М. О., Юдина Е. А., Косинская Л. Л., Остроушко А. А., Кулеш Н. А. Новые данные по первому погребению Барсовского II могильника (опыт комплексного анализа) // Седьмые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2016. С. 178–186.
- Юдина Е. А. Пространственный анализ распределения керамики в условиях отсутствия индивидуальной трехмерной фиксации находок (по материалам первого погребения Барсовского II могильника) // Междунар. археол. школа в Болгаре: сб. материалов конф. Казань, 2017. С. 258–274.

A. B. AGARKOVA, E. A. YUDINA

RE-EVALUATION OF THE 1970S AND THE 1990S ARCHAEOLOGICAL MUSEUM ENTRIES: ACADEMIC DATA UPDATE AND NEW EXHIBITION POTENTIAL

Since 2014, the Surgut Regional History Museum has been reevaluating its archaeological collections fund. This involves, in addition to the data reconciliation and the monitoring of the artifacts' condition, also their extended study, in some cases, with the use of the earlier unavailable, or not previously commonly practiced methods of analysis. The outcomes of this work include the clarification and updating the collections' data, the identification of the objects with the restoration potential, and improving the ceramic complexes representativeness.

Anna B. Agarkova – Candidate of Cultural Studies, Surgut Regional History Museum (Russia, Surgut). E-mail: anna-agarkova@rambler.ru

Ekaterina A. Yudina – Surgut Regional History Museum (Russia, Surgut). E-mail: kveten@gmail.com

С. В. БЕРЕЗНИЦКИЙ

ПОЛЕВЫЕ ДНЕВНИКИ Б. А. КУФТИНА КАК УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПО КУЛЬТУРЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В. *

Тунгусская экспедиция, работавшая в 1927–1928 гг. под руководством Б. А. Куфтина в окрестностях озера Байкал, в низовьях Амура, на Сахалине и в Приморье собрала ценные этнографические материалы об этнической истории, промысловой деятельности, обрядах жизненного цикла, шаманстве, праздниках, особенностях языка, музыкального фольклора и антропологического типа тунгусо-маньчжуров Восточной Сибири и Дальнего Востока: нанайцев, орочей, удгейцев, уйльта, эвенков, а также палеоазиатов Амура и Сахалина — нивхов. В наиболее значительной степени эти данные сохранились в полевых дневниках Б. А. Куфтина в научном архиве Музея антропологии и этнографии РАН. Полностью они до сих пор не обработаны и не оцифрованы, чем в настоящее время занимается группа московских и петербургских ученых в рамках научного проекта РФФИ.

Березницкий Сергей Васильевич — д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00537А «Исследования народов Сибири и московская этнографическая школа: методология, материалы и коллекции Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг.» (рук. В. Н. Давыдов).

Научное наследие Бориса Алексеевича Куфтина (1892–1953) включает в себя несколько компонентов, которые, на первый взгляд, далеки друг от друга даже территориально (Москва, Поволжье, Крым, Дальний Восток, Вологодский край, Кавказ) [Алымов 2003, с. 227–268]. Но при анализе выявляется единая концепция исследования этнической истории народов этих регионов, этнокультурных контактов на основе археологических, этнографических, исторических, лингвистических источников [Куфтин 1925, с. 63–77]. В 1927–1928 гг. Б. А. Куфтин, профессор МГУ, руководил Тунгусской экспедицией, организованной Центральным музеем народоведения и Антропологическим институтом МГУ [Турынская 2012, с. 43–51]. Экспедиционные материалы сохранились в музейных коллекциях, дневниковых и нотных записях, архивных документах и фотоколлекциях. Более девяноста лет продолжаются поиски фотоархива Б. А. Куфтина. В его дневниках содержится огромное количество ссылок на сделанные фотоснимки, однако они до сих пор не найдены и исследователям приходится пользоваться рисунками Куфтина, иллюстрирующими материальную и духовную культуру коренных народов амуро-сахалинского региона первой трети XX в., шаманские атрибуты, культовую скульптуру и другие аспекты их древней культуры, которые частично сохранились и в наше время [Березницкий 1992; 2000; 2003, с. 190–220]. Элементы культуры каждого народа Куфтин фиксировал в отдельном дневнике: нанайцы [Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 46], нивхи [Там же. Д. 41], ульчи [Там же. Д. 50], орочи [Там же. Д. 48; Д. 49; Д. 87], удэгейцы [Там же. Д. 42], тунгусы [Там же. Д. 38].

Созданный Куфтиным видеоряд, включающий в себя, прежде всего, иллюстрации комплекса культовой скульптуры, позволяет высоко оценить его вклад в разработку концепции о функциональной принадлежности, роли в традиционной обрядности ритуальной скульптуры. Этот комплекс подразделяется на несколько групп, которые, в свою очередь, также структурированы, в зависимости от ритуального поля: культовые изображения родильных, погребальных, промысловых и других ритуалов, обряды кормления и умилоствления хозяев отдельных участков таежного, горного, водного, небесного миров. Выделяется также дошаманская и шаманская скульптура, отдельные образцы, трансформированные в результате влияния славянских, маньчжурских, китайских и иных культурных элементов, заимствования некоторых компонентов маньчжурской шаманской культуры, что дает основание для исследования этнокультурных контактов. Ценнейшим источником является зафиксированный Куфтиным комплекс шаманского фольклора: молитвы, заклинания, обращения к духам покровителям и помощникам на русском, нивхском, и тунгусо-маньчжурском языках.

В целом, Б. А. Куфтин привез с Дальнего Востока ценный этнографический материал, в первую очередь по культуре тунгусов. Этнографические сведения о нивхах он собирал попутно, скорее всего, для того чтобы не упустить возможность поработать с амурскими и сахалинскими нивхами. Кроме того, Куфтин сделал огромное количество фотографий и зарисовок о многих аспектах материальной и духовной культуры коренных народов Амура и Сахалина: промысловые и жилые постройки, комплекс одежды и обуви с выявлением специфики орнамента, пищевая модель, технология обработки продуктов охоты, рыбной ловли и морского зверобойного промысла, ритуалы жизненного цикла, комплекс культовой скульптуры и сооружений, применявшейся во всех гранях быта и мировоззрения, культ близнецов, культ священных животных, медвежий праздник, шаманство. Анализ полевых дневников Куфтина, которые с полным правом могут быть названы уникальными

источниками, показывает процессы культурной эволюции и трансформации, влияние соседних восточных и переселенческих цивилизаций, этнокультурные особенности указанных этносов.

Библиографический список

- Алымов С. С., Решетов А. М. Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы. М., 2003. Вып. 2. С. 227–268.
- Березницкий С. В. Социально-экономическое и культурное развитие народов Нижнего Амура (нанайцев, негидальцев, ульчей, орочей) // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 364. Владивосток, 1992.
- Березницкий С. В. Духовная и материальная культура иманских и бикинских удэгейцев. Этнографическая наука в Китае // Архив ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 434. Владивосток, 2000.
- Березницкий С. В. Классификация культуровой атрибутики коренных народов Дальнего Востока России // Типология культуры коренных народов Дальнего Востока России. Владивосток, 2003. С. 190–220.
- Куфтин Б. А. Мелкие народности и этнокультурные взаимоотношения на северо-востоке Сибири // Северная Азия. М., 1925. Кн. 1–2. С. 63–77.
- Куфтин Б. А. Тунгусы I // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 38.
- Куфтин Б. А. О материальной культуре, шаманизме гилияков. Побережье Охотского моря, Татарского пролива, о. Сахалин // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 41.
- Куфтин Б. А. О материальной культуре, шаманизме удэге. Побережье Татарского пролива р. Амур // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 42.
- Куфтин Б. А. О материальной культуре гольдов. Побережье Татарского пролива р. Амур // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 46.
- Куфтин Б. А. О материальной культуре, шаманизме орочей. Побережье Татарского пролива // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 48.
- Куфтин Б. А. О шаманизме орочей. Побережье Татарского пролива // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 49.
- Куфтин Б. А. О материальной культуре, шаманизме ольчей // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 50.
- Куфтин Б. А. Орочи. Шаманизм. Побережье Татарского пролива // Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 87.
- Турьинская Х. М. Из истории этнографического музейного дела в Москве в XIX – начале XXI вв. // Вопросы музеологии. 2012. № 1. С. 43–51.

S. V. BEREZNITSKY

B. A. KUFTIN'S FIELD NOTES AS A UNIQUE SOURCE ON THE CULTURE OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE AMUR-SAKHALIN REGION OF THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

The Tunguska expedition, which worked in 1927–1928 under the supervision of B. A. Kuftin in the vicinity of lake Baikal, in the lower reaches of the Amur, on Sakhalin and in Primorye, collected valuable ethnographic materials about the ethnic history, fishing and hunting practices, life cycle rituals, shamanism, festivals, language, musical folklore and the anthropological types of the Tunguso-Manchus of Eastern Siberia and the Far East: the Nanai, the Orochi, the Udege, the Uilta, the Evenks, as well as the paleo-Asian populations of the Amur and Sakhalin – the Nivkhs. These data survived to this day in the most complete form in the field notes of B. A. Kuftin and in the research archive of the Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. They have not yet been fully processed or digitized, which is currently being done by a group of Moscow and St. Petersburg researchers under the RFPF project agenda.

Sergey V. Bereznitsky – Doctor of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

И. Е. ВОРОБЕЙ, Л. Н. ХАХОВСКАЯ

**КОРЯКСКИЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ОГНЕВЫЕ ПРИБОРЫ:
К НОВОМУ ВЗГЛЯДУ НА ГЕНЕЗИС, ФУНКЦИЮ И СЕМАНТИКУ**

Соединение разнофункциональных вещественных структур стало отправной точкой генезиса корякских антропоморфных огнив. Сущностной характеристикой данных артефактов является их парность. Процесс изготовления огнив представляется в деятельностном, ритуальном и семантическом контекстах. Предложена ролевая идентификация и персонификация огневой пары.

Воробей Игорь Евгеньевич — Магаданский областной краеведческий музей (Россия, Магадан).

E-mail: vorobey.ie@magadanmuseum.ru

Хаховская Людмила Николаевна — к.и.н., Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (Россия, Магадан). E-mail: hahovskaya@gmail.com

1. Деревянные огневые приборы с антропоморфными огнивыми досками известны со второй половины XVIII в. и являются визитной карточкой северо-восточных палеоазиатов и эндемиками Крайнего Северо-Востока Азии. Наиболее многочисленные и разносторонние данные о бытовании их в традиционной культуре конца XIX — начала XX вв. содержатся в исследованиях В. Г. Богораза. Не менее значимые, в том числе и визуальные, свидетельства XVIII–XX вв. приведены в работах К. Г. Мерка, Г. А. Сарычева, В. И. Иохельсона, Н. Н. Беретти, В. Г. Кузнецовой, И. С. Гурвича, В. В. Горбачёвой и др. Хотя такие приборы имелись как у береговых, так и оленных подразделений, представление о них сложилось в основном на материалах последних. Деревянное огниво — общепризнанный охранитель очага и жилища, хозяин и пастух оленьего стада, держатель комплекса личных амулетов членов семейного коллектива. Тем не менее, реконструкция реальной культурно-хронологической динамики (включая генезис), допускающая смену и/или трансформацию комплекса функций и значений, по-прежнему актуальна. Мы касаемся лишь единичных аспектов применительно к культуре оленных коряков.

2. Проследить появление таких приборов на археологических материалах пока не представляется возможным. В сравнительно-морфологическом и функционально-конструктивном плане можно сопоставить их с рабочей стадийной классификационной схемой деревянных приборов [Митько 2006]: «скифские» — «хуннские» — «тюркские» — «палеоазиатские». Палеоазиатские доски хорошо соотносятся с тюркскими: широкая плоскость, некраевая позиция лунок, продольные отводные желобки в плоскости, перпендикулярной оси сверления. Тогда как у различных хуннских и близких им немногочисленных скифских: узкая плоскость, краевая позиция лунок, отводные желобки на боковой поверхности, параллельно оси сверления (для такой конструкции эти желобки вообще не обязательны).

3. Очевидная логическая схема генезиса предполагает соединение в одном предмете двух морфолого-функциональных структур: ритуальной скульптуры, близкой к «западно-сибирскому» (по С. В. Иванову) типу, и бытового неантропоморфного деревянного огневого прибора с плоской огнивной доской. При этом огниво-предшественник, несомненно, обладало собственной семантической нагрузкой и дополнительной ритуально-социализирующей функцией. В качестве межэтнической корреляционной и доказательной параллели можно рассматривать родовые огневые приборы ударного действия у нивхов [Shternberg 1999, p. 157], вероятно, наследовавшие неантропоморфным деревянным

огнивам [Крейнович 1973, с. 222, 371]. Легкости и естественности соединения формы и функции, а также объединению семантик вполне могла способствовать характерная для чукотско-корякской культуры антропоморфизация ритуальных предметов. Также, для такого соединения должны найтись и поводы вроде семантической и функциональной сопряженности, соседства и пересечения в деятельностном пространстве.

4. Ранее на материалах оленных коряков п-ова Тайгонос был отмечен «половой диморфизм» огнивных досок, выражающийся в конфигурационных различиях предположительно мужских и женских форм [Хаховская 2008]. Целенаправленный анализ литературных свидетельств, а также полевых предметных и устных данных по западной группе коряков-оленевонов позволяет говорить об устойчивой парности огнивных досок оленных коряков как сущностной их характеристике. Важную роль играет единственное в своем роде свидетельство коряка, который участвовал в изготовлении в 1969 г. на р. Крестик (басс. Верхнего Омолона) «семейной пары» деревянных полнофункциональных огневых приборов. Процесс изготовления является коллективным обрядом, который среди прочего демонстрирует строгую соотнесенность будущей огневой пары (не только досок, но и сверел) с парой близко растущих тополей («отловленных», подобно оленям, с помощью кожаного ремня) и ритуальным забоем пары разнополых оленей, от которых взяты астрагалы для огневых накладок. Неслучайным кажется и обязательное участие женщины на самой ранней обрядовой стадии ловли мужчинами тополиной пары для выкалывания досок-заготовок.

5. Естественным образом возникает вопрос о возможностях ролевой идентификации, а также персонификации огневой пары. С одной стороны, можно вполне обойтись декларацией о проекции на комплексы деревянных огнив реальных семейно-родовых и производственных отношений. С другой — стремление преодолеть обезличенность, при отсутствии каких-либо указаний на конкретные имена антропоморфных огневых приборов, заставляет обратить внимание на данные палеоазиатского фольклора. Обобщая немногочисленные примеры, можно сказать, что здесь огневые приборы изготавливаются Творцом, используются им и более того — сами выступают в роли демиургов: создают людей и придают земле ее настоящий вид. Имея ввиду семантику первопродка и демиурга, а также корякские имена, известные по вороньему эпосу, можно сопоставить корякскую огневую деревянную «семейную» пару с Куйкинью и Мити. В подобном предположении мы оказались сходны с персонификацией, обнаруженной в 1840 г. недалеко от Лесновского селения, и тогда же сожженной пары идолов. Деревянные «истуканы» в виде мужчины и женщины тайно почитались крещеными паланскими коряками и, по предположению священника П. Громова, могли изображать родоначальников «Кутху ... и жену его Емми» [Громов 1861, с. 170].

6. В общем плане парность антропоморфных огневых приборов оказывается элементом более обширного проявления парности в корякской культуре: от представления о надлежащем «товариществе» ездового оленя и собаки в жертвоприношениях до некоторых правил мухоморной практики.

Библиографический список

- Громов П. (протоиерей). Историко-статистическое описание камчатских церквей (Окончание) // Тр. Киевской духовной академии. Киев, 1861. Февраль. С. 138–194.
Крейнович Е. А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М., 1973.

Митько О. А. Деревянные огневые приборы в погребальных памятниках народов Сибири и Центральной Азии // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография. С. 110–127.

Хаховская Л. Н. Огневые приборы коряков-оленьеводов полуострова Тайгонос // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 3: Археология и этнография. С. 150–157.

Shternberg L. I. The Social Organisation of the Gilyak // Anthropological Papers of AMNH. 1999. № 82.

I. E. VOROBEL, L. N. NAHOVSKAYA

**THE KORYAK ANTHROPOMORPHIC WOODEN FIRING DEVICES:
A FRESH APPROACH TO THE GENESIS, FUNCTIONS AND SEMANTICS**

The combination of two multi-functional material structures was a starting point of the Koryak anthropomorphic flints genesis. The essential characteristic of these artifacts was their paired relationship. The process of the flints making is presented in the production, ritual and semantic contexts. The role identification and personification of the firing pair is proposed.

Igor E. Vorobei – Magadan Regional History Museum (Russia, Magadan).

E-mail: vorobey.ie@magadanmuseum.ru

Lyudmila N. Nahovskaya – Candidate of Historical Sciences, N. A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far East Branch of the RAS (Russia, Magadan). E-mail: hahovskaya@gmail.com

Н. С. ГОНЧАРОВ

СЕВЕРНАЯ ЯКУТИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ*

В докладе автор рассматривает особенности межкультурного взаимодействия населения на Северо-Востоке Сибири через призму обменных практик, вступивших в фазу активной трансформации, начиная с середины XVII в. Автор показывает, что представлял собой регион в хозяйственно-культурном отношении до прихода Российского государства, и посредством критического анализа теории хозяйственно-культурных типов выделяет основные перемены в экономической (и связанной с ней — культурной) жизни региона. Государство рассматривается как принципиально новый актор в данном социально-культурном контексте, запустивший иные типы социального существования в социальной среде.

Гончаров Николай Сергеевич — аспирант, Музей археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: Nikola.gon4arov@yandex.ru

Регион Колымско-Индибирского междуречья представляет интерес с разных точек зрения даже внутри тематики межкультурного взаимодействия. К моменту прихода русских землепроходцев на территорию рассматриваемого региона (захватывая в него и пространство к востоку от Колымы) местное население было представлено тремя основными хозяйственно-культурными группами: а) охотниками, рыбаками и собирателями, б) охотниками на морского зверя, в) оленьеводами тундр; также незадолго до этого начался этап активного проникновения якутского населения в низовья северных рек. Якуты вносили разнообразие в сложившийся хозяйственно-культурный ландшафт, поскольку их хозяйство было основано на скотоводстве и коневодстве. С приходом русского населения в первой половине

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-18-00309 «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (рук. В. Н. Давыдов).

XVII в. изменился не только компонентный состав хозяйственно-культурных комплексов, но происходили более сложные и многогранные процессы, один из которых, связанный с трансформацией обменных практик, будет рассмотрен ниже.

Государство можно воспринимать через призму организации потоков обмена. Приемлемая для государственной власти среда во многом поддерживается сложными обменными практиками, отношениями собственности и т. д., что позволяет населению включаться в основные культурные процессы. Установление собственных правил распределения материальных благ в среде, где преобладал натуральный обмен и не существовало формальных институтов, управляющих торговой деятельностью, является одним из важных способов внедрения нового типа социальных отношений, а, следовательно, и власти на присоединенной территории. Присоединение / колонизация, на наш взгляд, лишь с юридической точки зрения может рассматриваться в статическом аспекте; фактически же присоединение территории — это процесс, ключевое значение в котором имеет характер обменных практик, порожденных и навязываемых доминирующим субъектом.

Торговая деятельность пришлого русского населения с представителями коренных народов началась с приходом русских в на Северо-Восток Сибири. Изначально это была малоорганизованная торговля на невыгодных для коренного населения условиях. Известно, что существовал запрет на свободную торговлю с «кочевыми» и «бродячими» инородцами, который, впрочем, игнорировался [Боякова 2001, с. 51]. Но уже на раннем этапе стали появляться места регламентированной торговли — ярмарки: например, в 1647 г. образовалась колымская ярмарка [Белов 1956, с. 75]. Русское население изменило порядок распределения благ в среде коренного населения, который держался на натуральном товарообмене, заменив его денежным (в качестве денег выступали соболиные / песцовые шкуры) [Гурвич 1963, с. 71–91; Колбасина 1998].

Со временем значение ярмарок сильно возросло, а наиболее оживленной в торговом отношении стала Колыма. Одним из ключевых способов мирной интеграции Чукотки и ее жителей в состав Российского государства также была торговля, расцвет которой начался с открытия в 1770-е гг. Анюйской ярмарки примерно в 200 верстах от Нижнеколымска. Каждый год на нее приезжало большое количество чукотского населения, привозивших товары, в том числе с американского побережья [Карих 2008, с. 101, 102; Колбасина 1998]. Сюда же, помимо населения Индигирки, Колымы и Анадыря, приезжали купцы из Якутска с «русскими» товарами.

Форма торговли, привнесенная в регион русским населением, имела значительные последствия для региона. Археологический материал позволяет конструировать общие модели существования групп людей, объединённых определённым типом хозяйства и культуры, но едва ли мы можем говорить об особенностях обменных практик между разными группами (помимо простой констатации существования обмена, о чем свидетельствует распространение тех или иных артефактов и т. д.). Исторический и этнографический материал с приходом русского населения показывает нам структурные сдвиги даже не в «ядре» / «периферии» хозяйственно-культурного типа (ХКТ), а в самой его природе. Даже когда морфологически ХКТ оставался прежним, в его организованности происходили существенные изменения, связанные с втягиванием в логику рыночных отношений; сама «типологичность» хозяйственно-культурного типа, помимо хозяйственных трансформаций, претерпевала «огосударствление», встраиваясь в более широкую систему,

функционирующую по иным правилам и иначе организованную — в иную адаптивную конфигурацию, более общего типа, вмещающего в себя предыдущие адаптивные системы (но тем самым и вносящее в них изменения).

В рассматриваемый период произошло расформирование строго ограниченных, фиксируемых на археологическом материале хозяйственно-культурных типов. Во многом это было связано с распространением торговой деятельности и проникновением в регион рыночных отношений, меняющих парадигму существования традиционных ХКТ. Если на археологическом материале можно было проследить сильно коррелирующую связь между ХКТ и археологической культурой, то этнографический материал, и чем ближе к современности, тем сильнее — не позволяет проследивать четких и ограничительных связей между хозяйственно-культурными типами и этническими группами, т. к. последние могут состоять из подгрупп, специализирующихся в разных хозяйственных областях.

Библиографический список

- Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956.
 Боякова С. И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX в. — 1917 г.). Новосибирск, 2001.
 Гурвич И. С. Русские на Северо-Востоке Сибири в XVII в. // Сибирский этнографический сборник. М., 1963. Вып. 5. С. 71–91.
 Карих Е. В. Анюйская ярмарка во второй половине XIX — начале XX в. // Вестн. Томск. ун-та. 2008. № 317. С. 101–104.
 Колбасина Г. Н. Процессы синтеза. О культуре русских старожилов низовьев рек Индигирки и Колымы // Культурный синтез России: материалы IV чтений факультета истории русской культуры [С.-Петербург. гос. акад. культуры], состоявшихся 25 дек. 1995 г. СПб., 1998. С. 117–121.

N. S. GONCHAROV

NORTHERN YAKUTIA IN THE CULTURAL CONTACTS CONTEXT

In the paper, the author examines the specifics of inter-cultural communication between different groups of population in the North-East of Siberia through the prism of the rapidly changing exchange practices of the 17th century. The author described the culture and the economic organization of the region before the arrival of the Russian state, and, by means of critical analysis of the economic and cultural types theory defined the main transformations in the economic (and the related to it — cultural) life of the region. In the analysis, the state appears as a totally new factor in this socio-cultural context, which triggered the development of other types of social relationships in this social environment.

Nikolay S. Goncharov — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: Nikola.gon4arov@yandex.ru

Д. Ю. ГУК

МОЛОДЫЕ МОЛОДЫМ: МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ СОЗДАНИЯ ВЕБ-РЕСУРСА ПО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Проект «Электронная Энциклопедия Эрмитажа. Том 1. Археология» был анонсирован в открытом доступе в Интернет более года назад. Многообразие форм информации: тексты, публикации, иллюстративные материалы из архива отдела, а также трехмерные модели — все это требовало применения новых форм представления данных. Молодые специалисты из разных стран, выразили желание участвовать в разработке и проявить свои профессиональные навыки в различных областях

под девизом «молодые молодым». Так появился интернет-проект, в котором были задействованы программисты, дизайнеры, технические писатели, фотографы и переводчики, выполнявшие свою часть работы как курсовые, квалификационные или волонтерские задания. Участие в разработке молодых специалистов из разных регионов России, из Грузии, Америки, Нидерландов, позволило не только проявить себя в профессиональном плане, но и ближе познакомиться с историей России и археологическими коллекциями Эрмитажа. За год при помощи инструментов Google-аналитики были выявлена положительная динамика и интерес виртуальных посетителей к данному информационному ресурсу.

Гук Дарья Юрьевна — к.филол.н., Государственный Эрмитаж (Россия, Санкт-Петербург).
E-mail: hookk@hermitage.ru

Проект «Электронная Энциклопедия Эрмитажа» был анонсирован в открытом доступе в Интернет более года назад [Гук 2018]. Археологические коллекции по численности составляют значительную часть эрмитажного собрания, а некоторые экспонаты являются предметом особой гордости. Вместе с тем, информация об истории археологических коллекций и исследованиях представлена крайне скудно [Гук 2014, с. 44, 45]. Основная аудитория, на которую нацелен создаваемый ресурс — молодежная, то есть в возрасте от 24 до 35 лет. Логично предположить, что способы подачи информации и тестирование правильнее поручить молодым исполнителям. Девиз «Молодые молодым» был предложен Службой волонтеров Государственного Эрмитажа в год его 250-летия [Там же 2014, с. 43].

На текущий момент ресурс хранит информацию о 70 персонах, 103 локациях, 78 памятниках и 215 событиях, сопровождаемую 592 иллюстрациями. Доступ к созданным трехмерным моделям осуществляется через интернет-сервис Sketchfab, а к внешним ресурсам (БРЭ и др.) — так же посредством гиперссылок. Дополнительных усилий потребовала привязка всех указанных археологических памятников к электронным Яндекс-картам.

Проект выполняется в рамках договора о научном сотрудничестве Государственного Эрмитажа с Сибирским федеральным университетом (СФУ), обеспечивающим хостинг. Студенты СФУ опробовали навыки, полученные во время учебы, разработав дизайн в качестве курсовых работ (4 варианта) и саму систему управления данными как дипломный проект [Гук и др. 2017]. Информационный ресурс создан на платформе WordPress. Для осуществления требований к функционалу требовалось владение PHP, JS, HTML, AJAX, CSS и JQuery. Панорамные изображения залов постоянной экспозиции ОАВЕС — результат практик студентов 2016 и 2018 г., а цифровые трехмерные модели — практик 2017 и 2018 г.

Волонтеры Эрмитажа, среди которых много иностранцев, работают над переводом, так они знакомятся с историей одного из крупнейших музеев мира и его археологическим собранием, а также историей России. В ходе работы у всех возникают вопросы и предложения, которые сразу учитываются проектировщиками. Можно считать, что принцип культуры участия заложен изначально: каждый участник выполняет то, к чему у него есть расположенность и делает это добровольно. Участие в разработке молодых специалистов из разных регионов России, из Грузии, Америки, Нидерландов, позволило не только проявить себя в профессиональном плане, но и ближе познакомиться с историей России и археологическими коллекциями Эрмитажа.

Прежде всего, отметим, что специальной рекламы сайту обеспечено не было. Два упоминания в социальной сети Facebook и ссылка на сайте «Виртуальная археология».

Даже такие скромные усилия были в достаточной мере вознаграждены. Для отчета мы взяли период с 15 августа 2018 г. по 15 марта 2019. 86 % из 923 пользователей, выполнивших 1 814 сеансов загрузок, — новые посетители. Всего просмотрено 11 305 страниц, что составило в среднем 6,23 страницы за сеанс. Средняя длительность сеанса была равна 4,56 минуты, что вдвое превышает среднее время нахождения пользователя на сайте в области культуры и искусства [Гук 2018, с. 35]. Большая часть аудитории — 59,6 % — русскоязычная, и суммарно 13 % — носители английского языка. Это подтверждает востребованность английской версии сайта, поскольку есть сегмент пользователей из других стран, кроме России (73 %): Украина — 7,37 %, Франция — 3 %, США — 2 %, ФРГ — 1,6 %, Япония — 1 % и др.

Конверсия сайта достигла значения 27,66, и скорее всего, была бы значительно выше, если мы правильно определим маркеры достижения цели. В качестве браузера в основном используется Google Chrome — 52 %, а Firefox и Safari занимают второе (12 %) и третье места (11 %) с незначительной разницей. 87,2 % обращаются к ресурсу со стационарных компьютеров, хотя в концепцию проекта было заложена идея использования ресурса как справочного пособия по экспозиции. Естественно, отсутствие информации о возможности получения информации в собственном мобильном устройстве в залах на постоянной экспозиции приводит к слабой востребованности ресурса через мобильные устройства. Вообще преобладает операционная система Windows — 65 %. Android (17 %) и iOS (11 %) среди операционных систем для мобильных устройств находятся в соотношении 57/39 % от общего числа используемых мобильных операционных систем.

В первой десятке городов, где ресурсом заинтересовались больше всего, практически только российские, да и те, где традиционно много археологов: Санкт-Петербург, Красноярск, Москва, Краснодар, Новосибирск, Киев, Сургут, Барнаул, Псков.

Длительные споры о качестве иллюстраций решаются при помощи статистической информации об используемом разрешении экрана: 1 280 x 800 — всего около 3 %, 1 024 x 768 — 7,9 %, а треть всех пользователей использует разрешение 360 x 640. За год при помощи инструментов Google-аналитики были выявлена положительная динамика в охвате виртуальных посетителей информационного ресурса.

С точки зрения основ проектирования информационных систем, любая музейная система является своего рода экспериментом. Только с течением времени можно сказать, насколько этот эксперимент был удачным. Разработка проекта в стандартной системе управления сайтом допускает исправление выявленных в ходе эксплуатации ошибок и внесение изменений. Дополнительные съемки и привлечение новых исполнителей позволит обновить виртуальный тур, включив в него пояснения к наиболее важным объектам. Распределённость ресурса и работа в режиме удаленного доступа позволяют готовить данные одновременно разным людям в любом месте земного шара, где есть доступ в Интернет. Наполнять энциклопедию легко и просто, регулярно дополняя архивными данными и текущими ежегодными событиями: выставками, научными конференциями, результатами музейных исследований и экспериментов — это живой и перспективный проект. Если все пройдет успешно, можно будет постепенно перейти к следующим томам, а также оповестить посетителей музея о возможности использовать данный интернет-ресурс в качестве источника информации.

Библиографический список

- Гук Д. Ю. QR-код Эрмитажа: статистика, посетители, факты // Современные проблемы сервиса и туризма. М., 2014. Т. 8, вып. 3. С. 43–51.
- Гук Д. Ю. О концепции распределённого мультимедийного информационного ресурса «Электронная Энциклопедия Эрмитажа. Т. 1. Археология» // Информационное обслуживание в век электронных коммуникаций: материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. «Электронные ресурсы библиотек, музеев, архивов». СПб., 2018. С. 35–47.
- Гук Д. Ю., Румянцев М. В., Пиков Н. О., Рудов И. Н. Применение информационных технологий в изучении и популяризации археологических коллекций // V (XXI) Всерос. археол. съезд. Барнаул, 2017. С. 297.

D. YU. HOOKK

BY THE YOUNG TO THE YOUNG: INTERNATIONAL COOPERATION IN CREATING A WEB RESOURCE ON THE HISTORY OF THE STATE HERMITAGE ARCHAEOLOGICAL COLLECTION

Project “Electronic Encyclopedia of the Hermitage. Vol. 1. Archeology” was announced in the open access in the Internet over a year ago. The variety of the forms of information: texts, publications, illustrative materials from the archives of the Archeology Department, as well as the 3D models — all this required the use of new forms of data presentation. Young professionals from different countries wished to participate in the development and demonstrate their professional skills in various fields under the motto “by the young to the young”. As a result, we gave a start to an Internet project, which involved the programmers, designers, technical writers, photographers and translators who performed their part of the work as their undergraduate term projects, qualification or volunteer assignments. Participation in the website development of the young professionals from different regions of Russia, Georgia, America, the Netherlands, allowed them, in addition to practicing their professional skills, also getting a closer look at the history of Russia and the archaeological collections of the Hermitage. According to the Google analytic tools data over the year of the project’s life it demonstrated a positive dynamics and a growing interest of the virtual visitors to this information resource.

Daria Yu. Hookk — Candidate of Philological Science, State Hermitage Museum (Russia, Saint Petersburg).
E-mail: hookk@hermitage.ru

Е. Н. ДАНИЛОВА

РОЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ПРОВОКАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО РЕНЕССАНСА: НА ПРИМЕРЕ РАБОТ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ

В настоящей работе рассматривается роль исследователя в провокации этнического ренессанса, который характеризуется такими процессами как актуализация исторической памяти, рост этнического самосознания, обращение к этничности в поисках своего позиционирования, сохранение и ревитализация элементов традиционной культуры. В качестве примера анализируется опыт ХМАО — Югры, что обусловлено большим количеством проводимых на его территории археологических и этнографических экспедиций и тесным взаимодействием исследователей с проживающими там коренными малочисленными народами. Между исследователем и изучаемым им народом происходит постоянный обмен знаниями, в процессе длительного наблюдения можно рассмотреть постепенную актуализацию интереса к собственной культуре и возобновление некоторых традиционных практик.

Данилова Елена Николаевна — Институт истории и археологии УрО РАН (Россия, Екатеринбург).
E-mail: danilova@northarch.ru

Категория «этнический ренессанс» в отечественном научном дискурсе чаще всего ассоциируется с ростом национального/этнического самосознания народов в постсоветском пространстве. Этот период характеризовался манифестацией национальных интересов, возникновением общественных движений малочисленных народов, этнических ассоциаций и родовых объединений. В «глобальном историческом и геополитическом масштабе “этнический ренессанс” стал образным обозначением процесса усиления борьбы народов» за самостоятельность и территориальный суверенитет [Октябрьская, Самушкина 2016, с. 73]. Мы рассматриваем этнический ренессанс как свойство этнических групп к актуализации своей исторической памяти и возвращению к истокам путем обращения к этничности в поисках своей идентичности, сохранения и ревитализации элементов традиционной культуры.

Толчком для этнического ренессанса становятся определенные, чаще всего драматические, события. В рамках крупных этнических образований обращение к этничности является ответом на политические и социально-экономические изменения, однако в масштабах небольшого поселения или даже в рамках одной семьи или конкретного человека спровоцировать процессы «возрождения» этнического самосознания может сторонний исследователь, проявляющий интерес к их культуре и истории. Причастность исследователей к судьбам изучаемых ими народов и провокации этнического ренессанса очевидна и иногда доходит до «строительства идентичности» и «этнообразования» [Головнёв 2012, с. 4–7].

В процессе работы над проектом достопримечательного места в бассейне р. Аган (Нижевартковский район ХМАО — Югры) в 2015 г. мне удалось стать свидетелем того, как представители молодого поколения, не проявлявшие раннее особого интереса к своей культуре, увлекались сбором информации и опрашивали стариков. «Обидно одно, что люди, не связанные с нашим укладом жизни, проявляют больший интерес, чем мы сами», «сейчас я стал общаться со своими родственниками, узнал названия стариц и мест» (ПМА 2015, р. Аган). Во время общественного обсуждения научно-проектной документации по обоснованию достопримечательного места, представители коренного населения высказали свои пожелания, что им тоже «надо так оформить» [достопримечательное место — Е. Д.] и стали узнавать, «что людям-то делать, которые хотят заявляться?», «нужно сейчас каждому роду найти у себя на стойбищах такие места, тогда нам будет легче работать с недропользователями» (ПМА 2016, с. Варьеган). Сохраняя один культовый комплекс, нами была спровоцирована ситуация, в которой местные жители начали проявлять инициативу по изучению и сохранению своего этнокультурного наследия.

Между исследователем и изучаемым им народом происходит постоянный обмен знаниями. В ряде мест коренные жители, частично утратившие свою культуру, используют для восполнения знаний этнографические и археологические публикации. Мне довелось наблюдать это в селе Лемпино Нефтеюганского района ХМАО — Югры в 2003 г.: один из информантов в ответ на любой вопрос рекомендовал почитать книгу «Салымский край», в которой «все написано и больше добавить нечего», либо просто ее цитировал. Подобные ситуации не редкость, случаи обращения к научным изданиям описывают и другие исследователи. В. А. Шнирельман сообщает о наблюдении им у тлингитов Аляски использования этнографических публикаций для обучения традиционному ремеслу [Шнирельман 2012, с. 40].

Длительные наблюдения в пределах одного поселения позволяют рассматривать этапы актуализации интереса к собственной культуре. Бывает, что необходимую информацию жители просто не помнят и не могут дать быстрый ответ. Однако, спустя некоторое время (иногда может пройти неделя, месяц или даже год) сообщают о том, что вспомнили, поспрашивали или узнали. Сегодня для решения задачи длительного наблюдения удобно использовать интернет-коммуникации, которые дают возможность поддерживать связь с многими информантами, уточнять или дополнять полученные в поле сведения.

Наиболее яркие примеры ревитализации элементов традиционной культуры связаны с этническими верованиями. После археолого-этнографических экспедиций начала 1990-х гг. на р. Малый Салым было возрождено хантыйское святилище Ай-орт-ики. Многолетние связи юганских хантов с археологами дали толчок процессам сохранения культовых мест Яун-Ики и как следствие активировали интерес местных жителей к частично утраченным традициям и возобновлению ритуальных практик. Очевидно, что возрождающиеся элементы культуры не повторяют прежних, они адаптируются к современным условиям, уживаются с технологическими новациями и как результат трансформируются в новую синтетическую культуру.

Осознавая роль исследователей в провокации этнического ренессанса, необходимо понимать, что современная действительность налагает на них особую ответственность. С одной стороны, они могут влиять на актуализацию этничности, с другой — чрезмерными усилиями или неэтичным поведением, могут спровоцировать обратную реакцию, выражающуюся в дискредитации интереса к своей культуре.

Библиографический список

- Головнёв А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // ЭО. 2012. № 2. С. 3–12.
 Октябрьская И. В., Самушкина Е. В. Этнокультурный ренессанс в современной Сибири: общая характеристика и региональный опыт (на примере республики Алтай и республики Хакасия) // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2016. № 4 (42). С. 73–79.
 Шнирельман В. А. Аборигенные народы, этничность и политика // ЭО. 2012. № 2. С. 34–44.

E. N. DANILOVA

THE ROLE OF A RESEARCHER IN THE ETHNIC RENAISSANCE PROVOCATION: THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG — UGRA CASE STUDY

The author studies the role of a researcher in the provocation of ethnic renaissance, which may be characterized by such processes as the actualization of historical memory, growth of ethnic consciousness, a reliance on ethnicity in the search for a group's positioning, and the preservation and revitalization of the elements of traditional culture. The choice of the KhMAO — Ugra as a case study was based on a significant number of the archaeological and ethnographic projects implemented in its territory, and the close cooperation between the researchers and the indigenous minorities living in the area. There is a continuous exchange of knowledge between a researcher and the people, whose culture and history is the subject of the research; in the process of a long-term observation, we may witness the gradual actualization of the interest in their own culture and the revival of some traditional practices.

Elena N. Danilova — Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg).
 E-mail: danilova@northarch.ru

М. В. ЖИТКОВА

**СТРУКТУРА, СОСТАВ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФАКТОРИЙ СУРГУТСКОГО РАЙОНА
ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИПОЛЯРНОЙ ПЕРЕПИСИ 1926–1927 ГГ.**

Доклад посвящен комплексному источниковедческому анализу бланков факторий Сургутского района по материалам Приполярной переписи 1926–1927 гг. В ходе исследования была получена и обработана информация по следующим направлениям: создание и ареалы действия факторий; организация снабжения факторий; штат работников факторий, организация и сферы деятельности; детально описана организация работы государственных, акционерных и кооперативных факторий на Севере. Это позволило реконструировать работу факторий в период с 1923 по 1927 гг., с момента их возникновения до окончания проведения Приполярной переписи. Анализ деятельности факторий Сургутского района позволяет глубже понять особенности освоения Севера и отдельные сюжеты политики Советского государства в отношении малочисленных народов края.

Житкова Майя Валерьевна — независимый исследователь (Россия, Екатеринбург). E-mail: mayacw@mail.ru

Результатом Приполярной переписи 1926–1927 гг. стало формирование информационной базы о малочисленных народах Севера, а также русского населения в общественной, хозяйственной и культурной сферах. Были собраны уникальные материалы о потребностях местных жителей, о торговле, организации пушного промысла, процессе ценообразования, информация о сотрудниках факторий, их семьях, образовании, стаже работы на севере и знании местных языков.

Актуальность работы определяется тем, что она посвящена проблеме включения малочисленных народов Севера в систему социально-экономических связей в условиях формирования единого экономического пространства в районах Крайнего Севера. Анализ деятельности факторий Сургутского района позволяет глубже понять особенности освоения Севера и отдельные сюжеты политики Советского государства в отношении малочисленных народов края.

Значительная часть уникальных материалов Приполярной переписи не введена в научный оборот. Работа с материалами переписи осложнялась тем, что данные заполнялись карандашом или чернилами от руки и плохо прочитывались. Бланки факторий Сургутского района заполнялись на трех различных формах, две из которых являлись видами Годового отчета. Они содержали в себе информацию настолько разную по содержанию, что это позволило составить объективную картину о работе торгово-заготовительных пунктов в целом. Информация, содержащаяся в бланках факторий Сургутского района, была занесена в таблицы и проанализирована по следующим направлениям: создание и ареалы действия факторий; организация снабжения факторий; штат работников факторий, организация и сферы деятельности. Это позволило реконструировать работу факторий в период с 1923 по 1927 гг., с момента их возникновения до проведения Приполярной переписи. Всего обработано 12 архивных документов из Государственного архива Свердловской области (ГАСО) по 15 факториям Сургутского района.

Фактории Потребительской кооперации «Общества потребителей» появились в Сургутском районе в 1923 г. В 1924 гг. открылись фактории Акционерного общества «Сырье» и Сургутской районной фактории Сургутского района «Уралгосторг». Самой молодой факторией являлось Сургутское кооперативно-промысловое товарищество

охотников и рыбаков, начавшее свою работу в начале 1926 г. Фактории создавались в крупных населенных пунктах, таких как села Сургут, Тундрино, Юган, Локосово, Покур, и Сытомино, что позволило наладить систему снабжения торгово-заготовительных пунктов по всему району. Снабжение необходимыми товарами производилось летом — на пароходах по основным судоходным рекам Обь, Иртыш, Аган, Юган; зимой — на лошадях или оленях. Товары доставлялись в Сургут, откуда распределялись по отдельным факториям. Такая система снабжения позволяла своевременно переправлять товары к факториям и восполнять резкий товарный дефицит.

По мнению регистратора Приполярной переписи И. Татурина, штат факторий был достаточно квалифицирован и полностью укомплектован. На руководящие должности приглашались лица из других городов. В основной штат нанимали работников среди местных, имеющих авторитет и доверие у промыслового населения. При острой необходимости в зимний сезон нанимались временные сотрудники, чаще всего переводчики. Заведующие отдаленными факториями зачастую сами являлись переводчиками с остяцкого или самоедского языков. На регулярной основе проводились ревизии на факториях потребительских обществ, а также инспектирования Тобольской конторой факторий «Уралгосторг» и «Сырье».

Изначально главной целью факторий в Сургутском районе стала заготовка пушнины, сместив хозяйственные приоритеты местного населения с рыболовства на охоту. Однако не все фактории ставили заготовку пушнины на первое место. Среди снабженческих пунктов Сургутского района фактории Акционерного общества «Сырье» и «Уралгосторг» делали ставку на заготовку пушнины, когда как основной доход у потребительских обществ составляли заготовка рыбы (соленой, сухой), кожаного сырья, ореха, дров, икры, пера, рыбьего жира и пр.

Фактория становилась местом универсальной торговли и торгово-заготовительным пунктом. Помимо основной своей задачи — заготовительной, они снабжали как русское, так и туземное население необходимыми товарами. Среди предметов ввоза в район на первом месте по ценности и по значению были хлебопродукты. Не меньшее значение имел ввоз бакалейных товаров, оружия и огнестрельных, табачных изделий. Среди предметов, сбываемых местным населением через торговые пункты и идущих на вывоз, на первом месте стояла пушнина, на втором — рыба. Меньшее значение имел сбыт кедрового ореха и кож домашних и диких животных.

Организация факторий в Сургутском районе имела неоднозначное воздействие на население. С одной стороны, была налажена единая торгово-заготовительная сеть для сбора заготовительного сырья и для снабжения на регулярной основе необходимыми товарами русского и коренного населения, проживающего в отдаленных районах. С другой стороны, расстояния, на которых находились фактории от промыслового населения, усложнили торговлю с безоленным и малооленным населением. В Аганском районе туземцы были настроены против факторий. В связи с сильной конкуренцией и более выгодными условиями торговли для промыслового населения в Томском округе восточная часть Сургутского района стремилась присоединиться к нему.

Малочисленные народы Севера использовали фактории для закупа и сбыта необходимых товаров, постепенно приспособившись к новой экономической политике. Приполярная перепись зафиксировала момент, когда преобразования советского государства еще не коснулись народов Севера, позволяя сохранять традиционный образ жизни.

M. V. ZHITKOVA

STRUCTURE, COMPOSITION, AND OPERATION OF THE TRADING STATIONS OF THE SURGUT DISTRICT ACCORDING TO THE CIRCUMPOLAR CENSUS MATERIALS OF 1926–1927

The paper presents the materials of a comprehensive study of the census forms filled in by the trading stations of the Surgut district during the Circumpolar Census of 1926–1927. This work provided valuable information for the analysis of the processes of establishing and the territories of operation of the trading stations; the organization of the trading stations' provisioning; their staff, organization structure and the spheres of operation; it also provided a detailed description of the organization of the public, joint-stock and cooperative trading stations in the North. This facilitated the reorganization of the trading stations operation between 1923 and 1927, from the time of their organization to the completion of the Circumpolar Census project. The analysis of the operations of the Surgut district trading stations contributed to a deeper understanding of the specifics of the North development, as well as some aspects of the Soviet state policy with regard to the indigenous minorities of the region.

Maya V. Zhitkova – Independent researcher (Russia, Ekaterinburg). E-mail: mayacw@mail.ru

P. A. ИБРАЕВА

МУЗЕЙ-СТОЙБИЩЕ РОДА КАЗАМКИНЫХ

Музей-стойбище хантыйского рода Казамкиных, структурное подразделение Экоцентра г. Мегион, находится на берегу небольшого родникового озера Поссен-Лор (Нижневартовский район ХМАО – Югры). Его локализация подчеркивает единство живой природной среды и человека. Музейные проекты направлены на сохранение традиций и технологий работы с деревом. Новая лодка-долбленка и ловушки-слопцы стали объектами исследования и дополнили экспозицию музея.

Ибраева Расима Аламетдиновна – Региональный историко-культурный и экологический центр (Экоцентр) (Россия, Мегион). E-mail: rasima_ibraeva@mail.ru

В России проживает более 180 народов [Всероссийская перепись населения... 2010], в том числе коренные малочисленные народы Севера, особый статус которых закреплен конституционно. На сохранение их этничности, традиционного образа жизни и культурного наследия направлена работа региональных краеведческих и этнографических музеев. Одним из таких музеев является Музей-стойбище хантыйского рода Казамкиных (структурное подразделение Регионального историко-культурного и экологического центра г. Мегион). Музей находится на берегу небольшого родникового озера Поссен-Лор. Его локализация подчеркивает единство живой природной среды и человека, здесь каждый посетитель в самом обыкновенном может найти что-то невероятное, а в невероятном – обнаружить обыкновенное.

В природно-этнографическом комплексе экспонируются традиционные деревянные строения и предметы быта, акцентируется внимание на хозяйственной деятельности и промыслах восточных хантов. В фондах Регионального историко-культурного и экологического центра представлены различные орудия активной и пассивной охоты. Это найденные в Нижневартовском и Сургутском районах каменные и металлические наконечники стрел эпохи неолита, а также лавровидные наконечники копий на медведя (*палы*), традиционно передаваемые от отца сыну. Конечно, у народов Западной Сибири, в том числе хантов, были развиты и пассивные способы добычи зверя. Однако в археологическом материале

они представлены бедно, поскольку дерево, из которого они изготавливаются, сохраняется плохо. Наиболее древние приспособления пассивной охоты — ловушки давящего типа, прежде всего, это слопцы, служащие охотникам в течение десятилетий. Отношение к ним особое: промысловики и сегодня не разрешают их изымать с мест промысла, поэтому для демонстрации приспособлений охоты на стойбище в музее выполнены аутентичные копии.

С целью сбора информации и реконструкции предметов из дерева в музее разработан исследовательский проект «Вторая жизнь дерева». Один из первых опытов — исследование технологии изготовления лодки-долбенки аганских ханты (*рыт*). Итоги проектного исследования были представлены на нескольких научно-практических форумах (XII научно-практическая конференция, посвященная памяти А. А. Дунина-Горкавича, Ханты-Мансийск 2016; IV всероссийская научно-практическая конференция «Человек и север: антропология, археология, экология», Тюмень 2018). Паспорт-анкета лодки включена в электронный реестр нематериального культурного наследия народов ХМАО — Югры.

Второй проектный этап посвящен изучению ловушки давящего типа на боровую птицу (*сессек(х)*). Ловушка-слопец примитивна только на первый взгляд. Конструкция состоит из пяти частей: площадки с приманкой, загородка, насторожки, опадного устройства и ограды (забора). Ставится ловушка так, что птица, заметив приманку должна зайти в загорода, устроенный из вбитых в землю крепких прутьев. Важно, чтобы птица пошла в проход (ширина не должна превышать 50–53 см). Сложное устройство имеет насторожка, состоящая из четырех деталей: 1. дорожки — решетчатого настила из щепы (52–53 см) (*пурмет юкелт*), щепы верхним краем лежит на поперечной рейке, образуя небольшой наклон решетки, под которой видна приманка; 2. поперечной рейки (*пурмет юкелт катл*) (55 x 4-5 см), держится за счет упора (*пуклен юк*); 3. вертикальной палочки (*пуклен юк*) (53 см), нижний край фиксирует вторую часть, верхний конец удерживает давящие бревна в поднятом состоянии; 4) механизм, удерживающий равновесие давящих бревен и насторожки (*мевер*) (диаметр 5 см., дл. 50–55 см). С двух сторон от прохода обустраивают забор (*оч*) высотой до полуметра, используя подручный материал. Птицы в поисках гальки и камушков идут в проход слопца и попадают в ловушку. С развитием новых технологий слопцы постепенно выходят из употребления, становясь частью культурного наследия народа.

Библиографический список

Всероссийская перепись населения 2010 г. URL:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.03.2019).

R. A. IBRAYEVA

KAZAMKINS FAMILY HERDERS CAMP-MUSEUM

The herders' camp-museum of a Khanty family Kazamkins, a structural unit of the Megion Eco-Center, is located on a shore of a small spring-fed lake Possen-Lor (the Nizhnevartovski district of KhMAO — Ugra). Its localization emphasized the unity of the live power of the nature and man. The aim of the museum project is the preservation of the traditions and the woodworking techniques. New log boat and several slopets traps became the objects of research and an addition to the museum's exhibition displays.

Rasima A. Ibrayeva — Regional Historical-Cultural and Ecological Center (Ecocenter) (Russia, Megion).
E-mail: rasima_ibraeva@mail.ru

А. С. ИВАНОВ

РЕПРЕССИИ И ЭТНИЧНОСТЬ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ (1930–1950 ГГ.)*

Депортации и спецпоселение народов СССР автор предлагает рассматривать через теорию трудового коллектива, разработанную А. С. Макаренко, где главным наказанием для индивида являлось «коллективное изгнание». При подобном подходе процесс принудительного переселения (депортации, ссылки) может быть прочитан как «смена трудовых коллективов» в общегосударственном (общенациональном) масштабе; стигматизированная этничность спецпереселенцев — как «естественное» следствие отклонения от норм коллектива; институт спецпоселения — инструмент принудительной «коллективной корректировки личности».

Иванов Александр Сергеевич — к.и.н., Сургутский государственный университет (Россия, Сургут).
E-mail: 88d@bk.ru

Известный советский педагог А. С. Макаренко дал краткую, но емкую характеристику требований властей к новому поколению строителей и качествам «правильных» советских людей в целом. «Выпускайте здорового, хорошо грамотного, а если можно, то и образованного человека, дисциплинированного, бодрого, обладающего хорошим развитием и инициативой, упорядоченного в гигиене и быте, а самое главное, сознательно участвующего в работе коллектива и класса, активного деятеля нашего строительства, в любой момент способного стать в военные ряды для защиты нашего дела в нашей стране от армии буржуазии». Макаренко ратовал за «массовый выпуск подобной продукции», чего требовали «и партия, и хозяйственники и военные» [Хархордин 2018, с. 251, 252].

Данное высказывание выдающегося педагога соответствовало общей матрице советской власти и интересно нам тем, что одним из наиболее суровых наказаний в теории коллектива Макаренко выступает «коллективное изгнание», т. е. исключение трудовым коллективом индивида из своих рядов, в случае если коллективное давление на индивида не принесло результатов и он в результате «взрыва» (моментальной смены ориентиров) не принял правил и ценностей данного коллектива [Там же, с. 258, 259].

Если наложить предложенную матрицу, к примеру, на депортации народов СССР и спецпоселение, то мы получим ситуацию, при которой определенные выделенные статистиками национальные (немцы, калмыки и т. д.), социальные («кулаки») и конфессиональные (истинно-православные христиане) группы («коллективы») были за определенные «провинности» принудительно перемещены в Сибирь и другие регионы СССР. На спецпоселении они были обязаны заниматься «общественно полезным трудом», т. е. интегрироваться в новые трудовые коллективы [Политбюро и крестьянство... 2006, с. 536].

Включение в новые трудовые коллективы, происходившее на недобровольной основе (посредством предписания места жительства и места работы), сопровождалось стигматизацией депортированных. В Сибири стигма была закреплена режимным статусом — депортированные стали спецпереселенцами контингента «калмыки», «немцы» и т. д., что среди прочего означало более низкий общественный статус в сравнении с не репрессированными гражданами [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484. Л. 136]. Процессы трансформации этнического

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства ХМАО — Югры в рамках научного проекта № 18-49-860012 р_а «Формирование и развитие судебной системы ХМАО в 1930-е-1950-е гг.» (рук. А. Я. Кодинцев).

сознания, происходившие в годы депортации, определили среди репрессированных две группы. Первую составляли те, кто был вывезен в Сибирь в малолетнем возрасте. Вторую составили люди, депортированные в зрелом возрасте, с уже сложившимися взглядами на мироустройство, обладавшие определенным этническим самосознанием и убеждениями.

В тех поселениях, где представители старшего поколения были в меньшинстве, а преобладали дети и молодежь, индивиды часто принимали новую самоидентификацию вместе с негативной оценкой своей этнической группы по причине ее стигматизации. Наглядный тому пример — воспоминания проживавшего в Микояновском районе Ханты-Мансийского округа Б. А. Богаева: «...мы, мальчишки и девчонки, стеснялись называть себя калмыками, не возмущались, что нас из Бадмы, Санджи, Кермен превратили в Бориса, Сергея, Клару. Мы стеснялись говорить на своем родном языке, не говоря уже о том, чтобы петь и танцевать. Не скрою, нам тогда казалось, что все калмыцкое хуже, чем русское, белорусское и т. д. Мы, тогда малолетние ребята, были уверены в том, вернее, склонялись к тому, что, являясь представителями маленькой нации, имеем маленькие, крошечные, ограниченные способности, потенциал во всем» [Богаев 2009, с. 210, 211]. Фактором, ограничивающим способность спецпереселенцев-калмыков к трудовой социализации, были ограничения на пользование многими социальными лифтами, доступными «правовому» населению. Вот что вспоминает один из депортированных калмыков о назначении в послевоенные годы своего односельчанина главным бухгалтером рыбартели: «Безусловно, назначение переселенца на столь высокий пост бесследным для окружающих не осталось. Нашлись такие, которые написали жалобы и начались соответствующие проверки» [Богаев 2009, с. 172, 173]. В контексте теории Макаренко это можно объяснить горизонтальным надзором, который осуществляли члены коллектива за всеми своими членами (вспомним про созданную НКВД систему десятидворок и «старших» по баракам), а также коллективным давлением и навязыванием «стандартов сознательной дисциплины» «провинившемуся» индивиду с целью «групповой корректировки личности» [Хархордин 2018, с. 253, 256].

С точки зрения проблем адаптации представителей депортированных народов к новым условиям и их самосознания сам процесс интеграции в новые сообщества был достаточно болезненным, но для трудового коллектива это не являлось проблемой, поскольку травма являлась «естественным» следствием неподчинения единым требованиям.

В итоге, если принять теорию трудового коллектива, разработанную А. С. Макаренко, за некий шаблон построения идеального общества, на которое опиралось сталинское руководство, то: 1) сам процесс принудительного переселения (депортации, ссылки) может быть прочитан как «смена трудовых коллективов» в общегосударственном (общенациональном) масштабе; 2) стигматизированная этничность спецпереселенцев — как «естественное» следствие отклонения от норм коллектива; 3) институт спецпоселения — инструмент принудительной «коллективной корректировки личности».

Библиографический список

Богаев Б. А. Забвению неподвластно. Элиста, 2009.
ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484.

Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. М., 2006. Кн. 2.

Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб., 2018.

A. S. IVANOV

REPRESSIONS AND THE “SPECIAL SETTLERS” ETHNICITY (1930–1950)

The author proposed to have a look at the problem of the deportation of the individual ethnic groups and the organization of “special settlements” in the USSR in the light of a self-governing work community theory developed by A. S. Makarenko, where the most severe punishment for an individual was an “exclusion from a community”. Under this approach the forced relocation process (deportation, exile) may be seen as a “change of work communities” on a national scale; the stigmatized ethnicity of special settlers – as a “natural” consequence of certain deviations from the norms accepted by the community; and the “special settlement” institute – as a mechanism of “collective personality correction” enforcement.

Alexander S. Ivanov – Candidate of Historical Sciences, Surgut State University (Russia, Surgut).
E-mail: 88d@bk.ru

Т. А. ИСАЕВА

**О СПЕЦИФИКЕ МУЗЕЙНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ СУРГУТСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

Сургутский краеведческий музей располагается в административном центре самого населенного района Югры, где на территориях традиционного природопользования проживает более 3 тысяч коренных жителей, из них 98 % – ханты. Их культура подверглась значительной трансформации, но сохранила базовую структурную целостность. Культурная деформация имеет самые разные проявления и может быть документирована различным образом, в том числе при помощи музея. Музейная этнография наука «репрезентативная». Она ориентирована на комплектование и музейную публикацию этнографических коллекций, вещевых памятников и музеефицированных объектов нематериального наследия. Важной задачей является распространение знаний о традиционной культуре ханты, формирование уважительного отношения к малым народам. Посетитель музея должен понять, что имеет дело с развивающейся культурой, а не с реликтом.

Исаева Татьяна Александровна – к. культурологии, Сургутский краеведческий музей (Россия, Сургут).
E-mail: tanisa-68@mail.ru

Социально-экономические преобразования XX в. внесли коррективы в организацию традиционных культурных форм автохтонов Югры и Ямала и способствовали формированию новых способов их социальной адаптации.

Со второй половины XX в. регионы зарекомендовали себя как поставщики углеводородного сырья. Нефть и газ определили особенности их развития, специфику современной заселенности, которая заключается в тесном соседстве двух групп населения. Коренного, практикующего модернизированные формы традиционного природопользования, и «индустриального», обслуживающего нефтегазовую промышленность и ее социальную инфраструктуру. На этих территориях реализуются государственные программы, направленные на поддержку и сохранение коренных народов. Благодаря или вопреки им коренные народы сохранились, но их культура претерпела значительные изменения.

Культурная деформация имеет самые разные проявления и может быть документирована различным образом. Ее постоянное наблюдение – это возможность получения (интерпретации, репрезентации) бесценных данных в области социально-культурной

антропологии. Не последнюю роль в этом могут сыграть музеи, расположенные в непосредственной близости от территорий традиционного проживания коренного населения, практикующие полевые этнографические исследования и располагающие необходимым персоналом.

Музейная этнография является по преимуществу «репрезентативной» наукой — «наукой напоказ» [Баранов 2007, с. 384]. Она заточена на формирование и самую разнообразную публикацию этнографических коллекций, включающих преимущественно вещевые памятники. В особо благоприятных условиях возможна музеефикация фрагментов среды и объектов нематериального наследия.

В этом смысле особая ответственность лежит на этнографических музеях, поскольку «народописание» их непосредственная задача. Иначе обстоит дело в краеведческих музеях, ориентированных на обширную область документирования, где этнография является только одним из направлений. Эти музеи расположены в разной степени удаленности от территорий проживания изучаемых народов. Чем ближе к этим народам, тем выше их ответственность перед носителями культуры, посетителями музея, перед будущими поколениями музейщиков, в наследство которым достанутся коллекции вещественных источников и образцы объектов нематериального наследия.

Сургутский краеведческий музей является одним таких музеев. Он располагается в крупнейшем городе Югры, центре самого населенного района округа. В Сургутском районе на территориях традиционного природопользования проживают коренные жители. Их численность составляет чуть более 3 000 человек. Из них 98 % — ханты. Это представители сургутской подгруппы восточных ханты.

Можно сказать, что этнографическое поле находится от музея на расстоянии вытянутой руки. Диапазон его этнографических исследований намеренно ограничен территорией Сургутского района. Это объясняется в частности, потребностью формирования коллекции этнографии сургутских (пимских, тром-аганских, юганских) ханты. В музеях соседних городов формируются собственные коллекции, отражающие этнолокальные традиции территорий. Понимая значимость этнокультурных территориальных связей, Сургутский музей соблюдает «чистоту» собрания, ориентируясь на интересы посетителя. В музеях разных городов они должны увидеть и понять разнообразие и многовариативность традиционной культуры ханты [Исаева 2003, с. 534–535].

В Сургутском музее планомерная работа в области этнографии началась в 1992 г. Первоначально она сводилась исключительно к комплектованию. Предпочтение отдавалось «классическим» образцам или «старинным» вещам. Постепенно тематика исследовательского интереса расширилась. Значительное внимание стало уделяться локально-территориальной специфике хозяйствования, сохранности и особенностям обрядовых практик, фамильному составу и внутриэтническим миграционным процессам и многим другим аспектам, характеризующим современное состояние культуры ханты.

В плане научно-исследовательской работы музея сформулировано и закреплено базовое направление этнографического изучения региона — «Этнокультурные процессы на территории Сургутского района», которое реализуется в разных исследовательских проектах («Красные люди (воспоминания о революции и первых Советах)», «Особенности детской игровой культуры середины XX в.», «Фольклорные традиции тром-аганских ханты», «Народная медицина», «Современное состояние оленеводства»). Результаты

исследовательской деятельности представляются на научных конференциях, реализуются в выставочных и просветительских проектах, смысловое наполнение которых базируется в том числе и на материалах полевых исследований. Посетитель музея должен понять, что имеет дело с развивающейся культурой, а не с реликтом, поскольку представленные на этнографических экспозициях культуры, а точнее — их образы, воспринимаются посетителями как объективная реальность [Баранов 2007. с. 385]. Не менее важное направление — издательская деятельность, ориентированная не только на специалистов, но и на широкую аудиторию. Это полноцветные каталоги этнографических коллекций, издания, посвященные фольклору ханты, фотоальбомы.

Библиографический список

- Баранов Д. А. Музей и репрезентации этнографической реальности // А. Б. 60. Сб. статей к 60-летию А. К. Байбурина. СПб., 2007. С. 384–396.
Исаева Т. А. О специфике формирования коллекции этнографии восточных ханты // Угры: материалы VI-го Сибир. симпозиума. «Культурное наследие Западной Сибири: угры». Тобольск, 2003. С. 534–536.

T. A. ISAEVA

ON THE SPECIFICS OF THE MUSEUM AND THE ETHNOGRAPHIC STUDY OF A TERRITORY (BASED ON THE EXPERIENCE OF THE SURGUT REGIONAL HISTORY MUSEUM)

The Surgut Regional History Museum is located in the administrative center of the most populated territory of Ugra, where more than three thousand indigenous people live in the territories with the traditional nature management system, 98 % of them are the Khanty. Their culture has suffered a significant transformation, however, it maintained its basic structural integrity. Cultural deformation may be manifested and documented in different ways, including with the help of a museum. Museum ethnography is a “representative” discipline. It is focused on the acquisition by a museum and further publication of the ethnographic collections, material culture items, and the museumified intangible cultural heritage objects. An important task is the popularization of knowledge about the traditional culture of the Khanty, fostering of a respective attitude towards the indigenous minorities. A visitor must get a feeling that a museum tells about a living culture, and not about a relic.

Tatyana A. Isaeva — Candidate of Cultural Studies, Surgut Regional History Museum (Russia, Surgut).
E-mail: tanisa-68@mail.ru

В. А. КИСЕЛЬ

«МАСКА ШАМАНА» ИЗ КУНСТКАМЕРЫ: ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ СВЯТЫНИ*

В Кунсткамере хранится экспонат «маска шамана» Он поступил в XVIII в. и являлся культовым предметом тунгусов. Проведенное исследование позволяет предположить, что «маска» изначально была памятником православного искусства и изображала херувима или серафима. Скорее всего, она входила в церковное убранство. Позднее, попав в тунгусскую среду, «маска» подверглась переделке и превратилась в духа-помощника. Не исключено, что она была прикреплена к дереву, олицетворяя охранителя охотничьих угодий.

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

Кисель Владимир Антониевич – к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: kisel@kunstkamera.ru

В МАЭ РАН, бывшей Петровской Кунсткамере, хранится предмет, именуемый «маска шамана» (МАЭ № 869-1). Он представляет собой плоскую латунную личину округлой формы, заостренную сверху, с полукруглым вырезом снизу (длина – 39,6 см., ширина – 34,8). Глазницами являются крупные яйцевидные прорезы. Прямой нос выполнен в высоком рельефе. Щеки намечены в виде выступов. Морщины на лбу показаны выпуклыми линиями. Брови обозначены параллельными наклонными отрезками, составленными из углубленных штрихов. Рот отсутствует, его заменяет вырез. Контур изделия, кроме выреза, обрамлен желобком. По краю пробиты 7 отверстий. Согласно описи, экспонат относится к XVIII в. и принадлежал тунгусам, то есть эвенкам.

На первый взгляд предмет полностью соответствует эвенкийским маскоидам. Их изготавливали из округлой металлической пластины, на которой выдавливался прямой нос, намечались точками или черточками брови и прорезались овальные глаза и рот. Эти предметы считались местопребыванием духа-помощника, выступавшего личным покровителем шамана, либо хозяином конкретной территории. Маскоидам делались подношения, их кормили, смазывая рты жиром, мозгом и кровью [Василевич 1969, с. 254; Иванов 1970, с. 108, 109, 167, 169, 235–245, рис. 97, 152, 1, 214–221; Сем 2017, с. 212, 213].

Однако при внимательном осмотре становится очевидным отличие кунсткамерской личины от других эвенкийских образцов. Так, она значительно больше маскоидов. К тому же личина, имея с ними иконографическое сходство, выделяется мелкими деталями. «Тунгусский» образ нарушают заостренная вершина, морщины, крылья носа с углубленными ноздрями и губной желобок. Не вписывается в традиционную металлообработку эвенков и профессиональное владение мастера стилем, которым выполнены черты лица. Кроме того, эвенкам не был известен инструмент накатка, с помощью которого изображены брови.

Более того, можно выявить переделку предмета. Аккуратному исполнению носа и бровей противоречит грубое изготовление глазниц и полукруглого выреза, которые просто вырублены. Очевидно, переделка производилась в эвенкийской среде с целью превращения инокультурного изделия в духа-помощника. Возможно, личину укрепили на стволе дерева с душлом, которое размещалось под полукруглым вырезом. Подобные культовые памятники имели широкое распространение в Сибири, хотя изображения на них, как правило, вырубались [Иванов 1970, с. 172, рис. 156].

Стилистические особенности личины указывают на ее близость с церковным искусством России. Они во многом совпадают с каноном Нерукотворного Образа. Согласно ему, лик Иисуса Христа изображался в фас. Вытянутое лицо обрамляли волосы, расчесанные на прямой пробор. На лице обозначались широкий лоб, большой тонкий нос, крупные миндалевидные глаза, ровные брови, небольшой рот, волнистая борода и усы [Кондаков 2001, с. 20, 24, 28, 30, 31, 34].

Отсутствие на личине бороды и усов не позволяет отождествить ее с Нерукотворным Образом. Для нее более подходит Спас Благое молчание, представлявший Христа в виде ангела и соответственно без растительности на лице. Однако все изображения Спаса Благое молчание передают поясную фигуру. Предполагать же, что предмет из Кунсткамеры

являлся деталью громадного образа не приходится, поскольку таких металлических памятников православного искусства не известно. Скорее всего, личина была главной частью изображения. Поэтому наиболее подходящими христианскими персонажами являются серафимы либо херувимы, часто представлявшиеся в виде человеческого лица, окруженного крыльями.

Изначально личина, прибитая к доске, могла входить в составной рельеф, который служил украшением двери или стены культового сооружения.

Проникновение в Сибирь произведений православного искусства началось вместе с расселением русских и было связано с массовым крещением сибирских «инородцев». Внедрение православия привело к наложению новых образов на шаманизм. В связи с этим показательное использование христианской тематики в культовой практике местного населения. В Российском этнографическом музее хранится любопытный головной убор тунгусского шамана (РЭМ № 147-5/11). Он шит из замши и украшен металлической фигурой Архангела Михаила, выполненной в православном каноне [На грани миров 2006, рис. на с. 277].

Большие размеры кунсткамерской личины подчеркивают ее неординарность. Ее появление в эвенкийской среде должно объясняться существенной причиной.

В истории русской церкви Сибири первая половина XVIII в. явилась непростым периодом. В 1707 г. Петр I издал указ о повсеместном запрете строительства часовен для уменьшения финансовых затрат. Через 15 лет Синод постановил не только не возводить новых часовен, но и разобрать уже имеющиеся. Наступил так называемый «часовенный разбор». «Из часовен выносились иконы и дорогие предметы культа, снимались колокола, описывалась казна, а сами часовни разбирались, забивались или передавались частным лицам под хозяйственное использование» [Дулов, Санников 2006].

Этот разгром прекратился только в 1727 г. Результатом его стало уничтожение в Восточной Сибири более 60 часовен. Согласно указу, принадлежавшие часовням культовые предметы и казна передавались в ближайшие церкви. Но многое из изъятого исчезло безвозвратно [Дулов, Санников 2006].

Не исключено, что кунсткамерская личина входила в убранство одной из часовен, подвергшихся разрушению. Произведение православного искусства не поступило в церковь, а попало к эвенкам. В тайге личина подверглась переделке и была превращена в духа-помощника, очевидно, охранявшего охотничьи угодья.

Библиографический список

- Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л., 1969.
 Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск, 2006.
 Иванов С. В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л., 1970.
 Кондаков Н. П. Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб., 2001.
 На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея: Альбом). М., 2006.
 Сем Т. Ю. Шаманизм эвенков (по материалам Российского этнографического музея). СПб., 2017.

V. A. KISEL

A “SHAMAN’S MASK” FROM THE KUNSTKAMERA’S COLLECTIONS: REINCARNATION OF A SACRED RELIC

One of the Kunstkamera’s exhibits is a “Shaman’s mask”. It was obtained by the museum in the 18th century, and was interpreted as a ritual item of the Tungus. Its study gave reasons to believe that the “mask” was originally an Orthodox Christian art object, and depicted a cherub or a seraphim. Most likely, it was part of some church ecclesiastical items. Later, when it was brought into the Tungus environment, the “mask” suffered a “re-engineering” and was turned into a spirit-assistant. It is quite possible, that it was fixed on a tree as a personification of a protector of a hunting territory.

Vladimir A. Kisel – Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: kisel@kunstkamera.ru

Е. П. МАРТЫНОВА

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯМАЛА*

В условиях утраты этнокультурных особенностей в современном глобальном мире и ослаблении «этнических корней» происходит институционализация этничности коренных народов Севера. В докладе будут рассмотрены основные способы ее поддержки у коренных народов ЯНАО: официальная символика, этническое законодательство по отношению к КМНС, образовательная политика, возрождение и поддержка религиозных верований северных народов, ремесел и т. п. Культурные особенности и языки коренных народов во многом поддерживаются «сверху», что придает им официальное и политическое «звучание». В производстве и воспроизводстве этнокультурных установок и символов активность проявляет этническая интеллигенция. Можно говорить, что институционализация этничности – своеобразное сопротивление процессам унификации и маловероятно, что в ближайшем будущем ее потенциал будет полностью исчерпан.

Мартынова Елена Петровна – д.и.н., Тульский государственный педагогический университет (Россия, Тула). E-mail: ep_martynova@mail.ru

В современном мире роль этничности под воздействием процесса глобализации снижается и повсеместно укореняются общие стандарты жизни. Коренные малочисленные народы Севера (далее КМНС) ЯНАО не являются исключением. В их повседневной жизни можно наблюдать утрату этнокультурной специфики. В ямальских городах и поселках ненцы, селькупы, ханты ощущают «давление» массовой культуры, в их сознании утверждаются ценности общества потребления. Ведущую роль в этих процессах играют активное индустриальное освоение территории, урбанизация, приток мигрантов. Техно-медиа-революция проникла даже в ямальские тундры, во многом изменив привычную жизнь оленеводов-кочевников [Головнёв 2014, с. 150, 151]. Вызовы современной жизни существенно ослабляют «этнические корни» коренных народов, ускоряя процесс их культурной ассимиляции.

С другой стороны, нельзя не заметить практики «этновосстановления», распространившиеся в различных сферах культуры и хозяйственной деятельности северных народов

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски» (рук. Е. А. Пивнева).

[Пивнева 2016]. Институционализация этничности коренных народов ЯНАО поддерживается правовыми и публичными институтами (органы власти, законодательство, масс-медиа, образование, культура и др.). Официальные символы автономного округа подчеркивают его этнический характер. Например, на флаге ЯНАО изображен орнамент «оленьи рога», использующийся коренными народами региона при декорировании разных предметов. Считается, что изображение оленя на гербе символизирует стремление органов государственной власти к сохранению и развитию оленеводства как экономической основы и образа жизни коренного населения. Элементы традиционного орнамента и другие изображения с этносимволикой можно встретить на гербах и флагах районов и муниципальных образований, что свидетельствует о ее приоритете в концепциях административно-территориальных образований [Перевалова 2017, с. 366–368].

В политико-правовом поле действуют окружные законы, принятые с целью «сохранения исконной среды обитания», «традиционной хозяйственной деятельности и традиционного образа жизни», «сохранения и возрождения самобытной социальной организации с целью поддержки развития самобытной культуры, обычаев и верований» малочисленных аборигенных сообществ (Закон «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в ЯНАО», 2006 г.). В соответствии с законом «О родных языках КМНС на территории ЯНАО» (2010 г.) родные языки (ненецкий, селькупский, хантыйский) используются в СМИ, на них ведутся передачи на телевидении и радио, выпускаются газеты, издается научно-публицистическая, художественная и учебная литература. Однако сфера функционирования родных языков сокращается. По наблюдениям, подавляющее большинство жителей поселков и городов, относящихся к категории КМНС, говорят на русском языке. В их сознании существует противоречие между декларированным статусом родных языков как официальных и реальной практикой их использования, обусловленной большей функциональной и демографической мощностью русского языка, поскольку КМНС составляют всего 7 % от общей численности населения округа.

Важным направлением институционализации этничности является образовательная сфера. В учебных заведениях ЯНАО, начиная с уровня детского сада, а, особенно в школах, уделяется большое внимание так называемой «этнокультурной» составляющей и реализуется она в разных формах. Это специальные предметы, дополнительные занятия, специальные темы в рамках учебных программ [Российская Арктика... 2016, с. 216–223]. Особо следует отметить кочевые школы, организация которых стала одним из приоритетных направлений в образовательной политике округа в 2010-е гг. Разрабатываются и апробируются различные модели этнокультурного образования для детей КМНС.

Важной составляющей культурной жизни Ямала является активное фольклорное движение коренных народов: проведение фестивалей фольклорных коллективов, традиционных обрядовых действий, праздников (День оленевода, День рыбака, «Вороний день», «День середины лета»), работа по публикации фольклора народов Севера. Повсеместно можно наблюдать возрождение традиционных ремесел, организацию этнографических выставок.

В 1990–2010-е гг. актуализировались традиционные религиозные верования коренных народов Севера. Прежде всего, это касается социального контекста взаимосвязи религии и традиционных духовных ценностей. В начале 2000-х гг. этническая интеллигенция начала работу по выявлению и фиксации священных (культовых) мест. Вскоре в округе

развернулось общественное движение в защиту традиционных святынь, было выявлено и поставлено на учет множество культовых памятников федерального, регионального и местного значения. Религиозно-культурные традиции коренных народов Ямала выступают одним из важных маркеров этнической мобилизации. Можно говорить, что религиозные верования, включая шаманизм, в современных условиях становятся одним из ресурсов по возрождению и сохранению этнокультурного наследия коренными народами Ямала. Своя, «исконная» религия служит важным маркером этнокультурной идентичности.

Вместе с тем, сегодня невозможно оспорить тот факт, что существующая практика ревитализации «сверху» культурных традиций и языков придает им официальное и политическое «звучание». В производстве и воспроизводстве этнокультурных установок и символов активность проявляет этническая интеллигенция. Многие ее представители не утратили связь с родными в поселках и тундре. Такие контакты можно расценивать как связующее звено институциональной этничности с традиционной.

Возможно, что утрата традиционных форм самоопределения, неудовлетворенность этнически маркированных экзистенциальных потребностей стимулировала появление институциональной этничности. Массовая потребность в сохранении своего этнического «лица» и воспроизводстве традиционной культуры вылилась, прежде всего, в общественную проектную деятельность, что придало «второе дыхание» народным промыслам, декоративно-прикладному искусству, экологическим знаниям и т. п. В то же время изучение феномена институционализации этничности коренных народов ЯНАО позволяет предположить, что формируется новая система символов и ценностей, опирающихся на программу символической коммуникации, мифологических образов традиционной культуры.

В заключение отметим, что «этнический ренессанс» коренных народов Севера является собой разнообразные рефлексии на окружающую социальную реальность. Это, с одной стороны, ностальгия по историческому прошлому, с другой — противодействие чужеродному в эпоху глобализма, с третьей — проявление престижа этнической принадлежности. В то же время институционализация этничности — своеобразное сопротивление процессам унификации и маловероятно, что в ближайшем будущем ее потенциал будет полностью исчерпан.

Библиографический список

- Головнёв А. В. Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала // Урал. ист. вестн. 2014. № 2 (43). С. 143–153.
- Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы в Западной Сибири: этничность и власть: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2017.
- Пивнева Е. А. Институты и практики «этновосстановления» у народов Западной Сибири (по обско-угорским материалам) // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2016. № 5 (43). С. 85–89.
- Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение. М.; СПб., 2016.

E. P. MARTYNOVA

INSTITUTIONALIZATION OF ETHNICITY OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF YAMAL

The loss of distinctive ethno-cultural characteristics in the modern global world, and the weakening of the “ethnic roots” stimulate the processes of institutionalization of the northern indigenous peoples ethnicity. The author will talk about the main ways supporting these processes with regard to the indigenous peoples of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug: the official symbols, the legal regulation of the indigenous

minorities' issues, the educational policy, the revival and support of the religious beliefs of the Northern peoples, support of the traditional crafts, etc. The cultural characteristics and the languages of the indigenous peoples are getting a strong support "from the top", which adds to their official and political "relevance". The ethnic educated professionals are active in the production and reproduction of ethno-cultural attitudes and symbols. We can say that the institutionalization of ethnicity is a form of reaction to the unification processes, and it is unlikely that in the near future its potential will be completely exhausted.

Elena P. Martynova – Doctor of Historical Sciences, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Russia, Tula). E-mail: ep_martynova@mail.ru

Е. А. ПИВНЕВА

МУЗЕЙНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБСКО-УГОРСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ТОРУМ МАА)*

В докладе на примере этнографического музея под открытым небом «Торум Маа» (г. Ханты-Мансийск) анализируется роль музеев в сохранении, конструировании и репрезентации этнокультурного наследия обских угров. Созданный в 1980-е гг. на волне «этнического подъема» в качестве иллюстрации культуры хантов и манси, этот музей стал сегодня своеобразным брендом округа. Он выполняет важнейшую функцию представления широкой общественности аборигенных культур и социальной политики ХМАО – Югры в отношении малочисленных народов Севера. В то же время «Торум Маа» является местом бытования и ретрансляции живой этнической/традиционной культуры обских угров, что создает проблему достижения оптимального баланса между традициями и новациями в организации музейной работы.

Пивнева Елена Анатольевна – к.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, Москва).
E-mail: pivnel@mail.ru

Современный музей трактуется исследователями как многосложное, разноплановое и полифункциональное явление, со множеством ипостасей (школа, библиотека, архив, производственная мастерская, театр, клуб и пр.) [Решетников 2000, с. 20–25]. Сложное и неповторимое переплетение функций характерно и для музеев Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, среди которых особое место принадлежит этнографическому музею под открытым небом «Торум Маа», отметившему в 2017 г. свое тридцатилетие.

Уникальность выбранного в качестве точки анализа музея в том, что он является не только хранителем историко-культурного наследия обских угров, но и местом бытования их живой этнической/традиционной культуры, с действующим в условиях города святилищем. Атмосфера пребывания на настоящем стойбище создается окружающей природой и подлинными предметами материальной и духовной культуры хантов и манси (по инициативе Е. Д. Айпина и Ю. Н. Шесталова в конце 1980-х гг. там были собраны типичные постройки обских угров, а также предметы культуры и быта, составившие основу музейного фонда).** Перемещенные из сферы их прямой прагматики в музейное пространство многие вещи не теряют свою прежнюю функциональность. Они являются не только «свидетелями», но и «участниками» — не прошедшей, а настоящей жизни.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски» (рук. Е. А. Пивнева).

** По состоянию на конец 2016 г. музейный фонд составил 4 306 ед. хранения.

На обеспечение «ручного» постижения бытующих или утраченных навыков и знаний в области ремесленной традиции обских угров направлено проведение ежегодных научно-практических семинаров. При этом силами участников мастер-классов на открытой экспозиции музея создаются новые объекты. Например, к 10-летию экспозиции «Охотничья тропа» на ней была возведена «Избушка охотника», созданы новые ловушки [Информационно-аналитический отчет, с. 49, 62]. Таким образом, в деятельности музея воплощается установка известного литератора и общественного деятеля Ю. К. Айваседы: «Для нас важно, чтобы музейный предмет работал, чтобы люди не разучились им пользоваться, чтобы этот навык передавался из поколения в поколение. А если инструмент придет в негодность, сохраненная с его помощью традиция позволит сделать новый. Таким образом, мы сохраняем не вещи, мы сохраняем живую культуру» [Яковлев, Муравьева 2008, с. 18, 19].

Между тем время с его стремительными изменениями диктует новые правила. В условиях рынка (и грантовой системы) ранее далекие от коммерческой деятельности организации сферы культуры вынуждены работать над проектами в области творческих индустрий, создавая ориентированные на потребителя креативные образы этнической культуры. Подобная информация в ситуации межкультурной интеграции и размывания этнокультурных границ играет роль «указателей идентичности» — идентичности по принадлежности к древним традициям, истории и культуре своего народа. Эти процессы получили название «репрезентациями этнической идентичности».

Новые веяния и тенденции не обошли стороной и «Торум Маа», который включился в поиск новых, актуальных форм работы с культурным наследием. Музей стал местом для проведения народных праздников (обряд приношения Луне «Тылащ пори», «Вороний день», «Праздник Трясогузки»), встреч городской интеллигенции («Этнографические посиделки»), творческих экспериментов. Ряд интерактивных проектов, в партнерстве с туристскими организациями округа, направлен на формирование туристической привлекательности региона.

Особое внимание уделяется мерам по расширению музейного предложения молодому поколению Югры. Это — цикл музейных образовательных и экскурсионных программ: «Волшебный сундучок», «Путешествие по Лукоморью», культурно-спортивная программа «Этно-старт», студия детского творчества «ART мань миркве — ‘творчество маленьких людей’», «Таксар махум — ‘крепкие люди’», «Кладовая Совыр Пыгрись», «Санквылтан мойт — ‘звучащая сказка’», сетевой образовательный проект «Этноакадемия обских угров» др. [Информационно-аналитический отчет].

Сказанное выше выводит на вполне практическую проблему достижения оптимального баланса между традициями и новациями в организации музейной работы. Как верно заметил Я. А. Яковлев: «Музей — это посредник между обществом и принадлежащим обществу историко-культурным наследием. Поэтому он, как двуликий Янус, должен быть обращен и к обществу, и к наследию. Беда в том, что такой органичности достичь чрезвычайно сложно: музейные работники старой закалки смотрят только в сторону наследия, часто ограничивая свою роль до положения кладовщика около пыльных полок, а ретивые современные менеджеры готовы ради пресловутого “музейного продукта” превратить музей в бездумное шоу, совершенно не понимая главной задачи “спасти и сохранить”» [2008, с. 34].

Из сугубо исследовательских проблем интерес для этнологии представляет вопрос о том, каким образом (вос)производится этничность в процессе экономической и творческой деятельности музеев. Какие образы этнической культуры там создаются и как поддерживаются? Наконец, что из этого в будущем может быть признано релевантным для этнической идентичности и какие именно черты так называемой традиционной культуры будут функционировать в качестве маркеров этой идентичности?

Библиографический список

- Информационно-аналитический отчет бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Этнографический музей под открытым небом «Торум Мaa» за 2016 г. URL: www.torummaa.ru (дата обращения: 20.04.2019).
- Решетников Н. И. Музееведение. М., 2000. Ч. 1. С. 20–25.
- Яковлев Я. А. Музейная сеть Ханты-Мансийского округа-Югры завтра // История и культура Югры через музейную витрину. Ханты-Мансийск, 2008. С. 33–59.
- Яковлев Я. А., Муравьева В. Н. Музейная сеть Ханты-Мансийского округа-Югры сегодня // История и культура Югры через музейную витрину. Ханты-Мансийск, 2008. С. 3–32.

E. A. PIVNEVA

MUSEUM REPRESENTATIONS OF THE OB-UGRIC ETHNIC CULTURE (TORUM MAA CASE STUDY)

The paper studies the role of museums in the preservation, design and representation of the ethno-cultural heritage of the Ob Ugrians on the example of the open-air ethnographic Museum “Torum Maa” (Khanty-Mansiysk). Established in the 1980s on the wave of the “ethnic enthusiasm” as an illustration of the Khanty and Mansi culture, this museum has now become a kind of a museum brand of the Okrug. It performs the most important function of representing the aboriginal cultures and the social policy of KhMAO — Ugra with regard to the indigenous minorities of the North. At the same time, “Torum Maa” is a place of the functioning and retranslation of the living ethnic/traditional culture of the Ob Ugrians, which raises a problem of achieving an optimal balance between the traditions and innovations in the Museum work organization.

Elena A. Pivneva — Candidate of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Russia, Moscow). E-mail: pivnel@mail.ru

С. Г. РОСЛЯКОВ, Ю. К. ШУКЛИНА

ОТ ЛОПАТЫ ДО АЙПАДА: МУЗЕЙНЫЙ ПРОЕКТ «ДЕТИ НЕБА»*

В 2018 г. археологическим отрядом ГАУК НСО «НГКМ» в Сузунском районе Новосибирской области был исследован новый археологический памятник — культовое место Верх-Сузун-10, датируемый VI–IX вв. н. э. На культовом месте собрана коллекция из 120 бронзовых предметов. Они располагались тремя большими скоплениями и, преимущественно, были представлены бронзовыми литыми антропоморфными, орнитоморфными и зооморфными изображениями. В целях популяризации археологического наследия региона музеем был реализован комплексный проект по продвижению археологических коллекций и древней истории региона. Проект включал цикл мероприятий — от полевого исследования до разработки мультимедийных приложений.

* Материалы подготовлены по результатам поездки в рамках конкурса «Музейный десант» благотворительной программы «Музей без границ» Благотворительного фонда В. Потанина в 2018 г.

Росляков Сергей Георгиевич — к.и.н., Новосибирский государственный краеведческий музей (Россия, Новосибирск). E-mail: s_roslyakov@museum.nsk.ru

Шуклина Юлия Константиновна — к.и.н., Новосибирский государственный краеведческий музей (Россия, Новосибирск). E-mail: jkshuklina@gmail.com

Вопросы популяризации исторического наследия — одна из главных задач музейной деятельности, наряду с комплектованием, сохранением и изучением объектов культурного наследия территории. В этом направлении одним из основных проблемных вопросов является поиск новых форм работы с посетителем. Музейная среда прошла путь от традиционного хронологического показа к полной замене подлинных предметов цифровыми изображениями, обнаружила сильные и слабые стороны этих методов, накопила определенный практический багаж. Наш опыт в прохождении всего музейного цикла от обнаружения предмета до его комплексного продвижения и экспонирования, найденные формы и приемы, может стать действующим, полноценным инструментом, пригодным для использования в любом музее России.

В 2017 г. археологическим отрядом ГАУК НСО «Новосибирский государственный краеведческий музей» под руководством автора статьи был открыт археологический памятник — поселение Верхний Сузун-10 у с. Верх-Сузун Сузунского района Новосибирской области. Здесь на небольшом мысу правого берега р. Слезянка расположено поселение, состоящее из шести жилищных западин, вытянутых в два ряда вдоль берега реки. В результате осмотра обнажений почвенного слоя и шурфовки найдены бронзовые предметы: фрагмент подвески и схематическое изображение летящей птицы. Изображение птицы позволило предварительно датировать находки и памятник VI–IX вв. н. э. В результате раскопок памятника в 2018 г. были выявлены два археологических слоя: ранний — поселение эпохи поздней бронзы (X–VIII вв. до н. э.) и поздний — культовое место эпохи развитого железа (VI–IX вв. н. э.).

На культовом месте было собрано 120 бронзовых предметов, располагавшихся тремя большими скоплениями. Набор культовых предметов включает бронзовые литые изображения хищных птиц с распростертыми крыльями, людей с крыльями, всадников на коне, на олене и на медведе, изображения идущих медведей, оленя, гусей, изображения человека, вписанного в кольцо, а также разнообразные подвески. Большая часть предметов изготовлена в технике плоского литья в двусторонней форме без дальнейшей обработки поверхности, изображения фигур животных и людей схематичны. Несколько изделий выполнено в технике плоского литья с элементами объемного литья, с проработкой деталей, применением высокого рельефа, изображения крайне реалистичны. Особняком стоит высокохудожественное изображение медведя, выполненное в технике полого литья.

По результатам археологических исследований было принято решение о разработке и реализации научно-популярного музейного проекта «Дети Неба». Уже в августе 2018 г. к празднованию Дня археолога в ГАУК НСО «НГКМ» была подготовлена выставка «Дети Неба», за основу которой были взяты археологические находки этого полевого сезона и этнографический комплекс — предания угорских и самодийских народов. Выставка была размещена в трех горизонтальных витринах в рекреации второго этажа перед входом в залы главного корпуса музея. В витринах предметы были представлены по группам изображений, сопровождалась сводными этикетками с пояснениями композиции и семантики

художественных образов. На стене над витринами были размещены выставочные планшеты с увеличенными изображениями наиболее аттрактивных предметов, с краткой информацией о находках на центральном баннере и текстами угорских и самодийских сказок о происхождении медведя и птицы скопы. Они раскрывали семантику наиболее массовых находок — изображения хищной птицы с распахнутыми крыльями и изображения медведя. Одновременно по материалам раскопок была подготовлена мультимедийная выставка и компьютерная игра для размещения в филиале краеведческого музея — историческом парке «Россия — моя история». Выставка представляла собой электронную презентацию предметов на больших экранах, размещенных в холле здания исторического парка. Презентация работала non-stop в течение всего времени экспонирования. Здесь же располагался сенсорный информационный киоск, с помощью которого можно было поиграть в «настоящую археологию», расчищая предметы в раскопе с помощью электронной кисти. Каждое новое открытие на экране сопровождалось всплывающим пояснительным текстом о предмете.

Для популяризации археологических программ музея и археологического наследия Новосибирской области в конце 2018 г. был выпущен настольный календарь с изображениями наиболее интересных находок с памятника Верх-Сузун-10 и шоколад в форме летящей птицы с личиной на груди, ставший основой бизнес-подарков для партнеров музея к Новому году. В качестве сопроводительных подписей на календаре были размещены слоганы-ассоциации еще одного проекта музея «Обратная перспектива и другие фокусы», начинающиеся со слов «Музей — это...»

В продолжение проекта «Дети Неба» по материалам коллекций культового литья из фондов ГАУК НСО НГКМ была выпущена новая линейка сувенирной продукции с графическими монохромными изображениями культовых предметов эпохи развитого железа: футболки, холщовые сумки, банданы, шейные платки, кружки и стаканы, письменные принадлежности, магниты и др.

Таким образом, в течение года в НГКМ был разработан и осуществлен новый музейный проект, включающий полевые и камеральные научные исследования, организацию традиционной и мультимедийной выставок, создание электронной игры и выпуск линейки сувенирной продукции. В настоящее время работа над проектом продолжается — ведется подготовка научного каталога материалов, полученных в результате исследования культового места Верх-Сузун-10, разрабатывается современная мультимедийная выставка «Дети Неба», предназначенная для демонстрации в интернете и на музейных площадках России.

Для презентации результатов работы над проектом «Дети Неба», а также обмена опытом в выставочной работе, деятельности по продвижению археологических находок в современную повседневность, автор проекта С. Г. Росляков, благодаря грантовой поддержке Благотворительного фонда В. Потанина, прошел стажировку в Свердловском областном краеведческом музее и Пермском краеведческом музее.

S. G. ROSLYAKOV, J. K. SHUKLINA

FROM A SPADE TO AN IPAD: MUSEUM PROJECT “CHILDREN OF HEAVEN”

In 2018, the archaeological research team of the Novosibirsk State Regional History Museum studied a new archaeological site — a sacred place Verkh-Suzun-10, dated as the 6th–9th centuries AD. The site's assemblage of artifacts consisted of 120 bronze items. They were deposited in three large accumulations,

and were primarily represented with the cast bronze anthropomorphic, ornitomorphic and zoomorphic images. For the purposes of popularization of the archaeological heritage of the region, the Museum implemented a comprehensive project aimed at the promotion of the archaeological assemblages and the ancient history of the region. The project involved the implementation of various events — from the field studies to the multi-media applications development.

Sergey G. Roslyakov — Candidate of Historical Sciences, The Museum of Local History (Russia, Novosibirsk).
E-mail: s_roslyakov@museum.nsk.ru

Julia K. Shuklina — Candidate of Historical Sciences, The Museum of Local History (Russia, Novosibirsk).
E-mail: jkshuklina@gmail.com

А. А. РУДЬ

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КУЛЬТОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ *ЛУНК* И *ИТТАРМА* В ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВОСТОЧНЫХ И СЕВЕРНЫХ ХАНТОВ*

В настоящем докладе термином культовые изображения обозначены сделанные из дерева, ткани, камня, металла и других материалов изображения, символизирующие персонажей, связанных с традиционными религиозными представлениями хантов. В работе рассмотрены характеристики и функциональные особенности двух типов культовых изображений: родовых божеств *лунк*, распространенных у восточных хантов, и изображений умерших родственников *иттарма* известных у северных хантов. Несмотря на внешнее сходство и связь с культом предков, каждый из обозначенных типов изображений несет отличные функции, соотносится с соответствующими религиозными представлениями и ритуалами. Отмеченные в статье различия служат одним из маркеров, указывающих на различия религиозных представлений северной и восточной групп хантов.

Рудь Алексей Анатольевич — МАУ Сургутского района ИКНПЦ «Барсова Гора» (Россия, Сургут)
E-mail: raa@bk.ru

Изображения божеств *лунк*

В широком значении термином *лунк* у восточных хантов обозначаются персонажи традиционной религии — «божества» или «духи»** — фигуры, стоящие у истоков хантыйского космоса, являющиеся покровителями всех сфер жизни человека и природы. Происхождение и характеристики большинства *лунк* тесно связаны с тотемистическими и анимистическими представлениями. В узком значении этим же термином (*лунк*) обозначают, рассматриваемые в докладе культовые изображения божеств. Во время традиционных религиозных церемоний им адресованы просьбы людей, подношения и пожертвования. Помимо главных изображений божеств, которые могут находиться в местах поклонения на святилищах или у хранителей культа, многие люди имеют личные изображения этих же божеств. Сегодня восточные ханты могут хранить у себя ряд изображений *лунк*, в том числе божеств верховного пантеона, божеств-покровителей своей территориальной группы и своего рода, божеств-покровителей территориальной группы жены и ее рода, покровителей оленеводства и промыслов, персонифицированных «хозяев» промысловых угодий.

* Работа основана на полевых материалах автора (2002–2018).

** Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению в вопросе терминологии персонажей традиционной религии обских угров [см.: Кулемзин 1984, с. 36–66; Головнёв 1995, с. 528–573; Песикова 2006, с. 34, 35; Соколова 2009, с. 527–537].

Отметим, что аналогичная практика содержания изображений домашних (семейных) божеств широко сохранилась и у северных хантов [Бауло 2005, с. 145–172].

Наиболее распространенными среди восточных хантов остаются индивидуальные изображения родовых божеств, которые в большинстве случаев связаны с культом предков. Они выполняют функции покровителя и защитника человека, особенно за границами традиционной территории проживания. Индивидуальные изображения *лунк* считаются «детьми» родового божества. Их делают при рождении человека, иногда — во время переходных обрядов: для девушки — когда она вступает в брак и уходит в другой род, для молодого человека — когда он начинает самостоятельную жизнь как охотник, либо как глава семьи. Известны случаи изготовления *лунк* в связи с плохим состоянием старого изображения или знаковым событием в жизни человека. После смерти человека изображения *лунк* возвращают обратно на священное место, откуда был взят скол дерева для его изготовления. Сегодняшние информанты объясняют этот обычай реинкарнацией частички родового божества. В этой связи наиболее показательны случаи, когда выведенные из ритуальной практики изображения возвращают под дерево или привязывают к месту, откуда берут скол для нового *лунк*. Можно предположить, что в ритуале возвращения личных изображений *лунк* на родовое святилище после смерти реализуются представления восточных хантов о реинкарнации человека как члена рода. С этими представлениями связаны воззрения восточных хантов о похожести родственников в разных поколениях, когда родившиеся дети получают имена-клички предков по принципу сходства их характеров или внешних черт.

Соотношение культовых изображений *лунк* и *иттарма*

В связи с обращением к теме изображений родовых божеств *лунк* восточных хантов необходимо остановиться на сравнении их с распространенными у северных хантов и манси изображениями умерших *иттарма*. Одно из последних обобщающих исследований, посвященных изображениям *иттарма*, было опубликовано З. П. Соколовой [2009, с. 608–638]. Несмотря на некоторые общие черты, эти два типа культовых изображений обнаруживают заметные различия. Оба явления объединяет связь с культом предков. Однако изображения *лунк* делают при жизни человека — при рождении либо в переходном возрасте — их функции связаны с патронажем родового божества над живущим человеком. Изображения *иттарма* делают после смерти человека, оно является вместилищем одной из душ умершего человека, которая может возродиться в новорожденном. В процессе анализа письменных источников и материалов полевых исследований автора у восточных хантов (2002–2018 гг.) аналогов схожих по функциям с изображениями *иттарма* не зафиксировано. Не исключено, что единичные находки культовых изображений из Сургутского Приобья, сделанные в прошлом С. Соммье, Р. П. Митусовой, а также деревянная фигурка под названием «лонх» из Ханты-Мансийского краеведческого музея, интерпретируемые З. П. Соколовой как изображения умерших, могут быть изображениями божеств *лунк* [2009, с. 616].

В заключении отметим, что культовые изображения *иттарма* и *лунк* связаны с культом предков, который является одной из архаичных и устойчивых составляющих традиционных культур. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с двумя культурами, различия между которыми были обозначены С. А. Токаревым [см.: Соколова 2009, с. 630, 631]. Один

из них — культ (родовых) предков-тотемов, более ранний по происхождению, можно соотнести с культовыми изображениями *лунк* восточных хантов. Другой культ, возникший позднее, связан с поклонением душам умерших генеалогических (семейных) предков, которым приписывали возможность влиять на жизнь потомков, соотносится с культовыми изображениями *иттарма* северных хантов. Таким образом, обозначенные функциональные различия между двумя типами культовых изображений *иттарма* и *лунк* выступают еще одним аргументом в пользу точки зрения об обособленном развитии культур северных и восточных хантов [Соколова 2012, с. 92, 93].

Библиографический список

- Бауло А. В. Религиозное мировоззрение и обрядовая практика // Сынские ханты. Новосибирск, 2005. С. 145–172.
- Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
- Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984.
- Песикова А. С. Взгляд изнутри культуры. Ханты-Мансийск, 2006.
- Соколова З. П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М., 2009.
- Соколова З. П. Некоторые дискуссионные проблемы обско-угорской этнографии // Урал. ист. вестн. 2012. № 4 (37). С. 92–97.

A. A. RUD

THE FUNCTIONAL DIFFERENCES BETWEEN THE RELIGIOUS IMAGES *LUNK* AND *ITTARMA* IN THE TRADITIONAL RELIGIOUS BELIEFS OF THE EASTERN AND NORTHERN KHANTY

For the purposes of this study, the term religious images refers to the images made of wood, fabric, stone, metal and other materials symbolizing the personages associated with the traditional religious beliefs of the Khanty. The paper studies the characteristics and the functional properties of two types of the religious images: the clan deities *lunk*, common among the Eastern Khanty, and the images of the deceased relatives *ittarma* of the Northern Khanty. Despite the formal resemblance and the association with the cult of the ancestors, each of the aforementioned types of images had different functionalities, and correlated with the respective religious beliefs and rituals. The differences discussed in the article may be used as one of the markers indicating the differences between the religious beliefs of the northern and the eastern groups of the Khanty.

Alexey A. Rud – MAI of the Surgut district HCRPC “Barsova Gora” (Russia, Surgut). E-mail: raa@bk.ru

И. Н. СТАСЬ

ДИНАМИКА ЭТНИЧНОСТИ МАЛЫХ НАРОДОВ В ПРОЦЕССЕ УРБАНИЗАЦИИ ЮГРЫ (1960-Е — 1980-Е ГГ.)*

В статье дается историко-демографический анализ малых народов в процессе урбанизации и трансформации национального состава Югры в период нефтегазового освоения в 1960-е — 1980-е гг. Коренные народы практически не были задействованы в строительстве нефтяных городов. Однако было выявлено три основные тенденции в урбанизации ханты и манси. Во-первых, устойчивый рост абсолютной численности представителей малых народов, проживающих в городах — на 473 %.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-49-86003 «Строительство окружной столицы г. Ханты-Мансийск: конструирование этничности и национальная урбанизация (1930-е — начало 1990-х гг.)» (рук. И. Н. Стась).

Во-вторых, рост доли коренных народностей, проживающих в городах, от всей их численности в целом — с 6 % до 34 %. В-третьих, это процесс уменьшения процентных долей владеющих родным языком представителей коренных народностей, проживающих в городах: количество говоривших на родном языке манси в 1979–1989 гг. сократилось на 10,3 %, а среди ханты — на 3,1 %.

Стась Игорь Николаевич — к.и.н., Сургутский государственный университет (Россия, Сургут)

E-mail: igor.stas@mail.ru

К концу 1950-х гг. в Югре сформировался полиэтничный состав населения, в котором преобладали русские (72,5 % от всех жителей), а представители коренных народов ханты, манси и ненцев были второй по численности этнической группой в регионе (14,5 %) [65 лет Ханты-Мансийскому... 1995, с. 130; Народное хозяйство... 1965, с. 12].

В начале 1960-х гг. Югра стала пространством нефтегазового освоения, осуществлять которое приезжало население со всего Советского Союза. Согласно переписи населения 1970 г., миграция, связанная с нефтегазовым фактором, затронула и коренные народности, чьи доли в миграционном потоке составляли — 1,0 % ханты, 0,7 % манси, 0,4 % коми [ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 27. Л. 6]. Однако наибольшую роль в движении населения играли русские, татары, украинцы и башкиры. Бурный рост жителей посредством миграции в начальный период нефтегазового освоения привел к тому, что удельный вес коренных народов в национальной структуре Югры в 1970 г. сократился в два раза (до 7,3 %), хотя они и продолжали оставаться самой многочисленной этнической группой после русских. При этом абсолютная численность населения коренных народов увеличилась на 10,7 % [65 лет Ханты-Мансийскому... 1995, с. 130; Народное хозяйство... 1965, с. 12].

Однако в 1970-е гг. удельный вес малых народов продолжал постепенно уменьшаться. По данным переписи 1979 г., он составил 3,3 %, уступив при этом численности украинцев и татар. В 1970-е гг. также последовало сокращение абсолютного количества представителей коренного населения. В 1980-х гг., когда миграция в регион достигла наибольших показателей, доля хантов, манси и ненцев в этническом составе Югры снизилась до 1,5 %, несмотря на то, что в абсолютных цифрах количество коренных народов увеличилось на 6,6 % по сравнению с данными 1979 г. [65 лет Ханты-Мансийскому... 1995, с. 130; Народное хозяйство... 1965, с. 12].

Важнейшей тенденцией в урбанизации Югры как национального округа в 1960-е–1980-е гг. становится постоянное уменьшение представительности коренных народностей в этническом составе городских поселений (с 3,5 % до 0,6 %). Но при этом наблюдался устойчивый рост малых народов, проживающих в городах — на 473 % [ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 14. Л. 66; Народное хозяйство... 1965, с. 12; Национальный состав... 1990, с. 93, 94].

Другой существенной тенденцией в урбанизации малых народов Югры в период нефтегазового освоения было увеличение их урбанизированности (рост доли коренных народностей, проживающих в городах, от всей их численности в целом). В 1959 г. доля горожан-коренных национальностей от совокупного числа малых народов составляла 6 %. При этом основная масса коренных народностей-горожан проживала в столице округа, г. Ханты-Мансийске (2,6 % ханты и 1,1 % манси от всего населения города) и рабочих поселках Сургуте (1,9 % ханты) и Березово (2,2 % ханты, 1,4 % манси, 5,1 % коми) [ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 9. Л. 100, 103, 121].

В 1989 г. удельный вес коренных жителей от численности малых народов всего стал уже на уровне 34 %, а темпы роста составили 466 %. Таким образом, в период нефтегазового освоения урбанизировалось 28 % малых народов Югры [ГАТО. Ф. 1112. Оп. 6. Д. 14. Л. 66; Народное хозяйство... 1965, с. 12; Национальный состав... 1990, с. 93, 94].

Третьей важнейшей тенденцией в урбанизации малых народов было то, что в 1970-е–1980-е гг., несмотря на увеличение миграционного потока и числа представителей разных национальностей, а также уменьшения удельного веса русских, этническая идентификация среди коренного населения, проживающего в городах, постепенно ослабевала. Об этом говорит процесс уменьшения процентных долей владеющих родным языком представителей коренных народностей, проживающих в городах. В 1979–1989 гг. среди манси количество говоривших на родном языке сократилось на 10,3 % (с 33,7 % до 23,4 %), а среди ханты — на 3,1 % (с 43,6 % до 40,5 %) [ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 188. Л. 19–24; Д. 125. Л. 25–27]. Вместе с тем к такой интерпретации нужно относиться с осторожностью, потому что корреляция между этничностью и владением родным языком не является абсолютной.

Нефтегазовое освоение привело к численному снижению коренных народов Югры, которые практически не были задействованы в отраслях нефтедобычи и почти не переезжали в строящиеся нефтяные города. Так, в 1979 г. доля коренных народов в нефтяных городах была ничтожной — 0,1–0,2 %, кроме Урая, где процент манси достигал 0,6 % (140 чел.) [ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 142. Л. 60–114]. В начале 1980-х гг. из всего состава рабочих нефтедобывающей промышленности только 0,4 % были представителями коренных народов Севера [Гаврилова 2002, с. 99].

Среди всех этнических групп Югры, несмотря на политику перевода коренного населения на оседлость, лишь народности Севера продолжали жить в традиционных поселениях. Как справедливо замечали Н. А. Аитов и Е. Н. Икингрин, разделение на город и деревню отражало и сами национальные различия Ханты-Мансийского округа [Аитов, Икингрин 2001, с. 59]. Вместе с тем в 1960-е–1980-е гг. малые народы Югры втягивались в процесс урбанизации региона, о чем свидетельствуют статистические данные о росте абсолютной численности коренных народов, проживающих в городах (на 473 %), увеличении доли урбанизированности малых народов (с 6 % до 34 %), уменьшении удельного веса владеющих родным языком представителей коренных народностей, проживающих в городах Югры (на 3,1 % и 10,3 %).

Библиографический список

- 65 лет Ханты-Мансийскому автономному округу (Информационно-статистический сборник). Сургут, 1995.
- Аитов Н. А., Икингрин Е. Н. Общее и особенное в социальной защите населения северных городов // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень, 2001. Вып. 4. С. 59–62.
- Гаврилова Н. Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень, 2002.
- ГАТО. Ф. 1112. Оп. 11. Д. 9; 125; 142; 188; Оп. 6. Д. 14; 27.
- Народное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области за шесть лет семилетки (1959–1964 гг.). Тюмень, 1965.
- Национальный состав населения Тюменской области. Всесоюзная перепись 1989 г. Тюмень, 1990.

I. N. STAS

DYNAMICS OF THE INDIGENOUS MINORITIES ETHNICITY IN THE PROCESS OF URBANIZATION OF UGRA (1960–1980S)

The article provides a historical and demographic analysis of the indigenous minorities groups in the process of urbanization and the transformation of the ethnic composition of Ugra population during the oil and gas development period of the 1960s–1980s. The indigenous peoples were not actively involved in the construction of oil cities. However, three main Khanty and Mansi urbanization trends became apparent. First, there was a steady increase in the absolute number of indigenous minorities' representatives in the urban population – by 473 %. Second, the increase in the proportion of the indigenous urban population in their total population 6 % to 34 %. The third trend was the process of shrinking of the percentage of the indigenous peoples representatives who spoke their native languages in the cities: the number of the Mansi native language speakers in 1979–1989 decreased by 10.3 %, and the Khanty – by 3.1 %.

Igor N. Stas – Candidate of Historical Sciences, Surgut State University (Russia, Surgut). E-mail: igor.stas@mail.ru

О. Б. СТЕПАНОВА

ТО, ЧТО НЕ ВЫСТАВЯТ В МУЗЕЕ: ТУАЛЕТЫ, БАНИ И КОЛОДЦЫ В ЛАНДШАФТЕ СОВРЕМЕННОГО СТОЙБИЩА СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

Среди объектов, репрезентирующих культуру какого-либо народа в экспозициях музеев, сооружения, связанные с гигиеной – туалеты, бани и колодцы, как правило, не представлены. Проблема их экспонирования связана со сложившимся стереотипом о несовместимости эстетичного музейного и неэстетичного, стыдного «туалетного». Автор тоже находится в плену этого стереотипа, считая, что вряд ли посетители музея с пониманием и интересом отнесутся к выставке туалетов. Однако туалет в культуре народа в качестве исследовательской темы очень важен и интересен. Причем изучать ее можно в самых разных контекстах: например, исследовать, почему испражнения божеств в мифологии многих народов могут давать жизнь человеку и могут его убить. В данном исследовании будет рассмотрено место туалета, бани и колодца в ландшафте современного стойбища северных селькупов.

Степанова Ольга Борисовна – к.и.н., Музей археологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: stepanova67@mail.ru

Современное селькупское стойбище сохранило многие традиционные черты и вместе с тем заметно изменилось. Традиционными остались принципы выбора места стойбища. Летнее стойбище обычно располагается в высоком, сухом, хорошо продуваемом бору рядом с рекой, где производится летняя рыбалка, и имеется в наличии ягельник для питания оленей. Зимнее – в местах охоты на соболя, обязательным условием является также наличие ягельника и живуна – незаморного водоема (для зимней рыбалки). Когда ягельники вытаптываются оленями, стойбища переносятся.

К старой архитектуре современных стойбищ относятся не так часто устанавливаемые чумы, правда уже только брезентовые; чумы с берестяными и меховыми крышками остались в прошлом. Традиционность сохраняется в наличии и конструкции оленных сараев, возможно, летних кухонь, на зимних стойбищах еще встречаются землянки. Повсеместно продолжают бытовать свайные амбары.

Главный современный элемент селькупского стойбища, как летнего, так и зимнего — бревенчатый дом — получил распространение у селькупов под влиянием русских в 1960-е гг. Он уменьшил мобильность стойбищ и придал им большую основательность и стационарность. Вместе с домами стали появляться туалеты, бани, «русские» дощатые или бревенчатые сараи, используемые для хранения дров, миниэлектростанций и снегоходов.

Туалеты сегодня являются обязательным атрибутом всех стойбищ. Отсутствие туалетов на четырех стойбищах из тех трех десятков, которые я посетила — одного в составе чума, двух в составе землянок и четвертого с немолодым хозяином, строго соблюдающим все традиции — говорит о том, что туалет как постройка в традиционной культуре селькупов отсутствовал. Т. е. туалет, вне сомнения, является для селькупов поздним заимствованием.

Визуально стойбища представляют собой площадку, на которой вырублен лес и стоят жилые и хозяйственные постройки. Место туалета в планировке стойбищ, как правило, находится на периферии, на границе с лесом. Однако однажды я была на большом стойбище, состоящем из 8 домов, там было несколько туалетов, и один из них стоял точно посередине общего пространства. При отсутствии туалета, естественные надобности справляются на определенном участке окружающего стойбище леса, гостям хозяева его обязательно покажут.

Внешне селькупские туалеты представляют собой, как и у русских, будку, кабинку, коробку, установленную над небольшой, до 40 см глубиной, ямой, с дощатым полом, в котором сделано окно/очко. При необходимости конструкция переносится в другое место и ставится на новую яму, а старая закапывается.

Принцип устройства всех туалетов один, а вот исполнение, зависящее в первую очередь от материалов, может быть самым разным. Каркас у туалетов делается из бревен или досок. Строительный материал стен, крыши и двери бывает дощато-бревенчатым, берестяным, рубероидным, войлочным, брезентовым и даже ситцевым. Туалет может стоять обращенным дверью к лесу и дверью к стойбищу, иногда дверь вовсе отсутствует.

Сегодня принято изучать, как современные материалы входят в традиционный быт народов Сибири. В случае с селькупскими туалетами наблюдается противоположная картина. В строительстве заимствованных из русской культуры туалетов получил широкое применение такой традиционный материал как береста. Бревенчатый каркас туалета обворачивается широкими полосами бересты, заготовленными весной во время сокодвижения у берез; чтобы высохшая береста не давала волну, ее в нескольких местах прижимают жердями к каркасу или, как правило, на крыше, бревнами. Берестяной туалет ощущается более чистым и экологичным, чем дощато-бревенчатый. Я также нахожу берестяные туалеты более эстетичными.

В начале 2000-х гг. в селькупских туалетах обычно лежала какая-нибудь книжка, например, учебник истории за 4 класс, листы которой использовались вместо туалетной бумаги. Теперь в быт селькупов прочно вошла туалетная бумага, в одном случае мне даже удалось наблюдать сочетание наличия туалетной бумаги и аэрозоли-освежителя воздуха.

Бани строятся на селькупских стойбищах чуть реже туалетов, по-видимому, потому, что построить баню все-таки сложнее, чем туалет. В отсутствие бани селькупы моются в больших берестяных тазах — *пата*. Селькупская баня представляет собой однокамерный невысокий берестяной сруб с дощатым полом и навесной дверью. Внутри него ставится печка-буржуйка, вдоль стен устраиваются скамьи. В некоторые бани, стоящие на берегу реки,

воду подают с помощью насоса, но чаще носят вручную ведрами. В нескольких виденных мной банях стояли стиральные машинки, работающие на электричестве от дизельной миниэлектростанции. Когда стойбище расположено на таком расстоянии от реки или озера, что ведрами воду носить невозможно, рядом с ним обязательно будет находиться колодец.

Колодцы селькупы устраивают там, где есть ключ или ручей. Ключи обычно бьют из земли рядом с болотами (селькупы называют их тундрами или тундрочками). Под ключом выкапывают яму, в которую собирается вода. Если грунт песчаный, стенки колодца не укрепляют, если болотистый, вокруг ключа делают деревянную решетку, удаляют из нее мох и осоку и закрывают крышкой. Бывает, что в песчаном колодце собирают грунтовую воду. Без воды жизнь на стойбище невозможна. Если в засушливый период года (июль–август) года колодцы пересыхают, воду возят с реки в больших бидонах (добытых на молочных фермах поселков) на мотоциклах или тачках, в зависимости от того, какое транспортное средство имеется, и есть ли дорога. Зимой для получения воды селькупы растапливают снег.

Таким образом, туалеты и бани – элементы современного стойбища северных селькупов – были заимствованы ими из русской культуры в позднее время. Не все современные стойбища имеют эти постройки, в быту селькупов сохраняются традиции, позволяющие обходиться без них. Колодцы же, наоборот – древний атрибут кочевой жизни селькупов, они устраиваются на летних стойбищах, расположенных на удалении от реки.

O. B. STEPANOVA

SOMETHING YOU WILL NOT SEE IN A MUSEUM DISPLAY: TOILETS, BATHHOUSES AND WELLS IN THE MODERN HERDERS' CAMP OF THE NORTHERN SELKUPS LANDSCAPE

Among the objects representing the culture of an ethnic group in a museum display there are, as a rule, no exhibits representing the facilities related to hygiene – the toilets, bathhouses, or wells. The problem with the exhibition of those items is related to an implied incompatibility of the aesthetically attractive museum objects concept and the unsightly, shameful, “lavatory” related aspects of life. The author, too, is not free from this stereotype, believing that the visitors to a museum would hardly accept with understanding and interest the exhibition of toilets. However, toilets may be a very important and interesting research topic in the study of any ethnic group’s culture. Moreover, it can be studied in a variety of contexts: for instance, we may investigate why the excrement of deities in the mythology of many peoples could give life to a person or kill him. The study will look into the problem of the place of toilets, bathhouses and wells in the landscape of the modern herders’ camp of the Northern Selkups.

Olga B. Stepanova – Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: stepanova67@mail.ru

Е. Г. ФЕДОРОВА

ОБРАЗЫ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОБСКИЕ УГРЫ В ПЕРИОД С КОНЦА XIX ПО НАЧАЛО XXI В.

Еще сравнительно недавно между различными территориальными группами обских угров, и внутри них, существовали определенные различия, как в духовной, так и в материальной культуре. Особенности географических условий, разное иноэтническое окружение – оказали влияние на формирование культурной специфики отдельных групп хантов и манси. В результате каждая группа обских угров приобрела свой образ. Он выражается в конкретных, только ей присущих,

элементах культуры, которые сочетаются с другими, общими для всех групп хантов и манси, чертами. К числу элементов этнической культуры, которые наиболее ярко демонстрируют специфику каждой группы, относится орнамент и одежда. Эти признаки важны и для самих носителей культуры, и для исследователей, изучающих культуру обских угров. Образ каждой этнической культуры может быть разным в различные периоды. В период с конца XIX в. по настоящее время этот образ у обских угров претерпел заметные изменения. После установления советской власти и до 1940-х гг. сохранялись многие традиционные черты культуры. Преобразования были связаны, главным образом, с хозяйственной сферой, а также с культовой практикой. Более резкие изменения стали происходить в послевоенный период. Они были связаны с политикой укрупнения производственных организаций и перемещения коренных народов в населенные пункты, признанные перспективными. В постсоветский период, в связи с развалом экономики произошел некоторый поворот в сторону традиций. Следующий же этап демонстрирует противоположный процесс. В настоящее время основной чертой образа обско-угорской культуры можно считать орнамент.

Федорова Елена Геннадьевна — к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: elenfed@kunstkamera.ru

Имеющиеся источники по этнографии обских угров дают возможность воссоздать облик их этнической культуры, проследить ее трансформацию лишь за сравнительно короткий период — немногим более ста лет.

Еще некоторое время назад между различными территориальными группами обских угров, и даже внутри них, не говоря уже об этнографических группах хантов и манси, существовали определенные различия как в духовной, так и в материальной культуре. Особенности географических условий, разное иноэтническое окружение — все это оказало влияние на формирование культурной специфики отдельных групп хантов и манси. Они взаимодействовали с самодийцами, тюркоязычными народами, коми, кетами, западными группами эвенков, русскими. Влияние этих народов на культуру хантов и манси неоднозначно. Например, контакты с ненцами больше отразились на северных хантах и манси.

Внутри обско-угорского ареала также происходили взаимодействия как между хантами и манси, так и между различными группами одного и того же народа, в основном теми, которые обитали по соседству.

В результате каждая группа обских угров приобрела свой образ, выраженный в конкретных, только ей присущих, элементах культуры, которые сочетаются с другими, общими для всех групп хантов и манси, чертами [см., напр., Лукина 1985; Федорова 1994]. К числу элементов этнической культуры, которые наиболее ярко демонстрируют специфику каждой группы, относится орнамент и одежда. По этим признакам сами ханты и манси могли определить, к какой группе относится тот или иной человек. Они стали важными и для исследователей, изучающих культуру этих народов.

Образ каждой этнической культуры может быть разным в различные периоды. Кроме того, он, его восприятие, зависят от того, кто создает этот образ. С одной стороны, это носители культуры, представление которых о нем основано на традициях, с другой, — профессионалы-исследователи, выстраивающие образ чужой для них культуры на базе тех источников, которыми они располагают. Источники же не равнозначны, они не дают возможности характеризовать различные составляющие культуры в одинаковой степени подробности.

Как представляется, в исследованиях также недостаточно внимания уделяется той обстановке, на фоне которой возникает и функционирует образ этнической культуры. Мы знаем тот исторический фон, на котором происходила трансформация традиционной культуры в XX — начале XXI в., можем определить время, когда в этот период произошли наиболее резкие изменения в культуре и выявить факторы их вызвавшие.

В период с конца XIX в. по настоящее время образ этнической культуры обских угров претерпел заметные изменения. После установления советской власти и до 1940-х гг. сохранились многие традиционные черты культуры. Преобразования были связаны, главным образом, с хозяйственной сферой, а также с культовой практикой. Преследование традиционных верований и обрядов привело к тому, что степень их закрытости увеличилась. Вместе с тем, более доступны для музеев стали культовые предметы, поступающие в фонды в результате действий органов государственной безопасности.

Более резкие изменения стали происходить в послевоенный период. Они были связаны с политикой укрупнения производственных организаций и перемещения коренных народов в населенные пункты, признанные перспективными [Федорова 2013, с. 180–183]. В постсоветский период в связи с развалом экономики произошел некоторый поворот в сторону традиций [Там же, с. 183, 184]. Следующий этап демонстрирует противоположный процесс. Достаточно быстро и прочно в культуру хантов и манси вошли новые орудия труда, постройки, средства передвижения, подходящие к местным условиям.

Более открытой стала традиционная обрядность. По мере ослабления преследований начинается возрождение обрядов, но не всегда можно было на месте найти «знающих» — ритуальных специалистов. Приходилось обращаться к «знающим» из других групп. Таким образом происходит распространение знаковых элементов культуры, их заимствование внутри этноса или внутри группы близкородственных народов.

За последние, примерно, 50 лет произошли серьезные изменения еще в одной сфере — в орнаменте. Он постепенно утрачивает свою знаковую функцию, распространяется по всему обско-угорскому ареалу. Кроме того, вещи, в частности, одежда, все больше насыщаются узорами, что у многих территориальных групп хантов и манси выходит за рамки традиции. Сами узоры становятся более крупными. Однако и сейчас орнамент — пожалуй, основная черта образа обско-угорской культуры.

Библиографический список

- Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск, 1985.
 Федорова Е. Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994.
 Федорова Е. Г. Культура северных манси середины XX — начала XXI века: факторы угасания и возрождения традиций // Цикличность: динамика культуры и сохранение традиции: сб. науч. тр. семинара «Теория и методология архаики». СПб., 2013 (Теория и методология архаики. Вып. 6). С. 179–187.

E. G. FEDOROVA

IMAGES OF ETHNIC CULTURE: THE OB UGRIANS IN THE PERIOD FROM THE END OF THE 19th TO THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

Until relatively recently, there were certain differences both between the various territorial groups of the Ob Ugrians and within them, with regard to their spiritual and material culture. The specific geographic

conditions and contacts with the different neighboring ethnic groups influenced the formation of the cultural specificity of the individual groups of the Khanty and the Mansi. As a result, each group of the Ob Ugrians acquired its unique individuality. It is manifested in a specific, unique cultural elements, which are present alongside with the other, common to all groups of the Khanty and the Mansi, elements. The elements of the ethnic culture, which serve as the most vivid demonstration of each group's individuality, are the ornaments and the clothes. These attributes are equally important for the representatives of the Ob Ugrian culture, and the researchers. The appearance of an ethnic culture may differ in different historical periods. In the period from the end of the 19th century to the present time, the appearance of the Ob Ugrians' culture has suffered significant transformations. During the period following the establishment of the Soviet power and until the 1940s, many traditional features of their culture were maintained. The transformations were mostly associated with the economy, as well as with the religious practices. More significant changes occurred during the post-war period. They were related to the policy of consolidation of the production organizations and the relocation of the indigenous population to the communities that were considered to have a development potential. In the post-Soviet period there was a certain shift towards the tradition caused by the general economic collapse. However, the next stage demonstrated a reversal of this trend. Currently we may consider the ornament a principal characteristic of the Ob Ugrian culture.

Elena G. Fedorova – Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg). E-mail: elenfed@kunstkamera.ru

СОХРАНЕНИЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

PRESERVATION
OF THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE

А. М. БЕЛАВИН

ОХРАННЫЕ РАБОТЫ ПЕРМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА УРО РАН И ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Аварийные археологические исследования Камской археолого-этнографической экспедиции ПГГПУ и Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН начались в 2005 г. с небольших раскопок разрушенной археологическими браконьерами части Баяновского могильника X–XI вв., которые финансировал Областной центр охраны памятников. С 2007 г. такие исследования в Пермском крае приобретают системный характер и включаются в Государственную программу Пермского Края «Культура Пермского края». Программой предусмотрены ежегодные раскопки 9 наиболее интенсивно разрушающихся археологических объектов. Археологи ПГГПУ и ПФИЦ УрО РАН проводили охранные исследования, финансируемые Пермским краем, на Рождественском, Чазевском, Митинском, Плотниковском, Телячий Брод, Баяновском могильниках, Калининском селище, Купросском и Саломатовском городищах, подвергающихся ограблению браконьерами. Материалы, полученные во время этих раскопок, представлены в фондах и экспозициях пермских музеев.

Белавин Андрей Михайлович — д.и.н., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Россия, Пермь). E-mail: belavin@pspu.ru

В Пермском крае насчитывается более 2000 выявленных объектов археологического наследия всех эпох (от каменного века до нового времени) и типов (от каменных писаниц до исторических городов) — это одна из наиболее насыщенных археологическими памятниками территорий Российской Федерации [Ремезовская 2008]. Состояние многих объектов не удовлетворительное: разрушения за счет подмыва берегов Камского водохранилища, строительство объектов инфраструктуры и иного антропогенного воздействия. В двухтысячные годы одним из наиболее сильных факторов разрушения становятся несанкционированные раскопки археологических браконьеров.

Борьба с археологическим браконьерством стало решающим моментом в формировании комплекса противоаварийных работ. В августе 2005 г. Областным центром охраны памятников истории и культуры впервые были выделены небольшие средства и на Баяновском могильнике начаты работы КАЭЭ ПГГПУ под руководством А. В. Данича, а с 2007 г. противоаварийные исследования в крае значительно расширяются и Министерством культуры и молодежной политики проводятся конкурсы и заключаются контракты с ПГГПУ и ПГУ на противоаварийные раскопки средневековых могильников и поселений.

В Пермском крае сложилась система противоаварийных археологических исследований, что выгодно отличает его от большинства регионов Российской Федерации. В государственной программе Пермского края «Культура Пермского края» [Постановление Правительства...] сформулирована Подпрограмма № 4 «Сохранение, использование, популяризация и государственная охрана объектов культурного наследия, расположенных на территории Пермского края», где помимо иных мероприятий, предусмотрено проведение ежегодных охранных раскопок на девяти разрушающихся объектах археологического наследия.

КАЭЭ ПГГПУ и Отдел истории, археологии и этнографии ПФИЦ УрО РАН проводили охранные исследования, финансируемые Пермским краем, на Рождественском, Чазевском,

Митинском, Плотниковском, Телячий Брод, Баяновском могильниках, Калининском селище, Купросском и Саломатовском городищах, подвергавшихся регулярному ограблению браконьерами. Материалы, полученные во время этих раскопок, представлены в фондах и экспозициях пермских музеев.

Много лет ведутся исследования Рождественского городища и могильника — археологического объекта, отмеченного в средневековых письменных источниках как «касаба Афкуль (Акикул)» — крупной болгарской торгово-ремесленной фактории на Камском торговом пути, имевшем смешанное болгарское и финно-угорское население. Благодаря противоаварийным работам здесь изучены участки жилой части, примыкающие к подмываемому берегу р. Обва, изучены мастерские гончаров, бронзолитейщиков, ювелиров, косторезов, остатки нескольких жилищ X–XIII вв. [Крыласова 2018]. В последние годы выявлена единственная в Предуралье мастерская медника. На памятнике проведены археогеофизические исследования. Некрополь Рождественского комплекса представлен мусульманским домонгольским (здесь исследовано 26 погребений) и финноугорским (представлено 363 изученных погребений) могильниками. Погребения последнего частично разрушены грабителями, на городище имеются грабительские вкопы.

Интерес представляет Баяновский могильник, изучающийся КАЭЭ с 2005 г. Здесь изучено более 450 погребений, часть из которых частично разрушена грабителями. Основываясь на обряде погребения и вещевом материале, можно сделать вывод, что могильник оставлен угорским населением Пермского Предуралья, очень близким по этнокультурным традициям к венграм периода обретения родины, и относится к ломатовской археологической культуре [Данич 2018].

Плотниковский могильник XII–XIV вв., исследуется ПФИЦ УрО РАН и КАЭЭ ПГГПУ уже 12 лет. Здесь изучено около 200 погребений, большая часть из которых подверглась ограблению местными жителями и браконьерами. Каждый год на могильнике фиксируются новые грабительские вкопы. На поверхности памятника обнаружены выброшенные кости человека и отдельные предметы погребального инвентаря. Могильник весьма важен с точки зрения исследования этногенеза коми-пермяцкого населения бассейна Иньвы.

Охранные работы на Родановом городище начаты после того, как было установлено, что площадка городища быстро рушится под напором водохранилища. Это знаковое для Прикамья городище, после его изучения М. В. Талицким имя городища получила средневековая археологическая культура. Работы ведутся на оставшихся участках площадки, которые ранее не изучались, культурные слои содержат большое количество особых находок: фрагменты музыкальных инструментов, украшения, инструменты, костяные изделия и пр.

Археологические исследования, ведущиеся в Пермском крае Камской археолого-этнографической экспедицией ПГГПУ и Отделом истории, археологии и этнографии ПНЦ УрО РАН в XXI в., отличаются широким применением комплексного подхода и междисциплинарных связей, когда традиционные методы археологии дополняются методами археогеофизики, палеозоологии, палеоботаники, антропологии, что позволяет получать из археологического материала и культурного слоя объектов гораздо более качественную и широкую информацию.

Библиографический список

Данич А. В. Исследования Баяновского могильника в Пермском крае // АО. 2016 г. М., 2018. С. 277–279.

V СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (ХАНТЫ-МАНСКИЙ, 11–14 ДЕКАБРЯ 2019)

Крыласова Н. Б. Исследования Рождественского археологического комплекса // АО. 2016 г. М., 2018. С. 280–284.

Постановление Правительства Пермского края от 3 октября 2013 г. № 1317-п «Об утверждении государственной программы Пермского края “Пермский край – территория культуры”».

Ремезовская Т. Б. Формирование государственного списка объектов археологического наследия в Пермском крае // Тр. Камской археол.-этнограф. экспед. ПГГПУ. Пермь, 2008. Вып. 8. С. 33–37.

A. M. BELAVIN

**RESCUE PROJECTS OF THE PERM FEDERAL RESEARCH CENTER
OF THE URAL BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
AND THE PERM STATE HUMANITARIAN TEACHER TRAINING UNIVERSITY**

The Kama Archaeological Expedition of PSHTU and the Department of History, Archeology and Ethnography of the Perm Federal Research Center of the UrB, RAS started the first rescue excavations in 2005 with a small-scale excavation of the destroyed by the archaeological grave robbers part of the Bayanovo 10th-11th century burial site. The project was funded by the Regional Historical Monuments Protection Center. Since 2007, this type of research has been organized in the Perm region on a systemic level and is covered by the state program of the Perm Region “Culture of the Perm Region”. The program provides for the annual excavation works on the nine most intensively deteriorating archaeological objects. The archaeologists from PSHTU and PFRC UrB RAS performed rescue excavations financed by the Perm region government on Rozhdestvensky, Chazevsky, Mitinsky, Plotnikovsky, Telyachy Brod, and Bayanovo burial sites, the Kalinskoe settlement, the Kuprossky and Salomatovsky hillforts, which suffered from the archaeological raiders’ attacks. The materials obtained during those excavations formed part of the collections and exhibition displays of the Perm museums.

Andrei M. Belavin – Doctor of Historical Sciences, Perm State Humanitarian-Pedagogical University (Perm, Russia). E-mail: belavin@pspu.ru

A. A. ДУДКО

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
(РАБОТЫ В ПУРОВСКОМ РАЙОНЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА В 2017 Г.)**

В статье рассматривается ряд проблем, связанных с работами по определению границ памятников. Эмпирическим материалом стали результаты археологической разведки с целью инвентаризации состояния объектов археологического наследия в Пуровском районе ЯНАО в 2017 г. На ряде примеров показано, какие ошибочные сведения негативным образом влияют на корректное установление границ объектов археологического наследия. Точность имеющихся сведений об объектах археологии может влиять на характер мероприятий направленных на обеспечение их сохранности, а также стратегию изучения территории в археологическом отношении.

Дудко Александр Андреевич – Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: a-dudko9@mail.ru

В 2017 г. исследовательской группой Института археологии и этнографии СО РАН проводилась археологическая разведка с целью инвентаризации состояния 40 выявленных объектов культурного наследия (ОКН) в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Обследованные объекты археологии сконцентрированы в нижнем течении р. Харампур и р. Калыпясьяха и входят в территорию Усть-Харампурского лицензионного

участка ООО «Роснефть-Пурнефтегаз». Памятники выявлены в 1997 г. Л. Л. Косинской [1997]. В 2007 г. проводились работы по паспортизации и мониторингу состояния этих объектов сотрудником ОмГПУ им. Ф. М. Достоевского С. В. Прищенко [2008]. Выявленные объекты культурного наследия относятся к различным типам — поселения, городища, промысловые комплексы, могильник — и датируются в широком хронологическом диапазоне — от эпохи камня до периода позднего средневековья.

В ходе работ по определению границ объектов археологического наследия (ОАН) мы столкнулись с некоторыми проблемами, связанными с учетной документацией регионального органа охраны объектов культурного наследия:

- ряд объектов, в реальности представляющий собой единый комплекс, разделен на два различных объекта археологического наследия. Так, например, городище Усть-Кальпяс-Яха 1 включает выраженные в рельефе археологические впадины и оборонительную линию в виде рва и вала, а за ее пределами, на расстоянии около 10 м, расположены три жилищные впадины, которые предыдущим исследователем определены как отдельный объект — поселение Усть-Кальпяс-Яха 2;

- некорректное разделение археологизированных сооружений для смежных памятников. В результате такого разделения остатки жилой конструкции входят в промысловый комплекс: впадины № 19 и 20 промыслового комплекса Усть-Кальпяс-Яха 19, очевидно, относятся к поселению Усть-Кальпяс-Яха 20 и продолжают вторую линию жилищ, однако при постановке на учет по какой-то причине не была учтена данная планиграфическая особенность;

- объединение археологизированных сооружений, удаленных друг от друга на значительные расстояния, в один объект археологического наследия. Ярким примером служит могильник Усть-Харампур 8, который состоит из 7 могильных ям: № 3–7 расположены компактной группой, а № 1 и 2 — на 350–400 м севернее и расстояние между ними же около 70 м. Ситуация осложняется еще и тем, что между этими двумя могильными ямами № 1 и 2 зафиксирована впадина, выделенная в отдельный ОАН, — промысловый комплекс Усть-Харампур 7;

- несоответствие типа памятника, определенного исследователем, с учетными данными у регионального органа охраны ОКН: так, памятник Усть-Харампур 7 включает одну впадину, по мнению автора открытия, являющуюся жилищной (с чем автор статьи полностью согласен), однако на учете данный объект стоит как промысловый комплекс;

- дробление археологизированного сооружения на отдельные элементы: на поселении Усть-Кальпяс-Яха 3 небольшие впадины, размерами около 1,5 × 2,2 м, расположенные у края мыса, выделены в отдельные археологизированные сооружения. Зная специфику таких объектов в таежной зоне Западной Сибири, стоит считать данные впадины внешними ямами наземной жилищной площадки.

В соответствии с пунктом 12 статьи 45.1 закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» держатель открытого листа на право проведения археологических полевых работ должен проинформировать региональный орган охраны объектов культурного наследия об изменении учетных данных. В случае необходимости выполняется государственная историко-культурная экспертиза с целью определения необоснованности включения объекта археологического наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия

(памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Только после издания соответствующих приказов региональным органом охраны ОКН, в которых утверждаются внесенные изменения, и/или общественного обсуждения Акта ГИКЭ исполнитель работ по установлению границ ОАН может производить составление актуализированной отчетной документации (инвентаризационная опись, проект границ и т. д.). Таким образом, для устранения ошибок и приведения в соответствие учетной документации, необходимо своевременное обращение в региональный орган охраны культурного наследия.

Для понимания специфики объекта археологического наследия и закономерностей его расположения, будь это жилой комплекс, погребальный или хозяйственный, весьма значим ландшафтный контекст. Установление границ ОАН и его охрана в рамках этих границ – важная мера, но при утрате вмещающего ландшафта теряется информация о реальной логике его месторасположения. Основными негативными факторами, влияющими на сохранность ОАН в бассейне р. Харампур и его притоков, являются антропогенные (хозяйственное освоение территории нефтепромышленными компаниями, прокладка коридоров коммуникаций, транспортная доступность для местного населения) и естественно-природные (склоновая эрозия, выворотни древесных корневых систем). Встает вопрос о необходимости придания территориям с плотным расположением объектов археологического наследия определенного статуса, с целью их сохранения и изучения. Возможным вариантом решения этой проблемы является включение ОАН в состав достопримечательных мест.

Библиографический список

- Косинская Л. Л. Отчет об археологической разведке в Пуровском районе Тюменской области в 1997 г. Екатеринбург, 1997. Архив ПНИАЛ УрГУ.
- Прищенко С. В. Отчет о разведке памятников археологии экспедиции Омского государственного педагогического университета в 2007 г. в Пуровском, Приуральском, Тазовском, Красноселькупском районах Ямало-Ненецкого автономного округа. Омск, 2008. Архив ОмГПУ.

A. A. DUDKO

PROBLEMS OF DELINEATION OF THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES' BOUNDARIES (2017 PROJECT IN THE PUROVSKY DISTRICT OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG)

The paper is a discussion of problems arising in the process of delineation of archaeological sites' boundaries. The discussion is based on the materials of the survey of the current state of archaeological heritage objects in the Purovsky district of YaNAO performed in 2017. The author demonstrated on a number of cases the types of erroneous information that could have a negative effect on the correct delineation of the archaeological heritage objects' boundaries. The accuracy of the available information about the existing archaeological objects may influence the nature of further actions aimed at their protection, as well as the strategy of the archaeological study of the territory.

Alexander A. Dudko – Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: a-dudko9@mail.ru

К. Г. КАРАЧАРОВ

ЦВЕТ АРХЕОЛОГИИ ЧЕРНЫЙ

Подходы, характерные для «черной археологии», все шире проникают в среду профессиональных археологов и экспертов, нанося ущерб интересам защиты и сохранения источников информации о зарождении и развитии культуры. Сейчас объективной заинтересованности в качестве проведения археологических работ, особенно в сфере сохранения культурного наследия, нет ни у кого. Хозяином субъект — заказчик таких работ, заинтересован только в скорейшем и наименее затратном получении разрешения. Археолог или эксперт, проводящий исследования на неинтересных ему с познавательной точки зрения объектах, имеет лишь меркантильный интерес. При этом некомпетентность и сговорчивость стали основным конкурентным преимуществом на этом рынке. Эта проблемная ситуация может быть решена реализацией действенных механизмов общественного и государственного контроля, созданием единого доступного информационного пространства, введением профессиональных стандартов, введением реальной ответственности экспертов и исследователей.

Карачаров Константин Геннадьевич — индивидуальный предприниматель (Россия, Екатеринбург).
E-mail: mail@karacharov.ru

Под термином «черная археология» здесь понимается целенаправленная деятельность в области археологии, оказывающая прямое или косвенное негативное воздействие на объекты археологического наследия в ущерб интересам защиты и сохранения источников информации о зарождении и развитии культуры.

Освещаемая проблема неоднократно рассматривалась в рамках работы Экспертно-консультативного совета при Службе государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры. К сожалению, до сегодняшнего дня она не решена. Настоящее сообщение является призывом к объединению усилий в поисках выхода из сложившейся ситуации.

Основными движущими силами «черной археологии» являются:

- личный эгоистичный познавательный или эстетический интерес, основанный на увлечении, и часто выступающий в качестве способа самоутверждения;
- спортивный интерес, основанный на желании проверить свои способности и умение, в добыче древних артефактов; на желании превзойти в этой деятельности остальных;
- меркантильный интерес.

«Черная археология» перестала быть прерогативой черных копателей, занимающихся добычей археологических предметов обычно с помощью металлоискателей. Эта деятельность захватила как большое число отдельных исследователей-археологов, так и целые предприятия, учреждения и даже некоторые органы государственной власти. В отличие от первых, у этой категории превалирует именно стремление получить выгоду любой ценой.

В XXI в. количество археологических исследований в России увеличивается с каждым годом. Это связано с необходимостью проведения государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, работы по установлению границ и определению технического состояния объектов археологического наследия, проведением спасательных археологических работ.

В этих условиях выбор объекта исследования, как правило, не определяется познавательным интересом исследователя. А выбор исполнителя или организации-исполнителя работ основан на приоритете цены, а не профессионализма и моральной ответственности.

До сих пор отсутствуют профессиональные стандарты, действенные механизмы саморегулирования и государственного контроля над деятельностью в области археологии. Отсутствует реальная ответственности в области археологической деятельности, в том числе и в сфере государственной историко-культурной экспертизы. Успешность в этом бизнесе определяется готовностью вопреки всему удовлетворять запросы и оправдывать ожидания заказчика.

Отсутствует эффективный контроль. Часто государственные органы не берут на себя ответственности отклонить заведомо некачественные акты экспертизы, уповая на процедуру общественного обсуждения, которая в силу своей специфики не может быть всеобъемлющей.

В угоду экономической эффективности, например, при экспертизе земельных участков нередко случаи подлога, когда по факту работы не проводятся вовсе или проводятся частично. Раскопки по «хоздоговорам», на объектах вне научных интересов, также рассматриваются как способ только заработать. Незаинтересованность в получении полной научной информации об объекте исследования приводит к крайне низкому качеству проведения работ и составления отчетной документации.

Отсутствие эффективного информационного обмена между Российской академией наук и соответствующими региональными государственными органами породило проблему несоответствия информации, представляемой в научных отчетах, передаваемых в Архивный фонд Российской академии наук (Научно-отраслевой архив ФГБУН «Институт археологии РАН»), объему фактически выполненных полевых археологических работ, «прикрытых» открытым листом.

Стало обычным, что по археологическим полевым обследованиям земельных участков в рамках экспертиз составляются только акты или, так называемые, «технические отчеты», где научная составляющая крайне урезана.

То же касается и археологических раскопок, когда отчеты пишутся только по части раскопанной площади. Истинный объем работ указывается только в технических документах, представляемых исключительно в региональные государственные органы по сохранению культурного наследия для принятия решения о разрешении на этом месте хозяйственной деятельности.

Заинтересованность заказчика археологических работ во взаимодействии лишь с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, от которых он получает разрешительные документы, провоцирует как государственных экспертов, так и простых исследователей к неполному представлению результатов работ в научных отчетах. Информация в отчетах обычно дается в той мере, которая бы позволила «закрыть открытый лист». Тем самым нарушается прописанный в законодательстве принцип сохранения источников информации о зарождении и развитии культуры. В случае с археологическими раскопками эти потери всегда невосполнимы.

Парадоксальна ситуация, когда при заключении договора на археологические раскопки заказчиком работ выступает хозяйствующий субъект, то есть распоряжается государственной собственностью, не имея на то полномочий. При этом, не имея заинтересованности в

качестве проведения работ, заказчик не несет никакой ответственности в случае некачественного их выполнения. Как ни странно, государственные органы в договорных отношениях участия не принимают. Не удивительно, что исходя из принципа «кто платит, тот и заказывает музыку» у заказчика в руках оказываются рычаги давления на исполнителя. Отсюда и неполное исследование участков памятников, которым угрожают повреждение или уничтожение, и нереальные сроки проведения работ, за которые невозможно обеспечить их качественное выполнение, и имитация раскопок в зимнее время...

Археологическому сообществу и государственным органам охраны объектов культурного наследия необходимо осознать, что «черная археология» остается таковой даже если она прикрыта открытым листом.

Мне видятся следующие направления выхода из сложившейся ситуации:

- Усиление общественного и государственного контроля за проводимыми полевыми археологическими исследованиями.
- Создание отраслевых стандартов.
- Саморегулирование путем обнародования научных отчетов и создание системы общественного/корпоративного рецензирования.
- Создание территориальных фондов информации об объектах культурного наследия и законодательное закрепление обязанности сдавать в них в полном объеме обязательные бесплатные экземпляры всей документации по работам в области культурного наследия, включая научные отчеты по проведенным археологическим полевым работам.
- Организация эффективного обмена между информационной системой Научно-отраслевого архива ФГБУН «Институт археологии РАН» и региональными органами охраны объектов культурного наследия.

С одной стороны, пути выхода из сложившейся ситуации кажутся крайне простыми, с другой — есть понимание, что велико число тех, кого устраивает существующее положение дел...

K. G. KARACHAROV

THE COLOR OF ARCHAEOLOGY — BLACK

The approaches characteristic for the “tomb raiders” are rapidly gaining ground within the professional archaeologists and experts community, damaging the interests of protection and preservation of the sources of information about the origins and the evolution of culture. Today no one is objectively interested in the quality of archaeological excavations, particularly in the sphere of the cultural heritage preservation work. An economic entity — the customer of this type of work is interested only in the quickest and the least costly obtaining of the permit. An archaeologist or an expert investigating the objects, which are not interesting for them from the point of view of research, are also driven by a purely money interest. At the same time, the incompetence and pliability have become the main competitive advantages in this market. This difficult situation may be addressed by means of implementation of the effective state and community control mechanisms, the creation of a common accessible information environment, the introduction of professional standards, and the real responsibility of the experts and the researchers.

Konstantin G. Karacharov — Individual entrepreneur (Russia, Ekaterinburg). E-mail: mail@karacharov.ru

Л. С. МАРСАДОЛОВ, А. Н. ПАРАНИНА

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье проанализированы теоретические вопросы сохранения культурного наследия в целом и специфические проблемы, связанные с исследованием археологических объектов. С каждым годом растет познавательный интерес к памятникам археологического и культурного наследия, создаются все более влиятельные общественные организации, имеющие мировое (ЮНЕСКО), региональное и местное значение (Общества охраны и изучения культурного наследия). Обсуждаются проблемы долговременного сохранения памятников древних культур, чтобы обеспечить возможность их дальнейшего комплексного исследования с привлечением специалистов разного профиля. Объекты культурного наследия пока слабо изучены как ценный ресурс информации о природе и обществе. Система их охраны и реставрации до сих пор недостаточно четко организована. В статье проанализированы риски физической утраты и потери качества объектов культурного наследия, связанные с природными и антропогенными факторами.

Марсадолов Леонид Сергеевич — д. культурологии, Государственный Эрмитаж (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: marsadolov@hermitage.ru

Паранина Алина Николаевна — к.геогр.н., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: galina_paranina@mail.ru

Правовая база сохранения объектов культурного наследия. В статье 44 Конституции Российской Федерации отмечено: «3. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры». Объекты культурно-исторического наследия находятся под охраной Государства (даже не поставленные на учет). На этих памятниках необходимо следовать правилам уважительного отношения к почитаемым камням и объектам, не нарушать их положения на местности; не расчищать их полностью от дерна, земли, лишайников и мха; не изменять состояние окружающего их ландшафта [Марсадолов 2018].

На Всемирной конференции ЮНЕСКО по туризму, проходившей в Маниле (Филиппины) с 27 сентября по 10 октября 1980 г., в декларации «С», было отмечено, что культурные и священные места «...заслуживают особого внимания как места цивилизации, осуждает любые настоящие или будущие попытки изменить физическую, духовную, культурную или этническую природу любого из этих мест».

Система рисков в охране культурного наследия. Для повышения эффективности охраны объектов наследия необходимо изучать и учитывать природные и антропогенные риски — вероятности наступления событий, влекущих за собой неблагоприятные последствия [Овсянникова, Скуридина, Котова 2009]. Риски полной или частичной утраты охраняемых объектов рассмотрены в зависимости от места их расположения — на местах или в музеях.

При невозможности перемещения на специально отведенную площадку, объекты наследия могут пострадать из-за недостаточности службы охраны и мониторинга, обустройства и информации.

При охране под открытым небом большое значение имеет мониторинг состояния вмещающего ландшафта, т. к. ландшафт оказывает на объекты прямое и косвенное воздействие. Например, деградация растительного покрова, нарушения почвогрунта, изменения уровня грунтовых вод и режима поверхностного стока могут быть причиной эрозии, из-

менения гидро-термического режима поверхности и микроклимата, увеличения скорости выветривания горных пород.

Музеефикация сближает объекты и инфраструктуру их охраны, но при этом возникают новые риски, такие как отрыв от природного и культурного контекста, необходимого для корректного и полного раскрытия их научной ценности, перенос в экологически неблагоприятные условия города, невозможность выполнения социальных функций при изоляции в запасниках.

Практика показывает, что именно *пространственная привязка объектов* утрачивается при музеефикации объектов.

Проблемы научных исследований древних объектов. Факторы, затрудняющие исследования доисторических объектов и технологий, можно разделить на три группы: общие, региональные и локальные.

Общие (глобальные) проблемы исследований связаны с возрастом объектов и необходимостью разработки новых методов. Чем древнее объекты, тем меньше выделяются в ландшафте. Очевидно так же, что исследовать эти объекты необходимо на междисциплинарной основе, с учетом знания геологии, географии, астрономии.

Региональная специфика культурного наследия связана с различиями в режиме освещения, динамики ландшафта по ходу сезонных и долгопериодических ритмов.

Современное повышение глобальных температур в Арктике вызовет здесь наиболее заметные изменения: ускорение природных процессов, перестройку коренных ландшафтов, увеличение антропогенных нагрузок. Все это представляет серьезную угрозу для своевременного выявления и сохранения объектов доисторического наследия.

Локальные проблемы подтверждают тезис, что объекты уникальны, а технологии универсальны. Авторами статьи создана методика и методология комплексных междисциплинарных исследований, которая позволяет использовать достижения естественных наук и гуманитарного знания [Марсадолов 2005; Марсадолов, Паранина 2011; Паранина 2010; Паранина, Марсадолов 2010; Паранина, Паранин 2009].

Человеческий фактор. Даже очень поверхностный обзор показывает роль *чувства личной ответственности*, не связанного со страхом наказания. Образцом такого отношения к наследию может быть традиционная культура в целом и отдельные ее представители — простые люди.

Известна история о том, как крестьянин, показывая лабиринт в Поное, бережно вернул на место камень, задетый сапогом высокообразованного приезжего исследователя. Сегодня, к сожалению, можно наблюдать небрежное отношение к наследию со стороны тех, кому доверена их охрана и организация исследований.

Тема «Охрана и изучение объектов природного и культурного наследия» должна войти в образовательные программы в качестве специальных уроков, лекций и спецкурсов, начиная со школьного и до высшего образования, особенно на уроках географии и истории, в работе школьных кружков и районных организаций туризма и краеведения.

Следует помнить, что к древним объектам будут постоянно обращаться все новые и новые исследователи и будущие поколения. Не только «эксплуатация» объектов наследия, но и их постоянный мониторинг, популяризация и реставрация должны идти рядом с нарастающим туристическим потоком. Большое количество объектов на территории России остаются малоизвестными и охраняются только местными жителями, а дикий

туризм несет в себе элементы риска, связанные с религиозной нетерпимостью или неосведомленностью. Главные направления в решении проблемы сохранения доисторических объектов наследия: выявление и комплексные исследования объектов, их включение в проекты развития организованного туризма и планы экономического развития территорий, совершенствование системы охраны и мониторинга.

Библиографический список

- Марсадолов Л. С. Методические аспекты изучения древних святынь Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2005. Вып. 1. С. 34–42.
- Марсадолов Л. С. Об охране объектов древнего культурного наследия // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие. СПб., 2018. С. 64–67.
- Марсадолов Л. С., Паранина Г. Н. Первые комплексные исследования мегалитических объектов на Северо-Западе России: методика и методология // География: проблемы науки и образования. LXIV Герценовские чтения: материалы ежег. междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2011. С. 45–52.
- Овсянникова Т. Ю., Скуридина Ю. Б., Котова О. В. Оценка рисков утраты недвижимых объектов культурного наследия общества // Вестн. Томс. гос. ун-та. Экономика, 2009. № 3 (7). С. 61–70.
- Паранина Г. Н. Свет в лабиринте: время, пространство и информация. СПб., 2010.
- Паранина Г. Н., Паранин Р. В. Северные лабиринты как астрономические инструменты в соотношении с образцами мифологии и символами культуры // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 4 (13). С. 120–134.
- Паранина Г. Н., Марсадолов Л. С. Объекты культурного и природного наследия как информационный ресурс геокультурного пространства // Развитие туризма в Балтийском регионе: предпосылки, современное состояние и перспективы: конф. с междунар. участием. Псков, 2010. С. 24–27.

L. S. MARSADOLOV, A. N. PARANINA

PROBLEMS OF THE CULTURAL HERITAGE OBJECTS PROTECTION

The article studies the general theoretical issues of cultural heritage protection, and the specific problems associated with the archaeological sites investigation. The general public interest towards the archaeological and cultural heritage sites keeps growing, which is reflected in the creation of various influential non-government organizations at the global (UNESCO), regional and local levels (the Societies for the Protection and Study of Cultural Heritage). The discussion is focused on the problems of long-term conservation of the ancient cultures' heritage in order to ensure the possibility of their further comprehensive study with the involvement of specialists from different disciplines. The cultural heritage objects, as a valuable source of information about nature and society, are currently rather insufficiently studied. The system of their protection and restoration is not yet well organized. The paper studies the risks of the physical loss, or the deterioration of quality of cultural heritage objects as a result of the effect of the natural or the anthropogenic factors.

Leonid S. Marsadolov – Doctor of Cultural Studies, State Hermitage Museum (Russia, Saint Petersburg). E-mail: marsadolov@hermitage.ru

Alina N. Paranina – Candidate of Geographical Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg). E-mail: galina_paranina@mail.ru

А. В. ПОСТНОВ, Н. В. БАСОВА

МОГИЛЬНИК НА СТОЯНКЕ ГАЛКИНА-1

Летом 2018 г. Отдел охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проводил спасательные археологические работы выявленного объекта археологического наследия «Абалаково. Стоянка Галкина-1» в Енисейском районе, недалеко от г. Лесосибирска, Красноярского края. На площади памятника были выявлены разные виды археологических объектов: поселенческий комплекс и могильник периода Средневековья. Настоящая статья отражает материалы могильника. Получены данные о погребальном обряде древнего населения. Приведены половозрастные характеристики погребенных. Установлено, что умерших хоронили по обряду ингумации. Также зафиксированы случаи использования: кремации «на стороне», дерева и бересты при сооружении погребальных конструкций. Среди погребального инвентаря выделяется выразительная коллекция вооружения, украшений.

Постнов Александр Вадимович — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: postnov@yandex.ru

Басова Наталья Владимировна — к.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: bass15@yandex.ru

Летом 2018 г. Отдел охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проводил спасательные археологические работы выявленного объекта археологического наследия «Абалаково. Стоянка Галкина-1» в Енисейском районе, недалеко от г. Лесосибирска, Красноярского края. Работы проводились в зоне строительства лесохимического комплекса совместно с ООО «Красноярская Геоархеология».

Стоянка Галкина-1 зафиксирована в 0,75 км южнее р. Енисей на эрозионном останце 1-ой надпойменной террасы, в 0,4 км северо-восточнее излучины р. Галкина, в 2,2 км северо-восточнее с. Абалаково, в 2,4 км юго-западнее д. Смородинка. Объект расположен на ровной площадке, имеющей незначительный уклон в северо-западном направлении. В ходе шурфовки обнаружены фрагменты керамических сосудов и каменные артефакты, датированные периодом неолит — эпоха бронзы [Постнов и др. 2018].

Охранно-спасательные полевые работы 2018 г. выявили на площади памятника разные виды археологических объектов: поселенческий комплекс и могильник. Данная работа освещает материалы, относящиеся к погребальному комплексу.

Могильник распространялся с востока на запад, вдоль бровки террасы, с такой же ориентацией погребенных (головой на восток). Всего зафиксировано 15 человеческих одиночных погребений. Встречаются погребения мужчин в возрасте от 19 до 55 лет и детей от 4-х лет. Погребальные сооружения и конструкции на уровне современной дневной поверхности отсутствовали, а могильные пятна планиграфически не фиксировались. У большинства костяков зафиксировано отсутствие или разрушение тех или иных костей, некоторые из костяков обнаружены не в анатомическом порядке. Встречены следующие обряды погребения: ингумация и кремация «на стороне». Зафиксирован случай захоронения ребенка в берестяном «коконе». В некоторых случаях сохранились погребальные конструкции из дерева. Среди сопроводительного инвентаря представлены: оружие, в том числе копья, кинжалы, наконечники стрел, охотничье оружие и предметы снаряжения. Сопроводительный инвентарь и обряд погребения позволяет отнести могильник к эпохе Средневековья.

Далее приведем описание одного из погребений с выразительным сопроводительным инвентарем.

Погребение ориентировано по линии северо-восток — юго-запад. Размеры могильной ямы: длина — 170 см, ширина — 65 см. Погребен мужчина возрастного периода *Maturus* (35–55 лет). На бедренных и берцовых костях (поперек костей) зафиксированы древесные угли и фрагменты обгорелой древесной коры. Правая плечевая, бедренные, проксимальные отделы берцовых костей обожжены (кости черного цвета). Заполнение могильной ямы — супесь буро-коричневых оттенков.

Анатомический порядок костей скелета был частично нарушен вспашкой. Положение костяка вытянуто на спине, руки располагаются вдоль туловища, левые рука и нога немного смещены и согнуты. Кости плохой сохранности, череп разрушен.

Между левой височной костью под нижней челюстью было зафиксировано бронзовое зеркало круглой формы. С оборотной стороны в центре изделия помещено ушко округлой формы. Зеркало декорировано с оборотной стороны (от центра к краю) — четырьмя барельефными точками, расположенными квадратом, барельефным прямоугольным валиком по центральному периметру и барельефными точками по внешнему периметру изделия.

С правой стороны груди возле правой плечевой кости зафиксирована пальма железная кованая, расположенная острием вниз. Лезвие с понижением обуха треугольное в сечении. Хвостовик прямоугольной формы, прямоугольный в сечении, с изгибом кверху на конце.

Внизу от левой ключицы зафиксированы две стеклянные бусины со следами термической обработки — одна шарообразной формы желтого цвета, вторая бусина голубого цвета, рассыпавшаяся на фрагменты.

Между грудной клеткой и правыми костями предплечья зафиксированы два железных изделия, одно из которых предположительно является ножом — пластина треугольная в сечении, полотно почти полностью утрачено. Второе железное изделие является фрагментом железной пластины круглой формы, плоской в сечении. С проксимального края костей предплечья расположен кремневый скол и фрагменты неопределимого железного изделия (изделий?) прямоугольной формы, прямоугольного в сечении. Железные изделия не удается интерпретировать, поскольку они сильно корродированы и разрушены. Совокупность признаков погребального обряда и сопроводительного инвентаря позволяет датировать погребение эпохой Средневековья (X–XIV вв.).

Материал описанного выше погребения и могильника в целом, имеет достаточно представительный корпус аналогий в одновременных памятниках, расположенных по берегам двух крупных водных артерий — Енисея и Ангары [Мандрыка 2003; Басова 2016].

Библиографический список

- Басова Н. В. Предметный комплекс из погребений на стоянке Кода-2 на Ангаре // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, № 7: Археология и этнография. С. 100–111.
- Мандрыка П. В. Средневековое городище в Енисейской тайге // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2003. Т. 2, вып. 3: Археология и этнография. С. 89–91.
- Постнов А. В., Харевич В. М., Зольников И. Д., Ахметов В. В., Стасюк И. В., Чертыков В. А., Гревцов Ю. А., Филатов Е. А. Спасательные археологические раскопки стоянки Галкина-1 в Енисейском районе Красноярского края в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2018. Т. 24. С. 488–490.

A. V. POSTNOV, N. V. BASOVA

INTERMENTS AT THE OCCUPATION SITE GALKINA-1

In the summer of 2018 the Rescue Archeology Department of IAET SB RAS performed rescue excavations on an identified archaeological heritage object “Ablakovo. Occupation site Galkina-1” in the Yeniseisky district not far from the town of Lesosibirsk in the Krasnoyarsk region. Various types of archaeological objects were identified in the surveyed territory including a settlement complex and a burial site of the Middle Ages. This paper presents the burial site’s materials. The authors obtained data about the funeral traditions of the ancient population. The age and sex characteristics of the buried persons were provided. It was established that the graves were mostly inhumation type burials. There were also several instances of cremation aside from the burial, and the use of wood and birch bark for the building of grave structures. The grave goods contained an interesting assemblage of weapons and decorations.

Alexander V. Postnov – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: postnov@yandex.ru

Natalya V. Basova – Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: bass15@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БО ГЭС – Богучанская гидроэлектростанция
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГАТО – Государственный архив Тюменской области
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГМЭ – Государственный музей этнографии
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук
ЗРАО – Записки Русского археологического общества
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской
академии наук
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, философии и филологии Сибирского
отделения Академии наук СССР
ИЯФ СО РАН – Институт ядерной физики Сибирского отделения Российской
академии наук
КИО – Культурно-историческая общность
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НГУ – Новосибирский государственный университет
ННЗ – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
ОАН – Объект археологического наследия
ОКН – Объект культурного наследия
ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
ПГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПФИЦ УрО РАН – Пермский федеральный исследовательский центр Уральского
отделения Российской академии наук
РА – Российская археология
РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
РНФ – Российский научный фонд
РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников
ФИЦ ТюмНЦ СО РАН – Федеральный исследовательский центр «Тюменский
научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»
ЦНРПМ – Центральные научно-реставрационные проектные мастерские
ЭО – Этнографическое обозрение

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЕВРАЗИИ
В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ И РАННЕМ ГОЛОЦЕНЕ**

**А. А. Анойкин, Г. Д. Павленок, В. М. Харевич, А. В. Шалагина, С. А. Гладышев,
Г. И. Марковский, Ж. К. Таймагамбетов**

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА СЕВЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ УШБУЛАК В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ.....6

Н. Е. Белоусова

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ
В НАЧАЛЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ГОРНОГО АЛТАЯ..... 9

С. А. Васильев

ПОЗДНЕСАРТАНСКОЕ ВРЕМЯ НА ЕНИСЕЕ:
РАССЕЛЕНИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА11

А. В. Волокитин, Н. А. Волокитина

ОСВОЕНИЕ ДОЛИНЫ Р. ИЖМА В МЕЗОЛИТЕ.....14

Д. В. Герасимов, С. В. Бельский, Е. М. Колпаков, К. Маннермаа, А. В. Алиев

НОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА «ВОСТОЧНОГО ПУТИ» ЗАСЕЛЕНИЯ ФЕННОСКАНДИИ
НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....16

Н. И. Дроздов, В. И. Макулов, Д. Н. Дроздов

ОСВОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКОМ КРАСНОЯРСКОГО СЕВЕРА В КАМЕННОМ ВЕКЕ19

А. П. Деревянко, А. В. Кандыба, С. А. Гладышев

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ АНКХЕ И ПРОБЛЕМА
БИФАСИАЛЬНЫХ ИНДУСТРИЙ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.....22

М. Б. Козликин

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ:
НОВЫЕ ДАННЫЕ.....24

Ю. В. Кузьминова

ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ ФАУНА КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ ПО МАТЕРИАЛАМ
РАСКОПА У ЗАПАДНОЙ НИШИ КУПОЛЬНОГО ЗАЛА:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ27

С. С. Макаров, А. С. Резвый

ОСВОЕНИЕ И ЗАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНО-СИБИРСКОЙ РАВНИНЫ
В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ28

П. Ю. Павлов

УРАЛЬСКАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА:
ХРОНОЛОГИЯ, КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ31

И. Ю. Понкратова

ЗАСЕЛЕНИЕ КАМЧАТКИ В КОНЦЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА – СРЕДНЕМ ГОЛОЦЕНЕ34

**MAIN STAGES OF THE NORTH EURASIA COLONIZATION
IN THE PLEISTOCENE AND THE EARLY HOLOCENE**

A. A. Anoykin, G. D. Pavlenok, V. M. Kharevich, A. V. Shalagina, S. A. Gladyshev, G. I. Markovskiy, Z. K. Taymagambetov	
INITIAL STAGES OF THE UPPER PALEOLITHIC IN THE NORTH OF CENTRAL ASIA: BASED ON THE MATERIALS OF USHBULAK OCCUPATION SITE IN EASTERN KAZAKHSTAN.....	6
N. E. Belousova	
NEW DATA ON THE CULTURAL DYNAMICS IN THE EARLY UPPER PALEOLITHIC OF THE ALTAI MOUNTAINS	9
S. A. Vasiliev	
LATE SARTAN PERIOD IN THE YENISEI AREA: HUMAN COLONIZATION DURING THE PALEOLITHIC	11
A. V. Volokitin, N. A. Volokitina	
COLONIZATION OF THE IZHMA RIVER VALLEY IN THE MESOLITHIC	14
D. V. Gerasimov, S. V. Belsky, E. M. Kolpakov, K. Mannermaa, A. V. Aliev	
NEW EVIDENCE OF THE EXISTENCE OF THE “EASTERN ROUTE” OF COLONIZATION OF FENNOSCANDIA IN THE LENINGRAD PROVINCE.....	16
N. I. Drozdov, V. I. Makulov, D. N. Drozdov	
HUMAN COLONIZATION OF THE KRASNOYARSK NORTH DURING THE STONE AGE...	19
A. P. Derevianko, A. V. Kandyba, S. A. Gladyshev	
XUAN KHE EARLY PALEOLITHIC STONE INDUSTRY AND THE PROBLEM OF SOUTHEAST ASIA BIFACIAL INDUSTRIES	22
M. B. Kozlikin	
THE OLDEST PALEOLITHIC COMPLEXES OF THE DENISOVA CAVE: NEW DATA.....	24
J. V. Kuzminova	
LATE PLEISTOCENE FAUNA OF THE KAPOVA CAVE – THE MATERIALS OF THE EXCAVATION NEAR THE WESTERN NICHE OF THE DOME CHAMBER: PRELIMINARY REPORT	27
S. S. Makarov, A. S. Rezvyi	
COLONIZATION OF THE NORTHERN PART OF THE WEST SIBERIAN PLAIN IN THE LATE PALEOLITHIC: PROBLEMS AND STUDY POTENTIAL.....	28
P. Yu. Pavlov	
THE URAL LATE PALEOLITHIC CULTURE: CHRONOLOGY, CULTURAL SPECIFICS, ORIGINS.....	31
I. Yu. Ponkratova	
COLONIZATION OF KAMCHATKA IN THE LATE PLEISTOCENE – MIDDLE HOLOCENE.....	34

А. Г. Рыбалко	
АШЕЛЬСКИЕ ИНДУСТРИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА.....	36
Е. П. Рыбин, А. М. Хаценович	
КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФИНАЛЕ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ.....	39
А. Ю. Федорченко, М. Б. Козликин, М. В. Шуньков	
КОСТЯНЫЕ ИГЛЫ НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ.....	41
В. М. Харевич	
РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ В КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЯХ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕНИСЕЯ.....	44
А. М. Хаценович, Е. П. Рыбин	
СЕВЕРНАЯ ГРАНИЦА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ГЕОМЕТРИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	47
А. М. Чеха	
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ С ПОВЕРХНОСТНЫМ ЗАЛЕГАНИЕМ АРТЕФАКТОВ: МЕТОДИКА И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	49
А. В. Шалагина, К. А. Колобова, В. М. Харевич, С. В. Маркин	
БИФАСИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ). ДАННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ И АНАЛИЗА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СКОЛОВ.....	52
С. В. Шнайдер, Н. Н. Сайфулоев, В. А. Жуков, М. Наврузбеков, С. Алишер кызы, А. И. Кривошапки	
ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА НА КРЫШЕ МИРА: К ВОПРОСУ О ЗАСЕЛЕНИИ ДРЕВНИМ ЧЕЛОВЕКОМ ВОСТОЧНОГО ПАМИРА.....	55
И. Хлахула, М. Ю. Чепрасов, Т. Ф. Обада, С. Е. Григорьев	
СЛЕДЫ ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ЭПОХИ ПАЛЕОЛИТА В ИНТЕРГЛЯЦИАЛЕ БАСЕЙНА КОЛЫМЫ, СЕВЕРО-ВОСТОК ЯКУТИИ.....	58
С. Содерленд	
МОБИЛЬНОСТЬ, КОНТАКТЫ И ПЕРЕДАЧА ЗНАНИЙ В ЭПОХУ МЕЗОЛИТА В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ	61
Д. Такакура	
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ МИКРОПЛАСТИНЧАТОЙ ТЕХНОЛОГИИ В ДОИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРИОДЕ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	63
ЕВРАЗИЙСКИЙ СЕВЕР В КОНЦЕ КАМЕННОГО ВЕКА: АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЭПОХИ	
Н. С. Батуева	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКИ ПРЕДУРАЛЬЯ, ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	67
В. В. Бобров	
ДАЛЕКИЕ АНАЛОГИИ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКЕ ЗАУРАЛЬСКОГО СЕВЕРА	69

A. G. Rybalko	
THE ACHEULEAN INDUSTRIES OF THE NORTHEAST CAUCASUS.....	36
E. P. Rybin, A. M. Khatsenovich	
CULTURAL PROCESSES IN THE FINAL STAGE OF THE MIDDLE PALEOLITHIC IN MONGOLIA.....	39
A. Yu. Fedorchenko, M. B. Kozlikin, M. V. Shunkov	
BONE NEEDLES OF THE EARLY UPPER PALEOLITHIC IN NORTHERN EURASIA.....	41
V. M. Kharevich	
RECONSTRUCTION OF THE PRIMARY FLAKING TECHNIQUE IN THE LITHIC INDUSTRIES OF THE UPPER PALEOLITHIC OF THE YENISEY REGION.....	44
A. M. Khatsenovich, E. P. Rybin	
NORTHERN BOUNDARY OF THE DISTRIBUTION OF THE GEOMETRIC ARTEFACTS IN THE UPPER PALEOLITHIC OF CENTRAL ASIA.....	47
A. M. Cheka	
PALEOLITHIC SITES WITH THE SURFACE DEPOSITION OF ARTIFACTS: METHODOLOGY AND THE PROBLEMS OF STUDY (HISTORIOGRAPHIC ASPECT).....	49
A. V. Shalagina, K. A. Kolobova, V. M. Kharevich, S. V. Markin	
BIFACIAL TECHNIQUE OF THE CHAGYR CAVE (THE NORTH-WEST ALTAI) EXPERIMENTAL AND FLAKING SEQUENCE ANALYSIS DATA.....	52
S. V. Schneider, N. N. Sayfuloev, V. A. Zhukov, M. Navruzbekov, S. Alisher Kyzy, A. I. Krivoshapkin	
STONE AGE SITES ON THE ROOF OF THE WORLD: THE PROBLEM OF THE EASTERN PAMIRS COLONIZATION BY ANCIENT HUMANS.....	55
J. Chlachula, M. Yu. Cheprasov, T. F. Obada, S. E. Grigoriev	
THE MID-LAST GLACIAL HABITATS OF THE PALAEOOLITHIC PEOPLING OF THE KOLYMA BASIN, NORTH-EAST YAKUTIA.....	58
S. Söderlind	
MOBILITY, CONTACTS AND TRANSMISSION OF KNOWLEDGE DURING THE MESOLITHIC IN NORTHERN EUROPE.....	61
J. Takakura	
RETHINKING THE CONCEPT OF MICROBLADE TECHNOLOGY IN NORTHEAST ASIAN PREHISTORY.....	63
THE EURASIAN NORTH IN THE END OF THE STONE AGE: THE ARCHAEOLOGICAL AND THE HISTORICAL CONTENT OF THE AGE	
N. S. Batueva	
COMPARATIVE STUDY OF THE NEOLITHIC COMB CERAMICS OF THE CIS-URALS, TRANS-URALS AND WESTERN SIBERIA.....	67
V. V. Bobrov	
DISTANT ANALOGIES TO THE NEOLITHIC POTTERY OF THE TRANS-URAL NORTH.....	69

А. С. Виноградов	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ КОЛУНГТОТЫТОР 1 В НЕФТЕЮГАНСКОМ РАЙОНЕ ХМАО – ЮГРЫ, ПРОВЕДЕННЫЕ В 2017 Г.....	72
П. С. Гребенюк	
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАЛЕОЭСКИМОСОВ И ПАЛЕОЭСКИМОССКОЙ ТРАДИЦИИ	74
Д. А. Гурулёв, Л. А. Максимович, П. О. Сенотрусова, П. В. Мандрыка	
КАМЕННЫЕ ИНДУСТРИИ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ НЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА СТОЯНКИ ИТОМИУРА (НИЖНЕЕ ПРИАНГАРЬЕ).....	77
Е. Н. Дубовцева	
СЮЖЕТ О НЫРЯЮЩЕЙ ПТИЦЕ В НЕОЛИТЕ – ЭНЕОЛИТЕ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	80
Д. Н. Еньшин	
К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ЛОКАЛЬНЫХ ТИПОВ КЕРАМИКИ В КОНТЕКСТЕ БОБОРЫКИНСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ (ГОРНО-ЛЕСНОЕ ЗАУРАЛЬЕ, ТАЕЖНАЯ И ЛЕСОСТЕПНАЯ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)	82
М. В. Иванищева	
РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИОНЕЖЬЯ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ СЕВЕРА ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ	85
И. В. Калинина	
ОРНАМЕНТ «ШАГАЮЩАЯ ГРЕБЕНКА» (МОРФОЛОГИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА) ...	87
А. М. Киселева	
ПОСЕЛЕНИЕ МАЯК 2 НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ – НОВЫЕ ДАННЫЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	90
Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин, А. И. Мурашкин	
КОЛЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: НАУЧНЫЕ ИТОГИ ЗА 90 ЛЕТ	92
М. В. Коноваленко, Ю. В. Балужева	
НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА В СУРГУТСКОМ ПРИОБЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСА БОЛЬШОЙ САЛЫМ 4).....	94
Л. Л. Косинская	
ПОСТМЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ МИКРОПЛАСТИНЧАТЫХ ИНДУСТРИЙ ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	97
Н. В. Косорукова, В. А. Лукинцева, М. А. Кулькова, Д. О. Гимранов, Т. С. Гринина	
ДАННЫЕ О РЫБОЛОВСТВЕ В ЭПОХУ КАМЕННОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ.....	100
А. Крийска, К. Нордквист, А. Мацане	
«АРКТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ» В УМЕРЕННОМ ПОЯСЕ. ОХОТНИКИ НА МОРСКОГО ЗВЕРЯ В ВОСТОЧНОЙ БАЛТИКЕ В КАМЕННОМ ВЕКЕ	102

A. S. Vinogradov	
THE 2017 ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS OF KOLUNGTOTYTOR 1 SETTLEMENT IN THE NEFTEYUGANSK DISTRICT, KHMAO – UGRA	72
P. S. Grebenyuk	
THE ORIGINS OF THE PALAEO-ESKIMOS AND THE PALAEO-ESKIMO TRADITION.....	74
D. A. Gurulev, L. A. Maksimovich, P. O. Senotrusova, P. V. Mandryka	
LITHIC INDUSTRIES OF THE CULTURAL AND CHRONOLOGICAL COMPLEXES OF THE NEOLITHIC AND THE BRONZE AGE OF ITOMIURA OCCUPATION SITE (LOWER ANGARA REGION).....	77
E. N. Dubovtseva	
THE DIVING BIRD MOTIF IN THE NEOLITHIC – ENEOLITHIC OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA	80
D. N. Enshin	
THE PROBLEM OF THE INTERPRETATION OF SOME LOCAL TYPES OF CERAMICS IN THE CONTEXT OF THE BOBORYKINO CULTURE PHENOMENON (THE MOUNTAIN-FOREST TRANS-URALS, THE TAIGA AND THE FOREST-STEPPE ZONES OF WESTERN SIBERIA)	82
M. V. Ivanishcheva	
EARLY NEOLITHIC CERAMICS OF THE SOUTHEAST ONEGA REGION IN THE LIGHT OF THE PROBLEM OF NEOLITHIZATION OF THE NORTH OF THE FOREST ZONE	85
I. V. Kalinina	
“STEPPING COMB” ORNAMENT (MORPHOLOGY, TECHNOLOGY, SEMANTICS)	87
A. M. Kiseleva	
MAYAK 2 SETTLEMENT ON THE KOLA PENINSULA – NEW DATA AND INTERPRETATION.....	90
E. M. Kolpakov, V. Ya. Shumkin, A. I. Murashkin	
KOLA EXPEDITION: 90 YEARS OF RESEARCH.....	92
M. V. Konovalenko, J. V. Balueva	
NEW DATA ON THE FUNERAL PRACTICES OF THE EARLY METAL AGE IN THE SURGUT OB REGION (BASED ON THE MATERIALS OF BOLSHOY SALYM 4 COMPLEX).....	94
L. L. Kosinskaya	
POST-MESOLITHIC DEVELOPMENT OF MICROBLADE INDUSTRIES IN THE FOREST TRANS-URALS AND WESTERN SIBERIA	97
N. V. Kosorukova, V. A. Lukintseva, M. A. Kulkova, D. O. Gimranov, T. S. Grinina	
THE DATA ABOUT THE STONE AGE FISHING IN THE VOZHE LAKE BASIN.....	100
A. Kriiska, K. Nordqvist, A. Macane	
“ARCTIC WAY OF LIFE” IN THE TEMPERATE CLIMATE ZONE. STONE AGE SEA MAMMALS’ HUNTERS OF THE EASTERN BALTICS	102

Д. Н. Лохов, С. П. Дударёк	
ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ КАМЕННЫХ СКРЕБКОВ МНОГОСЛОЙНОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ УСТЬ-ЁДАРМА II (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ).....	105
Е. Л. Лычагина	
НЕОЛИТИЗАЦИЯ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ.....	107
А. Г. Марочкин	
О ДВУХ ПОГРЕБАЛЬНО-ОБРЯДОВЫХ ПРОВИНЦИЯХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОДЫ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА – РАННЕЙ БРОНЗЫ.....	110
В. Е. Медведев	
ОСНОВНЫЕ ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА В АМУРО-УССУРИЙСКОМ РЕГИОНЕ.....	113
В. И. Молодин, Л. Н. Мыльникова, В. В. Бобров, В. И. Стефанов	
КЕРАМИКА ЭПОХИ НЕОЛИТА ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ТЕРМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (ДТГ).....	116
С. Н. Панина, Х. Пиецонка, З. Хартц, Т. Тербергер	
ЖЕРТВЕННОЕ МЕСТО С КЕРАМИКОЙ САТЫГИНСКОГО ТИПА ЭПОХИ НЕОЛИТА НА УСТЬ-ВАГИЛЬСКОМ ХОЛМЕ (СРЕДНИЙ УРАЛ, РОССИЯ).....	118
Т. М. Пономарева, С. Ж. Рахимжанова	
ПОСЕЛЕНИЕ БАЛИНСКОЕ 73 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАННЕГО ГОЛОЦЕНА В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ.....	121
А. Ю. Тресцова	
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ Р. АГАН.....	124
Д. С. Тупахин	
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ТРУДА ИЗ СЛАНЦА В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА В НИЖНЕМ ПРИОБЬЕ.....	126
Н. М. Чаиркина, С. Рейнхольд	
ЗИМНИЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ – НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЕ ОБЪЕКТЫ.....	129
А. Н. Чеха	
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА – ПАЛЕОМЕТАЛЛА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СТОЯНКИ УСТЬЕ РЕКИ КУТАРЕЙ).....	130
А. В. Шмидт	
ЭЛЕМЕНТЫ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В НЕОЛИТЕ-ЭНЕОЛИТЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО И ПРЕДГОРНОГО АЛТАЯ.....	133
А. В. Шмидт, К. Н. Солодовников	
МЕТОДИКА И ПРАКТИКА РАБОТЫ СО «СТАРЫМИ» ПОЛЕВЫМИ ОТЧЕТАМИ.....	135

D. N. Lokhov, S. P. Dudaryok	
AN ATTEMPT OF CLASSIFICATION OF STONE SCRAPERS FROM THE MULTILAYER SITE UST-EDARMA II (NORTH ANGARA REGION)	105
E. L. Lychagina	
NEOLITHIZATION OF THE UPPER AND THE MIDDLE KAMA REGION. MAIN FEATURES	107
A. G. Marochkin	
ON TWO FUNERAL-RITUAL PROVINCES IN WESTERN SIBERIA DURING THE NEOLITHIC – THE ENEOLITHIC – THE EARLY BRONZE AGE.....	110
V. E. Medvedev	
MAIN RESULTS, PROBLEMS AND POTENTIAL FOR THE NEOLITHIC STUDIES IN THE AMUR-USSURISK REGION	113
V. I. Molodin, L. N. Mylnikova, V. V. Bobrov, V. I. Stefanov	
NEOLITHIC POTTERY THERMAL ANALYSIS (DTG).....	116
S. N. Panina, H. Piezonka, S. Hartz, T. Terberger	
RITUAL SITE WITH THE NEOLITHIC SATYGINO TYPE POTTERY ON UST-VAGILSKY HILL (MIDDLE URAL)	118
T. M. Ponomareva, S. Zh. Rakhimzhanova	
BALINSKOJE 73 SETTLEMENT – NEW EARLY HOLOCENE SITE IN THE MIDDLE OB REGION	121
A. Yu. Trestsova	
THE COMMON AND THE SPECIFIC FEATURES OF THE NEOLITHIC SITES IN THE AGAN RIVER VALLEY.....	124
D. S. Tupakhin	
TECHNOLOGICAL PECULIARITIES OF SLATE TOOLS PRODUCTION IN THE ENEOLITHIC OF THE LOWER OB REGION	126
N. M. Chairkina, S. Reinhold	
WINTER MOBILITY IN NORTHERN EURASIA – NEW LOOK AT OLD OBJECTS.....	129
A. N. Chekha	
PROBLEMS OF THE NEOLITHIC – EARLY METAL ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES STUDY IN THE TERRITORY OF THE NORTHERN ANGARA RIVER (BASED ON THE MATERIALS OF THE KUTAREI RIVER MOUTH OCCUPATION SITE)	130
A. V. Schmidt	
ELEMENTS OF THE FUNERAL PRACTICES IN THE NEOLITHIC – ENEOLITHIC IN THE TERRITORY OF THE FOREST-STEPPE AND THE ALTAI PIEDMONT AREA	133
A. V. Schmidt, K. N. Solodovnikov	
METHODOLOGY AND PRACTICE OF THE “OLD” FIELD REPORTS STUDY	135

А. Ф. Шорин, А. А. Шорина КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ «КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ – ЮРЬИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ» КАК ИСТОЧНИК ПО НЕОЛИТУ ЗАУРАЛЬЯ.....	138
Н. М. Чаиркина, О. В. Кардаш, Х. Пиецонка, Е. Н. Дубовцева, Г. П. Визгалов НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПОСЕЛЕНИЯ КАЮКОВО 2 В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	141
А. Храмцова, Е. Л. Костылёва, Б. Краузе-Киора, Д. Медоус, Х. Пиецонка, М. В. Добровольская, С. В. Васильев, Е. В. Веселовская, А. В. Уткин ОХОТНИКИ, ОЛЕНЕВОДЫ, ЗДОРОВЬЕ: НОВЫЕ БИОМОЛЕКУЛЯРНЫЕ И ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА МАТЕРИАЛАХ МОГИЛЬНИКОВ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА ПОСЕЛЕНИЯ САХТЫШ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ.....	144
К. Маннермаа ПОЧЕМУ РЫБОЛОВЫ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА ХОРОНИЛИ СВОИХ УМЕРШИХ БЕЗ РЫБЫ ИЛИ РЫБОЛОВНЫХ СНАСТЕЙ? НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БИОЛОГИЧЕСКИХ АНАЛИЗОВ МАТЕРИАЛОВ ПАМЯТНИКА ЮЖНЫЙ ОЛЕНИЙ ОСТРОВ, ОНЕЖСКОЕ ОЗЕРО	147
АРХЕОЛОГИЯ ОБРАЗА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА	
С. А. Григорьев ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РАЗВИТИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ И ЕВРОПЫ.....	152
А. В. Гусев ТЕХНИКА ОБРАБОТКИ КОСТИ И РОГА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА – УСТЬ-ПОЛУЙ)	154
А. А. Дудко, Ю. А. Васильева, Д. А. Бычков РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОМЫСЛОВОГО КОМПЛЕКСА КУЛУНИГЫЙ 66 (БАССЕЙН Р. БОЛЬШОЙ ЮГАН, СРЕДНЕОБСКАЯ НИЗМЕННОСТЬ).....	156
В. М. Дьяконов, К. Такасэ ЗАПОЛЯРНЫЕ РАЙОНЫ ЯКУТИИ В ПОСТЫМЫЯХТАХСКОЕ ВРЕМЯ (I ТЫС. ДО Н. Э. – I ТЫС. Н. Э.).....	159
О. Ю. Зимина К ВОПРОСУ О ТИПАХ КЕРАМИКИ ИТКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ	162
В. В. Илюшина, О. Ю. Зимина ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 6 В НИЖНЕМ ПРИИШИМЬЕ	165
С. Ф. Кокшаров, В. Е. Жилин ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РАННЕГО МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	167

A. F. Shorin, A. A. Shorina	
THE COMPLEX OF ARCHAEOLOGICAL SITES “KOKSHAROVO HILL – YURJINO SETTLEMENT” AS A SOURCE OF DATA ON THE TRANS-URAL NEOLITHIC	138
N. M. Chairkina, O. V. Kardash, H. Piezonka, E. N. Dubovtseva, G. P. Vizgalov	
NEW RESEARCH AT THE EARLY NEOLITHIC COMPLEX SETTLEMENT OF KAYUKOVO 2, WESTERN SIBERIA	141
A. Khramtsova, E. L. Kostyleva, B. Krause-Kyora, J. Meadows, H. Piezonka, M. V. Dobrovolskaya, S. V. Vasiliev, E. V. Veselovskaya, A. V. Utkin	
HUNTERS, HERDERS, HEALTH: NEW BIOMOLECULAR AND PALAEOGENETIC RESEARCH ON THE LATE STONE AGE BURIALS AT SAKHTYSH, CENTRAL RUSSIA	144
K. Mannermaa	
WHY DID LATE MESOLITHIC FISHERMEN BURY THEIR DEAD WITHOUT FISH OR FISHING EQUIPMENT? NEW RESULTS OF BIOANALYSES FROM YUZHNIY OLENIY OSTROV, LAKE ONEGA	147
ARCHAEOLOGY OF THE WAY OF LIFE OF THE POPULATION OF NORTHERN EURASIA DURING THE BRONZE AND THE EARLY STONE AGES	
S. A. Grigoryev	
THE COMMON FEATURES AND THE DIFFERENCES IN THE DEVELOPMENT OF METALLURGICAL PRODUCTION IN NORTHERN EURASIA AND EUROPE	152
A. V. Gusev	
THE TECHNIQUE OF BONE AND ANTLER WORKING IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA (BASED ON THE MATERIALS OF THE EARLY IRON AGE UST-POLUI SITE)	154
A. A. Dudko, Ju. A. Vasilieva, D. A. Bychkov	
THE RESULTS OF THE STUDY OF A HARVESTING COMPLEX KULUNIGYJ 66 (THE BOLSHOY YUGAN RIVER BASIN, MIDDLE OB PLAIN).....	156
V. M. Dyakonov, K. Takase	
TRANSPOLAR REGIONS OF YAKUTIA DURING THE POST-YMYJAKHTAKH TIME (1 ST MILLENNIUM BC – 1 ST MILLENNIUM AD).....	159
O. Yu. Zimina	
TO THE QUESTION OF THE ITKUL CULTURE POTTERY TYPES.....	162
V. V. Ilyushina, O. Yu. Zimina	
POTTERY PRODUCTION OF THE POPULATION OF THE MERGEN 6 SETTLEMENT IN THE LOWER ISHIM REGION DURING THE TRANSITION PERIOD FROM THE BRONZE TO THE EARLY IRON AGE	165
S. F. Koksharov, V. E. Zhilin	
SPECIFICS OF THE EARLY METAL PRODUCTION IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA	167

О. Н. Корочкова	
КОГНИТИВНЫЕ ВЫЗОВЫ И ОБРАЗ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНО-ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ И ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА	170
П. А. Косинцев, Д. В. Киселева, О. П. Бачура, Н. В. Федорова, М. В. Червяковская, А. В. Гусев	
ПЕРВЫЕ ДАННЫЕ О СОДЕРЖАНИИ МИКРОЭЛЕМЕНТОВ И ИЗОТОПОВ ⁸⁷ SR/ ⁸⁶ SR В ГОЛОЦЕНОВЫХ ОСТАТКАХ СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ (MAMMALIA, ARTIODACTYLA, RANGIFER TARANDUS L.,1758) СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ	172
А. И. Лебединцев	
ПРИМОРСКИЕ КУЛЬТУРЫ ОХОТОМОРЬЯ: ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКОЕ ВЛИЯНИЕ	175
Н. П. Макаров	
РАННИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ.....	177
А. И. Мурашкин, А. А. Малютина	
ПРЯМЫЕ И КОСВЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТАЛЛА В ЭПОХУ БРОНЗЫ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ	179
С. Е. Пантелеева	
КЕРАМИКА ПЕТРОВСКОГО ТИПА С ПОСЕЛЕНИЙ ЮЖНОГО УРАЛА И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ	182
М. Л. Перескоков	
ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ПРИКАМЬЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА	184
Л. Ю. Петрова	
ДАННЫЕ О ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПОСЕЛЕНИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПРИИСК II (ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)	187
О. Е. Пошехонова, С. Н. Скочина, О. М. Аношко	
МАТЕРИАЛЫ ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВОЕНТО 11	189
Н. В. Солдаткин	
ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ: ВАРИАНТЫ СУЩЕСТВУЮЩИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ.....	192
С. В. Сотникова	
СОСУДЫ БЕЗ ОРНАМЕНТА КАК МАРКЕР РИТУАЛЬНОГО СТАТУСА (ПО МАТЕРИАЛАМ АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА).....	194
О. С. Тупахина	
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ХЭЯХИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ...197	
Н. В. Федорова	
СТАТУСНЫЕ УКРАШЕНИЯ И ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОСТЮМА: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ (СЕВЕР ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)	199

O. N. Korochkova	
COGNITIVE CHALLENGES AND LIFESTYLE OF THE EARLY METAL POPULATION OF THE MOUNTAIN-FOREST TRANS-URALS AND TAIGA ZONE OF WESTERN SIBERIA	170
P. A. Kosintsev, D. V. Kiseleva, O. P. Bachura, N. V. Fedorova, M. V. Chervyakovskaya, A. V. Gusev	
FIRST DATA ON THE CONTENT OF MICROELEMENTS AND ISOTOPES ⁸⁷ SR/ ⁸⁶ SR IN THE HOLOCENE REINDEER REMAINS (MAMMALIA, ARTIODACTYLA, <i>RANGIFER TARANDUS L., 1758</i>) IN NORTHERN EURASIA	172
A. I. Lebedintsev	
MARITIME CULTURES OF THE SEA OF OKHOTSK COAST: THE ESKIMO-ALEUTIAN INFLUENCE	175
N. P. Makarov	
EARLY BRONZE AGE IN THE KRASNOYARSK FOREST-STEPPE	177
A. I. Murashkin, A. A. Malyutina	
DIRECT AND INDIRECT EVIDENCE OF THE USE OF METAL DURING THE BRONZE AGE IN THE KOLA PENINSULA	179
S. E. Panteleeva	
PETROVSKY TYPE CERAMICS FROM THE SOUTH URAL AND NORTH KAZAKHSTAN SETTLEMENTS: CURRENT RESEARCH STATUS	182
M. L. Pereskokov	
THE DYNAMICS OF THE EARLY IRON AGE ARCHAEOLOGICAL CULTURES EVOLUTION IN THE KAMA REGION WITHIN THE CLIMATE CHANGE CONTEXT	184
L. Yu. Petrova	
DATA ON THE PRODUCTION OPERATIONS AT THE BRONZE AGE SETTLEMENT ARKHANGELSKY PRIISK II (SOUTH TRANS-URAL)	187
O. E. Poshekhonova, S. N. Skochina, O. M. Anoshko	
MATERIALS FROM THE EARLY IRON AGE SETTLEMENT VOENTO 11	189
N. V. Soldatkin	
VISUAL IMAGES OF THE SINTASHTA-PETROVSKAYA SETTLEMENTS: VERSIONS OF THE EXISTING RECONSTRUCTIONS	192
S. V. Sotnikova	
BOWLS WITHOUT ANY ORNAMENTATION AS A RITUAL STATUS MARKER (ON THE ALAKUL BURIAL SITE MATERIALS).....	194
O. S. Tupakhina	
NEW WEST SIBERIA TRANSPOLAR HAYAKHIN CULTURE MATERIALS.....	197
N. V. Fedorova	
STATUS DECORATIONS AND COSTUME ACCESSORIES: HISTORY OF EVOLUTION (THE NORTH OF WESTERN SIBERIA)	199

С. И. Цембалюк, А. В. Кисагулов, А. Е. Некрасов	
ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ГОРОДИЩА МАРАЙ 1	201
Ю. П. Чемякин	
КАЛИНКИНСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ТАЕЖНОГО ОБЪ-ИРТЫШЬЯ... ..	204
А. Котула, Б. Юнгклаус, Х. Пиецонка, Т. Тербергер	
МЕЖДУ СЕВЕРОМ И ВОСТОКОМ – МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК ГРОСС ФРЕДЕНВАЛЬДЕ (ГЕРМАНИЯ) В СВЕТЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ	207
АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ	
О. И. Белогай	
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАРЫМСКОГО ПАМЯТНИКА НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ – ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНОЕ 2	210
Л. А. Беляев	
ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ СВЕТА: АРХЕОЛОГИЯ РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ XVI – НАЧАЛА XX В.	212
А. И. Боброва, Е. В. Барсуков	
ПЕРСТНИ В КУЛЬТУРЕ АБОРИГЕНОВ ТОМСКО-НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ.....	213
В. А. Буров	
РАСКОПКИ КЕЛИЙ АРХИМАНДРИТА КОНЦА XVII В. СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ	216
П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников	
НОВЫЕ НАХОДКИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ТОВАРНЫХ СВИНЦОВЫХ ПЛОМБ В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ.....	218
Ю. Н. Гаркуша	
ДЕНДРОХРОНОЛОГИЯ ГОРОДИЩА УСТЬ-ВОЙКАРСКОЕ: НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2012–2016 ГГ.).....	221
С. П. Грушин, А. В. Фрибус, С. А. Васютин, В. О. Сайберт, Е. В. Трусова, С. С. Онищенко	
КОНСКАЯ УПРЯЖЬ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ.....	222
Ал. В. Гусев	
МЕДНЫЕ ПЛАСТИНЫ ИЗ СТЕНОК КОТЛОВ В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА XII–XIII ВВ. У ПОСЕЛКА ЗЕЛЕНый ЯР, НИЖНЕЕ ПРИОБЬЕ)	226
В. Л. Державин	
НОРВЕЖСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ СВАЛЬБАРДА/ШПИЦБЕРГЕНА	229
Д. Н. Еньшин, С. Н. Скочина, В. М. Костомаров	
ДРЕВНИЕ ОХОТНИКИ И РЫБОЛОВЫ ГЫДАНСКОЙ АРКТИКИ	231

S. I. Tsembalyuk, A. V. Kisagulov, A. E. Nekrasov	
OSTEOLOGICAL COMPLEXES FROM MARAI 1 HILLFORT	201
Yu. P. Chemyakin	
KALINKINSKAYA EARLY IRON AGE CULTURE OF THE TAIGA OB-IRTYSH REGION	204
A. Kotula, B. Jungklaus, H. Piezonka, T. Terberger	
BETWEEN NORTH AND EAST – THE MESOLITHIC BURIAL SITE OF GROSS FREDENWALDE, NE-GERMANY, IN THE LIGHT OF SUPRAREGIONAL CONTACTS	207
ARCHAEOLOGY OF THE MIDDLE AGES AND THE MODERN AGE OF NORTHERN EURASIA	
O. I. Belogay	
THE OUTCOMES OF THE STUDY OF THE KARYM SITE IN THE TERRITORY OF THE LOWER IRTYSH REGION – GORNOE 2 SETTLEMENT.....	210
L. A. Belyaev	
THE FOUR CORNERS OF THE EARTH: ARCHAEOLOGY OF THE RUSSIAN PRESENCE IN THE 16 TH – EARLY 20 TH CENTURIES	212
A. I. Bobrova, E. V. Barsukov	
FINGER RINGS IN THE ABORIGINAL CULTURE OF THE TOMSK-NARYM OB REGION.....	213
V. A. Burov	
EXCAVATIONS OF THE LATE 17 TH CENTURY ARCHIMANDRITE'S CELLS IN THE SOLOVETSKY MONASTERY	216
P. G. Gaydukov, O. M. Oleynikov	
NEW FINDS OF THE WEST EUROPEAN COMMODITY LEAD SEALS IN VELIKY NOVGOROD.....	218
Yu. N. Garkusha	
DENDROCHRONOLOGY OF UST-VOIKAR HILLFORT: NEW DATA (BASED ON THE MATERIALS OF THE 2012–2016 STUDY).....	221
S. P. Grushin, A. V. Fribus, S. A. Vasyutin, V. O. Cybert, E. V. Trusova, S. S. Onishchenko	
HORSE HARNESS FROM THE MEDIEVAL INTERMENTS OF CHUMYSH-PEREKAT BURIAL GROUND	222
Al. V. Gusev	
COPPER PLATES FROM POT WALLS WITHIN THE SYSTEM OF THE IDEAS OF AFTERLIFE (BASED ON THE MATERIALS OF THE 12 TH -13 TH CENTURY BURIAL SITE NEAR ZELENY YAR VILLAGE, THE LOWER OB REGION)	226
V. L. Derzhavin	
A NORWEGIAN VIEW OF THE HISTORY OF SVALBARD/SPITSBERGEN.....	229
D. N. Enshin, S. N. Skochina, V. M. Kostomarov	
ANCIENT HUNTERS AND FISHERMEN OF THE GYDAN ARCTIC	231

Н. М. Зиняков, О. Е. Попехонова	
ТЕХНОЛОГИЯ КУЗНЕЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДМЕТОВ ШАМАНСКОГО КОСТЮМА ИЗ МОГИЛЬНИКА КИККИ-АККИ	234
Н. Г. Комова	
ЭЛЕМЕНТЫ НАБОРНЫХ ПОЯСОВ (XIV–XV ВВ.) ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ ХМАО – ЮГРЫ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ	236
Н. Б. Крыласова	
МАСТЕРСКАЯ МЕДНИКА НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ ГОРОДИЩЕ В ПЕРМСКОМ КРАЕ	239
А. В. Курбатов	
ОБУВЬ ПОМОРОВ С КЕМСКОГО ПОГОСТА (ПО РАСКОПКАМ 2017 Г.).....	241
Е. А. Курлаев	
«СЕРЕБРО ЗАКАМСКОЕ» И ЛЕТОПИСНАЯ ЮГРА	244
В. А. Лапшин	
СТАРАЯ ЛАДОГА И РУССКИЙ СЕВЕР.....	247
А. А. Лукиных, Е. С. Шулькин	
МНОГОСЛОЙНЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕЛИЩА ЕГИПАМЫНГЛОР 4, 6, 9 НА ВОДОРАЗДЕЛЕ РЕК БОЛЬШОЙ И МАЛЫЙ ЮГАН (ПО МАТЕРИАЛАМ АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2015–2016 ГГ.)	252
Д. А. Майстренко	
ГЛИНОБИТНАЯ ПЕЧЬ ИЗ ПОСТРОЙКИ СО СТОЯНКИ ГЛУБОКОЕ ОЗЕРО I – АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ.....	254
Л. Д. Макаров	
ОСОБЕННОСТИ СЛАВЯНО-РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО ПРИКАМЬЯ	257
К. В. Моряхина	
ХРОНОЛОГИЯ БРАСЛЕТОВ ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.....	259
А. М. Мурыгин	
О ВЫДЕЛЕНИИ ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ.....	262
С. Г. Пархимович	
РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕРЕЗОВСКОГО ПОСАДА.....	265
А. В. Плеханов	
ЛОКАЛИЗАЦИЯ АРЕАЛА КЕРАМИКИ ТИУТЕЙСАЛИНСКОГО ТИПА	268
Ю. А. Подосёнова, Н. Г. Брюхова	
НОВЫЕ НАХОДКИ СЕРЕБРЯНЫХ ЩИТКОВОСЕРЕДИННЫХ ПЛАСТИНЧАТЫХ ПЕРСТНЕЙ В МАТЕРИАЛАХ ПЛОТНИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА РОДАНОВСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ.....	270

N. M. Zinyakov, O. E. Poshekhonova	
THE FORGING TECHNIQUES USED FOR THE MAKING OF A SHAMAN’S COSTUME ELEMENTS FROM THE KIKKI-AKKI BURIAL GROUND	234
N. G. Komova	
COMPOSITE BELTS’ ELEMENTS (THE 14 TH -15 TH CENTURIES) FROM THE KHMAO – URGA AND THE TOMSK REGION INTERMENTS.....	236
N. B. Krylasova	
A COPPERSMITH’S WORKSHOP AT THE ROZHDESTVENSKY HILLFORT IN THE PERM REGION	239
A. V. Kurbatov	
THE POMORS’ FOOTWEAR FROM THE KEMSKY GRAVEYARD (BASED ON THE MATERIALS OF THE 2017 EXCAVATIONS).....	241
E. A. Kurlaev	
“TRANS-KAMA SILVER” AND THE ANNALISTIC UGRA	244
V. A. Lapshin	
OLD LADOGA AND THE RUSSIAN NORTH.....	247
A. A. Lukinyh, E. S. Schulkin	
MULTILEVEL MIDDLE AGE SETTLEMENTS EGIPAMYNGLOR 4, 6, AND 9 AT THE WATERSHED OF THE BOLSHOY AND MALY YUGAN RIVERS (BASED ON THE MATERIALS OF THE SALVAGE EXCAVATIONS OF 2015–2016)	252
D. A. Maistrenko	
A COB OVEN FROM A HOUSE AT GLUBOKOE OZERO I CAMP – AN ARCHAEOLOGICAL ILLUSTRATION OF THE ETHNOGRAPHIC DATA.....	254
L. D. Makarov	
SPECIFICS OF THE SLAVIC-RUSSIAN COLONIZATION OF THE NORTHERN KAMA REGION..	257
K. V. Moryakhina	
BRACELETS CHRONOLOGY BY THE MATERIALS OF THE MIDDLE AGE SITES OF THE PERM CIS-URALS	259
A. M. Murygin	
ON DISTINGUISHING THE LOCAL IRON AGE POPULATION GROUPS IN THE FAR NORTH-EAST OF EUROPE	262
S. G. Parkhimovich	
EXCAVATIONS IN THE TERRITORY OF BEREZOVO SUBURB.....	265
A. V. Plekhanov	
THE TIUTEISALINSKI TYPE CERAMICS AREAL LOCALIZATION.....	268
Ju. A. Podosenova, N. G. Bryukhova	
NEW FINDS OF SILVER SIGNET FINGER RINGS IN THE MATERIALS OF PLOTNIKOVSKY BURIAL GROUND OF THE RODANOV ARCHAEOLOGICAL CULTURE: MANUFACTURING TECHNOLOGY	270

З. В. Прусакова	
К ВОПРОСУ О ВЕРХНЕЙ ДАТЕ ЖАЛЬНИЧНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДА ДРЕВНЕЙ РУСИ.....	272
А. А. Пушкарев	
НЮРНБЕРГСКИЕ ЖЕТОНЫ ИЗ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	275
П. О. Сенотрусова	
КАРЫМСКАЯ КЕРАМИКА С ЖЕЛОБЧАТО-ВАЛИКОВОЙ ОРНАМЕНТАЦИЕЙ: ВЗГЛЯД С ВОСТОКА.....	278
А. Ю. Скоробогатова	
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТИПА СУДНА И ВРЕМЕНИ ПОСТРОЙКИ КИРЬЯССКОЙ БАРКИ.....	280
Т. Н. Собољникова, А. В. Кузина	
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДКИ НИЖНЕЙ КОНДЫ: ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИСТОЧНИКИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ	283
К. Н. Тихомиров	
НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ СРЕДНЕГО И НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. ТАРА В XVI–XVIII ВВ.....	285
А. В. Фрибус, С. П. Грушин	
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО КОМПЛЕКСА МОГИЛЬНИКА ЧУМЫШ-ПЕРЕКАТ В ЗАПАДНОМ ПРИСАЛАИРЬЕ.....	288
Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко	
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАЗАХОВ И СИБИРСКИХ ТАТАР С НАРОДАМИ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	290
М. М. Шахнович	
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МОРСКИЕ ВОЛОКИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ	293
Ч. Балинт, Э. Соос	
ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРАЛЛЕЛЕЙ МЕЖДУ ПОСЕЛЕНИЕМ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА СЕВЕРЕ ВЕНГРИИ И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРОЙ	296
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ	
И. В. Абрамов	
РЫБОЛОВНЫЕ ЗАПОРЫ НИЖНЕЙ КОНДЫ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД.....	300
А. Л. Александровский, Е. И. Александровская, С. Н. Седов, Г. П. Визгалов, Е. Г. Ершова, С. Ф. Татауров, С. Г. Пархимович, А. А. Юртаев	
КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ СЕВЕРА	302
Д. А. Бычков, В. П. Колосов	
ВОЗМОЖНОСТИ АТРИБУТИВНОГО ПОДХОДА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПИРОТЕХНИЧЕСКИХ УСТРОЙСТВ И СЛЕДОВ ГОРЕНИЯ	306

Z. V. Prusakova	
TO THE QUESTION OF THE UPPER DATE OF THE USE OF ZHALNIK INTERMENTS OF THE NORTH-WEST OF THE ANCIENT RUSS.....	272
A. A. Pushkarev	
THE TOKENS OF NUREMBERG FROM THE RUSSIAN SETTLEMENTS OF WESTERN SIBERIA ..	275
P. O. Senotrusova	
THE KARYM POTTERY WITH GROOVE-CYLINDER ORNAMENTATION: A VIEW FROM THE EAST	278
A. Yu. Skorobogatova	
ON THE ISSUE OF DEFINING THE TYPE OF VESSEL AND THE PERIOD OF CONSTRUCTION OF THE KIRJAS BARQUE.....	280
T. N. Sobolnikova, A. V. Kuzina	
MIDDLE AGE FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE LOWER KONDA: THE FOLKLORE SOURCES AND THE ARCHAEOLOGICAL SEARCH.....	283
K. N. Tikhomirov	
SOME SPECIFIC FEATURES OF THE FUNERAL RITUALS OF THE POPULATION OF THE MIDDLE AND THE LOWER TARA REGIONS IN THE 16 TH -18 TH CENTURIES.	285
A. V. Fribus, S. P. Grushin	
THE SPECIFICS OF THE FORMATION OF THE EARLY MIDDLE AGE COMPLEX OF THE CHUMYSH-PEREKAT BURIAL GROUND IN THE WESTERN SALAIR REGION	288
Ju. S. Khudyakov, A. Yu. Borisenko	
THE KAZAKHS AND THE SIBERIAN TATARS CONTACTS WITH THE PEOPLES OF THE TAIGA ZONE OF WESTERN SIBERIA	290
M. M. Shakhnovich	
MIDDLE AGE SEA PORTAGES AT THE RUSSIAN LAPLAND COAST.....	293
C. Bálint, E. Soós	
STUDY OF A MIGRATION PERIOD SETTLEMENT FROM NORTHERN HUNGARY, IN RELATION TO THE CHERNYAKHOV CULTURE OF EASTERN EUROPE	296
MULTIDISCIPLINARY RESEARCH METHODS IN ARCHAEOLOGY OF NORTHERN EURASIA	
I. V. Abramov	
FISHING LOCKS OF THE LOWER KONDA: INTERDISCIPLINARY APPROACH.....	300
A. L. Aleksandrovsky, E. I. Alexandrovskaya, S. N. Sedov, G. P. Vizgalov, E. G. Ershova, S. F. Tataurov, S. G. Parkhimovich, A. A. Yurtaev	
COMPREHENSIVE STUDY OF CULTURAL LAYERS OF THE NORTH.....	302
D. A. Bychkov, V. P. Kolosov	
POTENTIAL OF THE ATTRIBUTIVE APPROACH TO THE STUDY OF PYROTECHNIC DEVICES AND TRACES OF BURNING.....	306

П. В. Волков ИНСТРУМЕНТАРИЙ ТРЕПАНАЦИИ ЧЕРЕПОВ В ЭПОХУ БРОНЗЫ В СИБИРИ.....	309
П. В. Волков, Л. В. Лбова ПРИЕМЫ ОБРАБОТКИ БИВНЯ МАМОНТА ПРИ ИЗГОТОВЛЕНИИ МЕЛКОЙ ПЛАСТИКИ В КУЛЬТУРАХ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СИБИРИ.....	311
Н. П. Гуляева К МЕТОДИКЕ ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ	313
Д. А. Демаков ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДОЛИНЕ ВЕРХНЕЙ КАМЫ	317
В. Л. Державин, В. В. Шарин, А. А. Гаврилова НОВЫЕ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИЗ РАЙОНА ЗАЛИВА БЕЛЛЬСУНН (АРХИПЕЛАГ ШПИЦБЕРГЕН).....	320
Н. Е. Зарецкая, Е. Л. Лычагина, Д. А. Демаков, П. А. Косинцев, Е. Г. Лаптева, С. С. Трофимова КОСИНСКИЕ СТОЯНКИ В КОНТЕКСТЕ МЕЗОЛИТА ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ: ПРИРОДНАЯ СРЕДА И НОВЫЕ ДАННЫЕ	322
Д. В. Киселева, Е. С. Шагалов, Е. А. Панкрушина, А. Д. Рянская, В. Н. Широков РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПИГМЕНТОВ ИЗОБРАЖЕНИЙ ИГНАТИЕВСКОЙ ПЕЩЕРЫ И ИДРИСОВСКОЙ ПИСАНИЦЫ.....	325
Д. Мариашк, Н. М. Чаиркина, С. К. Рейнхольд 3-D МОДЕЛИРОВАНИЕ ТОРФЯНИКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ. НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ФИКСАЦИИ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРЕЗЕНТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА)	328
П. С. Медведева, И. П. Алаева, М. Н. Анкушев, В. В. Носкевич ГЕОМОРФОЛОГИЯ БОРТОВ КАРЬЕРА ДРЕВНЕГО РУДНИКА НОВОТЕМИРСКИЙ	330
В. С. Мыглан, Г. Т. Омурова, В. В. Баринов, М. О. Сидорова, З. Ю. Жарников ПЛАВНИК ИЛИ ЗАГОТОВЛЕННАЯ ДРЕВЕСИНА? ПРОБЛЕМАТИКА ДАТИРОВКИ НАДЫМСКОГО ГОРОДКА.....	333
П. Ю. Павлов, В. И. Силаев, И. В. Смолева, Д. В. Киселёва РЕКОНСТРУКЦИЯ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ ЗАОЗЕРЬЕ (СРЕДНИЙ УРАЛ) НА ОСНОВЕ МИНЕРАЛОГО-ГЕОХИМИЧЕСКИХ СВОЙСТВ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ <i>EQUUS CF. LATIPES V. GROMOVA</i>	336
А. Н. Паранина, Р. В. Паранин ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ДИОИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ	338
С. Рейнхольд, К.-У. Хойсснер, Н. М. Чаиркина, А. Янус, Д. Мариашк ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВЕСНЫХ ОБРАЗЦОВ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА.....	342

P. V. Volkov	
BRONZE AGE CRANIOTOMY INSTRUMENTS IN SIBERIA	309
P. V. Volkov, L. V. Lbova	
MAMMOTH TUSK PROCESSING TECHNIQUES FOR THE PRODUCTION OF PORTABLE ART OBJECTS IN THE UPPER PALEOLITHIC OF SIBERIA	311
N P. Gulyaeva	
METHODOLOGY OF PALEO-DEMOGRAPHIC RECONSTRUCTIONS	313
D. A. Demakov	
THE SPECIFICS OF THE ARCHAEOLOGICAL SITES LOCATION IN THE UPPER KAMA VALLEY	317
V. L. Derzhavin, V. V. Sharin, A. A. Gavrilo	
NEW GEO-ARCHAEOLOGICAL DATA FROM THE BAY OF BELLSUND REGION (SVALBARD ARCHIPELAGO)	320
N. E. Zaretskaya, E. L. Lychagina, D. A. Demakov, P. A. Kosintsev, E. G. Lapteva, S. S. Trofimova	
KOSA OCCUPATION SITES WITHIN THE UPPER KAMA MESOLITHIC CONTEXT: NATURAL ENVIRONMENT AND NEW DATA	322
D. V. Kiseleva, E. S. Shagalov, E. A. Pankrushina, A. D. Ryanskaya, V. N. Shirokov	
RESULTS OF THE ANALYTIC STUDY OF PIGMENT FROM THE IGNATJEVSKAYA CAVE AND THE IDRISOVSKAYA II ROCK DRAWING	325
D. Mariaschk, N. M. Chairkina, S. Reinhold	
3-D MODELING OF PEAT-BOG SITES. NEW PERSPECTIVES OF PLOTTING, INTERPRETATION AND PRESENTATION (ON THE EXAMPLE OF THE GORBUNOVSKY PEAT-BOG SITES)	328
P. S. Medvedeva, I. P. Alaeva, M. N. Ankushev, V. V. Noskevich	
GEOMORPHOLOGY OF THE PIT WALLS OF NOVOTEMIRSKY ANCIENT MINE	330
V. S. Myglan, G. T. Omurova, V. V. Barinov, M. O. Sidorova, Z. Yu. Zharnikov	
DRIFTWOOD OR HARVESTED TIMBER? THE PROBLEM OF THE NADYM HILLFORT DATING	333
P. Yu. Pavlov, V. I. Silaev, I. V. Smoleva, D. V. Kiseleva	
HABITAT RECONSTRUCTION AT A PALAEO-LITHIC OCCUPATION SITE ZAOZERJE (MIDDLE URAL) BASED ON THE MINERALOGICAL AND THE GEO-CHEMICAL PROPERTIES OF <i>EQUUS CF. LATIPES V. GROMOVA BONE REMAINS</i>	336
A. N. Paranina, R. V. Parani	
GEOGRAPHIC METHODS FOR THE STUDY OF PREHISTORIC CULTURAL HERITAGE OBJECTS OF NORTHERN EURASIA	338
S. Reinhold, K.-U. Heussner, N. M. Chairkina, A. Janus, D. Mariaschk	
FIRST RESULTS OF THE DENDROCHRONOLOGICAL STUDY OF WOOD SAMPLES FROM THE GORBUNOVSKY PEAT BOG	342

Т. М. Сабирова	
ТИПЫ СПЛАВОВ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ ЧЕПЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ	343
Ю. Б. Сериков	
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ СВЕРЛЕНИЕ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ ПОЛОЙ КОСТЬЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ СВЕРЛЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ КАМЕННОГО ВЕКА УРАЛА)	346
В. И. Силаев, Э. А. Савельева, А. Л. Белицкая, Т. Ю. Туркина, И. В. Смолева	
РЕКОНСТРУКЦИЯ УСЛОВИЙ ПРОЖИВАНИЯ И ПАЛЕОДИЕТ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ ПО ДАННЫМ ИЗОТОПНОГО АНАЛИЗА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ	348
В. И. Харганович	
ФОРМИРОВАНИЕ ПОПУЛЯЦИОННОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ФЕННОСКАНДИИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА (НОВЫЕ ДАННЫЕ К АНТРОПОЛОГИИ КОЛЬСКОГО ОЛЕНЕОСТРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА)	351
Ю. Б. Цетлин	
К ВОПРОСУ О МНОГОЛИНЕЙНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ГОНЧАРСТВА	353
Н. Б. Щербakov, И. А. Шутелева, А. А. Гольева, Т. А. Леонова	
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ.....	356
Х. Пиенцонка, В. Н. Адаев, О. Е. Пошехонова, А. А. Рудь	
МИГРАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБРАЗ ЖИЗНИ, МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ И ЭТНИЧЕСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ ОХОТНИКОВ-РЫБОЛОВОВ БОРЕАЛЬНОГО ПЕРИОДА: ЭТНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТАЗОВСКИХ СЕЛЬКУПОВ, СИБИРЬ.....	359
ИСКУССТВО СЕВЕРА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ОБРАЗ, ВЕЩЬ, КОНТЕКСТ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	
А. В. Варенов	
ДЕМОНИЧЕСКИЕ ПСЫ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ МОНГОЛИИ И ИХ КИТАЙСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ	363
В. Д. Викторова	
ОБРЯДЫ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА, ПОСВЯЩЕННЫЕ ВОСХОДУ СОЛНЦА.....	364
С. В. Гусев	
САКРАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ПОСЕЛЕНИЯ УНЕНЕН (ДРЕВНЕКИТОБОЙНАЯ КУЛЬТУРА, XV–XIII ВВ. ДО Н. Э.)	366
Л. Н. Ермоленко	
К ВОПРОСУ О СЮЖЕТЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КОНДИНСКОЙ БЛЯХЕ.....	369
Н. С. Ефремова	
ИНВЕНТАРЬ КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСОВ КЫШТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: СИМВОЛИЗМ ИРРАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ	371

T. M. Sabirova	
TYPES OF NON-FERROUS METAL ALLOYS USED FOR MAKING THE CHEPETSKAYA CULTURE ITEMS	343
Yu. B. Serikov	
EXPERIMENTAL DRILLING OF STONE ITEMS WITH A HOLLOW BONE (ON THE MATERIALS OF THE DRILLED STONE AGE ITEMS OF THE URAL)	346
V. I. Silaev, E. A. Saveleva, A. L. Belitskaya, T. Yu. Turkina, I. V. Smoleva	
RECONSTRUCTION OF THE LIVING CONDITIONS AND THE PALEO-DIET OF THE MIDDLE AGE POPULATION OF THE EUROPEAN NORTH-EAST OF RUSSIA BASED ON ISOTOPE ANALYSIS OF THE ANTHROPOLOGICAL MATERIALS	348
V. I. Hartanovich	
FORMATION OF THE POPULATION COMPOSITION OF THE NORTH OF FENNOSCANDIA IN THE EARLY METAL AGE (NEW DATA ON THE ANTHROPOLOGY OF THE KOLA OLENY OSTROV BURIAL SITE)	351
Yu. B. Tsetlin	
TO THE QUESTION OF MULTILINEAR NATURE OF THE EVOLUTION OF POTTERY	353
N. B. Scherbakov, I. A. Shuteleva, A. A. Goleva, T. A. Leonova	
MULTIDISCIPLINARY APPROACH: SPECIFICS OF ITS APPLICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE LATE BRONZE AGE OF THE SOUTHERN URALS.....	356
H. Piezonka, V. N. Adaev, O. E. Poshekhonova, A. A. Rud'	
MIGRATION AND ITS EFFECTS ON LIFE WAYS, MATERIAL CULTURE AND ETHNIC IDENTITY OF BOREAL HUNTER-FISHERS: ETHNOARCHAEOLOGICAL RESEARCH AMONG THE TAZ SELKUP, SIBERIA.....	359
NORTHERN ART IN ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES: IMAGE, ARTIFACT, CONTEXT, INTERPRETATION	
A. V. Varenov	
DEMONIC DOGS OF THE MONGOLIAN STAG STONES AND THEIR CHINESE ANALOGUES.....	363
V. D. Viktorova	
MESOLITHIC RITUALS CELEBRATING THE RISE OF THE SUN.....	364
S. V. Gusev	
SACRAL ITEMS OF UNENEN SETTLEMENT (OLD WHALING CULTURE, THE 15 TH -13 TH CENTURIES BC).....	366
L. N. Ermolenko	
A MOTIF OF THE KONDA PLAQUE IMAGE	369
N. S. Efremova	
GOODS FROM THE RITUAL COMPLEXES OF THE KYSHTOV CULTURE: THE SYMBOLISM OF THE IRRATIONAL BELIEFS	371

А. Ю. Зеленская	
ВАРИАНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭЛЕМЕНТОВ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ОРНАМЕНТИКИ НА ПРИМЕРЕ КОСТЯНЫХ ОРУДИЙ СО СТОЯНКИ УСТЬ-БЕЛАЯ (КУРГАН 15).....	374
Л. В. Лбова	
КОЛОРИСТИКА В СИБИРСКИХ КУЛЬТУРАХ ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА.....	376
Н. Г. Недомолкина	
АНТРОПОМОРФНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ИЗ КОСТИ С ПОСЕЛЕНИЯ ВЁКСА.....	379
К. А. Руденко	
«БРОДЯЧИЕ» СЮЖЕТЫ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРЕДУРАЛЬЯ И ЗАУРАЛЬЯ: ХРОНОЛОГИЯ И ИСТОКИ	381
Д. Г. Савинов	
О ДВУХ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ВСАДНИКОВ В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	383
Т. Н. Собољникова, Е. В. Куприянова	
АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НЯКСИМВОЛЯ: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ	386
О. С. Советова, О. О. Шишкина	
ПРЕДМЕТЫ С ШАХМАТНЫМ ОРНАМЕНТОМ ИЗ ТАШТЫКСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, С НИМИ СВЯЗАННЫЕ	389
А. Ю. Федорченко, Н. А. Кулик, Н. Е. Белоусова	
КАМЕННЫЕ УКРАШЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ УШКОВСКИХ СТОЯНОК: ТЕХНОЛОГИИ, ФУНКЦИИ, КОНТЕКСТ	391
Н. И. Шутова	
КОНЬ В УДМУРТСКИХ ОБРЯДАХ И ВЕРОВАНИЯХ	394
МУЗЕЙ, КУЛЬТУРА, ЭТНИЧНОСТЬ	
А. Б. Агаркова, Е. А. Юдина	
ОПЫТ ПОВТОРНОГО АНАЛИЗА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ИЗ МУЗЕЙНЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ 1970–1990-Х ГГ.: НАУЧНАЯ РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИИ.....	398
С. В. Березницкий	
ПОЛЕВЫЕ ДНЕВНИКИ Б. А. КУФТИНА КАК УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПО КУЛЬТУРЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ В.	400
И. Е. Воробей, Л. Н. Хаховская	
КОРЯКСКИЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ОГНЕВЫЕ ПРИБОРЫ: К НОВОМУ ВЗГЛЯДУ НА ГЕНЕЗИС, ФУНКЦИЮ И СЕМАНТИКУ.....	403
Н. С. Гончаров	
СЕВЕРНАЯ ЯКУТИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	405

A. Yu. Zelenskaya	
POSSIBLE INTERPRETATION OF THE NEOLITHIC ORNAMENTATION ELEMENTS – BONE TOOLS FROM UST-BELAYA BURIAL SITE (MOUND 15) CASE STUDY	374
L. V. Lbova	
THE COLORS IN THE SIBERIAN CULTURES OF THE ICE AGE	376
N. G. Nedomolkina	
ANTHROPOMORPHIC BONE IMAGE FROM VEKSA SETTLEMENT	379
K. A. Rudenko	
“WANDERING” MIDDLE AGE MOTIFS IN THE CULTURAL ENVIRONMENT OF THE CIS-URALS AND TRANS-URALS: CHRONOLOGY AND ORIGINS.....	381
D. G. Savinov	
TWO ICONOGRAPHIC TRADITIONS OF EQUESTRIANS’ IMAGES IN ANCIENT ART OF WESTERN SIBERIA	383
T. N. Sobolnikova, E. V. Kupriyanova	
ANTHROPOMORPHIC IMAGES FROM NYAKSIMVOL: NEW SOURCES AND THE ARCHAEOLOGICAL CONTEXT.....	386
O. S. Sovetova, O. O. Shishkina	
ITEMS WITH CHECKERED ORNAMENT FROM THE TASHTYK BURIALS AND SOME ISSUES RELATED TO THEM.....	389
A. Yu. Fedorchenko, N. A. Kulik, N. E. Belousova	
STONE DECORATIONS OF THE PALEOLITHIC COMPLEXES OF THE USHKI OCCUPATION SITES: TECHNOLOGIES, FUNCTIONS, CONTEXT	391
N. I. Shutova	
HORSE IN THE UDMURT RITUALS AND BELIEFS.....	394
MUSEUM, CULTURE, ETHNICITY	
A. B. Agarkova, E. A. Yudina	
RE-EVALUATION OF THE 1970S AND THE 1990S ARCHAEOLOGICAL MUSEUM ENTRIES: ACADEMIC DATA UPDATE AND NEW EXHIBITION POTENTIAL.....	398
S. V. Bereznitsky	
B. A. KUFTIN’S FIELD NOTES AS A UNIQUE SOURCE ON THE CULTURE OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE AMUR-SAKHALIN REGION OF THE FIRST THIRD OF THE 20 TH CENTURY ...	400
I. E. Vorobei, L. N. Hahovskaya	
THE KORYAK ANTHROPOMORPHIC WOODEN FIRING DEVICES: A FRESH APPROACH TO THE GENESIS, FUNCTIONS AND SEMANTICS	403
N. S. Goncharov	
NORTHERN YAKUTIA IN THE CULTURAL CONTACTS CONTEXT	405

Д. Ю. Гук	
МОЛОДЫЕ МОЛОДЫМ: МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ СОЗДАНИЯ ВЕБ-РЕСУРСА ПО ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА.....	407
Е. Н. Данилова	
РОЛЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ПРОВОКАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО РЕНЕССАНСА: НА ПРИМЕРЕ РАБОТ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ.....	410
М. В. Житкова	
СТРУКТУРА, СОСТАВ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФАКТОРИЙ СУРГУТСКОГО РАЙОНА ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИПОЛЯРНОЙ ПЕРЕПИСИ 1926–1927 ГГ.	413
Р. А. Ибраева	
МУЗЕЙ-СТОЙБИЩЕ РОДА КАЗАМКИНЫХ	415
А. С. Иванов	
РЕПРЕССИИ И ЭТНИЧНОСТЬ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ (1930–1950 ГГ.).....	417
Т. А. Исаева	
О СПЕЦИФИКЕ МУЗЕЙНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ СУРГУТСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ).....	419
В. А. Кисель	
«МАСКА ШАМАНА» ИЗ КУНСТКАМЕРЫ: ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ СВЯТЫНИ	421
Е. П. Мартынова	
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЯМАЛА	424
Е. А. Пивнева	
МУЗЕЙНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБСКО-УГОРСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ТОРУМ МАА)	427
С. Г. Росляков, Ю. К. Шуклина	
ОТ ЛОПАТЫ ДО АЙПАДА: МУЗЕЙНЫЙ ПРОЕКТ «ДЕТИ НЕБА».....	429
А. А. Рудь	
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КУЛЬТОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ <i>ЛУНК</i> И <i>ИТТАРМА</i> В ТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВОСТОЧНЫХ И СЕВЕРНЫХ ХАНТОВ	432
И. Н. Стась	
ДИНАМИКА ЭТНИЧНОСТИ МАЛЫХ НАРОДОВ В ПРОЦЕССЕ УРБАНИЗАЦИИ ЮГРЫ (1960-Е – 1980-Е ГГ.).....	434
О. Б. Степанова	
ТО, ЧТО НЕ ВЫСТАВЯТ В МУЗЕЕ: ТУАЛЕТЫ, БАНИ И КОЛОДЦЫ В ЛАНДШАФТЕ СОВРЕМЕННОГО СТОЙБИЩА СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ	437
Е. Г. Федорова	
ОБРАЗЫ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ОБСКИЕ УГРЫ В ПЕРИОД С КОНЦА XIX ПО НАЧАЛО XXI В.	439

D. Yu. Hookk	
BY THE YOUNG TO THE YOUNG: INTERNATIONAL COOPERATION IN CREATING A WEB RESOURCE ON THE HISTORY OF THE STATE HERMITAGE ARCHAEOLOGICAL COLLECTION	407
E. N. Danilova	
THE ROLE OF A RESEARCHER IN THE ETHNIC RENAISSANCE PROVOCATION: THE KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – UGRA CASE STUDY	410
M. V. Zhitkova	
STRUCTURE, COMPOSITION, AND OPERATION OF THE TRADING STATIONS OF THE SURGUT DISTRICT ACCORDING TO THE CIRCUMPOLAR CENSUS MATERIALS OF 1926–1927	413
R. A. Ibrayeva	
KAZAMKINS FAMILY HERDERS CAMP-MUSEUM.....	415
A. S. Ivanov	
REPRESSIONS AND THE “SPECIAL SETTLERS” ETHNICITY (1930–1950).....	417
T. A. Isaeva	
ON THE SPECIFICS OF THE MUSEUM AND THE ETHNOGRAPHIC STUDY OF A TERRITORY (BASED ON THE EXPERIENCE OF THE SURGUT REGIONAL HISTORY MUSEUM)	419
V. A. Kisel	
A “SHAMAN’S MASK” FROM THE KUNSTKAMERA’S COLLECTIONS: REINCARNATION OF A SACRED RELIC.....	421
E. P. Martynova	
INSTITUTIONALIZATION OF ETHNICITY OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF YAMAL	424
E. A. Pivneva	
MUSEUM REPRESENTATIONS OF THE OB-UGRIC ETHNIC CULTURE (TORUM MAA CASE STUDY)	427
S. G. Roslyakov, J. K. Shuklina	
FROM A SPADE TO AN IPAD: MUSEUM PROJECT “CHILDREN OF HEAVEN”	429
A. A. Rud	
THE FUNCTIONAL DIFFERENCES BETWEEN THE RELIGIOUS IMAGES <i>LUNK</i> AND <i>ITTARMA</i> IN THE TRADITIONAL RELIGIOUS BELIEFS OF THE EASTERN AND NORTHERN KHANTY	432
I. N. Stas	
DYNAMICS OF THE INDIGENOUS MINORITIES ETHNICITY IN THE PROCESS OF URBANIZATION OF UGRA (1960–1980S).....	434
O. B. Stepanova	
SOMETHING YOU WILL NOT SEE IN A MUSEUM DISPLAY: TOILETS, BATHHOUSES AND WELLS IN THE MODERN HERDERS’ CAMP OF THE NORTHERN SELKUPS LANDSCAPE	437
E. G. Fedorova	
IMAGES OF ETHNIC CULTURE: THE OB UGRIANS IN THE PERIOD FROM THE END OF THE 19 TH TO THE BEGINNING OF THE 21 ST CENTURY	439

СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

А. М. Белавин

ОХРАННЫЕ РАБОТЫ ПЕРМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ЦЕНТРА УРО РАН И ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПЕРМСКОМ КРАЕ444

А. А. Дудко

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ОБЪЕКТОВ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ (РАБОТЫ В ПУРОВСКОМ РАЙОНЕ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА В 2017 Г.)446

К. Г. Карачаров

ЦВЕТ АРХЕОЛОГИИ ЧЕРНЫЙ.....449

Л. С. Марсадоллов, А. Н. Паранина

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ452

А. В. Постнов, Н. В. Басова

МОГИЛЬНИК НА СТОЯНКЕ ГАЛКИНА-1455

PRESERVATION OF THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE

A. M. Belavin RESCUE PROJECTS OF THE PERM FEDERAL RESEARCH CENTER OF THE URAL BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES AND THE PERM STATE HUMANITARIAN TEACHER TRAINING UNIVERSITY	444
A. A. Dudko PROBLEMS OF DELINEATION OF THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES' BOUNDARIES (2017 PROJECT IN THE PUROVSKY DISTRICT OF THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG).....	446
K. G. Karacharov THE COLOR OF ARCHAEOLOGY – BLACK.....	449
L. S. Marsadolov, A. N. Paranina PROBLEMS OF THE CULTURAL HERITAGE OBJECTS PROTECTION	452
A. V. Postnov, N. V. Basova INTERMENTS AT THE OCCUPATION SITE GALKINA-1	455

Научное издание

**V Северный археологический конгресс.
Тезисы докладов**

Ответственный редактор

д.и.н. Н. М. Чаиркина

Корректоры

А. С. Кузьмина

С. В. Лёзова

Переводчик

Т. В. Говорухина

Редактор английского текста

д.и.н. М. Г. Жилин

Компьютерная верстка

Н. А. Бабенкова

Подписано в печать 19.11.2019 г.

Формат 84x108/16

Бумага ВХИ 80 г/м²

Гарнитура Book Antiqua

Усл. печ. л. 51,2

Тираж 200 экз.

Заказ № _____

Оригинал-макет подготовлен в научно-редакционном отделе

Института истории и археологии УрО РАН

620099, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

Тел. 8 (343) 374-53-40, e-mail: ui_vestnik@mail.ru

Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа-Принт»

620049, Свердловская область, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж

Тел. 8 (800) 300-16-00

www.alfaprint24.ru